Летопись

жизни и творчества

О. Э. Мандельштама

Летопись

жизни и творчества

О. Э. Мандельштама

Издание второе, исправленное и дополненное

DEPARTMENT OF SLAVIC LANGUAGES
AND LITERATURES
UNIVERSITY OF TORONTO

2016

УДК 821.161.1-1Мандельштам О.
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Л52

На фронтисписе:
О. Мандельштам. Портрет работы Л. Бруни, 1916

Составил А. Г. Мец
при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа,
Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой, П. Мицнера

Toronto Slavic Library
Volume 7
Editor Zahar Davydov

Department of Slavic Languages and Literatures,
University of Toronto,
2016

Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец
Л52 при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева,
Е. И. Лубянниковой, П. Мицнера. — 2-е изд., испр. и доп. — Toronto:
TSQ, 2016. — 509 с. : ил.

ISBN 978-1-365-42279-9

Летопись жизни творчества представляет документально установленные и хронологически систематизированные события жизни и творчества поэта. Сюда относятся письма, документы, рукописи стихов и прозы, воспоминания и дневники современников, другие архивные материалы. По сравнению с первым изданием (2014), объем Летописи значительно расширен, внесены необходимые поправки.

УДК 821.161.1-1Мандельштам О.
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© А. Г. Мец, С. В. Василенко, Л. М. Видгоф,
Д. И. Зубарев, Е. И. Лубянникова,
П. Мицнер, составление, 2016

ISBN 978-1-365-42279-9

Памяти ушедших

Станислава Стефановича
Лесневского

*

Ларисы Георгиевны
Степановой

*

Нины Герасимовны
Захаренко

*

Лидии Яковлевны
Гинзбург

*

От составителей

Основу настоящей «Летописи» составляют документально установленные события жизни и творчества О. Э. Мандельштама, даты его произведений, писем, служебных и личных документов. Широко используются воспоминания, письма, дневники современников, архивные материалы.

В построении «Летописи» мы ориентировались на издание «Литературная жизнь России» (2006), преимущественно на форму подачи источников. Поскольку главной целью любой «Летописи» является построение хронологически последовательного ряда, мы отказались от использования выпадающей из этого ряда рубрики «В течение года»; события вводились в «Летопись» в случаях, когда временну́ю привязку удавалось осуществить с точностью приблизительно до трех месяцев. Таким образом, небольшая часть стихотворений и прозы (в основном — раннего периода) в настоящей «Летописи» не отражена или отражена только по публикациям. Воспоминания используются, как правило, в привязке к датированным источникам.

Наряду с событиями, участие Мандельштама в которых достоверно установлено, в «Летописи» отражены события литературной и культурной жизни, в которых он мог принимать участие предположительно. Такой подход оправдан особенно для периода 1909–1914 годов — времени, когда присутствие Мандельштама на вечерах и собраниях не всегда отмечалось в отчетах периодической печати. Существует больша́я вероятность того, что Мандельштам в указанные годы должен был появляться там, где засвидетельствовано присутствие его товарищей по Цеху поэтов — Гумилева, Ахматовой, Городецкого, Зенкевича, Нарбута, Г. Иванова, а также, в разные периоды, и других лиц. Данное обстоятельство учитывалось при решении отразить те или иные события в «Летописи». Исходя из этого, в «Летописи» указаны даты большинства собраний Цеха поэтов, заседаний Общества ревнителей художественного слова и собраний Общества поэтов (кроме периодов, когда Мандельштам в Петербурге отсутствовал).

Нами принято решение не стремиться к отражению в «Летописи» всех без исключения источников, упоминающих О. Э. Мандельштама прямо или косвенно. Прежде всего это относится к тяжбам вокруг перевода книги «Тиль Уленшпигель», мемуарным очеркам

Г. В. Иванова конца 1920-х — начала 1930-х годов, по содержанию дублирующих или варьирующих ранее им напечатанное. Не отражена часть сведений (признанных малозначительными) из писем С. Б. Рудакова к жене. Выборочно отражены отклики и рецензии на книги Мандельштама, на его публикации в периодической печати и переводы, а также архивные материалы. В связи с этим обстоятельством читателям, решающим исследовательские задачи, следует обращаться также к библиографиям поэта и специальным исследованиям.

В текстах цитат купюры означаются традиционно — отточиями в угловых скобках. В таких же скобках сохраняются раскрытия сокращений, введенные в источнике цитируемых текстов. Введенные нами вставки комментарийного характера (инициалы, фамилии, краткие пояснения) заключены в квадратные скобки.

Время выхода из печати книг и сборников в большинстве случаев определялось нами по «Книжной летописи» за вычетом времени, необходимого для доставки обязательного экземпляра из типографии в Книжную палату для регистрации*. Ссылки на «Книжную летопись» даются в сокращенном (Книл) и условном виде: до 1929 года указывается номер выпуска и сведения из Книл о периоде поступления книг, например: Книл № 1, 1–15 янв. Начиная с 1929 года после номера тома указывается дата номера или только месяц выхода номера Книл из печати (с этого года точные сведения о периоде поступления книг издание перестало давать). В приблизительных датах следует учитывать их форму. Например, в записи «Марта не позднее 15» (или: «Марта до 15») ограничена только верхняя граница события — 15 марта; в записи «Март, не позднее 15» (или: «Март, до 15») подразумевается период с 1 по 15 марта.

Ряд архивных материалов был просмотрен нами в частных архивах до поступления на государственное хранение: семейный архив Выгодских, архив В. А. Мануйлова, архив Л. Я. Гинзбург и некоторые другие. Большинство из них к настоящему времени поступили в архивохранилища, однако установить нынешнее местоположение в фонде каждого использованного источника (то есть его архивный шифр) нам не представилось возможности. По сходным причинам некоторые ссылки на архивные фонды даются в сокращенном виде

* Время рассчитывалось приблизительно с учетом местонахождения регистрирующего органа (Петербург–Петроград–Ленинград или Москва, см. *Книл* в Списке сокращений) по отношению к городу издания. При расположении типографии и регистрирующего органа в одном городе минимально необходимое время доставки считалось в два дня, в разных — четыре дня. Однако, как показывает опыт, время выхода изданий в свет (из типографии), сильно варьируя, отстоит от времени регистрации значительно дальше. Для 1910-х годов реальное время выхода издания в свет, по уточненным данным, отстоит от времени учета в Книл до 4–6 месяцев («Вечер» Ахматовой, «Камень» Мандельштама), для 1920-х — на три–четыре месяца.

(только номер фонда). Дневники и письма Б. М. Эйхенбаума изучены нами по копиям из личного архива О. Б. Эйхенбаум.

Имя О. Э. Мандельштама дается в сокращенном виде — О. М.

В «Летописи...» авторы подготовили следующие позиции: С. В. Василенко — связанные с Б. В. Горнунгом, Д. С. Усовым, Р. Ивневым и с фондами ИМЛИ (частично); Л. М. Видгоф — связанные с В. Н. Яхонтовым, Е. Е. Поповой (и с их фондом в РГАЛИ), М. В. Таловым; Д. И. Зубарев — связанные с архивными материалами РГБ, ЦГАМО, ИМЛИ (частично); Е. И. Лубянникова — связанные с М. И. Цветаевой, Петр Мицнер — переводы стихотворений Мандельштама на польский язык. Остальные позиции подготовил А. Г. Мец, и он же выполнил задачи общего редактирования. Нами учтены замечания, высказанные рецензентами (Русская литература. 2015. № 2. С. 268–273; Вопросы литературы. Спец. выпуск. 2015. № 1. С. 22–25). Дополнительные материалы, включенные во второе издание «Летописи» публиковались отдельными выпусками в журнале «Toronto Slavic Quarterly» (2014. № 50; 2015. № 51, 54; 2016. № 56). Общий объем дополнений составил ок. 2, 5 печ. листов.

За содействие в подготовке «Летописи» сердечно благодарим Д. Б. Азиатцева, А. Ю. Арьева, Н. Т. Ашимбаеву, В. Г. Беспрозванного, С. И. Богатыреву, Н. А. Громову, А. Ю. Дзевановскую, В. Н. Драницина, А. А. Долинина, Ричарда Дэвиса, Н. Л. Елисеева, А. А. Кирзюк, Н. В. Корниенко, М. А. Котову, Т. В. Котову, Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. А. Левинтона, Ф. Лоэст, Т. Ф. Нешумову, М. М. Павлову, Ю. А. Первову, П. Е. Поберезкину, Б. А. Равдина, Н. А. Рогинскую, Т. А. Рогозовскую, А. Л. Соболева, С. И. Субботина, Г. Г. Суперфина, Р. Д. Тименчика, А. Б. Устинова, О. Н. Цветкову; сотрудников Отдела рукописей ИМЛИ РАН Д. С. Московскую и А. А. Кутейникову. За предоставленные архивные материалы и консультации — особая благодарность Н. А. Богомолову, П. В. Дмитриеву, О. А. Коростелеву, Р. П. Хрулевой.

Список сокращений

Acumiana 1 — Лукницкий П. Н. Встречи с Анной Ахматовой. Paris: YMCA-press, 1991. Т. 1.

Acumiana 2 — Лукницкий П. Н. Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М.: YMCA-press; «Русский путь», 1997. Т. 2.

TSQ — Toronto Slavic Quarterly (журнал).

Архив Мандельштама — архив О. Э. Мандельштама = Princeton University Library. Dept. of Rare Books and Special Collections. CO 539 (Osip Mandel'shtam Papers).

Библиография переводов — Григорьев А., Петрова И. О. Мандельштам. Материалы к биографии // Russian Literature. 1984. Vol. XV.

Биоканва — Биографическая канва // Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2 / Ред.-сост. С. Василенко; подгот. текста С. Василенко; коммент. С. Василенко, П. Нерлера, Ю. Фрейдина. Екатеринбург: «ГОНЗО», 2014. С. 953–962.

Блок ЗК — Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М.: «Худож. лит.», 1965.

В Воронеже — Осип Мандельштам в Воронеже: Воспоминания. Фотоальбом. Стихи / Сост. П. Нерлер. М., 2008.

В записях Лукницкого — Осип Мандельштам в дневниковых записях и материалах архива П. Н. Лукницкого // Звезда. 1991. № 2.

В Киммерии — Купченко В. П. Осип Мандельштам в Киммерии // Вопросы литературы. 1987. № 7.

В Наркомпросе — Нерлер П. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // Вопросы литературы. 1989. № 9.

В переписке семьи — Осип Мандельштам в переписке семьи (Из архивов А. Э. и Е. Э. Мандельштамов) / Подгот. Е. П. Зенкевич, А. А. Мандельштама, П. М. Нерлера // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М.: «Наука», 1991.

В рассказах современников — Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Подгот. О. С. и М. В. Фигурновых. М.: «Наталис», 2002.

Видгоф 2012 — Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М.: «Астрель», 2012.

Видгоф 2015 — Вокруг поэта: Эмилий Миндлин, Николаус Бассехес, Георг Себастьян // *TSQ*. 2015. № 54.

Видгоф 2016 — Видгоф Л. М. Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // Кормановские чтения. Вып. 15. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2016.

Волошин 1990 — Волошин М. А. Путник по вселенным / Подгот. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. М.: «Советская Россия», 1990.

Волошин 2008 — Волошин М. А. Собр. соч. / Ред. В. П. Купченко, А. В. Лаврова при участии Р. П. Хрулевой. Т. 7, кн. 2 / Коммент. В. П. Купченко, Р. П. Хрулевой при участии К. М. Азадовского, А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика. М.: «Эллис Лак», 2008.

Волошин 2011 — Волошин М. А. Собр. соч. / Ред. В. П. Купченко, А. В. Лаврова при участии Р. П. Хрулевой. Т. 10. Письма 1913–1917 / Подгот. и коммент. К. М. Азадовского, В. П. Купченко, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой. М.: «Эллис Лак», 2011.

Волошин 2013 — Волошин М. А. Собр. соч. / Ред. В. П. Купченко, А. В. Лаврова при участии Р. П. Хрулевой. Т. 12 / Подгот. текста и коммент. Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой. М.: «Эллис Лак», 2013.

Воспоминания — Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: «Книга», 1989.

Воспоминания Елены Тагер — Тагер Е. М. Воспоминания // Лит. учеба. 1991. № 1.

Воспоминания Карповича — Карпович М. М. Мое знакомство с Мандельштамом // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. № 49.

Воспоминания Льва Горнунга — Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об Осипе Мандельштаме: По дневниковым записям // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.

Встречи — Пяст В. Встречи / Подгот. Р. Д. Тименчика. М.: «Новое лит. обозрение», 1997.

Вторая книга — Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М.: «Московский рабочий», 1990.

Галушкин 2008 — Галушкин А. Ю. Из разысканий об О. Э. Мандельштаме // «Сохрани мою речь». Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 2008. Вып. 4, ч. 1.

Гамбургский счет — Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / Сост. А. Ю. Галушкина, А. П. Чудакова; предисл. А. П. Чудакова; подгот. текста, коммент. А. Ю. Галушкина. М.: «Советский писатель», 1990.

ГАОПИВО — Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Гаспаров 1994 — Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое лит. обозрение. 1994. № 10.

Георгий Иванов НБП — Иванов Г. В. Стихотворения / Подгот. А. Ю. Арьева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Изд-во ДНК; «Прогресс-Плеяда», 2010.

Герштейн мемуары — Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб.: «Инапресс», 1998.

ГИЗ — Государственное издательство.

ГИИИ — Государственный институт истории искусств.

Гинзбург ЗК — Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: «Искусство–СПБ», 2002.

ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы.

ГЛМ — Государственный литературный музей. Отдел рукописей.

Глухова-Щуринского воспоминания — Глухов-Щуринский А. И. О. Э. Мандельштам и молодежь // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.

Горнунг Б. Заметки — Горнунг Б. В. Заметки к биографии О. Э. Мандельштама // «Сохрани мою речь». Записки Мандель штамовского общества. М.: РГГУ, 2000. Т. 3, ч. 2. (Публ. М. Б. Горнунга).

ГРМ — Государственный Русский музей. Сектор рукописей.

Гумилев 1994 — Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография. СПб.: «Наука», 1994.

Двинятина, Мец — Двинятина Т. М., Мец А. Г. Материалы О. Э. Мандельштама в собраниях Пушкинского Дома // Ежегодник РО ИРЛИ на 2007–2008 годы. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010.

Дневник Блока — Блок А. А. Собр. соч. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7.

Дневник Гладкова — Из дневника А. К. Гладкова (1932–1936 и 1960–1966 гг.) / Публ., коммент. С. Василенко, М. Михеева и П. Нерлера // http://www.colta.ru/articles/literature/7749#link48

Дневник Кузмина — Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Подгот. Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005.

Дневник Рюрика Ивнева — Ивнев Рюрик. Дневник. 1906–1980 / Сост. Н. П. Леонтьева; подгот. текста А. П. Дмитриева, Н. П. Леонтьева, А. В. Леонтьева; коммент. А. П. Дмитриева; общ. ред. А. П. Дмитриева. М.: «Эллис Лак», 2012.

Евгения Мандельштама воспоминания — Мандельштам Е. Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10.

Енишерлов 2016 — Енишерлов В. П. «Акмеистов было шесть» // Наше наследие. 2016. № 117.

Жизнь Гумилева — Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990.

Заметки об акмеизме — Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8.

Зубарев, Нерлер 2000 — Зубарев Д. И., Нерлер П. М. «Некий еврей Мандельштам...» // «Сохрани мою речь». Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 2000. Т. 3, ч. 2.

Из архива Чуковского — Из архива К. И. Чуковского / Подгот. А. А. Морозова // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М.: «Наука», 1991.

ИМЛИ — Институт мировой литературы. Отдел рукописей.

ИНИОН РАН — Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Инскрипты — Инскрипты и маргиналии О. Э. Мандельштама / Подгот. С. Василенко, П. Нерлера // «Сохрани мою речь». Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 2011. Вып. 5, ч. 1.

ИРЛИ — Институт русской литературы РАН. Рукописный отдел.

Каблукова дневник — О. Э. Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова // Мандельштам О. Камень. Л.: «Наука», 1990.

Катанян 1985 — Катанян В. А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности / Ред. А. Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: «Советский писатель», 1985.

Книл — Книжная летопись. Издавалась Главным управлением по делам печати (Петербург–Петроград, 1907–1917), Российской книжной палатой (Петроград, 1917–1920), Гос. издательством (Москва, 1920–1925), Гос. центральной книжной палатой (Москва, с 1925).

Княжнин 1925 — Княжнин В. Н. Письма Александра Блока. Л.: «Колос», 1925. С. 212–213 (повестки Общества поэтов).

Координаты лирического пространства — Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства // Лит. обозрение. 1990. № 2, 3.

Котова, Лекманов — Котова М., Лекманов О. Владимир Нарбут: 16 писем к Михаилу Зенкевичу // «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М.: РГГУ, 2008. Вып. 4, ч. 1.

Котрелев 2013 — Котрелев Н. В. Документы О. Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: возврат к теме (в печати).

Кузин 1999 — Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину / Подгот. Н. И. Крайневой, Е. А. Пережогиной. СПб.: «Инапресс», 1999.

Кукушкина 2010 — Кукушкина Т. А. Александр Введенский и Даниил Хармс в Ленинградском Союзе поэтов и Ленинградском Союзе писателей (По материалам архива Пушкинского Дома) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010.

Купченко 1994 — Купченко В. П. Литературная Феодосия в 1920 году: По материалам газеты «Крымская мысль» // De visu. 1994. № 3/4.

Лавров, Тименчик 1978 — И. Ф. Анненский. Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: «Наука», 1978.

Лангерак 2006 — Лангерак Т. «Подхалимские стихи»: О творческой истории стихотворения Мандельштама «Не мучнистой бабочкою белой...» // Филологические записки. Воронеж, 2006. Вып. 25.

Ласунский 1990 — Ласунский О. Г. Мандельштам и книга // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.

Ленотгиз — Ленинградское отделение Государственного издательства.

Летопись 2014 — Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества [О. Э. Мандельштама] / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева. М.: «Прогресс-Плеяда», 2014.

Летопись Есенина (с указанием номера тома и номера книги) — Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. Т. 1. 1895–1916. М.: ИМЛИ РАН, 2003; Т. 2. 1917–1920. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 3, кн. 2: 10 мая 1922 — 2 августа 1923. М.: ИМЛИ РАН, 2008; Т. 4: 3 августа 1923–1924. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

ЛЖР — Литературная жизнь России / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920; ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

Листки из дневника — Ахматова А. А. Листки из дневника / Подгот. В. Виленкина // Вопросы литературы. 1989. № 2.

Лукницкий 2010 — Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: «Наука», 2010.

Лукницкий — Горнунг. Переписка — Н. С. Гумилев в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга / Публ. И. Г. Кравцовой при участии А. Г. Терехова // Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография. СПб.: «Наука», 1994.

Лукницкого дневник 1928 — Лукницкий П. Н. Дневник 1928 года. Acumiana, 1928–1929 / Публ. и коммент. Т. М. Двинятиной // Лица: Биогр. альманах. СПб.: «Феникс»; «Дмитрий Буланин», 2002. Вып. 9.

Люди, годы, жизнь — Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 8 т. М.: «Худож. лит.», 2000. Т. 7.

Мандельштам в Александрове — Лубянникова Е. И. Осип Мандельштам в Александрове // Марина Цветаева: Личные и творческие встречи, переводы ее сочинений. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2001.

Мандельштам в Грузии — Парнис А. Заметки о пребывании Мандельштама в Грузии // L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982.

Мец 2011 — Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время [Электронный ресурс]. СПб., 2011. 2-е изд., испр. и доп. URL: http://www.ruthenia.ru/reprint/Mets_Mandelshtam.pdf.

На берегах Невы — Одоевцева И. В. Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: «Согласие», 1998.

Над. Мандельштам СС (с указанием тома) — Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2 т. / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин; подгот. текста С. Василенко; коммент. С. Василенко, П. Нерлера, Ю. Фрейдина. Екатеринбург: «ГОНЗО», 2014.

Надежды Павлович воспоминания — Павлович Н. А. Воспоминания об Ал. Блоке / Вступит. заметка З. Г. Минц; коммент. З. Минц, И. Чернова // Блоковский сборник. Труды научной конференции, посв. изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962. Тарту, 1964.

Необыкновенные собеседники — Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М.: «Советский писатель», 1979.

Нерлер 1991 — Он ничему не научился... (О. Э. Мандельштам в Воронеже: новые материалы) // Лит. обозрение. 1991. № 1.

Нерлер 2010 — Нерлер П. М. при участии Д. И. Зубарева и Н. Л. Поболя. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: «Петровский парк», 2010.

Нерлер Уленшп. (с указанием номера журнала) — Нерлер П. М. Битва под Уленшпигелем // Звезда. 2014. № 2. С. 126–163; № 3. С. 130–171.

Оношкович-Яцыны дневник — Оношкович-Яцына А. И. Дневник 1919–1927 // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб.: «Феникс»; «Atheneum», 1993.

Парнис 1991 — Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М.: «Наука», 1991.

Пастернак ПСС (с указанием тома) — Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. с прил.: В 11 т. М.: «Слово», 2003–2005.

Переписка А. Белого и Г. Санникова — Андрей Белый. Григорий Санников. Переписка 1928–1933 / Подгот. Д. Г. Санникова. М.: «Прогресс-Плеяда», 2009.

Пенсионное дело — Аронов Л. Г., Нерлер П. М. Персональный пенсионер всесоюзного значения // Наше наследие. 2016. № 117.

Письма Бенедикта Лившица — «Слово в движении и движение в слове»: Письма Бенедикта Лившица / Подгот. П. М. Нерлера, А. Е. Парниса // Минувшее: Исторический альм. Вып. 8. Paris: «Atheneum», 1989.

Письма Мочульского к Жирмунскому — Письма К. В. Мочульского В. М. Жирмунскому / Подгот. А. В. Лаврова // Новое лит. обозрение. 1995. № 35.

Письма Рудакова — О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подгот. Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца; коммент. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб.: «Академический проект», 1997.

Поберезкина 2015(1) — Поберезкина П. Е. Литературные рекомендации Бюро украинской печати (1919 г.) // Поберезкина П. Е. Вокруг Ахматовой. М.: «Азбуковник», 2015.

Поберезкина 2015(2) — Поберезкина П. Е. Мандельштам и Киевская печать: (Предварительные заметки) // Корни, побеги, плоды. Мандельштамовские дни в Варшаве. М., 2015.

Полутораглазый стрелец — Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л.: «Советский писатель», 1989.

Попов, Фрезинский — Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). СПб.: «Лина»; «Любавич», 1993. Т. 1 (1891–1923).

После Воронежа — Швейцер В. Мандельштам после Воронежа // Синтаксис. Париж, 1989. № 25.

Поход времени — Горнунг Б. В. Поход времени / Коммент. М. З. Воробьевой. Кн. 2: Статьи и эссе. М.: РГГУ, 2001.

Предшеств. и совр. — О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники. М.: РГГУ, 2007.

Программы «Бродячей собаки» — Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1983. Л.: «Наука», 1985.

Программы «Привала комедиантов» — Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1988. М.: «Наука», 1989.

ПССиП (с указанием тома) — Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М.: «Прогресс-Плеяда», 2009–2011. Т. 1: Стихотворения. Избранные переводы. М., 2009; Т. 2: Проза. М., 2010. Т. 3: Проза. Письма. М., 2011.

Пунин 2000 — Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма / Подгот. Л. А. Зыковой. М.: «Артист. Режиссер. Театр», 2000.

Путеводитель по фонду Госиздата — Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата. М., 2009. — (Сер.: Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РГБ — Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

Сальман 2010 — Сальман М. Г. Осип Мандельштам: Годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам ЦГИА СПб) // Russian Literature. 2010. Vol. LXVIII–III / IV.

Сеславинский 2016 — Сеславинский М. В. Мой друг Осип Мандельштам. М.: «Бослен», 2016.

Слово и судьба — Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: «Наука», 1991.

СМР (с указанием номера выпуска и части, через дробь) — «Сохрани мою речь». Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 1991–2011. Вып. [1]–5.

Собрание Лесмана — Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана / Вступ. статья Н. Г. Князевой. М.: Всесоюзное добровольное о-во любителей книги, 1989.

Спивак 2008 — Спивак М. О. Э. Мандельштам и П. Н. Зайцев // «Сохрани мою речь». Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 2008. Вып. 4, ч. 2.

Степанов 1991 — Степанов Е. Николай Гумилев. Хроника // Николай Гумилев. Собр. соч.: В 3 т. М.: «Худож. лит.», 1991. Т. 3.

Степанов 2007 — Степанов Е. Последние неакадемические комментарии — 4 // *TSQ*. 2007. № 22.

Талова воспоминания — Талов М. В. Воспоминания. Стихи. Переводы / Предисл. Ренэ Герра; сост. и коммент. М. А. Таловой, Т. М. Таловой, А. Д. Чулковой. 2-е изд. М.: «МИК»; Париж: «Альбатрос», 2006.

Талова материалы — Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / Публ. М. Таловой при участии А. Чулковой; предисл. и коммент. Л. Видгофа // Вопросы литературы. 2007. № 6.

Тименчик 1990 — Тименчик Р. Д. Из комментариев к мандельштамовским текстам // Пятые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: «Зинатне», 1990.

Тименчик 1998 — Тименчик Р. Д. О трудах и днях Ахматовой // Новое лит. обозрение. 1998. № 29.

Тименчик 2011 — Тименчик Р. Д. Карточки // Donum homini universalis: Сб. статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011.

Тименчик, Лавров 1976 — Тименчик Р. Д., Лавров А. В. Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: «Наука», 1976.

Тоддес 1986 — Тоддес Е. А. Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сб.: Вторые тыняновские чтения. Рига: «Зинатне», 1986.

Третья книга — Мандельштам Н. Я. Третья книга / Подгот. Ю. Л. Фрейдина. М.: «Аграф», 2006.

Труды и дни Волошина — Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916 / Сост. В. П. Купченко. СПб.: «Алетейя», 2002; Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932 / Сост. В. П. Купченко. СПб.: «Алетейя», 2007.

Усов 2011 (с указанием тома) — Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т. Ф. Нешумовой. М.: «Эллис Лак», 2011.

ФОСП — Федерация объединений советских писателей.

Фрезинский 1997 — Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург в Киеве (1918–1919) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 22. СПб.: «Феникс»; «Atheneum», 1997.

Фрезинский 2005 — Фрезинский Б. Я. Эренбург и Мандельштам // Вопросы литературы. 2005. № 2.

Фрейдин 1991 — Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: библиотека О. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: «Наука», 1991.

Ходасевич 1997 — Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: «Согласие», 1997. Т. 4.

ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной Службы безопасности.

Цветаева — Пастернак — Марина Цветаева, Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М.: «Вагриус», 2004.

Цветаевой франц. переводы — Coudenys Wim. «Те последние вы можете исправлять с точки зрения стилистики»: Четыре забытых французских перевода Марины Цветаевой // Revue des études slaves. 1994. T. LXVI / 2.

Цветаева Неизданное (с указанием тома) — Цветаева М. Неизданное: Записные книжки: В 2 т. / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой. Т. 1: 1913–1919. М.: «Эллис Лак», 2000; Т. 2: 1919–1939. М.: «Эллис Лак», 2000.

Цветаевой собр. соч. 1994–1995 (с указанием тома) — Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: «Эллис Лак», 1994–1995.

ЦГАВОВУ Украины — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины.

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга.

ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга.

Что вдруг — Тименчик Р. Д. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М.: «Мосты культуры»; Иерусалим: «Гешарим», 2008.

Чуковского дневник — 1. К. Чуковский. Дневник. Т. 1. 1901–1921; 2. То же. Т. 2. 1922–1935. 3. То же. Т. 3. 1936–1969. М.: «ПРОЗАиК», 2012.

Чукоккала — Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: «Премьера», 1999.

Чурилина воспоминания — Чурилин Т. В. Встречи на моей дороге / Публ. Н. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. Вып. 10. СПб.: «Феникс»; «Дмитрий Буланин», 2004.

Шифрин 2008 — Шифрин Н. «Живу под знаком сплошного вопроса»: из писем к М. Г. Генке-Шифриной // Авангард и театр 1910–1920-х годов / Отв. ред. Г. Коваленко. М.: «Наука», 2008.

Летопись

жизни и творчества

О. Э. Мандельштама

1891

Января 2. — Дата рождения Осипа Мандельштама в Варшаве (метрическое свидетельство — *Сальман 2010*. С. 474–475).

Бракосочетание родителей, Эмиля Вениаминовича Мандельштама и Флоры Осиповны Вербловской, состоялось 19 янв. 1889 г. в Динабурге (Двинске) — *Евгения Мандельштама воспоминания*. С. 121.

Января 3/15. — Дата рождения в Варшаве, указанная О. М. для словаря «Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1» (1928), а также названная в «Стихах о неизвестном солдате» («Я рожден в ночь с второго на третье / Января в девяносто одном») и принятая в настоящее время большинством исследователей. См. 1928, Сентябрь, вторая половина.

1892

Сентября 21. Родился брат, Александр Эмильевич Мандельштам. Метрическое свидетельство (*ЦГИА СПб*. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 61329).

1894

Ноября 20. Похороны Александра III (Морозов А. А. [Примечания] // Мандельштам О. Шум времени. М.: «Вагриус», 2002. С. 233). «Год был девяносто четвертый, меня взяли из Павловска в Петербург, собравшись поглядеть на похороны Александра III» («Шум времени» — *ПССиП*. Т. 2. С. 212).

♦ Справка: В Павловске семья жила до переезда в Петербург около 1896 г. Известен адрес 1895 года: Павловск, ул. Правленская, 47 (Весь Петербург на 1896 г. СПб., 1895).

1897

Марта 4. Умер итальянский посол в России К. А. Маффеи ди Баглио. «Проходил я раз с няней своей и мамой по улице Мойке мимо шоколадного здания Итальянского посольства. Вдруг — там двери распахнуты и всех свободно впускают, и пахнет оттуда смолой, ладаном и чем-то сладким и приятным. Черный бархат глушил вход

и стены, обставленные серебром и тропическими растениями; очень высоко лежал набальзамированный итальянский посланник» («Шум времени» — *ПССиП*. Т. 2. С. 212, 633).

Конец года. Семья живет по адресу: Максимилиановский пер., 14. Оптовая торговля — Мещанская, 14 (Весь Петербург на 1898 г. СПб., 1897).

1898

Апреля 30. Родился брат, Евгений Эмильевич Мандельштам (*В переписке семьи*. С. 51). Адрес семьи: ул. Офицерская, 17 (Весь Петербург на 1899 г. СПб., 1898).

1899

Октября 18. В Саратове родилась Надя Хазина, в будущем — жена О. М.

Сентябрь. Поступил в Общеобразовательную школу кн. В. Н. Тенишева (*Мец 2011*. С. 13).

Декабря 22. Фотография Осипа и Александра Мандельштамов. На паспарту: C. Chapiro. St. Petersburg. На обороте дарственная надпись: «Дорогой птичке посылаю своих птенцов горячо любящий ее друг Флора. Осип, Шура. С. Петербург. 22-го декабря 1899 г.» (Собрание Ю. Л. Фрейдина).

1900

Мая 3. Отзыв законоучителя Д. Ф. Гидаспова за истекший учебный год: «Мандельштам — умный и способный мальчик, но вместе с тем и очень самолюбивый; прекрасно владеет русской речью, рассказывал всегда связно и литературно. Историю Ветхого Завета знает хорошо» (*Мец 2011*. С. 15).

Сентября 8. Торжественное открытие (освящение здания) Тенишевского училища (*Мец 2011*. С. 13). Учится во 2-м классе.

1901

Сентябрь. Учится в 3-м классе.

1902

Сентябрь. Учится в 4-м классе.

О. Мандельштам 1901/1902 (?)

Конец года. «Мандельштам Флора Осиповна, жена 1 гильдии купца. Литейный, 15, кв. 21» (Весь Петербург на 1903 г. СПб., 1902).

1903

Мая 4–13. Вместе с классом совершил экскурсию на Валдай (*Мец 2011.* С. 15–17).

Мая 5. Открытка родителям с пути из Новгорода в Старую Руссу (экскурсия с 4-м классом Тенишевского училища на Валдайскую возвышенность) (*ПССиП.* Т. 3. № 1; *ПССиП.* Т. 3. С. 729).

Сентябрь. Учится в 5-м классе.

1904

Февраля 4. Выдано удостоверение на предмет получения права на чтение в Императорской Публичной библиотеке (*Мец 2011.* С. 17).

Сентябрь. Учится в 6-м классе.

Октября 11. Выдано удостоверение для получения права на чтение в Императорской Публичной библиотеке (*Мец 2011.* С. 17).

1905

Января 8. Выдано удостоверение для получения права на чтение в Императорской Публичной библиотеке (*Мец 2011.* С. 17).

Января 9. «Кровавое воскресенье». См. «Кровавая мистерия 9-го января» — *ПССиП.* Т. 2. С. 60 и след.

Осип Мандельштам
1904/1905 (?)

Мая 14/27. Поражение русского флота в Цусимском сражении. Упомянуто в стихотворении «Когда в далекую Корею...» (1932).

Сентября 3. Получил удостоверение для представления в Правление Царскосельской жел. дороги в том, что он состоит учеником 7-го класса Тенишевского училища. Семья оставляет столицу из опасения погромов и поселяется в Царском Селе по адресу: «Бульварная 32» (*Мец 2011*. С. 20. Примеч. 31).

Сентябрь(?). Взят репетитором С. И. Белявский. См. главу «Сергей Иваныч» в «Шуме времени».

Октября около 7. Начало Всероссийской политической стачки. Присутствует на митингах в университете и Военно-медицинской академии (*Мец 2011*. С. 18).

Октября 20-е числа. Слухи о готовящемся погроме в Петербурге (*Мец 2011*. С. 20).

♦ Из «Шума времени»: «И вот, в самые тревожные девятьсот пятые дни, Сергей Иваныч <...> приносит достоверные сведения о неминуемом в такой-то день погроме петербургской интеллигенции. Как член дружины, он обещает прийти с браунингом, гарантируя полную безопасность» (*ПССиП*. Т. 2. С. 236).

♦ Из воспоминаний: «Помнится, что в ночном столике у отца лежал маленький изящный дамский браунинг, предназначенный оберегать семью от любой опасности. <...> Мать беспокоилась <...> Она отправляла нас в Павловск или Царское Село, где, как ей казалось, возможность эксцессов исключалась» (*Евгения Мандельштама воспоминания*. С. 134–135).

Октябрь–Декабрь. Читает «Комментарии к Эрфуртской программе» К. Каутского, «Капитал» К. Маркса, «Манифест коммунистической партии» (*Мец 2011.* С. 25–26).

1906

Февраля 6. Училище извещает родителей О. М. о недостаточных успехах в январе по тригонометрии, немецкому языку и рисованию (*Мец 2011.* С. 26).

Апреля 9 — Мая 6. Успешно сдает экзамены (*Мец 2011.* С. 27).

Апреля 27. Начало работы I Государственной думы.

Мая 15 — Августа 31. Каникулы. Проводит лето в местечке Зегевольд (ныне Сигулда) вместе с братьями.

♦ Из «Шума времени»: «В тот год, в Зегевольде, на курляндской реке Аа, стояла ясная осень с паутиной на ячменных полях. <…> Жители хранят смутную память о недавно утонувшем в реке Коневском. <…> я пришел в класс совершенно готовым и законченным марксистом <…>» (*ПССиП.* Т. 2. С. 240–241); «Первые мои религиозные переживания относятся к периоду моего детского увлечения марксистской догмой и неотделимы от этого увлечения» (*ПССиП.* Т. 3. С. 358).

Августа 31. Решение Педагогического комитета о переводе О. М. в следующий класс после переэкзаменовки (вероятно, по французскому языку) (*Мец 2011.* С. 27).

Октября 10. Инцидент в классе из-за нежелания Бориса Синани пересесть от О. М. на другую парту. Заметка в журнале «Тенишевец» об этом (*Мец 2011.* С. 30).

Ноября 18. На заседании педагогического комитета обсуждается вопрос о поведении в классе и о прогулах (у О. М. — 14 прогулов за 2 месяца) (*Мец 2011.* С. 41–43).

Ноябрь. В журнале «Пробужденная мысль» — недружественная заметка Бориса Синани об О. М. (*Мец 2011.* С. 31–32).

1907

Февраля 17. День рождения (30-летие) Изабеллы Афанасьевны Венгеровой. На праздновании — знакомство М. А. Волошина с О. М. Установлено В. Н. Драницыным путем сопоставления даты, записи дневника М. А. Кузмина за это число (Кузмин М. Дневник 1905–1907 / Подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 322) и воспоминаний М. А. Волошина (см. ниже). В. П. Купченко ранее датировал описанный Волошиным эпизод второй половиной февраля 1907 г. (*Труды и дни Волошина.* Ч. 1. С. 176).

♦ «Помню эту встречу — это было у сестры Зинаид<ы> Венгеровой — Изабеллы Афанасьевны (певицы). Там было нечто вроде

О. Мандельштам
Фотография. 1906/1907(?)

именинного приема — торты, пироги, люди в жакетах и смокингах. Сопровождая свою мать — толстую немолодую еврейку, там был мальчик с темными, сдвинутыми на переносицу глазами, с надменно откинутой головой, в черной курточке частной гимназии — вроде Поливановской — кажется, Тенишевской. Он держал себя очень независимо. В его независимости чувствовалось много застенчивости. "Вот растёт будущий Брюсов", — формулировал я кому-то (Лиле?) свое впечатление. Он читал тогда свои стихи» (*Волошин 2008*. С. 422).

Февраль. Ориентировочная дата вступления О. М. в партию эсеров (*Мец 2011*. С. 41). См. также: *Каблукова дневник*. С. 241; 1928, Сентябрь, вторая половина.

Марта 2. Провал потолка в помещении Государственной думы (в газетах высказывались предположения, впоследствии не подтвердившиеся, о террористическом акте). Речь Мандельштама перед рабочими своего района в связи с этим (*Каблукова дневник*. С. 241).

Март или апрель. В журнале «Пробужденная мысль» (1907. [Год 2.] Вып. I) помещены стихотворения «Тянется лесом дороженька пыльная...» и «Среди лесов, унылых и заброшенных...» (*Мец 2011*. С. 40; *ПССиП*. Т. 1. С. 669).

Апрель — Мая до 15. Сдает выпускные экзамены (*Мец 2011*. С. 43).

Мая 15. Выдан аттестат Тенишевского училища (*ЦГИА СПб*. Ф. 176. Оп. 3. № 24).

Августа 1. Петербург. Получает свидетельство о приписке к призывному участку. Выдано для представления в учебные заведения. Заверенная нотариусом 10 авг. копия. Повторно заверена нотариусом 2 июля 1909 г. (*Сальман 2010*. С. 448).

Августа 13. Подает прошение о зачислении вольнослушателем естественного отделения физико-математического факультета

С.-Петербургского университета. Адрес: Коломенская, 37, кв. 30 (*ПССиП*. Т. 3. С. 579).

Сентября 14. Выступил на вечеринке учеников старших классов в Тенишевском училище. «Потом Мандельштам вызвал гром аплодисментов своим стихотворением “Колесница”, действительно по художественности своей далеко превосходящим большинство произведений школьной беллетристики, да и многое, пожалуй, в современной беллетристике вообще. Впрочем, несколько неясная дикция автора отчасти испортила впечатление от его стихов» (Тенишевец. 1907. Год II. № 1, 15 окт. С. 32; *Мец 2011*. С. 43).

Октября 8. Подает заявление с просьбой возвратить документы из канцелярии университета (*ПССиП*. Т. 3. С. 580).

Октября 16. Соученик О. М. по Тенишевскому училищу Анатолий Надежин прочитал на ученической вечеринке стихи О. М. и Юрия Каменского (*Мец 2011*. С. 43–44).

Октября 16/29. Письмо к матери из Вильно (на пути в Париж). Послано по адресу: Сергиевская, 60, кв. 10 (*ПССиП*. Т. 3. № 2; *ПССиП*. Т. 3. С. 729).

♦ Из воспоминаний: «Но в 1907 году, в год окончания Осипом училища, мать боялась другого. Встревоженная его дружбой и знакомством с революционной молодежью, напуганная арестами, мать решила отправить брата в Париж, где у нее были друзья. Нет никаких фактов, говорящих, что Осипу угрожала какая-либо реальная опасность. Он, в сущности, никакого непосредственного участия в революционном движении не принимал. Но осторожность матери казалась нелишней, а поездка юноши во Францию открыла ему новый мир и очень много дала. В Париже Осип поселился в пригороде на небольшой вилле, принадлежавшей друзьям нашей семьи (сохранилась фотография, на которой брат снят на веранде этого дома)» (*Евгения Мандельштама воспоминания*. С. 135).

Ноября 17/30. Париж. Письмо к брату Евгению: «Я никуда не хожу — разве только музыку послушать, — всё читаю, да пишу, да мечтаю — чего никому не желаю» (*ПССиП*. Т. 3. № 3).

Декабря 11/24. Париж. Европейский сочельник. Знакомство с М. М. Карповичем. «В этот вечер мы с ним разговорились и быстро установили общность наших литературных интересов. С тех пор и до моего отъезда весной 1908 г. в Россию мы встречались очень часто — не меньше чем несколько раз в неделю. <…> Больше всего меня поражала в нем его необыкновенная впечатлительность. Казалось, для него действительно были еще новы “все впечатленья бытия” и на каждое из них он откликался всем своим существом. В нем была тогда юношеская экспансивность и романтическая восторженность, плохо вяжущаяся с его позднейшим поэтическим обликом. <…> Помню, как он с упоением декламировал “грядущих гуннов” Брюсова. Но с таким же увлечением он декламировал и лирические стихи Верлена и даже написал свою версию Gaspard Häuser’a. Как-то мы были с ним

О. Мандельштам
1907/1908, Париж (?)

на симфоническом концерте из произведений Рихарда Штрауса под управлением самого композитора. Мы оба (каюсь!) были потрясены "Танцем Соломеи", а Мандельштам немедленно же написал стихотворение о Соломее» (*Воспоминания Карповича*. С. 258–259).

1908

Января 23 / Февраля 5. Париж. Письмо к матери (*ПССиП*. Т. 3. № 4). Петербургский адрес: Итальянская, 27/2, кв. 30 (*ПССиП*. Т. 3. С. 730).

Марта 17/30 не ранее, 26 марта / 8 апреля не позднее. Париж. «Весной 1908 г. в Париже умер [Г. А.] Гершуни, и эс-эрами было устроено собрание, посвященное его памяти. Мандельштам выразил живейшее желание со мной туда пойти, но думаю, что политика была здесь ни при чем: привлекали его, конечно, личность и судьба Гершуни. Главным оратором на собрании был Б. В. Савинков. Как только он начал говорить, Мандельштам весь встрепенулся, поднялся со своего места и всю речь прослушал стоя в проходе. Слушал он ее в каком-то трансе, с полуоткрытым ртом и полузакрытыми глазами, откинувшись всем телом назад, так что я даже боялся, как бы он не упал. Должен признаться, что вид у него был довольно комический. Помню, как сидевшие с другой стороны прохода А. О. Фондаминская

и Л. С. Гавронская, несмотря на всю серьезность момента, не могли удержаться от смеха, глядя на Мандельштама» (*Воспоминания Карповича.* С. 259–260). Дата определена М. Г. Сальман на основании воспоминаний В. Н. Фигнер: «Через несколько дней [после похорон 16/29 марта], вспоминала В. Н. Фигнер, состоялось небольшое собрание друзей Гершуни. Несмотря на мое отчаянное сопротивление, меня заставили говорить и притом первой" <...> Следующим выступал Савинков, Фигнер пишет, что "его речь была оригинальна и красива, но голос был ужасен: какой-то рев, глухой, протяжный, мрачный, исходил как будто из пасти зверя» (Сальман М. Г. О разных смыслах автобиографичности у О. Э. Мандельштама: на примере *Шума времени* // AvtobiografiЯ. 2013. № 2. С. 137).

Апреля 7/20. Париж. Письмо к матери: «Была ты, значит, у В<ладимира> В<асильевича Гиппиуса>. Это хорошо... Жалею, что не послал для него письма... Любопытно мне, что он скажет. Надеюсь об этом скоро узнать. Сейчас у меня настоящая весна, в самом полном значении этого слова... Период ожиданий и стихотворной горячки...» (*ПССиП.* Т. 3. № 5).

Апреля 14/27. Париж. Письмо к Вл. Гиппиусу: «Если вы помните, я обещал написать вам "когда устроюсь". Но я не устроился, т. е. не имел сознания, что делаю "нужное", до самого последнего времени, и поэтому я не нарушил своего обещания. <...> С давнего времени я чувствовал к вам особенное притяжение и в то же время чувствовал какое-то особенное расстояние, отделявшее меня от вас. Всякое сближение было невозможным, но некоторые злобные выходки доставляли особенное удовольствие, чувство торжества: "а все-таки..." И вы простите мне мою смелость, если я скажу, что вы были для меня тем, что некоторые называют: "друго-врагом"...» (*ПССиП.* Т. 3. № 6).

Апрель. Париж. Из воспоминаний М. Карповича: «В апреле 1908 г. я ездил на две недели в Италию. Мандельштам принял очень близко к сердцу это мое первое итальянское паломничество и отозвался на него стихами» (*Воспоминания Карповича.* С. 259).

Июля 24 / Августа 6. Швейцария. Письмо к отцу из Сен-Морица (Швейцария) в Хомбург фор дер Хёэ (Германия). «Видишь — я совсем близко. В Берне я буду, может, послезавтра» (*ПССиП.* Т. 3. № 8).

Июля 24 / Августа 6. Швейцария. Письмо к брату Александру (в Райволу) с пути из Берна в Геную (*ПССиП.* Т. 3. № 7).

1909

♦ Из воспоминаний М. Карповича: «В следующий раз я встретился с ним уже в Петербурге. Думаю, что это было в 1909 году — во всяком случае, до его поездки в Германию. <...> В эту нашу встречу он дал мне рукопись своей статьи, которую он просил передать П. Б. Струве, как редактору "Русской мысли". Содержание этой статьи в памяти моей тоже не сохранилось. Вспоминаю только, что это

было нечто лирико-критическое, о поэзии, и что центральную роль в статье играл образ Снегурочки (кажется, она даже называлась "Снегурочка"). С П. Б. Струве я тогда еще лично знаком не был и передал ему статью Мандельштама через А. А. Корнилова. О дальнейшей судьбе этой статьи я ничего не знаю — кроме того, что в "Русской Мысли" она не появилась» (*Воспоминания Карповича.* С. 260).

Февраля 15. Петербург. В квартире Вяч. Иванова (на «Башне»). Запись М. Кузмина: «Будили Ник<олая> Ст<епановича>; пришел Зинаидин жидок*, выручал его; потом пошли опять к Ник<олаю> Ст<епановичу>» (*Дневник Кузмина.* С. 110).

Апреля не позднее середины. Петербург. Знакомство с Н. Гумилевым. «Осип Мандельштам сказал мне [П. Лукницкому], что познакомился с Николаем Степановичем весной 1909 года на квартире у Волошина, куда Гумилев приезжал в тот раз» (*Жизнь Гумилева.* С. 85; *Лукницкий 2010.* С. 161). По данным В. Купченко, Волошин в 1909 г. пробыл в Петербурге до середины апреля.

Апреля 23. Присутствует и читает стихи на 5-м заседании «Поэтической Академии» (*Гаспаров 1994.* С. 94).

♦ Из письма Е. Дмитриевой — М. Волошину, 26 апр.: «23-го апреля Вяч<еслав>. Ив<анович> говорил о рифме. <...> Потом читали стихи, все, даже безмолвные. <...> Был еще там поэт Мандельштам» (Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной / Подгот. В. П. Купченко, Р. П. Хрулевой. Феодосия; М.: «Коктебель», 2009. С. 37–38).

♦ Из воспоминаний: «Много начинавших поэтов приходили на эти собрания. И вот, помню, однажды пришел — увы, уже кончавший свою короткую жизнь! — Виктор Гофман в сопровождении совсем молодого стройного юноши в штатском костюме, задиравшего голову даже не вверх, а прямо назад: столько чувства собственного достоинства бурлило и просилось наружу из этого молодого тела. Это был Осип Мандельштам. По окончании лекции и ответов на вопросы аудитории ему предложили прочесть стихи. Не знаю, как другим (Вяч. Иванов, конечно, очень хвалил, — но ведь это было его всегдашним обыкновением!), но мне чрезвычайно понравились его стихотворения» (*Встречи.* С. 101).

♦ Рассказ О. М. о своем появлении на «Башне» в передаче И. Одоевцевой: «Он [Вяч. Иванов] очень хвалил мои стихи: "Прекрасно, прекрасно. Изумительная у вас оркестровка ямбов, читайте еще. Мне хочется послушать ваши анапесты или амфибрахии". А я смотрю на него, выпучив глаза, и не знаю, что за звери такие анапесты и амфибрахии. Ведь я писал по слуху и не задумывался над тем, ямбы это или что другое» (*На берегах Невы.* С. 369–370).

Апреля 29. Присутствует на 6-м заседании «Поэтической Академии» (*Гаспаров 1994.* С. 97).

---

* Подразумевается О. М. (*Дневник Кузмина.* С. 620).

Апреля конец — Мая первые числа. Открылись редакция и контора журнала «Аполлон» (*Лавров, Тименчик 1978.* С. 224. Примеч. 12).

Мая 8. Присутствует на 7-м заседании «Поэтической Академии» (*Гаспаров 1994.* С. 101).

Мая 9. Первое организационное собрание журнала «Аполлон» (*Лавров, Тименчик 1978.* С. 231. Примеч. 1).

Мая 16. Присутствует на 8-м (последнем) заседании «Поэтической Академии» (*Гаспаров 1994.* С.104).

Мая 27. Выдержал экзамен по латинскому языку, необходимый для поступления в университет, «из курса восьми классов мужской гимназии» в Особом испытательном комитете при СПб учебном округе (*Сальман 2010.* С. 450).

Июня 20. Царское Село. Письмо к Вяч. Иванову в Петербург. «Где бы Вас ни застало мое письмо, попрошу Вас об одном: сообщите мне свой адрес, а также будете ли в Швейцарии и когда? Пока что я с семьей до отъезда за границу живу безвыездно в Царском. Ваши семена глубоко запали в мою душу, и я пугаюсь, глядя на громадные ростки. <...> Петербург, Коломенская 5» (*ПССиП.* Т. 3. № 9).

Июля 2. Петербург. Свидетельство о приписке к призывному участку. Заверено нотариусом 2 июля, см. 1907, Августа 1 (*Сальман 2010.* С. 448).

Июля 26 / Августа 8. Берлин. Письмо к брату Александру в Мустамяки (*ПССиП.* Т. 3. № 10).

Июля около 26 — Августа около 10. Живет в Беатенберге, см. Августа 13/26.

Августа 13/26. Монтрё. Письмо к Вяч. Иванову в Петербург. «Ваша книга прекрасна красотой великих архитектурных созданий и астрономических систем. Каждый истинный поэт, если бы он мог писать книги на основании точных и непреложных законов своего творчества, — писал бы так, как вы. Вы — самый непонятный, самый темный, в обыденном словоупотреблении, поэт нашего времени — именно оттого, что, как никто, верны своей стихии, — сознательно поручив себя ей. Только мне показалось, что книга слишком — как бы сказать — круглая, без углов <...> Две недели я жил в Beatenberg'e, но потом решил провести несколько недель в санатории и переехал в Montreux» (*ПССиП.* Т. 3. № 11). Приложены стихотворения «Истончается тонкий тлен...», «Ты улыбаешься кому...», «В просторах сумеречной залы...».

♦ Из воспоминаний: «Приезжал к нам Ося и в Беатенберг, небольшой швейцарский курортик, расположенный в горах, на высоте 1200 метров над уровнем моря. Там мы с ним много бродили по альпийским лугам, любовались снеговыми вершинами, раскинувшимся внизу озером, видом чистенького игрушечного городка Интерлакена. Хорошие это были дни. Осип, перед которым только что открылась дорога в жизнь, был улыбчивым и потом не раз вспоминал о Беатенберге» (*Евгения Мандельштама воспоминания.* С. 135).

Августа 17/30. Монтрё. Письмо к И. Ф. Анненскому в Царское Село. Сообщает свой адрес (*ПССиП.* Т. 3. № 12).

♦ Из воспоминаний: «Учителем своим Мандельштам считал Анненского и очень любил его стихи. <...> Мальчиком он был у Анненского. Тот принял его очень дружественно и внимательно и посоветовал заняться переводами, чтобы получить навыки. <...> К Анненскому он прикатил на велосипеде и считал это мальчишеством и хамством» (*Вторая книга.* С. 72).

Августа 21. Петербургской купеческой управой выдано «для представления в одно из высших учебных заведений» свидетельство отцу О. М. в том, что он состоит во «2 гильдии купеческом сословии» и «на поступление [его сына Осипа] препятствий <...> не встречается» (*Сальман 2010.* С. 451)

Сентября вторая половина ст. стиля. Гейдельберг. Письмо к М. А. Волошину в Петербург. «Оторванный от стихии русского языка — более, чем когда-либо, я вынужден составить сам о себе ясное суждение. Те, кто отказывают мне во внимании, только помогают мне в этом. Так помог мне Мережковский, который на этих днях, проездом в Гейдельберг<е>, не пожелал выслушать ни строчки моих стихов, помог мне милый Вячеслав Иванович, который — при искреннем ко мне доброжелательстве — не ответил мне на письмо, о котором просил однажды» (*ПССиП.* Т. 3. № 13). Приложены стихотворения «На влажный камень возведенный...», «В холодных переливах лир...», «Твоя веселая нежность...», «Не говорите мне о вечности...», «В безветрии моих садов...».

♦ Из воспоминаний О. М.: «В 1910 году Мережковские, отказываясь слушать юного Осипа, сказали: “Если вы напишете хорошее — нам скажут”» (*Письма Рудакова.* С. 180).

♦ Из воспоминаний: «С осени Осип переехал в Гейдельберг, где занимался у профессоров знаменитого университета. И мы с ним вновь встретились уже в этом старинном городе, куда мать приезжала проведать сына и посмотреть, как он устроился. Брат показывал мне город и замок, где находился музей. В окружении такой средневековой старины я был впервые. Мне, мальчишке, конечно, запомнились лица студентов-корпорантов со шрамами — следами дуэлей, частых среди членов разных корпораций, и разноцветные шапочки, удостоверяющие их принадлежность к тому или другому землячеству» (*Евгения Мандельштама воспоминания.* С. 135).

Сентября конец — Октября начало ст. стиля. Гейдельберг. Письмо к М. А. Волошину в Петербург. Сообщает поправку к ранее посланному стихотворению (*ПССиП.* Т. 3. № 14)..

Октября 13/26. Гейдельберг. Письмо к Вяч. Иванову в Петербург (*ПССиП.* Т. 3. № 15).

Октября 22 / Ноября 4. Гейдельберг. Письмо к Вяч. Иванову в Петербург (*ПССиП.* Т. 3. № 16). При посылке стихотворений «В холодных переливах лир...», «Бесшумное веретено...», «Твоя веселая

нежность...», «Не говорите мне о вечности...», «Озарены луной ночевья...», «На влажный камень возведенный...».

Октября 30 / Ноября 12. Заполнил анкету в канцелярии Гейдельбергского университета (Нерлер П. М. Осип Мандельштам в Гейдельберге. М.: «Арт-Бизнес-Центр». 1994. С. 21–22).

Октября 31 / Ноября 13. Зачислен в студенты Гейдельбергского университета на философский факультет (Там же. С. 31).

Ноября 11 или 12 (24 или 25). Гейдельберг. Письмо к Вяч. Иванову в Петербург. При посылке стихотворений «Если утро зимнее темно...», «Пустует место. Вечер длится...», «В смиренномудрых высотах...», «Дыханье вещее в стихах моих...» (*ПССиП*. Т. 3. № 17).

Декабря 13/26. Гейдельберг. Письмо к Вяч. Иванову в Петербург. При посылке стихотворений «Нету иного пути...», «Что музыка нежных...» (*ПССиП*. Т. 3. № 18).

Декабря 17/30. Гейдельберг. Письмо к Вяч. Иванову в Петербург. При посылке стихотворения «На темном небе, как узор...» (*ПССиП*. Т. 3. № 19).

Декабрь. — Дата стихотворения «Ни о чем не нужно говорить...» в автографе с пометой: Heidelberg (*ПССиП*. Т. 1. С. 530).

1910

Февраля начало (?). Вышел № 4 журнала «Аполлон» со статьей М. А. Кузмина «О прекрасной ясности». «Есть художники, несущие людям хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа, и есть другие — дающие миру свою стройность. Нет особенной надобности говорить, насколько вторые, при равенстве таланта, выше и целительнее первых <...> Подводя итоги всему сказанному, если бы я мог кому-нибудь дать наставление, я бы сказал так: “Друг мой, имея талант, то есть — уменье по-своему, по-новому видеть мир, память художника, способность отличать нужное от случайного, правдоподобную выдумку, — пишите логично, соблюдая чистоту народной речи, имея свой слог, ясно чувствуйте соответствие данной формы с известным содержанием и приличествующим ей языком, будьте искусным зодчим как в мелочах, так и в целом, будьте понятны в ваших выражениях”».

Февраля 10 / Января 28. Гейдельберг. Выступает, согласно архиву А. З. Штейнберга, в прениях по его докладу «Искусство и критика» (Brown Cl. Mandelstam. Cambridge, 1973. P. 45–46).

Май. — Дата стихотворения «Листьев сочувственный шорох...» с пометой «Helsingfors» (*ПССиП*. Т. 1. С. 266, 673). Находится в санатории Хангё (близ Хельсинки).

Май–июнь. Находится в санатории Хангё близ Хельсинки.

Июня 27 / Июля 10. Письмо к С. К. Маковскому из санатория Хангё близ Хельсинки в Петербург. При посылке стихотворений «Над алтарем дымящихся зыбей...» и «Необходимость или разум...», с предложением поместить их в журнале «Аполлон» (*ПССиП*. Т. 3. № 20).

Июля 8/21. Внес плату за пребывание в санатории Хангё в течение одной недели (Hellman B. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе. Helsinki, 2009. P. 166).

Июля 9. Петербург. О. М. на «Башне» у Вяч. Иванова. Запись М. Кузмина: «...был Зинаидин жидок, напросившийся прийти» (*Дневник Кузмина.* С. 223, 672). Ср. 1909, Февраля 15.

Июля не позднее 24 (ст. стиля?). Хангё. Знакомство с С. П. Каблуковым. Читает ему стихи Влад. Гиппиуса, Брюсова, Анненского, Вяч. Иванова и рассказывает о своих школьных годах (*Каблукова дневник.* С. 241). Написано стихотворение «Убиты медью вечерней...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 675).

Июля ок. 24 (ст. стиля?). Отъезд из Хангё «в Берлин для лечения» (*Каблукова дневник.* С. 241). Летом находился в Лугано, затем в Берлине (Целендорфе), где писались стихотворения «Неумолимые слова...», «Я помню берег вековой...» (*Каблукова дневник.* С. 242), В Лугано было также написано «Когда мозаик никнут травы...».

Лето. — Дата стихотворения «Когда мозаик никнут травы...» с пометой «Лугано» (*ПССиП.* Т. 1. С. 267).

Лето. — Дата стихотворения «Неумолимые слова...» с пометой «Целендорф» (*ПССиП.* Т. 1. С. 273–274).

Августа 5/18. Берлин, Целендорф. Посылает Вяч. Иванову десять стихотворений: «Под грозовыми облаками...», «Единственной отрадой...», «Над алтарем дымящихся зыбей...», «Как тень внезапных облаков...», «Когда укор колоколов...», «Мне стало страшно жизнь отжить...», «Я вижу каменное небо...», «Вечер нежный, сумрак важный...», «Убиты медью вечерней...», «Как облаком сердце одето...» (*ПССиП.* Т. 3. С. 742).

Август, не позднее 18. Вышел из печати № 9 журнала «Аполлон» (июль–авг.) со стихотворениями «Медлительнее спешный улей...», «Имею тело: что мне делать с ним...», «Истончается тонкий тлен...», «Она еще не родилась...», «Невыразимая печаль...». См. Августа 18.

♦ Из откликов: «В отделе стихов поэт Ма<ндель>штам недоумевает относительно себя: Имею тело: Что мне делать с ним? Таким единым и таким моим? Задача!» (Вл. Б<оцяновский> <рец.> // Утро России. 4 сент.).

♦ Из воспоминаний: «Мало кому известно, что наряду с “Дано мне тело...” и другими чудесными стихами, появившимися в “Аполлоне” 1911 года и так нас всех поразившими, Мандельштам сочинял множество “Политических стихов”, похожих на Якубовича-Мельшина. “Синие пики обнимутся с вилами. И обагрятся в крови”, — славословил он грядущую революцию. “Варшавянку” он считал непревзойденным образцом гражданской поэзии. Увлекаясь теософией, он пытался изложить теорию перевоплощения длинными риторическими ямбами. Став с изумительной быстротой первоклассным поэтом, Мандельштам, хоть и против воли, отказался от этих своих увлечений, но до

конца, как первую любовь, он так и не забыл их. Порой воспоминания о них продолжали звучать в его самых музыкальных, блестяще акмеистических стихах» (Иванов Г. Осип Мандельштам // Иванов Г. В. Собр. соч. М.: «Согласие», 1994. Т. 3. С. 618–619). «Синие пики обнимутся с вилами. И обагрятся в крови» — из стихотворения «Тянется лесом дороженька пыльная...» (1906), напечатанного в тенишевском журнале «Пробужденная мысль» под псевдонимом «Фитиль», см.: Даугава. 1988. № 2. С. 105–107. В статье А. Меца «Неизвестные стихотворения Мандельштама». См. также 1907, Март или апрель.

Августа 18. Запись С. П. Каблукова о знакомстве с О. М. «в Хангё в июле этого года» и о выходе № 9 журнала «Аполлон» со стихами О. М. (*Каблукова дневник*. С. 241).

Август. — Дата стихотворения «В самом себе, как змей, таясь...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 273).

Октября около 10–12 ст. стиля. Прошение матери О. М. в Департамент полиции с просьбой выслать свидетельство о благонадежности О. М. в адрес российского консульства в Кенигсберге с целью получения проходного свидетельства, необходимого для возвращения О. М. в Россию. Указано, что О. М., возвращаясь из Берлина, был задержан в Кенигсберге из-за просроченного паспорта. Указано, что О. М. проследовал в Берлин, где его мать лежала на операции в клинике, из Финляндии. 15 окт. ст. стиля Департаментом полиции послана телеграмма русскому консулу в Кенигсберг о том, что со стороны Департамента в выдаче свидетельства препятствий не встречается (*Зубарев, Нерлер 2000*. С. 117).

Октября середина. Возвратился в Россию «после долгих странствований с приключениями» (*Каблукова дневник*, запись 24 октября. С. 241).

Октября 24. Приходил к С. П. Каблукову. Каблуков обращается к З. Гиппиус с просьбой рекомендовать стихи О. М. в «Русскую мысль» (*Каблукова дневник*. С. 242).

Октября 25. Зинаида Гиппиус посылает Брюсову рекомендательное письмо и стихи О. М. «Некий неврастенический жиденок, который года два тому назад еще плел детские лапти, ныне как-то развился, и бывают у него приличные стихи. Он приходил ко мне с просьбой рекомендовать его стихи вашему *вниманию*. Я его не приняла <...> но стихи велела оставить, прочла и нахожу, что “вниманию” вашему рекомендовать я их могу» (*Каблукова дневник*. С. 242, 359). Об ответе Брюсова см. 1911, Февраля 5.

Октября 26. Был на докладе Н. А. Гредескула «Религия в границах человеческого» в Религиозно-философском обществе (*Каблукова дневник*. С. 243).

Октября 28. В газете «Биржевые ведомости» (веч. вып.), в разделе «Стихотворная чехарда» — пародия «Благовонием полон лес...» на помещенное в «Аполлоне» стихотворение О. М. «Истончается тонкий тлен...». Подписано: Аякс (псевдоним А. А. Измайлова).

Ноября 21. С. П. Каблуков у Вяч. Иванова. «Был разговор и о И. Э. Мандельштаме, которого В. И. ценит» (*Каблукова дневник.* С. 243).

Ноября 23. Был вместе с С. П. Каблуковым на репетиции духовного концерта хора Ан. Н. Николова (*Каблукова дневник.* С. 244).

Ноябрь. — Дата стихотворения «В изголовьи черное распятье...» с пометой «Петербург» (*ПССиП.* Т. 1. С. 274).

Декабря 4. Приходил к С. П. Каблукову. «Говорили о стихах его и Анненского, о Вяч. Иванове и о “Серебряном голубе” Б. Бугаева» (*Каблукова дневник.* С. 244).

1911

Февраля 5. «Вчера И. Мандельштам сообщил мне, что шесть его стихотворений приняты в “Аполлон”, и уже получена им их корректура, и что Брюсов сказал Ал. Н. Толстому, что посланные ему Зинаидой Николаевной стихи Мандельштама он считает незначительными и печатать не будет» (*Каблукова дневник.* С. 244).

Февраля 6. Навестил С. П. Каблукова (*Каблукова дневник.* С. 244).

Февраля 11. — Дата стихотворения «Медленно урна пустая...» в автографе (*ПССиП.* Т. 1. С. 276).

Февраля 21. С. П. Каблуков записывает в дневник стихотворение «В изголовьи черное распятье...» (*Каблукова дневник.* С. 244).

Февраль. Статья В. Пяста «По поводу последней поэзии» в журнале «Gaudeamus» № 4 (17 февр.) и 5 (24 февр.) с анализом ритма стихотворения «Истончается тонкий тлен...», помещенного в «Аполлоне» (см. 1910, Август, не позднее 18).

Марта 2/15. Хювинкяя (Финляндия). Письмо к Вяч. Иванову в Петербург. «Я уехал на несколько недель в Финляндию по причине болезненного состояния. Примите глубокий поклон и будьте очень строги, если станете меня читать в “Академии”» (*ПССиП.* Т. 3. № 21).

Марта 11. Заседание Общества ревнителей художественного слова в редакции «Аполлона». Доклад Ф. Ф. Зелинского об особенностях античного стихосложения на примерах из «Героид» Овидия. — Русская художественная летопись. 1911. № 8. С. 124–125. Подписано: Чуд. (В. А. Чудовский).

Марта 14. На именинах Вяч. Иванова. Знакомится с Ахматовой. Записывает шуточное стихотворение «В половине второго...» в альбом Ф. Ф. Фидлера (*ПССиП.* Т. 1. С. 317, 694).

♦ Из дневника Ф. Фидлера, 15 марта: «Вчера — у Вячеслава Иванова (устное приглашение). Я опасался, что попаду в декадентское гнездо, но всё было очень естественно. Сперва говорили о возможности войны, затем — о симфонии Скрябина “Прометей” и наконец началось чтение вполне осмысленных стихов. Читали авторы:

Анна Ахматова
Портрет работы З. Серебряковой

[В. Н.] Княжнин, Юрий Верховский, [Г. И.] Чулков и еще ни разу не выступавшие в печати новички О. Мандельштам, Анна Ахматова (весьма пикантная супруга моего бывшего ленивого ученика Гумилева, который сейчас в Африке) и Мария Моравская (пищала как семилетний ребенок)» (Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Вступ. ст., перевод с нем., примеч. К. М. Азадовского. СПб., 2008. С. 551–552).

♦ Из воспоминаний А. Ахматовой: «Я познакомилась с Осипом Мандельштамом на “Башне” Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был худощавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, <...> с ресницами в полщеки. Второй раз я видела его у Толстых на Старо-Невском, он не узнал меня, и Алексей Николаевич стал его расспрашивать, какая жена у Гумилева, и он показал руками, какая на мне была большая шляпа. Я испугалась, что произойдет что-то непоправимое, и назвала себя» (*Листки из дневника*. С. 184–185).

Марта 26. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Доклад Н. В. Недоброво о взаимосвязи ритма и метра в стихосложении (*Блок ЗК*. С. 176, 554).

Марта 28. Письмо С. М. Городецкого — В. А. Пясту: «Очень прошу Вас читать стихи в О-ве Единого Искусства (Ars) <...> 5/IV, на первом собрании. Та же просьба к Мандельштаму» (*РНБ*. Ф. 248. Ед. хр. 121).

♦ Справка. Эфемерное Общество Единого Искусства существовало с 22 марта до второй половины мая.

Апреля 2. Царское Село. «У Гумилевых еще был только Мандельштам» (*Дневник Кузмина*. С. 270).

Апреля 4. Петербург. «У нашего подъезда [Таврическая, 25] стояли Блок и Пяст, но первый не пошел к нам. Были Гумилевы, Толстые, Анич<ков>, Верх<овский>, Чулков, Мандельшт<ам>. Читали много. Ник<олай> Ст<епанович> остался у нас ночевать» (*Дневник Кузмина*. С. 271).

Апреля 5. В редакции журнала «Аполлон» (Мойка, 24) «сообщение Н. С. Гумилева о своем путешествии в Абиссинию». Повестка (*РГАЛИ*. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 44).

♦ Из письма Г. И. Чулкова — Н. Г. Чулковой, 6 апр.: «Вчера был в "Аполлоне", Гумилев вернулся из Абиссинии и читал доклад о дикарях, зверях и птицах» (*Тименчик, Лавров 1976*. С. 68. Примеч. 66).

Апреля 6. Из записи С. П. Каблукова: «А сегодня вечером Иос. Эм. Мандельштам сообщил мне, что стихотворный отдел "Аполлона" отдан в безраздельное ведение недавно вернувшегося из Абиссинии Н. Гумилева, что уже сказалось следующим фактом: предполагавшиеся к напечатанию в апрельской книжке "Аполлона" стихи Мандельштама отложены на май с исключением одного стихотворения, а апрельская книга дает стихи жены Гумилева (рожд. Ахматовой), наивные и слабые в техническом отношении. Мандельштам указывает на крайнюю невежливость Гумилева и имеет намерение взять стихи обратно, вернув деньги. А еще недавно он, Пястовский и Городецкий собирались издавать [журнал] "Остров" вместе с Гумилевым. Я предсказывал, что они перессорятся. Это предсказание сбылось скорее, чем я думал» (*Каблукова дневник*. С. 244–245).

Апреля 13. Заседание Общества ревнителей художественного слова. «Вяч. Иванов сообщил Об-ву свою оценку образцов абиссинской народной поэзии, записанных и переведенных Н. Гумилевым. <...> После доклада присутствовавшие поэты прочитали неизданные стихотворения. Н. С. Гумилев произнес циклическое произведение "Блудный сын"». Читали стихи также Вяч. Иванов, М. А. Зенкевич, Ю. И. Верховский (Русская художественная летопись. 1911. № 9. С. 142. Отчет В. А. Чудовского).

Апреля 22. Заседание Общества ревнителей художественного слова. «Чтение поэтами неизданных стихов». Среди читавших стихи — А. Ахматова (Русская художественная летопись. 1911. № 9. С. 142. Отчет В. А. Чудовского).

Мая 5. Заседание Общества ревнителей художественного слова в редакции журнала «Аполлон». Доклад Ю. Верховского о подготовке академического собрания сочинений Дельвига. Присутствуют Н. Гумилев и А. Ахматова (*Acumiana 2*. С. 28).

Мая 13. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Доклад С. Городецкого о творчестве И. С. Никитина. Присутствуют Н. Гумилев и А. Ахматова (*Acumiana 2*. С. 28)

Мая 14/27. Выборг. Окрещен в Епископско-методистское исповедание пастором Розеном. Свидетельство (*Сальман 2010*.С. 492).

Мая 16. Петербург. В квартире Вяч. Иванова на Таврической ул., 25. «Дома застал еще Мандельштама, который собирается отправиться в Rio de Жанейро на купеч<еском> судне» (*Дневник Кузмина*. С. 283).

Май. Вышел № 5 журнала «Аполлон» со стихотворениями «Темных уз земного заточенья...», «В огромном омуте прозрачно и темно...», «Из омута злого и вязкого...», «Как тень внезапных облаков...», «Когда удар с ударами встречается...».

Июня 6. Письмо А. Блока — А. Белому об «Антологии» издательства «Мусагет»: «Отчего Рубанович [С. Я.] второго сорта, когда у нас есть Рубанович лучшего сорта (по имени Мандельштам)? Таких замечаний я бы сделал много, но, по-моему, главное — вся книга лишняя и совсем не мусагетская» (Блок А. А. Собр. соч. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 8. С. 344).

Июня 28. Петербург. Получил паспорт № 315 в 4-м участке Московской части Петербурга (по справке Особого отдела Департамента полиции) (*Зубарев, Нерлер 2000*. С. 118).

Июнь. — Дата стихотворения «Когда подымаю...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 276).

Июля 6. В газете «Вятская речь» — «Журнальное обозрение» В. В. Брусянина. «По обыкновению, 5-й выпуск журнала [«Аполлон»] прекрасно иллюстрирован. <...> Помещенные в книге стихотворения Аполлоновых поэтов М. Кузьмина и О. Мандельштама рассудочно-холодны. Эта муза для немногих. Немногие пусть и судят о ней».

Июля 12/25. Выборг. Получил свидетельство о том, что «для поступления в университет удостоверяется, что проживающий в Выборгском приходе м<естечка> Конккала <...> Иосиф Эмильевич Мандельштам к политическим партиям не принадлежал и не принадлежит, а также в предосудительном замечен не был». Заверено губернатором 29 июля / 11 августа в Выборге (*Сальман 2010*. С. 452). О пребывании в Конккала (ныне — Красный Холм, Выборгский р-н) см. также Сентября 10.

Июль. — Дата стихотворений «Душу от внешних условий...», «Я знаю, что обман в видении немыслим...» в автографах (*ПССиП*. Т. 1. С. 276).

Августа 1. Мать О. М. подает прошение в канцелярию С.-Петербургского градоначальника с просьбой выдать свидетельство о благонадежности (*Сальман 2010*. С. 452).

Августа 4. — Дата стихотворения «Ты прошла сквозь облако тумана...» в автографах (*ПССиП*. Т. 1. С. 278).

Августа 7. — Дата стихотворения «Не спрашивай: ты знаешь...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 279).

Августа 7. Петербург. Подал прошение ректору университета о зачислении студентом историко-филологического факультета,

отдела романских языков СПб университета. Приложено обязательство «выдержать дополнительное испытание по греческому языку за полный курс классической гимназии». Зачислен 10 сентября (*ПССиП*. Т. 3. С. 580, 859).

Августа 21 / Сентября 3. Конккала (Финляндия). Письмо к Вяч. Иванову с сообщением о письмах Тютчева из архива А. Ф. Кони (*ПССиП*. Т. 3. № 22). О пребывании в Конккала см. Сентября 10.

Августа 22. — Дата стихотворения «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 279–280).

Сентября 2. Получено свидетельство от С.-Петербургского градоначальника «в том, что неблагоприятных в политическом отношении сведений [о нем] в делах Управления Градоначальника не имеется» для представления в университет (*Сальман 2010*. С. 452–453).

Сентября 10. В газете «Утро России» помещен очерк Вл. Боцяновского «Афины на Неве» о встрече с О. М. в Финляндии. «На днях я был в одном глухом тихом уголке Финляндии, где встретил молодого поэта, "начинающего", но не имеющего еще своего "сборника", что, конечно, редкость, ибо в настоящее время вошли в обычай сборники даже в десять стихотворений. Так вот этот юный жрец Аполлона с восторгом говорил о Вячеславе Иванове. — Иванов в своем уборе из старых слов точно пышный ассирийский царь. Он весь красота. Мне кажется, что если бы Иванова не было, — в русской литературе оказалось бы большое пустое место». Републикация с комментарием Р. Тименчика: Памятные книжные даты — 1988. М.: «Книга», 1988. С. 187.

Сентября 10. Зачислен в университет, см. Августа 7.

Сентября 16. «Сегодня продолжительный разговор с И. Э. Мандельштамом по телефону. Читал мне свои стихотворения, числом 5. Три из них взяты в Альманах "Аполлона". На днях он будет у Ан. Ф. Кони, обещавшего передать ему письма Тютчева к Плетневой, с неизвестными стихами. Мандельштам обещал доставить их мне. Бедный, он не может нигде устроиться: подвернулось было место секретаря "Журнала для всех" с жалованьем до 100 р., да отбил его Осип Дымов» (*Каблукова дневник*. С. 245).

Октября 2. «Был у меня И. Мандельштам, с которым я беседовал о современной литературе и его личном поведении, выражающемся пока в безделии и нелепом мотовстве» (*Каблукова дневник*. С. 245).

Октября 3. Был у Вяч. Иванова. Письмо Г. И. Чулкова — Н. Г. Чулковой, 4 окт.: «Вчера вечером был я у Вяч. Иванова. Там был Пяст, поэтик Мандельштам и больше никого не было» (*ИМЛИ*. Ф. 36. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 30).

Октября 12. Письмо В. Пяста — Вяч. Иванову: «Дорогой Вячеслав Иванович! Два молодых поэта — Б. Ф. Калупин (Кременчугов, сотрудник Весны, Кинемаколора и др.) и Александр Вир

(Весна) — просили меня порекомендовать их Поэтической Академии. Нельзя ли им присутствовать в субботу гостями? К моей рекомендации присоединяется Мандельштам. Преданный Вам В. Пестовский. 4-я Рождественская, 43, 30» (*РНБ*. Ф. 248. Ед. хр. 572).

Октября 15. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Доклад В. А. Чудовского «О белом стихе в "Русалке" Пушкина» (Русская художественная летопись. 1911. № 16. С. 254–255. Отчет Е. Зноско-Боровского). Присутствуют Н. Гумилев и А. Ахматова (*Acumiana 2*. С. 28).

Октября 18. В квартире Вяч. Иванова на Таврической ул., 25. Запись М. Кузмина: «Дома был Мандельштам» (*Дневник Кузмина*. С. 307).

Октября 20. Первое собрание Цеха поэтов (в квартире С. М. Городецкого). Пригласительное письмо Гумилева В. Пясту в «новый литературный кружок для чтения и обсуждения стихов» (*РНБ*. Ф. 248. Ед. хр. 140). О составе Цеха поэтов в течение следующих лет см.: *Заметки об акмеизме*. С. 35–39.

♦ Из воспоминаний: «Осень 1911 года — историческая дата для "акмеистов". На этом-то собрании была изложена вскоре напечатанная в "Аполлоне" декларация "Акмеизма, адамизма тож", — этой диады, первой части которой преимущественным исполнителем был Гумилёв, — второй же — Городецкий. Исторически это, может быть, было действительно так, что вот двум молодым поэтам не захотелось быть в числе "эпигонов" — и в лице возглавляемого ими "Цеха" хотелось создать "фермент брожения", перекидывавшийся на "слишком академическую" Академию. Действительно, оба они, в особенности Гумилев, всем своим творчеством, "корнями", так сказать, "вросли" в "символизм". Тех, кого они тянули к себе, в частности Ахматову и Мандельштама, только тогда начинавших, но начинавших прекрасно, — нисколько не волновали честолюбивые стремления всегда стоять на "вершинах" ("акмэ") и всему сущему давать новые имена (как "Адам"). Однако впоследствии у этих четырех и, пожалуй, у Зенкевича, действительно начинали просачиваться в поэзию не бывшие в ней у их предшественников черты. В 1914 году уже можно было говорить серьезно об этом направлении, как об отдельном от символического. Та только их беда, что в эту же пору уже бурно вырывались новые потомки прежних модернистов — футуристы, о которых будет речь впереди. Цех поэтов был довольно любопытным литературным объединением, в котором не ставился знак равенства между принадлежностью к нему и к акмеистической школе. В него был введен несколько чуждый литературным обществам и традициям порядок "управления". Не то чтобы было "правление", ведающее хозяйственными и организационными вопросами; но и не то чтобы были "учителя-академики" и безгласная масса вокруг. В Цехе были "синдики", — в задачу которых входило направление членов Цеха в области их творчества; к членам же предъявлялись требования

известной “активности”; кроме того, к поэзии был с самого начала взят подход, как к ремеслу. Это гораздо позднее Валерий Брюсов где-то написал: “Поэзия — ремесло не хуже всякого другого”. Не формулируя этого так, вкладывая в эту формулу несколько иной, чем Брюсов, смысл, — синдики, конечно, подписались бы под вышесказанным афоризмом. Их было три. Каждому из них была вменена почетная обязанность по очереди председательствовать на собраниях; но это председательствование они понимали как право и обязанность “вести” собрание. И притом чрезвычайно торжественно. Где везде было принято скороговоркою произносить: “так никто не желает больше высказаться? в таком случае собрание объявляется закрытым...” — там у них председатель торжественнейшим голосом громогласно объявлял: “Объявляю собрание закрытым”. А высказываться многим не позволял. Было, например, правило, воспрещающее “говорить без придаточных”. То есть высказывать свое суждение по поводу прочитанных стихов без мотивировки этого суждения. Все члены Цеха должны были “работать” над своими стихами согласно указаниям собрания, то есть фактически — двух синдиков. Третий же был отнюдь не поэт: юрист, историк и только муж поэтессы. Я говорю о Д. В. Кузьмине-Караваеве. Первые два были, конечно, Городецкий и Гумилёв. Синдики пользовались к тому же прерогативами и были чем-то вроде “табу”. Когда председательствовал один из них, другой отнюдь не был равноправным с прочими член собрания. Делалось замечание, когда кто-нибудь “поддевал” своей речью говорившего перед ним синдика № 2. Ни на минуту не забывали о своих чинах и титулах» (*Встречи*. С. 141–142).

Октября 29. Присутствовал на докладе В. Пяста «О каноне» в Обществе ревнителей художественного слова (в редакции «Аполлона»). «Вечером “Академия“ — доклад Пяста, его старая статья о “каноне”, многоглаголанье Вяч. Иванова усыпило меня вовсе. Вечером пьем чай в “Квисисане” — Пяст, я и Мандельштам (вечный)» (*Дневник Блока*. С. 78); см. также: *Каблукова дневник*. С. 245).

Ноября 1. Второе собрание Цеха поэтов (в Царском Селе у Гумилевых) (*Жизнь Гумилева*. С. 124).

Ноября 10. Собрание Цеха поэтов в квартире матери Е. Ю. Кузьминой-Караваевой — Манежный пер., 2, кв. 2. Вероятно, на этом собрании, по свидетельству М. Лозинского и Ахматовой, О. М. был избран членом Цеха (*Лукницкий 2010*. С. 263).

Ноября около 11. — Предположительное время отъезда О. М. в Мустамяки (о возвращении см. Ноября 26).

Ноября 12. — Дата стихотворения «В лазури месяц новый...» в авторизованном списке (*ПССиП*. Т. 1. С. 280).

Ноября 16. — Дата стихотворения «На перламутровый челнок...» в авторизованной машинописи (*ПССиП*. Т. 1. С. 533).

Ноября 24. — Дата стихотворения «Качает ветер тоненькие прутья...» в авторизованной машинописи (*ПССиП*. Т. 1. С. 533).

Ноября 26. «Краткий разговор с И. Мандельштамом, сегодня вернувшимся из Мустамяк» (*Каблукова дневник*. С. 245).

Ноября до 28. Вышел «Литературный альманах», изданный журналом «Аполлон» (по выходным данным — 1912), где помещены стихотворения «Скудный луч, холодной мерою...», «Осенний сумрак — ржавое железо...», «В самом себе, как змей, таясь...».

Ноября 28. Был у Вяч. Иванова вместе с В. Нарбутом. «Я ушел от В. И. [Иванова] в 12 ч. [вечера], к каковому времени приехали поэты Мандельштам и Нарбут. Они получили только что вышедший альманах Аполлона» (*Каблукова дневник*. С. 246. Запись 29 нояб.). «У Вячеслава был еще Мандельштам, еще беседовали некоторое время» (*Дневник Кузмина*. С. 316).

Ноябрь. — Дата стихотворения «Раковина» («Быть может, я тебе не нужен...») в прижизненной машинописи (*ПССиП*. Т. 1. С. 532).

Декабря 1. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых — Царское Село, Малая, 63. Извещение рукой Ахматовой о переносе собрания на 1 декабря (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 31).

Декабря 3. В газете «Утро России» — рецензия Г. И. Чулкова на «Литературный альманах» (см. Ноября до 28). «Период “бури и натиска” русского символизма завершился, и последние два-три года мы наблюдаем в среде нашей юной поэзии расцвет академизма и эклектизма. <...> О. Мандельштам поражает холодным напряжением своих стихов. Становится страшно за стихотворца, когда он так мучительно старается писать как можно серьезнее. Стихи Мандельштама, обремененные натянутыми метафорами, были бы всё же хорошими стихами, если бы он позволил себе хотя на миг улыбнуться и принять свою печаль не глубокомысленно и отвлеченно, а с иронией сердечной, которая одна может оправдать дарование такого склада и устремления».

Декабря 3. Выступил на заседании Общества ревнителей художественного слова в связи с годовщиной смерти И. Ф. Анненского.

♦ Из отчета: «Н. С. Гумилев и О. Мандельштам высказывались о значении поэта для современной лирики. Последний определил Анненского как “поэта отливов дионисийского чувства”» (Русская художественная летопись. 1911. № 20. С. 321. Отчет В. А. Чудовского).

Декабря 10. Вместе с В. Пястом, Вас. Гиппиусом, Д. В. и Е. Ю. Кузьминами-Караваевыми участвует в избрании «короля русских поэтов». Пишет шуточное стихотворение «Блок...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 318, 694).

Декабря 17. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Доклад Ф. Зелинского о возможности в русском стихосложении «эллинских трагедийных метров» (Русская художественная летопись. 1912. № 3. С. 39–40. Отчет В. А. Чудовского).

Декабря 20. Собрание Цеха поэтов у М. Л. Лозинского (Тучков пер., 5, кв. 5). Повестка рукой Ахматовой (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 31). Присутствовавшие Л. В. Лебедев,

Е. Ю. Кузьмина-Караваева, Вас. Гиппиус, В. Пяст, М. Моравская, В. Нарбут, М. Лозинский, В. Чернявский, Н. Бруни сочиняют сонет-акростих «Цех ест Академию» (Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина // http://www.ruthenia.ru/ document/545494.html).

Декабря 31. Открытие «Бродячей собаки». Читает шуточные стихи «Катится по небу Феб в своей золотой колеснице...», «Ветер с высоких дерев срывает желтые листья...», «— Делия, где ты была? — Я лежала в объятьях Морфея...», со следующим вступлением: «Господа, я нашел за границей, в Италии, пергаменты неизвестного поэта, Caius'a Stultitius'a и перевел их; они отличаются закругленной античной глупостью...» (воспоминания Г. С. Рабиновича: Воздушные пути. Альм. 3. Нью-Йорк, 1963. С. 24).

1912

Января 1. Собрание Цеха поэтов «у Ахматовой» в Царском Селе. Малая, 63. Повестка (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 31).

Января 10. Собрание Цеха поэтов у М. Лозинского (Тучков пер., 5, кв. 5). Повестка (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 31).

Января 13. Выступил с чтением стихов в «Бродячей собаке» на чествовании 25-летия поэтической деятельности К. Д. Бальмонта.

♦ Из отчета: «Вечер начал С. Городецкий остроумной, несколько парадоксальной речью; он говорил не столько о самом юбиляре, сколько о публике и читателях. Большинство последних он изобразил в лице одного идиота-читателя, испестрившего книгу Бальмонта своими надписями, суждениями и сентенциями, говорящими о полном непонимании поэта. <...> Затем "Цех поэтов" приступил к чтению своих стихов. Читали: Гумилев, Анна Ахматова, Мандельштам, Василий Гиппиус, Мих. Долинов, М. Моравская и др.» (Обозрение театров. 18 янв. Цит. по: *Программы «Бродячей собаки»*. С. 180–181).

♦ Из воспоминаний: Георгий Иванов познакомился с Н. Гумилевым «...на вечере в честь Бальмонта [в "Бродячей собаке"]. Там должен был быть в сборе весь "Цех поэтов", и я, только что в «Цех» выбранный, явился туда, робея и волнуясь, как новобранец в свою часть. Конечно, я пришел слишком рано... Понемногу собирались другие — Зенкевич, Мандельштам, Владимир Нарбут. Пришел Сергей Городецкий с деревянной лирой под мышкой — фетишем "Цеха". Уже началась программа, когда кто-то сказал: "А, вот и Николай Степанович..."» (Иванов Г. В. Собр. соч. М.: «Согласие», 1994. Т. 3. С. 544).

Января 18. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Чтение стихов Ю. Верховским и его доклад «О мастерстве и импровизации». Отчет: Русская художественная летопись. 1912. № 3. С. 40–41. Подписано: Rusticus. «Присутствовали Н. Гумилев, В. Чудовский, А. Кондратьев и др.» (Известия книжных магазинов... Вольф. 1912. № 2).

Января 20. Собрание Цеха поэтов у С. Городецкого (Фонтанка, 143, кв. 5). Повестка (*ИРЛИ*. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 7).

Января 28. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Доклад Андрея Белого о его достижениях в области теории русского стихосложения. Отчет В. Чудовского: Русская художественная летопись. 1912. № 3. С. 40.

Января 30. В газете «Речь» помещена статья С. М. Городецкого «Аполлон и Марсий», в которой критически охарактеризован («схваченный наскоком») образ «Осенний сумрак — ржавое железо» (одноименное стихотворение О. М., помещенное в «Литературном альманахе», см. 1911, Ноября до 28).

Январь. Получил в дар от Георгия Иванова книгу «Отплытье на о. Цитеру» с надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму, с любовью к нему и к его поэзии. 1912. Зима. СПб.» (*Собрание Лесмана*. № 966).

♦ Справка. Дарственная надпись Г. Иванова Ахматовой на той же книге с датой: Январь 1912 (*Собрание Лесмана*. № 965).

Февраля 1. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых в Царском Селе. Повестка (*РГБ*. Ф. 109. Оп. 17. Ед. хр. 22. Л. 9). «У Гумилевых электричество, бульдог. Собрался “Цех”, был Аничков <...> Спал в библиотеке» (*Дневник Кузмина*. С. 332). См. также: *Тименчик, Лавров 1976*. С. 59.

Февраля 10. Собрание Цеха поэтов у М. Лозинского (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Февраля 18. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Выступления Н. Гумилева и С. Городецкого с критикой символистических теорий.

♦ Отчет Н. В. Недоброво: «Третье заседание было 18-го февраля и было посвящено чтению и обсуждению докладов В. И. Иванова и Б. Н. Бугаева о символизме. Содержание этих докладов не излагается, так как они легли в основание статей, напечатанных теми же авторами в № 1 “Трудов и дней”. В прениях приняли участие: В. А. Пяст, В. А. Чудовский, Д. В. Кузьмин-Караваев, С. М. Городецкий и Н. С. Гумилев. Двое первых говорили, как, в основном, “единомышленники докладчиков”, г-да же Кузьмин-Караваев, Городецкий и Гумилев выступили с возражениями» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 26–27).

Февраля 20. Собрание Цеха поэтов у С. Городецкого (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Марта 1. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых в Царском Селе (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

♦ Запись М. Кузмина: «В Царском хорошо, но у Гумилевых скучно. <...> На “Цехе” Город<ецкий> и Гумми говорили теории не весьма внятные. Ехали назад все вместе» (*Дневник Кузмина*. С. 338).

♦ «Акмеизм был решен у нас в Царском Селе (Малая, 63)» (*Листки из дневника*. С. 194).

Март, до 7. Вышел сборник А. Ахматовой «Вечер». Источник даты: *Тименчик, Лавров 1976.* С. 54. Примеч. 4. Из предисловия М. Кузмина: «Среди совсем молодых поэтов, разумеется, есть и другие, стремящиеся к тонкой и, мы сказали бы, хрупкой поэзии, но в то время, как одни ищут её в описании предметов, которое принято считать тонким: севрских чашек, гобеленов, каминов, арлекинов, рыцарей и мадонн (Эренбург), другие в необыкновенно изощрённом анализе нарочито-причудливых переживаний (Мандельштам), третьи в иронизирующем описании интимной, несколько демонстративно-обыденной жизни (Марина Цветаева), — нам кажется, что поэзия Анны Ахматовой производит впечатление острой и хрупкой потому, что сами её восприятия таковы, от себя же поэт прибавляет разве только лафорговскую, на наш вкус приятную, манерность».

Марта 10. Собрание Цеха поэтов у С. Б. Пиленко (матери Е. Ю. Кузьминой-Караваевой) (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Марта 11. Чествование К. Д. Бальмонта в Неофилологическом обществе при университете. Оглашено особое приветствие от Цеха поэтов (Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. М.: «Наука», 1982. С. 396. Примеч. 8).

Марта 14. Получил штамп в университетском матрикуле о приеме записи (*Сальман 2010.* С. 456).

Марта 17. «Внезапно назначили заседание в “Аполлоне”. <...> Гумми говорил умный вздор, я и Женя [Зноско-Боровский] восставали» (*Дневник Кузмина.* С. 341).

Марта 20. Собрание Цеха поэтов у С. Городецкого (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Марта 30. Укрывается от полиции после арестов, прошедших в Мустамяках. Приехал в Петербург на концерт в зале Дворянского собрания. Оркестр под управлением С. А. Кусевицкого и хор А. А. Архангельского исполнили «Торжественную мессу» Бетховена (*Каблукова дневник.* С. 246, 361. Запись 31 марта; *Зубарев, Нерлер 2000.* С. 107 и след.).

Апреля 1. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых в Царском Селе. Повестка (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 31). После собрания Вас. Гиппиус, Н. Гумилев, Д. Кузьмин-Караваев, М. Лозинский пишут акростих «Труды и дни. Гиль», пародируя содержание вышедшего недавно № 1 журнала «Труды и дни» (Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина // http://www.ruthenia.ru/document/545494.html. В статье А. Г. Меца, И. В. Платоновой-Лозинской «“Транхопс” и около»).

Апреля 3. Отъезд Н. Гумилева и А. Ахматовой в Италию.

Апреля 3. Получил в дар от М. Зенкевича книгу «Дикая порфира» с надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму Мих. Зенкевич. 3.IV.1912. Спб.» (*Собрание Лесмана.* № 924).

Апреля 21. Выступил с чтением стихов на «концерте» в Петровском училище вместе с Вас. Гиппиусом и А. Блоком. Письмо Блока — В. Пясту от 22 апреля: «...вчера вечером <...> вместо Вас

читал Василий Гиппиус — экспромтом. Они с Мандельштамом узнали от меня, что Вас нет, и очень искренно и хорошо встревожились, но тайны я им не открыл, а только сказал, что всё благополучно» (Лит. наследство. Т. 92, кн. 2. М.: «Наука», 1981. С. 214).

Апреля 30. Закрытие «Бродячей собаки», исполнительский вечер (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 186–188).

Апрель. Из заметки в хронике: «"Цех поэтов" <...> Выпустив сборники стихов Анны Ахматовой ("Вечер") и М. Зенкевича ("Дикая порфира") кружок наметил уже целый ряд сборников других молодых поэтов и поэтесс: Е. Кузьминой-Караваевой, Сергея Городецкого, Б. Верхоустинского, Вл. Бестужева, М. Кузмина, О. Мандельштама, М. Моравской, Вл. Нарбута и др.» (Известия книжных магазинов... Вольф. 1912. № 4).

Апрель. — Дата стихотворений «Образ твой, мучительный и зыбкий...» и «Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты...» в автографах (*ПССиП*. Т. 1. С. 533, 282).

Мая 12. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Доклад Н. В. Недоброво о задачах русской поэтики. Выступили в прениях: А. Кондратьев, В. Пяст, Вяч. Иванов, С. Маковский, С. Радлов, В. Чудовский (Русская художественная летопись. 1912. № 10. С. 146–148. Подписано: Multus).

Мая 26. «Был в "Аполлоне". Ничего. Узрел там Гумилева, вернувшегося из Италии, всё такой же» (*Дневник Кузмина*. С. 354).

Май. — Дата стихотворения «Казино» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 534).

Июня 13. Приходил к В. Пясту. «Вечером — у Пяста, где — Мандельштам» (*Дневник Блока*. С. 150).

Июня 16. — Дата стихотворения «Шарманка» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 282).

Июня 24 — Декабря 12. Донесения в Особый отдел Департамента полиции о подозрении в противоправительственной агитации «в районе местности Мустамяки», павшем на О. М., справки и агентурные сведения о нем (*Зубарев, Нерлер 2000*. С. 110–116).

Сентября 5. Письмо Георгия Иванова — А. Д. Скалдину: «Кроме Ахматовой, Нарбута, Зенкевича, есть в цехе еще хорошие поэты <...>. Это Мандельштам, Моравская <...>» (Новый журнал. Нью-Йорк, 2001. Кн. 222. С. 68).

Сентября 15. Собрание Цеха поэтов у М. Лозинского (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Октября 1 (?). Записал стихотворение «Образ твой, мучительный и зыбкий...» на обороте пригласительного билета на вернисаж выставки картин Н. И. Кульбина 1 окт. 1912 г. (Варава Б. Н. Воспоминания сибирского книжника и антиквара: (в поисках Серебряного века). М.: «Среди коллекционеров», 2013. С. 167–168).

Октября 1. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых в Царском Селе. Повестка (*ИРЛИ*. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 15).

Октября начала не позднее. Выехал из Мустамяк в Петербург. Согласно донесению начальника Финляндского жандармского управления в Департамент полиции, «В Октябре месяце он [О. М.] выехал из селения Мустамяки неизвестно куда» (*Зубарев, Нерлер 2000*. С. 122).

Октября первые числа. Вышел № 1 журнала «Гиперборей» со стихотворениями «Отчего душа — так певуча...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...», «Сегодня дурной день...», «Я вздрагиваю от холода...». Источник даты: запись А. Блока 9 окт. (*Дневник Блока*. С. 161).

Октября 10. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Октября 12. Гумилев вновь зачислен в университет и приступил к занятиям; снял квартиру в Тучковом переулке, 17, кв. 29 (*Степанов 1991*. С. 376–377).

♦ Из воспоминаний: «Иногда [О. М.], желая меня потешить, рассказывал какие-то милые пустяки. Например, стих Малларме: "La jeune mère allaitant son enfant" будто в ранней юности перевел так: "И молодая мать, кормящая со сна". Смешили мы друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван на "Тучке" и хохотали до обморочного состояния <...>» (*Листки из дневника*. С. 184).

Октября 15. Заседание Неофилологического общества при университете. Доклад Ф. А. Брауна «Эволюция романтической теории» (*Письма Мочульского к Жирмунскому*. С. 144. Примеч. 9). После заседания О. М., Вас. Гиппиус, М. Лозинский пишут на квартире Лозинского (Волховской пер., 2) пародийный сонет «Пастораль» (*ПССиП*. Т. 1. С. 345, 717).

Октября 20. Собрание Цеха поэтов у М. Лозинского (юбилей Цеха) (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19). Чествование С. Городецкого в связи с выходом книги «Ива» (*Степанов 1991*. С. 377). Ночью чествование продолжено в «Бродячей собаке»: «На последнем субботнике в подвале "Интимного театра" очень радушно чествовали гостящих в Петербурге польских актеров. <...> Около 2 часов ночи в подвале "Интимного театра" собрались члены "Цеха поэтов" во главе с Сергеем Городецким, Н. Гумилевым и др. Узнав о присутствии в кружке польских актеров, Сергей Городецкий вышел на эстраду, увенчанный лавровым венком и высказал свою радость по поводу случайной встречи с представителями польского искусства <...> назвав Польшу "Стрелой славянства"» (Обозрение театров. 1912. 22 октября. С. 11; *Программы «Бродячей собаки»*. С. 194).

Октября до 22. Готовит реферат о Франсуа Вийоне для выступления на заседании романо-германского кружка в университете.

♦ Из письма К. Мочульского, 22 окт.: «Второе собрание нашего кружка всё откладывается, так как Мандельштам оказался очень неаккуратным лицом — всё пишет свой реферат, всё жмет мне руку, прося отсрочки, — боюсь, что так продолжится ad infinitum.

Познакомился я в Университете с поэтом Гумилевым, который собирается учредить кружок изучения поэтов (вероятно, в том числе и самого себя), в котором будут участвовать многие достославные люди: Мандельштам, [Вас.] Гиппиус, Пяст, [Мих.] Лозинский, [Л. В.] Лебедев, Шилейко и прочие. Записался и я. Гумилев мне не понравился — неподвижное, грубо вылепленное лицо с бесцветными глазами» (*Письма Мочульского к Жирмунскому*. С. 146). См. Октября 29, Ноябрь, до 23.

Октября 26. Запись С. Каблукова: «Мандельштам вовсе пропал с моего горизонта, и я долго и тщетно его разыскиваю» (*Каблукова дневник*. С. 246).

Октября 28. — Дата стихотворения «Айя-София» в прижизненной машинописи (*ПССиП*. Т. 1. С. 535).

Октября 29. Письмо М. Лозинского — Вас. Гиппиусу: «Сегодня [К. А.] Вогак, Мандельштам и я сообщили вкратце [Ф. А.] Брауну о нашем кружке» (Рус. литература. 1988. № 2. С. 183. Публ. К. Азадовского, Р. Тименчика). См. Октября до 22, Ноябрь, до 23.

Ноября 1. Подает прошение секретарю по студенческим делам университета с просьбой переслать призывное свидетельство в Ковенское уездное воинское присутствие. Адрес: Измайловский, 16, кв. 29 (*ПССиП*. Т. 3. С. 581).

Ноября 1. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых в Царском Селе (письмо М. Лозинского — Вас. Гиппиусу: *ИРЛИ*. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 1).

Ноября 5. Подает прошение в университет с просьбой выдать удостоверение о своем статусе студента для С.-Петербургского воинского присутствия (*ПССиП*. Т. 3. С. 581–582).

Ноября 7. «7-го ноября вечером меня “с супругой” зовут в “Аполлон” слушать чтение стихов “Цеха поэтов”» (*Дневник Блока*. С. 174).

Ноября 8. Дано разрешение Министерства народного просвещения студентам историко-филологического факультета, в том числе О. М., остаться второй год на первом курсе для сдачи экзаменов по греческому языку (*Сальман 2010*. С. 454–455).

♦ Из воспоминаний: «Ему нужно было сдать экзамен по греческому языку, и я предложил ему свою помощь. Он приходил на уроки с чудовищным опозданием, совершенно потрясенный открывшимися ему тайнами греческой грамматики. Он взмахивал руками, бегал по комнате и декламировал нараспев склонения и спряжения. Чтение Гомера превращалось в сказочное событие; наречия, энклитики, местоимения преследовали его во сне, и он вступал с ними в загадочные личные отношения. Когда я ему сообщил, что причастие прошедшего времени от глагола “пайдево” (воспитывать) звучит “пепайдевкос”, он задохнулся от восторга и в этот день не мог больше заниматься. На следующий урок пришел с виноватой улыбкой и сказал: “Я ничего не приготовил, но написал стихи”. И, не снимая пальто, начал петь. Мне запомнились две строфы:

И глагольных окончаний колокол
Мне вдали указывает путь,
Чтобы в келье скромного филолога
От моих печалей отдохнуть.

Забываю тягости и горести,
И меня преследует вопрос:
Приращенье нужно ли в аористе
И какой залог "пепайдевкос"?

До конца наших занятий Осип Эмильевич этого вопроса не решил. Он превращал грамматику в поэзию и утверждал, что Гомер — чем непонятнее, тем прекраснее. Я очень боялся, что на экзамене он провалится, но и тут судьба его хранила, и он каким-то чудом выдержал испытание» (Мочульский К. В. О. Э. Мандельштам // Даугава. Рига, 1988. № 2. С. 112–113).

Ноября 11 и 16. Шаржированные отзывы А. С. Бухова о стихах, помещенных в № 1 «Гиперборея» (см. 1912, Октября первые числа) в «Воскресной вечерней газете» (Л. Аркадский. Литературные отголоски) и «Синем журнале» (Как убивают поэзию. Несколько цитат Арк. Бухова).

Ноября 15. Собрание Цеха поэтов «у Ахматовой» в Царском Селе (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом XI-2, № 31).

Ноября 17. Выступление кубофутуристов в «Бродячей собаке». «В последнем собрании в "Бродячей собаке" произошел чрезвычайно интересный, оживленный диспут московских и петербургских поэтов. "Исторический антагонизм" обеих столиц сказался даже и здесь <...> хотя один из деятелей петербургского "Союза молодежи" заявил в собрании, что теперь уже делаются попытки к слиянию обоих лагерей. <...> Вступительное слово Д. Бурлюка прерывалось саркастическими замечаниями слушателей. Одним из выдающихся представителей московского кружка поэтов г. Бурлюк назвал Хлебникова, автора стихотворения "О, засмейтесь, смехачи" и т. д., обратившего на себя уже давно внимание в печати. Г. Бурлюк прочел затем несколько стихотворений Хлебникова и своих собственных, которые встречены были ироническими замечаниями и смехом. Н. И. Кульбин пригласил аудиторию отнестись более "объективно" и спокойно к выступлению московских поэтов <...> После г. Бурлюка выступил <...> г. Маяковский, прочитавший несколько своих стихотворений, в которых слушатели сразу почувствовали <...> большое поэтическое дарование. Стихи г. Маяковского были встречены рукоплесканиями. Читал также свои стихи г. Бурлюк-младший и другие» (Z. Конфликт поэтов в «Бродячей собаке» // Обозрение театров. 1912, 19 нояб.; *Программы «Бродячей собаки»*. С. 197).

Ноября 20. В Троицком театре — лекция В. Маяковского «О новейшей русской поэзии». Из тезисов: «Аполлон и аполлонизм — рассадники духовного филистерства» (*Катанян 1985*. С. 61).

Ноябрь, до 23. Подписал прошение «Группы студентов Историко-Филологического факультета» (вместе с К. А. Вогаком, М. Л. Лозинским, Н. С. Гумилевым, К. В. Мочульским, М. М. Рындиным, С. Э. Радловым, Вас. В. Гиппиусом, В. М. Поповым) об утверждении устава «Кружка для изучения поэзии». Рассмотрено на заседании Совета университета 3 дек. 1912 г. (Сальман М. Г. Несостоявшийся «Кружок для изучения поэзии» в Петербургском университете (1912) // Рус. литература. 2013. № 2. С. 170). См. Октября до 22 и 29.

Ноября 25. В журнале «Театр» помещена рецензия А. Я. Левинсона на № 1 «Гиперборея». Отмечено стихотворение «Образ твой, мучительный и зыбкий...».

Ноября 28. Присутствовал на чествовании 350-летия Лопе де Веги в университетском романо-германском кружке в большом зале университета.

♦ Из письма К. Мочульского, 29 нояб.: «...Блистали такие фигуры, как [А. Я.] Левинсон, [Влад.] Шкловский, Пяст, Гумилев, Мандельштам, [Вас.] Гиппиус, Лозинские-frères* и прочая, многая. <...> Заключительные слова [Д. К.] Петрова предлагали поблагодарить докладчиков и предложить "вы там, сидящие на последних скамейках" не разговаривать, ибо это на заседаниях запрещается (преступниками оказались Гумилев, Мандельштам и [Г. Л. ?] Лозинский). <...> После чествованья Лопе мы решили компанией отправиться в Kneipe** на 1 линии (знаешь?), [Г. Л. ?] Лозинский, Гиппиус, Мандельштам, Гумилев, [С. М.] Боткин, [Б. А.] Кржевский, Пяст и я. Я был избран симпозиархоном, а Кржевский Лопе-де-Вегой; начались речи, тосты, беседы и расспросы воскресшего Лопе; затем стали читать стихи и экспромты и заставили меня прочесть свою поэму (о Данте). Она им всем понравилась, поэтому они нашли, что я "divino", и пригласили меня гостем в цех. Когда в час ночи нас стали гнать из Kneipe — все порешили отправиться в "Бродячую собаку"; там мы тоже устроили чествованье Лопе-де-Веги; Боткин и Кржевский с эстрады сказали несколько слов о нем, но в более легкомысленном стиле. Я познакомился с Кузьминым, [П. П.] Потемкиным, [С. Ю.] Судейкиным и прочими знаменитыми людьми; было много угара, шампанского, споров, импровизации. Появились какие-то очаровательные артистки. В заключение меня стали качать — обстановка была столь необычная и оригинальная, что я почувствовал себя, как дома, и наверное выступил бы в качестве танцора, певца, имитатора или жонглера, если бы не студенческая тужурка. Noblesse oblige! Когда же Кузьмин запел "Коль славен наш Господь", Боткин заговорил по-испански, а Гумилев стал изъясняться мне в любви, я решил, что наступает maximus gradus и очень ловко удрал. Было 5 ч. утра...» (*Письма Мочульского к Жирмунскому.* С. 153–154).

---

* братья (*франц.*)

** трактир (*нем.*)

Ноябрь. В № 11 журнала «Русская мысль» помещено стихотворение А. Блока «Шаги командора». Упоминается в статье «А. Блок» (*ПССиП*. Т. 2. С. 90).

Декабря 1. Собрание Цеха поэтов у П. Потемкина (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Декабря 2. Запись С. Каблукова: «Сегодня же (после трехмесячных бесплодных попыток) говорил по телефону с И. Э. Мандельштамом, живущим с осени оседло в Петербурге, посещающим усердно Университет и проповедующим новое направление в поэзии, именуемое “акмеизм” <...>, вместе с Анной Ахматовой (жена Гумилева), С. Городецким, Н. Гумилевым и В. Нарбутом <...> Акмеистические стихи печатаются в “Гиперборее” и с нового года в “Аполлоне”. Валериан Чудовский готовит статью о стихах Иосифа Эмильевича» (*Каблукова дневник*. С. 247).

Декабря 5. — Предполагавшаяся дата заседания романо-германского кружка с зачтением реферата О. М. о Франсуа Вийоне.

♦ Из письма К. Мочульского, 29 нояб.: «Следующее заседание [романо-германского] кружка состоится в эту среду (5 декабря) и будет посвящено двум докладам — Мандельштама о Франсуа Виллоне и Гумилева “О Франсуа Виллоне, Теофиле Готье и их отношении к современной литературе”» (*Письма Мочульского к Жирмунскому*. С. 153).

Декабря 8. Постановка «Черепослова» Козьмы Пруткова в «Бродячей собаке». «После спектакля — дивертисмент, выступали поэты приверженцы крайних направлений в поэзии. Было очень многолюдно» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 199).

Декабря 17. Собрание Цеха поэтов у С. Городецкого, Фонтанка, 143 (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Декабря 19. В «Бродячей собаке» лекция С. Городецкого «Символизм и акмеизм». Из повестки: «1. Последний этап символизма в России (Апофеоз или катастрофа?). Опыты “великого искусства” на почве символизма и неудача их. Причины катастрофы символизма: его пороки. Что такое символ, и к чему приводит последовательное ему служение. Развращение слов и словосоединений. Охотники за “соответствиями”. Мир в паутине. <...> 2. Новый век и новый человек. Работа Цеха поэтов. Рождение Адама. Ощущение полноты душевных и телесных сил в поэзии. Акмеизм и адамизм. Отношение акмеистов к миру. Освобождение мира из паутины “соответствий”. Самоценность мира и творчество в нем. Слово как алмаз целомудрия, как твердыня драгоценная. Защитники этой твердыни. Рай, творимый поэзией Н. Гумилева, Владимира Нарбута, М. Зенкевича, А. Ахматовой и О. Мандельштама. Отношение акмеизма к парнассу, импрессионизму и символизму. Открытый путь к великому искусству. После лекции состоятся прения при участии: А. Ахматовой, Н. Кульбина, Н. Гумилева, Е. А. Зноско-Боровского, О. Мандельштама, Е. Кругликовой» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 201).

♦ Из отчета: «“Адамизм” оказался старым знакомым обитателем храма символизма, откуда и раздавались призывы: будем, как дети, будем, как звери <...> В своем ответе С. Городецкий решительно взял и убил весь свой доклад, объявив акмеизм развитием идей Бергсона <...>» (Символизм и акмеизм // День. 1912, 23 декабря. С. 5. Подписано: С. И.).

♦ Обзор откликов см.: Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. М.: «Наука», 1982. С. 413. Примеч. 1.

Декабря 28. Собрание Цеха поэтов у М. Лозинского. «Состоится полуцеховое собрание в честь приехавшей в Петербург на праздники Е. Ю. Кузьминой-Караваевой» (Письмо М. Лозинского — Грааль-Арельскому: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 761. Л. 3). Сочинено шуточное стихотворение «По пятницам в Гиперборее...» со строфой:

Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Покачивает головой,
В акмеистичное ландо сев,
Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Одежды символизма сбросив,
Сверкает речью огневой,
Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Покачивает головой.

(*TSQ*. 2012. № 41. С. 132).

1913

Января 3. В журнале «За 7 дней» № 1, 3 янв., — статья М. Неведомского «Еще год молчания»: «Я указывал на намечающееся — слабо, но всё же намечающееся — тяготение молодой литературы к действительности, на пробивающуюся струйку “нео-реализма” <...> Так, Александр Блок, этот несомненно Божьей милостью поэт, долго живший в плену модернистских доктрин, с большой искренностью высказался о переживаемом им повороте еще в предисловии к сборнику “Земля в снегу”, а выпущенный им в конце 1911 г. том стихотворений “Ночные часы” — уже полон трепета реальной действительности. В Петербурге рядом с таким последним словом модернизма (гордо отрицающем все слова предыдущие) как кружок “футуристов” <...> образовался и крепнет совсем иной по духу и всем своим аспирациям кружок молодых поэтов, назвавший себя “Цехом поэтов”. Во главе его стоят С. Городецкий и Н. Гумилев. Если в стихотворениях иных из членов цеха замечается несколько искусственное couleur locale, подчеркнутый “народный” дух, то в общем, надо сказать, что именно возврат к действительности, к конкрету, к краскам и трепету жизни является основной нотой в настроении этих молодых стихотворцев».

Января около 10. Вышел № 3 журнала «Гиперборей» (1912, декабрь) со стихотворениями «Я не поклонник радости предвзятой...»,

«Когда показывают восемь...», «Тысячеструйный поток...» и рецензией на книгу И. Эренбурга «Одуванчики». В разделе «Объявления» — «Издания Цеха поэтов»: О. Мандельштам. Р а к о в и н а. Готовится.

Января 15. Собрание Цеха поэтов в квартире Николая Бруни (Академия Художеств, кв. 5). Повестка (*ИРЛИ*. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 17).

Января 21; Марта 3. Письма Ал. Н. Чеботаревской Вяч. Иванову.

♦ 21 янв.: «Мандельштам ходит и говорит: “Отныне ни одна строка Сологуба, Брюсова, Иванова или Блока не будет помещена в «Аполлоне» — он скоро (это еще оч<ень> проблематично) будет журналом акмеистов”» (Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. М., 1982. С. 410).

Ср. в письме Ан. Н. Чеботаревской — В. Я. Брюсову, 20 янв.: «Очень неприятен в последнее время “Цех поэтов”, который решил очень откровенно обратить на себя внимание и отвлечь его от “старших” (Брюсова, Сологуба, Блока, Иванова). Недавно на вечере “Бродячей собаки” вслух заявляли: “В «Аполлоне» больше не появится их ни строки” (к счастью, ни вы, ни Федор Кузьмич, кажется, никогда туда и не давали ни строки) а затем во время какой-то предутренней свалки вопили: “Долой Брюсова и всех этих буржуев” (?). Отвращение внушает их саморекламирование и, наконец, тенденция выдвинуться, ругая тех, по стопам которых они и выкарабкались на свет божий — все эти Гумилевы (он один из ярых акмеистов), Городецкие, Мандельштамы и пр.» (Лит. наследство. Т. 85. М.: «Наука», 1976. С. 703).

♦ 3 марта: «Городецкий, кроме того, что он ведет кампанию за акмеизм против символизма, позволял себе неоднократно вылазки чисто личные против Вас, Блока, публично. В подвале, читая об акмеизме, он разбирал один Ваш сонет из “Золотых завес”, на каждом шагу спрашивая “что это значит”, “какой тут смысл”, а также одно стихотвор<ение> Блока, над кот<орым> тоже прямо издевался. На прошлой неделе они зазвали в “Собаку” Философова, и, попросив его председательствовать, так начали непристойно бранить символизм и его представителей (на этот раз досталось Сологубу, но и всем также), что Дм<итрий> Вл<адимирович> возмущенно сказал им, что они непорядочные люди, сами выросшие из символизма (как Городецкий) и теперь, в силу какой-то личной “психологии”, выгоды, и всего проч<его> обрушивающиеся на ни в чем неповинное почтенное течение, и отказался от председательства и ушел» (Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. М., 1982. С. 413).

Января 23. Дарственная надпись Василиска Гнедова на книге «Гостинец сентиментам»: «Отчехвощенному Сологубом О. Мандельштаму» (*Сеславинский 2016*. С. 259).

Января 25. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых в Царском Селе. Повестка (*ИРЛИ*. Ф. 47. Оп 3. Ед. хр. 39. Л. 16).

Январь. — Дата ранней редакции стихотворения «Петербургские строфы» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 536).

Февраля 1. Приглашение канцелярии университета явиться по делу о воинской повинности. Указан адрес: Измайловский проспект, 16, кв. 29. Приложена справка об изменении адреса на новый: Загородный проспект, 14 (*Сальман 2010*. С. 458–459).

Февраль, первые числа. Вышел № 1 журнала «Аполлон» со статьями Н. Гумилева и С. Городецкого об акмеизме, обзором Г. Иванова «Стихи в журналах 1912 г.»: «С октября 1912 г. начал даже выходить журнал, посвященный исключительно стихам, — ежемесячник стихов и критики “Гиперборей”, упоминанием о котором я, следуя мудрому правилу: — “приятное к концу” — и закончу свое обозрение. “Гиперборей”, насчитывающий в числе своих сотрудников таких поэтов, как А. Ахматова, Гумилев, Городецкий, Мандельштам, Нарбут, Зенкевич, однако, является не только журналом, печатающим хорошие стихи, но и тем руслом, куда стремится всё подлинно живое и в русской поэзии, прошедшей искусы символизма... И радостно видеть, как с каждым новым выпуском молодого журнала это русло делается все определеннее».

Февраля начало. В романо-германском кружке при университете — реферат Н. Гумилева об «Эмалях и камеях» Т. Готье.

♦ Из письма К. Мочульского, начало февраля: «Я последнее время очень сблизился с поэтом Гумилевым, который мне очень симпатичен (представь!), в кот. я нашел больше того, чего ждал. Он готовится теперь к проверочным испытаниям по греческому и латинскому языкам, и я занимаюсь с ним сиими предметами. <...> Для того, чтобы литературная деятельность не отвлекала его от сурового пути классических штудий, Гумилев поселился в одном доме со мной, этажом выше. И часто вечерами мы плаваем с ним в облаках поэзии и табачного дыма, обсуждая все вопросы поэтики и поэзии; споря и обсуждая новое литературное течение “акмеизм”, maitre’ом которого он себя считает. Всё это хоть и не вполне соответствует моим вкусам, тем не менее очень оригинально и интересно. При встрече расскажу подробней. Сегодня вечером в нашем кружке Гумилев будет читать реферат о Теофиле Готье; будет блестящая ассамблея ученых и литераторов “под эгидой [В. Н.] Андерсона”» (*Письма Мочульского к Жирмунскому*. С. 158–160).

Февраля 12. Н. Пунин отмечает в дневнике «сегодняшний разговор с Мандельштамом» (*Пунин 2000*. С. 40).

Февраля 13. В «Бродячей собаке» — доклад Е. Зноско-Боровского «Бунт или революция» (о современном русском театре). В прениях объявлено участие С. Ауслендера, М. Кузмина, Н. Гумилева. Повестка (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 207).

Февраля 15. Выступил с чтением стихов на заседании Всероссийского литературного общества (под председательством Ф. Сологуба) вместе с Ахматовой, Гумилевым, Городецким, Зенкевичем,

Клюевым после доклада С. Городецкого «Символизм и акмеизм». «Доклад сопровождался чтением образцов акмеизма, читанных самими авторами» (На берегах Невы. № 4. С. 5).

Февраля 16. Собрание Цеха поэтов в редакции журнала «Аполлон» (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

♦ Письмо С. Городецкого — Д. Цензору, 17 февр.: «Дорогой Митя, спешу сообщить Тебе, что во вчерашнем заседании Цеха решено Цех расширить путем кооптации новых членов и что в первую голову был принят ты (единогласно)» (*РГАЛИ*. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 6). Кооптированы: В. В. Курдюмов, Вал. Як. Парнах, Д. М. Цензор, А. Д. Скалдин, С. Э. Радлов, В. Д. Гарднер, К. А. Вогак, Н. Д. Бурлюк, В. В. Хлебников, Н. П. Рудникова, Н. Н. Пунин (*Заметки об акмеизме*. С. 37).

♦ Из воспоминаний Н. Пунина: «В “Цехе” я познакомился с Осипом Мандельштамом, одним из лучших поэтов моего поколения. Это тоже было существо, более совершенное, чем люди. Он слушал собеседника, опустив длинные ресницы своих глаз, так, как будто прислушивался не к словам, а к тому, что было скрыто за словами говорившего; может быть, от этого его реплики так часто были неожиданны, и он произносил их с оттенком какого-то недоумения, как бы спрашивая, то ли он услышал. Разговор с ним даже людей посредственных очень часто превращался в какую-то поэтическую импровизацию, в особом, если можно так выразиться, душевном пространстве. Остроумный, но без всякой остроты, находчивый, даже дерзкий, но с какой-то деликатной осторожностью, Мандельштам бросал вызов собеседнику и сам же его ловил, но уже с другого конца, как будто во время разговора он перебегал с места на место. Он был не красив, но обаятелен — и прелестный, в особенности, когда жмурил глаза и склонял голову набок, наподобие какой-то птицы» (Ахматова А. Поэма без героя. М.: МПИ, 1989. С. 337).

Н. Пунин
Фотография

Февраля 19. В «Бродячей собаке» — «беседа» Н. И. Кульбина «Наш день. Современный исторический момент» и прения в «Бродячей собаке» с участием С. Городецкого (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 208).

Февраля 19. В газете «Нижегородец» — статья И. В. Игнатьева «Литературные тени»: «У “цеховой” своры — “Аполлон”, “Гиперборей” и др. ведут атаку на внимание читателя. <...> Один из видных “цеховиков”, О. Мандельштам, после неоднократных надоеданий “старшим” поэтам, обратился к Федору Сологубу. Получилась курьезность, вряд ли приятная для г. Мандельштама. Имел место

телефонный диалог: М. Будьте любезны назначить время, когда бы я мог приехать к вам! С. Зачем? М. Я хочу прочесть вам мои стихи! С. Зачем? М. Я хочу узнать ваше мнение! С. Я не выскажу вам никакого мнения. М. Я постараюсь прочесть ваш приговор по выражению вашего лица. С. Мое лицо вам ничего не скажет (вешает трубку)».

Марта 1. Собрание Цеха поэтов в редакции журнала «Аполлон» (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Марта 1. Лекция Ф. К. Сологуба «Искусство наших дней».

♦ Запись А. Блока: «...вечером пришел на лекцию Сологуба <...> а там — мама, тетя <...> акмеисты, и пр., и пр.» (*Дневник Блока*. С. 226).

♦ Из письма Ал. Чеботаревской — Вяч. Иванову, 2 марта: «Но благородно и изящно было стремление выступить на защиту и раскрытие своего отношения к символизму Сологуба, утверждавшего его горячо и красиво. Акмеисты кусали себе губы» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: «Наука», 1976. С. 139. Публ. А. В. Лаврова).

Марта 2. В газете «Русская молва» — заметка в «литературной хронике»: «Издательством “Акмэ” в этом месяце выпускаются три книжки акмеистов: Итальянские стихи Н. Гумилева, книжка стихов О. Мандельштама и “Вереница восьмистиший” Сергея Городецкого» (с. 6).

Марта 11. Литературная хроника: «В противовес литературному течению “Акмэ” организуется литературный кружок “Галатея”, цель которого — отстаивать интересы символизма. Кружок предполагает издавать журнал, редактировать который будет Борис Садовской» (День. С. 5). Ср. в письме В. Н. Княжнина — Б. А. Садовскому, 3–5 марта: «Что “Галатея”? Обещано в феврале, а теперь март... <...> Жаль, ибо акмеисты одолевают. <...> Но почему они вошли в славу? <...> Этот вопрос задал мне Алекс<андр> Александрович Блок, когда я был у него как-то на днях. <...> Я объяснил дело сплоченностью этой группы <...> Но Ал. Ал. находит это объяснение слишком упрощенным» (Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. М.: «Наука», 1982. С. 414).

Марта первая половина. Вышел № 2 журнала «Аполлон» со статьей «О собеседнике».

Марта 15. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых в Царском Селе (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19). После собрания Гумилев и Лозинский пишут сонет-акростих «Николай Гумилев» (Natales grate numeras? Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 455–456).

Марта не ранее 20, не позднее 29. Вышел № 5 журнала «Гиперборей» со стихотворениями «Петербургские строфы», «В душном баре иностранец...», «Лютеранин». В том же номере — обращенное

к О. М. стихотворение С. Городецкого «Он верит в вес, он чтит пространство...».

Марта последние числа, не позднее 30. Под маркой издательства «Акмэ» вышел «Камень». Источник даты: дарственная надпись М. Лозинскому: «Дорогому и внимательному собеседнику, М. Л. Лозинскому Автор. 30 марта 1913» (Архив М. Л. Лозинского).

♦ Рецензии и отклики см.: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 213–217. (Лит. памятники). См. также: Апрель; Мая середина; Июня 17; Августа 30; Август; 1914, Февраль (?).

♦ Из воспоминаний: «Интересна история издания первого "Камня" — тоненькой книжечки с двадцатью тремя стихотворениями, написанными с 1909 по 1913 год. Издание "Камня" было "семейным" — деньги на выпуск книжки дал отец. Тираж — всего 600 экземпляров. Помню день, когда Осип взял меня с собой и отправился в типографию на Моховой и мы получили готовый тираж. Одну пачку взял автор, другую — я. Перед нами стояла задача: распродать книги. Дело в том, что в Петербурге книгопродавцы сборники стихов не покупали, а только брали на комиссию. Исключение делалось для очень немногих уже известных поэтов. Например, для Блока. После долгого раздумья мы сдали весь тираж на комиссию в большой книжный магазин Попова–Ясного, угол Невского и Фонтанки, там, где теперь аптека. Время от времени брат посылал меня узнавать, сколько продано экземпляров, и когда я сообщил, что раскуплено уже сорок две книжки, дома это было воспринято как праздник» (*Евгения Мандельштама воспоминания*. С. 136).

Март. Вышел журнал «Русская мысль» № 3 со статьей В. Брюсова «Новейшие течения в современной русской поэзии. Футуризм».

♦ Письмо Н. Гумилева — В. Брюсову, б/д: «Я с громадным интересом прочел Вашу статью о футуристах, хотя соглашался не со всем. <...> В конце Вашей статьи Вы обещаете другую, об акмеизме. Я хочу Вас просить со всей трогательностью <...> прислать мне корректуру этой статьи до 7 апреля. В этот день я уезжаю на четыре месяца по поручению Академии Наук в Африку <...> Всем, пишущим об акмеизме необходимо знать, что "Цех поэтов" стоит совершенно отдельно от акмеизма (в первом 26 членов, поэтов акмеистов всего шесть), что "Гиперборей" — журнал совершенно независимый и от "Цеха" и от кружка "Акмэ", что поэты акмеисты могут считаться таковыми только по своим последним стихам и выступлениям, прежде же они принадлежали к разным толкам. Действительно акмеистические стихи будут в № 3 "Аполлона", который выйдет на этой неделе» (Лит. наследство. Т. 98, кн. 2. М.: «Наука», 1994. С. 512).

Апреля 1. Собрание Цеха поэтов у М. Лозинского (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X, № 19).

Апреля 1. В газете «Речь» — статья Влад. Гиппиуса «Литературная суета». «В этом году началось с того, что некоторые из молодых

символистов начали отрекаться от своих учителей, и производили это отречение, по-видимому, с намеренным шумом, имея в виду не кружковую борьбу только, — и основались для этого в достаточно популярном художественном журнале, а также в одном, не менее популярном, кабачке».

Апреля 3. Дарственные надписи на «Камне»: «К. В. Мочульскому, филологу, чудесно понимающему, что такое стиль» (Тименчик Р. Д. 75 лет книге [Камень] // Памятные книжные даты. М., 1988. С. 187); С. М. Городецкому — «с любовью и уважением» (*Ласунский 1990*. С. 402, со ссылкой на собрание Л. А. Мнухина); С. П. Каблукову — «суровому ценителю стихов» (*Каблукова дневник*. С. 247, 361).

Апреля 4. Общество поэтов. Повестка: «Драма Блока “Роза и Крест”. Доклад Н. В. Недоброво “О связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием”» (*Княжнин 1925*).

Апреля 4 и 6. В «Русских ведомостях» помещены «Литературные отклики» И. Игнатова («Новые поэты. “Акмеисты”, “адамисты”, “эго-футуристы”»).

Апрель, до 7. Вышел № 3 журнала «Аполлон» со стихотворениями «Айя-София» и «Notre Dame» (в составе подборки стихотворений акмеистов, с редакционным примечанием: «Печатаемые здесь стихотворения принадлежат поэтам, объединенным теми идеями, которые были изложены в статьях Н. Гумилева и С. Городецкого, в январской книжке “Аполлона”, и могут до некоторой степени служить иллюстрацией к высказанным в этих статьях теоретическим соображениям») и с рецензиями на тома 1–10 «Собрания сочинений» Дж. Лондона и книгу Ж. К. Гюисманса «Парижские арабески». Источник даты — сообщение о выходе номера (День. 8 апр. С. 5).

Апреля 7. Надписал «Камень» М. С. Ливеровской (*Ласунский 1990*. С. 402, со ссылкой на собрание А. М. Луценко; *Сеславинский 2016*. С. 247).

Апреля 9. Сдал поверочный экзамен по греческому языку у И. И. Толстого (*Сальман 2010*. С. 459).

Апреля 10. Общество поэтов. Повестка: «Доклад А. Д. Скалдина “О содружестве муз”» (*Княжнин 1925*).

Апреля 11/24. Взятие войсками Черногории турецкой крепости Скутари. В близкие после этого дни Георгий Иванов и О. М. присутствуют на Казанской площади во время демонстрации по этому поводу (Иванов Г. В. Китайские тени // Последние новости. Париж, 1930. 22 февр. С. 3).

Апреля 12. Дарственные надписи на «Камне»: «Анне Ахматовой — вспышки сознания в беспамятстве дней, почтительно Автор. 12 апр. 1913» (Библиотека *РГАЛИ*); «Дорогому Владимиру Васильевичу [Гиппиусу] на память о прошедшем и в залог будущего. Автор. 12 апр. 1913» (*Инскрипты*. С. 202).

Апреля 19. Собрание Цеха поэтов «у Ахматовой» в Царском Селе. Повестка (*РГАЛИ*. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 8).

♦ Запись А. Блока, 20 апр.: «Позвонил Городецкий <...> Вчера, говорит, в "цехе" говорили об И. Северянине и обо мне. <...> В акмеизме будто есть "новое мироощущение" — лопочет Городецкий в телефон. Я говорю: зачем хотите "называться", ничем вы не отличаетесь от нас. Он недоволен тем, что было столько "шуму и злобы"» (*Дневник Блока*. С. 238).

Апреля 20. Общество поэтов. Повестка: «Доклад Р. Р. фон Вальтера "О Стефане Георге". "Поэма в нонах" В. Пяста» (*Княжнин 1925*).

Апреля 20-е числа. Вышел № 4 «Аполлона» со статьей «Франсуа Виллон».

♦ Из откликов: «О. Мандельштам в характеристике Франсуа Виллона (XV в.) проводит параллель между ним и Верленом. <...> Приложенные к статье переводы Н. Гумилева "Большого завещания" Ф. Виллона — хорошо звучат и богаты рифмой» (День. 1 мая. С. 5).

Апреля 27. Общество поэтов. Повестка: «Доклад Н. В. Недоброво "О связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием". Чтение стихотворений» (*Княжнин 1925*).

Апрель. Вышел № 4 журнала «Русская мысль» со статьей В. Брюсова «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм». «Всего вероятнее, через год или два не останется никакого акмеизма. Исчезнет самое имя его, как забылось, например, название "мистического анархизма", движения, изобретенного лет 6–7 тому назад г. Георгием Чулковым».

Апрель. Вышел № 4 «Нового журнала для всех» с рецензией В. И. Нарбута на «Камень».

Мая 1. Сдал зачет по староиспанскому языку профессору Д. К. Петрову (*Сальман 2010*. С. 459).

Мая не позднее 4. Вышла из печати «Декларация слова как такового» А. Крученых (*Книл* № 18, 29 апр. — 6 мая). О связи с ней статьи «Утро акмеизма» см.: *Мец 2011*. С. 126 и след.

Мая 7. Общество поэтов. Повестка: «Доклад Л. В. Рудницкого "Красота Петербурга и поэзия". Чтение стихотворений, касающихся Петербурга» (*Княжнин 1925*).

Мая 8. Получил в дар от С. М. Городецкого книгу «Ива» с надписью «Каменщику доброму / Мандельштаму Осипу / с любовью / Автор» (*Сеславинский 2016*. С. 261).

Мая 12. Записал в альбом А. И. Тинякова стихотворение «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 538).

Мая 13. Дарственная надпись на «Камне»: «Вячеславу Иванову с радостным восхищением» (*Инскрипты*. С. 203).

Мая первая половина. Из письма К. Мочульского: «Однако фантазировать на архитектурные темы — кажется, признак акмеизма. С последним у меня прервались всякие сношения вместе

с прекращением занятий с Мандельштамом. Кажется, знакомство с новейшей русской поэзией обойдется мне, благодаря Манд<ельшта>му, в несколько десятков рублей» (*Письма Мочульского к Жирмунскому*. С. 162).

Мая середина. В № 6 журнала «Гиперборей» помещена рецензия О. М. на «Громокипящий кубок» И. Северянина; рецензия С. М. Городецкого на «Камень» Мандельштама. «Обладая личным чувством ритма, образы для своих переживаний схватывая остро и своеобразно, поэт "Камня" поистине кладет прочный камень в угол созидаемого им мира».

Мая 16. Общество поэтов. Повестка: «Доклад Д. Д. Бизюкина "Один из забытых поэтов — В. С. Филимонов (1785–1858)". Чтение стихотворений» (*Княжнин 1925*).

Мая 22. Дарственная надпись на «Камне»: «Зинаиде Афанасьевне Венгеровой в знак глубокого уважения. Автор. 22 мая 1913» (*Инскрипты*. С. 202).

Мая 23. Внесен в число постоянных сотрудников журнала «За 7 дней» вместе с Георгием Ивановым, С. Городецким, В. Нарбутом (с № 16, 23 мая).

Мая конец. Вышел № 5 журнала «Заветы» со статьями «Акмеизм» (редакционной и А. Долинина) и с подборкой стихов акмеистов (Городецкого, Гумилева, Ахматовой, Зенкевича, Мандельштама), сопровожденной примечанием: «Помещаемые здесь стихотворения принадлежат поэтам, объединяемым идеями акмеизма». Опубликовано стихотворение «Египтянин» («Я избежал суровой пени...»).

Май. — Дата ранней редакции стихотворения «Адмиралтейство» в беловом автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 538).

Июня 7. Петербург. Из письма В. Нарбута к М. Зенкевичу: «О Манделе — ни слуху, ни духу. О Гумиляе — тоже. <...> Знаешь, я уверен, что акмеистов только 2: Я да ты. <...> Какая же Анна Андреевн<а> — акмеистка, а Мандель? Сергей — еще туда-сюда, а о Гумилеве — и говорить не приходится. Не характерно ли что все, кроме тебя, меня да Манделя (он, впрочем, лишь из чувства гурмана), боятся трогать Брюсова, Бальмонта, Сологуба» (*Котова, Лекманов*. С. 84–85).

Июня 17. В газете «Речь» — статья С. Городецкого «Музыка и архитектура в поэзии». «Поэтическое оружие Мандельштама не плохо. Марка "делано по Брюсову" уже не раз оказывалась хорошей. <...> Очень характерна для его лирического портрета черта метафизической скромности, заметная в таком, например, стихотворении (цитируется «Нет, не луна, а светлый циферблат...». — *А. М.*). <...> Темы остры, и выявление переживаний откровенно, в хорошем смысле этого слова, и честно, чем особенно отличается новейшая поэзия: Мандельштам не прикрашивает и не преувеличивает своего опыта».

Июня 20. Вышел № 20 журнала «За 7 дней» со стихотворением «Теннис».

Июня 23. Д. В. Знаменский в письме к С. П. Каблукову благодарит за посланные стихи и сообщает оценку стихотворений «Камня» (*Каблукова дневник*. С. 247).

Июня 25. Постановление Правления университета об исключении О. М. за невзнос платы (*Сальман 2010*. С. 461).

Июня 27. Вышел № 21 журнала «За 7 дней» со стихотворением «Веселая скороговорка...» с датой: **Июнь**.

Июля 4. Вышел № 22 журнала «За 7 дней» со стихотворением «У меня не много денег...».

Июля 9. Письмо З. Гиппиус — С. Каблукову: «Мандельштама [«Камень»?] я получила, спасибо, хотя я им продолжаю не быть очарованной. Очень и очень "так себе". Чем он вас пленил?» (*Каблукова дневник*. С. 248, 361).

Июль. Вышел № 7 журнала «Аргус» со стихотворением «Американ бар».

Июль. В № 7 журнала «Русское богатство» — статья А. Редько «У подножия африканского идола: Символизм. Акмеизм. Эго-футуризм». В аргументации привлекается цитата из статьи О. М. «О собеседнике» (с. 181), см. Марта первая половина.

Августа 17. Выборг. Пишет прошение на имя ректора С.-Петербургского университета о разрешении внести лекционную плату за истекший учебный год. Адрес: Выборг, Патеула, дача Корнер (*ПССиП*. Т. 3. С. 582).

Августа 30. В газете «Биржевые ведомости» (утр. вып.) — статья А. А. **Измайлова** «Стилизованная старина в песнях Мандельштама».

Август. Вышел № 8 журнала «Новое слово» с рубрикой «Хрестоматия новой литературы», ведущий — А. Измайлов (включает рецензию на «Камень»).

Сентября 1. Сдал поверочный экзамен по латинскому языку Л. П. Карсавину (*Сальман 2010*. С. 462).

Сентября 5. Сдал экзамен по логике И. **И**. Лапшину (*Сальман 2010*. С. 462).

Сентября 10. Сдал экзамен по предмету «Введение в языкознание» **И**. А. Бодуэну де Куртенэ (*Сальман 2010*. С. 462).

Сентября 11. В «Камень», принадлежавший С. П. Каблукову, вписал стихотворение «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 538).

Сентябрь. В № 9 журнала «Северные записки» помещены стихотворения «Слух чуткий парус напрягает...» и «Качает ветер тоненькие прутья...».

Октября первые числа. Приезд Бенедикта Лившица в Петербург. «Точно так же знакомство с Мандельштамом, с которым мы почти одновременно дебютировали в "Аполлоне", быстро переросло границы, полагаемые простым литературным соседством, и, приняв все черты товарищества по оружию, не утратило этого

характера даже в ту полосу, когда мы очутились в двух разных лагерях. Между прочим, не кто иной, как Мандельштам, посвятил меня в тайны петербургского “savoir vivre’a”*, начиная с секрета кредитования в “собачьем” буфете и кончая польской прачечной, где за тройную цену можно было получить через час отлично выстиранную и туго накрахмаленную сорочку — удобство поистине неоценимое при скудости нашего гардероба» (*Полутораглазый стрелец*. С. 516).

Октября 1. Собрание Цеха поэтов у Гумилевых. Повестка (*ИРЛИ*. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 15).

Октября 2. Дарственная надпись на «Камне»: «Вячеславу Ивановичу Иванову с глубокой признательностью и настоящей любовью. <...> Петербург» (*Инскрипты*. С. 203).

Октября 3. Вышел № 35 журнала «За 7 дней» со стихотворением «Летние стансы».

Октября 5. Присутствовал и выступил на диспуте (?) после лекции К. Чуковского «Искусство грядущего дня. Русские поэты-футуристы» в Тенишевском зале.

♦ Из беседы М. Зенкевича с В. Дувакиным: «В это время у нас велись переговоры о блоке между левыми акмеистами и футуристами. И там вот (на лекции К. И. Чуковского о футуризме. — *О. Л.*) должен был выступать Мандельштам от акмеистов. Мы с ним вместе кое-что работали, но основное он сам всё сделал»; «Они соглашались, чтобы туда, значит, [вошли] я, Нарбут и Мандельштам... Это они соглашались блокироваться. В это время посредником был брат [Давида] Бурлюка, Николай Бурлюк <...> и вот тут-то было первое совместное выступление. Выступал, ну, теоретически больше, а не только со стихами, Мандельштам, готовил выступление. Он ко мне приходил и потом... он говорил: “Я у них был...”. Ну, в общем, говорит: “Я их видел. Это такая богема, богема, знаешь. Вот пойдем на вечер... Я заново переписал это выступление” — и так далее. Ну, и вот, он там выступал <...> Они на лекцию его (Чуковского. — *О. Л.*) пришли... Вот пришел Маяковский, он там выступал, и выступал Мандельштам. Других я не помню. Никто не выступал» (Лекманов О. Мандельштам и Маяковский: взаимные оценки, перекличка, эпоха // *СМР* 3/1. М.: РГГУ, 2000. С. 219). Чуковский повторил свою лекцию в этом же зале 13 окт. и 5 нояб.

♦ Отчеты: Речь, 7 окт. С. 3; Современное слово, 16 окт. С. 3.

♦ Из очерка Г. Адамовича «Георгий Иванов»: «Познакомился я с Георгием Ивановым на лекции Корнея Чуковского о футуризме в круглом Тенишевском зале. <...> Гумилев, вечный Дон-Жуан, тогда же сказал, заметив понравившуюся ему барышню явно футуристического вида: “Если она «кубо», я готов в нее влюбиться, если

* Умения жить (*франц.*)

«эго» — нет, ни за что. Акмеисты должны объявить войну на два фронта — и против футуристов, и против символистов!" — с бонапартовской боевой решительностью восклицал Гумилев. <...> Георгий Иванов был неразлучен с Осипом Мандельштамом, одним из самых смешливых — и при том одним из самых умных — людей, которых мне приходилось встречать. Наперебой они сочиняли экспромты, пародии, стихотворные шутки» (Новое русское слово. 1958. 2 нояб. С. 8).

Октября 5/18. Из письма А. Смирнова — Соне Делонэ: «У меня ½ аудитории (провансальский язык) — поэты: Гумилев, Мандельштам, сын Бальмонта etc. Всего 10 человек!! Цифра небывалая. У проф. Петрова 3–4 человека. Студенты кроме меня не признают другого авторитета. Благо им за это!» (Смирнов А. А. Письма к Соне Делонэ / Подгот. Д. Малмстада, Ж.-К. Маркадэ. М.: «Новое лит. обозрение». 2011. С. 391–392).

Октября 6. Дарственная надпись на «Камне»: «Н. И. Кульбину — визионэру и другу поэтов» (*Парнис 1991*. С. 184).

Октября 8. В приложении «Литература. Искусство. Наука» № 1 к газете «День» помещена рецензия на книгу И. Ф. Анненского «Фамира-кифаред: Вакхическая драма» (1913).

Октября 10. Дарственная надпись на «Камне»: «Вадиму Шершеневичу от ценителя его поэзии — автора» (*Инскрипты*. С. 206).

Октября 21. В приложении «Литература. Искусство. Наука» № 3 к газете «День» помещены рецензии на книгу С. М. Городецкого «Старые гнезда» и П. М. Кокорина «Музыка рифм».

Октября 29. В «Бродячей собаке» — «Вечер современной поэзии» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 214).

Ноября 1. Общество поэтов. Повестка: «Сообщение Н. В. Недоброво о книге кн. С. М. Волконского "Выразительный человек". Доклад А. А. Кондратьева "Молодость поэта Щербины"» (*Княжнин 1925*).

Ноября 3. Лекция Д. Бурлюка «Пушкин и Хлебников» в Тенишевском зале. Из тезисов: «Почему: Акмеисты, эго-футуристы, Мезонин поэзии — возбуждают недоумение, если именуются футуристами» (афиша).

♦ Из воспоминаний: «В Петербург я приезжал не так часто и всегда на короткий срок. В один из таких приездов я случайно, после трехлетнего перерыва, встретился с Мандельштамом на лекции Бурлюка (кажется, в Тенишевском училище). Мандельштам показался мне очень изменившимся, отпустил пушкинские бачки и вел себя уже как мэтр. Со мною он встретился без особой теплоты и во всяком случае без каких-либо следов прежней экспансивности. К тому же мы разошлись в нашем отношении к футуризму. Я испытывал сильное от него отталкивание, а Мандельштам в какой-то мере его защищал и во всяком случае был им серьезно заинтересован. На мое замечание, что я "предпочитаю корабль вечности кораблю современности" <...>

он ответил мне, не без некоторого раздражения: “вы не понимаете, что корабль современности и есть корабль вечности”» (*Воспоминания Карповича*. С. 261).

Ноября 5. Собрание Цеха поэтов у В. И. Гедройц. Царское Село, Госпитальная ул. (Дворцовый госпиталь). См.: Тименчик Р. Д. Об одном письме Анны Ахматовой // Звезда. 1991. № 9. С. 165.

Ноября 8. Чествование К. Д. Бальмонта в «Бродячей собаке». Инцидент (оскорбление Бальмонта сыном П. О. Морозова) (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 215). По письму М. Долинова к Б. Садовскому, присутствовали Н. Гумилев и А. Ахматова (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 6).

Ноября 9. Участвует в заседании Общества ревнителей художественного слова в помещении редакции «Аполлона». «На обоих этих заседаниях [второе — 30 нояб.], равно как и на третьем, состоявшемся 8 декабря, присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Н. Гумилев, гр. Вас. Комаровский, Валентин Кривич, А. Скалдин, О. Мандельштам, Ал. Вир и др.) читали свои стихи, которые подвергнуты были обсуждению» (Аполлон. 1914. № 1/2. С. 135. Подписано: Z).

♦ Приветственная телеграмма Вяч. Иванову от участников подписана, среди прочих, Мандельштамом, Гумилевым, Ахматовой (Архив М. Л. Лозинского).

Ноября 10. — Дата ранней редакции стихотворения «От легкой жизни мы сошли с ума...» (без указания года) (*ПССиП*. Т. 1. С. 539). Дата — день рождения Георгия Иванова (по новому стилю), почему посвящение в черновике «Юрочке милому» следует к нему и отнести (сообщение А. Ю. Арьева).

Ноября 13. В университетском романо-германском кружке состоялся «Вечер стихов». Перечислены участники: Н. Гумилев, О. Мандельштам, Г. Иванов, В. Пяст, [В. Я.] Парнок, [Вас.] Гиппиус и Бахтин [С. Боткин?] (Отчет о состоянии и деятельности СПб ун-та за 1913 г. СПб., 1914. С. 384).

Ноября 16. На вечеринке вологодского землячества «были футуристы: Игорь Северянин, Маяковский и еще кто-то; из приличной публики читали стихи О. Мандельштам и Георгий Иванов» (Дневник И. Евдокимова, запись 18 ноября. — *РГАЛИ*. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 45).

Ноября 17. Общество поэтов. Повестка: «Сообщение В. В. Ковалевского о поэме Б. В. фон Анрепа “Foreword to the book of Anrep”. Обсуждение насущных для настоящего времени вопросов, связанных с теорией и техникой романа» (*Княжнин 1925*).

Ноября 20. В Троицком театре диспут «Поэты-футуристы», организованный «Союзом молодежи». Доклад В. Маяковского «О новейшей русской литературе» (*Катанян 1985*. С. 76).

Ноября 20. Дарственная надпись на «Камне»: «Алексею Львовичу Грипичу с добрым чувством. Автор» (*Инскрипты*. С. 203).

Ноября 24. В «Бродячей собаке» чествование 40-летия Бориса Пронина.

♦ Из воспоминаний: «Нам (мне и Мандельштаму, и многим другим тоже) начинало мерещиться, что весь мир, собственно, сосредоточен в “Собаке”, что и нет иной жизни, иных интересов — чем “Собачьи”!» (*Встречи*. С. 182).

♦ Из воспоминаний: «Совсем иное положение занимали в “Бродячей Собаке” акмеисты. О них даже в гимне с похвалой отозвался Кузмин:

Цех поэтов — все “Адамы”,
Всяк приятен и не груб.

Ахматова, Гумилев, Зенкевич, Нарбут, Лозинский были в подвале желанными гостями. Но на Мандельштама и Георгия Иванова, друживших с нами, Пронин посматривал косо. Он, бедняга, слабо разбирался в тонкостях литературных направлений и поневоле ориентировался на побочные признаки» (*Полутораглазый стрелец*. С. 515–516).

Ноября 27. Справка адресного стола о месте проживания О. М.: Кадетская линия Васильевской части, д. 1–15 (*Сальман 2010*. С. 464).

♦ Из воспоминаний: «Многие из поэтов жили тогда на Васильевском Острове, вблизи университета. По соседству была редакция “Гиперборея” — квартира М. Лозинского. В первом Кадетском Корпусе жил Мандельштам (скоро он оттуда переехал — пугали штыки часовых). В мрачных меблированных комнатах на пятой линии обитал В. Шилейко, поэт и ассириолог» (Иванов Георгий. Поэты // Дни. Париж, 1925. 15 нояб.).

♦ Из воспоминаний: «В годы “Цеха” мы как-то заехали (Коля и я) к Осипу или за Осипом. Он тогда жил в 1-м [Кадетском] Корпусе на Васильевском Острове, нанимал комнату у офицера-воспитателя. Он показал нам в окно, как кадеты играют в футбол (тогда это была новинка), и прочел стихи “Футбол” — “А на дворе военной школы...”»* (*Листки из дневника*. С. 189).

Ноября 27. Общество поэтов. Повестка: «Доклад В. Ховина “Распад русского декаданса и дни великого смятения”. Доклад Д. А. Крючкова “Что такое русский эгофутуризм”» (*Княжнин 1925*).

Ноября 27. Присутствовал на «вечере поэтов» в «Бродячей собаке». Анонсировалось участие А. Ахматовой, С. Городецкого, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Г. Иванова, М. Моравской, В. Пяста (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 217).

♦ К этому вечеру относятся записи в дневнике Хлебникова: «Гумилев рассказал, что в Абиссинии кошки в загоне, никогда не мурлычат» (28 нояб.); «“Бродячая собака” прочел... Мандельштам заявил,

* Процитирован третий стих стихотворения «Рассеен утренник тяжелый...».

что это относится к нему (выдумка) и что не знаком (скатертью дорога)» (30 или 31 ноября) (Хлебников В. Собр. произведений. Л., 1933. Т. 5. С. 327; *Программы «Бродячей собаки»*. С. 217). «По устному свидетельству В. Шкловского (июль 1981 г.), Хлебников прочел стихотворение, посвященное числу тринадцать. Здесь же на вечере у Хлебникова произошел серьезный конфликт с Мандельштамом в связи с обсуждением оправдания М. Бейлиса, закончившийся вызовом Хлебникова на дуэль. В примирении поэтов принимали участие В. Шкловский и художник П. Н. Филонов» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 217).

♦ «В ноябре 1913 г. в артистическом подвале “Бродячая собака” произошла полемическая дуэль Хлебникова с Мандельштамом. Одно неправильно понятое суждение Хлебникова вызвало возражения Филонова, Ахматовой и других посетителей подвала. С наибольшей резкостью выступил против Хлебникова Мандельштам. Отвечая ему, Хлебников дал отрицательную оценку его стихам. Заключительная часть выступления Хлебникова озадачила всех своей неожиданностью: — А теперь Мандельштама нужно отправить обратно к дяде в Ригу... Привожу устный комментарий Мандельштама: — Это было поразительно, потому что в Риге действительно жили два моих дяди. Об этом ни Хлебников, ни кто-либо другой знать не могли. С дядями я тогда даже не переписывался. Хлебников угадал это только силой ненависти» (Харджиев Н. И. «В Хлебникове есть всё!» // Лит. газета. 1992. 1 июля. С. 6).

Ноября 28. Проставлен штамп в университетском матрикуле о приеме записи (*ЦГИА СПб*. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 16 об.).

Ноября 30. Заседание Общества ревнителей художественного слова в помещении редакции «Аполлона» (Аполлон. 1914. № 1/2. С. 135). О чтении поэтами стихов на заседании см. Ноября 9.

Осень. Петербург. Записка Г. В. Иванову о своем местонахождении (*ПССиП*. Т. 3. № 23).

Осень. Петербург. Письмо к П. Е. Щеголеву с предложением поместить стихотворение в журнале «Современник» (*ПССиП*. Т. 3. № 24).

Декабря первые числа. Вышел № 8 «Гиперборея» со стихотворениями «Паденье — неизменный спутник страха...», «Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты...», «В таверне воровская шайка...». Источник даты — запись И. Евдокимова от 7 дек. — *РГАЛИ*. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 76.

Декабря 2. Первое представление трагедии «Владимир Маяковский» в «Луна-парке» (*Катанян 1985*. С. 77).

Декабря 3. Там же представление оперы М. В. Матюшина и А. Е. Крученых «Победа над солнцем».

Декабря 3. Общество поэтов. Повестка: «Доклад М. Л. Моравской “О частушке”. Чтение стихов» (*Княжнин 1925*).

♦ Из дневника И. Евдокимова, 4 декабря: «Вир познакомил меня с секретарем Грек. Более ни с кем не познакомил. Были поэты: А. Кондратьев, В[ас.] Гиппиус, О. Мандельштам, Скалдин, Рюрик

Ивнев, Чеботаревская, Недоброво, М. Моравская — других не знаю. Гиппиус и Вир читали стихи, обсуждали Недоброво и Скалдин» (*РГАЛИ*. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 69 об.).

Декабря 4. Второе представление «Владимир Маяковский» в «Луна-парке» (*Катанян 1985*. С. 79).

Декабря 5. Второе представление оперы «Победа над солнцем».

Декабрь, между 5 и 10. «В начале декабря 1913 года один товарищ по "Цеху поэтов" пришел ко мне и стал звать на "вечер новой поэзии" (не помню уже, в каком помещении происходивший), где будто бы нам обоим необходимо было не только быть, но и выступить. Мы отправились. Там оказался и Блок. Он читал на этом вечере три стихотворения: "О доблестях, о подвигах, о славе", "На железной дороге" и "В ресторане". В кулуарах Блок рассказывал о совсем недавнем "вечере футуристов" — это было представление трагедии "Владимир Маяковский" и "Победы над солнцем" Крученых. Слушали трое или четверо; среди них был, кажется, С. М. Городецкий. На вечере футуристов никто из слушавших не был, и было любопытно, что скажет о футуристах Блок» (Гиппиус Вас. В. Встречи с Блоком // А. Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 83).

Декабря 7. Присутствовал на лекции В. Пяста «Поэзия вне групп» в Тенишевском зале.

♦ Из отчета: «Продолжая кокетничать и позировать, может быть и тем, что в лекции не было ничего, кроме общих мест, прерывавшихся чтением стихов, — в той монотонной читке сквозь зубы, которая давно уже набила оскомину, — Пяст заявил, что три гениальных поэта явлены русским людям в этом году: Анна Ахматова, Осип Мандельштам и Игорь Северянин, пришедших на смену А. Блоку; о других предшественниках было упомянуто глухо и нелепо. Все три гения сидели тут же и слушали, как их хвалят. <...> Зато были прочитаны стихи Ахматовой и Мандельштама. И те, и другие были сопоставлены с поэзией Блока, и Пяст серьезно уверял, читая <...> трепетные стихи Блока рядом со скучнейшими стихами талантливой <...> Ахматовой и мертвенными стихами Мандельштама, что они превзошли своего учителя, и что Мандельштам — ясновидящий» (Гиппиус Влад. Ничтожные слова о ничтожных делах // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 430).

♦ Из отчета: «7-го декабря состоялась лекция молодого поэта Вл. Пяста на тему "Поэзия вне групп", посвященная выдающимся современным поэтам и, между прочим, футуристам. Последние, по-видимому, ожидали жестокой критики, так как пытались сорвать лекцию. Три молодых человека уже в самом начале прерывали лектора бранными восклицаниями, а один из них, пьяный, с чучелом кошки в руках, был выведен полицией из зала. Но лектор отнесся к футуристам довольно снисходительно, особенно к стихам Николая Бурлюка. Как в живописи импрессионизм произвел в середине 19-го века переворот в технике, так в поэзии наших дней футуризм

хочет произвести переворот в форме. Но наш футуризм имеет провинциальный характер, повторяет других поэтов, а в прозе просто копирует Андрея Белого и Ремизова. Зато лектор с большой похвалой говорил о поэтах Анне Ахматовой, Осипе Мандельштаме и Игоре Северянине. Мандельштама он провозгласил "поэтом-философом" и сравнивал его с А. Блоком. Но особенно много восторга выражал лектор перед поэзией Ахматовой. Было прочитано много стихов разных поэтов, между прочим, и самого лектора. Публики было мало, да и та, что была, стала расходиться задолго до того, как лектор кончил» (Речь. 9 дек. С. 2).

♦ Из дневника И. Евдокимова: «Самыми крупными, свежими из молодых [Пяст] назвал А. Ахматову, О. Мандельштама и Игоря Северянина. <...> Но мне положительным кощунством казались чрезмерные хвалы О. Мандельштаму. Пяст упорно противопоставлял А. Блоку Мандельштама и было видно, как Пяст считает Мандельштама поэтом гораздо крупнейшим, чем А. Блок. О. Мандельштам юркий жидок, с откинутой назад головой <...> но всё же талантлив, талантлив несомненно. <...> На лекции заметил Недоброво с женой, В. Гиппиуса, М. Долинова, Грека, Чеботаревскую, Маяковского, Вира и других. <...> После лекции все поэты пошли на диспут в "Бродячую собаку"» (*РГАЛИ*. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 74–76).

♦ Из воспоминаний: «Вот на той моей лекции в Тенишевском, он-то [Константин Олимпов], и в скором времени зарезавший себя другой эгофутурист, — И. В. Игнатьев заранее подготовили скандал, придя в зал с нарочно купленной в Гостином дворе подушкой, изображающей кошку. Когда я заговорил о Мандельштаме, — с криком "Мраморная муха" эгофутуристы бросили эту кошку с "китовой мели" (так называлась почему- то часть зрительного зала, непосредственно примыкавшая к эстраде) в меня, — но промахнулись. В зале находился пристав. Он объявил перерыв, которым и воспользовались для того, чтобы увести нарушителей порядка в коридор и на лестницу» (*Встречи*. С. 176).

♦ Из воспоминаний: «В 1914 году АА была на лекции Пяста в Тенишевском училище. В публике был Олимпов, сын Фофанова. Когда Пяст произнес имя Мандельштама, Олимпов выкрикнул: "Мандельштам — мраморная муха!". Олимпова сторожа вывели. ("Мне очень неприятно было — я первый раз в жизни видела, как «выводят» человека".) С лекции АА отправилась в "Бродячую Собаку". Сидели с молодыми людьми за столиками. Олимпов оказался в "Бродячей Собаке". Вышел (на эстраду?) и громко крикнул: "Я и об Ахматовой хотел сказать — не только о Мандельштаме... Да мне не дали...". Воцарилось молчание. Все ожидали, что он скажет дальше... Тогда АА поднялась, подошла к одному из соседей Олимпова и громко сказала: "Предупредите вашего товарища, что я присутствую в зале... А потом пусть он говорит, что ему угодно...". Олимпов больше ничего не сказал» (*Acumiana 2*. С. 177).

Декабря 8. Заседание Общества ревнителей художественного слова в редакции «Аполлона» (Аполлон. 1914. № 1/2. С. 135). О чтении поэтами стихов на заседании см. Ноября 9.

Декабря 10. Был на лекции Н. Кульбина «Футуризм и отношение к нему современного общества» в Концертном зале при шведской церкви Св. Екатерины (М. Конюшенная, 3) и, вероятно, на диспуте после лекции в «Бродячей собаке». На афише назван в числе участников диспута. Снялся на фото в группе присутствовавших (Н. Кульбин, Н. Бурлюк, К. Олимпов, В. Гнедов, Н. Альтман, Г. Иванов, Б. Лившиц, В. Пяст, Р. Ивнев, А. Крученых, А. Грипич), фотографии опубликованы в «Петербургской газете» (12 дек.) и «Биржевых ведомостях» (веч. вып., 13 дек.).

Слева направо: Р. Ивнев, О. Мандельштам, В. Гнедов, К. Олимпов (К. Фофанов), Н. Кульбин, Б. Лившиц, В. Пяст (нижний ряд), Н. Альтман, А. Безваль, Н. Бурлюк, А. Грипич, Г. Иванов (верхний ряд).

Фотография. Петербург. 10 декабря 1913 г.

Под фотографией подписано: Те, о которых говорят. Петербург только и говорит о футуристах. Мы даем группу этих «модных героев», называя лишь двух, чтобы не делать рекламы остальным. Эти двое: 1) проф. Кульбин и 2) студент Бурлюк. Фотография не нуждается в комментариях: она украсила бы любую коллекцию проф. Ломброзо и других исследователей вырождения... Нельзя, кстати, не отметить красующийся в руках у одного из футуристов плетки, находящейся, очевидно, так же не на месте, как и подвешенный к лацкану галстук... Всё это, по-видимому, молодежь в возрасте от 16 до 20 лет, за исключением одного, по поводу которого вспоминаются слова старушки из «Записок Пиквикского клуба», сказанные по адресу героя романа: «Тебе-то как не стыдно?.. Ведь в дедушки им годишься»...

В газете «День» 13 декабря (с. 5) опубликовано письмо: «М<илостивые> Г<осудари>. 10 декабря по окончании лекции Н. И. Кульбина и диспута, устроенных в пользу Орловского землячества, — лица, назвавшиеся фотографами "Дня" предложили участникам диспута сняться в общей группе. На это мы согласились под непременным условием, чтобы под группой не было подписи "Футуристы", к которым мы себя не относим.

Появление фотографии в другой газете и с неверной подписью было результатом невнимания к нашему заявлению.

В. Пяст, О. Мандельштам, Георгий Иванов

От редакции. Подписавшие письмо по-видимому имели дело с фотографами, самовольно прикрывшимися именем нашей газеты».

Публикация в «Биржевых ведомостях» вызвала протесты: «Петербургские газеты поместили фотографию случайной группы лиц, бывших в "Бродячей собаке" после лекции художника Кульбина. <...> Затем, в этой маленькой группе три просто хороших, всюду печатающихся поэта <...> О. Мандельштам, В. Пяст, Г. Иванов и еще довольно известный художник лектор Кульбин. Все названные лица с определением газет не согласились и <...> привлекают газеты к суду за оскорбление. Дело ведет А. Гидони» (Златоцвет. 1914. № 2. С. 15).

Декабря 11. Был в Обществе поэтов на докладе В. Пяста о Тирсо де Молине и его комедии «Осужденный за маловерие» (повестка — *Княжнин 1925*). «Среди публики были — А. Ахматова, М. Моравская, Скалдина, Г. Иванов, О. Мандельштам, Вл. Соловьев, Скалдин, Недоброво, Чапыгин, Зданевич (в перерыве растатуировавший правый глаз), Рюрик Ивнев и еще много, которых я не знаю в лицо» (Дневник И. Евдокимова, запись 11 дек. — *РГАЛИ*. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 85 об.).

Декабря 14. Общество ревнителей художественного слова. «Чествование памяти Иннокентия Анненского». Повестка (*Лавров, Тименчик 1978*. С. 231. Примеч. 34).

Декабря 17. Из письма В. Нарбута — М. Зенкевичу: «Относительно издания сборника — тоже вполне согласен: да нужны — и твой, и мой. Можно и вместе (хорошо бы тогда пристегнуть стихи какого-либо примкнувшего к нам кубиста). Мандель мне не особенно улыбается для этой именно затеи. Лучше Маяковский или Крученых, или еще кто-либо, чем тонкий (а Мандель, в сущности, такой) эстет» (*Котова, Лекманов*. С. 86).

Декабря 20. Общество поэтов. Повестка: «Сообщение В. В. Ковалевского о поэме Б. В. фон Анрепа "Foreword to the book of Anrep". Доклад А. А. Вира о трех "сомнительных" стихотворениях Пушкина ("Современник", 1862, № 1). Доклад Б. В. Томашевского о последней поэме Малларме» (*Княжнин 1925*).

Декабря 22. В «Бродячей собаке» доклад А. А. Смирнова «Simultané (новое течение во французском искусстве)». Повестка,

из объявленных в прениях: Н. Гумилев, А. Ахматова, С. Городецкий (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 220).

♦ Из письма А. Смирнова — Соне Делонэ, 26 дек. 1913 / 8 янв. 1914: «Было 160 чел. <...> народу, всякого сорта. Увы, множество критиков и художников, которых приглашали, не пришли. Особенно досадно полное отсутствие людей из "Аполлона"» (Смирнов А. А. Письма к Соне Делонэ / Подгот. Д. Малмстада, Ж.-К. Маркадэ. М.: «Новое лит. обозрение», 2011. С. 397).

Декабря 23. В «Бродячей собаке» доклад В. Шкловского «Место футуризма в истории языка». В прениях с возражениями выступил В. К. Шилейко (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 221). «Возможно, выступление Шилейко было актом солидарности с друзьями-акмеистами — акмеизм, наряду с символизмом, был объектом нападок футуристов» (Шилейко В. К. Пометки на полях / Предисл. А. Меца, И. Кравцовой. Подгот. А. Меца. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. С. 10).

Декабрь. Получил от К. Эрберга книгу «Цель творчества» с дарственной надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму. Автор. Дек. 1913» (*Инскрипты*. С. 220).

1914

Зима 1913/1914 года. Из воспоминаний Б. Лившица: «"Бродячая Собака" была не единственным местом, где футуристы встречались со своими литературными противниками. К числу таких мест нужно прежде всего отнести нейтральные "салоны", вроде собраний у Чудовских. Жена Валерьяна Чудовского, художница Зельманова, женщина редкой красоты, прорывавшейся даже сквозь ее беспомощные, писанные ярь-медянкой автопортреты, была прирожденной хозяйкой салона, умевшей и вызвать разговор и искусно изменять его направление. В тот вечер, когда меня впервые привел к Чудовским Мандельштам, у них были Сологуб с Чеботаревской, Гумилев, Георгий Иванов, Константин Миклашевский, Вольмар Люсциниус, певец Мозжухин и еще несколько человек из музыкального и актерского мира. Я не хочу подробно останавливаться на описании доморощенного отеля Рамбулье, где Сологуб неудачно острил и еще неудачнее сочинял экспромты, один из которых начинался буквально следующими строками:

Вот я вижу, там
Сидит Мандельштам...

Где автор тоненького зеленого "Камня", вскидывая кверху зародыши бакенбардов, дань свирепствовавшему тогда увлечению 1830 годом, который обернулся к нему Чаадаевым, предлагал "поговорить о Риме" и "послушать апостольское credo". Где, перекликаясь с ним, Гумилев протяжно читал в нос свой "Ислам" и подзадоривал меня огласить "Пальму праведника", вызывая во мне законное подозрение, что за настойчивостью акмеиста скрывается желание

вывести на чистую воду будетлянина, затесавшегося в чуждую ему среду» (*Полутораглазый стрелец*. С. 520–521).

Января 1. Письмо Г. И. Чулкова — С. М. Городецкому. «Я просил Нимфу [А. Городецкую] передать тебе, что имя твое на афише, и я жажду твоего участия в “беседе” 16-го января. Из твоих соратников будут Гумилев и Мандельштам. Если ты откажешься участвовать или обманешь, я буду очень сердит на тебя» (*Енишерлов 2016*. С. 83, в автографе с опиской в числе года: «1913» вм. правильного «1914»).

Января 3. «Первая в текущем году пятница в В<сероссийском> Л<итературном> О<бществе> была посвящена прениям по поводу прочитанного Г. И. Чулковым [в 1913 г.] доклада о символизме, акмеизме и футуризме под заглавием “Когда мы мертвые воскреснем” <...> Городецкий рьяно защищал акмеизм против нападок докладчика» (Известия книжных магазинов... Вольф. № 2. С. 30).

Января 3. По афише — «Собачья карусель» в зале на Малой Конюшенной, 3. Съезд к 10 час. вечера (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 222).

♦ Из воспоминаний: «Что же касается стихотворения “Вполоборота<, о, печаль...>”, история его такова. В январе 1914 г. Пронин устроил большой вечер “Бродячей собаки” не в подвале у себя, а в каком-то большом зале на Конюшенной. Обычные посетители терялись там среди множества “чужих” (т. е. чуждых всякому искусству) людей. Было жарко, людно, шумно и довольно бестолково. Нам это наконец надоело, и мы (человек 20–30) пошли в “Собаку” на Михайловской площади. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько человек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: “Как вы стояли, как вы читали” и еще что-то про шаль» (*Листки из дневника*. С. 193).

Января 8. Письмо Б. Эйхенбаума — родителям. «Вчера был в “Сев<ерных> зап<исках>” и познакомился там с тремя молодыми поэтами — Гумилевым, Мандельштамом и Георгием Ивановым (совсем юный). Они пригласили меня в собрание “цеха поэтов” — пойду завтра в качестве гостя» (Семейный архив Эйхенбаума, копия).

Января 10. Собрание Цеха поэтов.

♦ Письмо Б. Эйхенбаума — родителям, 14 янв.: «В пятницу провел довольно интересный вечер — в “цехе поэтов”. Народу было много — Гумилев, Городецкий. [Вас.] Гиппиус, Ахматова, Зенкевич, Мандельштам, Моравская и др. Был даже футурист — идиот Хлебников. Читали стихи и обсуждали. Я тоже прочитал два — похвалили» (Чудакова М. О., Тодес Е. А. Наследие и путь Б. Эйхенбаума // Эйхенбаум Б. М. О литературе. М.: «Советский писатель», 1987. С. 6).

Января около 10. Вышел № 1 журнала «Златоцвет» со стихотворением «Воздух пасмурный влажен и гулок...»; О. М. объявлен в списке участников журнала.

Января 16. Выступил на диспуте по лекции Г. Чулкова «Пробуждаемся мы[, мертвецы,] или нет» в зале Тенишевского училища.

♦ Из отчета: «...ломали копья в защиту акмеизма г.г. С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам; они отмежевывались, как говорится, от символизма и футуризма, но границы самого акмеизма в их речах казались символическими. Футуристы говорили устами Н. И. Кульбина и г. Шкловского» (Искусство и жизнь (лекция Г. И.Чулкова)) // День, 17 янв. Подписано: Щ.).

Января 19. Общество поэтов. Повестка: «Повесть Г. В. Иванова "Приключения на пути в Бомбей". Чтение стихотворений Ю. Верховского» (*Княжнин 1925*).

Января 20. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Вяч. Иванов читает переведенный им «Агамемнон» Эсхила. «Председательствовавший проф. Ф. Ф. Зелинский отметил высокое достоинство перевода, в коем превосходно передан дух подлинника, и сделал ряд пояснительных критических замечаний. В прениях приняли затем участие профессора Е. В. Аничков, М. И. Ростовцев и члены совета Валериан Чудовский и Н. Гумилев. Последний, указав, что трудом Вячеслава Иванова закончится полный круг перевода на русский язык великих афинских трагиков, начатый Иннокентием Анненским, продолженный Ф. Ф. Зелинским, особую ценность положил на то обстоятельство, что переводчики эти в некотором смысле конгениальны каждый своему подлиннику: это является редчайшим и очень благоприятным совпадением» (Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1914. № 5. С. 53–54. Подписано: Litotes).

Января 23. Общество поэтов. Повестка: «Доклад Вяч. Иванова об Алкее и Сафо с чтением переводов сохранившихся от них стихотворений и отрывков <...> Чтение стихотворений Вячеслава Иванова» (*Княжнин 1925*).

♦ Из обзора: «Начну говорить о последних событиях дня в хронологическом порядке. Недавно, проездом из Москвы, Вячеслав Иванов, кроме своей официальной публичной лекции об "искусстве" сделал доклад в "Обществе поэтов", так называемой "Физе". A propos, несколько слов о "Физе". Это — общество поэтов, общество строго интимное; кроме самих поэтов, членов его, туда попадают на заседания только друзья их по приглашениям. В состав общества входят: А. Блок, Анна Ахматова, Вл. Пяст, М. Долинов, Георгий Иванов, О. Мандельштам и др. В этом обществе Вяч. Иванов прочел доклад об Алкее и Сапфо и читал сохранившиеся от них стихи в своих безукоризненных и певучих переводах. <...> Заключил он вечер чтением своих стихов» (Т. Ш<енфельд>. Письма из Петербурга. II // Музы (Киев). 1914. № 4, 15 февр. С. 9).

Января около 24. Вышел № 4 журнала «Златоцвет» со стихотворением «Футбол» («Рассеен утренник тяжелый...»).

Января 25. Лекция Н. И. Кульбина «Новое мировоззрение» в Тенишевском концертном зале и диспут в «Бродячей собаке» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 224).

Января 26. Выступил с чтением стихов на «Вечере лирики» в «Бродячей собаке».

♦ Из отчета: «...читали поэты Н. Гумилев, Анна Ахматова, Георгий Иванов, О. Мандельштам, И. Рукавишников, В. Пяст и др. На рояли играл профессор консерватории Николаев. Певица Блок, жена поэта А. Блока, декламировала стихи» (В «Бродячей Собаке» // Златоцвет. № 7. С. 17. Подписано: А. В-ъ).

Января 28. В «Бродячей собаке» доклад А. Лурье «О музыке» (*Программы «Бродячей собаки».* С. 224–225).

Январь. Вышел № 1 журнала «Новая жизнь» со стихотворением «Отравлен хлеб и воздух выпит...».

Февраля 1. Приезд Ф.-Т. Маринетти в Петербург из Москвы. Чествование в «Бродячей собаке» (*Программы «Бродячей собаки».* С. 225–226). В этот день О. М. сделал запись в альбом А. М. Зельмановой и вписал стихотворение Ф. Вьеле-Гриффена (частное собрание).

Февраля 8. В Психоневрологическом институте — лекция В. Львова-Рогачевского «Символизм и реализм» и диспут по теме. Выступления С. Городецкого и Н. Гумилева. Отчет: Жизнь студентов Психо-неврологического института. 1914, 12 февр.

Февраля 8. На афише вечера «О новом слове» в зале Тенишевского училища объявлено чтение стихов О. М. В отчетах, архивных материалах о его участии в вечере не упоминается.

Февраля не позднее 10. Вышла из печати отдельным изданием работа Н. Кульбина «Что есть слово (II декларация слова, как такового)». Источник даты: *Книл* № 7, 5–12 февр. Из тезисов: «Слово — имя (наречение)» со сноской: «Это положение выработано мною совместно с Осипом Мандельштамом». См. также: *Мец 2011.* С. 128–129.

Февраля не позднее 10. Вышел из печати сборник «Рыкающий Парнас» с манифестом «Идите к черту». Источник даты: *Книл* № 7, 5–12 февр. «...Выползала свора адамов с пробором — Гумилев, С. Маковский, С. Городецкий, Пяст, попробовавшая прицепить вывеску акмеизма и аполлонизма на потускневшие песни о тульских самоварах и игрушечных львах, а потом начала кружиться пестрым хороводом вокруг утвердившихся футуристов».

♦ Из воспоминаний: «Больше всего вознегодовал Сологуб — на Северянина, которого он “вывел в люди”, и Гумилев — на нас всех: особенно задело его выражение “свора Адамов”» (*Полутораглазый стрелец.* С. 460).

Февраля 12. У Г. В. Адамовича собрались М. А. Кузмин, А. И. Божерянов, Гумилев, Мандельштам(?), Л. Каннегисер, Н. К. Бальмонт (*Дневник Кузмина.* С. 432).

Февраля 13. В № 7 журнала «Новый Сатирикон» помещено стихотворение «Домби и сын».

Февраля 14. Несостоявшееся выступление акмеистов на заседании Всероссийского литературного общества, перенесено на 7 марта (*Мец 2011.* С. 121).

Февраля 14. В № 3 журнала «Рубикон» помещены стихотворения «Чайная» («В спокойных пригородах снег...») и «Шарманка» («Шарманка, жалобное пенье...»).

Февраля 17. Собрание поэтов у М. Лозинского. Черновик с записями «Антологии античной глупости» (*TSQ*. 2012. № 41. С. 133. В статье А. Г. Меца, И. В. Платоновой-Лозинской «"Транхопс" и около»).

Февраля 23. В повестке на «Вечер великопостной магии» в «Бродячей собаке» объявлено участие О. М. (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 226).

Февраля 25. На заседании Общества ревнителей художественного слова в редакции «Аполлона» Н. Гумилев читал поэму «Мик и Луи», а затем изложил свои взгляды на современный эпос (Отчет: Аполлон. 1914. № 5. С. 54. Подписано: Litotes).

Февраля 25. Письмо С. В. Лурье — С. П. Каблукову, из Москвы: «Ждал всё обещанного Вами письма после тревожной открытки, но ждал напрасно. Я бы беспокоился уже, если бы не немой привет от Вас в красноречивых стихах Мандельштама, полученных Таней. Что с Вами?» (*Каблукова дневник*. С. 248).

Февраль. В № 2 журнала «Современник» — статья В. Львова-Рогачевского «Из жизни литературы». «Восстание символистов "на себя", уход из лагеря символистов Сергея Городецкого, Гумилева, Мандельштама, недавних "учеников", в мир вещей, в мир жестокой вещности, всё это говорит слишком красноречиво о новых настроениях, о крушении неоромантизма» (с. 108).

Февраль(?). Вышел № 1/2 журнала «Аполлон» с «Письмом о русской поэзии» Н. Гумилева, включающим рецензию на «Камень».

Марта 3. К. Бальмонт в «Бродячей собаке» после своей лекции «Поэзия как волшебство». Из отчета: «Сергей Городецкий организовал выступление перед Бальмонтом целого ряда поэтов различных оттенков и направлений» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 228, со ссылкой на отчет в журн. «Златоцвет», 1914, № 10, с. 13).

Марта 7. Присутствовал на собрании Общества поэтов.

♦ Общество поэтов. Повестка: «Доклад А. А. Вира "Вопрос о четырех «сомнительных» стихотворениях Пушкина". Чтение стихотворений» (*Княжнин 1925*).

♦ Запись дневника И. В. Евдокимова: «8 марта 1914. Сегодня рассказывал Вир, что вчера в Обществе поэтов было очень весело и интересно. За чайным столом читали свои стихи Ахматова, Георгий Иванов, Мандельштам, [Рюрик] Ивнев, [М. А.] Струве, [Б. А.] Садовский и друг<ие>» (*Тименчик 1998*. С. 418).

Марта 7. Во Всероссийском литературном обществе — доклад С. Городецкого «Об акмеизме и его критиках».

♦ Из отчета: «Совершенно исключительной вышла последняя "пятница" Литературного общества — и по небрежному отношению Н. Гумилева к той обязанности, которую он взял на себя, обещав Совету прочитать доклад об искусстве аналитическом и синтетическом,

и по бесцеремонности некоторых “акмеистов”, которые должны были иллюстрировать теоретические и принципиальные споры об акмеизме, побеждающем символическую поэзию, своими стихотворениями, <...> Перед собранием Литературного общества должна была пройти целая плеяда акмеистов — Гумилев, Мандельштам, Анна Ахматова, Мих. Зенкевич [которые не явились]» (День. 9 марта).

Марта 14. Общество поэтов. Повестка: «Доклад В. А. Юнгера “Современное положение вопроса о Калевале”» (*РНБ*. Ф. 1088. Ед. хр. 311).

Марта 17–24. Поль Фор в Петербурге. Чествование в «Бродячей собаке» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 229–231).

♦ Запись Ахматовой: «Помню Осипа, когда чествовали Поля Фора» (*РНБ*. Ф. 1073. Ед. хр. 76. Л. 2 об.).

Марта вторая половина. Был на званом обеде у Гумилевых в Царском Селе (по случаю выхода «Чёток» А. Ахматовой?). По сведениям А. Ахматовой и О. М. (*Лукницкий 2010*. С. 357).

Марта около 20. Вышел № 10 журнала «Златоцвет» со стихотворением «Скудный луч, холодной мерою...».

Марта 21. Общество поэтов. Повестка: «Доклад Б. Садовского: Кончина А. А. Фета (по неизданным источникам). Доклад А. А. Смирнова: Две Ирландские саги (перевод с подлинника)» (*Княжнин 1925*).

Марта 26. Диспут в зале шведской церкви. Приглашение К. Чуковскому от С. Городецкого «участвовать в диспуте, с моим вступительным словом, на тему реализм — символизм — акмеизм, который состоится 26 марта в зале Шведской церкви в пользу курсисток-бестужевок-орловок» (Андреева И. «Чукоккала» и около // De Visu. 1994. № 1/2. С. 60. Примеч. 21); письмо С. Городецкого — М. Зенкевичу: «Дорогой Миша! Беру у тебя по воздуху согласие читать стихи и говорить на диспуте 26 марта в пользу бестужевок–орловок, который устраиваю <...> 12.III.914. *Раздобудь Мандельштама для той же цели — я не знаю, где он!*» (*ГЛМ*. Ф. 247. Ед. хр. 6139).

Марта 30. Выступил в Обществе поэтов с докладом «Несколько слов о гражданской поэзии» (*Княжнин 1925*).

♦ Из письма А. А. Кондратьева — Б. В. Никольскому, 4 апреля: «В воскресенье, 30 марта, встретил Д. Д. Бизюкина в Обществе Поэтов, где товарищ этого Бизюкина и [Е. Г.] Лисенкова, Н. В. Недоброво, очень интересно выступал по поводу доклада Иоселя Мандельштама “О гражданской поэзии”. Я давно не получал такого удовольствия. С помощью блестящих парадоксов и с большой эрудицией Недоброво доказывал, что гражданская поэзия лишь тогда хороша, если она — консервативного направления» (Тименчик Р. Д. Из поздней переписки Н. В. Недоброво // Шестые тыняновские чтения. Рига; М., 1992. С. 83, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 336. Л. 2–2 об.). Замечания Н. В. Недоброво по докладу в пересказе Ахматовой см.: Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 84.

Марта 31. В «Бродячей собаке» — доклад В. Пяста «Театр слова и театр движения». В повестке О. М. объявлен среди участников диспута (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 232).

Марта 31. Доклад Ильи Зданевича в концертном зале Петропавловского училища (Б. Конюшенная, 10) «О Наталии Гончаровой». В диспуте после доклада предполагалось выступление О. М. Его выступление, очевидно, не состоялось — см. афишу с пометами, где вычеркнуты имена не выступивших, и прибавлено: «Рюрик Ивнев прочел посвященные Гончаровой стихи» — Минувшее: Исторический альманах. Вып. 5. М., 1991, вкладка после с. 160.

Март. Вышел № 9/10 журнала «Гиперборей» со стихотворениями «Анне Ахматовой», «Бах», «Мы напряженного молчанья не выносим...» и анонсом: «Издательство "Гиперборей". <...> О. Мандельштам. Камень. Стихи. 2-е издание, дополненное. Готовится». Источник даты: *Тименчик, Лавров 1976*. С. 59. Примеч. 27.

Март. Запись П. Лукницкого, 5 февр. 1926: «Март [1914]. АА с Осипом Мандельштамом устроили в Цехе мятеж: составили заявление: "Просим закрыть Цех. Мы больше так существовать не можем и все умрем". АА подделала тут же подписи всех членов, и подали Городецкому. Тот не понял, что подписи поддельные, и был очень смущен, хотя на заявлении и написал: "Всех повесить, а Ахматову заточить в Царское Село на Малую, 63" (шутка)» (*Acumiana 2*. С. 32). «Было это в редакции "Северных записок"» (*Листки из дневника*. С. 186). Адрес редакции — Загородный пр., 21.

Апреля 3. «В [журнал] "Лукоморье" всех зовут, и Гумил<ева>, и Ахм<атову>, и Мандельштама» (*Дневник Кузмина*. С 443).

Апреля 6. Пасха.

Апреля 7. Был на премьере блоковского «Балаганчика» в Тенишевском зале. Согласно воспоминаниям Г. Адамовича, присутствовал при споре Н. Гумилева и М. Кузмина о спектакле (Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. М.: «Наука», 1982. С. 431, со ссылкой: Последние новости. Париж, 1936, 22 мая).

Апреля 13. В «Бродячей собаке» — доклад М. А. Кузмина «О современной русской прозе». Из тезисов: «Заслуги акмеизма и футуризма (освобождение слова). Новых сил можно ожидать только со стороны футуристов (и диких)». В прениях выступил Н. Гумилев (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 233).

Апреля 15. Приступает к реализации намерения переиздать «Камень». «Разрешаю поставить на втором издании книги стихов О. Мандельштама "Камень", печатаемом на счет М. В. Аверьянова, марку издательства "Гиперборей". М. Лозинский» (*ПССиП*. Т. 3. С. 745).

Апреля 16. Размолвка и обмен письмами между Н. Гумилевым и С. Городецким (Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. № 1. С. 70–71).

Апреля 17. И. Евдокимов встречает О. М. в университете (Дневник Евдокимова, запись 17 апр. — *РГАЛИ*. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 207).

Апреля 18. Во Всероссийском литературном обществе — доклад А. А. Гизетти о поэзии И. Анненского (День, 20 апр.). На этом заседании Гумилев и Мандельштам приняты в состав членов общества. Адрес Гумилева: Тучков пер., 17, кв. 29; адрес О. М.: Ивановская, 16 (Отчет Всероссийского литературного общества за 1913 г. СПб., 1914. С. 17, 2-я нумерация).

Апреля 22. Общество поэтов. Доклад Е. Г. Лисенкова об акмеизме. Повестка (*Княжнин 1925*). В обсуждении принял участие Н. Гумилев (*Степанов 1991*. С. 386).

Апреля 24. Сдал экзамен по предмету «Введение в философию» И. И. Лапшину (*Сальман 2010*. С. 465).

Апреля 25. Во Всероссийском литературном обществе — доклад Н. Гумилева «Искусство аналитическое и синтетическое» и выступления С. Городецкого, О. М. и М. Зенкевича по докладу. Чтение акмеистами стихов (*Мец 2011*. С. 113–116).

Апреля не позднее 29. Вышел сборник стихов С. М. Городецкого «Цветущий посох» с посвященным О. М. стихотворением «Он верит в вес, он чтит пространство...» (с. 117). Источник даты: *Книл* № 17, 24 апр. — 1 мая.

Апреля 30. Общество поэтов. Повестка: «Доклад Г. [В.] Иванова о газелле. Доклад В. А. Пяста о “Златолире” и “Шестом января”» (*Княжнин 1925*).

Мая 7. Общество поэтов. Повестка: «Поэма “Фарфоровая стрела” и цикл стихотворений “Золото смерти” Рюрика Ивнева. Доклад Татианы Шёнфельд о “Манон Леско” и ее авторе» (*Княжнин 1925*).

Мая 21. Общество поэтов. Беседа о Тютчеве. Повестка (*Княжнин 1925*).

Мая 29. — Дата входящего штемпеля на записке О. Мандельштама М. В. Аверьянову: «Многоуважаемый Михаил Васильевич! Вы мне обещали прибавить к 50 еще 25 р. с тем, чтобы считать наш расчет окончательным. Быть может, Вы сделаете это сегодня? Я уезжаю в деревню и 15 р. для меня сейчас очень важны» (*ПССиП*. Т. 3. С. 745).

Мая 29. Вышел № 22 журнала «Новый Сатирикон» со стихотворением «Кинематограф».

Июня 12. Вышел № 24 журнала «Новый Сатирикон» со стихотворением «Теннис».

Июля 11/24. Котаниеми. Письмо к С. П. Каблукову в Сестрорецк. «По небрежности домашних только на днях получил Ваше письмо. Адрес мой: Котаниеми, близ Выборга — и всё. Неподалеку живет здесь [А. Н.] Р<имский>-Корсаков. На этих днях собираюсь в Петербург. До свиданья в Сестрорецке!» (*ПССиП*. Т. 3. № 26).

Июля 15. Куоккала. Вписал в «Чукоккалу» стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (*Чукоккала*. С. 21).

Июля 16. Находится в Куоккале, вместе с Б. Лившицем и К. Чуковским приходит к И. Е. Репину. Запись К. Чуковского: «Война... Бена берут в солдаты. Очень жалко. Он по мне. Большая личность: находчив, силен, остроумен, сентиментален, в дружбе крепок, и теперь пишет хорошие стихи. Вчера, в среду, я повел его, [А. М.] Арнштама и мраморную муху, Мандельштама, в Пенаты, и Репину больше всех понравился Бен. Каков он будет, когда его коснется слава, не знаю; но сейчас он очень хорош. Прочитав в газетах о мобилизации, немедленно собрался — и весело зашагал» (*Чуковского дневник*. С. 195. Запись [17 июля]).

Июля 17. Письмо Н. Гумилева — А. Ахматовой, из Петербурга в Слепнево: «Время я провел очень хорошо, музицировал с Мандельштамом, манифестировал с Городецким <...>» (Гумилев Н. Собр. соч.: В 3 т. М.: «Худож. лит.», 1991. Т. 3. С. 238).

Июля 17. Вышел № 28/29 журнала «Новый Сатирикон» со стихотворением «Спорт».

Июля середина. «В середине июля Гумилев вернулся из Либавы в Петербург и стал жить на Васильевском острове, 5-я линия, 10, у своего друга Шилейко» (Лукницкая В. История жизни Николая Гумилева: Повесть в документах // Аврора. 1989. № 2. С. 116).

Июля 20. День св. пророка Ильи, начало войны.

Июля 24. Вышел № 30 журнала «Новый Сатирикон» со стихотворением «Футбол» («Телохранитель был отравлен...»).

Июля конец или Августа начало. Фотография О. М. в группе с Бенедиктом Лившицем, К. Чуковским, Ю. Анненковым. «Наголо обритый, в жакете поверх косоворотки, заправив брюки в сапоги, я мчался куда-то по Невскому, когда меня окликнули Чуковский и Анненков, приехавшие из Куоккалы попрощаться со мною. Спустя

минуту к нам присоединился Мандельштам: он тоже не мог усидеть в своих Мустамяках. Зашли в ближайшую фотографию, снялись» (*Полутораглазый стрелец*. С. 544).

Августа 18. Указ императора о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград.

Август. Вышел № 8 «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложений» к «Ниве» со стихотворением «Ты прошла сквозь облако тумана...».

Сентября 5. Запись М. Кузмина: «Опять зашел в “Аполл<он>”; Лозина*, Мандельштам, [Г. В.] Иванов пьют чай» (*Дневник Кузмина*. С. 476).

Сентября 5. Надписал свою книгу «Камень» Александру Виру (наст. фамилия Попов) словами «в год, когда камни и железо говорят». См. Октября 31. Источник: http://pro-collections.com/index.php/licomesyaca/1130-apostol-i-drugie-redkosti (анонс аукциона Christie's 21 мая 2014 г.).

Сентября 6. Читает С. Каблукову новые стихотворения (*Каблукова дневник*. С. 248).

Сентября 14. Из дневника Веры Алперс: «Только что разошлась компания, были: все Бонди, [М. А.] Долинов, Мандельштам. ([А. Л.] Грипич уехал обучаться военному искусству, дай Бог, чтоб ему не пришлось применять это искусство в деле!)» (*Степанов 2007*).

Сентября конец — Октября начало. Собрание Цеха поэтов в квартире Николая Бруни. См. Октября 21. Из воспоминаний А. Ахматовой: «Последнее собрание, которое я помню, было уже когда война началась — было у Бруни в Академии Художеств» (*Acumiana 1*. С. 193).

Сентябрь. — Дата стихотворений «Европа» (в беловом автографе); «Реймс и Кёльн» (в авторизованном списке); «Polacy!»; «Encyclica» (в беловом автографе) (*ПССиП*. Т. 1. С. 78, 292, 293, 543, 544).

Октября 5. В газете «Биржевые ведомости» (веч. вып.) помещено стихотворение «Немецкая каска, священный трофей...».

Октября 17. Из дневника В. Алперс: «У нас были Долинов и Мандельштам. Наши были на “Китеже”. Я хозяйничала. Занималась музыкой. Я играла сегодня Баха — скверно. Ах! как мне хочется его опять хорошо играть. Шумана довольно хорошо, а зато этюд Шопена очень хорошо. Долинов говорил “страшные слова”, что это “Chef d'oeuvre”**, что я замечательный талант, Мандельштам говорил, что лучше сыграть — невозможно» (*Степанов 2007*).

Октября 21. «Годовщина Цеха. <...> У Ахматовой. Ц. Село. Малая, 63. Поезд 7 веч.» Повестка (*РГАЛИ*. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 9).

♦ Из письма М. Долинова — Б. Садовскому, 8 нояб.: «Вы уже знаете, что цеха более нет? Он распался еще в прошлом году. Но теперь,

---

* Вероятно, М. Л. Лозинский.

** Шедевр (*франц.*)

когда акмеистам негде встречаться, а поговорить ерунду хочется, они решили собраться у [Н. А.] Бруни (есть такой недоделыш поэт). Городецкого пригласили, не предупредив. Он обиделся и прислал Бруни записку: “Милый Коля, ты можешь приглашать к себе в гости кого хочешь, но это не будет цех” — и не пришел. Цеховики всё же собрались и объявили цех открытым, а синдиком временно был избран Мандельштам. Следующее собрание состоялось у Ахматовой. М<андельшта>м председательствует. Вдруг является Городецкий. Пошла перепалка, во время которой и М<андельшта>м, и Г<ородецкий> наговорили друг другу массу дерзостей и расстались врагами. На это Сергей Митрофанович изволил ответить прилагаемой рецензией [Городецкий С. Стихи о войне (В «Аполлоне») // Речь. 3 ноября]. Каково?» (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 11).

Октября 25. Вышел № 43 журнала «Нива» со стихотворением «Polacy!».

♦ Из рецензий: «Справился с позой пророка, которую ему заблагорассудилось принять, О. Мандельштам. Обращение его к австрийским полякам — великолепный реторический жест <...>» (Иванов Г. Испытание огнем (военные стихи) // Аполлон. 1914. № 8. С. 55).

Октября 31. Получил штамп в матрикуле о приеме записи (*ЦГИА СПб*. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 17 об.).

Октября 31. О. М., А. Вир, А. Лурье (сидят) в доме Поповых. Фотография.

Октябрь. «В октябре 1914 года А. М. Зельманова-Чудовская выставляет рядом портрет Ахматовой и портрет Мандельштама на «Выставке картин в пользу лазарета деятелей искусства» (Молок Ю.

«Как в зеркало, глядела я тревожно» // Ахматовский сборник. 1. Париж, 1989. С. 46). См.: «Нельзя путать графику с живописью, как делает она [Зельманова-Чудовская] это в портретах Мандельштама и Ахматовой» (Vigens. Живопись // Голос жизни. 1914. № 7 [ноябрь]. С. 19).

♦ Из воспоминаний: «Когда он влюблялся, что происходило довольно часто, я несколько раз была его конфиденткой. Первой на моей памяти была Анна Михайловна Зельманова-Чудовская, красавица-художница. Она написала его на синем фоне с закинутой головой (1914?) — на Алексеевской улице. Анне Михайловне он стихов не писал, на что сам горько мне жаловался — еще не умел писать любовные стихи» (*Листки из дневника.* С. 190).

Октябрь. Вышел № 6/7 (авг.–сент.) журнала «Аполлон» со стихотворениями «Европа» и «Перед войной» («Ни триумфа, ни войны...»).

♦ Из откликов: «Два стихотворения О. Мандельштама далеко не равноценны. Вообще, этот ученик Гумилева, едва только выпущенный на свет Божий из цеха поэтов, слишком рано почувствовал себя мэтром. Его работа совершенно не установилась и подвластна самым неприятным влияниям, вроде футуристического. Недостаток вкуса усугубляется несовершенным знанием языка. Погоня за трюками и акробатизм мысли часто губят недурные в общем вещи» (Городецкий С. Стихи о войне (В «Аполлоне») // Речь. 3 нояб.). См. Октября 21.

♦ Из откликов: «Вышел номер “Аполлона”, посвященный войне. <...> Зато полное недоумение вызывают упражнения г. Мандельштама. Хотели бы мы знать, что означают такие строки: Или возит кирпичи Солнца дряхлая повозка И в руках у недоноска Рима ржавые ключи. Но вероятно и самому редактору неизвестна тайна этого

эстетического недоноска» (Об искусстве и литературе // Голос жизни. № 3. С. 17. Подписано: В. Плетнев).

Ноября 3. Рецензия С. Городецкого «Стихи о войне (В “Аполлоне”)» в газете «Речь». См. Октября 21; Октябрь.

Ноября 8. Был у С. Каблукова (*Каблукова дневник*. С. 248).

Ноября 21. Объявлен в числе выступающих на «Вечере поэтов Петроградского Парнаса» в «Бродячей собаке». Объявлены также выступления А. Ахматовой, С. Городецкого, М. Зенкевича, Г. Иванова, Г. Адамовича, Вл. Шилейко. «Чтение стихотворений А. Блока, Н. Гумилева, Ф. Сологуба, Вал. Брюсова — Е. Н. Рощина-Инсарова, О. Глебова-Судейкина и В. В. Иванова» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 237).

Ноября 26. В «Бродячей собаке» лекция Н. К. Цыбульского «О фармацепте» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 238).

Ноября 30. Объявлен в числе участников вечера в пользу лазарета деятелей искусств в Художественном бюро Н. Е. Добычиной (Марсово поле, 7). Объявлены также выступления А. Ахматовой, С. Городецкого, М. Зенкевича, Г. Иванова (Речь. 30 нояб.).

Ноябрь. Сдал в «Аполлон» статью «Петр Чаадаев». См. 1915, Мая 8.

Декабря 6. — Дата стихотворения «Ода Бетховену» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 545).

Декабря 15. Читает стихи на вечере поэтов у Ф. Сологуба. «Был я еще на одном собрании поэтов у Федора Сологуба. Кажется, присутствовали все поэты “нового направления”, “новых школ” <...> Поэт Мандельштам читает стихотворение о Кельнском соборе, брате Реймсского собора, который тоскует о разрушении последнего» (Беренштам Вл. Война и поэты (письмо из Петрограда) // Русские ведомости. 1915, 1 января. С. 2). Дата вечера установлена в издании: *Тименчик 1998*. С. 421.

Декабря 19. Был у С. Каблукова, см. Декабря 22.

Декабря 21. Н. Гумилев и С. Городецкий приняли решение о закрытии Цеха поэтов (письмо Городецкого — М. Лозинскому от 13 янв. 1915 г.: *TSQ*. 2012. № 41. С. 133).

Декабря 22. Выехал в Варшаву. Из записи С. Каблукова за 25 дек.: «22-го декабря И. Э. Мандельштам уехал в Варшаву, где по протекции [Д. В.] Кузьмина-Караваева надеется попасть в санитары. <...> 19-го он приехал ко мне внезапно, чтобы объявить о своем решении и проститься. Уезжая, 21-го декабря, он по телефону прощался со мною и просил материальной помощи. Я — пусть это жестоко — отказался наотрез. Разговор был холодный» (*Каблукова дневник*. С. 249).

♦ Из воспоминаний: «В Варшаву Осип Эмильевич действительно ездил, и его там поразило гетто (это помнит и М. А. З<енкевич>), но о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыхивала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила» (*Листки из дневника*. С. 190).

♦ Из книги Г. Иванова «Петербургские зимы»: «Раз Мандельштам должен был срочно ехать в Варшаву. Он был влюблен (разумеется, безнадежно). И от этой поездки зависела как-то (или ему казалось, что зависела) “вся его судьба”. Было военное время, но он проявил небывалую энергию и выхлопотал все пропуски и разрешения. Но в хлопотах он забыл о “пустяшном” — деньгах на поездку. Ему надо было — “непременно, или умереть”, — быть в Варшаве к определенному сроку. И вот — нет денег. И полная, абсолютная невозможность их достать. Я столкнулся с ним в дверях одной редакции, где “высоко ценили” его “прекрасное дарование”, но аванса, конечно, не дали. Он сказал тогда: — Я только теперь понял, что можно умереть на глазах у всех, и никто даже не обернется... В Варшаву он попал все-таки, — его взял в свой санитарный поезд покойный Н. Н. Врангель. В Варшаве с его “судьбой” произошла какая-то катастрофа — Мандельштам стрелялся, конечно, неудачно. Отлежавшись в госпитале — он вернулся в Петербург. На другой день после его приезда я встретил его в “Бродячей Собаке”. Давясь от смеха, он читал кому-то четверостишие, только что им сочиненное:

Не унывай,
Садись в трамвай,
Такой пустой,
Такой восьмой...

(Иванов Г. В. Собр. соч. М.: «Согласие», 1994. Т. 3. С. 92–93. О «дочке Липочке» см.: Там же. С. 633).

Декабрь. — Дата стихотворения «В белом раю лежит богатырь...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 293, 681).

Декабрь. Вышел № 10 журнала «Аполлон» со стихотворением «Адмиралтейство». Анонсирована статья «А. Шенье». В этом же номере — стихотворение А. Блока «Рожденные в года глухие...» (отразилось в начальной фразе «Шума времени») и Н. Гумилева «Наступление».

1915

Начало года. «Предположены к помещению в 1914 и 1915 годах <...> следующие статьи: <...> О. Мандельштам. А. Шенье» (Аполлон. 1914. № 10).

Января около 6. Вернулся в Петроград из Варшавы, см. запись С. Каблукова от 26 янв.

Января 25. Выступил с чтением стихотворений «Реймсский собор» и «Айя-София» на вечере «Писатели — воинам» в Александровском зале Городской думы. Анонс — Биржевые ведомости (веч. вып.), 24 янв.

♦ Из отчета: «Зал был переполнен. <...> С большим успехом прочитал А. Блок свои два стихотворения “Два века” и “Россия”. <...>

Но кто имел самый шумный успех — это футуристы А. Ахматова, О. Мандельштам и Игорь Северянин» (Биржевые ведомости. Веч. вып., 26 янв.).

♦ Из отчета: «Подавляющее большинство — учащаяся молодежь. Много военных — несколько раненых. Аплодируют молодым [Ю. Л.] Слезкину, прочитавшему свой рассказ "Денщик", и Мандельштаму, декламировавшему свои стихи. <...> Публика много аплодировала и бисировала [Ф. К.] Сологубу. Г-жа Ахматова читала и свои произведения и Гумилева» (Писатели — воинам // Биржевые ведомости. Утр. вып., 26 янв. Без подписи).

♦ Запись С. Каблукова, 26 января: «Сегодня прочел в "Речи", что И. Э. Мандельштам читал вчера на благотворительном "вечере писателей" в Городской Думе свои стихи "Айя-София" и "Реймский собор". Позвонив телефоном ему на квартиру, узнал, что он действительно дома, и вызвал его. <...> Оказалось, что он уже около 20 дней пребывает дома, пробыв в "санитарах" не более 2-х недель и без всякой чести возвратившись "восвояси", и скрывает свое возвращение и неудачу. Чувствует себя нездоровым и сегодня уезжает на покой и отдых в санаторию д-ра Рабиновича в Мустамяках. Вернется на 1 седм. Великого Поста*. Я пригласил его в среду 4 февраля обедать. Таким образом, все мои предсказания сбылись, даже раньше, чем я ожидал. <...> Подождем его рассказов; они всегда бывают умны и интересны» (*Каблукова дневник*. С. 249).

Января 27. Находится в Мустамяках, см. запись С. Каблукова от 26 янв. Объявлен в числе выступающих на «Вечере поэтов при участии Н. Гумилева» в «Бродячей собаке». Объявлены также: Ахматова, С. Городецкий, М. Кузмин, Г. Иванов (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 239).

Января 28. Находится в Мустамяках, см. запись С. Каблукова от 26 янв. В университете — вечер поэзии. Письмо Б. Эйхенбаума — отцу, 30 янв.: «Третьего дня в Университете был вечер поэзии. Читал, в числе других, Гумилев — в форме улана с Георгием на груди» (Семейный архив Эйхенбаума, копия).

Февраля 2 или 3. — Рассчетная дата возвращения О. М. из Мустамяк, см. запись С. Каблукова от 26 янв.

Февраля 4. Вероятно, был на обеде у С. П. Каблукова, см. запись С. Каблукова от 26 янв., ср. Февраля 6.

Февраля 6. «Вчера днем был у Мережковских <...> Главная же цель моего посещения — пристроить в "Голосе жизни", редактируемом [Д. В.] Философовым, некоторые стихотворения И. Мандельштама» (*Каблукова дневник*. С. 249).

Февраля 7. В № 6 журнала «Лукоморье» помещена «Антология античной глупости» под псевдонимом «Анк Сульпициус».

---

* Со 2 по 7 февраля ст. стиля.

Февраля 11. В «Бродячей собаке» — «Вечер пяти». Скандальное чтение Маяковским стихотворения «Вам!» (*Программы «Бродячей собаки»*. С. 240). По воспоминаниям Б. Пронина, среди присутствовавших были Ахматова, Гумилев, Г. Иванов, Р. Ивнев (Там же. С. 166).

Февраля 20. В «Бродячей собаке» вечер Маяковского (*Катанян 1985*. С. 100).

Февраля 25. Куоккала(?). Запись О. М. прозаическая в «Чукоккале» (*Чукоккала*. С. 21).

Марта 4. Сдал экзамен по французскому языку А. А. Ларонду (*Сальман 2010*. С. 466).

Марта 15. Вышел № 3 еженедельника «Наши дни» со стихотворением «Я не слыхал рассказов Оссиана...».

Марта 28. В зале Армии и Флота (Кирочная, 1) вечер «Поэты — воинам» в пользу лазарета деятелей искусств.

♦ Из отчета: «Артистки Императорской сцены М. Потоцкая и В. Стахова и артистка театра Незлобина М. Андреева при неоднократных требованиях повторений выступили со стихотворениями О. Мандельштама, Ф. Сологуба, Вал. Брюсова» («Поэты — воинам» // Речь, 31 марта. С. 5. Без подписи).

Марта 30. «30 марта [1915 г.] редакция “Нового журнала для всех” созвала литературную молодежь на очередную вечеринку в свое маленькое помещение, где умели принимать по-семейному, тепло и скромно. <...> Гости были разные, по преимуществу молодые акмеисты, охотно посещавшие вечера “с чаем”. Читали стихи О. Мандельштам (признанный достаточно, кандидат в мэтры), Г. Иванов, Г. Адамович, Р. Ивнев, М. Струве и другие. Наибольший успех был у Мандельштама, читавшего, высокопарно скандируя, строфы о ритмах Гомера (“Голову забросив, шествует Иосиф”, — говорили о нем тогда). Попросили читать Есенина» (Чернявский В. С. Три эпохи встреч (1915–1925) // Сергей Есенин в стихах и жизни: воспоминания современников. М., 1995. С. 109).

Марта 31. Поставлен штамп в университетском матрикуле о приеме записи (*ЦГИА СПб*. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 18.).

Апреля 1(?). О. М. в редакции журнала «Лукоморье». Шарж С. Городецкого на него (*Парнис 1991*. С. 189).

Апреля 1. Вышел № 14 журнала «Голос жизни» со стихотворениями «О временах простых и грубых...», «На площадь выбежав, свободен...» (с подзаголовком: «Памяти Воронихина»), «Посох», под общим заглавием «Из цикла “Рим”».

Апреля 2? 9? Был на вечере, устроенном Рюриком Ивневым «в честь Есенина» на своей квартире (Симеоновская ул., д. 11, кв. 8) — *Летопись Есенина*. Т. 1. С. 226–227. Датировано на основании сопоставления ряда воспоминаний, в частности В. Л. Пастухова, упоминающего О. М. (Пастухов В. Л. Страна воспоминаний // Опыты. Нью-Йорк, 1955. Кн. 5. С. 85; Воспоминания о Серебряном веке / Сост. В. Крейд. М.: «Республика», 1993. С. 459).

Апреля 2. Сдал экзамен по психологии Н. О. Лосскому (*Сальман 2010*. С. 466).

Апреля 10. Приходит к М. А. Кузмину вместе с Артуром Лурье (*Дневник Кузмина*. С. 526).

Апреля 14. «С 4-х до 6-ти у меня О. Э. Мандельштам. — Умер Скрябин» (*Блок ЗК*. С. 260).

Апреля 14. Был у Юрия Юркуна вместе с Г. В. Ивановым, М. М. Бамдасом, Б. С. Мосоловым (*Дневник Кузмина*. С. 527).

Апреля 18. В зале Тенишевского училища состоялся вечер петроградских поэтов в пользу 11-го городского лазарета. Объявлены выступления, в числе прочих, Ахматовой, Блока, С. Городецкого, М. Зенкевича, Г. Иванова, М. Кузмина, О. Мандельштама (Речь, 18 апр. С. 1).

♦ Из записи Блока 18 апр.: «Вечер петроградских поэтов в Тенишевском зале (лазареты Вольно-экономического общества). Я читал, отвезенный в автомобиле. Успех» (*Блок ЗК*. С. 261).

♦ Из воспоминаний: «Осип Мандельштам, повернувшись боком к аудитории и кося на нее настороженным глазом, напряженно закинув вверх голову, выпевал прекрасные строки: Впервые за сто лет и на глазах моих Меняется твоя таинственная карта...*» (Антокольский П. Из очерка «Александр Блок» // Александр Блок в воспоминаниях современников. М.: «Худож. лит.», 1990. Т. 2. С. 135).

Апреля 27. Петроград. Письмо к Ф. К. Сологубу. «С крайним изумлением прочел я Ваше письмо. В нем Вы говорите о своем намереньи держаться подальше от футуристов, акмеистов и к ним примыкающих. Не смея судить о Ваших отношениях к футуристам и "примыкающим", как акмеист я считаю долгом напомнить Вам следующее: инициатива Вашего отчуждения от акмеистов всецело принадлежала последним. <...> Что же касается до моего к Вам предложения участвовать в вечере, устроенном Тенишевским Училищем в пользу одного из лазаретов, то в данном случае я действовал как бывший ученик этого училища, а не как представитель определенной литературной группы. Действительно, некоторые из акмеистов, и я в том числе, в ответ на приглашения Ваши и А. Н. Чеботаревской посещали Ваш дом. Но после Вашего письма я имею все основания заключить, что это было с их стороны ошибкой» (*ПССиП*. Т. 3. № 27). Об упомянутом в письме вечере см. Апреля 18. О собраниях поэтов в доме Сологуба см. 1914, Декабря 15.

Апрель. В № 4 «Нового журнала для всех» — статья Льва Брунн «Натан Альтман». «Как в поэзии Мандельштам сделал из русского языка латынь не потому, что язык нашел свои законченные формы и перестал развиваться, а потому. что еврейская кровь требует такой чеканки, что вялостью кажется еврею гибкость русского

* Из стихотворения «Европа».

языка, — такое же желание вылить свое живописное чувство в абстрактные, т. е. органические формы, есть и у Альтмана».

Апрель и/или май. О. М. появляется на «четвергах» в квартире С. Г. Исакова в Академии художеств среди художников Л. Бруни, П. Митурича и др. Письмо Н. А. Тырсы — сестре: «Каждый раз на "четверге"* Мандельштам читает свои новые стихи, разбирает и даже поясняет, почему он переделал некоторые варианты так, а не иначе. Если в "Журнале для всех" встретишь стихи Николая Бруни — то это брат Левы — и он читает свои стихи, но мне кажется, что ему не хватает вдохновенья, и я замечаю, что Мандельштам никогда не похвалил его так, чтобы заметно было, что стихи хороши, он чаще морщится». В квартире Исакова в 1915 г. П. Митуричем и был создан портрет О. М., воспроизведенный в статье Н. Н. Пунина «Рисунки нескольких молодых» (Аполлон. 1916. № 4/5, на вкладке) (Молок Ю. Ахматова и Мандельштам: К биографии ранних портретов // Творчество. 1988. № 6. С. 3).

♦ Из воспоминаний: «Это было в квартире Исакова, ректора Академии Художеств. Этот Лев Бруни, сын хозяйки дома, писал мой грандиозный портрет (не знаю, куда делся); он, т. е. Бруни, был сыном Исаковой от первого брака. Явился во время сеанса обтрепанный молодой человек и набросал эти рисунки — мой и Мандельштама. <...> Еще потом стали говорить о Митуриче как о восходящей звезде: он и Татлин» (Письмо Г. В. Иванова — В. Ф. Маркову, 7 мая 1957 // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 19. М.; СПб.: «Феникс»; «Atheneum», 1996. С. 262. Публ. А. Арьева).

♦ Из воспоминаний об одном из вечеров в «квартире № 5»: «...собралось много народу; не все знали друг друга, знакомились, с интересом слушали, что скажут москвичи. Кроме нас, постоянно

* Четверги в апреле 1915 года: 1, 8, 15, 22, 29; в мае: 6, 13, 20, 27.

бывавших там, Артура Лурье, Альтмана, Тырсы, Мандельштама, Николая Бруни, Митрохина, Клюева, Ростислава Воинова, Ник<олая> Бальмонта, в этот вечер пришли Пуни, Богуславская, Розанова, Татлин, Клюн, Удальцова, Попова, Пестель; были еще какие-то люди из тех, которые — не художники и не писатели — числятся при искусстве» (Пунин Н. Н. «Квартира № 5» // Панорама искусств. Вып. 12. М.; Л., 1989. С. 181).

Мая не позднее 7. Вышел «Невский альманах», вып. 1, со стихотворением «Encyclica». Источник даты: Речь, 9 мая, рецензия.

Мая 8. Петроград. Письмо к С. К. Маковскому. О задержке печатания статьи «Петр Чаадаев» в журнале «Аполлон». Адрес О. М.: Б. Монетная, д. 15, кв. 38 (*ПССиП*. Т. 3. № 28).

Мая 11. Италия вступила в войну на стороне Антанты. Событие отразилось в стихотворении «Зверинец» (*ПССиП*. Т. 1. С. 553)

Мая не позднее 22. Вышел из печати альманах «Весеннее контрагентство муз» со стихотворением Б. Пастернака «В посаде, куда ни одна нога...». Источник даты: *Книл* № 21, 19–26 мая.

В посаде, куда ни одна нога
не ступала, лишь ворожеи да вьюги
ступала нога, в бесноватой округе,
где и то, как убитые, спят снега.

Постой, в посаде, куда ни одна
нога не ступала, лишь ворожеи
да вьюги ступала нога, до окна
дохлестнулся обрывок шальной шлеи.

Ни зги не видать, а ведь этот посад
может быть в городе, в Замоскворечьи,
в замостьи, и прочая (в полночь забредший
гость от меня отшатнулся назад).

Послушай, в посаде, куда ни одна
нога не ступала, одни душегубы,
твой вестник — осиновый лист, он безгубый,
без голоса, Вьюга, бледней полотна!

Метался, стучался во все ворота,
кругом озирался, смерчом с мостовой...
— Не тот это город и полночь не та,
и ты заблудился, ее вестовой! —

Но ты мне шепнул, вестовой, не спроста,
в посаде, куда ни один двуногий...
Я тоже какой-то... я сбился с дороги:
— Не тот это город, и полночь не та! —

♦ Из воспоминаний: «Лет двенадцать тому назад, когда о Пастернаке еще мало кто слышал, получился в Петербурге московский альманах, называвшийся, кажется, “Весеннее контрагентство муз”. В альманахе было несколько стихотворений Пастернака и среди них одно, путанное, длинное, о Замоскворечье, со строчкой: “не тот это город и полночь не та”. От этого стихотворения несколько юных петербургских поэтов почти что сошли с ума. Даже снисходительно-важный Гумилев отзывался о новом стихотворце с необычным воодушевлением. Мандельштам же бредил им» (Адамович Г. «Лейтенант Шмидт» Б. Пастернака // Звено. Париж, 1927. 3 апр.).

Мая 23. Сдал экзамен по общему курсу русской истории С. В. Рождественскому (*ЦГИА СПб.* Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 11 об.–12).

Мая 28. Собрание поэтов у Константина Ляндау. Сонет-акростих М. Лозинского «Хозяину К. Ляндау» (*TSQ*. 2012. № 41. С. 134. В статье А. Г. Меца, И. В. Платоновой-Лозинской «“Транхопс” и около»).

♦ Из воспоминаний: «Комната Ляндау помещалась в нижнем этаже типично петербургского дома, из окон которого виднелся мощный ансамбль Екатерининского института и силуэт вздыбленных клодтовских коней. <...> В кружке Ляндау до хрипоты спорили о поэзии и не раз раздавался густой голос Осипа Мандельштама, читавшего свои стихи» (Встречи с прошлым. Вып. 4. М.: «Советская Россия», 1982. С. 180. В воспоминаниях М. В. Бабенчикова о Сергее Есенине).

Май. Вышел «Аполлон» № 4/5 со стихотворением «Реймс и Кельн» (в статье Георгия Иванова «Военные стихи»).

Июня 7. Письмо Ф. О. Мандельштам — Е. Э. Мандельштаму из Петрограда в Нюслот: «Ося заработал деньги, купил себе билет в Крым в дешевый пансион (42 р. в м<есяц>), оденется сам, т. е. на свой счет. Пусть с Богом едет» (Семейный архив Е. Э. Мандельштама).

Июня 17. Вышел № 25 журнала «Голос жизни» со стихотворениями «В морозном воздухе растаял легкий дым...», «Неумолимые слова...», «Египтянин» («Я выстроил себе благополучья дом...»).

Июня 24. «Сегодня был у меня И. Э. Мандельштам, на днях уезжающий в Коктебель близ Феодосии, в пансион г-жи Волошиной <...> Мандельштам привез 3 своих новых стихотворения: “Евхаристия”, “Имябожие”, “Свобода” и прочел мне одно из прежних — “От вторника и до субботы”» (*Каблукова дневник*. С. 250).

Июня 27. Дарственная надпись Н. Альтману на «Камне»: «Дорогому Натану Исаевичу с глубоким уважением. Автор. <...> Петербург» (*Сеславинский 2016*. С. 201).

Июня не позднее 28. Вышел альманах «Петроградские вечера» № 4 со стихотворением «Реймс и Кельн». Источник даты: *Книл* № 26, 23–30 июня.

Июня 30. Приезжает в Коктебель. Письмо Е. О. Волошиной — М. А. Волошину, 1 июля: «С Алеханом [А. Толстым] мы живем хорошо, много говорим, смеемся, вместе ужинаем у Ел<ены> Пав<ловны> в новой столовой; кофе, чай пьем также вместе, а со вчерашнего дня к нам присоединился поселившийся у нас поэт Мандельштам; он мне с виду понравился, только я совсем не могу понять его стихов в его декламации: она претит мне и мешает слушать, понимать, воспринимать» (Купченко В. П. Остров Коктебель. М.: «Правда», 1981. С. 15; *Волошин 2011*. С. 412).

Июля 1 — Августа конец. Находится в Коктебеле. Знакомится и проводит время с Анастасией Цветаевой и Елизаветой Парнох (Тараховской). Знакомится с Мариной Цветаевой.

Ан. Цветаева
Фотография

♦ Из воспоминаний: «Осип и Александр были крайне бедны, жили на последние гроши, всегда мечтая где-то достать денег, брали в долг у каждого, не имея возможности отдать, Александр делал это кротко, получал с благодарностью. Осип брал надменно, как обедневший лорд: благосклонно, нежно улыбаясь одно мгновение (долг вежливости), но было понятно, что брал как должное — дань дару поэта, дару, коим гордился, и голову нес высоко. <...> Осип был среднего роста, худ, неровен в движениях — то медлителен, то вдруг мог сорваться и ринуться чему-то навстречу. Чаще всего стоял подняв голову, опустив веки на ласковые в шутливой беседе, грустно-высокомерные глаза. Казалось, опустив веки ему легче жить. Волос у него было мало — хоть 24 года! — легкие, темные, лоб уже переходил в лысину, увенчанную пушком хохолка. Горбатость носа давала ему что-то орлиное. И была в нем грация принца в изгнании. И была жалобность брошенного птенца. И он стал моим терзаньем и утехой. В несчетный раз я просила и слушала его “Аббата” <...> В быту у братьев всё не ладилось, они часто болели, особенно Осип. Был на диете: ему бывали воспрещены обеды в береговой кофейне “Бубны”, где встречалась знать Коктебеля за шашлыками, чебуреками, ситро и пивом, и как-то само собой вышло, что Осип стал в смысле каш и спиртовок моим вторым сыном, старшим, а об Александре стала заботиться Лиза. Мы с ней пересмеивались дружески-иронически над своей ролью и весело кивали друг другу. Серьезных бесед я не помню. Осип был величаво-шутлив, свысока любезен, и всегда на краю обиды, так как никакая заботливость не казалась ему достаточной и достаточно почтительно выражаемой. Он легко раздражался. И, великолепно читая по просьбе стихи,

пуская, как орла, свой горделивый голос, даря слушателям (казавшуюся многим вычурной) ритмическую струю гипнотически-повелительной интонации, он к нам снисходил, не веря нашему пониманию, похвале внимал — свысока. <...> Когда я сидела на берегу, подошел Мандельштам и сообщил, что надо уезжать, так как вокруг началась холера. Мне сразу стало весело от какой-то перспективы отъезда, быстроты, новизны. "Но куда ехать", — решали мы; стали говорить об окрестностях Москвы, где бы можно провести последний летний месяц. Подошли брат Осипа, Александр, и Лиза, сестра Сони Парнок, стали решать, ехать ли и куда. Они были спокойны, говорили, что отдельные случаи еще не есть эпидемия, что надо узнать, подождать, что у нас мало денег, чтобы срываться с места. Они были правы, я это сознавала.

<...> Ехали долго. В Сердоликовой бухте я бродила с ним по камням, он говорил о своем друге, композиторе. Я была в этой бухте четыре года назад. Я смотрела на серые полосы моря и на замшевые очертания гор, далеко, золотых от заката, как на декорации. Ветра не было, и дорогу назад мы сделали веслами. Баркас был тяжел. Мы глядели на звезды, появляющиеся по одной, затем сразу, в бездонном, бездонном небе. Я просила сказать стихи. Он говорил охотно, но равнодушно, не веря моему пониманию, и деликатно молчал об этом. И в этом, новом для меня, положении, что меня считают простым человеком, а кого-то рядом — сложным, я чувствовала себя как в полусне, как в далеком детстве. Но было что-то сладкое в том, что я позволяю другому быть причудливым и не говорю о себе, и не думаю. Словно кто-то дал мне волшебного зелья, от которого я забыла, кто я» (Цветаева Ан. Главы из книги // Даугава. 1980. № 7. С. 67–71).

♦ Из воспоминаний: «Мандельштам очень любил стихи Марины Цветаевой и не любил стихов моей сестры Софьи Парнок. Однажды мы разыграли его: прочитав стихи моей сестры, выдали их за стихи Марины Цветаевой. Он неистово стал расхваливать стихи моей сестры. Когда розыгрыш был раскрыт, он долго на всех нас злился» (Тараховская Е. Осип Эмильевич Мандельштам / Публ. В. Приходько // Общая газета. М., 1994. № 32/57. 12–18 авг. С. 16).

Июля 12. Коктебель. Состоялось литературно-музыкальное кабаре в пользу раненых. Е. О. Волошина — М. А. Волошину, 14 июля: «...слезно молю, как например, на днях поэта Мандельштама не делать по нескольку раз на день запруд в комнате, не бросать книг на террасе, окурков на диване, и кажется мольбы мои на него действуют. Мы прозвали его M-elle Зизи и он Христом богом просит не называть его так, боясь, что кличка пристанет к нему, как лист мушиной смерти. Марина, Ася, сестры Парнок совсем отошли от жизни нашей. <...> 12 июля было литературно-музыкальное кабарэ в Коктебеле в пользу раненых, и с кружкой перед тем ходили 2 дня и собрали 276 рублей. Кабарэ удался вполне, было хорошо и весело

слушать и смотреть, сидя в саду у [И. П.] Харламова <...> Пелись (очень хорошо) шуточные стихи, где воспевались мои штаны, поэты в лице Алехана, Мандельштама и тебя за границей, поэтессы в лице Марины и Парнок и много других» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 657. Л. 42 об. — 45 об.).

Июля 20. Коктебель. Письмо к матери в Петроград. «Вчера получил телеграмму о приезде Шуры [А. Э. Мандельштама], которая скрестилась с моей. Жду Шуру завтра. Очень одобряю его приезд. Август и сентябрь здесь отличные. Жить он будет на даче Волошиной» (*ПССиП*. Т. 3. № 29). Послано по адресу: Большая Монетная, 15 (*ПССиП*. Т. 3. С. 746).

Июля 24. Письмо Е. О. Волошиной — М. А. Волошину: «...забегал Мандельштам с холерой, о которой узнал по телефону из земства, что было в Судаке и некоторых деревнях всего 30 случаев заболевания» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 657. Л. 49).

Июля 25. Вышел № 26 журнала «Новый Сатирикон» со стихотворением «"Мороженно!" Солнце. Воздушный бисквит...».

Июля 31. Письмо М. Волошина — Е. О. Волошиной из Биаррица. «Мандельштама я очень люблю как поэта. И встречал его, когда он был еще совсем юным мальчиком» (*Волошин 2011*. С. 409). См. 1907, Февраля вторая половина.

Августа 1. Феодосия. Провожает уезжающую ночным поездом в Москву Анастасию Цветаеву с сыном (Цветаева А. И. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. 1911–1922 годы. М.: «Бослен», 2008. С. 427).

Августа 5. Коктебель. Письмо Е. О. Волошиной — Ю. Л. Оболенской. «Марина с Соней уже уехали куда-то в Малороссию, к знакомым Сони. Ася уехала на-днях, убоявшись холеры в Судаке; с ней вместе, по тому же поводу чуть было не уехал поэт Мандельштам, но к сожалению моему перерешил и остался. Он в сущности не плохой человек, талантливый поэт, умен, но за месяц пребывания своего здесь успел всем надоесть своей мнительностью, некоторой бесцеремонностью, а мне главным образом неряшливостью и беспамятством относительно некоторых моих требований» (*РГАЛИ*. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 17–17 об.).

Августа 10. Письмо Е. О. Волошиной — М. А. Волошину. «Мандельштам еще здесь, и мои отношения с ним всё ухудшаются при посредстве твоей библиотеки, т<ак> к<ак> он, будучи неаккуратен, неряшлив, забывчив, бесцеремонен вообще, проявляется в том же духе и относительно книг, и вчера, заметив по всем полкам беспорядок в книгах при взятии и вставлении их на места, я ему указала это и опять запретила ходить в библиотеку» (*Волошин 2011*. С. 470).

Августа 21. «Из знакомых остались только братья Мандельштамы, да и они ждут только денег, чтобы тронуться отсюда» (письмо Е. О. Волошиной — М. А. Волошину. *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 657. Л. 56 об.).

Август, до 28. Написано стихотворение «Обиженно уходят на холмы...». См. Августа 28.

Августа 28. Письмо Е. О. Волошиной — М. А. Волошину. «Посылаю при сем стихотворение Мандельштама, которое он просил переслать тебе как привет свой. Оно хорошо, только "как жердочки, мохнатые колени" не соответствуют портрету овец, здешних по крайней мере». Приложен автограф стихотворения «Обиженно уходят на холмы...» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 657. Л. 62–62 об.; Там же. Оп. 6. Ед. хр. 149. Л. 1).

Сентября 29. В университете на экзамене по латинским авторам. Согласно записи С. Каблукова, 1 окт.: «Был И. Э. Мандельштам, 29-го сентября неудачно сдававший экзамен по латинским авторам у [А. И.] Малеина. Малеин требует знания Катулла и Тибулла, Мандельштам изучил лишь Катулла. Тибулла переводить отказался, за что и был прогнан с экзамена. При этом у него похитили чужой экземпляр Катулла с превосходными комментариями» (*Каблукова дневник*. С. 251). См. 1916, Октября 18.

Октября 4. «В № 6–7 "Аполлона" с интересом читал сегодня превосходную статью И. Э. Мандельштама "Петр Чаадаев"» (*Каблукова дневник*. С. 251).

Октября 5. Получил зачет в семинаре по Клеману Маро у В. Ф. Шишмарева (*Сальман 2010*. С. 467).

Октября 8. Сдал экзамен по новой истории у Н. И. Кареева (*Сальман 2010*. С. 467).

Октября 13. — Дата ранней редакции стихотворения «Как этих покрывал и этого убора...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 551).

Октября конец (?) Написаны стихотворения «Я не увижу знаменитой "Федры"...» и «Негодованье старческой кифары...» (посланы Каблуковым Д. Черкесову 18 ноября — *Каблукова дневник*. С. 251, 363).

Октябрь–Декабрь. «Устраивал Гумилев осенью литературные собрания, частично заменявшие "Цех"; на них бывали О. Мандельштам, В. Шилейко, М. Лозинский, М. Струве, М. Тумповская и др.» (*Степанов 1991*. С. 393).

Ноября 18. Был на концерте С. А. Кусевицкого, посвященном Скрябину (*Каблукова дневник*. С. 251).

Ноябрь, не позднее 24. На собрании литераторов в редакции «Нового журнала для всех»: «Тесная редакционная квартира в эти вечера бывала переполнена гостями, причем здесь можно было встретить представителей всех школ и всех течений. Так было и в хорошо памятную мне ноябрьскую среду 1915 года*. <...> Здесь были: уже и тогда маститый М. А. Кузмин, неизменные аяксы Георгий Иванов и Георгий Адамович, Всеволод Курдюмов, Рюрик Ивнев, О. Мандельштам, Н. Венгров, О. Брик, Ек. Низен, М. Моравская и многие другие.

* Среды в ноябре 1915 г. приходились на числа: 3, 10, 17, 24.

После патетической декламации А. А. Мгеброва и Виктории Чекан, после того как жеманный Георгий Иванов прошепелявил свои стихи о веселой труппе бродячих гимнастов, после торжественной меди Осипа Мандельштама и старинной мудрости Кузмина [Маяковский прочитал “Флейту-позвоночник”]» (Оксенов И. Маяковский в дореволюционной литературе // Ленинград. 1931. № 4. С. 96).

Ноября 25. «Камень» (2-е изд.) сдан в Петроградское управление по делам печати (*РГИА*. Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 259. Л. 813).

Ноября 27. Прошение в канцелярию университета. «Имею честь просить о выдаче мне удостоверения в том, что я состою в числе студентов Петроградского Университета для представления в Петроградское воинское присутствие». Адрес: Каменноостровский, 24, кв. 35. Расписка о получении удостоверения — 1 дек. (*ЦГИА СПб.* Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170).

Ноября 28. «Камень» (2-е издание) получен из Петроградского управления по делам печати, см. Ноября 25.

Ноября 30. Запись в дневнике Веры Алперс: «Сегодня какой-то особенный день, всё меня волнует. Борис [Алперс] сегодня уехал в Царское к Гумилеву, образуется какое-то новое общество поэтов. Только он успел уехать, как звонит Чеботарев<ская>, говорит, что ей Борис нужен сегодня по делу, непременно сегодня. Я за Бориса ужасно рада. То что его Гумилев пригласил — очень хорошо. Пускай даже тут будут какие-нибудь цели, не всё ли равно. Всё это устраивает Мандельштам. Ему конечно очень хочется опять попасть к нам, слушать музыку, читать свои стихи. И не нужно отнимать у него эту надежду, если он может быть полезен. Я так рада теперь за Бориса» (*Степанов 2007*).

Декабря 1. Получил удостоверение в канцелярии университета, см. Ноября 27.

Декабря 9. Письмо Б. Эйхенбаума — отцу: «Сегодня читал в университетском романо-германском кружке реферат о поэзии Ахматовой. Может быть, напечатаю его» (Семейный архив Эйхенбаума, копия. Частично процитировано: Эйхенбаум Б. М. О литературе. М.: «Советский писатель», 1987. С. 499. В коммент. Е. Тоддеса).

Декабря 12. Заседание Общества ревнителей художественного слова по случаю приезда Вяч. Иванова. Первая часть была посвящена «собеседованию» по общей теории стихосложения (под председательством Н. В. Недоброво). «Вторая часть вечера была, по обычаю “Академии Стиха”, отдана слушанию (под руководством проф. Зелинского) стихов. Свои произведения читали Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский, Владимир Пяст» (Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1916. № 2. С. 55. Подписано: Litotes).

♦ Из воспоминаний Г. Адамовича: «На одном из вечеров в “Аполлоне”, незадолго до революции, Мандельштам читал их [стихи «Я не увижу знаменитой “Федры”...»] в присутствии Вячеслава Иванова.

Тот отнесся к ним холодно, тут же превознеся до небес довольно заурядные стихи, прочитанные В. Пястом. На Гумилеве лица не было. Оценку Вяч. Иванова он приписал его заведомой вражде к акмеизму и был тем более ею возмущен» (По поводу собрания сочинений Осипа Мандельштама // Опыты. Нью-Йорк, 1956. № 6. С. 93). См. Декабря 20.

Декабря 13. Вечер у Ф. К. Сологуба в честь Вяч. Иванова. Источник даты: Тименчик Р. Д. О трудах и днях Ахматовой // Новое лит. обозрение. 1998. № 29. С. 424.

♦ «Когда в 191[5] году Вяч. Иванов приехал в Петербург, он был у Сологубов на Разъезжей. Необычайно парадный вечер и великолепный ужин. В гостиной подошел ко мне Мандельштам и сказал: "Мне кажется, что один мэтр — зрелище величественное, а два — немного смешное"» (Ахматова А. Листки из дневника / Подгот. Р. Тименчика // Ахматова Анна. Requiem. М.: МПИ, 1989. С. 125).

Декабря 20. Собрание поэтов у М. А. Струве. М. Лозинский пишет шуточное стихотворение «Когда сухих не размыкая губ...» на сюжет о прошедшем 12 дек. заседании Общества ревнителей художественного слова (*TSQ*. 2012. № 41. С. 136. В статье А. Г. Меца, И. В. Платоновой-Лозинской «"Транхопс" и около»).

Декабря до 21. Вышло второе издание «Камня».

♦ Рецензии см.: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. (Лит. памятники). С. 218–240; дополнительно рецензию П. Зорева (П. Филипповича): Саратовский вестник. 1916. 10 марта (Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: «Водолей», 2010. С. 183. Републикация Р. Тименчика).

♦ См. также: 1916 — Января 21; Апреля 30; Мая 2; 1917 — Январь; Июня 4.

Декабря 21. Дарственные надписи на втором издании «Камня». В. А. Пясту: «В. Пясту с любовью Осип Мандельштам. 21 декабря 1915» (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом X. № 25ж), С. П. Каблукову: «Сергею Платоновичу Каблукову с любовью. Осип Мандельштам. 21 дек. 1915 г.» (*Инскрипты*. С. 208).

Декабря 28. Дарственная надпись на втором издании «Камня» С. Радлову: «Дорогому Сергею Эрнестовичу дружески Осип Мандельштам. 28 дек. 1915 г.» (*Инскрипты*. С. 209).

Декабря 29. Был у С. Каблукова и подарил ему второе издание «Камня». «Это издание — его собственное <...> Книга пострадала и от цензуры: два стихотворения: "Заснула чернь" и "Императорский виссон" не разрешены» (*Каблукова дневник*. С. 251–252, 363. Запись Каблукова 30 дек.). См. Декабря 21.

Декабря 29. Отъезд М. И. Цветаевой и С. Я. Парнок из Москвы в Петроград на встречу Нового года. Датируется по письму С. Я. Парнок к В. А. Зайцевой, из Москвы в Притыкино от 28 дек. 1915 г.: «... завтра уезжаю в Петербург. <...> Новый год встречу в Петербурге» (*ИМЛИ*. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1 об. — 2).

Декабря 31. Петроградским городским по воинской повинности присутствием выдано свидетельство об отсрочке от призыва (*Сальман 2010*. С. 469).

Декабря 31. Дарственная надпись М. Лозинскому на втором издании «Камня»: «сей временный “Камень” — в вечное обладание» (*Инскрипты*. С. 208).

Декабрь (?) Вышел из печати сборник стихов Георгия Иванова «Вереск». Включено посвященное О. М. стихотворение «Болтовня зазывающего в балаган».

1916

Января не позднее 3. Вечер у Каннегисеров (по «Нездешнему вечеру» Марины Цветаевой). Датируется согласно сведениям о том, что 4 января С. Есенин, о чтении которого М. Цветаева вспоминает в очерке, был уже в Москве (*Летопись Есенина*. Т. 1. С. 306, 308, 310). «— Как вам понравился Михаил Алексеевич? — мне — молодой хозяин, верней — один из молодых хозяев, потому что их — двое: Сережа и Лёня. Лёня — поэт, Сережа — путешественник, и дружу я с Сережей. <...> Осип Мандельштам, полузакрыв верблюжьи глаза, вещает: — Поедем в Ца-арское Се-ело, Свободны, веселы и пьяны, Там улыбаются уланы, Вскочив на крепкое седло. Пьяны ему цензура переменила на рьяны, ибо в Царском Селе пьяных уланов не бывает — только рьяные! <...> Читают Лёня, Иванов, Оцуп, Ивнев, кажется — Городецкий. Многих — забыла. Но знаю, что читал весь Петербург, кроме Ахматовой, которая была в Крыму, и Гумилева — на войне. Читал весь Петербург и одна Москва» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995*. Т. 4. С. 283–288).

Января 6. Дарственные надписи на втором издании «Камня»: Георгию Иванову («в обмен на “Вереск”»); Г. В. Адамовичу — «с любовью, приветствуя его стихи» (*Инскрипты*. С. 207; *Сеславинский 2016*. С. 251).

Января 10. Дарственная надпись Марине Цветаевой на втором издании «Камня»: «Марине Цветаевой — камень-памятка. Осип Мандельштам. Петербург 10 янв. 1916» (*РГАЛИ*. Ф. 237. Оп. 2. Ед. хр. 216).

Января 10. «Был И. Мандельштам. Свое издание “Камня” он решил продавать, сдав его книжному магазину Ясного на Невском» (*Каблукова дневник*. С. 252).

Января 11. — Дата стихотворения «Зверинец» в автографе ранней редакции (*ПССиП*. Т. 1. С. 552). На обороте этого автографа (в один из следующих дней?) записывает московские адреса Марины Цветаевой и Софии Парнок: «Поварская Бор. Глеб. [Борисоглебский] пер. д. 6, кв. 3 / Арбат Хлебн. пер. 8 кв. 1» (*Архив Мандельштама*).

Января 12. «Сегодня Мандельштам читал свой превосходный “Дифирамб Миру” [«Зверинец»], вчера написанный» (*Каблукова дневник*. С. 252).

Января 14. Знакомый С. Каблукова Д. Черкесов в своем письме благодарит за посланную книгу («Камень»). «Хотелось бы узнать, что страшные предсказания о его [О. М.] судьбе (болезни) преждевременны или ошибочны» (*Каблукова дневник.* С. 252).

Января 17. Отъезд Марины Цветаевой и Софии Парнок из Петрограда в Москву. Из записи М. Цветаевой 19 января следует, что в Москву она вернулась 18-го (*Цветаева Неизданное.* Т. 1. С. 123–124).

Января 21. В газете «День» — рецензия В. Пяста на второе издание «Камня». «Нас пленяют, однако, едва ли не более всего незатейливые гротески О. Мандельштама вроде “Кинематографа”, “Тенниса”, “Аббата”, “Домби и сын”. Некоторые стихотворения в этом жанре (как например, два прекраснейших “Футбола”) по непонятным причинам не включены автором в книгу. В них везде живая изобразительность языка, живое проникновение в эстетическую сущность изображаемого с легким юмором, прозаического, будничного предмета. Хороши и архитектурные мотивы поэта, особливо “Адмиралтейство”, где автор становится символист, где он безусловно и искусно возвышается до философского выражения зодческой идеи. Также символичен, очень замечательный и в других отношениях, гротеск “Золотой”».

Января не позднее 23. Приезжает в Москву. В гостях у Марины Цветаевой, знакомится с ее дочерью. — Дневниковая запись М. Цветаевой (*Цветаева Неизданное.* Т. 1. С. 125).

Января 20-е числа (между 22 и 24 или 26-го). Москва. Был у Вяч. Иванова. По письму Е. О. Волошиной — М. А. Волошину, 28 янв.: «Майя [Кювилье] после большого перерыва была недавно у Вячеслава [Иванова] и встретила там много молодых поэтов, очень непривлекательных по манере держать себя, между которыми выделялся гордой, полной достоинства осанкой — Мандельштам. — Жалко, что перед этим она не видела его у нас в обормотнике, когда он от декламации с гордым видом переходил к глупой болтовне, прерываемой неудержимым смехом до слез, т. ч. закрывал лицо, вытирая глаза, опять болтал, опять смеялся, присаживался на корточки то передо мной, то перед Мариной, пока весь не выдохся от усталости и не полупростерся на плечах у Сережи.* Майя ушла от Вячеслава раньше, чем поэты стали декламировать, но они (т. е. Майя и Мандельштам) друг другу понравились» (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 658. Л. 11–11 об.).

Января 25. Из письма В. Нарбута к М. Зенкевичу: «В “разводе” Гумилева и Город<ецкого> я становлюсь на сторону первого. Не нравятся мне последние стихи Сергея! А к новому “Цеху” примыкать нам не следует. <...> Попроси от моего имени книги новые у Манделя и Гумилева» (*Котова, Лекманов.* С. 95).

---

* В этом пассаже Е. О. Волошина говорит о поведении О. М. 25 янв., см. Января 25.

Января 25. Москва. Дарственная надпись Рюрику Ивневу «с нежным увещанием быть поэтом Осип Мандельштам. Москва. 25 янв. 1916» (*Собрание Лесмана.* № 1426).

Января 25. Приходит в гости к Е. О. Волошиной в «обормотник» (квартира 27 по Малой Молчановке, 8)*. По письму Е. О. Волошиной — М. А. Волошину, 25–26 янв.: «26/I. <...> Вчера пришлось бросить письмо и принимать неожиданных гостей. Первой явилась Магда [Нахман]. Она, оказывается, поселилась здесь на зиму. Второй — Юлия [Оболенская], она также дня 4 тому назад поселилась опять у Кандауровых. Затем — сразу Марина и Сережа с Мандельштамом. Последний, по словам Марины, очень боялся предстать перед мои грозные очи, но встреча обошлась хорошо и весело. Он до изнеможения декламировал, болтал, смеялся. Очень понравился Вере [Эфрон]. Понравился так, как и мне нравится одной стороной своего существа; другой — ей неизвестной, он для меня неприемлем. К концу вечера подошли еще Ева и Миша Фельдштейны» (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 658. Л. 8–8 об.).

Января 28. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Доклад Б. В. Томашевского о ритмике «Песен Западных славян» (Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1916. № 2. С. 55–56. Подписано: Litotes).

♦ Запись П. Лукницкого, 22 дек. 1926: «Январь 1916. АА присутствовала в Обществе ревнителей художественного слова в тот день, когда Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский и другие читали там свои стихи, а Б. Томашевский — доклад о стихосложении Пушкинских “Песен западных славян”» (*Acumiana 2.* С. 229).

Января 30. Москва. Записал в альбом А. И. Ходасевич стихотворение «Зимний дворец» («Императорский виссон...») (*ПССиП.* Т. 1. С. 547).

Января 30. В газете «Утро России» — рецензия В. Ходасевича на второе издание «Камня» (в составе сводной рецензии «О новых стихах»).

Января 30. Дарственная надпись на втором издании «Камня» неустановленному лицу (*Ласунский 1990.* С. 402–403, со ссылкой на собрание Я. И. Бердичевского).

Январь. В № 1 журнала «Аполлон» — рецензия Н. Гумилева на второе издание «Камня» (в составе «Письма о русской поэзии»).

---

* «Обормотниками» назывались съемные московские квартиры сестер Эфрон и их друзей, живших своеобразной «обормотской» коммуной. Прозвище «обормотов» впервые закрепилось за коктебельской молодежью дома Волошиных вместе с его хозяевами летом 1911 года — за бесшабашное поведение, склонность к мистификациям и дурачествам, стремление к свободе и естественности. Состав «обормотников» часто менялся. В описываемое время там жили: Вера Эфрон, Е. О. Кириенко-Волошина, Б. А. Грифцов, Мария Кузнецова, Елена Позоева, Василиса Жуковская, Сергей Кудашев (жених Майи Кювилье), Магда Нахман и др. (справка Е. И. Лубянниковой).

«О. Мандельштама уже около десяти лет знают и ценят в литературных кругах. Но только что вышедший “Камень” является единственной его книгой, потому что маленькая брошюра под тем же названием быстро разошлась и почти не отражала сложных путей творчества ее автора. Прежде всего важно отметить полную самостоятельность стихов Мандельштама; редко встречаешь такую полную свободу от каких-нибудь посторонних влияний. Если даже он наталкивается на тему, уже бывшую у другого поэта (что случается редко), он перерабатывает ее до полной неузнаваемости. Его вдохновителями были только русский язык, сложнейшим оборотам которого ему приходилось учиться, и не всегда успешно, да его собственная видящая, слышащая, осязающая, вечно бессонная мысль».

Февраля 5. Отъезд из Москвы в Петроград. Запись Марины Цветаевой о проводах О. М. — *Цветаева Неизданное.* Т. 1. С. 126.

Февраля 7. Петроград. Был у Каблукова. «Перед этим он [Т. Е. Сегалов] обедал у меня, вместе с Мандельштамом, вернувшимся из Москвы после свидания с Вяч. Ивановым, признавшим его “Камень”. Особенно В. И. понравились “Имябожие”, “Бессонница. Гомер...”» (*Каблукова дневник.* С. 252). См. Января 20-е числа (между 22 и 24 или 26-го).

Февраля 10. Письмо М. Р. Сегаловой — С. П. Каблукову: «Мандельштаму передайте, пожалуйста, что письмо его [Марине Цветаевой?] довезла и в тот же день опустила в почтовый ящик» (*Каблукова дневник.* С. 253).

Февраля 12. — Дата стихотворения Марины Цветаевой «Никто ничего не отнял...». Позднее помечено ею как обращенное к О. М. (*Собрание Лесмана.* № 2433). По письму Марины Цветаевой к С. Н. Гальперн от 18 мая 1931 г., в этот день (12 февр. 1916 г.) О. М. находился в Петрограде (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995.* Т. 7. С. 139).

Февраля не позднее 14. Вышел альманах «Гюлистан» (I) со стихотворением Тихона Чурилина «Ноябрь» (напечатано анонимно). Источник даты: *Книл* № 7, 11–18 февр.

Н о я б р ь

На грязь, горячую от топота коней,
Упала легкая одежда брата — Снега.
И лепет горестный иззябших голубей
Ласкает сладостно, и тень всё голубей.
И всё безжалостней последней ночи нега,
Всё равнодушнее мне жить в разлуке с ней.

♦ Из воспоминаний: «Он хорошо знал и помнил чужие стихи, часто влюблялся в отдельные строчки. Например: На грязь, горячую от топота коней, Ложится белая одежда брата-снега... (Я помню это только с его голоса. Чье это?)» (Ахматова А. Листки из дневника / Подгот.

Р. Тименчика // Ахматова Анна. Requiem. М.: МПИ, 1989. С. 122). Авторство и место публикации установлены Р. Д. Тименчиком.

Февраля 17. — Дата стихотворения Марины Цветаевой «Собирая любимых в путь...». Позднее помечено ею как обращенное к О. М. (*Собрание Лесмана.*№ 2433).

Февраля 18. — Дата стихотворений Марины Цветаевой «Ты запрокидываешь голову...» и «Откуда такая нежность...». Позднее помечены ею как обращенные к О. М. (*Собрание Лесмана.* № 2433).

Февраля конец. Москва. Получает у Вяч. Иванова его стихотворение «Два града» для передачи С. П. Каблукову. 6 марта С. Каблуков в письме благодарит Вяч. Иванова «за пересланные с Мандельштамом стихи» (*Каблукова дневник*. С. 258).

Февраль. — Дата стихотворения «В разноголосице девического хора...» с пометой «Москва» (*ПССиП*. Т. 1. С. 682). См. Марта 5.

Февраль (?) Вышел № 1 (1916) журнала «Любовь к трем апельсинам» со стихотворением А. Блока «Голос из хора». Отразилось в статье О. М. «Гуманизм и современность».

Февраль или Март. Москва. Записка О. М. и К. Ю. Ляндау — Вяч. Иванову с просьбой принять их (*ПССиП*. Т. 3. № 30).

Марта 1. Дата стихотворения Марины Цветаевой «Разлетелось в серебряные дребезги...». Позднее помечено ею: «Мандельштаму — и еще нескольким...» (*Собрание Лесмана.* № 2433).

Марта 5. Петроград. Был у С. Каблукова и прочитал ему стихотворение «Москва» («В разноголосице девического хора...») (*Каблукова дневник*. С. 253).

Марта 6. Письма С. Каблукова к Вяч. Иванову и Т. Е. Сегалову с просьбой помочь О. М. в подыскании работы в Москве. Из письма к Вяч. Иванову: «Рассказ Мандельштама о том, как Вы отнеслись к его поэтической работе, очень меня утешил. Я давно слежу за развитием его дарования, несомненно очень значительного, рост которого происходит на моих глазах и которое меня очень радует» (*Каблукова дневник*. С. 253. № 49 и 50).

Марта 6. С. Каблуков посылает стихотворения «— Как этих покрывал и этого убора...» и «В разноголосице девического хора...» Д. Черкесову (*Каблукова дневник*. С. 253. № 49).

Марта 13. Письмо Т. Сегалова — С. Каблукову с информацией о неудачной попытке получить для О. М. работу в издательстве «Универсальная библиотека» (*Каблукова дневник*. С. 253–254).

Марта 16. Москва. О. М. звонит М. Р. Сегаловой относительно устройства на службу. Ее письмо к С. Каблукову с предложением подыскать для О. М. место в банке (*Каблукова дневник*. С. 254).

Марта 17. — Дата стихотворения Марины Цветаевой «Гибель от женщины — вот знак...». Позднее помечено ею как обращенное к О. М. (*Собрание Лесмана.* № 2433).

Марта 19. Заседание Общества ревнителей художественного слова. Чтение Гумилевым своей драмы «Дитя Аллаха». Выступили:

Н. Недоброво, В. Соловьев, В. Чудовский, В. Гедройц, В. Шилейко, М. Лозинский. Отчет: Аполлон 1916. № 4/5. С. 86. Подписано: Litotes.

Марта 20 или 21. — Дата стихотворения Марины Цветаевой «Приключилась с ним странная хворь...». Позднее помечено ею как обращенное к О. М. (*Собрание Лесмана.* № 2433).

Марта 24. Заседание Общества ревнителей художественного слова. В. К. Шилейко прочитал свой перевод «Хождения Иштар». Выступили Б. Богаевский, Н. Флитнер, Е. Браудо. Отчет — Аполлон 1916. № 4/5. С. 86–87. Подписано: Litotes.

Марта 29–30. — Дата стихотворения Марины Цветаевой «Димитрий! Марина! В мире...». Перекликается с мотивами стихотворения О. М. «На розвальнях, уложенных соломой...» (март 1916).

Марта 31. — Дата стихотворений Марины Цветаевой «Из рук моих — нерукотворный град...» и «Мимо ночных башен...». Позднее помечены ею как обращенные к О. М. (*Собрание Лесмана.* № 2433).

Марта. — Дата первоначальной редакции стихотворения «На розвальнях, уложенных соломой...» в автографе (*ПССиП.* Т. 1. С. 553).

Марта. Т. В. Чурилин в воспоминаниях сообщает о чтении в марте своей пьесы «Последний визит» в квартире Д. А. Горбова в Москве, в присутствии О. М., В. Хлебникова, Д. Петровского, Б. Зайцева, Б. Грифцова, В. Мозалевского, А. Таирова, А. Коонен, В. Соколова, В. и Б. Шманкевичей, А. Глобы, М. Цветаевой, С. Парнок, К. Ляндау и др. (*Чурилина воспоминания.* С. 460).

Март. Вышел № 7 журнала «Рудин» со стихотворением «Мадригал» («Нет, не поднять волшебного фрегата...»).

Апреля 10. Пасха. Находится в Москве.

♦ «Пасха 1916 г. — с М<андельшта>мом у Нечаянной Радости, потом — все вместе — С<ережа>, Борис [Трухачев] и я у Сережи наверху» (*Цветаева Неизданное.* Т. 1. С. 91).

♦ Из воспоминаний М. Цветаевой: «Дарила я кольца: О. Мандельштаму (серебряное, с печатью — Адам и Ева под древом добра и зла), Т. Чурилину (с гранатами) <...>» (*Цветаева Неизданное.* Т. 2. С. 90. Запись 29 марта 1920 г. — Пасха).

Апреля 14. Возвращение в Петроград. Письмо С. Я. Эфрона — Е. Я. Эфрон из Москвы в Петроград: «Сегодня у тебя будет Мандельштам, который расскажет о всех Московских новостях» (*Мандельштам в Александрове.* С. 358. Примеч. 13).

Апреля 15. В Тенишевском зале — «Вечер современной поэзии и музыки» в пользу 11-го городского лазарета Императорского Вольно-Экономического общества. Объявлено участие Г. Адамовича, А. Ахматовой, А. Блока, М. Долинова, М. Зенкевича, С. Есенина, Г. Иванова, Р. Ивнева, Н. Клюева, М. Кузмина, О. Мандельштама, Ф. Сологуба, Н. Тэффи (Речь, 9 апр. С. 1).

♦ Из отчета: «Особо стояли так наз<ываемые> народные поэты — Клюев и Есенин и независимые по своему жанру Мандельштам

и Ахматова. <...> Исключительно искренни и просты были стихи юного и свежего Сергея Есенина. <...> Прекрасный же монолог Мандельштама ("Я не увижу знаменитой Федры...''), строгий и звенящий даже в размягчающем белом стихе, вызвал почему-то негодование: очевидно, публику раздражила общая многим из наших поэтов певучая манера скандировать свои стихотворения, удлиняя удары отдельных слогов, — манера, действительно, едва ли удобная для эстрады. К сожалению, довольно некрасивой обструкцией "активной" части слушателей и закончился этот все-таки интересный вечер, показавший, что симпатии сборной аудитории были на стороне "лирики сердца", особенно женственно-печальной Ахматовой, а мастерство — только мастерство на основе хорошего поэтического вкуса — не для большой петроградской публики. "Уйдем, покуда зрители-шакалы на растерзанье Музы не пришли" — так заканчиваются чеканные театральные стихи Мандельштама» (Воронов Виктор. Вечер современной поэзии и музыки // Речь, 17 апр. С. 5).

Апреля 18. Письмо М. Сегаловой — С. Каблукову с обсуждением попыток приискания работы для О. М. (*Каблукова дневник.* С. 254–255).

Апреля 28. Вечер поэзии в «Привале комедиантов». Объявлено участие А. Ахматовой, О. Мандельштама, Г. Иванова, Р. Ивнева, Г. Адамовича, В. Юнгера, М. Кузмина, Тэффи. Повестка (*Программы «Привала комедиантов».* С. 120).

Апреля 30. В № 18 журнала «Лукоморье» — статья С. Городецкого «Поэзия как искусство». «Много значительнее книг Лозинского, Иванова и Адамовича "Камень" Мандельштама. Он покрыт мозолями и потом<,> этот "Камень", но так и должно быть, ибо работа, совершенная этим упорным и талантливым учеником Цеха и состоящая в одолении и усвоении русского языка, огромна. Этим "Камнем" убиты все "писатели", которые, работая в русской литературе, не желают сколько-нибудь сносно ознакомиться с русскими грамматикой и синтаксисом. Мандельштам — недосягаемый образец для всех них. Он изучил язык. И хотя никаким изучением не заменить природного знания языка, тем не менее стихи Мандельштама вполне литературны. Правда, всякий чуткий к языку человек заметит в них некоторые недостатки, которые автор искусно выдает за свои, личные, особенности. Сюда относится мнимый лаконизм, осторожность в употреблении придаточных предложений, известная ломкость скрепок (союзов), ограниченность словаря. <...> Однако, большая ошибка считать условный язык Мандельштама за какую-то "русскую латынь", как выражаются почитатели его таланта. Наоборот, надо пожелать Мандельштаму дальнейших освобождений и побед, новых "камней", а когда-нибудь и храма поэзии, сложенного личным трудом».

Апрель. Т. В. Чурилин в воспоминаниях приводит сведения о «поэтической компании», сложившейся в Москве, куда входил О. М.

Упоминаются В. и Б. Шманкевичи, А. А. Глоба, М. Цветаева, С. Парнок, К. Ляндау и др. (*Чурилина воспоминания*. С. 459).

Апрель. — Дата стихотворения «О, этот воздух, смутой пьяный...» с пометой «Москва» (*ПССиП*. Т. 1. С. 683).

Мая 2. В газете «Речь» — рецензия Н. О. Лернера на «Камень» (1916). «У г. Мандельштама есть дарование, но рядовое, незначительное, и принесенный им на алтарь русской музы тяжелый, плохо обтесанный и тусклый "Камень" скоро затеряется в груде таких же усердных, но бедных приношений. Он пишет так, как пишут — нам кажется, что автор молод, — сотни юношей и девушек, имена и псевдонимы которых вскакивают и бесследно пропадают, как пузыри в дождь, в бесчисленных журналах, газетах и альманахах. Его настроения слабы, случайны, неорганичны. Нигде не поднимается он до настоящего вдохновения, и всё, что им сказано, плод "раздражения пленной мысли" — мысли, подчиненной чужим, более ярким мыслям и образам, и в самом лучшем, что вышло из-под пера г. Мандельштама, узнаешь лишь слабые отпечатки чужих влияний, как следы, оставленные металлом на булыжнике мостовой». См. 1936, Июнь.

Мая около 13. Письмо к Марине Цветаевой (продиктованное Е. Я. Эфрон). Согласно ответному письму Цветаевой — Е. Я. Эфрон от 19 мая: «Лиленька, спасибо за письмо под диктовку (Мандельштама к Цветаевой. — *Е. Л.*). Конечно, он хороший, я его люблю, но он страшно слаб и себялюбив, это и трогательно и расхолаживает. Я убеждена, что он еще не сложившийся душою человек, и надеюсь, что когда-нибудь — через счастливую ли, несчастную ли любовь — научится любить не во имя свое, а во имя того, кого любит. Ко мне у него, конечно, не любовь, это — попытка любить, может быть и жажда. Скажите ему, что я прекрасно к нему отношусь и рада буду получить от него письмо — только хорошее!» (*Мандельштам в Александрове*. С. 356).

Мая 14. Петроград. О. М. на лекции Брюсова об армянской поэзии. «Вдова художника, Н. К. Бруни, запомнила рассказ мужа об этом вечере и шуточный экспромт Мандельштама: "Лев Александрович рассказывал, что они пошли с Мандельштамом на вечер Брюсова, где он читал свои переводы из армянской поэзии. Послушав его, Мандельштам сказал:

Мне скучно здесь, мне скучно здесь,
Среди чужих армян,
Пойдем домой, пойдем домой,
Нас дома ждет Эдем. —
и они ушли в антракте"»

(*Парнис 1991*. С. 196).

Мая 20. Возвратился в Петроград из Москвы (*Воспоминания Елены Тагер*. С. 150, 152).

Мая 22. Петроград. Говорит с Е. Тагер по телефону (Там же. С. 152).*

Мая 26. «Вечер поэтов» в «Привале комедиантов» (*Программы «Привала комедиантов».* С. 123). В. К. Шилейко выступил с чтением стихов (запись дневника П. С. Шереметева: Новое лит. обозрение. 1994. № 8. С. 212. Публ. И. Кравцовой).

Май. Вышел № 8 журнала «Рудин» (апр.–май) со стихотворением «Уничтожает пламень...».

Май. — Дата стихотворений цикла «Петрополь» («Мне холодно. Прозрачная весна...», «Не фонари сияли нам, а свечи...», «В Петрополе прозрачном мы умрем...») (*ПССиП.* Т. 1. С. 554).

Май. В № 4/5 журнала «Северные записки» (апр.–май) — рецензия С. Полянина (С. Парнок) на второе издание «Камня».

Июня 3. Москва. Звонит в Александров по номеру Е. Н. Иванова, бывшего квартирного хозяина Анастасии Цветаевой. Телефонный разговор с Мариной и Анастасией Цветаевыми, которые уговаривают О. М. повременить с приездом (*Мандельштам в Александрове.* С. 353).

Июня 4. Приезжает в Александров к Марине Цветаевой. Отъезд — в ночь с 4 на 5 июня. 5-го утром в Москве сел в поезд на Феодосию (*Мандельштам в Александрове.* С. 357).

♦ Письмо М. Цветаевой — Е. Я. Эфрон, 12 июня: «Лиленька, а теперь я расскажу Вам визит М<андельшта>ма в Александров. Он ухитрился вызвать меня к телефону: позвонил в Александров, вызвал Асиного прежнего квартирного хозяина и велел ему итти за Асей. Мы пришли и говорили с ним, он умолял позволить ему приехать тотчас же и только неохотно согласился ждать до следующего дня. На след<ующее> утро он приехал. Мы, конечно, сразу захотели вести его гулять — был чудесный ясный день — он, конечно, не пошел, — лег на диван и говорил мало. Через несколько времени мне стало скучно и я решительно повела его на кладбище. — "Зачем мы сюда пришли? Какой ужасный ветер! И чему Вы так радуетесь?" — "Так, — березам, небу, — всему!" — "Да, потому что Вы женщина. Я ужасно хочу быть женщиной. Во мне страшная пустота, я гибну". — "От чего?" — "От пустоты. Я не могу больше вынести одиночества, я с ума сойду, мне нужно, чтобы кто-нибудь обо мне думал, заботился. Знаете, — не жениться ли мне на Лиле?" — "Какие глупости!" — "И мы были бы в родстве, Вы бы были моей belle-soeur!" — "Д-да-а... Но Сережа не допустит". — "Почему?" — "Вы ведь ужасный человек, кроме того, у Вас совсем нет денег". — "Я бы стал работать, мне уже сейчас

* Елена Тагер вспоминает также о следующей своей встрече с О. М. и Сергеем Эфроном в квартире А. Я. Трупчинской (Эфрон) в Петрограде (с. 152–153). Эта встреча, согласно ее рассказу, состоялась приблизительно через неделю после 22 мая. Однако в это время С. Эфрон, по данным его биографии, в Петрограде находиться не мог. Вероятный промежуток времени, когда описанная Е. Тагер встреча могла состояться, — не раньше 17 марта, не позднее 9 апреля (справка Е. И. Лубянниковой).

предлагают 150 р<ублей> в Банке, через полгода я получил бы повышение. Серьезно". — "Но Лиля за Вас не выйдет. Вы в нее влюблены?" — "Нет". — "Так зачем же жениться?" — "Чтобы иметь свой угол, семью..." — "Вы шутите?" — "Ах, Мариночка, я сам не знаю!"

День прошел в его жалобах на судьбу, в наших утешениях и похвалах, в еде, в литературных новостях. Вечером — впрочем, ночью, около полуночи — он как-то приумолк, лег на оленьи шкуры и стал неприятным. <...> Потом предложили М<андельшта>му поесть. Он вскочил, как ужаленный. — "Да что же это, наконец?! Не могу же я целый день есть! Я с ума схожу! Зачем я сюда приехал! Мне надоело! Я хочу сейчас же ехать! Мне это, наконец, надоело!" Мы с участием слушали, — ошеломленные» (Там же. С. 353–354). Позднее М. Цветаева описала эти события в «Истории одного посвящения» (1931).

Июня 7. Запись в Домовой книге Волошиных о приезде О. М. (*Труды и дни Волошина.* С. 399).

♦ Подарил Е. О. Волошиной «Камень» «с нежной дружеской надписью» (*Волошин 1990.* С. 302).

Июня 7, 9; Июля 18, 22. Письма В. Ф. Ходасевича из Коктебеля.

— А. И. Ходасевич, 7 июня. «Тут случилась беда: из-за холмика наехали на нас сперва четыре коровы с ужаснейшими рогами, а потом и хуже того: Мандельштам! Я от него, он за мной, я взбежал на скалу в 100 тысяч метров вышиной. Он туда же. Я ринулся в море — но он настиг меня среди волн. Я был вежлив, но чрезвычайно сух. Он живет у Волошина» (Звезда. 2010. № 11. С. 131. В публ. И. Муравьевой «Счастливый домик»: Владислав Ходасевич, Анна Ходасевич и их переписка).

— Б. А. Диатроптову, 9 июня. «Водится Макс Волошин, но я его отшил, сказав встречному Мандельштаму, что желаю быть в одиночестве. Дурак обиделся» (Наше наследие. 1988. № 3. С. 86. Публ. Е. Беня).

— Б. А. Диатроптову, 18 июля: «О моих приездах и отъездах сообщают в Симферопольской газете (они обслуживают и Феодосию). <...> 16-го я читал здесь в концерте. <...> Буду [сегодня] читать в концерте феодосийском. Его устраивает здесь военное и гражданское начальство. А 24-го учащиеся девушки умоляют читать в их пользу. <...> Мои ближайшие друзья: 1) Начальник Феодосийского порта — Шурик. <...> 7) Макс Волошин, мистический гурман; 8) его мать, умная старуха и хорошая. Пальца в рот не клади; 9) Мандельштам. Осточертел. Пыжится. Выкурил все мои папиросы. Ущемлен и уязвлен. Посмешище всекоктебельское» (*Ходасевич 1997.* С. 403–404).

— С. Я. Парнок, 22 июля. «Знаете ли? — Мандельштам не умен, Ваша правда. Но он несчастный, его жаль. У него ущемление литературного самолюбьица. Петербург его загубил. Ну какой он поэт? А ведь он "взялся за гуж". Это тяжело. Т. е. я хочу сказать, что стихи-то хорошие он напишет, как посидит, — а вот все-таки не поэт.

Это несправедливо, но верно» (*Ходасевич 1997*. С. 405). Несколькими днями ранее Ходасевич писал жене: «Мандельштам дурень: София Яковлевна [Парнок] права, ПРОСТО глуп. Без всяких особенностей» (*Ходасевич 1997*. С. 405).

Июня 9. Запись в Домовой книге Волошиных о приезде Евгения Мандельштама (*Труды и дни Волошина*. С. 400).

Июня 15. Запись С. Каблукова об отправленном в Коктебель письме к О. М. (*Каблукова дневник*. С. 255).

Июня 19. «В Коктебеле на даче г-жи Поповой 19 июня артистом Петроградских театров В. И. Сергеевым устраивается спектакль. <...> В заключение состоится литературное отделение, в котором примут участие М. А. Волошин и О. Е. Мандельштам» (Вестник Феодосии. № 5, 19 июня).

Июня не ранее 12 — Июля не позднее 7. Коктебель. Две фотографии одного дня: О. М. на веранде дома Волошиных в группах. Датируется на основании сведений о приезде и отъезде С. Я. Эфрона.

Июня 26. — Дата стихотворения Марины Цветаевой «Ты, срывающая покров...» (перекличка с ним — в стихотворении О. М. «Меганон», 1917) (*ПССиП*. Т. 1. С. 560).

Июнь. — Дата стихотворения «Не веря воскресенья чуду...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 555). Написано в Коктебеле, под впечатлением от недавней поездки к М. Цветаевой в Александров (Там же).

Июля 1. Вышел № 27 журнала «Новый Сатирикон» со стихотворением «Египтянин» («Я выстроил себе благополучья дом...»).

Июля 10. Принял участие в вечере, прошедшем на даче И. Харламова. Ю. Оболенская в письме к М. Нахман от 14 июля писала: «Мандельштаму устроили кошачий концерт» (*Труды и дни Волошина*. С. 403).

Июля 18. Участвует в «исполнительном вечере» в Феодосии, устроенном в городском Летнем театре.

♦ Из отчета: «Стихи Мандельштама вызвали “сплошной смех”» (Южные ведомости, 21 июля. Цит. по: *Труды и дни Волошина*. С. 404).

♦ Из письма Ю. Л. Оболенской — М. М. Нахман, 2 авг.: «Мандельштама действительно освистали — 3 раза повторял одно место под хохот публики: “я с ними проходил 3 раза то, что им было непонятно” говорил он. Макс [Волошин] имел большой успех, а Ходасевичу и Массалитову, на бис читавшего Пушкина, кричали: “довольно этих Мандельштамов”. После концерта был ужин в саду, и домой вернулись автомобилем на рассвете. Много было всяких курьезов. <...> Младшие братья славные мальчики, О. Э. замечательный поэт. Его чтение — последняя степень искренности — это танец каждого слова, в каждом слове он участвует всем своим телом. Это тело совсем хрупкое, глиняная оболочка, существует только для того, чтобы внутренний огонь был чем-нибудь сдержан — “в кувшинах спрятанный огонь”» (*РГАЛИ*. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 19–21).

Между 12 июня и 7 июля 1916 года.
Коктебель, веранда дома Волошиных

Слева направо: Е. О. Волошина, Р. И. Котович-Борисяк, М. С. Фельдштейн, М. А. Волошин, С. Я. Эфрон, В. Я. Эфрон, О. Э. Мандельштам

Слева направо: В. А. Жуковская, Е. О. Волошина, Р. И. Котович-Борисяк (?), Ю. Л. Оболенская (?), М. А. Волошин, С. Я. Эфрон, В. Я. Эфрон, О. Э. Мандельштам

Июля 19. Коктебель. Принял участие в концерте на даче С. Г. Поповой (*В Киммерии*. С. 191).

Июля 19. Письмо Н. С. Лукашевича — С. Каблукову о подыскании для О. М. комнаты в Геленджике (*Каблукова дневник*. С. 255).

Июля 20. Коктебель. Письмо к матери в Петроград. «Третьего дня нас возили в Феодосию с большой помпой: автомобили, ужин с губернатором; я читал, сияя теннис-белизной, на сцене летнего театра, вернулись утром, отдохнули за вчерашний день. Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай, пожалуйста, сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского» (*ПССиП*. Т. 3. № 31). Послано по адресу: Каменноостровский проспект, 24а, кв. 35 (Там же. С. 747). См. Июля 18.

Июля 21. Письмо Марины Цветаевой — П. И. Юркевичу: «Никогда не забуду, в какую ярость меня однажды этой весной привел один человек — поэт, прелестное существо, я его очень любила! — проходивший со мной по Кремлю и, не глядя на Москву-реку и соборы, безостановочно говоривший со мной обо мне же. Я сказала: "Неужели Вы не понимаете, что небо — поднимите голову и посмотрите! — в тысячу раз больше меня, неужели Вы думаете, что я в такой день могу думать о Вашей любви, о чьей бы то ни было. Я даже о себе не думаю, а, кажется, себя люблю!"» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995*. Т. 6. С. 24).

Июля 25. Запись в Домовой книге Волошиных об отъезде О. М. и Евгения Мандельштама (*Труды и дни Волошина*. С. 405). Из письма В. Ф. Ходасевича к жене, 26 июля: «Вчера экстренно уехал Мандельштам» (Звезда. 2010. № 11. С. 142. В публ. И. Муравьевой «Счастливый домик»: Владислав Ходасевич, Анна Ходасевич и их переписка). Из письма Ю. Л. Оболенской — М. М. Нахман, 2 авг.: «Теперь Мандельштамы уехали, их вызвали: умерла их мать» (*РГАЛИ*. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 21).

Июля 26. Кончина Ф. О. Мандельштам.

Июля 28. Петроград. О. М. у гроба матери. Погребение на Еврейском Преображенском кладбище.

Августа 10. Получил в дар коллективный сборник «Седьмое покрывало» (Одесса, 1916): «Глубокоуважаемому Осипу Эмильевичу г-ну Мандельштаму от авторов. Одесса, 10.8.16 г.» (Семейный архив Е. Э. Мандельштама).

Августа 25. Письмо А. Радловой — С. Радлову из Усикиркко в Петроград: «Сегодня Валериан [Чудовский] мне ужасно много хорошего говорил о моих стихах вообще, он очень верит в меня <...> Но все-таки он — родной, а что скажут чужие? Я и жду их суда, и боюсь немножко. В первую голову Мандельштама. Кстати, почему ты ему не звонил?» (*РНБ*. Ф. 625. Ед. хр. 668).

Сентября 3. Письмо М. А. Волошина — М. С. Цетлиной: «...я буду в "Речи" писать о поэтах, имея в виду будущую книгу о русских

поэтах <...> Кто меня очень поразил своими стихами за это лето — это Мандельштам. Я ни у кого из современных поэтов не встречал такой сосредоточенной звучности стиха. Стихи Ходасевича очень интимны и совершенны, но скромны. <...> Прекрасны последние стихи Марины Цветаевой» (*Волошин 2011*. С. 514).

Сентября 5. Сдал экзамен по римской литературе Ф. Ф. Зелинскому (*Сальман 2010*. С. 468).

Сентября 7. Сдал экзамен по древней философии И. И. Лапшину (*Сальман 2010*. С. 468).

Сентября 9. «Вечер стихов» в редакции «Аполлона». Пригласительный билет (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом III-3, № 28 б).

Сентября 20. Собрание 2-го Цеха поэтов у Г. Адамовича (Верейская, 11). Повестка (Архив М. Л. Лозинского).

♦ Из письма Н. Гумилева к Ахматовой, 1 окт.: «Адамович с Г. Ивановым решили устроить новый цех, пригласили меня. Первое заседание провалилось, второе едва ли будет» (Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. М.: «Худож. лит.», 1991. Т. 3. С. 244).

Сентябрь. В Петрограде вышел 1-й выпуск «Сборников по теории поэтического языка» («Поэтика») со статьей В. Б. Шкловского «О поэзии и заумном языке». Датируется по цензурному разрешению — 24.08.1916). «Сло́ва, обозначающего внутреннюю звукоречь, нет, и когда хочется сказать о ней, то подвёртывается слово "музыка" как обозначение каких-то звуков, которые не слова; в данном случае еще не слова, так как они, в конце концов, выливаются словообразно. Из современных поэтов об этом писал О. Мандельштам:

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись» (с. 22).

Октября 7. Второе собрание Цеха поэтов у Г. Иванова (10-я Рождественская, д. 16, кв. 12). Повестка (Архив М. Л. Лозинского).

Октября не позднее 9. Вышел «Альманах муз» (источник даты: *Книл* № 41, 4–11 окт.) со стихотворениями «От легкой жизни мы сошли с ума...», «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...», обращенным к О. М. стихотворением Марины Цветаевой «Откуда такая нежность...» (см. Февраля 18) и стихотворением Рюрика Ивнева «Всё забыть и запомнить одно лишь...».

Всё забыть и запомнить одно лишь,
Что Архангельск не так уж далек.
Если, жизнь, ты меня обезволишь
И сломаешь, как стебелек,
Всё забуду, запомнив одно лишь,
Что Архангельск не так уж далек.
По дороге узкоколейной
Я всегда до тебя доберусь.

Хорошо, что я не семейный,
Хорошо, что люблю я Русь.
По дороге узкоколейной
Я всегда до тебя доберусь.
Ну, а там пароходом недолго
И до вас, мои острова;
Не увижу тебя я, Волга,
Не вернусь я к тебе, Нева.
Ну, а там пароходом не долго
И до вас, мои острова.
И никто никогда не узнает,
В чем смешное несчастье мое,
Только ветер, волны срывая,
Жалобно запоет.
И никто никогда не узнает,
В чем смешное несчастье мое.

♦ «Стихи про Архангельск — хорошие, когда-то восхищали Мандельштама (коего Вы все-таки напрасно возвели в первые поэты нашего века)» (Адамович Г. В. Письмо к Ю. П. Иваску от 6 янв. 1956 г. // Диаспора: Новые материалы. Вып. 5. СПб.: «Феникс», 2003. С. 472).

♦ Рецензию О. М. на альманах (статья «О современной поэзии») см.: *ПССиП*. Т. 2. С. 42–44.

Октября 13. Вышел № 42 журнала «Новый Сатирикон» со стихотворением «Аббат».

Октября 16. М. А. Волошин в письме к издателю М. О. Цетлину рекомендует ему О. М. как поэта (*Волошин 2011*. С. 534).

Октября 18. Сдал экзамены по предметам «Латинские авторы» А. И. Малеину и «Введение в романскую филологию» Д. К. Петрову (*Сальман 2010*. С. 468).

Октября не позднее 20. Вышла книга Анастасии Цветаевой «Дым, дым и дым». Источник даты: *Книл* № 43, 18–24 окт. Под инициалом «М.» в книге выведен Осип Мандельштам; под инициалом «А.» — Александр Мандельштам, под инициалом «Л.» — Елизавета Парнох (Тараховская).

Октября 27. Объявлен «Вечер поэтов» в «Привале комедиантов» (Речь, 27 окт.).

Октября 31. Доклад В. М. Жирмунского о новой поэзии в университетском Неофилологическом обществе. Из анонимного отчета (Б. Эйхенбаума?): «[Доклад] посвящен был характеристике нового направления русской поэзии — молодым поэтам группы “Гиперборея” <...> Поэзия Мандельштама в первый период была близка к символизму. Мир — игра теней, призрачный сон (близость к философскому идеализму). Отсюда — кукольность изображения, искаженная перспектива, страх перед жизнью. Всё это передается в тоне “сдержанного

лиризма". Потом лирика пропадает — поэт делается "посторонним наблюдателем", — являются абстрактные сентенции, графичная строгость, тяготение к чужим культурам, преувеличенность деталей, сообщающая гротескный характер образам (сближение с Гофманом)» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 3 нояб. С. 5). Письмо Б. М. Эйхенбаума — В. М. Жирмунскому, 3 нояб.: «Впечатление у меня создалось такое: у тебя хорошо вышел Мандельштам и совсем не удалась Ахматова» (Тыняновский сборник. Третьи тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 288. Публ. Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум).

♦ Из воспоминаний: «Жирмунский в свое время с большим шумом прочитал "Преодолевших символизм". По окончании доклада к нему подошел С. А. Венгеров. "Я, конечно, старый человек, но я понимаю, что Гумилев, Ахматова — это интересно. Но как вы могли говорить о Мандельштаме?!" — Почему же, Семен Афанасьевич? "Да ведь я знаю его мамашу!"» (*Гинзбург ЗК.* С. 401).

Октябрь. — Дата стихотворения «Эта ночь непоправима...» в автографе (*ПССиП.* Т. 1. С. 556).

Ноября 3. «Вечер поэтов» в «Привале комедиантов» (*Программы «Привала комедиантов».* С. 130).

Ноября 10. Сдал экзамен по предмету «Введение в германскую филологию» Ф. Брауну (*Сальман 2010.* С. 468).

Ноября 10. Объявлен «Вечер поэтов» в «Привале комедиантов» (Речь. 10 нояб.).

Ноября 11. В «Биржевых ведомостях» (утр. вып.) — статья В. М. Жирмунского «М. А. Кузмин» (к 10-летию литературной деятельности). «Кузмин оказал большое влияние на новейшую русскую литературу. Сознательно или бессознательно, на его стихах воспиталась современная поэтическая молодежь, даже такие значительные имена, как Анна Ахматова и О. Мандельштам. Поэтов "Гиперборея" (т. н. "акмеистов") Кузмин научил графической четкости, логической строгости словоупотребления, которая исчезла из русской поэзии в эпоху музыкальной лирики "намеков и настроений", созданной нашими неоромантиками (символистами). Но там, где ясность Кузмина знаменует религиозно-нравственную и эстетическую победу над хаосом, оставшимся за порогом искусства, мы имеем дело с торжеством Аполлона. Вот почему мы вправе назвать Кузмина последним русским символистом».

Ноября 12. Запись С. П. Каблукова: «Были и обедали Мандельштам и Георгий Иванов — молодой поэт» (*Каблукова дневник.* С. 256).

Ноября 14. С. П. Каблуков встречает О. М. в зале Консерватории на концерте оркестра под управлением Гж. Фительберга (*Каблукова дневник.* С. 256).

Ноября 18. В «Привале комедиантов» доклады Викт. Шкловского, Е. Поливанова и Л. Якубинского по теории поэтического языка (*Программы «Привала комедиантов».* С. 132).

Ноябрь, после 18. Написано стихотворение «Собирались эллины войною...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 557).

Ноября 19. «Вечер поэтов» в университете. Из письма Б. М. Эйхенбаума — отцу, 22 ноября: «В субботу вечером в пушкинском кружке был вечер поэтов, на котором и я выступал» (Семейный архив Эйхенбаумов, копия).

♦ Из отчета: «Юное “Пушкинское общество”, которое совсем недавно родилось из “пушкинского семинария”, устроенного С. А. Венгеровым при университете, по-видимому, находится снова на пороге преобразований и дальнейших расширений. В нем чувствуется большой запас жизненных сил. 1[9] ноября состоялся первый вечер молодой поэзии, в котором, кроме “пушкинцев”, приняли участие и приглашенные посторонние поэты. Председатель С. А. Венгеров в кратком вступительном слове указал на то, что у нас уже существует четыре поколения новых поэтов: зачинатели новых течений — Бальмонт, Гиппиус, Брюсов и др. (к творчеству которых С. А. Венгеров применил эпитет “языческое”), Блок и его сверстники с ярко выраженной христианской окраской, третье поколение, представителем которого можно считать, например, Кузмина, ожидавшегося, но не приехавшего на вечер, и, наконец, последнее — зеленая, разнообразная по составу молодежь. В заключение председатель предложил приветствовать присутствовавшего на собрании “старейшего” из новых поэтов, деда или даже “прадеда” нынешней молодой поэзии, К. Д. Бальмонта. К. Д. Бальмонт, благодаря собрание, сказал, что ответит косвенно. Он принимает звание “старейшего” — отца и деда, а также радуется каждому новому дарованию, но должен сознаться, что чувствует духовное родство только с прежними поэтами, своими предшественниками: Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом; от “потомков” же своих он совершенно “отрекается”, не видит никаких связей, которые могли бы связать его с ними. Поэзию К. Д. Бальмонт считает неразрывно связанной с природой (себя он даже назвал “поэтом деревни”), новейшая же поэзия — вся насквозь городская. После этого поэт прочел несколько своих красивых стихотворений. Последовавшее затем выступление молодых поэтов могло до некоторой степени служить иллюстрацией утверждения Бальмонта. В прочитанных разнообразных и разноцветных стихотворениях, действительно, преобладал городской характер поэзии <...>. Выступило более 20 новых поэтов, среди которых были и зрелые, как В. А. Пяст, и совсем еще неопределившиеся, известные, даже “знаменитые”, пользующиеся явной симпатией аудитории, например Мандельштам, Рюрик Ивнев, и безвестные, начинающие» (Е. К[олтоновская]. Вечер молодых поэтов // Речь. 21 ноября. С. 4).

Осень. — Дата стихотворения «Я потеряла нежную камею...» в авторизованном списке (*ПССиП*. Т. 1. С. 683).

♦ Из воспоминаний С. Н. Андрониковой: «Мандельштам был у меня, когда пришла, почти в слезах, Тинатина [Джорджадзе],

только что потерявшая камею, мой ей подарок, привезенный из Рима» (Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. Нью-Йорк: Международное лит. содружество, 1967. Т. 1. С. 432).

Осень. — Дата ранней редакции стихотворения «Соломинка» (*ПССиП*. Т. 1. С. 557).

Осень. Согласно воспоминаниям В. А. Рождественского (1966), «...осенью 1916 г. <...> в одной из университетских аудиторий» «состоялся традиционный осенний “Вечер поэзии” под председательством проф. [Д.] К. Петрова» при участии Н. Гумилева, Г. Иванова, Г. Адамовича, М. Лозинского, О. М. (*Гумилев 1994*. С. 411–412). Незадолго до вечера Рождественский передал свои стихи О. М., который был одним из членов жюри по отбору стихов для публичного чтения на вечере, и обсуждал их с ним (Рождественский В. А. Страницы жизни. М.; Л.: «Советский писатель», 1962. С. 128–131).*

Осень. Поздравительное письмо О. М. и братьев к бабушке, С. Г. Вербловской, с днем рождения (*ПССиП*. Т. 3. № 32).

Декабря 3. Присутствует на учредительном собрании Общества изучения современной поэзии при редакции журнала «Аполлон» (название условное) (Архив М. Л. Лозинского). См. Декабря 15.

Декабря 7. Петроград. Письмо к А. Л. Волынскому: «Если только у Вас не пропала охота посетить наш скромный “Цех”, приходите в пятницу 9 дек. к Адамовичу (Георгию Викторовичу) на Верейскую, 4, в 8 ч. в<ечера>. Все будут Вам очень рады» (*ПССиП*. Т. 3. № 33).

Декабря 9. 4-е собрание 2-го Цеха поэтов. У Г. Адамовича (Верейская, 11). Повестка (Архив М. Л. Лозинского). См. Декабря 7.

Декабря 12. Объявление о «Вечере поэтов» в «Привале комедиантов» с участием Г. Адамовича, М. Зенкевича, Г. Иванова, Рюрика Ивнева, Л. Каннегисера, М. Лозинского, К. Ляндау, С. Радлова, А. Радловой, В. Пяста, М. Струве, М. Тумповской, В. Шилейко; чтение стихотворений А. Ахматовой и М. Цветаевой — О. Глебова-Судейкина, Верхарна — Габриэль Иванова (*Программы «Привала комедиантов»*. С. 133).

Декабря 15. Выступил на заседании Общества изучения современной поэзии при редакции журнала «Аполлон» (название условное) по докладу В. М. Жирмунского об «Urbi et Orbi» Брюсова (*Что вдруг*. С. 470).

Декабря 16. Поставлен штамп в матрикуле о приеме записи (*ЦГИА СПб*. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 19 об.).

---

* В целом фактическая сторона воспоминаний В. Рождественского сомнений не вызывает, за исключением указанного им года — 1916. Эта дата для проведенного под председательством Д. К. Петрова университетского студенческого вечера в 1916 г. подтверждения в других известных к настоящему времени источниках не находит.

Декабря 31 — ночь на 1917, Января 1. «Новый год я “встретил” у себя за беседой с Мандельштамом, обедавшим у меня 31-го. Он уехал от меня час спустя пополуночи. Темой беседы были его последние стихи, явно эротические, отражающие его переживания последних месяцев» (*Каблукова дневник*. С. 256–257. Запись 2 янв. 1917).

♦ Из воспоминаний Е. Тагер: «Мы встретили новый, 1917 год в “Привале Комедиантов” <...> Поблизости от нас, между стриженой белокурой головкой Марии Лёвберг и темной высокой прической Маргариты Тумповской, обозначился острый профиль Мандельштама, его высокий лоб. [Б. К.] Пронин наклонился к Мандельштаму, что-то ему прошептал. Мандельштам сердито закинул голову, его длинные густые ресницы дрогнули, — он упорствовал, — но обе соседки, справа и слева, взяли его под руки и заставили встать. Пронин своим приятным певучим голосом поздравил гостей с Новым годом и объявил, что сейчас мы услышим новые стихи Осипа Мандельштама. И мы услышали их. В то время все поэты, читая стихи, более или менее соблюдали законы ритма, но чтение Мандельштама было больше, чем ритмично. Он не скандировал, не произносил стихи, он пел, как шаман, одержимый видениями. Мандельштам пел, не сдерживая сил, он вскрикивал на ударениях — и, вероятно, эти донельзя насыщенные, эти предельно эмоциональные стихи невозможно было бы донести до слушателей иными средствами. Прочитанные обветшавшим “выразительным” способом, эти стихи выглядели бы как пародия. У Мандельштама они звучали как заклинание. В ту новогоднюю ночь он пропел нам стихи о войне — о европейской войне, что длилась с ранней осени 1914 года и теперь готовилась захлестнуть 1917-й. Патриотический лексикон военных стихов того времени начисто отсутствовал. Не было в этих ямбах ни коварных тевтонов, ни наших непобедимых штыков и ядер, ни даже сверхсовременных, не вполне еще освоенных дирижаблей и цеппелинов. Поэт пропел о том, как вступают в битву лев, петух, орел. Не лев из зоопарка, не петух из курятника, а существа мистической силы; ведущие начала европейской истории в гриме геральдических зверей. Стихи были фантастичны, страшны, неотразимы. Они, кажется, никогда не появились в печати. Было в “Tristia” нечто похожее (“Зверинец”), но не то. Впрочем, он не раз переделывал стихи до неузнаваемости; нередко и возвращался к прежним замыслам. Он пропел до конца: горящие глаза погасли, темные ресницы почти сомкнулись. Экстаз кончился. Осип Эмильевич сел рядом со мной — уже будничный, уже не вдохновенный. Я спросила — будут ли опубликованы эти стихи. Он ответил: “Во всяком случае, не теперь. Может быть — после войны”. И добавил: “Боюсь, что мы все долго не будем появляться в печати. Идут времена безмолвия”. Я только повела на него изумленным взглядом. Ничего я не поняла. А над городом уже стояла голубая

морозная полночь — первая ночь первого революционного года» (*Воспоминания Елены Тагер*. С. 155).

Декабрь. В «Русской мысли» № 12 — статья В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм». «Рядом с Анной Ахматовой наиболее интересным представителем молодой поэзии мы считаем О. Мандельштама. В искусстве владения словом он едва ли уступает Ахматовой; но круг его поэтических интересов слишком своеобразен, он требует от слушателя слишком больших книжных знаний и слишком повышенных культурных интересов для того, чтобы можно было предсказать его стихам широкую популярность. <...> Участие в новом поэтическом движении не изменило стихов Мандельштама в смысле большего приближения к реальной жизни; но оно придало его художественному развитию неожиданно плодотворное направление. В зрелых стихах Мандельштама мы не находим уже его души, его личных, человеческих настроений; вообще элемент эмоционального, лирического содержания в непосредственном песенном выражении отступает у него, как и у других акмеистов, на задний план. Но Мандельштам не только не знает лирики любви или лирики природы, обычных тем эмоциональных и лирических стихов, он вообще никогда не рассказывает о себе, о своей душе, о своем непосредственном восприятии жизни, внешней или внутренней».

Декабрь. — Дата цикла стихотворений «Соломинка» в публикации и автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 557).

♦ Из воспоминаний: «Когда он влюблялся, я несколько раз была его конфиденткой. Первой на моей памяти была Анна Михайловна Зельманова-Чудовская <...> третьей — Саломея Андроникова (<...>, которую Мандельштам обессмертил в книге “Tristia” — “Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне...”. Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском острове)» (*Листки из дневника*. С. 190).

♦ Из воспоминаний С. Андрониковой: «Я подружилась с поэтами. Мы постоянно собирались, спорили, пили, читали стихи. Ходили из дома в дом. Помню Ахматову, Шилейко, Анну Радлову, Палладу. Помню, Мандельштам читал стихи про меня <...> Повторяю, я никогда не думала, что он был влюблен в меня, это Ахматова так считала» (Васильева Л. Н. Саломея, или Соломинка, не согнутая веком // Огонек. 1988. № 3. С. 25. То же: Васильева Л. Н. Избр. произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 510).

Декабрь. Вышел «Аполлон» № 9/10 со стихотворениями «Не веря воскресенья чуду...» и «Эта ночь непоправима...».

Декабрь — 1917, Январь. Пишет статью «Скрябин и христианство» (*ПССиП*. Т. 2. С. 489).

Декабрь (?). Л. М. Рейснер написан «Краткий обзор нашей современной поэзии (Акмеизм)» для одного из повременных изданий. «Что же такое этот “акмеизм”, так неожиданно появившийся и представленный тремя крупными именами <–> Н. Гумилева, Анны

Ахматовой и О. Мандельштама. <...> Каждое слово, каждую строчку его [О. М.] стихов надо произносить полно и медленно, как певец произносит трудную музыкальную фразу. <...> За ним — лабиринт фантазии, слепых ощущений, блуждающих догадок, которые должны стать образами, словами, искусством» (День поэзии. Л.: «Советский писатель», 1989. С. 241–242. Публ. В. Кондрияненко).

1917

Января 1. См. 1916, Декабря 31 — ночь на 1917, Января 1.

Января 8. Петроград. Письмо к А. Д. Скалдину. С извинениями за задержку возврата книг страхового общества (*ПССиП*. Т. 3. № 34).

Января 13. Доклад С. Радлова «Употребление метафоры у Брюсова» в Обществе изучения современной поэзии при редакции журнала «Аполлон» (название условное) (*РГАЛИ*. Ф. 1524. Оп. 1. Ед. хр. 724).

Января 16. В газете «Русская воля» — рецензия В. Жирмунского на «Вереск» Г. Иванова. «Георгий Иванов принадлежит к группе поэтов новой формации, объединенных вокруг книгоиздательства “Гиперборей” (“акмеисты” — Анна Ахматова, О. Мандельштам, Н. Гумилев). Творчество этих поэтов, в основных чертах, определяется реакцией против символизма. <...> Поэты-акмеисты не знают эмоционального волнения в непосредственном песенном отражении. Они тяготеют к четким и ясным граням внешнего мира; не музыкальный принцип является основой сочетания слов, а строгая, почти логическая последовательность; не этим ли объясняется склонность Ахматовой к эпиграмме и афоризму, роднящая ее с поэтами французского классицизма?».

Января 17. 5-е собрание 2-го Цеха поэтов у М. А. Струве (Каменноостровский, 73–75, кв. 47). Повестка (Архив М. Л. Лозинского).

Январь. В петроградском журнале «Летопись» № 1 — статья Д. Выгодского «Поэзия и поэтика. Из итогов 1916 г.». «Более значительна с художественной точки зрения книга О. Мандельштама “Камень”, поэта наиболее талантливого из всех гиперборейцев. Еще более неподвижный и холодный, чем Гумилев, торжественно выступающий в пышной мантии слов, он, однако, больше, чем первый, обладает способностью импонировать своей торжественностью. Никогда не оставляя своего пафоса, никогда и не пытаясь говорить словами простыми и обыденными, он остается цельным в своей натянутости».

Февраля 4. 6-е собрание 2-го Цеха поэтов. У А. Д. и С. Э. Радловых (6-я линия В. О., 28–29). Повестка (Архив М. Л. Лозинского).

Февраля 15. Вышел № 1 журнала «Северные записки» с циклом «Стихи о Москве» (включены обращенные к О. М. стихотворения «Из рук моих нерукотворный град...» и «Мимо ночных башен...»)

Марины Цветаевой. Источник даты: Русская воля. 14 февр. С. 1 (сообщение о выходе номера «завтра»).

♦ Из воспоминаний Г. Адамовича: «В старых стихах очень хороши “Стихи о Москве”. Если мне не изменяет окончательно память, они появились в “Северных записках” весной 17-го года. Я помню впечатление, которое они произвели — особенно в Петербурге. Может быть, в этом сыграло роль уже начавшееся соперничество двух городов, — кому быть, кому не быть столицей. В Петербурге очень болезненно все ощущали тогда “конец императорского периода” — независимо от политических симпатий и чувств, конечно, — и с ревнивой опаской поглядывали на Москву. Над цветаевским циклом петербургские поэты “ахнули” — над прелестью, над неожиданностью ее Москвы. Был последний вернисаж последней выставки “Мира искусств” на Марсовом Поле, у Добычиной. Книжка журнала, только что появившаяся, ходила по рукам, и я до сих пор вижу Анну Ахматову, с несколько удивленным одобрением читающую вполголоса:

Мне же вольный сон,
Колокольный звон,
Зори ранние,
На Ваганькове...»

(Иллюстрированная Россия. 1929. № 24. С. 14).

Февраля 19. Объявлен «Вечер поэтов» в «Привале комедиантов» (*Программы «Привала комедиантов»*. С. 134).

Февраля 27. Февральская революция.

Марта 23. Собрание Цеха поэтов у М. А. Струве (*Тименчик 1998*. С. 426).

Апреля 2. «Сегодня был и обедал И. Э. Мандельштам, которого я возил на вечерню Пасхи в Александро-Невскую Лавру. Там поместил его на клиросе. Епископская служба и пение митрополичьего хора ему понравилось. Самое же богослужение впечатлило его <...> и ему показалось, что оно совершалось и совершается в Лавре “для князей Церкви”, а не для народа» (*Каблукова дневник*. С. 257).

Дворцовая площадь
Фототипия

Апрель. В № 4 журнала «Аргус» помещено стихотворение «Дворцовая площадь» («Императорский виссон...»).

Мая 13. Подал прошение в университет о выдаче выпускного свидетельства. Адрес: Каменноостровский, 24а, кв. 35 (*ПССиП*. Т. 3. С. 583).

Мая 18. Получил выпускное свидетельство от университета (Там же. С. 860).

Июня 4. В газете «Речь» помещена статья М. А. Волошина «Голоса поэтов». «Но предо мной два сборника стихов, Софии Парнок и О. Мандельштама, вышедшие в этом году, волнующие по-разному, но одним и тем же волнением. Волнением голоса, в который хочется вслушаться, который хочется остановить, но он скользит, как время между пальцев. <...> Голос Мандельштама необыкновенно звучен и богат оттенками и изгибами. Но настоящее цветение его еще впереди. А этот "камень" пока еще один из тех, которые Демосфен брал в рот, чтобы выработать себе отчетливую дикцию».

Июня 18. В петроградской газете «Новая жизнь» помещено стихотворение «Зверинец».

Июня 23. В «Биржевых ведомостях» (утр. вып.) — статья Ф. Сологуба «Новый класс». «Интеллигенция станет угнетенным, низшим классом <...> тогда она осознает свой классовый интерес и поведет борьбу за свое место под солнцем».

Июня 24. Петроград. Письмо В. Кан — М. Волошину в Коктебель. «На днях был у меня Мандельштам» (*Труды и дни Волошина.* С. 22).

Июнь. — Дата стихотворения «Декабрист» в публикации альманаха «Исход» (1918).

Июля 3. Июльский политический кризис (3–4 июля). «Во время июльской демонстрации он [О. М.] служил в "Союзе городов" и вышел со своими сослуживцами на балкон. <...> Он заметил, что "сослуживцы" слушают его неприязненно, и лишь потом узнал, что оба они цекисты и лишь до поры до времени отсиживаются в "Союзе городов", выжидая, пока пробьет их час. Он называл мне их имена. Один, кажется, был Зиновьев, другой — Каменев» (*Вторая книга.* С. 87).

Июля 8. А. Ф. Керенский избран министром-председателем Временного правительства.

Июля 11. Петроград. Получил в конторе газеты «Новая жизнь» 212 рублей. Подписано: И. Мандельштам (*ЦГИА СПб.* Ф. 909. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 67).

Июль, не ранее 12. Москва. «...Когда летом 1917 года Мандельштам приехал из Петрограда в Москву, он останавливался на Красной Пресне у Эфросов» (Эфрос Н. Д. Абрам Эфрос и Осип Мандельштам // *СМР.* [1]. М., 1991. С. 51, в примеч.). Детальнее в ее воспоминаниях: «...Мне хорошо запомнился приезжавший из Петрограда Осип Мандельштам. Его привела к нам, если не ошибаюсь, молодая поэтесса Мага Тумповская, как и он, петроградка. В нашей квартире на Б. Пресне, где мы тогда жили, пустовала комната моей матери, бывшей в отъезде, и мы предложили Мандельштаму остановиться у нас, на что он охотно согласился. Вечерами он читал нам свои стихи, преимущественно, по крайней мере для меня, маловразумительные. Но одно, написанное, очевидно, под впечатлением массовой петроградской демонстрации, направленной против Временного правительства, было вполне доступно пониманию. Я запомнила его

наизусть, но сейчас могу воспроизвести лишь отдельные строки: “Керенского распни, потребовал солдат, И злая чернь рукоплескала...”» (Нерлер П. Мандельштам и Эфрос: о превратностях нетворческих пересечений) // Наше наследие. 2015. № 114. С. 43).

Июля 25. Запись С. Каблукова о ранее бывшей встрече О. М. со «светлейшим князем Волконским» (С. М. Волконским) в ресторане «Донон» (*Каблукова дневник*. С. 257).

Августа 3. Алушта. Именины Саломеи Андрониковой. К этому дню была сложена пьеса «Кофейня разбитых сердец» (Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама. Stanford, 1997. С. 7).

Августа 8. Алушта. Вписал стихотворение «В разноголосице девического хора...» с пометой «Профессорский Уголок — Алушта» в альбом В. А. Судейкиной (*ПССиП*. Т. 1. С. 682–683).

Августа 11. — Дата стихотворения «Золотистого меда струя из бутылки текла...» в автографе с пометой «Алушта» и посвящением В. А. и С. Ю. Судейкиным в альбоме В. А. Стравинской. «Летом 1917 г. мы жили в Алуште. Вдруг появился Осип Мандельштам. Мы повели его на виноградник — нам больше нечего показать вам. И нам нечем было угостить его, кроме чая с медом. Без хлеба. Но беседа была живая, не о политике, но об искусстве, литературе, живописи... 11 августа он пришел снова и принес свои стихи» (Igor and Vera Stravinsky. New York, 1982. С. 34; цитируется в переводе с англ.: *ПССиП*. Т. 1. С. 559). См. также: Судейкина В. А. Дневник: Петроград–Крым–Тифлис / Подгот. И. Меньшовой. М.: «Русский путь»; «Книжница», 2006. С. 392.

Августа 15. Алушта. Записал двустишие «Я связан молоком с языческой Палладой...» в альбом П. О. Богдановой-Бельской (*ПССиП*. Т. 1. С. 322, 700).

Августа 16. — Дата стихотворения «Еще далёко асфоделей...» с пометой «Алушта» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 559).

Август. В статье «Райнер М. Рильке» (Летопись. № 7/8. С. 313) Лариса Рейснер пишет, подразумевая О. М.: «“Останься пеной Афродита, и слово в музыку вернись”, — вот зарок, данный новым Сальери. Для Моцарта он не существует». См. *ПССиП*. Т. 2. С. 512.

Октября первые числа. В Феодосию к младшей сестре приезжает Марина Цветаева.

Октябрь, не ранее первых чисел. Приехал в Феодосию. Датируется согласно устному сообщению А. И. Цветаевой: «Мандельштам прислал телеграмму в Крым: Марина, встречай. Марина попросила Асю поехать вместе с ней на вокзал и не оставлять ее с Мандельштамом наедине. Ася взяла с собой друзей. И действительно, как Мандельштам ни тянулся к Марине, как ни хотел остаться с ней вдвоем, ему этого не удалось. А Марина старалась этого не замечать. Она умела отстранять человека от себя, так же как умела притягивать. Кажется, через день Мандельштам уехал» (запись Е. И. Лубянниковой).

Октября 6. Феодосия. М. Волошин встречается с О. М. и К. Белиловским у А. Новинского (*Труды и дни Волошина.* С. 31).

Октябрь, до 10. Вероятно, к этому времени относится место в «Нездешнем вечере» М. Цветаевой: «Знаю, что Ахматова потом в 1916–17 году с моими рукописными стихами к ней не расставалась и до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались. Этот рассказ Осипа Мандельштама — одна из самых моих больших радостей за жизнь» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995.* Т. 4. С. 287).

Октябрь, до 10. Феодосия. Выступал с чтением стихов в феодосийском литературном обществе «ХЛАМ». Из письма Марины Цветаевой — С. Я. Эфрону, 22 окт.: «Вчера к нам зашел П<етр> Н<иколаевич Лампси> — вести нас в здешнее литературное общество “Хлам”. <...> Большая зала, вроде Эстетики. Посредине стол, ярко освещенный. Кипы счетоводных (отчетных) книг. Вокруг стола: старуха Шиль (лекторша), черный средних лет господин, Галя Полуэктова и еще какое-то существо вроде Хромоножки, — и П<етр> Н<иколаевич> с нами двумя. — А у нас недавно был большевик! — вот первая фраза. Исходила она из уст “средних лет”. — “Да, да, прочел нам целую лекцию. Обыватель — дурак, поэт — пророк, и только один пророк, — сам большевик”. — Кто ж это был? — Поэт Мандельштам. Всё во мне взыграло. — Мандельштам прекрасный поэт. — Первая обязанность поэта — быть скромным. Сам Гоголь... Ася [Цветаева]: — Но Гоголь сошел с ума! — Кто знает конец г<оспо-ди>на М<андельшта>ма? Я напр<имер> говорю ему: стихи создаются из трех элементов: мысли, краски, музыки. А он мне в ответ: — “Лучше играйте тогда на рояле!” — “А из чего по Вашему создаются стихи?” — “Элемент стиха — слово. Сначала бе слово...” Ну, вижу, тут разговор бесполезен... Я: — Совершенно. Шиль: — Значит одни слова — безо всякой мысли? П<етр> Н<иколаевич>: — Это, г<оспо>да, современная поэзия! — И пошло́! Началось издевательство над его манерой чтения, все клянутся, что ни слова не понимают. — Это кривляние! — Это обезьяна! — Поэт не смеет петь!» (Цветаева М. И. Письма. 1905–1923 / Сост. Л. А. Мнухин. М.: «Эллис Лак», 2012. С. 248–249).

Октября 11. Выехал из Феодосии в Петроград. По письму А. А. Новинского — М. А. Волошину, 13 окт.: «Осип Эмильевич уехал 11-го в Петроград. Очевидно, он волновался из-за разговоров с Кесарем Александровичем [Белиловским] из-за четверга, но все-таки через 1½ месяца приедет в Феодосию. Просил, конечно, кланяться» (*В Киммерии.* С. 193–194).

Октября 24–25. «Октябрьский переворот».

Ноября 5. Избран Патриарх. О нем — в стихотворении «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...».

Ноября до 11. Вышел альманах «Тринадцать поэтов» (*Книл* № 45, 6–13 нояб.) со стихотворениями «Зверинец» и «Соломинка».

Ноября 13. В петроградской газете «Вечер» помещена речь Патриарха Тихона. Отразилась в стихотворении «Прославим, братья, сумерки свободы...» (*Мец 2011*. С. 135 и след.).

Ноября 15. В газете «Воля народа» помещено стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...».

Ноябрь. — Дата стихотворений «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...» и «Среди священников левитом молодым...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 298, 560).

Ноябрь. «...В разгар революции [О. М.], получив каким-то чудом комнату в "Астории" <...> ходил завтракать к Донону, где хозяин, потеряв голову, всем оказывал кредит» (Лурье А. Детский рай // Ахматова А. Поэма без героя / Сост. и примеч. Р. Д. Тименчика при участии В. Я. Мордерер. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 348–349).

Ноябрь. Запись С. Каблукова о прочтении в ноябре статьи «Скрябин и христианство» (*Каблукова дневник*. С. 257).

Декабря 16. «Комиссия по устройству общедоступных бесед по искусству устраивает 16 декабря в Академии Художеств "Вечер поэтов", при участии: Ахматовой, Сологуба, Тэффи, Мандельштама, Верховского, Ивнева, А. Белого, Ку[зм]ина, певицы Бутомо-Н[а]зва-новой, артисток Судейкин[ой] и Анненковой (танцы) и др.» (Наш век. 12/25 дек. С. 4). О. М. прочитал стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...» (Вечерний звон. 18 дек., в рецензии, подписанной: П. А. [Губер П.]. — *ЛЖР*. Т. 1, ч. 1. С. 79).

Декабря 24. В петроградской газете «Новая жизнь» помещено стихотворение «Декабрист».

Декабря 24. В газете «Новая жизнь» помещена статья Д. Выгодского «О новых стихах». «В нашей поэзии сегодняшнего дня есть два полюса, два направления. Одно — пытающееся воскресить классическую точность выражения и художественную законченнсть построения — то, которое нашло свое самое лучшее выражение в поэзии Ахматовой и Мандельштама. И другое — то, в основе которого лежит футуристическая теория, которая ныне возглавляется Маяковским».

Декабря не позднее 29. Вышла в свет антология «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус» со стихами «Образ твой, мучительный и зыбкий...», «В огромном омуте прозрачно и темно...», «О временах простых и грубых...». Источник даты: статья Д. Коковцова «Русская лирика в 1917 г.» (Наш век. 31 дек.).

Декабря 30. Петроград. Концерт О. Н. Бутомо-Названовой в Малом зале консерватории.

♦ Из воспоминаний: «Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917–18 гг., когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская, 9) — не в сумасшедшем доме, а в квартире старшего врача Вячеслава Вяч<еславовича> Срезневского, мужа моей подруги Валерии Сергеевны. Мандельштам часто заходил за мной, и мы

ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной Осип Эмильевич на концерте Бутомо-Названовой в Консерватории, где она пела Шуберта (см. "Нам пели Шуберта..."*). К этому времени относятся все обращенные ко мне стихи: "Я не искал в цветущие мгновенья" ("Кассандре") (декабрь 1917 года); ко мне относится странное, отчасти сбывшееся предсказание:

Когда-нибудь в столице шалой
На диком празднике у берега Невы
Под звуки омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...»

(*Листки из дневника*. С. 194–195).

Декабря 31. В газете «Воля народа» помещено стихотворение «Кассандре».

Декабрь (?). Написано стихотворение «Когда на площадях и в тишине келейной...».

1918

Января 5. Открытие Учредительного собрания. Расстрел из пулеметов демонстрации в поддержку Учредительного собрания.

Января 11. Из дневника М. Кузмина: «У Переп<летников> был Мандельштам и Пумпянский. Читали «Colonel Chabert», но было скучно» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 54).

Января 18. В газете «Петроградское эхо» (веч. вып.) помещено стихотворение «Когда держался Рим в союзе с естеством...».

Января 19. В газете «Знамя труда» помещена статья А. Блока «Интеллигенция и революция».

Января 20. Издан декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Января 21. В концертном зале Тенишевского училища — лекция-концерт «О России» при участии З. Н. Гиппиус, А. Ахматовой, Д. С. Мережковского, Ф. К. Сологуба, Н. Голубовской, О. Н. Бутомо-Названовой, Н. Венгрова и др. (Новые ведомости. 20 янв. С. 8).

♦ Запись А. Блока, 22 января: «Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем "утре России" в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого и моему: "изменники". Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно» (*Блок ЗК*. С. 385).

---

* Стихотворение «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа».

Января 24. Издан декрет о новом календаре (1 февр. = 14 февр.).

Января 26. Объявлен в числе участников «Вечера поэтов». «В пятницу, 26 января, в “Привале комедиантов” <...> состоится “Вечер петербургских поэтов”. Участвуют: Анна Ахматова, Г. Адамович, М. Зенкевич, Рюрик Ивнев, Георгий Иванов, М. Кузмин, О. Мандельштам, Вл. Пяст и др. Т. П. Карсавина, О. А. Глебова-Судейкина и Габриэль Иванова прочтут стихи Н. Гумилева, М. Цветаевой и Фр. Жамма. Нач. в 8 час. веч.» (Новые ведомости. Вечерняя газета. 25 янв. С. 8; *Программы «Привала комедиантов»*. С. 143).

Января 26. В тифлисской газете «Кавказское слово» — статья Ю. Е. Дегена «Михаил Кузмин». «Не будь его, у нас не только не было бы поэзии Анны Ахматовой, О. Мандельштама, Марины Цветаевой, Рюрика Ивнева, Маяковского и Хлебникова, — у нас вообще не было бы и половины той любви к простоте и ясности, которой мы сейчас обладаем <...>».

Январь. — Дата стихотворения «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» в альбоме В. И. Кривича-Анненского (*ПССиП*. Т. 1. С. 563). См. также: 1917, Декабря 30; 1918, Мая 7.

♦ По словам О. М., «посвящено» Ахматовой (*В записях Лукницкого*. С. 121),

♦ Из рецензии: «Такое же проникновение в музыкальную стихию немецкого романтизма — песни Шуберта на слова Гете и Вильгельма Мюллера и характерный для позднего романтизма национальный ландшафт — шум отдаленной мельницы на ручье, запах цветущих лип и песни соловья...» (Жирмунский В. На путях к классицизму // Вестник литературы. 1921. № 4/ 5. С. 3–4).

Февраля 14/1. — Дата перехода страны на новый (григорианский) стиль.

Февраля 16. В петроградской газете «Вечерняя звезда» помещено стихотворение «Собирались эллины войною...».

Февраля 16. В тифлисской газете «Кавказское слово» — статья С. М. Городецкого «Французские влияния в новой русской поэзии. Бодлэр. Верлэн. Верхарн». «Я говорю о парнассизме. Он свил себе гнездо в цехе поэтов, где наряду с устремлением к недрам русского языка (Зенкевич, Нарбут) появилось течение, выдвигавшее, как образец, поэзию Теофиля Готье (Гумилев, Мандельштам). После перевода Гумилевым книги “Эмали и Камеи” это течение несколько распространилось. Его сторонники противопоставили верленовской музыке требование внешней скованности стиха, лиризм они заменяли продуманностью, искренность — искусственностью, от образа они требовали не музыкальной эмоции, а пластической неподвижности».

Февраля 17. На это число был объявлен «Вечер поэта Вл. Пяста» в «Привале комедиантов» (Новые ведомости. Вечерняя газета. 16 февр. С. 5).

Февраля 18. Внесен в список членов Союза русских писателей (*ИРЛИ*. Ф. 709. Оп. 1. Ед. хр. 198).

Февраля 19. Статья А. Блока «Народ и интеллигенция» в газете «Знамя труда».

Февраля конец. Назначен на должность делопроизводителя секретариата Комиссии с чрезвычайными полномочиями для разгрузки и эвакуации Петрограда. Живет по адресу: Аптекарский пер., 6, кв. 8 (*В Наркомпросе*. С. 275).

Марта 1. В списке сотрудников петроградской газеты «Вечерняя звезда» впервые значится имя О. М.

Марта 3. В газете «Знамя труда» напечатаны «Двенадцать» А. Блока.

Марта 3. Подписан мирный договор в Брест-Литовске.

Марта 4. В газете «Вечерняя звезда» помещено стихотворение «Мне холодно. Прозрачная весна...».

Марта 6. В газете «Вечерняя звезда» помещено стихотворение «На страшной высоте блуждающий огонь...» с датой: март 1918.

Марта 9. В газете «Вечерняя звезда» помещено стихотворение «Пусть имена цветущих городов...».

Марта 15. В газете «Вечерняя звезда» помещено стихотворение «В Петрополе прозрачном мы умрем...».

Марта не позднее 16. В Харькове вышел из печати журнал «Ипокрена» № 2/3 со стихотворениями «Мне холодно. Прозрачная весна...», «Не фонари сияли нам, а свечи...», «В Петрополе прозрачном мы умрем...», «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...». Источник даты: письмо Г. А. Шенгели — М. А. Волошину от 5/18 марта: «II–III «Ипокрены» уже вышел — в ужасном виде <...> Я вышел из числа сотрудников» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1290. Л. 6).

Марта 23. В Чернигове состоялся вечер, посвященный творчеству акмеистов. Доклад «Символизм и акмеизм» прочитал З. С. Давыдов. Были прочитаны доклады об Ахматовой (Г. А. Иванов-Меженко), Гумилеве (А. И. Романов), Мандельштаме (З. С. Давыдов) (Тименчик Р. Д. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 406–407, со ссылкой на хронику газеты «Черниговский край» 22 и 26 марта).

Марта 31. Организационное собрание общества «Арзамас» (*Мец 2011*. С. 243–244).

Март. «После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений. После этого, примерно в марте, Мандельштам исчез» (*Листки из дневника*. С. 195–196).

Апреля 6. Получил удостоверение санитарно-продовольственного отделения Коллегии по разгрузке Петрограда «о том, что ему предложено составить сводку печатных материалов» (*В Наркомпросе*. С. 275).

Апреля 7. Из дневника М. Кузмина: «Проходил Мандельштам в Мариинский дворец, гордый своим положением» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 99 об.).

Апреля 7. В петроградской газете «Страна» помещено стихотворение «А. В. Карташову» («Среди священников левитом молодым...»).

Апрель, не раньше 8. В течение нескольких дней живет в Кавалерском корпусе Кремля у секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова: «По приезде в Москву, например, в восемнадцатом году — он приехал с правительственными поездами — ему пришлось несколько дней прожить в Кремле у Горбунова. Однажды утром в общей столовой, куда он вышел завтракать, лакей, прежде дворцовый, а потом обслуживавший революционное правительство и не утративший почтительно-лакейских манер, сообщил О. М., что сейчас сам Троцкий “выйдут кушать кофий”» (*Воспоминания*. С. 97). Датируется по сведениям из публикации: Мец А. Г. Осип Мандельштам в Кремле (1918) // *TSQ*. 2015. № 54. С. 160–163.

Апреля 13. «В субботу, 13 апреля, в 7 ч. вечера, литературная курия С<оюза> Д<еятелей> И<скусств> устраивает в Академии Художеств вечеринку с участием писателей, артистов и художников. Будут читать, петь, танцевать Ахматова, Кузмин, Миклашевская, Тэффи, Аверченко, Добронравов, Сологуб, Мазараки <...> Судейкина, Чекан и др.» (Новые ведомости (веч. вып.). 13 апр. С. 8; Вечерняя звезда. 12 апр. С. 4).

Апреля 21. В газете «Страна» помещено стихотворение «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...».

Апреля не ранее 30, Мая не позднее 8. Вышел сборник «Весенний салон поэтов» со стихотворениями «В разноголосице девического хора...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...», «Европа», «Я не слыхал рассказов Оссиана...». Датируется по анонсу (Жизнь. 1918. 30 апр.) и отзыву (Анархия. 1918. 9 мая, под заглавием «Салон поэтов: Весенний первый»).

Апреля последние числа. Возвращение Н. Гумилева в Петроград из Лондона (*Степанов 1991*. С. 405).

Мая 1. Уволился из Центральной Коллегии по разгрузке Петрограда (*В Наркомпросе*. С. 276).

Мая 4. В московской газете «Жизнь» объявлено выступление О. М. на вечере «Венок искусств» в московском кафе «Савой» «на второй день Пасхи» — 7 мая. В отчете той же газеты за 9 мая выступление О. М. не указано. Бывш. «Савой», ныне «Венок искусств», открытие 7 мая — *ЛЖР*. Т. 1, ч. 1. С. 181.

Мая 5. Пасха.

Мая 7. Петроград. Выступил с чтением стихотворения «На страшной высоте блуждающий огонь...» на «Утре о России» в Академии художеств. «...Сумели сказать кое-что интересное и значительное Ф. Сологуб, призывавший, в волнующих стихах, вопреки всему, верить в Россию, В. Муйжель, говоривший о загадочном

“голубоглазом сфинксе в синих портах и красной рубахе”, А. Ремизов (за отсутствием его, читал г. Сологуб), смело бросавший в своем ярком “заповедном слове русскому народу” укоры этому сфинксу за его “каинство”, да еще В. Шишков, нарисовавший, и красочно, русский тип “веселого бродяги”. Сплошным недоразумением были выступления поэтов О. Мандельштама, завывавшего à la Игорь Северянин о “гибели Петрополя”, Д. Цензора, беллетриста Е. Замятина. Г. Кондурушкин очень мило прочел ряд анекдотов об архиерее» (Петроградский голос. 9 мая. С. 3).

Мая 7. Петроград. Записал в альбом Валентина Кривича стихотворение «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 563).

Мая 13. Первый вечер общества «Арзамас». Афиша: «I. Пролог Арзамаса (соч. Георгия Адамовича) — О. А. Глебова-Судейкина. В. Пяст. Анна Радлова. Рюрик Ивнев. «Двенадцать», поэма А. Блока — Л. Д. Басаргина-Блок. <...>. III. А. Блок. О. Мандельштам. Георгий Иванов. М. Кузмин. Н. Гумилев. Книгоиздательство Арзамас. Ближайшие издания. <...> О. Мандельштам. Статьи» (*Мец 2011*. С. 248). О. М., по-видимому, на вечере не выступал (Там же. С. 257–258).

Мая 21. Москва. «Ночью. Лестница “Метрополя”, спускаюсь вниз. (Иду к Мандельштаму во 2-ой этаж. Приехал из Петербурга Лурье)» (*Дневник Рюрика Ивнева*. С. 333).

Мая не позднее 22. Вышла кн. 1 ежемесячника «Камена» (Харьков, М., Пб.) со стихотворением «Я потеряла нежную камею...». Источник даты: Вечерний телеграф. Харьков, 1918. № 41, 24/11 мая. С. 4 (сообщение о выходе номера).

Мая 24. В газете «Знамя труда» помещено стихотворение «Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...») с пометой: Москва, май 1918.

Май. — Дата стихотворения «Когда в теплой ночи замирает...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 564).

Май. Москва. Знакомство О. М. с Яковом Блюмкиным. Датируется по изданию: Велидов А. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: «Современник», 1998. С. 14: «В середине мая 1918 года, после расформирования 3-й советской Украинской армии, Блюмкин приезжает в Москву, где поступает в распоряжение ЦК партии левых эсеров». До мая 1918 г. сведений о пребывании Блюмкина в Москве или Петрограде не получено. См. также: «Блюмкин приглашает работать в новое учреждение вместе с ним. Выяснение и отказ» (*Биоканва*. С. 953, с неточной датой: 1917, ноябрь).

Май или июнь. Москва. Вместе с Ларисой Рейснер приходит к А. Б. Гольденвейзеру. «Всё вспоминаю, как эта, тогда еще совсем юная, ослепительно красивая женщина [Л. Рейснер] была у меня на Пречистенке с поэтом Мандельштамом в 18 или 19 году. То были времена “Музыкального совета”. Мандельштам что-то

делал в Наркомпросе (МУЗО еще не был организован и [А. С.] Лурье не царствовал — или всё это только-только возникало). Он привез ее ко мне (рекомендовал как Раскольникову, женой которого она была), чтобы вместе поговорить о музыкальных делах, так как она тогда имела в Наркомпросе какое-то влияние. Она тогда, кажется, еще не была в партии. У меня, впрочем, она почти всё время молчала. Я даже недоумевал — зачем, собственно, она приезжала, но до сих пор не могу забыть впечатления ее красоты» (Гольденвейзер А. Б. Дневник. Тетради вторая–шестая. М.: «Тортуга», 1997. С. 62. Запись от 1 марта 1926 г.).

Май или июнь (?). Москва. Встреча с Мариной Цветаевой. О реакции Цветаевой на встречу с О. М. известно по черновику ее статьи «Проза поэта», 1926 (реконструкция впоследствии опубликована под загл. «Мой ответ Осипу Мандельштаму»): «Если бы Вы были мужем, а не "...", Мандельштам, Вы бы не лепетали бы тогда в 18 г. об "удельно-княжеском периоде" и новом Кремле*, Вы бы взяли винтовку в руки и пошли сражаться» (Здесь и теперь. 1992. № 2. С. 223). «Или снова — как тогда, в 1918 г., в коридоре, когда я Вам не подала руки — захлопочете, залепечете, закинув голову, но сгорев до ушей. Есть и мне что рассказать о Ваших примусах и сестрах. — Брезгую!» (Там же. С. 219).

Июня 1. По рекомендации А. В. Луначарского зачислен в штат Наркомпроса на должность заведующего подотделом художественного развития учащихся Отдела реформы школы. Место проживания: гостиница «Метрополь», комната № 263 (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. 2306. Оп. 51. Ед. хр. 180. Л. 1–1 об. Анкета Наркомпроса).

Июня 5. В газете «Возрождение» — статья И. Эренбурга «Стилистическая ошибка». «Недавно в одном литературном салоне некий небезызвестный поэт, безукоризненный эстет из "Аполлона", с жаром излагал свои большевистские идеи. <...> Окончив большевистскую прозу, поэт перешел к стихам; здесь-то и произошло некоторое замешательство. Среди прочих стихотворений оказалась хвалебная ода Керенскому. Герои поэта — большевики — в оном произведении именовались "октябрьскими жалкими временщиками". Здесь, каюсь, и я удивился и даже полюбопытствовал: — Когда вы написали это стихотворение? — Зимой, в ноябре. — Значит, вы с тех пор изволили переменить ваши убеждения? — Нет! (Сие с достоинством). — А "временщики"? — Это... Но это — стилистическая ошибка...».

♦ С ответом Эренбургу выступил С. А. Ауслендер, назвавший пассаж о Мандельштаме «доносом», см. его статью: Литературная демагогия // Жизнь. 11 июня. Далее полемику см.: Ауслендер С. Моим возражателям // Жизнь. 18 июня. С. 4. На выступления Ауслендера

* Цветаева говорит здесь о стихотворении «Всё чуждо нам в столице непотребной...».

последовал отклик: Ан. Для молодых лакеев // Свободный час. 1918. № 4. С. 16. Перепеч.: Эренбург И. В смертный час. Статьи 1918–1919 гг. СПб., 1996.

Июня 8. В газете «Знамя труда» помещено стихотворение «Виноград» («Золотистого меду струя из бутылки текла...»).

Июня 14. В этот день решением ВЦИК были объявлены контрреволюционными и исключены из состава эсеровская (правые и центристы) и меньшевистская фракции.

♦ «Он запомнил, например, как столкнулся в коридоре “Метрополя” с группой меньшевиков, только что выгнанных из Совета. Они шли навстречу ему и громко негодовали, перебирая слова ораторов, которые требовали их изгнания. Мандельштам посторонился, пропуская их, и услышал: почему лакей?.. Мандельштам рассказал эту сцену, потому что к воспоминанию толкнул его вывод: “Они всегда, с первых дней, употребляли не слова, а крапленые карты...”» (Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М.: «Согласие», 1999. С. 187). См. там же комментарий А. А. Морозова: «Мандельштам жил тогда в московской гостинице “Метрополь”, обращенной во 2-й Дом Советов» (с. 665).

Июня 15. Москва. Поэт и музыкант А. А. Ефременков передает О. М. свою статью (неустановленного содержания) для помещения в журнале «Аполлон» (письмо Ефременкова к Вяч. Иванову от 28 июня / 11 июля. — *РГБ*. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 43. Л. 1–2).

Июня 17. «На днях я столкнулся <...> у лифта в “Метрополе” с Лениным. Он уже вошел в лифт, когда к нему подошел пом<ощник> комиссара “Метрополя” и сказал: “Тов. Ленин, на второй этаж лифта у нас не поднимают”. Ленин покорно пошел за комиссаром пешком, но глаза у него сверкнули очень заметно. Я [даже*] думал, что это мне показалось, но Мандельштам, который был в это время со мной, заметил тоже блеск его глаз. Эта картина была очень забавной» (*Дневник Рюрика Ивнева*. С. 335).

Июня 30. В московской газете «Жизнь» помещено стихотворение «Когда в теплой ночи замирает...».

Июнь. — Дата стихотворения «Телефон» («На этом диком страшном свете...») и помета «Москва» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 299, 684).

Июнь. В одесском еженедельнике «Жизнь» № 5 — статья Вас. Гиппиуса «Цех поэтов». «Мандельштам, кажется, стал популярен. Превращение его из утонченнейшего символиста в акмеиста было внезапно и неожиданно. Но акмеистом он был логически-добросовестным, наиболее последовательным из всех — до тенденциозности. Он — наиболее литературен из всего кружка, в нем очевидны — грация, школа, техническая выучка, преданность словесному искусству и знание его — всё, чего нет у Нарбута

* Слово зачеркнуто.

и Зенкевича. Но несмотря на эти качества, а может быть и с их прямой помощью, стихи его часто производят впечатление не подлинной поэзии, а поэтических препаратов. Особенно ясно это — при сравнении с непосредственно одаренной лирическим даром Анной Ахматовой» (*Заметки об акмеизме.* С. 31, 35).

Июля первые числа. Москва. Петр Зайцев, согласно его показаниям в ЧК, видит О. М. вместе с Я. Блюмкиным у выхода из гостиницы «Элит»* (Леонтьев Я. В. Человек, убивший императорского посла: К истории взаимоотношений Блюмкина и Мандельштама // *СМР* 3/2. М.: РГГУ, 2000. С. 135).

Июля первые числа. Столкновение О. М. с Я. Г. Блюмкиным.

♦ Из воспоминаний: «Место действия — московское Кафе поэтов, и это — единственное, что правильно запомнил Георгий Иванов.** Но Блюмкин приходил туда не страшным чекистом, выбирающим очередную жертву, как пишут на Западе, а желанным гостем. Он ведь был близок к власти, а в литературных кругах это очень ценилось. Ссора О. М. с Блюмкиным произошла за несколько дней до убийства Мирбаха. По самой дате видно, что с понятием "чекист" тогда еще почти ничего не связывалось. Чека была только что организована, а до ее организации террор и расстрелы осуществлялись другими организациями: военным, кажется, трибуналом. В разговоре с Блюмкиным О. М., может, впервые точно понял, в чем состоят функции "нового учреждения", куда за несколько дней до этого его приглашал тот же Блюмкин» (*Воспоминания.* С. 97).

♦ Из воспоминаний: «Кстати в "Кафе поэтов" появились новые гости: большевики в кожаных пиджаках, среди которых часто бывали — [Н. И.] Муралов, Мандельштам, [А. Я.] Аросев, [В. А.] Тихомирнов» (Каменский В. В. Путь энтузиаста. М.: «Федерация», 1931. С. 264; То же — Пермь, 1968. С. 217).

♦ Показания Ф. Э. Дзержинского от 10 июля в связи с покушением на графа Мирбаха: «За несколько дней, может быть за неделю, до покушения я получил от [Ф. Ф.] Раскольникова и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: "Жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку — через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гражданин Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу ему смертный приговор", но, если собеседнику нужна эта жизнь, он ее "оставит" и т. д. Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что, если он кому-нибудь скажет о нем, он будет мстить всеми силами. Эти сведения я тотчас же передал [В. А.] Александровичу, чтобы он взял

* «Элит-отель» на Петровских линиях, см.: *Видгоф 2012.* С. 598.

** Этот эпизод «Петербургских зим» см.: Иванов Г. В. Собр. соч. М.: «Согласие», 1994. Т. 3. С. 94–98. На самом деле во всех публикациях этого эпизода Г. Иванов называет местом действия «какой-то реквизированный московский особняк».

от ЦК объяснения и сведения о Блюмкине для того, чтобы предать его суду. В тот же день на собрании комиссии было решено по моему предложению нашу контрразведку распустить и Блюмкина пока оставить без должности. До получения объяснений от ЦК левых эсеров я решил о данных против Блюмкина комиссии не докладывать» (Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 1. С. 257). О Ф. К. Пусловском см. *Видгоф 2012*. С. 105–106.

Июля начало. После столкновения с Блюмкиным получил двухнедельный отпуск в Наркомпросе до, приблизительно, 15 июля (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. 2306. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 290–291). Находился в Петрограде.

Июля 4. Открылся 5-й Всероссийский съезд Советов.

Июля 6. Москва. Убийство посла Германии графа Мирбаха Я. Блюмкиным и начало мятежа левых эсеров.

Июля 12. По письму Н. Г. Григорьевой к матери и сестре (Т. Г. Григорьевой) из Белого Вала 12 июля, О. М., вероятно, находился в Петрограде и собирался приехать в Белый Вал 13 июля (*СМР* 4/1. М.: РГТУ, 2008. С. 119. Публ. Т. В. Мандельштам).

♦ Из воспоминаний: «Наступила весна 1918 года. В поисках более сытой жизни часть студентов потянулась из института. Трудоустройство студентов силами кассы взаимопомощи и Совета старост было каплей в море. Тут мне и моим друзьям пришла в голову хорошая мысль: а что, если устроить огородную артель, летом в каникулы работать на земле, а собранными осенью овощами и небольшими заработками в артели обеспечить себе возможность занятий зимой? <...> Из различных возможностей наиболее пригодным оказалось имение под Лугой в восемнадцати километрах от города. Называлось оно Белый Вал. Большой помещичий дом с колоннами, характерными для русского ампира XIX века, располагался на берегу Череменецкого озера, огромного, длиной около пятнадцати километров. <...> Тут время вспомнить о моих братьях. Они еще жили в Петрограде и оба были неустроены. В один прекрасный день Осип появился в Белом Валу и попросил принять его в наш коллектив. К этому моменту многие знали его как поэта по его первой книге “Камень”, по выступлениям в журналах и на вечерах. И товарищи мои согласились помочь Осипу. И вот среди белых косынок девушек появилась на поле фигура поэта О. Мандельштама — сугубо городского человека, абсолютно не приспособленного к такому труду ни физически, ни душевно. Осип с трудом, страшно уставая, выдержал три дня и, вконец измученный, уехал в Петроград. Второй мой брат, Шура, не имевший никакого заработка, стал в городе уполномоченным артели. Он хорошо и добросовестно выполнял все даваемые ему поручения, а их было немало. Белый Вал запомнился мне на всю жизнь. <...> Здесь я сдружился и полюбил Надю Дармолатову, ставшую вскоре моей женой» (*Евгения Мандельштама воспоминания*. С. 145–146).

Июля 14. Получил в дар от Гумилева книгу «Костер» с надписью: «Дорогому Осипу Мандельштаму от Н. Гумилева. 14 июля 1918» (*РГАЛИ*, библиотека).

Июля 17. Расписался в получении денежной суммы от издателя А. М. Кожебаткина (*В Наркомпросе*. С. 277).

Августа 2, Сентября 2. Письма В. И. Нарбута из Воронежа:

— Г. И. Чулкову, 2 авг. — с просьбой передать О. М. предложение принять участие в журнале «Сирена» (*В Наркомпросе*. С. 277).

— К. В. Кандаурову, 2 сент. — с просьбой сообщить адреса Маяковского, Ал. Блока, Сергея Есенина, О. Э. Мандельштама, проф. Рейснера (*РГАЛИ*. Ф. 769. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 2).

Августа 13. На заседании Коллегии Отдела реформы школы и единой трудовой школы дает устные объяснения по вопросу о «манкировке занятиями» (внесен 12 авг. О. А. Вольбергом). Из протокола следует, что О. М. отсутствовал на работе с начала июля до начала августа (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. 2306. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 290–291).

Сентября 2. Получил удостоверение от Наркомпроса в том, что он «состоит заведующим Подотдела Художественного Воспитания при Отделе Реформы школы» (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. 2306. Оп. 51. Ед. хр. 180. Л. 4).

Сентября до 9. В Пензе вышел альманах «Исход» со стихотворением «Декабрист» (*Летопись Есенина*. Т. 2. С. 280. Согласно инскрипту И. И. Старцева В. Г. Шершеневичу, датированному 9-м сент. 1918 г., на экземпляре альманаха в Книжном фонде *ГЛМ*).

Октября 5. Выступил на заседании Государственной комиссии по просвещению по вопросам об утверждении положений об учительских семинариях, учительских институтах. Из протокола: «Тов. Мандельштам (представитель подотдела художеств<енного> воспитания) указывает на важность введения в предметы преподавания искусства, но таким образом, чтобы преподавание его имело скорей характер практический, а не чисто теоретический, как это намечается в предлагаемом проекте. Воспитанники должны сами обучаться начаткам искусства, в особенности это важно для будущих народных учителей, которые в силу специфических условий их работы должны являться энциклопедистами в преподавании искусств» (Архив новейшей истории России. Т. XII: Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3 кн. Кн. 1. Октябрь 1917–1918 г. М.: РОССПЭН, 2012. С. 647).

Октября 16. Готовит перевод «Legenda aurea» для издательства Г. А. Лемана и С. И. Сахарова в Москве. «Библиотека Сахарова пополняется в связи с новыми ее [«Легенды...»] изданиями. Так, Сахаров издает русский перевод поэта Мандельштама “Legenda aurea” Перра де Ворагине, поэтому Сахаровым была приобретена эта книга на латинском языке» (Отчет эмиссара Московского библиотечного

отдела П. Г. Богатырева об осмотре библиотеки члена юридического общества С. И. Сахарова 16 октября 1918 г. // История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. 1918–1920. М.: «Книга», 1975. С. 105, со ссылкой на ЦГА РСФСР <*ГАРФ*>. Ф. 2307. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 77–78).

Октября 20. Петроград. Приходит к Блоку. «Вечером почему-то, пока Л[юба] была в театре и К[узьмина-]К[араваева], приходил Мандельштам. Он говорил много декадентских вещей, а в сущности, ему нужно было, чтобы я устроил ему аванс у Горького, чего я сделать не мог. Интересен рассказ об убийце Мирбаха» (*Блок ЗК*. С. 432, с дополнениями по рукописи: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 150 об.).

Октября 29. Москва. Участвовал в заседании коллегии Отдела реформы школы Наркомпроса. «Присутствуют: [Л. Г.] Шапиро, [О. А.] Вольберг, [Б. Л.] Лопатинский, Мандельштам, [С. Г.] Вышеславцева, [М. А.] Долинов. Порядок дня: Вопрос об инструкторских курсах изобразительных искусств» (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. А-2306. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 258).

Ноября 4. Выдано удостоверение личности в Наркомпросе. С выдержкой из постановления Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов о защите совслужащих от реквизиции квартир и имущества (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. А-2306. Оп. 51. Ед. хр. 180. Л. 5).

Ноября 10. На заседании коллегии ритмистов обсуждался доклад О. М. «Общественное значение ритмики и роль ритма в искусстве», подготовленный для Коллегии Наркомпроса (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. А-2306. Оп. 6. Ед. хр. 7. Л. 7 об.–8).

Ноября 11. Присутствует на совместном заседании подотделов литературно-издательского и эстетического воспитания Наркомпроса и предлагает переиздать ряд книг, в том числе С. Волконского «Выразительный человек» (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. А-2306. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 240–243).

♦ Из воспоминаний: «“Деятельность советского правительства проходит под знаком творчества”. Так мне сказал один юный поэт, сам служивший в Наркомпросе, как раз в том подотделе “реформы школы”, который заказал мне книгу по искусству чтения. Это было осенью 1918 года, когда я только приехал в Москву. Мы обедали в одном заведении, называвшемся “Алатр”, на Тверской, во дворе бывшего дома Фальцфейна. <...> Итак, молодой поэт уверял меня, что “деятельность советского правительства проходит под знаком творчества”. В то время всякая деятельность проходила под каким-нибудь “знаком”, всё равно как всякий вопрос рассматривался в какой-нибудь “плоскости”. Мой юный поэт искренно верил в искренность начинаний того подотдела наркомпроса, куда ходил каждый день на службу; там, действительно, были люди очень милые, когда-то получившие образование, горевшие замыслами,

новизной... Но, как пример того, что всё это стоило, расскажу историю моей рукописи. Мне было объявлено, что она будет печататься в Москве, что корректурные листы будут присылаться мне и что первые листы я получу через два месяца. Через четыре месяца я обратился в подотдел — спросить, почему я не получаю корректуры? Мне отвечают, что рукопись послана в Петербург для печатания... Через полгода новый запрос — и тот же ответ. Через год пишу Луначарскому письмо, в котором прошу сделать распоряжение о возвращении мне рукописи, нужной мне для внесения некоторых поправок и вставок. Получаю от канцелярии ответ, словесный, что, где моя рукопись, неизвестно. Можно ли справиться в подотделе? Этот подотдел уже не существует. Может быть, можно спросить у кого-нибудь из служивших в то время? Никого из них нет. Может быть, известен адрес? Адрес ничей не известен, да и люди те уже не в Москве. И в самом деле: одного из принявших мою рукопись я встретил через два года на Пречистенском бульваре, выходя как-то из столовой Екатерины Ивановны, — он приехал на несколько дней из Харькова; другого я видел в Париже, когда был там после моего бегства. Оба с интересом справлялись о моей книге: они не были виноваты, — никто никогда не был виноват...» (Волконский С. М. Воспоминания: В 2 т. Т. 2: Родина. Быт и бытие. М.: «Захаров», 2004. С. 304–306).

Ноября до 16. Подписал смету «по организации Центрального института ритмического воспитания» (к заседанию коллегии отдела реформы школы Наркомпроса) (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. А-2306. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 234).

Ноября 16. Выступил на заседании коллегии Наркомпроса с проектом сметы Института ритмического воспитания. Смета утверждена (Там же. Л. 233).

Ноября 18. В петроградской газете «Жизнь искусства» — рецензия М. А. Кузмина на «Соты» А. Д. Радловой. «Некоторая торжественность тона и эпитетов (Мандельштам?) не смешна, но кажется скорее поэтическим приемом, от которого поэт избавится, чем врожденным свойством. <...> Но мне кажется, что и поэтическое самоопределение по крайней мере, покуда, до новых перемен, Анной Радловой сделано. Оно лежит где-то по соседству с Ахматовой и Мандельштамом, отличаясь от первой большей резкостью и крепостью и от второго большею простотою и вразумительностью».

Осень. «Снова и совершенно мельком я видела Мандельштама в Москве осенью 1918 года» (Ахматова А. Листки из дневника / Подгот. Р. Тименчика // Ахматова Анна. Requiem. М.: МПИ, 1989. С. 132).

♦ Справка: В Москву Ахматова приехала не ранее 15 авг.; жила по адресу: 3-й Зачатьевский пер., д. 3, недалеко от Наркомпроса, где служил О. М. (*Видгоф 2012*. С. 92–94).

Декабря 1. В № 34 московского журнала «Жизнь железнодорожника» помещено стихотворение «Собирались эллины войною...».

Декабря 3. Председательствует на Коллегии секции эстетического развития. Участвуют Б. Л. Лопатинский, С. Г. Вышеславцева, Е. Г. Белый. Утвержден редактором сборника «Ритм» (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. А-2306. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 210–210 об.). В тот же день выступил на заседании Коллегии отдела реформы школы. Из протокола: «т. Мандельштам. Утопия думать, что человек, представленный самому себе, в естественных условиях может развиться только благодаря своим внутренним стимулам. Вырастающее поколение противостоит всей уже существующей культуре, и задача старого поколения воспитать новое. Но чтобы не было случайностей и насилия в воспитании, необходимы гарантии некоторой объективности, гарантии того, что каждый пройденный этап культуры наложит свою законную печать на это поколение. Гарантия такой объективности есть наука, а потому науку как таковую нельзя и вредно от школы отнимать» (Там же. Л. 212–215).

Декабря 16. По докладу В. М. Познера «Об учреждении Центрального Института Ритмического Воспитания» принято решение: «...а) признать желательным немедленное приступление к подготовительным работам по организации Института Ритмического Воспитания. б) Инициаторам этого, в лице т.т. Мендельштам [так! — *Н. К.*] и [Н. Г.] Александровой, поручить немедленно вступить в переговоры с Жилищной Комиссией и Канцелярией Податных Инспекторов об освобождении особняка Мироновой <в тексте Мироановой> на Пречистенке. Им же поручается представить подробную смету на рассмотрение Коллегии Наркомпроса. в) отделу Реформы Школы поручить просмотреть программу преподавания в Институте Ритмического Воспитания с точки зрения пополнения ее естественнонаучными дисциплинами. г) Предложить Комиссариату Здравоохранения делегировать специалистов в состав администрации Института. д) Выдать т.т. Мандельштам и Александровой 25.000 рублей из сумм § 7 на организационные расходы под контроль Отдела Реформы Школы. е) Временно причислить Институт Ритмического Воспитания к Отделу Реформы Школы, предложив последнему выяснить в 2-х месячный срок вопрос о том, к какому Отделу Комиссариата должен быть причислен Институт» (*Котрелев 2013*, со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. 2306. Оп. 6. Ед. хр. 40. Л. 437 об. — 438).

Декабря 21. Уплатил вступительный взнос (в один день с Рюриком Ивневым) в Московский профессиональный союз писателей (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 400. Л. 15 об.). В 1919 г. внесен в «Список членов Московского профессионального Союза писателей. <...> № 103. Мандельштам О. Э. Пречистенка 24 кв. 5» (Новое лит. обозрение. 1995. № 11. С. 188. Публ. С. И. Субботина).

Декабря 28. В «Известиях Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» анонсирована подписка на журнал «Сирена», в числе участников назван О. М. (с. 4).

Декабря не ранее. Вышел из печати № 1/2 смоленского альманаха «Зори» (1918). В разделе «Художественная летопись» сообщалось: «Поэт Мандельштам работает над приобщением детей и школы к искусству. Жизнь ребенка должна быть красивой сказкой в гармонии труда с искусством» (с. 21 второй нумерации, подписано: Т. Е.).

1919

Января 8. Москва. «8 янв<аря> вечером. Дома. За чаем. В соседних комнатах волнение. Умер Н. В. Аратовский. Ждут священника. Сейчас должна начаться панихида. До сих пор, когда я читал стихи, мне говорили: “Как хорошо”, “Как красиво” <...> а вчера я первый раз услышал восклицание, которое меня глубоко взволновало. По поводу восклицания О. Э. Мандельштама: “Да ведь это же умирание! Так дальше длиться не может”. (После того, как я ему прочел декабрьские (последние) стихи.) И потом еще его разговор со мной о том, о чем со мной никто никогда не заговаривал (о сокровенном, что я считал тайной, а он так легко и просто раскрыл эту тайну), о том, что мое единственное спасение в союзе с Церковью, что я своим поведением (политическим) ее предаю и тем увеличиваю душевную трещину. Что он хочет принять православие и тоже сблизиться с Церковью, что и его спасение — в Церкви» (*Дневник Рюрика Ивнева.* С. 378–379).

Января 9. «[Вчера О<сип> Э<мильевич> говорил, что я рискую очутиться между двух стульев, а я давно уже очутился в этом положении.*] Не знаю, что мне делать с собой. Я мечусь между Церковью и атеистическим Государством. И по очереди получаю оплеухи то от одной, то от другого» (*Дневник Рюрика Ивнева.* С. 379).

Январь, до 18. В журнале «Свободный час» № 8 (1) помещено стихотворение «Кассандре». Источник даты: *ЛЖР.* Т. 1, ч. 1. С. 337.

Января 25. Москва. Письмо И. С. Рукавишникова — А. М. Ремизову: «Собираю рукописи для “Сборника Дворца искусств”. Дали уже: И. Новиков, Вяч. Иванов, К. Большаков, Р. Ивнев, Мандельштам, П. Орешин, В. Шершеневич, Пяст, Н. Крашенинников» (Гречишкин С. С. Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 39). См. также: «При “Дворце Искусств” [в Москве] организуется книгоиздательство и в ближайшем времени выпускает сборник при участии Вяч. Иванова, Ив. Рукавишникова, Рюрика Ивнева, М. Криницкого, В. Шершеневича, А. Коллонтай, Георгия Чулкова, О. Мандельштама, Пяста и др.» (Мысль. Харьков, 1919. № 10, апр.).

Января 26. В московском журнале «Жизнь железнодорожника» № 3 помещено стихотворение «Когда в теплой ночи замирает...».

---

* Фраза зачеркнута.

Январь (?). Москва. Отношение (в бухгалтерию Наркомпроса?) с просьбой остановить выплату аванса на перевод «трагедий Геббеля и Клейста, заказанных поэту Мандельштаму». Подписано зав. репетиционной секцией ТЕО Наркомпроса Ю. Балтрушайтисом и секретарем Д. Коганом-Кривцовым. С пометой неизвестного лица «янв. 1919» (*Сеславинский 2016*. С. 265).

Февраля 3. В еженедельной газете «Советская страна» помещено стихотворение «Меганон» («Еще далёко асфоделей...»).

Февраля 3. Вышел № 2 московского журнала «Знамя» со стихотворением «Рейнвейн» («Когда на площадях и в тишине келейной...»).

Февраль, до 19. Уезжает в Харьков. «Отъезд в Харьков ([Б. Ф.] Малкин). “Я изучил науку расставанья...”. Харьков. Разница в ценах. [А. А.] Смирнов, [К. В.] Мочульский» (Н. Мандельштам. Биографическая справка. Архив Л. Я. Гинзбург).

♦ Воспоминания А. Б. Гатова о встречах с О. М. в Кафе поэтов в «подвале большого дома на Сумской улице — недалеко от Мироносицкой церкви» в Харькове см.: Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 16–17.

♦ Воспоминания Рюрика Ивнева о встречах в Харькове с О. М. и его братом Александром (упоминаются также Миша Мильман, С. Глаголин, Г. Шенгели). «Я никогда не встречал человека, который бы так, как Осип Мандельштам, одновременно и принимал бы революцию, и отвергал ее» (*СМР* [1]. М., 1991. С. 43. Публ. Е. И. Ледневой).

Февраля 19. Харьков. Участвует в организации Всеукраинского литературного комитета при правительстве Украины. Протокол организационного заседания всеукраинского литературного комитета. Присутствовали Петников, Н. И. Левченко, О. М. Постановили: «Разработку плана обслуживания печати и концентрации литературных сил поручить т. Мандельштаму <...> Заведывание поэтической секцией ввиду возможности приступить немедленно к ее организации поручить т. Мандельштаму» (*ЦГАВОВУ Украины*. Ф. Р-166. Оп. 1. Ед. хр. 622. Л. 58).

♦ Из воспоминаний Г. Петникова: «Я предложил ему пойти работать в наш Лит[ературный] Комитет — заведовать секцией поэзии: пропагандировать новую рев[олюционную] поэзию, беседовать с молодежью, находить таланты, учить их мастерству, готовить материялы для сборника (“Ураган”); Гастев кандидатуру эту поддержал, хотя он, мне кажется, был знаком с поэзией М[андельштама] отчасти, но считал его мастером своего дела, кот[орый] может передать свой опыт другим... О. Э. охотно согласился и пошел работать в наш Лит[ературный] Комитет. Работа только разворачивалась, — в этот год гражд[анской] войны он был одним из тех, кто взялся за работу, и стал “с веком вековать”. В Литературный Комитет (на Мироносицкой ул. 36) он являлся иногда с опозданьем, — в длиннополой черной шубе, в кот[орой] и сидел за своим столиком, готовый вести поиски

и как-то “дирижировать”, пояснять, отбирать, находить» (Петников Г. Н. Страничка воспоминаний (Осип Мандельштам) / Предисл., публ., примеч. П. Е. Поберезкиной // *TSQ*. 2012. № 40. С. 322–323).

Февраля не ранее 19 — Апреля не позднее 19. Харьков. Фотография в группе с Александром Мандельштамом, [Михаилом?] Мильманом, Рюриком Ивневым.

Февраля 22. Участвует в заседании Всеукраинского литературного комитета. Протокол. Присутствовали: Петников, Н. И. Левченко, О. М., В. Д. Коряк, М. Доленго, В. И. Олешко (Алешко). Слушали: 1. План чествования Т. Шевченко 11 марта. 2. Доклад Петникова о празднике Красной армии (*ЦГАВОВУ Украины*. Ф. Р-166. Оп. 1. Ед. хр. 622).

Февраля 24 или 25. Харьков. Выступил с чтением стихов на концерте. «Вечер Укрцентрага. На днях состоялся вечер, устраиваемый Украинским Центр. Агентством для участников совещания провинциальных работников по распространению периодической печати и сотрудников Укрцентрага. В концертном отделении помимо поэтов Георгия Шенгели, Осипа Мандельштама и Евгения Ланн, артиста Ратова и др. приглашенных, выступили собственные силы (сотрудники Укрцентрага)» (Известия временного рабоче-крестьянского правительства Украины. 27 февр.).

Февраль. В № 4 (февр.) журнала «Ипокрена» — статья И. Г. Эренбурга «На тонущем корабле». «Следует упомянуть о Клюеве и парнасце Мандельштаме, который по существу своего дарования жаждет кого-либо прославлять — прежде императора, потом Керенского, ныне большевиков» (с. 26).

Февраль — Апрель. Харьков. «Был предпринят перевод двух пьес: “Армия в городе” Ж. Ромена — поручен О. Э. Мандельштаму в сотрудничестве с А. А. Смирновым; “Город” П. Клоделя поручен Г. Шенгели в сотрудничестве с А. И. Белецким» (Советский театр. Документы и материалы. Т. 2: Театр народов СССР. 1917–1921. Л., 1972. С. 162, со ссылкой на ЦГАОР УССР. Ф. 166. Оп. 24. Ед. хр. 500. Л. 4–19).

♦ Из дневника Д. И. Выгодского, 14 июня 1929 г.: «Ал. Ал. Смирнов уже второй раз мне рассказывал об интересной фразе

Мандельштама. Когда его в 19-м году спросили, что он делает, он ответил: — Я охраняю культурные ценности, во мне самом заключающиеся» (*Семейный архив Выгодских*).

Февраль (?) — Апреля 15–19. Харьков. Работает в Бюро печати при Совнаркоме Украины (*Поберезкина 2015(1)*. С. 215–219). См. Марта 24 — Апреля 18.

Марта 9. В газете «Известия Временного рабоче-крестьянского правительства Украины» (Харьков) помещено стихотворение «Сумерки свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...»).

Марта 20. В харьковской газете «Коммунар» — сообщение о начале прибытия правительства Украины в Киев из Харькова.

Марта 24 — Апреля 18. Телеграммы заведующего харьковским отделением Бюро печати при Совнаркоме Украины Е. Ловчиновского — заведующему Бюро печати В. С. Люксембургу и В. И. Нарбуту из Харькова в Киев; телеграмма Люксембурга Ловчиновскому из Киева в Харьков; телеграмма Шатуновского Ловчиновскому из Харькова в Киев в связи с текущими делами Бюро печати с упоминанием О. М. (*Поберезкина 2015(1)*. С. 216–218).

Апрель, между 15 и 19. Приехал в Киев вместе с Р. Ивневым «к Пасхе» (Ушаков М. Россіяни на Україні // Літературна газета. Київ. 1928. 19 липня). Поселился в гостинице «Континенталь». По воспоминаниям Н. И. Данилова, выступал с докладами в организованной И. Эренбургом «Мастерской художественного слова» (*Фрезинский 1997*. С. 287).

Апреля 17 или 18. Вышел из печати № 4/5 воронежского журнала «Сирена» (титульная дата — 30 янв.) со статьей «Утро акмеизма». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 1. С. 387.

♦ Из воспоминаний: «Рукопись статьи “Утро акмеизма” случайно сохранилась у [В. И.] Нарбута, и он в период своего комиссарства раздобыл бумагу и тиснул в Воронеже журнальчик под пышным названием “Сирена”. Там он напечатал и “Утро акмеизма”, не проставив дату. Рассказал он об этом Мандельштаму весной девятнадцатого года при встрече в Киеве. Мандельштам хмыкнул, а журнальчик так никогда и не увидел — у Нарбута с собою не было ни одного экземпляра, а впоследствии оба и думать об этом позабыли... Составляя книгу статей, Мандельштам про “Утро акмеизма” не вспомнил. Потом прочел в книжке манифестов и пожалел, что не включил в сборник ”О поэзии”. Цензура могла сдуру пропустить» (*Вторая книга*. С. 39).

Апреля 20. Пасха.

Апреля 24. Объявлен в числе участников диспута (вместе с В. Юреневой, И. Эренбургом, Н. Венгровым, К. Марджановым) на «Вечере искусств» в «Доме пролетарского искусства» (зал бывшего Купеческого собрания) 24 апр. (*Фрезинский 1997*. С. 290).

Апреля 26. В тифлисской газете «Закавказское слово» — статья С. М. Городецкого «Цех Поэтов (к годовщине Тифлисского Цеха

Поэтов)». «Целый ряд дарований отгранился в цеховой работе. <...> Если “Дикая порфира” Михаила Зенкевича, «Песни полей и комнат» Владимира Юнгера и другие сборники Цеха остались милыми книгами, известными только любителям и знатокам поэзии, то “Четки” Анны Ахматовой и “Камень” Осипа Мандельштама, особенно первый сборник, оказались книгами, заслужившими одобрение критики и широкое внимание читателей» (*Заметки об акмеизме*. С. 24, 26).

Апреля 27. Письмо Г. А. Шенгели — М. А. Волошину из Харькова в Коктебель. «Должен передать Вам приветствия от Бальмонта, от Вяч. Иванова, от Мандельштама <...>» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1290. Л. 8).

Апреля 27. Киев. Записал в альбом Мальвины Марьяновой вторую строфу стихотворения «Tristia». 19 июня 1920 г. Марина Цветаева в Москве записывает на том же листе ниже стихотворение «Поступь легкая моя...» (1918) (*РГАЛИ*. Ф. 1336. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 25).

Апреля 28. Киев. «Вечер искусств» в театре им. Ленина, устроенный Бюро пропаганды.

♦ Из отчета в газете: «Если цели ознакомления публики с творчеством художников сегодняшнего дня во всех областях искусства, то при чем тут Вл. Маккавейский, которому слишком много внимания уделено было на вечере <...> Может быть, прав поэт Мандельштам, который бросил развеселившейся выступлением Вл. Маккавейского публике гневный упрек в неумении вести себя» (*Фрезинский 1997*. С. 291).

♦ Из воспоминаний: «Зал взревел от счастья, когда выступил Валя Стенич со стихами о заседании Совнаркома. Этот человек, слишком рано всё понявший, сочинил острые стихи, запечатлевшие один исторический миг — разрез времени, его подоплеку, а толпа реагировала не на смысл прочитанного, а на отдельные слова, на их звук, на слово “Совнарком”, как на красный лоскут. Ее уже успели натренировать на такую реакцию. Делается это невероятно быстро. В театр я обычно ходила не в зал, а в декоративные мастерские и в бутафорскую. Сцену вместе с табунком художников я видела почти исключительно с колосников. Оттуда — с высоты четвертого или пятого этажа отлично смотрелось, как актер прячется за дрожащей кулисой, ожидая знака к выходу, настораживается, крестится и бодро вылетает на авансцену, чтобы немедленно стать в позу. С такого ракурса, когда центром фигуры становится макушка парика и выставленная вперед ступня, как-то приятно воспринимается вся театральщина, куда входит и голова взволнованного суфлера, — их, кажется, отменили, какая жалость! — и форма сцены, и колыхание тоже навсегда исчезнувших кулис... Но вечер поэзии мы сочли серьезным делом и собрались где-то в первом или во втором ярусе, откуда я увидела Мандельштама, когда он вдруг вышел на сцену. Он был до ужаса не театрален, противопоказан театру и широкой сцене, по которой прошел совершенно один, не спеша, словно по улице. Походка у него

была ритмически точная, держался он прямо, а в руке не хватало палочки, чтобы ею слегка размахивать. Подойдя к рампе, он прочел, не надрывая голоса, но достаточно громко и четко, чтобы не пропало ни одно слово, — видно, что он давно привык к публичным выступлениям, — коротенькое стихотворение из "Камня": "Господи, сказал я по ошибке, сам того не думая сказать. Божье имя, как большая птица, вылетело из моей груди..."* Зал выслушал и даже похлопал — не слишком, конечно, но вполне пристойно, — а у меня захватило дыхание от неуместности этого человека на сцене и от несовместимости прочитанного стихотворения с общим состоянием умов. Как было условлено, после его выступления я прошла служебным ходом за кулисы, и, получив деньги у доброго администратора прямо из рук в руки, как в добрые старые времена, мы вдвоем выскочили на улицу. У нас была излюбленная поговорка — не помню, когда она прилепилась к нам: "На улице всегда лучше..." На улице действительно было лучше, и я спросила Мандельштама: "Почему вы выбрали это стихотворение?" Он ответил, что стихотворение хорошее, он любит его и не собирается от него отказываться... Больше ничего он не сказал, и мы пошли в "Хлам" проедать полученный гонорар» (*Вторая книга*. С. 255–256).

Апрель. В № 4 харьковского журнала «Пути творчества» помещено стихотворение «Я изучил науку расставанья...».

Апрель. В № 3 харьковского журнала «Творчество» (апр.) помещены стихотворения «Твое чудесное произношенье...» и «Среди священников левитом молодым...».

Апрель. В московском журнале «Свободный час» № 9 (2) помещен цикл стихотворений «Петрополь» («Мне холодно. Прозрачная весна...», «Не фонари сияли нам, а свечи...», «В Петрополе прозрачном мы умрем...»).

Апрель. В киевском ежегоднике «Гермес» (сб. 1, апр.) помещено стихотворение «Я изучил науку расставанья...».

♦ Из воспоминаний: «[В Киеве в 1919 г.] Комиссариат искусств выпустил один номер "Зорь", где редактором отдела поэзии был Вл. Нарбут. О. Мандельштам, выступавший на митингах, стихов почти не печатал <...> О. Мандельштам поместил, все-таки, в "Ежегоднике Искусства и гуманитарного знания [Гермес]" прекрасное стихотворение "Я изучил науку расставанья... "» (Рождественский В. Литературная жизнь Киева // Жизнь искусства. 1920. 16 сент.).

Апреля не ранее. В № 1 ежемесячного журнала «Голос» [Смоленск] помещены стихотворения «Рейнвейн» («Когда на площадях и в тишине келейной...»), «Тристия» («Я изучил науку расставанья...»), «Твое чудесное произношенье...», «Среди священников левитом молодым...».

---

* Из стихотворения «Образ твой, мучительный и зыбкий...».

Апрель — август. «1919, апрель–август. Киев. ХЛАМ, “Континенталь”. Встреча с Блюмкиным (на коне). Художники. Кафе “Настояща простокваша”. Служба в Собезе. Зубков, Эренбург» (*Биоканва*. С. 954).

♦ «И мне пришлось быть свидетельницей подобной сцены. Это было в Киеве в девятнадцатом году. Мы стояли с О. М. на балконе второго этажа гостиницы “Континенталь” и вдруг увидели кавалькаду, мчавшуюся по широкой Николаевской улице. Она состояла из всадника в черной бурке и конной охраны. Приближаясь, всадник в бурке поднял голову и, заметив нас, резко повернулся в седле, и тотчас в нашу сторону вытянулась рука с наставленным револьвером. О. М. было отпрянул, но тут же, перегнувшись через перила, приветливо помахал всаднику рукой. Кавалькада поравнялась с нами, но рука, угрожающая револьвером, уже спряталась под бурку. Все это продолжалось секунду. <...> Всадник в бурке — это Блюмкин, “человек, застреливший императорского посла” — Мирбаха» (*Воспоминания*. С. 96; *Над. Мандельштам СС*. Т. 1. С. 180).

Мая не ранее начала. В Киеве вышел журнал «Борьба», кн. 1, помещены стихотворения «Обиженно уходят на холмы...» и «У моря ропот старческой кифары...».

Мая 1. Киев. О. М. и Надя Хазина в ХЛАМе на дне рождения А. Дейча. Чтение стихов (Запись дневника А. Дейча: *СМР* 3/2. М.: РГГУ, 2000. С. 146).

♦ Из воспоминаний: «В первый же вечер он появился в “Хламе”, и мы легко и бездумно сошлись. Своей датой мы считали первое мая девятнадцатого года, хотя потом нам пришлось жить в разлуке полтора года. В тот период мы и не чувствовали себя связанными, но уже тогда в нас обоих проявились два свойства, сохранившиеся на всю жизнь: легкость и сознание обреченности» (*Вторая книга*. С. 19–20).

♦ Из воспоминаний: «В 1918 году в киевском Литературно-Артистическом Обществе, несмотря на смутные времена, собирались литераторы и любители литературы. Два поэта пользовались тогда в Киеве большой популярностью: Бенедикт Лившиц и Владимир Маккавейский. Бенедикт Лившиц, киевлянин, учившийся в Петербурге, был уже “настоящим поэтом”: он печатался в “Аполлоне”, лично знал многих петербургских знаменитостей, выпустил в Петербурге книгу стихов “Флейта Марсия” и готовил вторую книгу — цикл стихов о Петербурге “Болотная Медуза”:

...Лети, лети на темном звере,
Ты, наездник с бешеным лицом,
Уже вскипает левый берег
Зимнедворцовым багрецом...

Бритый, с римским профилем, сдержанный, сухой и величественный, Лившиц в Киеве держал себя как “мэтр”: молодые поэты с трепетом знакомились с ним, его реплики и приговоры падали, как нож гильотины: “Гумилев — бездарность”. “Брюсов — выдохся”. “Вячеслав

Иванов — философ в стихах". Он восхищался Блоком и не любил Есенина. Лившиц пропагандировал в Киеве "стихи киевлянки Анны Горенко" — Ахматовой и Осипа Мандельштама. Ему же киевская молодежь была обязана открытием поэзии Иннокентия Анненского. Владимир Маккавейский, сын киевского профессора, был значительно моложе Лившица. Высокого роста, с огромным лбом, он очень походил на Бодлэра. Изысканно одетый, с самыми утонченными, даже несколько старомодными манерами, Маккавейский любил играть в дэнди. Дома он сидел в комнате, заставленной шкапами с книгами, в куртке "а ля Бодлэр", которая очень шла к нему, и писал стихи в толстой тетради своим вычурным, необычайным почерком. Редко можно было встретить человека столь разносторонне одаренного, как В. Маккавейский. На филологическом факультете он считался самым блестящим студентом, будущей знаменитостью. Его работа — "Тип сверхчеловека в мировой литературе" была награждена золотой медалью. Он в совершенстве владел четырьмя языками и столь же хорошо знал греческий и латинский. Эрудиция Маккавейского была огромна; он был прекрасным графиком. Поступив после окончания университета в артиллерийское училище, он стал прекрасным артиллеристом. Казалось невероятным: Маккавейский — артиллерист, но и к математике у него были необыкновенные способности, он сделал даже какое-то открытие в области баллистики и очень увлекался ею во время своей недолгой военной карьеры. Докладчиком, лектором и собеседником Маккавейский был неподражаемым. Короче — все в Киеве знали Маккавейского, его стихи, его лекции по вопросам искусства. Лишь две вещи являлись недоступными для Маккавейского: испытывать простые человеческие чувства и держать что-либо в секрете. Несмотря на свою молодость, он был взрослым, гораздо старше своих лет, без возраста. Он считал излишней всякую "душевность" и, вероятно, ничуть бы не изменил своего тона и голоса, если б на него обрушился мир. Впрочем, мир тогда рушился, а В. Маккавейский, так же изысканно одетый, с большим кожаным портфелем, с тростью, в модных желтых замшевых перчатках, ходил по улицам революционного Киева и думал о своем: "Я создан для книги и напишу много книг", — говорил он. Как-то в Киеве, в центре, в Липках, происходило очередное сражение. Пехотные юнкера стреляли из винтовок со стороны Мариинского парка, а гайдамаки наступали снизу по Александровской. Около парка у юнкеров бесполезно стояла пушка, из которой никто не стрелял; юнкерам приходилось плохо. В это время, не обращая внимания на выстрелы и всюду летавшие пули, проходил Маккавейский. — Почему вы не стреляете из пушки? — обратился он к юнкерам. Юнкера с досадой ответили, что никто из них не умеет обращаться с пушкой. — Я умею стрелять из пушки! — воскликнул Маккавейский. Он снял пальто, перчатки и котелок, передал ближайшему из юнкеров свой портфель и принялся за дело, указывая юнкерам, как помогать ему. Гайдамаки

были отбиты. — Теперь мне нужно идти дальше, в типографию, где печатается “Гермес”, литературный сборник под моей редакцией, — сказал он и ушел, совершенно безразличный к выражениям благодарности, к вопросам, кто он и почему так хорошо умеет обращаться с пушкой? <...> После падения гетмана и Петлюры, в начале 1919 г., в Киев вошли большевики. Кому-то из бывших деятелей Киевского Литературно-Артистического Общества пришла в голову мысль устроить в зале бывшей гостиницы “Континенталь” эстраду со столиками, для выступлений, — “Хлам”: художники, литераторы, артисты и музыканты. В это время в Киев съехалось много поэтов и писателей из Петербурга и Москвы, в надежде подкормиться в продовольственно более благополучном Киеве. <...> Однажды днем <...> я заметил единственного, кроме меня, посетителя. Невысокий человек, лет 35-ти, с рыжеватыми волосами и лысинкой, бритый, сидя за столом, что-то писал, покачиваясь на стуле, не обращая внимания на принесенную ему чашку кофе. “Поэт, решил я, но кто?”. В это время в “Хлам” вошел Маккавейский. Я поделился с ним моими наблюдениями. Решительный в таких случаях, с обычной своей изысканной любезностью, Маккавейский представился. — Осип Мандельштам, — последовал ответ незнакомца» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 10–14).

Мая 1 и 2. «1 мая днем. Церковный двор. Софийская пл. — 2 мая, вечер. У себя в “Континентале”. Киев. <...> В церковных дверях стоял старый священник — хмуро и сурово, но не зло смотрел на первомайские празднества. Вышел монах — молодой, бледный, и стал истово креститъ <...> толпу. За ним стоял псаломщик, высокий, добродушный. Тот смотрел изумительно добрыми, улыбающимися глазами на толпу. Мы вошли внутрь церковного двора (я и О. Э. (Мандельштам)). О<сип> Э<мильевич> сказал (показывая на церковные стены): “Поверьте, что всё это переживет всё”. <...> Вчера мы ездили в Лавру. Ездили безобразно, глупо, по-мальчишески — только так, чтобы проехаться и посмотреть пещеры. Таким ли я рисовал себе прежде это путешествие? О<сип> Э<мильевич> был в Лавре тоже, но на него Лавра произвела удручающее впечатление. Когда я спросил его — почему — он ответил: «Разве вы не видите, что здесь та же “чрезвычайка”, только “навыворот”. Здесь нет “святости”». Мне было больно это слышать, но зачем же тогда попадавшиеся нам монахи смотрели так враждебно на еврейские лица Осипа Эмильевича и особенно его брата — типичного еврея [Александра Эмильевича]? Ведь эти взгляды действительно далеки от “святости”» (*Дневник Рюрика Ивнева*. С. 396–397).

Мая 4. Заметка в хронике харьковского еженедельника «Театральный вестник» № 1/2 (1–4 мая): «Сданы в печать и в ближайшее время выйдут в свет сборники “Северные мастера” и “Весна в искусстве”. В них вошли произведения Н. Венгрова, О. Мандельштама, Б. Пастернака, Асеева, Г. Петникова, Б. Лившица <...>».

Мая 10. — Дата стихотворения «На каменных отрогах Пиэрии...» в публикации «Недели литературы и искусства» (см. Сентябрь, ст. стиль).

Мая до 14. В журнале «Москва» № 3 помещено стихотворение «Когда на площадях и в тишине келейной...». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 1. С. 403.

Мая 15(?). Письмо пианиста А. М. Дубянского к матери: «Во вторник ночевал у Изы Ханцин <...> Здесь О. Мандельштам» (*РНБ*. Ф. 1170. Ед. хр. 113).

♦ Из воспоминаний: «Первая моя встреча с О. Э. Мандельштамом состоялась в Киеве, в 1919 году. Сначала я встретилась с Н. Я. Хазиной, с семьей которой я очень дружила, — Осип Эмильевич появился позже. <...> Было в Киеве кафе, называвшееся ХЛАМ <...> там мы и познакомились с Мандельштамом. При первой встрече поразили его стихи, и внешность, и особенно чтение стихов» (Ханцин И. Д. Воспоминания о Мандельштаме / Публ. В. Швейцер // Вестник русского христианского движения. 1980. № 132. С. 142).

♦ Письмо Ю. П. Трубецкого — Г. П. Струве, 9 июня 1953 г. «Был такой эпизод: я зашел к О. Э. (он жил на углу Николаевской и Меринговской ул. — Киев) и пригласил его на маленький фестиваль у профессора-искусствоведа С. А. Гилярова — сына философа А. Н. Гилярова. О. Э. с радостью согласился. Видимо, он был просто голоден. Это и выяснилось. У проф. Гилярова был солидный ужин, и О. Э. с радостью накинулся на еду. Особенную честь он отдал сладкому. Потом охотно читал стихи. Я его пошел провожать. И если бы не я, вряд ли О. Э. дошел до дому. В ту пору по городу патрулировало [так!] ЧК. Я, во-1) имел некоторые документы и, во-2) знал все проходные дворы и мог своевременно увести О. Э. от нежелательного столкновения с чекистами. Это было после свержения гетмана и последующего отступления правительства Петлюры. Каким образом О. Э. добирался потом в Петроград и Крым — не знаю» (Новое лит. обозрение. 2009. № 100. С. 386. В статье Н. Богомолова «Что видно сквозь “железный занавес”»). См. также 1929, Января 26.

♦ Из письма Ю. К. Терапиано — Г. П. Струве, 25 февр. 1953 г.: «Не могу забыть, как на большом дневном собрании поэтов в Соловцовском театре, перед большой публикой, составленной, главным образом, из квалифицированной советской (поэты должны были выступать по поводу какого-то дня красной культуры), Мандельштам, не выносивший публичных выступлений и не обладавший для этого данными — голос его был слабым, он торопился, то слишком повышая, почти до крика, тон, то срываясь, переходя почти в шепот, с отчаянием, почти насильно вытолкнутый на эстраду, читал свои “Тристиа” и “На каменных отрогах Пиэрии”. Ему кричали: “Громче, ничего не слышно!” Он еще больше смущался, сбивался, начинал строфу снова — словом, “провалился” окончательно и, чтобы спасти положение, распорядитель — советский — громко объявил: “Товарищи,

простите, знаменитый поэт товарищ М<андельштам> не привык (!) к эстраде"» (Там же. С. 385).

Мая 23. Киев. А. Дейч встречает О. М. и Надю Хазину в «польской кофейне на паях». Пишет в дневнике о намерении Нади Хазиной повести О. М. на спектакль «Овечий источник» (*СМР* 3/2. М.: РГГУ, 2000. С. 146).

Июнь (?). Вышел № 5 харьковского журнала «Пути творчества» со статьей Бенедикта Лившица «В цитадели революционного слова». «В противоположность Петникову, у которого слово — растение, "поросль", "побег", слово О. Мандельштама замкнуто в самом себе, лишено способности органического роста, — обломок мертвой природы, подлинный "камень". Не словотворчество, но словоиспытание, непрекращающийся искус слова — вот что представляет собой поэзия Мандельштама.

"Что" — голова отяжелела, "Цо" — это я тебя зову... *

Что это, как не голова, немного склоненная набок, как бы прислушивающаяся к камертону, которым должно проверять каждый звук. Не новых слов ищет поэт, но новых сторон в слове, данном как некая завершенная реальность, — какой-то новой, доселе незамеченной нами, грани, какого-то ребра, которым слово еще не было к нам обращено. Вот почему не только "старыми" словами орудует поэт: в стихах Мандельштама встречаем целые строки из других поэтов, и это не досадная случайность, не бессознательное заимствование, но своеобразный прием поэта, положившего себе целью заставить чужие стихи зазвучать по-иному, по-своему. Всё творчество Мандельштама, построенное почти исключительно на эффекте разностного восприятия известной звуковой его величины (отдельного слова или целого предложения), рассчитано, таким образом, на весьма узкий круг лиц, способных принять игру ощущений, предлагаемую этим безусловно интересным, но упадочным поэтом».

Июля 17. В петроградской газете «Жизнь искусства» — рецензия В. А. Рождественского на книгу А. Тамамшева «Грозовый день». «Говориться должно только важное и только тоном глубочайшей убежденности. Читатель — это собеседник, для которого каждое слово на счету, и если он отходит равнодушным — виноват поэт, не сумевший убедить, не логикой, конечно, а непосредственным волнением, которое нельзя не почувствовать, если оно не затаено в стихах. Так, приблизительно, представлял себе теорию о "поэте и собеседнике" О. Мандельштам, лет семь-восемь тому назад на страницах "Аполлона". Голос его остался почти одиноким, и большинство молодых поэтов продолжают говорить в пространство».

Августа 31/18. Киев взят войсками Добровольческой армии.

♦ Из воспоминаний: «Нам пришлось видеть из другого окна [квартиры Хазиных], выходившего на городскую думу, как

* Из стихотворения «Твое чудесное произношенье...».

разъяренная толпа после прихода белых ловила рыжих женщин» (*Вторая книга*. С. 24).

Август, 20-х чисел начало (ст. стиля). Отъезд из Киева в Феодосию через Харьков и Ростов-на-Дону.

♦ «Приход белых, отъезд в актерском вагоне — Харьков, Коктебель» (*Биоканва*. С. 954).

♦ Из воспоминаний: «Я не поехала с Мандельштамом в Крым, но не потому, что поверила словам Эренбурга. Он собрался в несколько минут, воспользовавшись неожиданной оказией — на Харьков отправляли специальный вагон с актерами» (*Вторая книга*. С. 24). О вероятном маршруте поездки см.: Мец А. Г. Мандельштам в Ростове-на-Дону // Звезда. 2014. № 9. С. 217–218.

Сентября 1–7 ст. стиля. В № 1 киевской еженедельной газеты «Жизнь» помещен «Фрагмент» («Всё чуждо нам в столице непотребной...»). О. М. назван также в списке сотрудников газеты.

Сентября 15/28. Письмо Сергея Эфрона — М. Волошину из Бусалака (близ Старого Крыма) в Коктебель: «Передай Мандельштаму, что я на него сердит за обман. Все его женские слабости остались в силе» (Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. М.: «Эллис Лак», 1999. С. 278).

Сентября 17/30. Письмо от Надежды Хазиной из Киева в Крым. «От вас ни единого слова уже три недели» (*ПССиП*. Т. 3. С. 604–605).

Сентября 18/31. Посылает телеграмму в Киев Надежде Хазиной, см. Октября середина (ст. стиль).

Сентября 27 / Октября 10. Письмо С. Эфрона — М. Волошину из Новороссийска в Коктебель: «...шуба Осипа Эмильев<ича> находится у Александры Михайл. [Петровой]» (Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. М.: «Эллис Лак», 1999. С. 279).

Сентябрь (ст. стиль). В киевском еженедельнике «Неделя литературы и искусства» № 1 помещено стихотворение «На каменных отрогах Пиэрии...» с датой: 10 мая.

Сентябрь. В Тифлисе вышел № 6 журнала «Орион» со стихотворением «Виноград» («Золотистого меда струя из бутылки текла...»).

Сентября конец — Октября начало (ст. стиль). Письмо от Надежды Хазиной из Киева в Крым. «Только что звонил Илья Григ<орьевич> и сказал, что мы сможем ехать в четверг. Если удастся, я выеду в Харьков и в Харькове буду ждать инструкц<ии>, ехать ли в Крым или ждать вас в Харькове» (*ПССиП*. Т. 3. С. 605).

Октября начало (ст. стиль). Письмо от Надежды Хазиной из Киева в Крым. «Вы пишете, что собираетесь в Киев, — зачем? Отчего можете уехать из Крыма? В Киеве скверно <.....> и дорого, и ходят рассказы о крымских рад<остях>. Я всё время собиралась уехать к Вам, но вначале была возня с пропуском [и] вагоном <...> никак не могу без Вас. Приезжайте в Киев» (*ПССиП*. Т. 3. С. 605).

Октября 8/21. Письмо М. П. Кудашевой — М. А. Волошину из Новочеркасска: «Пра [Е. О. Волошину] попроси Мандельштама

выставить с низа, а то он не съедет оттуда, а я его не хочу» (*В Киммерии*. С. 194).

Октября середина (ст. стиль). Письмо от Надежды Хазиной из Киева. «Милый дружок! Получила 13 октября телеграмму, отправленную 18 сентября. Здесь холодно и очень беспокойно. Страшно волнуюсь, как вы проедете. Здесь ходят всякие страшные слухи о дороге, я очень трушу и волнуюсь» (*ПССиП*. Т. 3. С. 606).

Октября 16/29. В. В. Вересаев в письме к Н. А. Марксу из Коктебеля сообщал, что Мандельштаму «также запрещен его вечер» (*В Киммерии*. С. 194).

Октябрь(?). В Киеве вышел альманах «Дальние окна» (изд-во «Северные долины») с посвященным О. М. стихотворением Р. С. Скоморовского «И только нам удел Дамокла...».

Ноября 5/18. Письмо М. Волошина — Л. Гроссману (в Одессу): «Дом наш полн: с нами зимует одна моя давнишняя приятельница: французская поэтесса (очень талантливая — Майя), теперь княгиня Кудашева (с семьей), Ася Цветаева (сестра Марины). Пока живет Мандельштам, но скоро собирается ехать в Одессу» (*Волошин 2013*. С. 268).

Ноября 10/23. Феодосия. Вышел № 2 журнала «К искусству» со стихотворениями «Меганон» и «Образ твой, мучительный и зыбкий...», а также с посвященным О. М. стихотворением А. Цыгальского «Не верю!» (*В Киммерии*. С. 195). Здесь же объявление: «Сегодня 10-го в помещении “Чашки Чая” состоится первый исполнительный вечер Литер. Арт. Кружка», среди участников указан О. М. (сообщено В. П. Купченко).

Ноября 25 / Декабря 8. Письмо М. Волошина — В. Згуриди. «Спасибо за присланные стихи и за доверие. В них есть вкус к форме. Это хорошо, но его надо обострять и углублять. Просмотрите с точки зрения формы нескольких последних поэтов: Софию Парнок, Мандельштама, Марину Цветаеву. В них есть новые завоевания, которые необходимо знать» (*Волошин 2013*. С. 291–292).

Ноябрь — Декабря начало (ст. стиля). Жил 5 недель в Феодосии (см. Декабря 5/18). Из воспоминаний Э. С. Гурвич: «Приехал он тогда в Феодосию с братом Александром, ходили оба в красных рубахах, загорелые (на чтении Осип был одет хорошо, в модном пиджаке). В то время в Феодосии находились И. Эренбург, Г. Шенгели с женой, бывали у нас в доме. На главной улице, Итальянской, была немецкая кондитерская Реслера — большие стеклянные окна, интерьер в шоколадно-бежевых тонах. Ее облюбовал Осип, подолгу сиживал там и пил какао с пирожными. Этой привычке не изменил и тогда, когда впал в нужду. Просил “взаймы” у богатых караимов, приговаривая: “На том свете припомнится вам, что вы не помогли великому поэту”» (Гурвич Э. Что помнится // *СМР* [1]. М., 1991. С. 39).

Декабря 5/18. Письмо к Надежде Хазиной из Феодосии в Киев. «Я уже 5 недель в Феодосии. Шура [А. Э. Мандельштам] всё время

со мной. <...> Не могу себе простить, что уехал без тебя» (*ПССиП*. Т. 3. № 35).

♦ Из воспоминаний Э. Миндлина: «Мы познакомились в подвале “Флака”. Беря за пуговицу или под руку, он уводил собеседника в угол и, смотря в упор влажными сияющими глазами, выпячивал нижнюю губу и читал нараспев:

На каменных отрогах Пиэрии
Справляли музы первый хоровод...

<...> У него бывали мечты о Золотом Роге, о путешествии. Однажды он говорил, что скоро у него будет много денег и мы съездим с ним на Босфор или к греческим островам... О, разумеется, это был всё тот же эллинский остров Саламин или Лесбос... эллинские циклады... И он верил, что деньги будут. Кто-то из его экзотических меценатов, чтоб не унижать его прозой подачки, предложил ему какое-то “дело”. И, разумеется, Мандельштам не разобрал, какое именно дело — кофе или пшеница, апельсины из Яффы или греческие маслины. Одним словом, что-то напоминающее о скрипе мачты бегущего по волнам и, конечно (как же иначе?), парусного судна! И вдруг этот рассказ о прибыльном коммерческом деле перебивался певучей новорожденной строкой... Ах, да! Так вот — это дело. Мандельштаму надо сходить к дельцу тому-то (но, впрочем, можно и не ходить — именно так и сказал меценат: можно и не ходить!) и передать ему от имени мецената то-то и то-то. Но можно и не передавать — так сказал меценат! И за то, что он, Мандельштам, пойдет (или не пойдет, это не имеет значения) и передаст то-то и то-то (или даже не передаст, это решительно всё равно!), меценат вознаградит Мандельштама за оказанную услугу. И даст еще и еще, когда “дело”, которому так помог Мандельштам, сладится к удовольствию и прибыли мецената!» (*Необыкновенные собеседники*. С. 90–91).

Декабрь. Красная армия вновь берет Харьков 12-го (29 нояб.) и Киев 16/3. Ростов был взят 10 янв. 1920 (28 дек. 1919).

1920

Января 13/26. В газете «Одесские новости» — статья Г. Шенгели «Назад к Пушкину»: «Лозунг: “Назад к Пушкину” должен стать нашим, как стал он лозунгом недавно зародившейся школы современного классицизма, в которую вошли Мандельштам, Ходасевич, С. Соловьев и др., в которую жаждут войти Блок и Вяч. Иванов, как убеждают в том их “Возмездие” и “Младенчество”».

Января 22 / Февраля 4. В газете «Крымская мысль» — анонс «вечера поэзии Мандельштама» на 24 янв. (*Купченко 1994*. С. 85).

Января 24 / Февраля 6. Феодосия. «24 января состоялся вечер поэта О. Э. Мандельштама. После вступительного слова, сказанного [А. С.] Соколовским, Мандельштам читал свои новые и лучшие

произведения» (Крымская мысль, 28 янв. Цитируется по: *В Киммерии*. С. 195).

Января 25 / Февраля 7. Красная армия взяла Одессу и захватила большое количество пленных и трофеи (*Труды и дни Волошина*. С. 94).

Февраля 27 / Марта 11. Участвовал в исполнительском вечере ФЛАКа. «В своем новом стихотворении О. Мандельштам явился художником с неожиданными для него роскошными красками, строгой пышностью образов, обычной для него глубиной и столь характерной "умственностью" замысла» (Э. М<индли>н. Во «Флак'е» // Крымская мысль, 1 марта. Цит. по: *Купченко 1994*. С. 86).

Марта 7/20. В газете «Крымская мысль» — «анонс нового литературного альманаха, выходящего под маркой издательства "Киммерика"». В числе участников назван О. М. (*Купченко 1994*. С. 87).

Марта 12/25. В Петрограде родилась племянница О. М. — Наталья (Тата), дочь Евгения Мандельштама.

Марта 14/27. Сообщения газет о прибытии 11 пароходов с беженцами из Одессы и других районов, занятых большевиками; о переполнении Феодосии (*Труды и дни Волошина*. С. 96).

Марта 14/27. По материалам газеты «Крымская мысль» (№ 59 и 60), в этот день во ФЛАКе состоялся вечер «Богема» с участием О. М. (*Купченко 1994*. С. 87).

Марта 22 / Апреля 4. П. Н. Врангель сменил А. И. Деникина на посту главкома вооруженными силами на юге России.

Зима — весны начало (?). Живет в Феодосии у большевика И. З. Каменского (Леонида Придорожного). По его воспоминаниям, «когда в Феодосии начались аресты, я вынужден был намекнуть ему, что у меня опасно» (*В Киммерии*. С. 197).

Март. «Мандельштам возвращается из Феодосии в Коктебель и живет на даче Харламова. Влюбившись в Майю Кудашеву (без взаимности), несколько раз приходит к ней в дом Волошиных» (*Труды и дни Волошина*. С. 96).

Март. — Дата стихотворения «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» и помета «Коктебель» в альманахе «Ковчег» (*ПССиП*. Т. 1. С. 567–568).

Март(?). Вышел № 6/7 (янв.–февр.) харьковского журнала «Пути творчества» со стихотворением «Черепаха» («На каменных отрогах Пиэрии...») и статьей «Государство и ритм».

Апреля 6/19. В Феодосии вышел альманах «Ковчег» со стихотворениями О. М. «Только детские книги читать...», «Когда, соломинка, ты спишь в огромной спальне...» (2-частный цикл), «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», «Среди священников левитом молодым...», «Зверинец». Источник даты: Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб.: «Феникс»; «Atheneum», 1992. С. 412 (в статье: Купченко В. П. С. Я. Парнок и М. А. Волошин).

Апреля 22 / Мая 5. В петроградском Доме искусств — доклад Н. А. Оцупа «Перелом современной поэзии». «Он сосредоточил свое

внимание на оппозиции символизма и акмеизма. <...> [Группа акмеистов] единственно оказалась художественно подготовленной к надвигающейся буре войны и революции. <...> Были прочитаны стихи Н. Гумилева, Анны Ахматовой, О. Мандельштама и Зенкевича. <...> В диспуте приняли участие: А. Белый, Н. Гумилев, В. Пяст и И. Рукавишников» (Жизнь искусства. 28 мая. Подписано: Р.).

Апреля 22–24 / Мая 5–7. Коктебель. Подпольный съезд большевистских организаций Крыма. 7 мая — облава полиции (Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. Симферополь, 1958. С. 108; *Труды и дни Волошина.* С. 98). Об этом О. М. упоминал в своих рассказах по возвращении в Петроград, см. Октября около 6.

Мая 10/23. В газете «Киевский день» сообщение: «В ближайшем будущем [издательством "Летопись"] намечены к выпуску следующие издания, права на кои приобретены были уже ранее: "Камень", книга стихов О. Мандельштама, куда войдут многие новые стихотворения автора периода 1914–1919 г.».

Мая 24. В феодосийской однодневной газете «День журналиста» — анонс нового «исторического литературно-общественного» журнала «Пережитое». Ред.-изд. Г. А. Козловский. Среди принимающих участие — О. М.

Лето. Написано стихотворение «Дом Актера» («Актер и Рабочий») (*Необыкновенные собеседники.* С. 97–98).

Июня вторая половина. Приехавший в отпуск в Коктебель Сергей Эфрон «рассказывал несколько часов о белой армии, о страшном ее разложении» (Соммер Я. Записки // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб.: «Атенеум»; «Феникс», 1994. С. 146).

Июнь (?). «По просьбе О. Мандельштама [Волошин] идет с ним на дачу Харламова, чтобы защитить его от пьяного казацкого есаула, вознамерившегося арестовать "жида". (Дело было окончательно улажено в Феодосии А. Цыгальским)» (*Труды и дни Волошина.* С. 100).

Июль, не позднее 14/27. Феодосия. Письмо М. Волошина — А. А. Новинскому (копия): «Дорогой Александр Александрович, у меня к тебе две просьбы: первая — достать, как ты сам мне предложил, лекарства. <...> А другая просьба вот: Александр Мандельштам, по поручению своего брата, украл у Майи экземпляр "Камня" (книга стихов Ос<ипа> Э<мильевича>), причем нагло сказал об этом самой Майе: "Если хотите, расскажите: брат не хочет, чтобы его стихи находились у М. А., т<ак> к<ак> он с ним поссорился". <...> Я узнал об этом, к сожалению, слишком поздно — он уехал к Осипу, и они едут в Батум. Окажи мне дружескую услугу: без твоего содействия они в Батум уехать не могут: верните книгу, а потом уезжайте, не иначе. Мою библиотеку Мандельштам уже давно обкрадывал, в чем сознался: так, в свое время он украл у меня итальянского и французского Данта. Я это выяснил только в этом году. <...> P. S. Только

что выяснилось, что Мандельштам украденную книгу подарил Люб<ови> Мих<айловне> Эренбург, которая мне ее возвращает, так что моя вторая просьба естественно падает. А о первой очень прошу тебя» (*Волошин 2013*. С. 320). Датируется по нижеследующему письму О. М. В своих мемуарах М. А. Волошин вспоминает существенные детали этой истории: «Случилось, что Новинский получил это письмо за завтраком, и М<андельшта>м, завтракавший с ним вместе, прочел его. Искренно возмутился и был по-своему прав: похитил со стола у Майи книжку не он, а Эренбург» (*Волошин 2008*. С. 425).

Июля 15/28. Феодосия. Письмо к М. А. Волошину. «Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я “давно уже” обкрадываю вашу библиотеку и, между прочим, “украл” у вас Данта, в чем “сам сознался”, и “выкрал у вас через брата свою книгу”. Весьма сожалею, что вы вне пределов досягаемости и я не имею случая лично назвать вас мерзавцем и клеветником» (*ПССиП*. Т. 3. № 36).

Июля около 18–22 ст. стиля — Августа 1/14. Феодосия. Арестован на основании «основательного подозрения в принадлежности его к партии коммунистов-большевиков» (постановление Начальника Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего В. С. Ю. Р. от 22 июля / 4 августа (*СМР* 4/1. С. 139. Публ. и примеч. В. Зарубина). Освобожден 1/14 авг. постановлением того же должностного лица, при этом указано, что подозрение на О. М. пало «в принадлежности к партии большевиков-коммунистов и в участии его в деятельности чрезвычайной комиссии этой партии в г. Феодосии» и что «подозрение это подтверждения не получило» (Там же. С. 140).

♦ Из воспоминаний Э. Миндлина: Майя Кудашева в Феодосии узнает об аресте О. М. и сообщает об этом Миндлину. Идут в Коктебель, вместе с И. Эренбургом побуждают М. Волошина обратиться в контрразведку Добровольческой армии с ходатайством об освобождении. Волошин пишет заявление, см. Июля 20-е числа ст. стиля (*Необыкновенные собеседники*. С. 31–35).

♦ Из воспоминаний И. Эренбурга: «Я говорил, что, когда врангелевцы арестовали Осипа Эмильевича Мандельштама, Волошин тотчас отправился в Феодосию. Вернулся он мрачный, рассказал, что белые считают Мандельштама опасным преступником, уверяют, будто он симулирует сумасшествие: когда его заперли в одиночку, он начал стучать в дверь, а на вопрос надзирателя, что ему нужно, ответил: “Вы должны меня выпустить — я не создан для тюрьмы”... На допросе Осип Эмильевич прервал следователя: “Скажите лучше, невинных вы выпускаете или нет?..” Я понимаю, что в 1919 году в контрразведке такие слова звучали фантастически и что белый офицер мог принять их за симуляцию душевного заболевания: но если задуматься, забыть о тактике, даже о стратегии, то разве не было в поведении Мандельштама глубоко человеческой правды? Он не пытался доказать палачу свою невиновность, откровенно спросил — стоит ли ему

вообще разговаривать; он сказал тюремщику, что “не создан для тюрьмы”, это ребячливо и в то же время мудро. “Не по времени”, — печально заметила Пра» (*Люди, годы, жизнь*. С. 95).

Июля 20-е числа (ст. стиля). Заявление М. А. Волошина «Начальнику Политического Розыска г-ну Апостолову». «Политическим розыском на этих днях арестован поэт Мандельштам. <...> Ос. Мандельштам является одним из самых крупных имен в последнем поколении русских поэтов <...> за его духовное здоровье перед культурной публикой в конце концов будете ответственны Вы» (*Слово и судьба*. С. 182–183. Примеч. 24).

♦ Из воспоминаний Э. Миндлина: Майя Кудашева вместе с В. В. Вересаевым отвозит заявление Волошина начальнику контрразведки (*Необыкновенные собеседники*. С. 35; *Волошин 1990*. С. 303).

Августа 2/15. Письмо М. Волошина к П. Б. Струве: «2 недели назад арестован феодосийской контрразведкой известный поэт О. Мандельштам. Вы, конечно, помните его и его стихи по “Аполлону”, “Цеху Поэтов” и другим эстетским кругам. Вместе с Ахматовой он является самым талантливым представителем последнего поколения петерб<ургских> поэтов. Он арестован по обвинению в большевизме — обвинению нелепому, т<ак> к<ак> никогда никакими политическими убеждениями не обладал, а настроения его менялись ежеминутно. В нормальное время, конечно, этот арест разрешился бы сам собою. Но Вы знаете, что представляют из себя теперешние тюрьмы и контрразведки, куда Врангелевские реформы проникают медленно и туго. Мандельштам человек крайне нервный и панический, и уже через несколько дней он был переведен в психиатрич<еское> отделение тюрем<ной> больницы. Так что даже простое предварител<ьное> заключение для него может кончиться душевным заболеванием. За то, что он никакого отношения к коммунизму не имеет и в жизни никакой партийной политической работой не занимался, я могу Вам безусловно поручиться. Я думаю, что одного Вашего слова, Петр Бернгардович, достаточно было бы, чтобы его освободили на поруки, или ускорили бы производство следствия, т<ак> к<ак> обвинение до сих пор никак не формулировано» (*Волошин 2013*. С. 323–324. См. также беловой вариант на с. 324–325).

Августа 19 / Сентября 1. В «Известиях Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов» — статья С. Городецкого «Лазарь, выходи из гроба!». Цитирует обращенное к нему открытое письмо «известного поэта» (подразумевался Н. Гумилев) в связи с предшествующей в той же газете статьей Городецкого «Разложение интеллигенции». «Наконец выдвигается тяжелая артиллерия: Мандельштам, как образец поэта, творящего “ценности вечные”. Получше-то не нашлось? Но пример не важен. <...> Мандельштам (идеал поэта) творит только “вечное ”. “Он — свой во всех временах и пространствах”. “Двенадцать” Блока не то чудо, не то случай. А попробуй, поскобли эту “вечность”, и вылезет из-под нее саботаж».

Сентября около 7 / Августа около 25. Переезд из Феодосии в Батум «за неделю» до приезда бельгийского политического деятеля Э. Вандервельде на пароходе «Ллойд Триестино» («Меньшевики в Грузии» — *ПССиП.* Т. 3. С. 40). См. Сентября 14.

♦ Из очерка «Возвращение»: «Пять суток плыла азовская скорлупа по теплому соленому Понту, пять суток на карачках ползали мы через палубу за кипятком, пять суток косились на нас свирепые дагестанцы: — Ты зачем едешь? — У меня в Тифлисе родные. — А зачем они в Тифлисе? — У них там дом. — Ну, ничего, поезжай, всяк человек свой дом имеет. На, пей, — и протягивал стаканчик с каким-то зверобоем, от которого делались судороги и молния раздирала желудок. Вечером на пятый день пришли в Батум, стали на рейде. Город казался расплавленным и раскаленным. <...> На другой день отправились получать паспорта, чтобы всё было в порядке. На самой чистенькой улице, где пахнет порядочностью, где остролистые тропические деревья стесняются, что они растут не в кадках, нас принял любезный комиссар и осведомился о наших намереньях. Мне показалось, что мы очаровали друг друга непринужденной искренностью и доброжелательством. Он вникал во всё, беспокоился, не потеряюсь ли я без друзей в чужой стране. Я старался его успокоить — у меня есть в Грузии друзья: называю простодушно Сергея Городецкого — он очень обрадовался, как же, как же, мы его знаем, мы его недавно выслали из Грузии; называю еще одно имя, кажется, Рюрика Ивнева, — он опять радуется: оказывается, они его тоже знают и тоже выслали. "Теперь, говорит, — вам осталась одна маленькая формальность — получить визу генерал-губернатора, это совсем близко, вам сейчас покажут дорогу". Пошли к губернатору, а у проводника карман оттопырен, — кто из нас был поопытнее, сразу оценил эту подробность, — этот карман означал как бы инкубационный период лишения свободы, но мы шли навстречу неизвестности с чистым и невинным сердцем. К генерал-губернатору нас провели без очереди, и это был дурной знак. Он похож на итальянского генерала: высокий и сухопарый, в мундире с стоячим воротником, расшитым какими-то лаврами. Вокруг него тотчас забегали, закудахтали, залопотали люди неприятной наружности. <...> О тюрьмы, тюрьмы! Узилища с дубовыми дверями, громыхающими замками, где узник кормит и дрессирует паука и карабкается на амбразуру окна, чтобы выпить воздуха и света в маленьком крепком окошке; романтические тюрьмы Сильвио Пеллико, любезные хрестоматиям, с переодеванием, кинжалом в хлебе, дочерью тюремщика и визитами священника; милые упадочно-феодальные тюрьмы Франсуа Виллона, — тюрьмы, тюрьмы, все вы нахлынули на меня, когда захлопнулась гремучая дверь и я увидел следующую картину: в пустой и грязной камере по каменному полу ползал молодой турок, сосредоточенно чистил все щели и углы зубной щеткой. Ему очень не понравилось, что мы пришли и помешали ему, и он пробовал нас выгнать, хотя это было

совершенно невозможно. Здесь мы должны были ждать парохода, который доставит нас в Крым» (*ПССиП*. Т. 3. С. 34–38).

♦ Из очерка «Меньшевики в Грузии»: «Я вышел в город за хлебом, с спутником-конвойным. Его звали Чигуа. Я запомнил его имя, потому что этот человек меня спас. Он сказал: — У нас два часа времени, можно хлопотать, пойдем куда хочешь. — И таинственно прибавил: — Я люблю большевиков. Может, ты большевик? Я, оборванец каторжного вида, с разорванной штаниной, и часовой с винтовкой ходили по игрушечным улицам, мимо кофеен с оркестрами, мимо итальянских контор. Пахло крепким турецким кофе, тянуло вином из погребов. Мы заходили, наводя панику, в редакции, профсоюзы, стучались в мирные дома по фантастическим адресам. Нас неизменно гнали. Но Чигуа знал, куда меня ведет, какой-то человек в типографии всплеснул руками и позвонил по телефону. Он звонил к гражданскому генерал-губернатору. Приказ: немедленно явиться с конвойным. Старый социал-демократ смущен. Он извиняется. Военная власть действует независимо от гражданской. Мы ничего не можем поделать. Я свободен. Могу курить английский табак и ехать в Москву» (*ПССиП*. Т. 3. С. 43).

♦ Из воспоминаний Н. Мицишвили: «В 1919 году* летом в Батум приехал из Крыма известный русский поэт Осип Мандельштам. Приехал он на маленьком пароходе в числе десяти каких-то сомнительных пассажиров. Все они были арестованы береговой охраной. В те времена я и поэт Тициан Табидзе жили в Батуме. Как-то раз на улице настигает нас какой-то старичок, останавливает и говорит, что он старшина местной еврейской общины, и справляется — известен ли нам поэт Мандельштам. Мы ответили, — да, известен. — Если так, — сказал старик, — поэты должны помочь поэту: Мандельштам арестован и сидит в Особом отряде. Мы пошли в Особый отряд. Нам сказали, что среди арестованных на самом деле есть какой-то Мандельштам, но невозможно, чтоб этот был наш знакомый: такой уж он непоэтичный на вид. Самого Мандельштама нам не показали, и мы, усомнившись в правильности подхода к поэзии со стороны Особого отряда, отправились к генерал-губернатору Батумской области. — Посмотрим, что это за человек, — ответил он и тотчас же распорядился по телефону доставить Мандельштама к нему. Доставили...

Входит низкого роста, сухопарый еврей — лысый и без зубов, в грязной, измятой одежде и дырявых шлепанцах. Вид подлинно библейский. Губернатор взглянул на него и обратился к нам по-грузински: — Я думал, в самом деле какой-нибудь такой... а этот! На него дунуть — улетит. Нашли тоже опасного человека. Затем усадил его, дипломатически выяснил, что он действительно поэт Мандельштам, и вежливо извинился. Мандельштам, как воробей, присел на край стула и начал рассказывать. <...> “От красных бежал в Крым. В Крыму

* Год указан автором ошибочно, правильно — 1920.

меня арестовали белые, будто я большевик. Из Крыма пустился в Грузию, а здесь меня приняли за белого. Какой же я белый? Что мне делать? Теперь я сам не понимаю, кто я — белый, красный или какого еще цвета. А я вовсе никакого цвета. Я — поэт, пишу стихи и больше всяких цветов теперь меня занимают Тибулл, Катулл и римский декаданс...”» (Мицишвили Н. Пережитое. Тбилиси, 1963. С. 164–166).

♦ Письмо Я. З. Черняка* — Н. Мицишвили, без даты (ок. 1932): «Забыл упомянуть, что на днях говорил случайно с поэтом Мандельштамом, который рвет и мечет по поводу строк, посвященных ему в Вашей книге. Особенно волновался Мандельштам из-за ваших “цветовых” характеристик (“...а я не белый и не красный...”) — и требовал, чтобы я устранил их из рукописи. Я ему, разумеется, указал, что редактор не вправе вносить такого рода изменения, что редактор обязан вмешаться лишь в тех случаях, когда мемуарист искажает исторически бесспорные даты и т. д. Моим резонам Мандельштам, к сожалению, не внял — так что ждите от него грозного послания, смертоносное действие которого может быть ослаблено разве только тысячекилометровым расстоянием, отделяющим Вас от пылкого и по-африкански темпераментного поэта» (*РГАЛИ*. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7122. Л. 209–209 об.).

♦ Из воспоминаний Н. Мандельштам: «Ошибся Эренбург и насчет роли грузинских поэтов при освобождении Мандельштама из грузинской портовой тюрьмы. Грузинские поэты действительно пришли в портовый участок, где содержался Мандельштам с братом. Они предложили моментально освободить Мандельштама, поручившись за него, но отказались помочь брату Александру: кто его знает, кто он... (Иначе говоря, они не приняли поручительства Мандельштама за брата.) На таких условиях Мандельштам выйти отказался. Грузины уехали из Батума, позабыв обо всем. Спас случай: конвоир Чагуа, который принял Мандельштама за большевика... Кое-какую роль грузинские поэты, может, и сыграли, если гражданский губернатор от них узнал про Мандельштама и потому выпустил его. Сейчас проверить этого нельзя, потому что все участники успели погибнуть» (*Вторая книга*. С. 78).

Сентября 12. Тифлисская газета «Слово» сообщила: «Прибыл из Феодосии поэт Ос. Мандельштам. Вследствие недоразумений с визой О. Мандельштам некоторое время находился под арестом».

Сентября 14. В Батум прибыл пароход «Франц Фердинанд» компании «Триестинский Ллойд» с делегацией в составе: Рамзей Макдональд, мистрисс Сноуден, француз Марке, Эмиль Вандервельде, Прибыли также Камиль Гюисманс, Томас Шоу, Ренодель, Энгельс, секретарь Каутского Ольбергитт. На следующее утро делегация отправилась в Тифлис. Каутский заболел гриппом и остался в Риме; он прибыл 28 сент. (Слово. Тифлис, 1920. 15 и 30 сент.).

* Я. З. Черняк — редактор книги Н. Мицишвили «Пережитое».

Сентября 16. Вечер О. М. в Батумском ОДИ (Обществе деятелей искусства). «...Это имя всегда с любопытством встречал на страницах журналов искатель прекрасного, а в предреволюционные годы оно приобрело широкую известность в публике обеих северных столиц. Мандельштам — весь форма и мысль, сгущенная до плотности бронзы. Свод — тяжесть, победившая самое себя, — служит эмблемой его творчества. Недаром последняя книга его называется "Камень". Стиль его стар, как пирамида. От спекулянтской (на Бога и на революцию) поэзии наших дней он тянется, минуя символизм с его "la musique avant toute choses"* к архитектурности и простоте, к "Анчару" Пушкина. И еще дальше: к тому египетскому каменотесу, который выбирал для своих статуй непременно самый твердый материал, чтобы, не нарушая его глыбкости, придать ему то сильные, то нежные, но всегда простые формы. Таков Мандельштам. В наши дни, когда души вброшены в тигель революции более разрушительной, чем думают сами его деятели, тугоплавкие образы Мандельштама неизменно успокоительны. Они за порогом аполлонической красоты» (Эхо Батума. 1920, № 61. 16 сент. Подписано: Ъ. Цит. по: *Что вдруг.* С. 510–511. Дата вечера и заметки исправлена согласно *Заметкам об акмеизме.* С. 35.

♦ Из отчета: «...Вступительное слово И. Зданевича представляло собою "non multa sed multum"**: Поэзия О. Мандельштама, одного из лучших представителей петербургской поэтической школы акмеистов, прежде всего обращает внимание своей музыкальностью. Природа музыкальности лежит в долготе звука, которой так мастерски оперирует поэт в своих стихах. Внимание поэта покоится исключительно на гласных — согласные в пренебрежении. Отсюда, заключает И. Зданевич, поэтическая концепция Мандельштама уподобляется геометрическим построениям, абстрактность которых также совпадает с содержанием его поэзии. Н. В. Макридин в своем несколько затянувшемся слове поделился с публикой своими мыслями о той школе, к которой принадлежит поэт, и привел длинный ряд деталей из стихов О. Мандельштама, которые, по мнению докладчика, характерны для поэта.

Поэт О. Мандельштам выступил с чтением своих стихов в двух отделениях. В первом он читал стихи, вошедшие в его книгу "Камень" (Петроград, 1916), а во втором — позднейшие стихи. Читка стихов у поэта очень своеобразна. Когда поэт читает, он отдается только мерности, только ритму. Точно далькрозовское упражнение. И логические ударения, и значимость слов, и словесная инструментовка стиха — всё приносится в жертву ритму. В этом, правда, своеобразие, но и значительная потеря красот собственной поэзии. Переполненная аудитория студии очень внимательно слушала поэта и наградила его

* «Музыки прежде всего» (*франц.*) — начало стихотворения П. Верлена.

** Не много, но многое (*лат.*).

аплодисментами» (Батумская жизнь. 1920, № 63. 18 сент. Подпись: В. З<даневич>. Цит. по: *Что вдруг.* С. 511).

Сентября 17. Петроградская газета «Жизнь искусства» поместила заметку Н. Оцупа «Собеседник». «Проезжая через город М., я вызвался прочесть лекцию и стихи. <...> Местный театр был переполнен, видимо потому, что последний литературный вечер в городе М. был ровно шесть лет тому назад. Когда я дошел до середины сообщений об "измах", и "силы" (местные актеры. — *А. М.*) "с выражением" зачитали стихи <...> я понял, что с эстрады преподносится не то, что нужно, и что передо мной в лице "гнилой провинции" пропадает тот настоящий собеседник, о котором когда-то мечтал О. Мандельштам. К этому собеседнику нужно было обратить не "антологию", а что-либо цельное и законченное, некий лирический кулак».

Сентябрь, между 17 и 22. Отъезд из Батума в Тифлис.

Сентябрь, после 22/9. В Севастополе вышел альманах «Обвалы сердца» (дата цензурного разрешения 9 сент.) со стихотворениями «В горячке соловьиной» («Что поют часы-кузнечик...») и «Меганон».

Сентября 26. Тифлис. В газетах анонсы вечера О. Мандельштама и И. Эренбурга в консерватории. Из программы: Гр. Робакидзе. Слово о новой русской поэзии. И. Эренбург — доклад «Искусство и новая эра» и стихи из книг «Огонь» и «Новые зори». О. Мандельштам — стихи из книги "Камень" и новые стихи. 4. Н. Ходотов. Стихи О. Мандельштама и И. Эренбурга (Слово, 24 сент.; Борьба, 26 сент.).

♦ Из воспоминаний И. Эренбурга: «Бывают все-таки в жизни те счастливые случайности, на которые иногда ссылаются писатели, приклеивая к безвыходной истории благополучнейшую развязку. Навстречу нам по Головинскому проспекту шел Осип Эмильевич Мандельштам. Мы обрадовались ему, он — нам. Он уже чувствовал под ногами почву и деловито сказал: "Сейчас мы пойдем к Тициану Табидзе, и он нас поведет в замечательный духан..." Мандельштам рассказал нам о своих злоключениях. В Батуми опасались эпидемии чумы, и квартал, в котором нашли комнату Осип Эмильевич и его брат, был оцеплен. Мандельштам гадал, от чего он умрет: от романтической чумы или от вульгарного голода. Его размышления были прерваны меньшевистскими охранниками, которые отвели Осипа Эмильевича в тюрьму. <...> Случайно в Батуми приехали грузинские поэты и прочитали в газете, что "двойной агент Осип Мандельштам" выдает себя за поэта. Они добились освобождения Осипа Эмильевича.

Рассказав всё это, Мандельштам не стал философствовать над особенностями эпохи, а повел нас к Тициану Табидзе, который восторженно вскрикивал, обнимал всех, читал стихи, а потом побежал за своим другом Паоло Яшвили. Мы обомлели, увидав на столе духана различные яства, о существовании которых успели давно позабыть. <...> На следующее утро я пошел с Мандельштамом

в советское посольство. Нас ласково приняли, обещали переправить в Россию; придется, однако, подождать неделю-другую. Паоло устроил нас в старой, замызганной гостинице. Свободных комнат в городе не было, и нам пришлось поместиться в одном номере: братья Мандельштамы, Люба, Ядвига и я. Осип Эмильевич от кровати отказался: боялся клопов и микробов; спал он на высоком столе. Когда рассветало, я видел над собой его профиль: спал он на спине, и спал торжественно» (*Люди, годы, жизнь*. С. 103–105).

Сентября 29. Письмо зав. канцелярией Полномочного представителя РСФСР в Грузии — Министерству иностранных дел Грузинской Демократической республики с просьбой выдать пропуск для проезда во Владикавказ И. Г. Эренбургу, Л. М. Козинцевой-Эренбург, А. Э. Мандельштаму, О. Э. Мандельштаму, Я. И. Соммер, командированным в Москву (*Нерлер 2010*. С. 24).

Сентября конец. В Севастополе вышло 2-е издание альманаха «Пьяные вишни» (дата цензурного разрешения — 22 сент.) со стихотворениями «Американка» и «О, пальцы гибкие!..» («На перламутровый челнок...»).

Сентября не ранее 30. Отъезд из Тифлиса. Следует по маршруту Тифлис — Владикавказ — Минводы — Ростов — Харьков — Москва.

♦ Из воспоминаний И. Эренбурга: «...посол сказал мне, что я поеду из Тбилиси в Москву как дипломатический курьер. Это не было ни почетной синекурой, ни маскировкой, чтобы пересечь границу, нет, я должен был отвезти пакет с почтой и три огромных тюка, снабженных множеством печатей. <...> А вот из Тбилиси я отправился с семью лицами; одни из них в документе именовались “сопровождающими” (Люба, Ядвига, братья Мандельштамы и весьма серьезный товарищ, возвращавшийся, кажется, из Англии); другие числились моей “охраной” — краснофлотец и молоденький актер Художественного театра. <...> Сначала дорога была идиллической. Мы ужинали в духане и заночевали в пути; все мои попутчики, как “сопровождающие”, так и “охрана”, спокойно спали, а я бодрствовал, прижимая к себе заветный пакет. Утром мы поехали дальше; сверкали снега, внизу шумели горные реки, паслись отары овец. <...> Осип Эмильевич читал стихи нашим попутчицам» (*Люди, годы, жизнь*. С. 109).

Октября около 1. Прибыл во Владикавказ. «Рюрик Ивнев задержался во Владикавказе проездом из Тифлиса в Москву. <...> За ним проследовали Н. Н. Евреинов, Осип Мандельштам и Эренбург» (Слезкин Ю. Письмо из Владикавказа // Вестник литературы. 1921. № 1. С. 14).

♦ Из воспоминаний И. Эренбурга: «Ночью мы въехали во Владикавказ; нас отвезли в гостиницу, где полгода назад помещались деникинцы; всё было загажено, поломано; стекол в окнах не было, и нас обдувал холодный ветер. Город напоминал фронт. Обыватели шли на службу озабоченные, настороженные; они не понимали, что гражданская война идет к концу, и по привычке гадали, кто завтра

ворвется в город. Я начал обсуждать с представителями горсовета и военным командованием, как нам добраться до Минеральных Вод: поезда не ходили, по дороге шли стычки с небольшими отрядами белых. Мы съели борщ в столовой, где обедали руководящие товарищи; нам даже выдали три буханки хлеба. Под вечер было решено отправить до Минеральных Вод бронепоезд. Однако бронепоезда не оказалось, и к бронепаровозу прицепили два обыкновенных вагона. Охрана на этот раз была посерьезнее: красноармейцы с пулеметами. <...> Когда мы отъехали сорок или пятьдесят километров, поезд остановился. Мы услышали выстрелы. Затараторил пулемет. Военные сказали, что белые разобрали путь и собираются напасть на поезд; мы должны взять винтовки и стрелять. Всё это вывело из себя Осипа Эмильевича, который чувствовал к любому виду оружия непреодолимое отвращение. В его голове созрел фантастический план: он с Любой уйдет в горы... Люба не поддалась его увещаниям, а белых скоро отогнали.

На станции Минеральные Воды люди неделями ждали посадки. Красноармейцы помогли мне пробиться к вагону; кто-то кричал: "Дипломатический курьер!", но это не действовало. Можно было с таким же успехом кричать "римский папа" или "Шаляпин"...» (*Люди, годы, жизнь*. С. 110).

Октября первые числа. Ростов-на-Дону. Во время пересадки на пути из Тифлиса в Москву заходит в ростовский «Подвал поэтов». Читает свое стихотворение «Прославим, братья, сумерки свободы...», из-за которого была сделана попытка арестовать автора. Освобожден благодаря вмешательству Рюрика Рока (Мец А. Г. Мандельштам и Ростов-на-Дону // Звезда. 2014. № 11. С. 217–219).

♦ Из воспоминаний И. Эренбурга: «На четвертый или на пятый день нас ожидали новые неприятности: где-то между Ростовом и Харьковом к поезду подошли махновцы. Я знал по опыту, что это значит. Но теперь у меня почта, заветный пакет... Что мне делать? Товарищ, возвращавшийся из Англии, вез в термосе горячий чай, а в дорожной фляжке коньяк; он мне говорил: "Выпейте, и всё обойдется..."» (*Люди, годы, жизнь*. С. 113).

Октябрь, не ранее 3. Москва. В Доме печати — инцидент с Я. Блюмкиным. В кафе «Домино» — спор с Есениным (Грузинов И. В. С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве. М.: Всероссийский Союз поэтов, 1927. С. 5).

♦ Из воспоминаний: «Мы доехали до Москвы. Я прижимал пакет к груди, как младенца. Пассажиры постепенно разошлись, а я стоял над тюками. Под вечер Александру Эмильевичу и краснофлотцу удалось нанять телегу, на которую мы положили багаж (пакет с почтой я нес в руке). Мы шли вслед за телегой; больше всего это напоминало деревенские похороны. Осип Эмильевич уже успел с кем-то поговорить по телефону, нашел ночевку для себя и брата и объявил нам, что вечером мы должны прийти в Дом печати на Никитском

бульваре — там дают бутерброды. <...> Вечером мы пошли в Дом печати; я увидел многих знакомых. В буфете действительно давали крохотные ломтики черного хлеба с красной икрой и воблой; кроме того, там можно было получить чай, который благоухал не то яблоками, не то мятой, разумеется, без сахара. Всё это было восхитительным, и я сразу погрузился в литературный спор, кто больше соответствует действительности — футуристы или имажинисты. Несколько огорчил нас инцидент с Мандельштамом. Он сидел в другом углу комнаты. Вдруг вскочил Блюмкин и завопил: "Я тебя сейчас застрелю!" Он направил револьвер на Мандельштама. Осип Эмильевич вскрикнул. Револьвер удалось вышибить из руки Блюмкина, и всё кончилось благополучно» (*Люди, годы, жизнь*. С. 112–113).

Октябрь, около 6. Прибыл в Петроград. По воспоминаниям И. Одоевцевой, О. М. на второй день приезда, в день лекции Чуковского о Достоевском, читал стихи на квартире Гумилева. Были: М. Лозинский, Н. Гумилев, Г. Иванов, Одоевцева, Н. Оцуп (*На берегах Невы*. С. 333–338). По воспоминаниям Георгия Иванова, О. М. в первые дни после появления в Петрограде читал стихи в квартире у Гумилева на Преображенской ул., 5. «Он читал новые чудесные стихи, потом вошедшие в "Tristia", и рассказывал свои приключения у белых, где его арестовали за коммунизм (он действительно участвовал в каком-то коммунистическом съезде, происходившем для конспирации... на пляже во время купания) — и чуть не расстреляли» (Китайские тени // Звено. Париж, 1924. 3 нояб.).

♦ Справка: лекция Чуковского «Неизвестные страницы Достоевского» состоялась 7 окт. (Дом искусств. 1921. № 1. С. 68).

Октябрь, не ранее 6. Приходит навестить Ахматову. «В 1920 году он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я работала в библиотеке Агрономического института и там жила» (*Листки из дневника*. С. 197).

Октябрь, до 13. Вышел № 1 московского журнала «Художественное слово». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 1. С. 639. Из рецензии на сб. Э. Германа «Скифский берег. Стихи о России» (Харьков, 1920): «Следившим за путями нашей поэзии памятны, конечно, "акмеисты" <...> Этот шум акмеистов затерялся в буре, поднятой футуристами; но принципы акмеизма не умерли. Их подхватили О. Мандельштам и некоторые другие поэты, и на юге России они пустили довольно глубокие корни» (подписано: Аврелий).

Октября 17. Письмо Е. Замятина и К. Чуковского к «Якову Александровичу» с просьбой предоставить О. М. комнату в Доме Искусств (*Чукоккала*. С. 138).

♦ Из воспоминаний: «Под "Диск» были отданы три помещения: два из них некогда были заняты меблированными комнатами (в одно — ход с Морской, со двора, в другое — с Мойки); третье составляло квартиру домовладельца, известного гастрономического торговца Елисеева. Квартира была огромная, раскинувшаяся на

В. Ходасевич
Портрет работы Н. Вышеславцева

целых три этажа, с переходами, закоулками, тупиками, отделанная с убийственной рыночной роскошью. Красного дерева, дуба, шелка, золота, розовой и голубой краски на нее не пожалели. Она-то и составляла главный центр "Диска". Здесь был большой зеркальный зал, в котором устраивались лекции, а по средам — концерты. К нему примыкала голубая гостиная, украшенная статуей работы Родэна, к которому хозяин почему-то питал пристрастие, — этих Родэнов у него было несколько. Гостиная служила артистической комнатой в дни собраний; в ней же Корней Чуковский и Гумилев читали лекции ученикам своих студий — переводческой и стихотворной. После лекций молодежь устраивала игры и всяческую возню в соседнем холле — Гумилев в этой возне принимал деятельное участие. Однажды случайно я очутился там в самый разгар веселья. "Куча мала!" — на полу барахталось с полтора десятка тел, уже в шубах, валенках и ушастых шапках. <...> К гостиной примыкала столовая, отделанная дубовой резьбой, с витражами и камином — как полагается. Обеды в ней были дорогие и скверные. Кто не готовил сам, предпочитал ходить в столовую Дома Литераторов. Однако и здесь часов с двух до пяти было оживленно: сходились сюда со всего Петербурга ради свиданий — деловых, дружеских и любовных. Тут подавались пирожные — роскошь военного коммунизма, погибель Осипа Мандельштама, который тратил на них всё, что имел. На пирожные он выменивал хлеб, муку, масло, пшено, табак — весь состав своего пайка, за исключением сахару: сахар он оставлял себе. Пройдя из столовой несколько вглубь, мимо буфетной, и свернув

направо, попадали в ту часть “Диска”, куда посторонним вход был воспрещен: в коридор, по обеим сторонам которого шли комнаты, занятые старшими обитателями общежития. <...> Коридор упирался в дверь, за которой была комната Михаила Слонимского — единственного молодого обитателя этой части “Диска”. Здесь была постоянная толчея. В редкий день не побывали здесь — Всеволод Иванов, Михаил Зощенко, Константин Федин, Николай Никитин, безвременно погибший Лев Лунц и семнадцатилетний поклоннник Т. А. Гофмана — начинающий беллетрист Веньямин Каверин. Тут была колыбель “Серапионовых братьев”, только еще мечтавших выпустить первый свой альманах. <...> Сюда же в дни дисковских маскарадов и балов (их было два или три) укрывались влюбленные парочки. Богу одному ведомо, что они там делали, не смущаясь тем, что тут же, на трех стульях, не раздеваясь, спит Зощенко, которому больное сердце мешает ночью идти домой. <...> Наконец, в том же коридоре помещалась ванная, излучавшая пользу и наслаждение, которые трудно оценить в достаточной мере. Записываться на ванну надо было у Ефима, и ждать очереди приходилось долго, но зато очутиться наконец в ней и смотреть, как вокруг, по изразцовой стене, над иссиня-черным морем с белыми гребнями носятся чайки, — блаженства этого не опишешь!

Раз в неделю приходил парикмахер, раскидывавший свою палатку в той же ванной, и тогда тотчас образовывался маленький клуб из бреющихся, стригущихся и ожидающих очереди. Пришел парикмахер и в самый тот день, когда начался штурм Кронштадта. Георгий Иванов, окутанный белым покрывалом, предсказывал близкий конец большевиков. Я ему возражал. Прибежала молодая поэтесса Ирина Одоевцева, на тоненьких каблучках, с черным огромным бантом в красновато-золотых волосах. Повертелась, пострекотала, грассируя, — и убежала, пообещав подарить мне кольдкрему. Кольдкрема этого, впрочем, я и по сей день не дождался... О, люди!

Пройдя через кухню и спустившись этажа на два по чугунной винтовой лестнице, можно было очутиться еще в одном коридоре, где день и ночь горела почерневшая электрическая лампочка. Правая стена коридора была глухая, а в левой имелось четыре двери. За каждой дверью — узкая комната в одно окно, находящееся на уровне тесного, мрачного колодцеобразного двора. В комнатах стоял вечный мрак. Раскаленные буржуйки не в силах были бороться с полуподвальной сыростью, и в теплом, но спертом воздухе висел пар. Всё это напоминало те зимние помещения, которые в зоологических садах устраиваются для обезьян. Коридор так и звался “обезьянником”.

Первую комнату занимал Лев Лунц — вероятно, она-то отчасти и сгубила его здоровье. Его соседом был Грин, автор авантюрных повестей, мрачный туберкулезный человек, ведший бесконечную и безнадежную тяжбу с заправилами “Диска”, не водивший знакомства почти ни с кем, и, говорят, занимавшийся дрессировкою тараканов.

И. Одоевцева
Портрет работы В. Милашевского

Последнюю комнату занимал поэт Всеволод Рождественский, в ту пору — скромный ученик Гумилева <...>. Между Грином и Рождественским помещался Владимир Пяст, небольшой поэт, но умный и образованный человек, один из тех романтических неудачников, которых любил Блок. Пяст и был Блоку верным и благородным другом в течение многих лет. Главным несчастием его жизни были припадки душевной болезни, время от времени заставлявшей помещать его в лечебницу. <...> Комната М. Л. Лозинского, истинного волшебника по части стихотворных переводов, имела форму глаголя, а соседнее с ней обиталище Осипа Мандельштама представляло собою нечто столь же фантастическое и причудливое, как и он сам, это странное и обаятельное существо, в котором податливость уживалась с упрямством, ум с легкомыслием, замечательные способности с невозможностью сдать хотя бы один университетский экзамен, леность с прилежностью, заставлявшей его буквально месяцами трудиться над одним неудающимся стихом, заячья трусость с мужеством почти героическим — и т. д. Не любить его было невозможно, и он этим пользовался с упорством маленького тирана, то и дело заставлявшего друзей расхлебывать его бесчисленные неприятности. Свой паек, как я уже говорил, он тотчас же выменивал на сладости, которые поедал в одиночестве. Зато в часы обеда и ужина появлялся то там, то здесь, заводил интереснейшие беседы и, усыпив внимание хозяев, вдруг объявлял: — Ну, а теперь будем ужинать!

<...> Достоинством нашего коридора было то, что в нем не было центрального отопления: в комнатах стояли круглые железные печи

доброго старого времени, державшие тепло по-настоящему, а не так, как буржуйки. Правда, растапливать их сырыми дровами было нелегко, но тут выручал нас банк. Время от времени в его промерзшие залы устраивались экспедиции за картонными папками от регистраторов, которых там было какое-то неслыханное количество. Регистраторы эти служили чудесной растопкой, как и переплеты столь же бесчисленных копировальных книг. Папиросная же бумага, из которой эти книги состояли, шла на кручение папирос. Этой бумагой "Диск" снабжал весь интеллигентский Петербург. На нее же порой можно было выменять пакетик махорки у мальчишек и девчонок, торговавших на Невском. <...> Прежде чем закончить этот очерк, вернемся еще раз в елисеевскую квартиру. Было в ней несколько комнат, расположенных в разных этажах и как бы выпадающих из основного плана. Так, из главного коридора шла деревянная винтовая лестница в верхний этаж. Поднявшись по ней и миновав нечто в роде маленькой гимнастической залы, попадали в бывшую спальню домовладельца, занятую Виктором Шкловским. <...> В противоположном конце квартиры имелась русская баня с предбанником; при помощи ковров ее превратили в уютное обиталище Гумилева. По соседству находилась большая, холодная комната Мариэтты Шагинян, к которой почему-то зачастил старый, седобородый марксист Лев Дейч. Мариэтта была глуха. С Дейчем сиживали они, тесно сдвинув два стула и накрывшись одним красным байковым одеялом. "Я его учу символизму, а он меня — марксизму", — говорила Мариэтта. Кажется, уроки Дейча оказались более действительны» (*Ходасевич 1997*. С. 275–283).

♦ Из воспоминаний В. Г. Шкловской-Корди: «Он ведь был... вообще у него ничего не было. Надечка была, но только в Киеве... И он приехал, значит, на разведку в Петроград <...>. Ну, дали ему, значит, комнатку там в подвальном этаже, которая принадлежала прислуге... (в Доме Искусств, набережная Мойки, 59, комната 30а. — Примеч. О. и. М. Фигурновых) Елисеевых. У слуг был целый коридор в подвальном этаже... У него же самого, Елисеева, был дворец, огромный дворец. Гостиные и столовые огромные. Когда мы с Виктором Борисовичем вселялись, уже всё было занято... и Виктору Борисовичу удалось его спальню отхватить. Спальня была очень хорошая, огромная, как шесть этих комнат или пять, не знаю, ну, одним словом, большая. А перед ней — ванные, уборные, две или даже три, потом большие шкафы, которые при нас уже старыми газетами, старыми журналами были набиты, не знаю, что это было... В спальне — огромные гардеробы, в которых единственные Виктора Борисовича штаны висели. Больше ничего. Шкаф был вот как двери эти, вдоль комнат и еще так — это всё были шкафы. Как выйдешь на площадку, так слева была комната экономки. И экономка там и осталась, там и жила. <...> Так вот, перед этой спальней располагалась вдвое больше комната, в которой, помню... и гимнастика

была... и этот велосипед, который можно было крутить... Вообще роскошная комната, с несколькими видами уборных и умывальниками всякими. И так сразу, когда повернешь, с левой стороны, был низкий такой, квадратный... — чашка — не чашка — умывальник, очевидно, чтобы мыть ноги, — теплой воды ведь уже не было. И вот мы в этой чашке стирали. Осип Эмильевич приходил ко мне стирать свое белье...» (*В рассказах современников*. С. 103–104).

Октябрь, вторая половина. Подал заявление в Комиссию по улучшению быта ученых с просьбой предоставить академический паек. Адрес: Дом искусств (*ПССиП*. Т. 3. С. 583–584).

Октября 21. Выступление О. М. с чтением стихов в Клубе поэтов (Литейный пр., 24).

♦ Из дневника: «Верховодит Гумилев — довольно интересно и искусно. Акмеисты, чувствуется, в некотором заговоре, у них особое друг с другом обращение. Все под Гумилевым. Гвоздь вечера — И. Мандельштам, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь. “Жидочек” прячется*, виден артист**. Его стихи возникают из снов — очень своеобразных, лежащих в областях искусства только. Гумилев определяет его путь: от иррационального к рациональному (противуположность моему). Его “Венеция”. По Гумилеву — рационально всё (и любовь и влюбленность в том числе), иррациональное лежит только в языке, в его корнях, невыразимое. (В начале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже не похожие на Слово, но имеющие, однако, источником Его; и всё кончится Словом — всё исчезнет, останется одно Оно)» (*Дневник Блока*. С. 371. Запись 22 окт.).

♦ Из воспоминаний: «5 октября открылся клуб поэтов. Мы получили помещение на Литейном, в бывшем доме Мурузи. Наиболее интересен был вечер, на котором впервые после своего возвращения в Петроград выступал О. Э. Мандельштам. Он привез прекрасные стихи, и Блок слушал его с большим интересом, особенно его стихи о Венеции, напомнившие Александру Александровичу собственные венецианские впечатления. С первого взгляда лицо Мандельштама не поражало. Худой, с мелкими, неправильными чертами, он всем своим обликом напоминал персонажей картин Шагала. Но вот он начал читать, нараспев и слегка ритмически покачиваясь. Мы с Блоком сидели рядом. Вдруг он тихонько тронул меня за рукав и показал глазами на лицо Осипа Эмильевича. Я никогда не видела,

---

* Купюра в печатном тексте восстановлена по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 4 об.

** «В артисте — отсутствие гуманной размягченности, острое сознание. Оптимизм, свойственный цивилизованному миру, сменяется трагизмом: двойственным отношением к явлению, знанием дистанций, умением ориентироваться» (*Блок ЗК*. С. 365. Запись 7 апреля 1919).

чтобы человеческое лицо так изменялось от вдохновения и самозабвения. Некрасивое, незначительное лицо Мандельштама стало лицом ясновидца и пророка. Это поразило и Александра Александровича» (*Надежды Павлович воспоминания*. С. 472).

Октября 22. В газете «Новая русская жизнь» (Хельсинки) помещено стихотворение «Поговорим про Питер...» — «полупародия, полупарафраз» на стихотворение «Поговорим о Риме — дивный град...» (1914) за подписью «Сириус» (псевдоним Б. Верина) (*Тименчик 1990*. С. 131–132).

Октября 24. Вечер О. Мандельштама в Доме литераторов (Бассейная, 11). Из заметки: «После двухлетнего отсутствия в Петербург вернулся поэт О. Э. Мандельштам. В воскресенье 24 октября в Доме литераторов состоится вечер О. Э. Мандельштама, на котором он выступит с чтением цикла стихов (Оды, Эллинистические стихи, стихи о Петербурге, Москве и Крыме), составляющего часть новой книги его, приготовленной к печати и озаглавленной "Новый камень". Во вступительном слове О. Э. сделает доклад о новых путях в акмеизме» (Вечер О. Мандельштама // Жизнь искусства, 21 окт. № 588). На вечере — знакомство с О. Арбениной (Арбенина О. Н. О Мандельштаме // Тыняновский сб.: Шестые–Седьмые–Восьмые тыняновские чтения. М., 1998. Вып. 10. С. 548–549).

Октября 25. М. Л. Лозинский рассказывает А. И. Оношкович-Яцыне «об акмеизме и Мандельштаме» (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 387. В записи Лозинский именуется «Шер»).

Октября 26. Приходит в Студию художественного перевода М. Лозинского (Дневник М. Рыжкиной, запись 27 окт. — *Оношкович-Яцыны дневник*. С. 387).

Октября 26. Из дневника М. Кузмина: «Ходили на Мильонную. Разные люди там. Нанесли, но денег у нас нет даже на завтра, для дров. Выходили за сладким в Дом [литераторов]. Сидел Сторицын и Мандельштам» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 58).

Ноября 2. Приходит в Студию художественного перевода М. Лозинского. «На переводе опять присутствовал Мандельштам, почему Maitr'ик [М. Лозинский] после занятий устроил чтение стихов. Читал Мандельштам [и студисты]» (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 387).

Ноября 5. Заключил договор с издательством «Petropolis» (в лице Я. Н. Блоха) на издание книги «Новый камень». Рукой Блоха сделана приписка: «Сто десять строк рукописи представлены 5.XI.20» (*РГАЛИ*. Ф. 1893. Оп. 1. Ед. хр. 8).

Ноября 5. Подарил черновик стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» Н. О. Лернеру (*ПССиП*. Т. 1. С. 570).

Ноября 5. Дарственная надпись на втором издании «Камня» В. А. Рождественскому: «С дружеским приветом Всеволоду Рождественскому О. Мандельштам. Петербург. 5 ноября 1920» (*Инскрипты*. С. 209).

Ноября 8. Присутствует на «вечере Леконта де Лиля» в Доме литераторов, где Н. Гумилев прочитал цикл своих переводов (*Лукницкий 2010*. С. 636. На основании свидетельств О. М. и М. Лозинского).

Ноября 10. Из дневника М. Кузмина: «Под вечер Юр.* пошел к Ирецкому, я в Петропол<ис>. Меня, Сологуба и Ахматову запретили, разрешив Ренье» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 58).

Ноябрь, до 20. Вышел сборник стихов А. Радловой «Корабли». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 1. С. 663.

♦ Из рецензий: «Книгой “Корабли” А. Радлова вступила полноправно и законно в семью больших современных лириков, как Ахматова, Блок, Вяч. Иванов, Мандельштам и Сологуб» (Кузмин М. Голос поэта // Жизнь искусства. 1921. 26–29 марта); «Апперцептивный примитивизм Анны Радловой глубоко противоположен ассоциативному модернизму всех поэтов, уже печатавших стихи, и духу ассоциативной поэтики Ал. Блока и Вяч. Иванова, и приемам поэтов, доведших эту поэтику до крайности — почти до карикатуры — Мандельштама и Маяковского» (Чудовский В. А. По поводу одного сборника стихов («Корабли» Анны Радловой) // Начала. 1921. № 1. С. 209–210).

Ноября 24. — Дата стихотворения «В Петербурге мы сойдемся снова...» в черновом автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 571).

Ноября 25. Из дневника М. Кузмина: «Юр. притащил чудесные книжки из Петрополя [«Петрополиса»]. Только с аппетитом расположились смотреть их за чаем, как явился Мандельштам» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 58).

Ноября 30. Записал последнюю строфу стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» в альбом Э. Ф. Голлербаха (*Слово и судьба*. С. 103).

Ноябрь (не ранее 14-го) или декабрь. Петроград. Пишет записку О. Н. Арбениной. «Билеты на “Петрушку” есть. Зайдите за мною завтра в 6 ч.» (*ПССиП*. Т. 3. № 37). «Петрушка» — возобновленная «дягилевская» постановка балета И. Стравинского в костюмах А. Н. Бенуа в Мариинском театре.

Ноябрь. «В ноябре — вечер поэзии О. Мандельштама, на котором вступительное слово говорил В. М. Жирмунский» (Дом искусств. 1921. № 1. С. 68).

♦ Справка: По данным Собр. соч. (М.: Арт-Бизнес-центр, 1997. Т. 4. С. 443), вечер состоялся 18 ноября. Подтверждения этой дате в других источниках нами не обнаружено.

Ноябрь. — Дата стихотворений «Чуть мерцает призрачная сцена...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...» в автографах (*ПССиП*. Т. 1. С. 573, 575).

Ноябрь. Петроград. С. И. Бернштейн записывает на валик фонографа чтение О. М. своих стихотворений (Богатырева С. И.

---

* Здесь и далее в дневнике М. Кузмина этим сокращением означено имя Юрия Юркуна.

Краткое жизнеописание профессора Сергея Бернштейна, ученого-лингвиста, в воспоминаниях и 43-х документах // Вопросы литературы. 2013 № 6. С. 208).

Ноябрь–декабрь. Читает лекции на курсах Балтфлота (Слонимский М. Л. Книга воспоминаний. М.; Л. 1966. С. 61–62). Начальником литературной части Политуправления Балтфлота был в это время С. М. Городецкий (летом 1920 года приехавший из Баку в Петроград) (Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. М.: «Наука», 1982. С. 506; То же. Кн. 2. М.: «Наука», 1981. С. 61–62).

Ноябрь–декабрь. Из воспоминаний Г. Иванова: «Когда зимой 1920 года Мандельштам вернулся в Петербург, ему, естественно, сейчас же предложили заняться стихотворными переводами для горьковской “Всемирной литературы”. Переводами в те голодные годы кормились решительно все поэты. Но тут неожиданно выяснилось, что Мандельштам, несмотря на свой огромный талант, лишен самой элементарной способности рифмованно передавать чужое. Ни уроки общепризнанного мастера переводов М. Л. Лозинского, ни советы и помощь Гумилева не привели ни к чему. Справиться с работой, легко исполнявшейся учениками-студентами, он так и не смог. И, несмотря на то, что членами коллегии были его ближайшие друзья, ни один из переводных опытов Мандельштама не был принят. Неудачи эти очень огорчали Мандельштама. В заработке он нуждался еще больше остальных. Однажды он торжественно принес Гумилеву рукопись: “Вот, оды Китса!” — Гумилев удивился: “Но ведь ты не знаешь английского?” — “Мне сделали подстрочник!”. Перевод оказался отчаянным. Гумилев, просмотрев его, взялся за Мандельштама: “Осип, признавайся, откуда ты взял это?” И Мандельштам “признался”. Перевод ему вручила знакомая барышня, мечтавшая увидеть его напечатанным, хотя бы под псевдонимом, только бы напечатали. Гонораром она не интересовалась. “Гонорар мне! А Мандельштам чем не псевдоним?” — старался он убедить Гумилева. Это вспомнившееся мне, долго тогда смешившее всех нас “А Мандельштам чем не псевдоним?” — и заставило меня <...>» (Иванов Г. Ответ г.г. Струве и Филиппову // Иванов Г. В. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 630–631).

Декабря 1. В «Доме Искусств» — «4-й вечер петербургского отделения Всероссийского Союза Поэтов, при участии Веры Аренс, Л. Бермана, М. Лозинского, О. Мандельштама, Влад. Пяста, Анны Радловой и Дм. Цензора» (Жизнь искусства, 19–21 нояб. № 610/611/612).

Декабря 2. Из дневника М. Кузмина: «Пили дома чай. Явился Мандельшт<ам>. Тоже с планом на Блохов» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 58).

Декабря 4. Присутствует на вечере Маяковского в Доме искусств. Запись К. Чуковского 5 дек.: «Мы пообедали вчетвером: Маяковский, Лиля [Брик], Шкловский и я. “Кушайте наш белый

хлеб! — потчевал Маяковский. — Всё равно если вы не съедите, съест Осип Мандельштам". <...> Потом Ходынка. Дм. Цензор, Замятин, Зин. Венгерова, Серафима Павловна Ремизова, Гумилев, Жоржик Иванов, [В. Б.] Киселева, [Г. Б.] Конухес, Альтман, Викт. Ховин, [Я. П.] Гребенщиков, Пунин, Мандельштам, художник Лебедев и проч., и проч., и проч. Очень трогательный и забавный угол составили дети: ученики Тенишевского училища» (*Чуковского дневник*. С. 306–307).

♦ Из воспоминаний Ольги Арбениной: «Когда появился в городе Мандельштам, точно не помню. Внешне он был неприметен. Стихи (неожиданно) меня ошеломили. Может быть, мой восторг перед этими стихами был ударом в сердце Гумилеву? Тут была и Греция, и море!.. Не помню, как мы с Мандельштамом разболтались (в Доме литераторов, конечно!), а у него была впервые в день вечера Маяковского. Я просто "засиделась" у Мандельштама, и нам было так весело, и мы так смеялись, что не пошла в залу слушать; аплодисменты были слышны. Мандельштам (вероятно!) меня удерживал. <...> Удивительно, что когда я прочла Гумилеву: "Когда Психея-жизнь" за свои, он эти стихи принял как мои — он, знавший Мандельштама и мои "возможности", — и такой великолепный критик, как он <...> Моя "беготня" с Мандельштамом и редкие свидания с Мандельштамом в его комнате не вызывали сомнений у Гумилева. Или он ревновал к моему восхищению стихами Мандельштама с "греческими" именами? И вот как-то он сказал мне: "Неудивительно, что Мандельштам в вас влюбился. Но я уверен, что его страсть возрастает от того, что он поверил, что вы происходите от кн. Голицыных".

Я рассказала Мандельштаму это, а он со своей забавной интонацией провозгласил: «Со времен Наталии Пушкиной женщина предпочитает гусара поэту» (*Гумилев 1994*. С. 455–456).

♦ Из воспоминаний Ольги Арбениной: «Как-то мы с Мандельштамом были в Мариинском театре. Сидели в ложе, а вблизи, тоже в ложе, была Лариса Рейснер. Она мне послала конфет, и я издали с ней раскланялась (Осип бегал к ней здороваться). Потом он был у нее в гостях и рассказал мне, что она плакала, что Гумилев с ней не кланяется» (Там же. С. 457).

Декабря 8. «Звонил Мандельштам (Иосиф), хотел прийти, но я отговорился делом» (*Блок ЗК*. С. 509).

Декабря 18. — Дата записи в альбом В. Познера строф 5 и 6 стихотворения «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 491. Со ссылкой на сообщение А. Е. Парниса).

Декабря 19. Записал в альбом А. И. Ходасевич стихотворение «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 570).

Декабря около 24. Ссора Гумилева и О. М. из-за Ольги Арбениной. Г. Иванов слагает шуточное стихотворение «Сейчас

я поведаю, граждане, вам...» (*Георгий Иванов НБП.* С. 432); в письме к В. Ф. Маркову привел эпизод из диалога ближайших дней: «У Гумилева была любовница барышня Арбенина. Приехал Мандельштам <...> и влюбился в нее. Они — т. е. Гумилев и М. — стали на этот счет ссориться. "Заплати за меня" — Мандельштам Гумилеву в Доме Литераторов. Гумилев: "За предателей не плачу!"» (Там же. С. 692).

♦ Из воспоминаний Ольги Арбениной: «Этапом могла бы назваться история, которая произошла в конце осени на вечере поэтов где-то на Литейном. Одоевцева в мемуарах пишет о нем как для нее важном — и там был Блок. Я же сидела на диванчике между Юрой [Юркуном] и [В. А.] Милашевским, в безумной тесноте, и не слышала ничего из "поэзии" или забыла. Впервые "всерьез" началось увлечение Юры. В этот вечер Гумилев обратился ко мне с просьбой "отпустить" его проводить рыжую Зою Ольхину. (Она жила далеко и боялась одна.) Я не помню ни рыжей Зои, ни Блока, ничего. "Вас с восторгом проводит Осип". Я дала согласие, и мы пошли с Осипом. На удивление Осип на сей раз стал "интриговать" и говорить о донжуанстве Гумилева и его неверности, чем вконец меня расстроил. Я выговорила всё это Гумилеву. Где и как, не помню, но помню, как на Бассейной (не на нашей стороне, а на обратной) Гумилев при мне выговаривал Осипу, а я стояла ни жива ни мертва и ждала потасовки. Георгий Иванов увидел эту сценку и, сплетничая, прибавил: "Я слышу страшные слова... предательство... и эта бедная Психея тут стоит"» (*Гумилев 1994.* С. 456).

Декабря 31. Из дневника М. Кузмина: «Юр. Всё бегал за Арбениной, вышла там какая-то история с Гумилевым» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 58).

♦ Из воспоминаний Ольги Арбениной: «Когда мы пошли встречать Новый год в Доме литераторов и я зашла к нему [Гумилеву], чтобы идти вместе на эту встречу, ничего не было решено. Мне кажется, и с Юрой не было никакой договоренности. У меня было розовое платье. Кажется, мы собирались "доканчивать" Новый год у Оцупа. У меня не было предчувствия. У него не было особенных злых слов. Мандельштам не встречал Нового года в Доме литераторов. Жестокость в поведении Гумилева была одна — дикая, непонятная. Я говорила: "Потом, — я приду". Но я всё же ничего не предположила. Я помню: мы сидели за столом, на эстраде. Соседей не помню. Народу было много. Юра сидел внизу, за другим столом. Закивал мне. Гумилев не велел мне двигаться. Я, кажется, обещала "только поздороваться". Гумилев пока не ушел. Он сказал, что возьмет часы и будет ждать.

Я сошла вниз — у дверей Юра сунул мне в руки букет альпийских фиалок и схватил за обе руки, держал крепко. Я опустила голову, прямо как на эшафоте. Минуты шли. Потом Юра сказал: "Он ушел". Я заметалась. Юра сказал: "Пойдем со мной"» (*Гумилев 1994.* С. 460).

Декабрь. — Дата стихотворений «Когда ты уходишь и тело лишится души...» и «Мне жалко, что теперь зима...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 301, 574).

Конец года. Письмо И. Эренбурга — М. М. Шкапской, из Москвы в Петроград. «Мандельштам, верно, рассказал Вам о нашей фантастической поездке через Черное море на барже, и потом через Грузию» (Эренбург И. Э. Письма: В 2 т. Т. 1: Дай оглянуться... 1908–1930 / Подгот. Б. Я. Фрезинского. М.: «Аграф», 2004. С. 103).

1921

Января 1. «...О. Э. пришел к Николаю Степановичу (О. М. говорит, что это было 1 января 1921 года) и сказал: "Мы оба обмануты" (О. Арбениной), — и оба они захохотали...» (*Acumiana 1*. С. 138, запись 19 апр. 1925 г.).

♦ В начале января Г. Иванов слагает на сюжет «треугольника» Гумилев — Мандельштам — Юркун «Басню» («В Испании два друга меж собой...») (*Георгий Иванов НБП*. С. 433).

Января 4. Запись дневника М. Кузмина: «У Юр., как я и думал, роман с Арбениной и, кажется, серьезный. Во всяком случае, с треском» (Минувшее: Исторический альм. Вып. 12. М.; СПб.: «Atheneum»; «Феникс», 1993. С. 435).

Января 11. На маскараде в Школе ритма С. В. Ауэр (Миллионная, 29).

♦ Из воспоминаний: «11 января 1921 г<ода> мы были с Александром Александровичем на маскараде на Миллионной, в Школе ритма Ауэр. И Блок, и писатели, жившие в Доме искусств, получили туда приглашения, и мы с Александром Александровичем уговорились, что он зайдет за мной. Собрались туда и Рождественский, Пяст, Мандельштам. Должна была зайти ко мне и М. К. Неслуховская. Кому-то удалось выхлопотать, чтобы Театр оперы и балета (б<ывший> Мариинский) прислал нам маскарадные костюмы. Они были изрядно измяты, и надо было их поправлять и гладить. Гладильную доску приспособили в моей узкой и длинной комнате. Дом искусств обслуживали бывшие лакеи и швейцары Елисеева. В этот вечер кто-то спросил у старого лакея Ефима, где сейчас Мандельштам, и получил изысканный ответ: "Г-н Мандельштам у г-жи Павлович жабу гладят" (жабо). Это стало потом ходовым словом» (*Надежды Павлович воспоминания*. С. 493).

Января 12. Записал в альбом Э. Ф. Голлербаха первую строфу стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (с ошибкой в числе года — 1920) (*РНБ*. Ф. 207. Ед. хр. 106. Л. 29).

Январь, до 18. Вышел № 1 журнала «Дом искусств» со стихотворениями «Ласточка» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...») и «Возьми на радость из моих ладоней...». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 10.

Января 27. Записал в альбом С. М. Алянского двустишие из стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 570).

Январь. Вышел № 7 (9) журнала «Знамя» (Москва) с главками 1–4 статьи А. Блока «Крушение гуманизма». Отразилась у О. М. в статьях «Письмо о русской поэзии», «А. Блок» и «Гуманизм и современность» (*ПССиП*. Т. 2. С. 501, 514, 525).

Январь или Февраль. Из Дома искусств переехал в общежитие Дома ученых.

♦ Из воспоминаний: «Из Дома искусств брат переехал в общежитие Дома ученых на Б. Миллионной улице. Он занимал огромную почти пустую комнату с зеркальными окнами, выходящими на Неву. Здесь было теплее, близко находилась неплохая столовая. Но здесь Осип оказался на отшибе и оставался поэтому недолго» (*Евгения Мандельштама воспоминания*. С. 150).

♦ Из воспоминаний Н. Чуковского: «Из Дома Искусств он переехал в Дом ученых, где Горький дал ему комнату, и я как-то зимой был там у него. Окно выходило на замерзшую Неву, мебель была роскошная, с позолотой, круглые зеркала в золоченых рамах, потолок был высочайший, со сгустившейся под ним полутьмой, в углу стояли старинные часы — величиной с шкаф, которые отмечали не только секунду, минуту и час, но и месяц, и число месяца. Мандельштам лежал на кровати, лицом к окну, к Неве, и курил, и в комнате не было ничего, принадлежащего ему, кроме папирос, — ни одной личной вещи. И тогда я понял самую разительную его черту — безбытность. Это был человек, не создававший вокруг себя никакого быта и живущий вне всякого уклада» (Воспоминания Николая и Марины Чуковских. М.: «Книжный клуб 36,6», 2015. С. 155–156).

Февраля 2. Первое собрание Цеха поэтов. Прием в члены А. И. Оношкович-Яцыны (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 397).

Февраля 8. «Во вторник [8 февр.] ходили с Maitr'ом в Дом Литераторов писать свои стихи для журнала Цеха [«Новый Гиперборей»] и рисовали к ним иллюстрации» (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 398).

Февраля 9. Собрание Цеха поэтов: Гумилев, Мандельштам, Лозинский, Г. Иванов, Ходасевич, В. Рождественский, А. Оношкович-Яцына, Н. Оцуп, И. Одоевцева. «Вылетает сумасшедшая Кассандра Мандельштам, она уже ласточка, беженка, всё, что хотите. Страшная толпа московского Геркуланума хоронит “ночное солнце”, а он вдруг начинает хохотать в самом серьезном месте, и я хохочу до слез, глядя на него» (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 398 и дальн.).

♦ Из воспоминаний: «В начале 1921 года Гумилев вздумал его [Цех поэтов] воскресить и пригласил меня в нем участвовать. Я спросил, будет ли это первый “Цех”, то есть беспартийный, или второй, акмеистский. Гумилев ответил, что первый, и я согласился. Как раз в тот вечер должно было состояться собрание, уже второе по счету. <...> Перед собранием я зашел к соседу своему, Мандельштаму,

и спросил его, почему до сих пор он мне ничего не сказал о возобновлении "Цеха". Мандельштам засмеялся: — Да потому, что и нет никакого "Цеха". Блок, Сологуб и Ахматова отказались. Гумилеву только бы председательствовать. Он же любит играть в солдатики. А вы попались. Там нет никого, кроме гумилят. — Позвольте, а сами-то вы что же делаете в таком "Цехе"? — спросил я с досадой. Мандельштам сделал очень серьезное лицо: — Я там пью чай с конфетами» (*Ходасевич 1997*. С. 86–87).

♦ Из воспоминаний В. Рождественского (1943): «Иногда в бывшей елисеевской столовой, за огромным дубовым столом, собирался чопорный "Цех поэтов", обсуждавший состав очередного поэтического сборника под устрашающим и воинственным именем "Дракон". На председательском месте неизменно высилась узкая и необычайно строгая в эти минуты фигура Н. С. Гумилева. <...> Всех вновь приходящих он приветствовал церемонно и суховато, а с поэтами обменивался традиционным поцелуем и столь важно, точно совершая масонский обряд. <...> Вдоль стола нервно прохаживался О. Мандельштам, уже успевший в своих южных скитаниях обрасти небольшой курчавой бородкой. Широкая лысина просвечивала сквозь его редкие, почти пушистые волосы. Голубые глаза смотрели уже не столь наивно. Какая-то хитрость и суетливость движений сменили в нем прежнее величие и надменность. Он действительно стал похож на Одиссея, вернувшегося после годов испытаний, и был гораздо проще и общительнее в беседе. Не прошло ему даром полуголодное существование в захваченном белыми Крыму и полное приключений бегство оттуда по разоренным войною дорогам. <...>

Очередное сборище "Цеха поэтов" было обставлено нарочитой торжественностью, хотя и не было лишено делового смысла. Со стороны глядя, можно было подумать, что присутствуешь на заседании масонской ложи. Высказывались строго по существу, и никому не было позволено отвлекаться от узаконенных обычаем путей, пока вопрос не исчерпывался до конца. Чаще всего он касался формальной сути произведения и требовал необычайной технологической точности выражений. Стихотворение надо было решить как теорему. За столом вершились дивные для непосвященного слуха дела. Председательствующий Гумилев, верховный "синдик" Цеха, поддержанный двумя мастерами, Лозинским и Мандельштамом, ловко анатомировал захлороформированные стихи на поучение опытных "подмастерьев" и юных прозелитов» (Архив В. А. Мануйлова).

Февраля 11. Панихида по Пушкину в Исаакиевском соборе.

♦ Из дневника: «Идея панихиды принадлежит Мандельштаму. Он бродит под колоннами, выпятив колесом узенькую грудь, уморительно-торжественный» (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 402).

♦ Из воспоминаний Н. Павлович: «Чудную сцену я помню: как раз февральская годовщина смерти Пушкина. Исаакиевский собор тогда функционировал, там церковь была. И Мандельштам

придумал, что мы пойдем сейчас служить панихиду по Пушкину. <...> И мы пошли в этот собор заказать панихиду, целая группа из Дома Искусств. И он раздавал нам свечи. Я никогда не забуду, как он держался — в соответствии с обстоятельством, когда свечки эти раздавал» (*В рассказах современников*. С. 122).

Февраля 11. Торжественное собрание, устраиваемое Домом литераторов в 84-ю годовщину смерти А. С. Пушкина. Пригласительный билет (*Чукоккала*. С. 150).

♦ Из речи Б. Эйхенбаума: «Из недр символизма возник новый классицизм — в поэзии Кузмина, Ахматовой и Мандельштама находим мы новое ощущение классического Пушкина, утвержденное красивым в своей парадоксальности афоризмом Мандельштама: "Классическая поэзия — поэзия революции"» (напечатана в сб.: Пушкин, Достоевский. Пб., 1921, см. Ноябрь, между 11 и 26).

♦ «После концертного отделения, когда публика начала расходиться по домам, в гобеленовой комнате Дома литераторов состоялось, по инициативе Чуковского, экстренное собрание союза писателей. <...> Собралось очень немного народу: А. Л. Волынский, Н. С. Гумилев, Георгий Иванов, Мандельштам, Лозинский, Чуковский, еще кто-то. <...> Собрание выслушало длинную и обстоятельную жалобу К. И. Чуковского на Герберта Уэллса, смертельно обидевшего бедного К. И. каким-то не очень почтительным отзывом» (Голлербах Э. Образ Блока // Возрождение. М., 1923. Т. 2. С. 293–294).

♦ «Все остаются на заседании по поводу того, что в заграничной печати Чуковского обозвали "большевицким агентом"» (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 403).

Февраля 16. Собрание Цеха поэтов в Доме литераторов (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 404).

Февраля 17. Присутствует на лекции Пяста «Новые побеги травы» в Доме искусств (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 404–405).

♦ Отчет: Грошиков Федор. Ростки на болоте (Дискуссия о «последних» поэтах) // Красная газета. 1921, 20 февраля. Цитирован: Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. М., 1991. С. 50–51. В статье Н. А. Богомолова «Мандельштам и Ходасевич: неявные оценки и их следствия».

Февраля 18. Рисунок О. М. с подписью к нему (частное собрание).

Февраля не позднее 18. Вышел альманах «Дракон» со стихотворениями «Tristia», «Черепаха» и статьей «Слово и культура». Датируется по экземпляру с владельческой пометой и датой «18 II.1921».

♦ Из откликов: «В первом альманахе [Цеха поэтов] — великолепная статья О. Мандельштама "Слово и Культура". Не логическое следование суждений, а лирико-философская импровизация» (Мочульский К. Новый петроградский цех поэтов // Последние новости. Париж, 1922. 2 дек.).

♦ Из рецензии: «Стихи О. Мандельштама неровны. Рядом с отличными строчками попадаются довольно плохие. В "Черепахе"

больше хороших, чем плохих строк, а в “Tristia” перевес на стороне неудачных. Неосмотрительно со стороны поэта печатать рядом два стихотворения, в каждом из которых попадается эпитет «простоволосый», оба раза в неожиданном сочетании (“простоволосые жалобы” и “простоволосая трава”). Из-за этого не только пропадает эффект неожиданности, но и оба эти образа приобретают, как всякое механическое, хотя бы и редкое, соединение, привкус фальши. Неприятна своей дешевой риторичностью последняя строфа “Черепахи”» (Иванов Г. В. О новых стихах <...> // Дом искусств. 1921. № 2. С. 99).

♦ Из откликов: «О. Мандельштам в своей туманной и замечательной по стилю статье в “Драконе” говорит о классицизме. <...> В то же время Н. Гумилев, проповедуя акмеизм, не сознавал, что он проповедует классицизм и считал О. Мандельштама “открывателем классицизма”» (Оцуп Н. А. О Н. Гумилеве и классической поэзии // Цех поэтов. Кн. 3. Пг., 1922. С. 45.

♦ «Мандельштам говорит в статье “Слово и культура” <...> “Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл”. <...> В этих словах — огнеупорная, каменная философия того художественного течения, которое воплощает Мандельштам. Как не признать силы за акмеизмом, который против современности, один против всех резко отстаивает позиции слова, уже бывшего. <...> Вместо того, чтобы толкаться на современной словесной ярмарке, где строится, может быть, великолепная Вавилонская башня <...> лучше и вернее конструировать по чертежам и из материалов, отмеченных драгоценной пробой времени. Тому порукой такие стихотворения, как “Я [изучил] науку расставанья в простоволосых жалобах ночных...”* или “Прославим роковое бремя, которое в слезах народный вождь берет <...> Ее невыносимый гнет...”**, прошедшие через всю литературную Россию» (Перцов В. О. Новое в современной русской поэзии: Письмо из Москвы // Новый путь. Рига, 1921. 3 июля. С. 5–6).

Февраля 23. Дарственная надпись Н. А. Оцупу на первом издании «Камня»: «с истинной дружбой» (*Инскрипты*. С. 205).

Февраля 23. Письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух — К. И. Чуковскому о недавно вышедшем альманахе «Дракон». «Но мне хотелось бы знать Ваше мнение о Осипе Мандельштаме, Ходасевиче, Лозинском и о родоначальнике их Гумилеве» (Лит. наследство. Т. 92, кн. 4. М.: «Наука», 1987. С. 317).

Февраля 24. Получил в дар от Рюрика Ивнева книгу «Солнце во гробе» с надписью: «Дорогому Осипу Эмильевичу в память украинской эпопеи с братской любовью» (*Инскрипты*. С. 222).

---

* Из стихотворения «Tristia».

** Из стихотворения «Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...»).

Февраля 28. В Доме искусств — вечер Н. Гумилева, посвященный творчеству Т. Готье (билет Ольги Зив, копия. Ее помета: «Вечер Гумилева. С Н. А. О.» (*ИРЛИ*. Ф. 754. Коллекция. Альбом III-3, № 28 б).

Февраля 28. Начало Кронштадтского восстания (подавлено к 18 марта).

Февраль. Из воспоминаний: «Когда я стояла в очереди “на прикрепление” на март 1921 г. в Доме Ученых, в соседней очереди оказался Н. С. Гумилев, с которым я тогда редко встречалась. Очутившись со мной рядом, он заговорил о стихах Мандельштама и особенно восхищался стихотворением о Трое (“За то, что я руки твои...”). Он всегда очень высоко ценил поэзию О<сипа> Э<мильевича>» (*Листки из дневника*. С. 200).

Февраль (?). Подписал коллективное заявление в президиум Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов с просьбой о созыве общего собрания (*ПССиП*. Т. 3. С. 584, 861–862).

♦ Из воспоминаний: «Однажды ночью пришел ко мне Мандельштам и сообщил, что “блоковское” правление Союза час тому назад свергнуто и заменено другим, в состав которого вошли исключительно члены “Цеха” — в том числе я. Председателем избран Гумилев. Переворот совершился как-то странно — повестки были разосланы чуть ли не за час до собрания, и далеко не все их получили. <...> Мандельштам стал меня уговаривать “не подымать истории”, чтобы не обижать Гумилева. Из его слов я понял, что “перевыборы” были подстроены некоторыми членами “Цеха”, которым надобно было завладеть печатью Союза, чтобы при помощи ее обделывать дела мешочнического и коммерческого свойства. Гумилева же, как ребенка, соблазнили титулом председателя» (*Ходасевич 1997*. С. 88–89).

Марта 2. Собрание Цеха поэтов. Присутствовали Гумилев, Г. Иванов, Нельдихен, Одоевцева, Оцуп, Лозинский, А. Оношкович-Яцына (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 407)

Марта 8. Предложил Госиздату переиздать «Камень» (см. Марта 14).

Марта 8–16. X съезд РКП(б). Переход к нэпу.

Марта 9. Москва (?) Письмо к Н. Я. Хазиной: «Буду в Киеве через несколько дней». Адрес Хазиных: Институтская, 2, кв. 4. Тел. 33–61 (*ПССиП*. Т. 3. № 38; Там же. С. 752).

♦ Из воспоминаний: «В январе Люба [Эренбург] написала ему [О. М.] <...> В марте он приехал за мной <...> Через две-три недели мы выехали на север» (*Вторая книга*. С. 25).

♦ Из рассказа Л. М. Козинцевой-Эренбург в записи Б. Сарнова: «“Я знала, что Ося влюблен в Надю, что у них всё давно сговорено. Но Надя томилась в Киеве, а он болтался то в Москве, то в Питере и делать решительный шаг не спешил”. И вот, страдая за подругу, Любовь Михайловна однажды не выдержала и сказала ему: “Ося, по-моему, вам надо поехать в Киев за Надей и привезти ее сюда”. Осип Эмильевич послушался. Поехал и привез. “А совсем

недавно, — закончила свой рассказ Любовь Михайловна, — вспомнив про это, я сказала Наде: "Ты должна проклинать меня. Ведь это я обрекла тебя на твою ужасную, кошмарную жизнь!" И что она вам ответила? — спросил я. — Она сказала: "За всю жизнь у меня не было ни одного дня, когда я пожалела бы об этом"» (*Фрезинский 2005*. С. 283).

Марта 14. Объявлен «Вечер стихов» Цеха поэтов в Доме искусств при участии Н. Гумилева, Г. Иванова, М. Лозинского, О. М., С. Нельдихена, И. Одоевцевой, А. Оношкович-Яцыны, Н. Оцупа, В. Рождественского, В. Ходасевича. Афиша (Чукоккала. М.: «Искусство», 1976. С. 285). Не состоялся из-за кронштадтских событий, перенесен на 20 апр.

Марта 14. Протокол заседания № 8 редколлегии Петроградского отделения Гос. издательства 14 марта 1921 г. «Слушали: <...> 13. Предложение поэта О. Мандельштама переиздать его книгу стихов "Камень" (от 8 марта). Постановили: отклонить» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 28).

Марта вторая половина — Апреля не позднее 2-го. Вышел № 1 гектографированного журнала «Новый Гиперборей» со стихотворением «Троянский конь» («За то, что я руки твои не сумел удержать...») и рисунком О. М. к нему. Источник даты: инскрипт А. Оношкович-Яцыны, помеченный 2-м апреля (Архив М. Л. Лозинского).

Марта 17. Получил деньги за две проданные через книжный киоск Дома литераторов книги. Расписка (*Двинятина, Мец.* С. 7).

♦ В № 4 (июнь) петроградского журнала «Среди коллекционеров» — заметка в хронике: «Типографский кризис заставляет многих писателей и в Петрограде прибегать к распространению своих произведений в рукописях, как то давно практикуется при Московской Книжной Лавке Писателей. Такие рукописные издания в одном экземпляре продают в книжном кооперативе "Петрополис" Н. Гумилев, М. Кузмин, Ф. Сологуб, Ю. Верховский, О. Мандельштам и др.».

Марта 18. Москва(?). Автограф строфы 2 стихотворения «И поныне на Афоне...» с датой (*ИМЛИ*. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 2).

Марта 27/14. Письмо М. Цветаевой — М. Волошину: «Сейчас в Москве М<андельшта>м, — ко мне не идет, пишет, говорят, прекрасные стихи» (Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. М.: «Эллис Лак», 1999. С. 285).

Марта 28. Москва. О. М. на собрании «Литературного особняка» в Доме печати присутствует при чтении стихов Т. Мачтетом (*ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 49).

Марта 29. Москва(?) Автограф строфы 5 стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (*РГАЛИ*. Ф. 1893. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5).

Марта последние числа. Москва. Читает стихи в Кафе поэтов.

♦ Из дневника Т. Г. Мачтета: «На днях в Кафе читал О. Мандельштам, второй божок моих современников после Пастернака.

— Вот как надо писать! — захлебывается от восторга мой друг [Н. Н.] Минаев.

— Прелестные стихи! — вторит [Н. П.] Кугушева.

Его “Камень” произвел в поэзии переворот, как и “Поверх барьеров” всё того же Пастернака. Увы, я не понимаю обоих» («Так жили поэты»: Шершеневич и мир литературной Москвы в дневнике Тараса Мачтета) // Дроздков В. А. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М.: «Водолей», 2014. С. 721).

Марта не позднее. В Полтаве вышел из печати альманах «Радуга» № 2/3 со стихотворением «Меганон» («Еще далёко асфоделей...»). Дата установлена по времени выхода № 7 журнала «Кузница» (дек. 1920 — март 1921) с рецензией С. Оленева на альманах.

Март. В журнале «Красный милиционер» № 2/3 помещено стихотворение «Прославим, братья, сумерки свободы...».

Март (?) — Июнь, до 12. Вышел № 8 (10) журнала «Знамя» с окончанием статьи А. Блока «Крушение гуманизма». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 53. См. Январь.

Апреля 4. Москва. Ссора О. М. с В. Шершеневичем в Камерном театре и вызов Шершеневича на дуэль.

♦ Протокол об уклонении В. Шершеневича от дуэли — *ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 415. Л. 11–16, составлен секундантами О. М. Вячеславом Ковалевским и Рюриком Роком 15 апр. и зачитан в тот же день на заседании правления Всероссийского Союза писателей (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 35–36). Опубликован в изложении и с присовокуплением поздних воспоминаний Шершеневича, озаглавленных «Моя ошибка»: Нерлер П. М. Мандельштам и Шершеневич // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 97–100.

♦ Из дневника И. Розанова: 9 апр. М. А. Петровский рассказывает И. Н. Розанову о вызове на дуэль и о том, что «Шершеневич уклоняется» (*Галушкин 2008*. С. 174).

♦ Из воспоминаний Х. Бояджиевой: «В третий раз мы встречаемся опять в Москве в 192[1] году у Камерного театра, где я работала актрисой. Радостно поздоровавшись, приглашаю Осипа Эмильевича на наш очередной понедельник, день отдыха театра: “Вечером небольшой концерт, а потом поднимемся в нашу столовую и за чашкой чая побеседуем”. Вечером сидим за столиком: Вадим Габриелевич Шершеневич, наша актриса Евгения Никитина, которую пригласил Шершеневич, и я. Входит Мандельштам, приглашаю его присесть к нам. Шершеневич, очевидно приревновав, сразу же стал очень резко с ним разговаривать. Осип Эмильевич сдержанно предлагает сойти вниз и там продолжить разговор. Оба встают возбужденные и быстро выходят. Через некоторое время в дверях появляется Мандельштам, бледный, собранный: “Я должен довести до сведения присутствующих, что мы только что обменялись с Шершеневичем пощечинами”. А. Я. Таиров возмущенно встает: “Уйдите, уйдите, я не хочу, чтобы в моем театре происходили подобные инциденты”. Мандельштам галантно кланяется, как бы извиняясь, и выходит. Через некоторое время возвращается Шершеневич и вновь садится

за наш столик: “Я только что дал пощечину Мандельштаму”. После были разговоры о дуэли, пережитки которой еще жили в то время. А. Я. Таиров сказал мне, что он этого не допустит. Последствий никаких не было, и инцидент был забыт. Я не забыла тот вечер, не забыла бледного человека хрупкого сложения, который мужественно боролся за честь. Боролся и в дальнейшем за справедливость, против злой воли, что привело его к большим страданиям» (Знамя. 2011. № 1. С. 178. Подгот. А. Левичева).

Апреля 7. Отъезд из Москвы в Киев (дата указана в «Протоколе об уклонении от дуэли В. Шершеневича», см. Апреля 4).

Апреля 9 — Апреля около 16. Киев. Регистрация брака с Надеждой Хазиной в ЗАГСе. Возвращение в Москву.

♦ По воспоминаниям Е. К. Лившиц, с Б. К. Лившицем она познакомилась в 1921 г., и он ей рассказывал о приезде О. М. и его бракосочетании с Н. Хазиной. «Бен был единственным свидетелем в киевском ЗАГСе, когда Мандельштамы регистрировали свой брак. После регистрации пошли (новобрачные и Бен) к Наде, вернее, к ее родителям. Что-то ели, что-то пили: времена были трудные. Меня с ними не было, т. к. я познакомилась с Мандельштамами позднее, зимой» (запись 1981 г.).

♦ Из воспоминаний Н. Мандельштам: «Из Киева мы поехали в Москву. Чтобы попасть в какой-то особый, но уже не штабной вагон, нам пришлось сбегать в загс. Бумажку о браке мы потеряли моментально, чуть успев доехать до Москвы. Я даже не уверена, что в загс мы пошли в этот приезд [1921 года]. Как будто это случилось позже и произошло потому, что комендант будущего поезда сказал, что ему надоело возить с собой баб, которые жены на недельку в поезде и баста: “Без удостоверения не повезу”. Значения регистрации брака мы не придавали никакого, да и не стоил этот акт ничего. А в самом деле — в загсе мы были весной, а в тот год уезжали из Киева в холодные, лютые дни, и с нами поехал в Москву мой отец. В загс же с нами ходил Бенедикт Лившиц. Один раз мы явились слишком поздно — барышня уже собирала манатки и красила губы, готовясь смотаться. Бен со свойственным ему дурацким остроумием, которое он в душе считал раблезианским, уговаривал барышню повременить и совершить “бракосочетание”, потому что “молодым не терпится”. Она посмотрела на нас опытным, холодным взглядом и сказала: “знаем мы” и “подождут до завтра”... Лишь на следующий день мы получили бумажку для коменданта поезда, а в середине пятидесятых годов я через суд была оформлена в законные жены. Людям моего поколения суд давал это постановление в один миг: все либо забыли “оформиться”, либо потеряли бумажку. Она не была нужна ни на что...» (*Вторая книга*. С. 70–71).

Апреля 20. Петроград. Через брата Александра получает деньги за четыре проданные через книжный киоск Дома литераторов книги. Расписка (*Двинятина, Мец*. С. 7).

Апреля 20. Вечер Цеха поэтов в Доме искусств. На афише указаны: Н. Гумилев, Г. Иванов, М. Лозинский, О. Мандельштам, С. Нельдихен, М. Одоевцева, А. Оношкович-Яцына, Н. Оцуп, В. Рождественский, В. Ходасевич (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 453. Примеч. 79).

Мая 1. Пасха.

♦ Из воспоминаний: «На Пасхе вернулся из Москвы в Петербург один наш общий друг, человек большого таланта и большого легкомыслия. Жил он, как птица небесная, говорил — что Бог на душу положит» (*Ходасевич 1997*. С. 91–92. Подразумевается О. М.). См. также 1926, Августа 8.

Мая 4. Собрание Цеха поэтов (*Оношкович-Яцыны дневник*. С. 411).

Мая первая половина. «В мае О. Мандельштам познакомил Гумилева с В. А. Павловым» (*Степанов 1991*. С. 424). «Роль Мандельштама в этом деле проста: он узнал, что в Ленинград едет от Нимеца человек приглашать Гумилева в Крым, и попросил раздобыть и для него билет в штабной вагон. Павлов исполнил просьбу, и Мандельштам съездил в Петербург проститься с отцом перед "экспедицией" на Кавказ» (*Вторая книга*. С. 88). См. 1924, Декабря 22.

Мая середина. Москва. Письмо к В. Я. Хазиной: «Должно быть, в субботу [14 или 21] мы с Надей едем в Тифлис <...> Я встретил здесь своего приятеля, Особоуполномоченного по эвакуации Кавказа, и он нас берет с собой на службу в Грузию. Это очень хороший человек, художник [Б. Л.] Лопатинский, когда-то он работал со мной в Наркомпросе. <...> Я съездил без Нади в Петербург. Голодать не пришлось. Живем у Жени». Послано по адресу: Киев. Новая ул., 1, кв. 18 (*ПССиП*. Т. 3. № 39; Там же. С. 753). Маршрут поездки: Ростов — Кисловодск — Баку — Тбилиси.

♦ Из воспоминаний: «В двадцать первом году мы ехали с Мандельштамом в Тифлис в вагоне Центроэвака. Кроме вагона, предоставленного "начальству", к Тифлису полз целый теплушечный поезд, забитый работниками, которым предстояло расселить и трудоустроить армянских беженцев из Турции. В теплушках ехали обыкновенные работяги. Им, надеюсь, удалось что-то сделать для трагических армянских толп, а наш вагон внушал сомнения. В нем ехал начальник, художник Лопатинский из "Мира искусств", которому неизвестно почему поручили такую невероятно сложную работу, и кучка его друзей, получивших мандаты Центроэвака на командные должности. Лопатинский когда-то служил под началом Мандельштама в Комиссариате просвещения. Оба ничего не делали и боялись сердитой секретарши-большевички, возмущавшейся, что двое бездельников спасают почему-то церковный хор и совершенно не думают о классовом подходе. Хорошо, что они хоть не разоряли школу» (*Вторая книга*. С. 33).

Мая 21. Протокол № 12 заседания редколлегии Петроградского отделения Гос. издательства от 21 мая 1921 г. «Слушали: <...> 25) Заявление Блоха с просьбой разрешить ему печатать следующие книги: <...> 3) О. Мандельштам — Сборник стихотворений (около 3 печ. л.).

<...> Постановили: Разрешить с тем, чтобы набирать и печатать не в 15 типографии» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 43).

Мая 26. Баку. Памятная запись С. Городецкому: «Вопреки всем — всему я утверждаю, что Городецкий остался верен себе. Узнаю во всем старого Городецкого времен Цеха и Акмеизма и с любовью жду и прозреваю будущего Городецкого» (*Енишерлов 2016.* С. 87).

Июня между 15 и 20. Баку.

♦ Приходит к Вяч. Иванову. Запись М. С. Альтмана 20 июня: «Я около недели не был у В., и у него набежало много новостей. Посетил его проездом Мандельштам, читал ему стихи, очень сильные технически, чем он и славится» (Альтман М. Разговоры с Вяч. Ивановым. СПб.: «Инапресс», 1995. С. 69, 172).

♦ Из воспоминаний: «Мирная жизнь внезапно прервалась в Баку: несколько человек в вагоне заболели холерой, в том числе и Лопатинский. Нас отвели на запасный путь, и мы жили в неподвижном вагоне как железнодорожная бригада, пока больные отлеживались в городе. В Баку мы сходили в баню, где нам поставили отметку на паспорте (вместо паспортов были какие-то бумажки), чтобы нам не пришло в голову вторично помыться, побывали у Вячеслава Иванова, и Мандельштам как-то без меня зашел к Городецкому. Там-то я и увидела его в первый раз... Это был третий по счету акмеист на моем пути, потому что в Киеве мне довелось встречаться с Нарбутом» (*Вторая книга.* С. 34).

♦ Из воспоминаний: «Вячеслав Иванов при мне — мы навестили его в Баку проездом в Тифлис в 21 году — сказал, что бросил Москву и скрылся в бакинском уединении, потому что “идеи перестали править миром” и он в этом убедился» (*Воспоминания.* С. 153).

♦ «О. Э. рассказывает, что когда он в первый раз пошел к Вяч. Иванову с Надеждой Яковлевной, то Вяч. Иванов спросил ее: “Вы тоже пишете стихи?”» (*Acumiana 1.* С. 116).

Июня 21. В батумской газете «Искусство» помещена статья «Слово и культура» (*Мандельштам в Грузии.* С. 219. Примеч. 4).

Июля до 15. Прибыл в Тбилиси.

♦ Из воспоминаний: «Во второй раз он приехал в Тифлис (вместе со своей молодой женой) летом 1921 г. и прожил у нас почти полгода. Сначала их поселили в одной из комнат бывшего сараджевского особняка, превращенного в Дворец искусств, потом они перешли в дешевую комнату в одном из старых дворов на углу ул. Белинского и Варзисубани) <...> Он говорил: “Мне нечего требовать, ведь мои стихи станут читать несколько позднее. И вообще это дело неспешное...”» (Надирадзе Колау. Воспоминания // Дружба народов. 1987. № 7. С. 133–134).

♦ Из воспоминаний: «Осенью мы жили у присланного из Москвы Б[рихничева], с которым неоднократно говорили о том, что нас ждет. Однажды к дому, где мы жили, подъехали грузовики, и в несколько часов весь квартал был выселен. <...> Постоянным жителям квартала выдали заранее приготовленные ордера на новое жилье. Нам ехать

было некуда, и наши вещи бросили на полугрузовичок, мы назвали "Дом искусств", и шофер торжественно покатил нас по назначению. Мне почему-то запомнилась эта фантасмагория и забавнейшая деталь, придававшая всему еще более фантастический характер: шофер был негром. Откуда взялся негр, я не знаю, но он промчал нас по яркой центральной улице Тифлиса и остановился у изящного особняка в самой лучшей части Тифлиса. Этот особняк, брошенный владельцами, передали во владение поэтам из любимой в Грузии группы "Голубые роги". Мы самочинно, без разрешения властей и новых хозяев особняка, "Голубых рогов", заняли один из небольших кабинетов на нижнем этаже, где были приемные, гостиные и террасы. На втором этаже жили Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. Возмущенные нашим самочинством, слуги бегали жаловаться комиссарам просвещения, за которыми числился особняк, и время от времени по приказанию комиссаров Канделаки и Брехничева не пускали нас в дом. Тогда с верхнего этажа спускался Яшвили и, феодальным жестом отшвырнув слугу, пропускал нас в дом. Мы продержались там около месяца. Поэты раздобыли Мандельштаму перевод Важа Пшавелы, и на террасах нижнего этажа время от времени между ними и Мандельштамом вспыхивали споры, в которые обе стороны вкладывали южную ярость и пыл. Мандельштам нападал на символистов, а Яшвили именем Андрея Белого клялся уничтожить всех врагов символистов. Антисимволистического пыла у Мандельштама хватило на все статьи 1922 года. Доводы оттачивались в тифлисских спорах. Младшие «Голубые роги», Гаприндашвили и Мицишвили, тайно сочувствовали Мандельштаму, но старшие были непримиримы. Под конец Яшвили восклицал: "Кто вы такой, чтобы нас учить!.." А ведь правильно — что за миссионерский пыл обуял Мандельштама, чтобы громить то, что он считал ересью, в чужой и незнакомой ему поэзии... Зато сходились все на одном: в оценке Важа Пшавелы. Комиссары, убедившись, что примитивно — ручным способом — выгнать нас нельзя из-за сопротивления Яшвили, дали нам ордер на какую-то гостиницу с разбитыми стеклами. Мы побыли там несколько дней, выпили вина с соседями — грузинскими милиционерами — и через Батуми уехали в зиму — на север. Новый двадцать второй год мы встретили на пароходе в Сухуми» (*Третья книга*. С. 200–202).

Июля 16. Тбилиси. Запись в дневнике Е. Е. Лансере: «У Н. Д. Соколова, там Ивнев и Мандельштам — "в Петрограде замечательно хорошо"» (Лансере Е. Е. Дневники. М.: Искусство–XXI век, 2008. Кн. 1. С. 647).

♦ Из воспоминаний: «В это время я получил приглашение от наркома по просвещению Конделаки приехать в Тифлис <...> В июле мы были уже в Тифлисе» (Ивнев Рюрик. Жар прожитых лет. СПб.: «Искусство–СПБ», 2007. С. 320).

Июля 24. В берлинской газете «Новый мир» помещено стихотворение «Прославим, братья, сумерки свободы...».

Июль, до 31. В журнале «Вестник литературы» № 4/5 (28/29) — статья В. Жирмунского «На путях к классицизму (О. Мандельштам. Tristia)». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 127. «Как всякая поэзия классического стиля, поэзия О. Мандельштама есть зодчество прекрасных форм. <...> Мандельштам выражает свои фантастические сочетания разнороднейших художественных представлений в классически строгой и точной эпиграмматической формуле. Математическая фантастика, разгул воображения, опрокидывающий привычные связи представлений, — и высшая сознательность умного зодчего! <...> *С любезного разрешения О. Э. Мандельштама <...> мы пользуемся отрывками неизданных стихотворений, предназначенных для нового сборника» (с. 3, сноска).

Августа 1. Статья И. Эренбурга «Русская поэзия и революция» (на франц. языке) в № 4 журнала «Signaux de France et de Belgique», с упоминанием Мандельштама и цитатой из стихотворения «Прославим, братья, сумерки свободы...» (*Фрезинский 2005*. С. 283, 318).

Августа 3. Арест Гумилева.

Августа 7. Смерть Блока.

Августа 14. В газете «Жизнь искусства» (9–14 августа) помещено стихотворение «Чуть мерцает призрачная сцена...».

Августа 21, Сентября 10, Ноября 11, Декабрь. Анонсы издательства «Petropolis» о печатании книги «Tristia»: Жизнь искусства, № 804, 16–21 авг. («...на этой неделе выйдут в свет <...> О. Мандельштам “Tristia”...»); Новый мир, Берлин, 10 сент., то же; Летопись Дома литераторов, № 1, 1 нояб. («в печати»); Петербург, № 1, дек.

Ср. рец. В. Жирмунского: 1921, Июль, до 31; рец. И. Эренбурга: 1922, февраль (см. ниже). Книга вышла после переезда издательства в Берлин в августе 1922 г.

Август, в ночь с 24 на 25. По приговору ПетроЧК расстрелян Н. Гумилев.

♦ Из воспоминаний: «На какой-то короткий период мы сблизились с посольством РСФСР в Грузии. Послом был [Б. В.] Легран, гимназический товарищ Гумилева. Он назначил Мандельштама в штат посольства, и нам ежедневно выдавали два обеда по типу московских пайковых столовых. Мы приходили в посольство, болтали со скучающими Легранами, а затем уносили посольские судки с обедом и пачку газет, из которых Мандельштаму полагалось по долгу службы делать вырезки. Посольству хотелось иметь референта, но и посольство, и референт, и обеды были не настоящими, а липовыми, газеты же приходили с севера и из-за границы со скоростью черепахи. Легран раздобывал новости не из газет, а в Цека (или это называлось тогда Закрайком? названия у нас непрерывно меняются), имевшем с Москвой либо телефонную связь, либо тысячу курьеров. Однажды Легран, обычно равнодушный и сдержанный, выскочил к нам навстречу из кабинета и увел нас к себе в квартиру. Там он рассказал о расстреле Гумилева. Он не на шутку испугался, хотя говорил

искусственно дипломатическим голосом. Я не знаю, удалось ли ему сделать карьеру почище советского посла в Грузии, потому что это была наша последняя встреча. В разговор вмешалась жена Леграна, приятная и приветливая женщина. Она поспешно сказала, что ей никогда не нравился Гумилев — заносчивый, резкий, непонятный, чужой и чуждый человек. <...> Жена Леграна была предельно искренной, но впечатление от первого выпада против расстрелянного оказалось таким сильным, что нам не захотелось возвращаться в посольство за обедом и газетами. Мы ушли с судками, но в посольство больше не заглядывали. Вскоре к нам явился солдат, рассыльный посольства, и забрал посольскую жестяную посуду. На этом отношения с Легранами кончились» (*Вторая книга.* С. 62–63).

Август. В журнале «The London Mercury» — статья Д. П. Святополк-Мирского «Русское письмо.* Современные течения в поэзии. Поэзия и политика». «Осип Мандельштам, сын еврейского банкира, позднее ставший коммунистом, писал о книгах, соборах и философиях, рассматривая их с чисто перцептивной точки зрения, как это делают молодые крестьяне или цыганские девушки. Его стих энергичный, а восприятие тонкое» (Святополк-Мирский Д. П. Поэзия и поэты. СПб.: «Алетейя», 2002. С. 36. Перевод с англ. М. В. Бондаренко).

Сентябрь, до 26. Вышла кн. 2 «Альманаха Цеха Поэтов» со стихотворениями «Веницейской жизни, мрачной и бесплодной...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...», «Чуть мерцает призрачная сцена...». Источник даты: *ЛЖР.* Т. 1, ч. 2. С. 171.

♦ Из откликов: «“Цех поэтов” (своего рода комиссариат стихотворения) издал второй “Альманах”. Украшением сборника нужно признать прекрасные стихи М. Лозинского и О. Мандельштама» (Голлербах Э. В саду поэзии (О новых книгах стихов) // Новый мир. Берлин. 1921, 30 окт. С. 7).

Сентября 27. «Получил от Союза русских писателей в Грузии пособие в размере: двести пятьдесят тысяч рублей. Мандельштам. Тифлис, 27 сентября 1921 г.» (*Мандельштам в Грузии.* С. 212).

Сентябрь. В берлинском журнале «Русская книга» № 9 помещена статья И. Эренбурга «О некоторых признаках расцвета российской поэзии». Отмечено стихотворение О. М. «Прославим, братья, сумерки свободы...».

Октября 5. Зачислен в действительные члены «Союза русских писателей в Грузии» (*Мандельштам в Грузии.* С. 211).

Октября 13. Начало обсуждения в печати сборника «Смена вех» (Прага, 1921) (*ЛЖР.* Т. 1, ч. 2. С. 183).

Октября не ранее 15 — Ноября до 20. Вышел № 7 журнала «Книжный угол» с рецензией Б. М. Эйхенбаума на «Знаменья» Е. Г. Полонской (*ЛЖР.* Т. 1, ч. 2. С. 185). «Традиции Полонской определить точно еще трудно, но кажется мне, что она ближе всего

* Ошибка перевода, правильно: Русская литература.

к Мандельштаму. В ритмической напряженности стиха, в синтаксисе (иногда затрудненном и не совсем русском) и в заключительных points есть следы его манеры» (с. 41).

Октября 23. В варшавской газете «Свобода» (велась при ближайшем участии Д. Философова) помещено стихотворение «Умирающий Петрополь» («На страшной высоте блуждающий огонь...») без указания имени автора (*Тименчик 1990*. С. 130).

♦ Из дневника Юзефа Чапского, 8 июля 1965: «Как давно читал мне это Димка [Философов] на Сенной в Варшаве! Как сейчас, вижу его, сидящего в своей маленькой комнатушке на продавленном диване, под свисающей с потолка лампочкой <...>, после целого дня тяжелой работы в редакции. И это стихотворение на столе перед ним. Оно попало к нему из России нелегальным путем. Вижу, как он сдерживает подступившее волнение, вижу его строгие голубые, почти белые глаза и слушаю эти стихи с четырехкратным рефреном: "Твой брат, Петрополь, умирает"» (Czapski J. Wyrwane strony. Warszawa, 2010. S. 112. = Чапский Ю. Вырванные страницы. Варшава, 2010. С. 112. Перевод И. Белова).

Октябрь. В журнале «Искусство» (Баку) № 2/3 помещены стихотворения «Эвридика» («Чуть мерцает призрачная сцена...») и «Конь» («За то, что я руки твои не сумел удержать...»), а также некролог Н. Гумилева, принадлежавший С. Городецкому: «...связанность со старым миром рано делает его литературным стариком. Он основывает школу акмеизма, дает таких талантливых учеников, как Мандельштам, но холодный академизм закрывает ему дорогу к будущему».

Ноябрь, между 11 и 26. Вышел сборник «Пушкин. Достоевский» со статьей Б. Эйхенбаума «Проблемы поэтики Пушкина». См. Февраля 11.

Ноябрь, до 15. Вышла книга стихов А. Ахматовой «Anno Domini MCMXXI». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 215.

Ноября 28. Доклад Ю. Айхенвальда «Современные русские поэты» на исполнительском собрании Всероссийского Союза писателей в Москве. «Доклад был посвящен творчеству Ахматовой, Гумилева, Мандельштама» (Новый мир. Берлин. 1922, 1 янв. С. 7; Последние новости. Париж. 1922, 12 янв. С. 4).

Ноябрь, до 29. Вышел сборник «Об Александре Блоке» со статьей Б. М. Эйхенбаума «Судьба Блока». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 242. «Смерть Блока потрясла всех нас. И совсем не потому, что не будет он больше писать стихов, — не будем лицемерить над свежей могилой. Предоставим это тем, ремесло которых — встречать появление поэта жестоким смехом, а провожать его прах — сентиментальными слезами. Мы не смеялись — и мы не плачем, потому что живем и умираем среди железного века, когда — не до слез. Смерть сдружилась с нами — будем держать себя с достоинством перед лицом этого молчаливого друга. Потому что иной друг суровее всякого врага. Потому что с таким другом надо уметь бороться. <...> Незачем скрывать,

что одновременно с растущей модой на Блока росла и укреплялась вражда к нему — вражда не мелкая, не случайная, а неизбежная, органическая. Вражда к "властителю чувств" целого поколения — чувств, уже потерявших свою гипнотическую силу, свое поэтическое действие. Вражда к созданному им и уже застывшему в своей неподвижности поэтическому канону. И это нисколько не оскорбительно: только вражда и ненависть могут спасти искусство, когда оно становится модой. Последние сборники Блока — "За гранью прошлых дней" и "Седое утро" — имели уже вид посмертных. Они встречены были недоумением. В них не было ничего такого, чего многие, быть может, ожидали после "Двенадцати". Никакого нового пути. Старые, изжитые стихи 1898–1916 годов, не включенные в прежние сборники. Самые их названия казались анахронизмом. Точно Блока уже нет. <...> В недрах самого символизма, из уст самого Блока, явилось осуждение ему, как принципу духовной культуры, как принципу сознания. Мистическое "похмелье" послереволюционного периода отрезвило Блока. Явилось ощущение противоречий — произошел надлом сознания, наложивший отпечаток трагической тревоги на всё второе поколение».

Декабря 4. В газете «Фигаро» (Тифлис) № 1 помещено стихотворение «Умывался ночью на дворе...» и перевод стихотворения Н. Мицишвили «Прощание»; заметка в хронике о работе О. М. над переводом поэмы Важи Пшавелы «Гоготур и Апшина», который «был одобрен и принят Наркомпросом к печатанию» (*Мандельштам в Грузии*. С. 212–213).

Декабря 10. В Париже вышел из печати журнал «Смена вех» № 7 со статьей П. С. Когана «Поэзия эпохи Октябрьской революции». «Рев революционной трубы, сотрясший спокойствие всего мира, не достиг слуха этих писателей. Как встарь, продолжают выходить эти томики стихов и интимных размышлений. <...> Вспоминает в стихах о Франциске Ассизском Кузьмин, уносится в мечтах в экзотические страны Осип Мандельштам, образы старой Италии воскрешает нежный поэтический беллетрист Зайцев. Поэты, составившие себе имя до Революции, ни в чем не изменили себе» (с. 21).

Декабрь, до 20-х чисел. Образование группы «Лирический круг» в Москве. О предполагаемом участии О. М. и Ахматовой в группе см.: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 260.

Декабря 25. В газете «Фигаро» (Тифлис) № 2 помещено стихотворение Г. Леонидзе «Автопортрет» в переводе О. М. (*Мандельштам в Грузии*. С. 213).

Декабрь. Вышла из печати антология «Поэты Грузии» со стихотворениями Т. Табидзе, Н. Мицишвили, Г. Леонидзе, В. Гаприндашвили в переводе О. М. (*Мандельштам в Грузии*. С. 212).

Декабрь. Батуми.

♦ Из воспоминаний: «Мы попали в Батум и первую ночь провели на террасе в квартире инженера, фамилию которого я забыла, члена первого или второго «Цеха» [Н. В. Макридина]. Его самого не было

в городе, а жена, пустившая нас на террасу, предупредила, что там полно москитов. Всю ночь, просыпаясь, я видела, как Мандельштам сидит на стуле, рядом с кроватью, и машет листом бумаги, оттоняя от меня москитов» (*Вторая книга*. С. 166, 519).

♦ «В Батум с письмом в Центросоюз (попытка устроиться вне литературы), лекция о Блоке в Центросоюзе. <...> Булгаков в Батуме» (*Биоканва*. С. 955).

♦ «Центросоюз в Батуме вышел в меценаты и за лекцию о Блоке выдал Мандельштаму материю на костюм и на два платья для меня» (*Вторая книга*. С. 68).

♦ «О. Мандельштам приехал, объявил лекцию, распродал билеты и... не прочтя ничего никому, сбежал!» (Данилов М. Батумские письма // Бакинский рабочий. 1922. 19 июня. Цит. по: *Тименчик 1998*. С. 412. Примеч. 13).

♦ Из письма Н. Я. Мандельштам — Е. С. Булгаковой, 3 июля 1962 г.: «Знаете ли вы о первой встрече О. М. и Мих<аила> Аф<анасьевича>? Это было в Батуме в 21 году. Вы себе представляете, в каком виде мы были все трое. К на<м> несколько раз на улице подходил молодой человек и спрашивал О. М., стоит ли писать роман, чтобы послать его в Москву на конкурс. О. М., к тому времени уже знавший литературную жизнь, говорил, что на конкурс посылать ничего не стоит, а надо ехать в Москву и связаться с редакциями. Они иногда подолгу разговаривали именно на эту "практическую" тему. О. М. говорил мне, что у этого незнакомого юноши, интересующегося конкурсом, вид, внушающий доверие ("В нем что-то есть — он, наверное, что-нибудь сделает"), и что у него, вероятно, накопился такой материал, что он уже не в состоянии не стать писателем. Вскоре в Москве мы встретились с Булгаковым — автором первых рассказов и "Белой гвардии". Шумный успех "Турбиных" не был для нас неожиданностью» (*РГБ*. Ф. 562. Карт. 36. Ед. хр. 2. Л. 1–2). О встрече с М. А. Булгаковым см. также: 1935, Апреля 13.

1922

Января 1. Из дневника П. Н. Зайцева: «Говорят, в Петербурге не разрешена к изданию книга стихов Мандельштама, вероятно, его "Тристии". Это первые плоды поездки Мещерякова в Питер. Еще до его поездки здесь передавали его слова: "Надо Питер подтянуть!"» (*РГАЛИ*. Ф. 1610. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 24).

Января 1. На пути из Батуми в Новороссийск находится в Сухуми. «Новый, 1922 год мы встретили на рейде в Сухуми. Наш пароход назывался "Дмитрий", и нас везла без билетов комиссарша, бывшая пароходная нянька, добродушная, ширококостная женщина, отлично справлявшаяся с беснующейся оравой демобилизованных красноармейцев. Перепившись, они требовали у комиссарши отчета, почему портрет лейтенанта Шмидта висит у нее в каюте выше Ленина и кто

эти двое, которых она уложила на тюфяке у своих дверей и прячет от контроля. Она нас и не думала прятать, а просто заслоняла своей могучей спиной и говорила совершенно беспомощным контролерам, что "эти" с ней и "этих" трогать не надо. И они нас "не трогали", как и прочую толпу безбилетных пассажиров» (*Вторая книга.* С. 63).

Января 3. Московский журнал «Жизнь искусства» № 1, в рубрике «Новости книжного рынка», анонсирует сборник стихов «Остров» с участием в нем О. М. (*Труды и дни Волошина.* С. 141).

Января начало. Переезд из Батуми в Новороссийск. «Мы высадились в Новороссийске под безумный вой оголтелого норд-оста. Ветер сбивал с ног. Мы дрожали от холода после прелестной теплицы, где провели полгода, то изнемогая от жары, то шлепая по покрытым ледяной пленкой лужам элегантными деревянными сандальями. Мы не боялись холода, потому что вдруг перестали чувствовать себя эмигрантами. <...> В Новороссийске мы переночевали на столах в редакции газеты и двинулись дальше. В те годы всюду были мальчишки, которые знали Мандельштама и готовы были устроить ему ночевку, билеты и каплю денег. Такие нашлись и в новороссийской газетке» (*Вторая книга.* С. 65).

Января 10. Л. Э. Ландсберг в письме к М. А. Волошину посылает копии стихотворений О. М. (Сальман М. Г. О разных смыслах автобиографичности у О. Э. Мандельштама: на примере «Шума времени» / / AutobiografiЯ. 2013. № 2. С. 141–142).

Января середина. Прибыл в Ростов-на-Дону. Из воспоминаний: «Главным в этом человеке была эмоциональная окраска всего, что бы он ни делал: на всё повышенная реакция. Он был легко раним и впечатлителен, очень остро всё воспринимал. На протяжении всех лет, что я его знала, он подсознательно — а возможно, и сознательно — сопротивлялся всему бытовому. <...> Ему было всё равно, что на нем надето. Вот пример: в Ростове он отправился в парикмахерскую, потом зашел за нами в кафе поэтов и сказал, что забыл в парикмахерской шляпу; мы все отправились за шляпой, но гардеробщик выгнал нас, сказав, что Мандельштама он видит впервые. Оказалось, что за углом есть другая парикмахерская, туда Осип Эмильевич пошел уже один — мы побоялись. На этот раз он не ошибся и вышел в шляпе — но в какой! Это было что-то вроде котелка неопределенного цвета и формы, в который Мандельштам почти провалился» (Ханцин И. Д. Воспоминания о Мандельштаме / Публ. В. Швейцер // Вестник русского христианского движения. 1980. № 132. С. 143).

Января 17. В газете «Советский Юг» (Ростов-на-Дону) помещен очерк «Батум» («Весь Батум как на ладони...»). Перепечатан: Правда (Москва). 1922, 3 февр. С. 2; Моряк (Одесса). 1922, 25 февр. С. 4–5.

Января 19. В газете «Советский Юг» помещен очерк «Кое-что о грузинском искусстве».

Января 21. В газете «Советский Юг» помещено «Письмо о русской поэзии». Перепечатано в газете «Батумский час» 11 февр.

Января 22. В газете «Советский Юг» помещена статья «Кровавая мистерия 9-го января».

Января 28. В «Обозрении театров гг. Ростова и Нахичевани-на-Дону», № 5 (10), 25–28 янв., помещено стихотворение «Театральный разъезд» («Чуть мерцает призрачная сцена...») и статья Я. Перовича «Наши гости»: «Теперь случайные гости Ростова — поэты О. Мандельштам и Есенин. <...> Поэт [Мандельштам] <...> подарил нас, ростовцев, фельетоном о Батуме. Не понравился ему этот город <...> не понравилась культура базара и хищничества».

Января 29. Еженедельник «Театральная жизнь» (Ростов-на-Дону) № 8 поместил сообщение: «Лирический круг. В Москве образовалась новая литературная группа <...> В. Ходасевич, С. Соловьев, Конст. Липскеров, С. Шервинский, Абрам Эфрос, Юр. Верховский, Леонид Гроссман, Вл. Лидин, Н. Бромлей, Андрей Глоба <...> и в нее же войдут Анна Ахматова и О. Мандельштам, по уклону своего творчества примыкающие к общей линии “Лирического круга”. Эта линия характеризуется двумя признаками: во-первых, тем, что участники группы чувствуют себя связанными с классической традицией русской поэзии, с поэтикой пушкинской плеяды».

Января 29. В харьковской газете «Коммунист» — информация о диспуте в помещении общественной библиотеки «о современной культуре». Доклад В. Рожицына «Красота и контрреволюция». Оппоненты: Я. Браун и Е. Ланн. Чтение стихов Ахматовой, Гумилева, Мандельштама.

Февраля 1. В газете «Советский Юг» (Ростов-на-Дону) помещен очерк «Шуба».

♦ Воспоминания Н. Александровой о покупке в ростовском Центросоюзе шубы для О. М. и устройстве ростовским Союзом поэтов вечера его стихов, см.: *СМР* 4/1. М.: РГГУ, 2008. С. 143–148.

Февраля начало. Переезд из Ростова-на-Дону в Харьков.

♦ Из воспоминаний: «Около месяца мы прожили в Ростове, где Мандельштам напечатал несколько статеек в местной газете. В феврале мы сели в отдельный салон-вагон, предоставленный хирургу, профессору [Н. П.] Тринклеру (его вызвали из Харькова, чтобы сделать операцию кому-то из начальников), и вскоре дотянулись до Харькова. Салон-вагон — знак высокого положения в мире, и потому его прицепляют к поездам в первую очередь, не то что поганую теплушку. В Харькове был перевалочный пункт, откуда южные толпы рвались в Москву. Там Мандельштама встретили люди, бредившие стихами. Все они были на отлете и собирались в Москву с литературными заявками. Гражданская война выхлестнула наверх особый слой разговаривающих и пишущих людей, которым не терпелось рассказать о том, что они видели. К обобщениям не стремился никто. Смысл событий ускользал. Все жили конкретным случаем, живописной, вернее, забавной подробностью, явлением, пеной с ее причудливым узором... Забавный и живописный оборванец, Валя

Катаев, предложил мне пари: кто скорее — я или он — завоюем Москву» (*Вторая книга*. С. 65–66).

Февраля 5, Мая 14. В Петрограде — доклад Артура Лурье «Голос поэта» в зале Географического общества. Текст напечатан: Орфей. Пб., 1922. Кн. 1 (*ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 309). «“Останься пеной Афродита, И слово в музыку вернись”. Вот смысл современности, в ее наиболее значительных и устойчивых творческих проявлениях наших дней. Решительное устремление к новым путям, в постижении и завоевании стихии искусства, и одновременно возвращение к древним, архаическим эпохам, там, где память об этой стихии жива, где она воплощена в живых еще символах. Вот та позиция, на которой утверждается поэзия и музыка современности. <...> Петербург, февраль 1922 г.».

Февраля 5. Вышло «Обозрение театров городов Ростова и Нахичевани н/Д» № 6 (11) (1–4 февр.) с очерком «Гротеск».

Февраля 6. Газета «Фигаро» (Тифлис) в № 4 поместила сообщение о том, что вышло новое произведение Кара-Дарвиша «Пляска на горах» в переводе О. М. и в его же переводе помещен фрагмент поэмы Важи Пшавелы «Гоготур и Апшина» (*Мандельштам в Грузии*. С. 214, 216).

Февраля 7. Харьков. Вечер памяти Блока. В газете «Коммунист» за 3 февр. анонсированы доклады «Рожицына, Брауна и Карелина».

♦ Письмо Л. Э. Ландсберга — М. Волошину, 3 марта: «Здесь на неделю остановился Мандельштам, проездом из Тифлиса в Киев (потом Москва — Петроград). Появился он неожиданно для всех на одном литературном вечере, экспромтом произнес речь о Блоке, свою, особенную, немного неуклюжую, но грациозную, из удивительных своих афоризмов» (Рус. литература. 2006. № 4. С. 138).

Февраль, между 7 и 12. Харьков. Пишет статью «О природе слова» (*ПССиП*. Т. 2. С. 502). См. Мая 6.

Февраля 9. В харьковской газете «Коммунист» помещен очерк «Современный Батум» («Дождь, дождь, дождь...»). Перепечатан: Моряк (Одесса). 1922, 9 марта.

Февраля 10. Из письма Д. С. Усова — М. А. Зенкевичу, из Астрахани: «Я предпринял чтения цикла из трех лекций “Новейшая русская поэзия” по такой программе (хронологич<еская> рама 1890–1917) <...> Поздний символизм. Определительные начала: М. Кузмин, И. Анненский, В. Брюсов в поздней стадии. Школа: Н. Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Зенкевич, М. Волошин, Черубина де Габриак, М. Цветаева, А. Лозина-Лозинский. Я нарочно заканчиваю 1917-ым годом. Смерть Лозина-Лозинского для меня скорбная цифра целого периода русской поэзии. С ним, по-моему, кончается нечто такое, чего больше уж не будет» (*Усов 2011*. Т. 2. С. 71).

Февраля 12. Харьков. В газете «Коммунист» на этот день анонсирован вечер О. Мандельштама в Общественной библиотеке с докладом об акмеизме, со вступительным словом В. Рожицына

«Очарованные странники». Из письма Л. Ландсберга — М. Волошину, 3 марта: «Был устроен его вечер, собравший лучшую харьковскую публику. Мандельштам говорил о путях русской литературы, о Бергсоне, Розанове, Белом — искренне, страстно, как подвижник и боец за живую плоть слова. Всё свое бескорыстие и волю отдает на то, чтобы разоблачить и заклеймить тех, кто умучивает и убивает слово» (Рус. литература. 2006. № 4. С. 138).

Февраль, до 14. В Петрограде вышел № 8 журнала «Книжный угол» с рецензией Л. Лунца на альманахи Цеха поэтов. Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 318. «...Г. Иванов, Лозинский, Адамович и Зенкевич — старые поэты. Мы всегда знали, что они сидят в болоте. Печально, что в этом болоте завязла молодежь, новые имена и новые лица. <...> III. Но в болоте есть два подлинных, настоящих поэта. Это вожди школы — Н. Гумилев и О. Мандельштам. <...> Н. Гумилев создал школу, но не создал направления, не открыл новых Америк. Он только довел до совершенства старую Брюсовскую манеру. Мандельштам же новатор. Я не люблю стихов Мандельштама. Не люблю этого логически-бессмысленного сочетания разнородных фраз, но я восхищаюсь этим сочетанием. Пусть стихи Мандельштама можно читать одинаково хорошо и с середины, и с начала, и с конца, но поэт поистине открыл в русском стихе невиданные возможности. Мандельштам с замечательным искусством ворочает словесными сцеплениями, звуковыми массами, сцепляет их и разбрасывает. Именно у Мандельштама, а не у футуристов, настоящее торжество звука над смыслом» (с. 50, 52–53).

Февраль, до 15. В Москве вышел сборник «СОПО» («Союз поэтов») (2-й сб. стихов) со стихотворением «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 319.

♦ Из рецензии Н. Оцупа: «Старое стихотворение О. Мандельштама “Сестры тяжесть и нежность” дано в первой редакции, в которой поэт еще не успел исправить комического эффекта 6-й строки: “легче камень поднять, чем вымолвить слово «любить»” неопределенное наклонение вместо изъявительного)» (Цех поэтов. Кн. 3. Пг., 1922. С. 71).

Февраля 18. В харьковской газете «Коммунист» — информация о восстановлении железнодорожного сообщения с Киевом.

Февраль, до 25. Вышла книга «Царское Село в поэзии» / Под ред. Н. Лернера. Включено стихотворение «Царское Село». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 330.

Февраля 25. Харьков. Вышел № 1 журнала «Художественная мысль» (18–25 февр.) со стихотворением «Дом актера».

Февраля конец — Марта первые числа. Приезжает в Киев.

Февраль. В псковском журнале «Новая жизнь» № 1/2 (янв.–февр.) — рецензия Н. А. Алексеева на «Anno Domini MCMXXI» Ахматовой. «В Питере, в доме Искусства, как на Парнасе, восседают салонные поэты из кружка ныне покойного (расстрелянного за участие в заговоре проф. Таганцева) Н. Гумилева, в жизни — контрреволюционера,

а в поэзии — служителя чистого искусства, этого “изысканного жирафа” <...> тут салонный поэт М. Кузмин, Г. Иванов, Г. Адамович, О. Мандельштам и бывшая жена Н. Гумилева — Анна Ахматова, талантливая поэтесса».

Февраль. В берлинском журнале «Новая русская книга» № 2 — рецензия И. Эренбурга на книгу «Tristia». «Мандельштам патетичен всегда, везде, это не ходули, но рост, не манера, но голос. С величайшим пафосом говорит он о некой, взбивающей для него гоголь-моголь:

“...и ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог...”*

И также (без юродствующих восторгов, без кликушеских причитаний), — как муж — о великих “Сумерках Свободы”:

“Прославим власти сумеречной бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет”».**

Февраль. — Дата стихотворения «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...» в сигнальном экземпляре журнала «Грядущий мир», см. Апрель.

Марта 4. В киевской газете «Пролетарская правда» заметка в хронике: «Книгоиздательством “Время” сдана в печать первая книга литературно-художественного альманаха. В первой книге принимают участие М. Волошин, О. Мандельштам, И. Эренбург».

Марта 4. В харьковском журнале «Художественная мысль» № 2 (25 февр. — 4 марта) заметка в хронике: «Издательство “Помощь” заключило с поэтом О. Мандельштамом договор о его представительстве от издательства в Москве и Петербурге. Вместе с тем издательство приобрело его очерк “Шуба”, который пойдет в печать во второй серии книжек».

Марта не позднее 7. В Берлине вышел в свет составленный И. Эренбургом сборник «Поэзия революционной Москвы». Включено стихотворение «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...». Источник даты: письмо Эренбурга к М. М. Шкапской от 7 марта (Эренбург И. Письма 1908–1967: Т. 1: «Дай оглянуться...» Письма 1908–1930. М.: «Аграф», 2004. С. 141).

Марта 7. Киев. Творческий вечер О. М. в Философской академии.

♦ Объявление: «Вечер поэта О. Мандельштама. Проездом в Петроград в Киеве остановился известный русский поэт Осип

---

* Из стихотворения «Мне жалко, что теперь зима...».

** Рец. написана на основе знакомства с рукописью книги, до ее выхода. Ср. рец. В. Жирмунского: 1921, Июль, до 31; 1922, Август.

Мандельштам. Во вторник, 7 марта, им будет прочитана в философской академии лекция на тему: “Акмеизм или классицизм? (Внутренний эллинизм в русской литературе. В. Розанов, И. Анненский, А. Блок, лжесимволисты, акмеисты, имажинисты. Выход из акмеизма к классицизму)”. После лекции поэтом будут прочитаны собственные стихотворения. Начало лекции в 6 ч. вечера. Пушкинская, 12» (Пролетарская правда, 5 марта).

♦ Из отчета: «Лектор утверждает за русской поэзией для будущего значение, подобное древне-классической — для прошлого. Так называемую эпоху символизма в русской литературе тов. Мандельштам называет лжесимволизмом, и видит в акмеистической школе русской поэзии — ростки здорового будущего. Лектору оппонировали из публики, не согласные с оценкой Андрея Белого. После лекции О. Мандельштамом был прочитан ряд своих стихотворений» (Пролетарская правда, 14 марта).

Марта 10. В Берлине вышла книга «Портреты русских поэтов» И. Эренбурга с эссе об О. М. и подборкой его стихотворений (*Попов, Фрезинский*. С. 242). «Поэты встретили русскую революцию буйными вскриками, кликушескими слезами, плачем, восторженным бесновaнием, проклятьями. Но Мандельштам — бедный Мандельштам, который никогда не пьет сырой воды, и, проходя мимо участка комиссариата, переходит на другую сторону, — один понял пафос событий. Мужи голосили, а маленький хлопотун петербургских и других кофеен, постигнув масштаб происходящего, величие истории, творимой после Баха и готики, прославил безумие современности: “ну что ж, попробуем, огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля”».

Марта первая половина. Киев.

♦ Из воспоминаний Е. К. Лившиц: «А зимой Мандельштамы пришли к нам на Тарасовскую улицу. Мы уже были женаты и жили у родителей Бена. Жили в маленькой комнате (из-за невозможности отопить большие комнаты). Там стояли две кровати, между ними стол и больше ничего в комнате не было. Освещения не было, вода за ночь замерзала в кувшине. Обычно горела так называемая коптилка, а тут в честь гостей Бен зажег кухонную керосиновую лампу» (запись 1981 г.).

Марта вторая половина. По приезде в Москву навещает Марину Цветаеву.

♦ Из воспоминаний: «Дело происходило в Москве летом 1922 года.* Мандельштам повел меня к Цветаевой в один из переулков на Поварской — недалеко от Трубниковского, куда я бегала смотреть знаменитую коллекцию икон Остроухова. Мы постучались — звонки были отменены революцией. Открыла Марина. Она ахнула, увидав

* Здесь ошибка памяти мемуариста, т. к. 11 мая М. Цветаева уехала за рубеж. Кроме того, первое посещение должно было состояться раньше, чем Мандельштамы поселились в ее доме в Борисоглебском пер.

Мандельштама, но мне еле протянула руку, глядя при этом не на меня, а на него. Всем своим поведением она продемонстрировала, что до всяких жен ей никакого дела нет. “Пойдем к Але, — сказала она. — Вы ведь помните Алю...” А потом, не глядя на меня, прибавила: “А вы подождите здесь — Аля терпеть не может чужих...” Мандельштам позеленел от злости, но к Але все-таки пошел. Парадная дверь захлопнулась, и я осталась в чем-то вроде прихожей, совершенно темной комнате, заваленной барахлом. Как потом мне сказал Мандельштам, там была раньше столовая с верхним светом, но фонарь, немытый со времен революции, не пропускал ни одного луча, а только сероватую дымку. Пыль, грязь и разорение царили во всех барских квартирах, но здесь прибавилось что-то ведьмовское — на стенах чучела каких-то зверьков, всюду игрушки старого образца, в которые играли, наверное, детьми еще сестры Цветаевы — все три по очереди. Еще — большая кровать с матрацем, ничем не прикрытая, и деревянный конь на качалке. Мне мерещились огромные пауки, которых в такой темноте я разглядеть не могла, танцующие мыши и всякая нечисть. Всё это добавило мое злорадное воображение...

Визит к Але длился меньше малого — несколько минут. Мандельштам выскочил от Али, вернее, из жилой комнаты (там, как оказалось, была еще одна жилая комната, куда Марина не соблаговолила меня пригласить), поговорил с хозяйкой в прихожей, где она догадалась зажечь свет... Сесть он отказался, и они оба стояли, а я сидела посреди комнаты на скрипучем и шатком стуле и бесцеремонно разглядывала Марину. Она уже, очевидно, почувствовала, что переборщила, и старалась завязать разговор, но Мандельштам отвечал односложно и холодно — самым что ни на есть петербургским голосом. <...> Марина успела рассказать о смерти второй дочки, которую ей пришлось отдать в детдом, потому что не могла прокормить двоих. В рассказе были ужасные детали, которые не надо вспоминать. Еще она сняла со стены чучело не то кошки, не то обезьянки и спросила Мандельштама: “Помните?” Это была “заветная заметка”, но покрытая пылью. Мандельштам с ужасом посмотрел на зверька, заверил Марину, что всё помнит, и взглянул на меня, чтобы я встала. Я знака не приняла. Разговора не вышло, знакомство не состоялось, и, воспользовавшись первой паузой, Мандельштам увел меня» (*Вторая книга*. С. 374–375).

Марта вторая половина. Получает «паек второй категории» (*Вторая книга*. С. 80). «О другом фокусе Брюсова мы узнали от свидетелей, сидевших вместе с Валерием Яковлевичем в комиссии по распределению академических пайков. После возвращения из Грузии добрые и унылые марксистские дядюшки, [П. С.] Коган и [В. М.] Фриче, возбудили ходатайство о предоставлении Мандельштаму академического пайка. Дело происходило накануне нэпа или в самые первые дни, когда открылось два-три магазина с неслыханно высокими ценами. Название первого магазина было “Эстомак”.

Чем торговали в “Эстомаке”, я не знаю — люди еще жили пайками. Брюсов насторожился, услыхав имя Мандельштама как претендента на паек и добился — не без труда, — чтобы ему предоставили паек второй категории*. Интересно, как он этого добивался, — Брюсов сделал вид, что принимает поэта Мандельштама за юриста-однофамильца, одного из деятелей кадетской, кажется, партии. (С его женой я встретилась в очереди в Бутырскую тюрьму — его забрали из больницы, где он лежал с тяжелым заболеванием сердца.)** <...> Темные люди, сидевшие в комиссии, разумеется, верили Брюсову, двое или трое понимавших, в чем дело, пытались их разубедить, но ничего не вышло... Они-то и уговаривали Мандельштама подать заявление о пересмотре, но про шалости Брюсова не поминать, чтобы их не обвиняли в разглашении тайн заседательской комнаты. <...> Узнав о проделке Брюсова, я по молодости лет возмутилась, что у меня вырывают изо рта кусок мяса и кулек крупы, а Мандельштам только позабавился поведением Брюсова: какая энергия!.. На меня он цыкнул, объяснив, что со стороны прославленного мэтра такая выходка является весьма лестной. Заявления он, конечно, подавать не стал. К тому же его возмутило, что применялся классовый принцип — не давать адвокату...

Видела я Брюсова один-единственный раз — в очереди за посылками Ара для ученых и деятелей культуры. В оборванной толпе тех уже не очень голодных лет он выглядел пристойно, но чересчур старомодно и подчеркнуто официально. Во всей одежде — шляпе, галстуке, перчатках, наваксенной обуви — был устарелый и нелепый дендизм. <...> Мандельштам почтительно поклонился, Брюсов пожал ему руку... Он что-то сказал. Сейчас мне кажется, будто он спросил, какими судьбами Мандельштам очутился в этой очереди. Скорее, он выразил это не словами, а мимикой. Брюсова пропустили вперед, и, когда очередь дошла до него, произошла заминка: полагалось расписаться под официальной формулой — посылку получил и благодарю... Брюсов счел унижением национального, что ли, или своего брюсовского достоинства поблагодарить Ара за банку бледно-белого жира и мешочек муки. В очереди сдержанно сердились за задержку и повторяли, что Ара вовсе не обязана нас подкармливать и что от благодарности язык не отсохнет. Мандельштаму почему-то понравилось упрямство Брюсова, по-моему бессмысленное. Он любил строптивых людей и с любопытством следил за спором. Не знаю, как он разрешился, но Брюсов ушел с посылкой. Быть может, покуражившись, он всё же подписался под благодарственной формулой, а не то барышня, выдававшая посылки, сама

* Для сравнения: С. Есенин получал паек третьей категории, Брюсов и поименованный выше П. С. Коган — паек четвертой категории (высшей категорией была пятая).

** Вероятно, Михаил Львович Мандельштам (1866–1939).

что-нибудь чиркнула из уважения к почтенному мэтру» (*Вторая книга*. С. 73–75).

Марта 19. Шуточное стихотворение Б. М. Зубакина в тетради Д. М. Шепеленко (живущего в писательском общежитии в Доме Герцена), служившей альбомом. Упоминается вносящий запись в тетрадь О. М. (*СМР* 3/2. М.: РГГУ, 2000. С. 273. Публ. О. Лекманова).

Марта до 22. В журнале «Новая Россия» № 1 помещена статья Э. Голлербаха «Петербургская Камена». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 358. «Особняком стоит группа “эстетов”, которых можно было бы разделить (очень условно и приблизительно) на пассеистов и новаторов. К первым можно отнести Георгия Иванова, В. Ходасевича, Георгия Адамовича, отчасти “парнасца” М. Лозинского и “акмеиста” Мандельштама. <...> В отличие от сентиментального Г. Иванова, О. Мандельштам не ограничивается рамками “холодной певучести”. Он любит и ценит мысль, и некоторые его “афористические” стихи переживут своего автора».

Марта 23. — Дата стихотворения бакинского поэта Бориса Нелепо, обращенного к О. М.:

> В бочку с водой упал квадрат соляного кристалла;
> Грани исчезли его, стала вода солоней.
> Так и поэт, обронил ты в русскую душу случайно
> Грусти Израиля соль, узкую горечь земли.

Опубликовано: Нелепо Б. П. Стихи / Предисл. Вяч. Иванова. Л.: Academia, 1925.

Марта 24. Киевская газета «Пролетарская правда» сообщила об учреждении нового издательства «Искусство и книга» и основании «в ближайшие дни» еженедельного литературного и театрального журнала, к участию в котором привлечен О. М.

Марта 27. Москва. Несостоявшийся вечер О. М. во Всероссийском Союзе писателей (*Галушкин 2008*. С. 174).

Марта 28. В одесском журнале «Театр» № 1 помещено стихотворение «Дом актера».

Марта не позднее 29 (?). Вышел альманах «Трилистник» со стихотворениями «Актер и рабочий» и «Меганон». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 368.

Марта вторая половина или апрель. Едет с женой в Петроград повидаться с отцом и братьями. Из воспоминаний В. Г. Шкловской-Корди: «Мы еще жили в Доме Искусств. Вдруг Осип Эмильевич прибегает с Надей, а на заду у него вот так вот угол вырван из штанов, и торжествующе говорит: “У меня есть деньги. Я пойду, и вы пойдете с нами, и куплю себе брюки”. Да, и держит шапку так — на заде. Я: “Осип Эмильевич, дайте я вам зашью штаны, тогда мы пойдем, и не нужно будет на заду шапку держать” . И тут Надя властно: “Нет, я не позволю. Что это ты выдумала. Мы пойдем...” Осип Эмильевич: “Раз она не хочет, я пойду так”. Вот такой анекдот... <...> Она была очень

балованная и вздорная девчонка. Она и сейчас балованная. Боялась, что он узнает, что можно зашивать. Вот это ей не нравилось. Но все-таки мы пошли. Причем она не знала еще в то время Петербурга, а я повела их в хороший магазин. В то время не так уж легко было купить... Там мы вошли в роскошный вестибюль, лестница идет — и на лестнице стоит медведь — чучело медведя с подносом. Так, помню, он и шел — с шапкой на заду» (*В рассказах современников*. С. 107).

Апреля 8. Москва. «За 2 стихотворения для сборника "Свиток" 2.800.000 р. получил 8/IV–22. О. Мандельштам» (*РГАЛИ*. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 15).

Апреля 8. Выступил с чтением стихотворений в объединении «Никитинские субботники» (*Галушкин 2008*. С. 174).

Апреля 10. Творческий вечер О. М. во Всероссийском Союзе писателей в Доме Герцена (*Галушкин 2008*. С. 174).

Апрель, до 14. Вышел поэтический сборник Н. Асеева «Стальной соловей». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 383. Упоминается в статье «Буря и натиск» (*ПССиП*. Т. 2. С. 133).

Апреля 14. В журнале «Кооперативное дело» помещен перевод О. М. «Из Важа Пшавела».

Апреля первая половина. Из письма С. К. Вишневецкой к В. Я. Хазиной. «Ос<ип> Эм<ильевич> тоже отлично зарабатывает. <...> Мандельштамы накупили за это время очень много вещей» (Рус. литература. 2015. № 4. С. 136).

Апрель, около 15. Поселяется в доме Марины Цветаевой.

♦ Из воспоминаний: «Жила она на Поварской, на углу Борисоглебского переулка. <...> В комнате было что-то суровое и аскетическое. Сурово, может быть, казалось оттого, что всё у нее было перетасовано, сдвинуто, свернуто: она готовилась к отъезду. Обитала она со своей маленькой дочкой и в этом доме помещалась среди прочих жильцов — литераторов и поэтов. Там они жили целой "колонией": Цветаева, Мандельштам с женой, Георгий Шенгели и др. Рассказывая о своих соседях, Цветаева несколько насмешливо отзывалась о Мандельштаме как о наивном и простодушном человеке, слишком уж явно и открыто проявлявшем свои эмоции из-за ревности: ревновал свою молоденькую жену, полудевочку-полуженщину с хрустальными ясными глазами, к поэту Георгию Шенгели» (Зайцев П. Н. Воспоминания. М.: «Новое лит. обозрение», 2008. С. 296). См. также: Апреля 18; Апреля 21.

Апреля 18. Москва. На собрании литераторов в квартире Н. К. Гудзия. В записи И. Н. Розанова приводятся оценки Мандельштамом современных поэтов (М. Кузмина, С. Нельдихена, В. Ходасевича, М. Цветаевой, С. Парнок). Отмечено, что Мандельштамы поселились у М. Цветаевой (*Галушкин 2008*. С. 174–175).

Апреля 20. Предложил Государственному издательству «принять к изданию перевод поэмы Важа Пшавела "Гоготур и Апшина"» (заявление в Литературно-художественную секцию Госиздата — *TSQ*.

2015. № 54. С. 158–159. Подгот. Л. Аронов. Со ссылкой: *ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 9. Ед. хр. 17. Л. 91). Договор на издание был заключен 21 апреля.

Апрель, не позднее 21. Вышел поэтический сборник Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 388. О сборнике см. в статье «Буря и натиск» (*ПССиП*. Т. 2. С. 139).

Апреля 21. Заключил договор с Государственным издательством на издание перевода «Гоготура и Апшины» Важи Пшавелы «объемом 430 стихов». Живет по адресу: Борисоглебский пер., д. 6 (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 10. Ед. хр. 54. Л. 4).

Апреля 22. Помощник заведующего Литературно-художественной секцией Госиздата П. Н. Зайцев направляет в Редколлегию Госиздата рукопись «Гоготура и Апшины» Важи Пшавелы в переводе О. М. с «благоприятным» отзывом П. С. Когана (*Путеводитель по фонду Госиздата*. С. 270). См. 1922, Мая 10.

Апреля 22. В харьковском журнале «Художественная мысль» (№ 9, 16–22 апр.) помещена заметка в хронике о намеченном «в начале мая» выходе № 1 журнала «Грядущий мир» со стихами и статьей О. М. (с. 20). В вышедшем тиражом номере произведений О. М. не содержалось.

Апреля не позднее 24. Вышла в свет книга: Кругликова Е. С. Силуэты современников: 1. Поэты. М.: «Альциона», 1922 [на обл.: 1921]. На с. 25 помещен силуэт О. М. Датируется по упоминанию в изд.: Экран: Вестник театра — искусства — кино — спорта. [М.,] 1922. № 30. 25 апр. С. 10.

Апреля 25. Надписал второе издание «Камня» В. Г. Лидину: «Дорогому Владимиру Германовичу Лидину — книгу, которой у меня нет дружески О. Мандельштам. 25/ IV/ 22 Москва» (Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. С. 538. В публ. А. Б. Устинова «Письма Ю. Г. Оксмана к А. Л. Домгеру»).

Апреля 26. Записка А. С. Балагину (*ПССиП*. Т. 3. № 40).

Апреля до 29. Вышел том 1 альманаха «Возрождение» (М., 1922) со стихотворением «Среди священников левитом молодым...». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 393.

Апреля 29. Письмо Л. Ландсберга — М. Волошину из Харькова в Коктебель: «На днях выходит первый номер толстого журнала “Грядущие дни” (типа “Кр<асной> Нови”), издаваемый ЦК КПУ под редакцией Вал. Рожицына. У него вышел курьез со стихами и статьей Мандельштама, который оставил их здесь проездом в Киев месяца три тому назад. Секретарь ЦК Мануильский потребовал на просмотр материал в гранках и разразился по поводу стихов, где встречается:

“Кому жестоких звезд соленые приказы”

“Лунный луч, как соль на топоре”*

---

* Из стихотворений «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...», «Умывался ночью на дворе...».

— “Какая соль? Причем здесь топор? Ничего не понимаю. Что Ленин скажет?” Предложено изъять, а также и статью, признанную неудобовразумительной. Ее мы хотим издать отдельной книжкой — благо есть готовый бесплатный набор, но и то трудно достать денег» (Рус. литература. 2006. № 4. С. 138–139).

Апреля 30. В харьковском журнале «Художественная мысль» (№ 10, 22–30 апр.) помещена заметка в хронике о готовящемся к печати альманахе «Там и здесь» с участием О. М. (с. 19).

Апреля конец или Мая начало. Поселился в писательском общежитии в Доме Герцена, в его левом флигеле.

♦ «...По сведениям Н. Мандельштам, знакомство Пастернака и Мандельштама состоялось весною 1922 г., когда Мандельштамы обосновались в комнате писательского дома на Тверском бульваре <...> Вероятно, Мандельштам одним из первых получил авторский экземпляр книги [«Сестра моя — жизнь»] и почти одновременно опубликованную статью “Несколько положений”» (*Координаты лирического пространства*. С. 47). См.: Апрель, не позднее 21; Май, до 13 (?).

♦ Из воспоминаний: «В суровом человеке, с которым я очутилась с глазу на глаз на Тверском бульваре, я не узнавала беззаботного участника киевского карнавала. В Грузии на эмигрантских хлебах мы успели привыкнуть друг к другу, но еще не сблизились. В Москве я не успела оглянуться, как он заарканил и взнуздал меня, и поначалу я еще пробовала брыкаться. Меня тянуло к людям, к остаткам карнавала, который еще кое-где переплескивался. Меня звала приятельница, хозяйка шумного однокомнатного дома, куда захаживал сам [Я. С.] Агранов и его будущие жертвы. Днем Мандельштам иногда соглашался зайти на минутку в этот дом, но вечером ни под каким видом. Одну меня он не отпускал никуда, и я так и не увидела московского салона времен становления империи. <...> К нам приходил Лопатинский, заглядывал Якулов, остроумный, острый и легкий человек, появлялся [И. А.] Аксенов, желчный и умный. Однажды [Г. Б.] Якулов потащил нас к [Е. К.] Краснушкину, где пили до одурения, но больше соблазнить Мандельштама бесплатной водкой не удалось. Якулов говорил, что русская революция не жестокая, потому что всю жестокость отсосала Чека» (*Вторая книга*. С. 103–104).

Апрель. Из письма Я. А. Хазина к В. Я. Хазиной: «В настоящее время явилась надежда на то, что Ос<ипу> Э<мильевичу> отведут помещение в Союзе писателей, но верно ли это, и отведут ли ему одну или две комнаты, так, чтобы и нам можно было с ними жить, неизвестно» (Рус. литература. 2015. № 4. С. 137).

Апрель. В Харькове отпечатан сигнальный экземпляр журнала «Грядущий мир» (1922. № 1, май), на с. 63 включено стихотворение «Кому зима арак и пунш голубоглазый...» с датой «Февраль 1922 г.» (Библиотека Стэнфордского университета, под сигнатурой

«Griadushchiĭ mir; sbornik». Шифр PG3227.G7)*. Исключено цензурой: в вышедшем тиражом номере стихотворение отсутствует.

Мая 6. «Отпечатана и на днях поступит в продажу первая книга издательства [«Истоки»]: О. Мандельштам “О природе слова”, являющаяся обоснованием акмеизма» (Хроника // Художественная мысль. Харьков, 1922. № 11, 30 апр. — 6 мая. С. 17).

♦ Из рецензии И. Айзенштока: «Кроме того, она [книга] интересна как попытка одного из виднейших акмеистов дать обоснование этого направления, так как до сих пор по этому вопросу, кроме случайных журнальных статей, мы ничего не имели» (Художественная мысль. Харьков. № 13/14. С. 8. Подписана: И. Сталь. Цитируется по: *Галушкин 2008*. С. 175–177).

♦ Из рецензии А. Л. Бема: «То немногое, что О. Мандельштам говорит о природе слова, не отличается ни точностью, ни продуманностью. Вопрос о связи между значением слова и его звуковой оболочкой автор думает устранить тем, что рассматривает слово, как образ, т. е. словесное представление. Но этим, в сущности, ничего не решается, ибо в словесном представлении остается первоначальная двойственность — представляемого и представленного. <...> Удивительнее всего то, что вся теоретическая часть книги автору в конце, когда он подходит к акмеизму, как литературной школе, в сущности не понадобилась. <...> Нам думается, акмеизм, как литературная школа, еще не сказала своего последнего слова, и напрасно один из его основателей так неудачно пытается подвести надуманную теорию под живой факт литературной жизни» (Воля России. Прага, 1923. № 6/7, 15 апр. С. 159–160).

♦ Из откликов: «Самым парадоксальным из основоположников акмеизма был Осип Мандельштам <...> написал статью “О природе слова” <...> “Всё преходящее только подобие <...> Метла просится на шабаш, печной горшок не хочет больше варить <...>”. Всё это очень близко к тому, что проповедывал Гумилев на собраниях “Цеха поэтов”» (Маковский С. На Парнасе Серебряного века. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1962. С. 219).

Мая 8. Получил во Всероссийском Союзе писателей удостоверение о членстве (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 12).

Мая 8. Памятная запись Хлебникова о намеченной встрече с О. М. (*Парнис 1991*. С. 192). Другая запись (6 мая?): «В субботу, в 7 ч. к Мандель<штаму> <...>» — Там же.

♦ Из воспоминаний: «В 1922 году Мандельштам встретил на улице Хлебникова, который ему пожаловался, что в Москве он неприкаянный и есть ему нечего. У него в ту пору был острый

---

* Сигнальные экземпляры изготовлялись типографией в количестве нескольких штук. Получатели — издательство и контрольные (цензурные) органы. В настоящее время функцию сигнального экземпляра осуществляют так называемые «чистые листы».

приступ ненависти к Брику, и это отразилось на записках художника Митурича, который ухаживал за Хлебниковым во время его последней болезни и похоронил его. Не берусь судить, имелись ли какие-нибудь серьезные основания для обиды на Брика. Вполне возможно, что Хлебников в своей полной наивности считал Брика всемогущим и требовал от него чудес. <...> Так или иначе, Хлебников был голодный, а мы со своим пайком второй категории чувствовали себя богачами. Раз в месяц нам насыпали в мешочки крупу, муку и сахар, отваливали брусок масла и омерзительную свиную голову. Всё это мы отдавали старушке дворничихе в Доме Герцена, где мы только что получили комнату. Она кормила нас кашей и заливным, и мы старались забыть, из чего оно сделано. Масла, конечно, не хватало, и мы прикупали сметану, чтобы сдобрить кашу. Старушка жила в подвале главного дома. Она была ласковая и добрая, и Мандельштам привел к ней Хлебникова. С тех пор он каждый день приходил к нам обедать, и мы вчетвером — со старушкой — вкушали сладостную пищу. В те годы и каша, и сметана, и то, что перепадало сверх этого, ощущалось как полное благополучие. <...> К нашему удивлению, он был пунктуален и ни разу не опоздал. Из этого я вывела заключение, что он умел смотреть на часы. Ручных у него, конечно, не было: такая роскошь водилась только у больших начальников и у "бывших людей". Четверть века мы жили без ручных часов. Они возникли только после войны. В 22 году, кажется, уже пустили большие электрические часы на улицах, а может, у Хлебникова в кармане лежала отцовская луковица. Такое иногда случалось. <...> Незадолго до своего отъезда Хлебников пожаловался, что не хочет уезжать, но вынужден из-за отсутствия жилья. <...> Мандельштам, человек с быстрыми реакциями, услыхав жалобу Хлебникова, тотчас потащил его на Никитскую — в книжный магазин группы писателей, чтобы поговорить с Бердяевым, который тогда был председателем Союза писателей. Бердяев часто бывал в магазине. <...> Бердяева застали на месте, и Мандельштам обрушился на него со всей силой иудейского темперамента, требуя комнаты для Хлебникова. <...> Бердяев, столкнувшись с неизвестными ему нахалами и хвастунами, растерянно мычал и пытался объяснить, что все комнаты уже обещаны солидным литераторам, Дмитрию Дмитриевичу Благому... Выяснилось, в сущности, только одно: Бердяев был абсолютно беспомощен в хозяйственных делах, ничего не знал, а за него орудовали дельцы, прикрывавшиеся его именем» (*Вторая книга*. С. 80–83). См. также: *ПССиП*. Т. 3. № 81.

♦ О своей встрече с Хлебниковым в 1922 г. и о попытке получить для Хлебникова комнату в Доме Герцена О. М. рассказывал Н. И. Харджиеву 16 апр. 1934 г. (Харджиев Н. И. «В Хлебникове есть всё!» // Лит. газета. 1992. 1 июля. С. 6).

Мая 9. В газете «Жизнь искусства» № 18 помещена статья В. Шкловского «Декламация Блока» об исследованиях С. Бернштейна: «Внешне стихи Блока имеют декламационное сходство

с манерой Лозинского, Зенкевича. Наиболее удален Блок от Мандельштама».

Мая 10. Редсектор Госиздата направляет зав. Политотделом Госиздата П. И. Лебедеву-Полянскому на заключение поэму Важи Пшавелы «Гоготур и Апшина» в переводе О. М. Служебная записка (*Путеводитель по фонду Госиздата.* С. 274).

Мая 11. Представил в Московское отделение Государственного издательства и заключил договор на сборник стихотворений «Аониды» (*ГАРФ.* Ф. Р-395. Оп. 10. Ед. хр. 53). Внутренняя рецензия Кл. Лавровой и виза Л. Д. Троцкого «Печатать» на рецензии — 27 мая (*ПССиП.* Т. 1. С. 550).

♦ Из заметок в хронике: «Государственное издательство приобрело новую книгу стихов О. Мандельштама» (Накануне. Берлин. 13 авг.); «Государственное издательство подготовляет “Аониды” О. Мандельштама» (Известия. 5 сент.); «Государственное издательство в Москве приступило к изданию <...> О. Мандельштам “Аониды”» (Накануне. 1 окт.); «По серии “Современная иностранная беллетристика” <...> печатаются след. книги: Мандельштам — Аониды (ГИЗ)» (Печать и революция. 1922. № 3).

Мая 11. Отъезд Марины Цветаевой за границу.

Мая 12. Предложение к О. М. правления Всероссийского Союза писателей переехать в писательском общежитии Дома Герцена из одной комнаты в другую (*ИМЛИ.* Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 96–97).

Мая 12. В харьковском журнале «Художественная мысль» № 12 (6–13 мая) помещена заметка о чтении Юрием Олешей стихов О. М. на «Вечере художественного юмора».

Май, до 13 (?). Москва. Вышел сборник «Современник» № 1 со статьей Б. Пастернака «Несколько положений». Источник даты: *ЛЖР.* Т. 1, ч. 2. С. 408. В каталоге одноименного издательства, размещенного в номере: «О. Мандельштам. Андре Шенье, монография (готовится)».

Мая 17. В киевской газете «Пролетарская правда» — объявление: «На юге России под знаком “Алтаир” объединилась группа акмеистов и неоклассиков, в которую вошли: Александр Миних, Евгений Нежинцев, Николай Нольден, Петр Рыжей, Рафаил Скомаровский и Николай Ушаков. Готовятся к изданию: Алтаир I и Алтаир II — Петербургская Муза» (*Поберезкина 2015(2),* с. 219).

Мая до 18. В сборнике «Лирический круг» (вып. 1) помещены стихотворения «Умывался ночью на дворе...» и «Когда Психея-жизнь спускается к теням...». Источник даты: *ЛЖР.* Т. 1, ч. 2. С. 412. См. Января 29.

♦ Из откликов: «В Москве эстеты объединились под знаменем классицизма. Часть имен знакомые: Липскеров, С. Парнок, С. Соловьев, часть неофиты. Вполне заслуженное чувство безнадежности, вызываемое первыми, распространяется и на последних немедленно по прочтении их oeuvr'ов. Липскеров, Гроссман, Соловьев

и Эфрос — дали программные статьи. Они пошлы и беспомощны. Стихи не лучше. Порнография Эфроса, впрочем, как курьез, забавна. В статье он же говорит: У порога стоит вестник классики и зовет ее в гармонический простор. Мы идем.

Идите, пожалуйста. Зачем только убежище разных бывших и "никогда не бывших" "любителей изящного", каким является ваш "Лирический Круг", выдавать за объединение на платформе классицизма? Вывод из прочтения книжки следующий: тупицы и бездарности в искусстве всегда одинаково противны, толкуют ли они о классицизме или выступают в роли потрясателей основ. Каким-то образом в альманах затесались А. Ахматова, Мандельштам и Ходасевич» (Иванов Г. В. Почтовый ящик // Цех поэтов. Кн. 4. Берлин: «Трирема», 1923. С. 68–69).

Мая не ранее 20, не позднее 25 или 27. М. Цветаева по просьбе И. Эренбурга переводит на франц. язык стихотворение О. М. «Сумерки свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...») для бельгийского журнала «Lumière» (*Цветаевой франц. переводы.* С. 403). См. также: Мая 25 или 27.

Мая до 23. Вышел альманах «Цех Поэтов», кн. 3, со стихотворениями «Золотистого меду струя из бутылки текла...» и «Мне Тифлис горбатый снится...». Источник даты: Хроника // Лит. записки. 1922. № 1, 25 мая. С. 19.

Мая 23. В газете «Жизнь искусства» помещена статья В. Пяста «О "круге музыкального чтения"», предпослан эпиграф из стихотворения О. М. «Silentium».

Мая 23. Сдал в Госиздат рукопись перевода отрывков старофранцузского эпоса. Датируется по входящему штемпелю (Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. 4. С. 304. Во вступит. статье к публикации переводов В. Швейцер. Оригинал — *ИМЛИ*. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 2).

Мая 24. Решением Распорядительной комиссии Госиздата издание «Гоготура и Апшины» Важи Пшавелы в переводе О. М отложено (*Путеводитель по фонду Госиздата.* С. 324).

Мая 24. «На последнем заседании Литературного Особняка читал стихи О. Мандельштам, произведший на слушателей исключительное впечатление. По общему мнению, последние стихи Мандельштама изумительное явление в современной русской литературе, аналогичное только разве прозе Андрея Белого» (Накануне. № 68. Лит. прил. № 8, 18 июня. С. 11). Датируется по дневнику Т. Мачтета — *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 418. Заседание проходило в Центральном Доме работников просвещения — Леонтьевский пер., 4 (*Видгоф 2012.* С. 609).

Мая 25 или 27. И. Эренбург посылает Роже Авермаате для помещения в журнале «Lumière», с сопроводительным письмом, французские переводы русских поэтов, в т. ч. «Сумерки свободы» в переводе Марины Цветаевой (*Цветаевой франц. переводы.* С. 405–406), см. Июня 15.

Мая 28. В берлинской газете «Накануне» (Лит. приложение № 5 к № 51) помещено стихотворение «Люблю под сводами седыя тишины...».

♦ Из воспоминаний Э. Миндлина: «Первая после Феодосии наша встреча произошла в московской редакции сменовеховской газеты "Накануне", выходившей в Берлине. <...> После неизбежных общих приветственных фраз и расспросов я, разумеется, попросил у него стихи для напечатания в "Накануне". <...> Он стал частым посетителем нашей редакции и довольно много печатался в литературных приложениях к "Накануне"» (*Необыкновенные собеседники*. С. 101–102).

♦ Из рецензии: «Наряду с революционными стихами П. Орешина о голоде: Село мое! / Пустая навить! / Советская моя страна! — стихи О. Мандельштама, трогательно воспевающего христианство, молебны, панихиды, вынос плащаницы, зернохранилища вселенского добра — соборы вечные Софии и Петра. Причем Мандельштам так увлекается, что даже, как некогда Собакевич, писавший "Елизавет Воробей", пишет славянизмы — "под сводами седыя тишины"...» (Зенкевич М. А. О газете «Накануне» // Саратовские известия. 1922. 24 июня. № 141. С. 2. Цит. по: В. Нарбут, М. Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 138).

Мая 29. Москва. Вечер В. Ходасевича в клубе Всероссийского Союза поэтов. Чтение стихов из книги «Тяжелая лира» (*ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 420. Датировано по дневнику И. Розанова).

♦ Из воспоминаний: «Ходасевич пробыл в Москве несколько дней и два-три раза заходил к нам. В Союзе поэтов ему устроили вечер, куда собралась по тому времени огромная толпа. <...> Ходасевич был весел и разговорчив. Его радовала перспектива отъезда. Он рассказывал, что уезжает с Берберовой, и умолял никому об этом не говорить, чтобы не дошло до его жены, Анны Ивановны Ходасевич, сестры Чулкова: "Иначе она такое устроит!"» (*Вторая книга*. С. 121). См. Июня 22.

Май. — Дата стихотворения «С розовой пеной усталости у мягких губ...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 578).

Май. В журнале «Культура и жизнь» № 4 помещено стихотворение «Феодосия».

Июня 1. Москва. Начало судебного процесса над правыми социалистами-революционерами.

♦ Из воспоминаний: «Мандельштам читал все отчеты процессов. Как бы они ни были причесаны, в них всегда оставались огрехи (для нас, умеющих читать между строчками), по которым можно восстановить суть дела. Прошло около пятидесяти лет, но я помню момент, который он мне показал: в ответе подсудимого прокурору на вопрос о подготовке ярославского восстания: вы об этом знаете больше, чем я... Восстание было первым лучом в карьере Вышинского — он готовил восстание, а в нужный момент предал» (*Воспоминания*. С. 160).

Июня до 2. В Берлине вышла из печати книга Е. Г. Лундберга «Записки писателя». На с. 187 и след. автор пишет о своей работе в отделе реформы школы Наркомпроса в 1918 г. и называет своих сослуживцев, заменяя фамилии инициалами, в том числе «поэта М.» (с. 195–196). Источник даты: рецензия А. Вольского в газете «Накануне» от 4 июня, Лит. приложение № 6, с. 8. См. также 1931, Ноября не позднее.

Июня 2. Присутствует на общем собрании Всероссийского Союза писателей (выборы правления) (*Галушкин 2008*. С. 175; *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 427).

Июня 3. Доклад И. А. Аксенова о поэзии В. Хлебникова на вечере во Всероссийском Союзе поэтов (*ЛЖР*. Т. 1. ч. 2. С. 427). Упоминается в статье «Литературная Москва» (*ПССиП*. Т. 2. С. 102, 519).

Июня 7. В берлинской газете «Накануне» (№ 58) помещена статья «Пшеница человеческая».

Июня 13. Заключил договор с Государственным издательством на перевод драмы Эрнста Толлера «Человек-масса» (помета: представлен 20.7-[19]22) (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 10. Ед. хр. 53).

Июнь, до 14. Вышел № 2 (5) журнала «Печать и революция» (апр.–июнь) с рецензией С. Боброва на книгу В. А. Рождественского «Золотое веретено». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 439. «Автор способный ученик Гумилева, Мандельштама и иных акмеистов» (С. 366).

Июня 15. В Антверпене вышел № 9 журнала «Lumière», посвященный России. Помещены французские переводы М. Цветаевой (без указания имени переводчика и, возможно, с редакторской правкой), в том числе «Сумерки свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...») (*Цветаевой франц. переводы*. С. 406, 410). См. Мая 25 или 27.

Июня 18. В берлинской газете «Накануне» (Лит. приложение № 8 к № 68) помещено стихотворение «Умывался ночью на дворе...».

Июня 18. В берлинской газете «Накануне» (Лит. приложение № 8) помещены «Записки на манжетах» М. Булгакова. «Сквозняк подхватил. Как листья летят. Один — из Керчи в Вологду, другой — из Вологды в Керчь. Лезет взъерошенный Осип с чемоданом и сердится: — Вот не доедем, да и только! Натурально не доедешь, ежели не знаешь, куда едешь!» Ср. 1924, Июля не позднее 13.

Июня 18. В Париже вышел № 11 журнала «Современные записки» со статьей К. В. Мочульского «Классицизм в современной русской поэзии». «“Чувство языка” новых поэтов взломало омертвелую кору старой стихотворной формы. Рассыпались готовые трафареты, раз навсегда сформированные сочетания. И стало ясно, что подлинная динамическая природа слова, его корневая значимость настолько нами забыта, что восстановление ее может быть воспринято как величайшая новизна. Привычка к “фигуральности”, к так называемым “поэтическим украшениям” сделала простоту выражения диковинкой. Когда-то Пушкин, почувствовав ложь всех этих “таинственных сеней

гробницы", "туманов вечной ночи" и "ранних урн", создал новый поэтический стиль. Новые — только следуют его примеру и символизму противопоставляют свой неоклассицизм. Критику на предшествующее направление Пушкин дал в гениальных образцах стихов Ленского. Не то ли самое делает Кузмин, спрашивая

Что значит: «сердечные муки»?
Что значит: «любви восторг»?
Звуки, звуки, звуки
Из воздуха воздух исторг.
Какой же гений налепит
На слово точный ярлык?

Но нет ничего труднее простоты. Клише позволяют не думать, не чувствовать, не творить. Они удобны, привычны, крепко сидят в памяти; они навязчивы и живучи. Чтобы бороться с ними, нужно дисциплинировать свое воображение на иных темах и сюжетах. Отсюда и у Пушкина, и у современной нам школы — поиски нового содержания и, прежде всего, другого общего тона. <...> Сборники Кузмина, Гумилева, Ахматовой, Мандельштама и др. свидетельствуют о совершившемся повороте. С "чувствительностью" и излияниями, несомненно, покончено. Любовные стихи сдержанны, почти холодноваты. Переживание представлено в объективно-конкретных формах, простых и четких. Преобладает эпика, повествование, описательный, даже дидактический жанр. <...> Главным учителем современности, ее ясным и мудрым вождем является Пушкин. Вся она идет под его знаком и продолжает его дело» (с. 373–374).

Июня 22. Отъезд В. Ходасевича и Н. Берберовой за границу.

Июня 25. В берлинской газете «Накануне» (Лит. приложение № 9 к № 74) помещено стихотворение «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...».

Июня 26. В газете «Московский понедельник» (№ 2) помещен отрывок из драмы Э. Толлера «Человек-масса» в переводе О. М.

Июня 28. Гос. ученый совет при Наркомпросе РСФСР утверждает «Список писателей для получения дополнительного академического обеспечения», включающий О. М. Источник: *Летопись Есенина.* Т. 3, ч. 2. С. 97.

Июня около 28. Из письма группы литераторов — заместителю наркома просвещения В. Максимовскому: «...мы заявляем отвод против нижепоименованных писателей, предложенных так наз. Всероссийским союзом писателей на получение "академ<ического> пайка" по следующим мотивам: <...> Мандельштам — поэт с мистико-религиозным уклоном, республике никак не нужен» (*ЛЖР.* Т. 1, ч. 2. С. 451).

Июнь, не ранее 28. В журнале «Москва» № 6 помещены стихотворения «С розовой пеной усталости у мягких губ...» и «Холодок щекочет темя...». Источник даты: *ЛЖР.* Т. 1, ч. 2. С. 452.

Июнь. В одесском журнале «Зритель» № 1 объявлены к помещению в № 2 журнала «Неизданные стихи — Н. Гумилева, О. Мандельштама и Веры Инбер».

Июнь. Статья Д. П. Святополк-Мирского «О современном состоянии русской поэзии» для журнала «Русская мысль». «Мандельштам поэт очень большой, гораздо больший, чем Гумилев. Но поэт трудный и своеначальный. <...> В эпиграмматическом складе его стихов и в тяжелой их поступи слышны Катулл, Лукреций и Вергилий. <...> Мандельштам один из лучших представителей новой Культуры Вечности» (Святополк-Мирский Д. П. Поэзия и поэты. СПб.: «Алетейя», 2002. С. 78–79).

Июнь — Июля начало. Поездка Николая Чуковского в Москву; в Доме Герцена читает свои стихи Мандельштаму.

♦ Из воспоминаний: «Всю силу его необыкновенной несопряженности ни с каким бытом я особенно ощутил летом 1922 года, когда побывал у него в Москве, на Тверском бульваре, в комнате, которую ему предоставил Дом Герцена. <...> Проснулся я, когда солнце плыло уже высоко над крышами, почувствовав, что кто-то пристально смотрит мне в лицо. Я открыл глаза. Надо мной стоял Осип Эмильевич Мандельштам, тревожно и внимательно разглядывая меня. Оказалось, я, сам того не зная, провел ночь как раз напротив Дома Герцена (Тверской бульвар, 25), тогдашнего литературного центра Москвы, где в левом флигеле занимал в то время комнату Мандельштам. Несмотря на то, что Осип Эмильевич знал меня довольно мало и отношения его с нашей семьей были довольно поверхностные, он, увидя меня спящим на бульварной скамейке, отнесся ко мне сердечно и участливо. На его расспросы я, со сна, отвечал сбивчиво и не очень вразумительно, и он повел меня в сад Дома Герцена, за палисадник, и усадил там меня рядом с собой на скамейку, в тени под липой. Мы начали прямо со стихов — всё остальное нам обоим казалось менее важным. Мандельштам читал много. <...> Потом он попросил читать меня. Я читал последние свои стихи, читал старательно и именно так, как читал он сам и все акмеисты, — т. е. подчеркивая голосом звуковую и ритмическую сторону стиха, а не смысловую. Мандельштам слушал меня внимательно, и на лице его не отражалось ни одобрения, ни порицания. Когда я кончал одно стихотворение, он кивал головой и говорил: — Еще. И я читал еще.

Когда я прочитал всё, что мог, он сказал: — Каким гуттаперчевым голосом эти стихи ни читай, они всё равно плохие. Это суждение его было окончательным. Никогда уже больше он не просил меня читать мои стихи.

Однако отношение его ко мне нисколько не изменилось. Всё так же участливо повел он меня к себе в комнату, на второй этаж. Комната, в которой он жил, большая и светлая, была совершенно пуста. Ни стола, ни кровати. В углу большой высокий деревянный сундук

с откинутой крышкой, а у раскрытого настежь окна — один венский стул. Вот и все предметы в комнате. На подоконнике рыжей горкой лежал табак. Он предложил мне свертывать и курить. <...> Осип Эмильич отнесся к "Ушкуйникам" с полным презрением, но мой долг в 381 миллион заинтересовал и взволновал его.

— Ну, это мы сейчас уладим, — сказал он мне. — Пойдемте. И он повел меня по раскаленным московским улицам и привел в какое-то частное контрагентство печати, помещавшееся в одной комнатке в полуподвале. Там сидели четыре нэпмана средних лет, которые, как объяснил мне Мандельштам, открыли множество книжно-газетных ларьков по станциям железных дорог, но почти не имели товара для продажи. И они тут же купили у меня мою накладную на "Ушкуйники" и сразу заплатили мне за нее один миллиард рублей. Крупных купюр тогда не существовало, и весь этот миллиард с трудом запихался в мой пустой заплечный мешок. И все мои горести рухнули разом. Я мог сегодня же ехать домой и расплатиться с типографией» ((Воспоминания Николая и Марины Чуковских. М.: «Книжный клуб 36,6», 2015. С. 156, 163–165).

Июнь — Август. Статья Л. Н. Лунца «Новые поэты» для второго номера неосуществленного журнала «Ирида». «И потом, сейчас в России культура стиха достигла небывалой высоты. А чем выше эта культура, тем легче строчить гладко и безошибочно, и тем труднее творить. <...> И молодые поэты мечутся в поисках нового, мучительно стараются перепрыгнуть Блока, Мандельштама, Клюева, Маяковского. <...> Вагинов идет за Мандельштамом. Он тоже отметает логическое движенье стиха, заменяя его фонетическим <...> Вагинов тоже пытается управлять большими звуковыми массами, строить бессмысленное, но строгое фонетическое здание. Для этого надо быть Мандельштамом» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. С. 401, 405. Публ. Т. А. Кукушкиной. О датировке см. там же, с. 387).

Июля 11. Москва. Письмо Б. Пастернака — Н. К. Чуковскому в Петроград: «Сегодня говорил о Вас с Мандельштамом. О<сип> Э<мильевич> очень правильно и тепло о Вас отзывается. Он говорил о некоторых качествах Ваших стихов, тонко и справедливо оттеняя их задушевность. Проводя параллель между "добротой души", сказавшейся в них без ущерба для поэзии, и поэзией Мёрике, — он до полной ясности оттенил эту на вид несколько расплывчатую характеристику, и я не мог не согласиться с ним, как ни мало, чтоб не сказать ничтожно, мое с Вами знакомство» (*Пастернак ПСС*. Т. 7. С. 392).

Июля 18. Москва. Письмо Г. А. Шенгели к С. М. Городецкому с предложением материалов (переводов) для журнала «Авангард». Ссылается на совет В. Нарбута и О. М. (*Енишерлов 2016*. С. 87).

Июля 20. Представил в Государственное издательство рукопись перевода драмы Э. Толлера «Человек-масса», см. Июня 13.

Июля 20. Заключил с Государственным издательством договор на перевод избранных отрывков старофранцузского эпоса (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 10. Ед. хр. 53).

Июля 20-е числа или Августа начало. А. А. Смирнов встречает О. М. в Москве. Из письма к В. Жирмунскому (Алушта, 11 авг.): «Большая новость для меня была — узнать — проездом через Москву (где поезд стоял 6 часов) от Мандельштама, что оба мои проекта — 1. сборник Поэзия средневек<овой> Франции. 2. Ирландские саги — приняты Москов<ским> Госиздатом (?!)» (Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / Подгот. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М.: «Новое лит. обозрение», 2013. С. 385).

Июля 21. — Дата статьи «Девятнадцатый век» в публикации журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (см. Октябрь, до 3).

Июля 30. В берлинской газете «Накануне» (Лит. приложение № 11 [№ 12] к № 94) помещено стихотворение «С розовой пеной усталости у мягких губ...». В хронике этого номера сообщалось: «Всероссийский Союз поэтов открыл цикл Академических вечеров. Состоялось уже два вечера. Выступали: Иван Новиков, О. Мандельштам, Г. Шенгели, И. Аксенов, Б. Пастернак <...>»; «Государственное издательство в Москве готовит к печати “Антологию современной поэзии”». Ср. Декабря 11; 1923, Июля 22.

Июля последние числа (?). Записка С. А. Полякову с просьбой выдать А. И. Цветаевой причитающееся ей пособие от Всероссийского Союза писателей (*ПССиП*. Т. 3. № 41; Там же. С. 755).

Июль. Статья И. Эренбурга «Русская литература в 1922 году» (на франц. языке) в № 3 журнала «Le disque vert». «[В Петербурге] всего лишь два настоящих поэта — Анна Ахматова (Anno Domini, 1921) и Мандельштам (Tristia)» (*Фрезинский 2005*. С. 284–285, 318).

Июль. Вышел № 7 берлинского журнала «Новая русская книга» с рецензией И. Эренбурга на книгу Н. Тихонова «Орда». Отмечено влияние поэзии О. М. на стихи Тихонова.

Июль. В журнале «Всемирная иллюстрация» (вып. 3) помещено стихотворение «Европа» («С розовой пеной усталости у мягких губ...»).

Августа начало. Москва. Г. Иванов приходит проститься к Мандельштаму перед отъездом за границу. «В начале августа 1922 г. Георгию Иванову пришлось побывать в Москве по делу своего выезда за границу. Уезжал он вполне легально, “посланный в Берлин и Париж для составления репертуара государственных театров” <...> Георгий Иванов провел в Москве всего день — от поезда до поезда. Но, конечно, разыскал Мандельштама. И часто мне потом рассказывал об этой их встрече» (На берегах Невы. С. 377). «В нашу последнюю встречу осенью 1922 г. в Москве я лично наблюдал, как вырос престиж М. С одной стороны, тот же Брюсов теперь льстиво ухаживал за “Осипом Эмильевичем”. С другой — писательская молодежь

ловила каждое его слово и стремилась учиться у него» (Иванов Г. В. Собр. соч. М.: «Согласие», 1994. Т. 3. С. 622).

В «начале осени» Мандельштамы заходят проститься с Н. Оцупом, который остановился в Москве у [В. А.] Павлова (*Вторая книга*. С. 88). Н. Оцуп выехал за границу в августе, Г. Иванов — в сентябре (*ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 433).

Августа между 5 и 10. Вышел № 1 альманаха «Авангард» со статьей Н. Н. Асеева «Поэзия наших дней». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 484. Из статьи: «С другой стороны, ряд имен из символических кругов, отказавшихся от "веры", засосан черной тиной асоциального болота, и голос их перестал быть слышным совершенно. Эпигоны символизма — акмеисты пытались сохранить некоторое время довольное лицо в очень неудачной для них игре. До сих пор еще выходят сборники "Цеха поэтов", где с самым убедительным видом поэтические пролежни символизма выдаются за его созревшие плоды. После Н. Гумилева среди акмеистов не осталось мало-мальски ценных в поэтическом масштабе имен» (с. 14).

Н. Н. Асеев

Августа 6. Письмо Э. Миндлина — М. Волошину. «Мандельштам в Москве, в ореоле всеобщего признания» (*Труды и дни Волошина*. С. 162).

Августа 7. М. А. Талов вернулся из Франции в Москву (*Талова воспоминания*. С. 8). «С Осипом Мандельштамом я познакомился вскоре по приезде. Это было в Доме Герцена, где он жил. Я выступал там со своими стихами, а представил меня Осипу Эмильевичу Валентин Парнах. <...> Речь свою я тогда постоянно пересыпал французскими словами и фразами. За девять лет жизни во Франции я основательно подзабыл русский язык, думал по-французски, не всегда мог найти нужное русское слово. На это Мандельштам заметил: "Э, да вы могли бы с таким парижским произношением выступать в качестве конферансье!" Парнах прыснул со смеху, а мне стало неловко, и вскоре я с ними расстался. Такова была моя первая встреча с Мандельштамом» (Там же. С. 70).

Август, до 13. Вышла кн. 1 альманаха «Кольцо» со стихотворениями «Я наравне с другими хочу тебе служить...» и «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...». Источник даты: Накануне. Лит. приложение № 13 [№ 14] к № 106. С. 7: «Вышел альм. "Кольцо"».

Августа 14. В газете «Московский понедельник» помещено стихотворение «Декабрист».

Августа 17 и 26, Октября 7. Киев. Вечера поэзии в клубе «Совработник» (Крещатик, 1). Выступления поэтов Марии Альперин,

Николая Лядова, Николая Бернера, Льва Длигача, Ольги Пресман. Чтение стихотворений, в т. ч. Ахматовой, О. М., Гумилева, Хлебникова, Есенина. На первых двух вечерах — со вступит. словом О. Н. Блица (Е. Пиляя). Анонсы в газ. «Пролетарская правда» (*Поберезкина 2015(2)*, с. 217–218, 228).

Августа 18. Заявление М. О. Гершензона в ЦЕКУБУ (копия) с характеристикой научных работ Д. Д. Благого и с пожеланием об оказании ему материальной помощи от организации. Приписка: «Идентичность подлиннику подтверждаем. О. Мандельштам, С. Клычков» (*Путеводитель по фонду Госиздата*. С. 289–290).

Август, до 19. В журнале «Россия» № 1 помещены стихотворения «Кому зима, арак и пунш голубоглазый...» и статья «А. Блок». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 497.

Август, до 19. В журнале «Красная новь» № 4 (8) помещены стихотворения «Декабрист» и «Уничтожает пламень...». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 498.

Августа 23. Решение Коллегии ГПУ о высылке Д. В. Кузьмина-Караваева за участие во встречах католиков и православных, которые проходили зимой 1921/1922 года в Москве.

♦ Из воспоминаний: «Прошел слух о больших арестах среди интеллигенции, но к нам забежал проститься Кузьмин-Караваев, участник первого “Цеха” (помнится, это был он), и в восторге рассказал, что всех арестованных выпустили на второй день и отсылают за границу» (*Вторая книга*. С. 113).

Августа 30. Из письма В. Я. Парнаха — А. М. Ремизову из Москвы в Берлин: «Сейчас сплю на скамье в Союзе Писателей: Тверской бульвар, 25, где меня на несколько дней устроил О. Э. Мандельштам. <...> Мой адрес пока: Софии Яковлевне Парнок-Волькенштейн 4-я Тверская-Ямская, 8, кв. 3. Москва» (Нерлер П. Осип Мандельштам и Америка. М.: «Вердана». С. 39–40).

Августа 30. Запись М. Пришвина: «30 августа. Анкета о самоопределении мыслящих людей нашего времени.

Шмелев [И. С.]. Ненавидит пролетариат как силу числа дрянных людей; дворянство, напр., — то имеет кусок благородного человека, а что имеет в себе пролетариат?

Пит. [А.] Сорокин. Пролетариат как соц. класс во всех отношениях ниже других, напр., в физическом отношении, грудь его и т. д.

Тан [Тан-Богораз В. Г.]. Некоторый минимум мира необходим для творчества, и потому надо находить пути сближения с большевиками.

Мандельштам. Это их дело, оно нам всегда ненавистно, и мы им ненавистны, но мы не можем с ними бороться, — бороться с ними все равно, что бороться с поездом, напротив, нам надо чувствовать так, что они нам служат» (Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. М.: «Московский рабочий», 1995. С. 264).

Август. В Берлине вышла книга «Tristia». Датируется по хронике «Новой русской книги» (Берлин). В № 7, июль: «Печатается

и в ближайшем будущем выйдет <...>»; в № 8, август, книга значится присланной в редакцию для отзыва; в № 9, сентябрь, книга указана в разделе «Русские книги, появившиеся вне Советской России». К истории цензурного запрещения см. Января 1; *ПССиП*. Т. 1. С. 549–550. См. также: Октября 14; Октября 17; Ноября 12; 1923, Июля 25–27; 1921, Июль, до 29.

Сентября 8. Запись М. Пришвина: «Шапирштейн [Я. Е., псевд. Лерс; Эльсберг] какой-то неуловимый дух, которого нужно искать по всему городу, чтобы получить гонорар. Мы с Мандельштамом (сверхчеловек) шли к трамваю ехать в "Красную новь" ловить Шапирштейна, и вдруг Мандельштам с криком "Шапирштейн!" бросился бежать по бульвару и долго, не сгибая своего позвоночника (аршин проглотил), подхватив ручкой ручку, бежал. Я не мог за ним угнаться, и оказалось, не Шапирштейн, а Лежнев [И. Г.] (Альтшуллер). В редакции "Красная новь" Шапирштейна тоже не оказалось, служит здесь Мариэта Шагинян, полуслепая, полуглухая...» (Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. М.: «Московский рабочий», 1995. С. 266).

Сентября 10. Письмо Л. Троцкого — С. Городецкому и А. Воронскому: «К какой группировке принадлежат О. Мандельштам, Лидин и каково их отношение к Замятину?». Из ответа А. Воронского: «О. Мандельштам ни к какой группировке сейчас не принадлежит. Начинал с акмеистами, охотно сотрудничает в сов. изданиях. Настроен к нам положительно, пользуется большим весом как хороший знаток стиха, талантлив. Стихи индивидуалистичны» (*ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 515).

Сентябрь, до 11. В журнале «Сегодня» № 1 помещено стихотворение «Московский дождик». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 523.

Сентября 11. В газете «Московский понедельник» помещено стихотворение «Виноград» («Золотистого меда струя из бутылки текла...»).

Сентября 11. Запись М. Пришвина: «Проводя целые недели в беготне за Шапирштейном в обществе Мандельштама, Альтшуллера, все время как бы ищу светлый тон, куда бы смотрел я так, что всё происходящее казалось необходимым звеном» (Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. М.: «Московский рабочий», 1995. С. 271).

Сентября 17. Начало публикации цикла статей Л. Д. Троцкого «Внеоктябрьская литература» в «Правде» и «Петроградской правде».

Сентября 17. В харьковской газете «Коммунист» — статья Н. Н. Асеева «О "тараканьих" тенденциях в современной литературе». «По словам А. Толстого, "Крестьянство национализировало ее [революцию] в мировом размере <...> ни своих икон, ни своих тараканов ни за что не отдаст". <...> Клюев, Еропин, Орешин, Клычков, Мандельштам и другие созерцают сегодняшний день через скифство, через призму подавляющего их своим величием и неопределенностью прошлого. <...> Впрочем, тараканы и прочая нечисть основательно выметены, кажется, из нашего дома...».

Сентября 23. В «Известиях ВЦИК» помещено стихотворение «Как растет хлебов опара...».

Сентября 26. Справка бухгалтерии Госиздата о ставке платы за книгу стихов О. М. «Аониды»: «...получил <...> высшую квалифицированную ставку по 25 коп. золотом за стих, за 1800 стихов, из расчета количества стихов, а не печатных знаков» (*Путеводитель по фонду Госиздата.* С. 293–294).

Сентября 26. Докладная записка зав. административно-хозяйственной частью Театра Революции З. Г. Дальцева, направленная зав. общей частью Отдела народного образования Моссовета (МОНО)* Н. Н. Голоухову. О количестве знаков в пьесе Э. Толлера «Человек-масса», переведенной О. Мандельштамом. «Самая пьеса находится у т. Мандельштама, который совместно с режиссером театра А. Б. Велиженовым приступил к ее переработке» (*ЦГАМО.* Ф. 966. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 110). См. 1923, Января 30.

Сентябрь, до 27. В журнале «Россия» № 2 (сент.) помещена статья «Литературная Москва». Источник даты: *ЛЖР.* Т. 1, ч. 2. С. 541.

Сентября 30. В харьковском журнале «Театр, литература, музыка, балет, графика, живопись, кино» № 4 помещено стихотворение «Чуть мерцает призрачная сцена...».

Сентябрь. В альманахе «Наши дни», кн. 2 помещены стихотворения «Зверинец», «Золотистого меда струя из бутылки текла...», «Когда на площадях и в тишине келейной...».

Сентябрь. В журнале «Всемирная иллюстрация» № 5 (сент.) помещено стихотворение «Когда городская выходит на стогны луна...».

Сентябрь. Заметка в хронике: «“Литературный особняк” заканчивает редактирование 1-го Альманаха Кружка, выходящего под редакцией О. Мандельштама, Н. Зарха, И. Сельвинского и Н. Захарова-Мэнского. В сборнике кроме статей и стихотворений будут помещены библиографические заметки о книгах и сборниках членов “Литературного Особняка”»; «В редакц. коллегии принимающий материал для альманаха — О. Мандельштам» (Россия. 1922. № 2. Сент. С. 29).

♦ Из воспоминаний: «На одном собрании “Литературного особняка”, когда все сидели за громадным, покрытым синим сукном столом, Мандельштам скучал, слушая стихи какого-то очень неинтересного поэта. В руках у него была папироса. Он не столько курил, сколько вертел папиросу. Я сидел напротив него. Наши взгляды встретились. Мандельштам показал мне глазами на своего соседа. Это был Георгий Шенгели. Он держал на веревочке розовый воздушный шар — эти детские шары только появились тогда в Москве после многолетнего перерыва. Я не сразу понял, что хотел сказать мне Мандельштам своим взглядом. Его лицо в этот момент было полно торжественного покоя, словно он собирался священнодействовать.

* В 1922 году театры были административно подчинены этому отделу.

Он не спеша поднес зажженную папиросу к детскому воздушному шару в руках Шенгели. Раздался взрыв, мгновенный переполох. Шенгели в ужасе подскочил. Поэт, читавший стихи, так и не кончил их, обиделся, академически серьезный Шенгели очень рассердился на Мандельштама. Слово было предоставлено другому поэту. Мандельштам стал слушать его с бóльшим вниманием» (*Необыкновенные собеседники*. С. 105–106).

Сентябрь. Статья Н. В. Волькенау «Классицизм: Об Осипе Мандельштаме» (сентябрь 1922) для № 3 машинописного журнала «Гермес» (*СМР* 3/2. М.: РГГУ, 2000. С. 166–172. Публ. Н. Волькенау).

Октябрь, до 3. Вышел из печати № 1 журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном», помещен цикл «Сеновал» (стихотворения «Я не знаю, с каких пор...» и «Я по лесенке приставной...») и статья «Девятнадцатый век». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 553.

♦ Из рецензий: «Очень глубока и интересна по идеям статья О. Мандельштама “Девятнадцатый век”, являющаяся суровым, своевременным (правда не первым и не единственным) обвинительным актом минувшему столетию за всю ту глубину культурного падения, в которую вогнал Европу релятивизм и гносеологизм этого века, гордившегося своей натуралистической научностью. (Теперь-то мы знаем всю ценность этой научности.) Проповедь возрождения реализма, поднимаемая и некоторыми течениями современной философии, в эффектной форме заканчивает статью. <...> Не будем останавливаться на поэтической части номера, отметив только высокую художественную ценность стихотворений Эрдмана, Ивнева и Мандельштама» (Горнунг Б. В. [рец.] // Корабль (Калуга). 1923, № 1/2 (7/8)).

♦ Из статьи Б. В. Горнунга (1924): «В замечательной статье “Девятнадцатый век” <...> Мандельштам, вспомнив бодлеровского “Альбатроса”, открыл лишенным способности видеть историческую перспективу какого бы то ни было духовного развития “академическим” историкам литературы эту переплетенность принципов “аналитизма” и “синтетизма” в романе XIX века. Специфика века в его отношении к предшествующему (XVIII) и нашему (XX) раскрыта Мандельштамом в образной форме, но точность этих “образов” превосходит формулировки даже наиболее способных к синтезу историков. Многими своими положениями эта статья О. Мандельштама перекликается с [пятым] фрагментом первого выпуска “Эстетических фрагментов” Г. Г. Шпета, озаглавленным [«Признаки и стили»]. Но это всё еще предшествовало той настоящей реакции против позитивизма и натурализма, которая началась с 80–90-х годов и как бы присоединила последние пятнадцать лет XIX века к нашему столетию» (*Поход времени*. С. 256).

Октября 8. — Дата стихотворения «Век» в черновике (*ПССиП*. Т. 1. С. 581).

Октября не ранее 11 — Декабря не позднее. Вышел из печати альманах: Цех поэтов. [Кн.] I. Изд-во С. Ефрон. Берлин, 1922. Включены те же произведения О. М., что и в альманахе «Дракон», составу которого в значительной мере следует берлинский альманах, см. 1921, Февраля не позднее 18. Источники даты: 1. Редакционная статья альманаха. 2. Рецензия А. А. Кондратьева: Волынское слово. 1923. № 433, 19 янв. (подписано: Каппа).

Октября 14. В парижской газете «Последние новости» помещена рецензия К. Мочульского на «Tristia». «Поистине после появления “Anno Domini” Анны Ахматовой книга Мандельштама самое крупное событие русской художественной жизни. Обещанный Петрополисом много месяцев тому назад, предшествуемый хвалебной молвой, этот небольшой сборник стихов появился, наконец, в Берлине <...> Спиритуализм, раскрепостив слово, освобождает через него мир. Мандельштам невольно обращается к великим освободителям духа — античности и христианству. <...> Немногочисленные стихи о России принадлежат к лучшим созданиям поэта».

Октября 17. В петроградской газете «Жизнь искусства» помещена рецензия Н. Пунина на «Tristia». «Конечно, я уже не знаю, за чтением “Tristia”, где кончается старая форма, где начинается новая, но я изменяю всему: новому искусству, динамике, боевым товарищам и пр. перед лицом человека, так глубоко еще владеющего искусством. Перед лицом этого человека слабеет крепость моего “воинствующего духа”, прощая ему всё, с чем я никак не могу согласиться и никогда не соглашусь. <...> “Tristia” очень пышный и торжественный сборник, но это не барокко, а как-бы ночь формы. Работающие в искусстве <...> знают ночное и предрассветное состояние сознания, когда свет предыдущего дня, приведший уже однажды мир в порядок, погас, и огромные коромысла качаются в пустоте ночи, строя чертежи новой формы».

Октября 19. — Дата стихотворения «Век» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 581). Ср. Октября 8.

Октября 27. Протокол заседания правления Всероссийского Союза писателей с решением «о выдаче ссуды в 150 млн рублей в счет гонорара» по ходатайству О. М. (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 139). См. Октября 28.

Октября 28. Получил ссуду от Всероссийского Союза писателей 150 000 000 руб. Запись С. Полякова (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 219. Л. 38).

Октября 28. Указан среди участников чествования А. Свирского во Всероссийском Союзе писателей в связи с 30-летием литературной деятельности (*ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 577).

Октября 30. Письмо Б. А. Пильняка — А. К. Воронскому и Н. Н. Асееву об издании книги стихов Мандельштама в издательстве «Круг». «Стихов у нас много набрано. [К.] Большаков идет, М. Зенкевич — а это не первый сорт, хоть я и рад им. Идет ли у нас

книжка Мандельштама? Я считаю его лучшим из современных поэтов, книжку он давал, а в объявлениях ее нету. Почему? <...> Он живет в Союзе писателей (Тверской бульвар, 25) <...>» (Лит. наследство. Т. 93. М.: «Наука», 1983. С. 570).

Октябрь. В журнале «Печать и революция» № 7 (сент.–окт.) — обзор В. Я. Брюсова «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии». «Очертить круг нео-акмеистов не легко, так как они никогда не имели собственного журнала или иного органа. По-видимому, их некоронованным королем можно считать О. Мандельштама, стихи которого всегда красивы и обдуманны. Но далее следует длинная вереница поэтов, которые, может быть, станут негодующе протестовать против зачисления их в число нео-акмеистов. Всё же такими представляются нам многие поэты одесских и киевских изданий 1919–1921 гг., как: Э. Багрицкий, В. и Н. Ма[к]кавейские, Ю. Олеша и др.; некоторые, выступившие в литературе сравнительно давно, как В. Нарбут, Г. Шенгели, Б. Лившиц и др.; часть поэтов петербургского "Цеха", как Анна Радлова ("Корабли", 1920 г.), Г. Иванов, М. Лозинский, Н. Оцуп и др.; иные начинающие или полуначинающие (чьи дебюты прошли незамеченными), Эмм. Герман ("Растопленный полюс", 1918 г., "Скифский берег", 1920 г.), А. Беленсон, В. Зоргенфрей, Вс. Рождественский и др. Эти поэты приближаются к принципам неоакмеизма в разной степени, кто ближе, кто отдаленно, но, во всяком случае, не переходят за его литературные грани. Впрочем, такое же приближение можно заметить и у многих "младших" символистов, у названного выше В. Ходасевича (тяготеющего также к "пушкинизму" и "тютчевизму"), у К. Липскерова (часто сбивающегося на шаблонный "парнасизм") и еще у других».

Октябрь. В берлинском журнале «Сполохи» № 12 — Из «Современной поэмы» И. А. Оксенова.

Спиною к печке, Маяковский,
Окутан дымом папироски,
Взрывает молнией поэм
Броню еще запретных тем.
Вот кончил он. Немеют дамы,
По спинам пробежал мороз.
Чуть слышен голос Мандельштама,
Творца неуловимых поз.

Ноября до 2. Вышла книга Н. Анциферова «Душа Петербурга». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 585. «Вполне чистый образ города, свободный от всяких идей, настроений, фантазий, передает один О. Мандельштам. В его чеканных строфах, посвященных Адмиралтейству, мы находим отклик на увлечение архитектурой: "Нам четырех стихий приязненно господство, Но создал пятую свободный человек. Не отрицает ли пространства превосходство Сей целомудренно построенный ковчег?" Спокойно торжество человеческого

гения. Империалистический облик Петербурга выступает вновь, введенный без пафоса, но со спокойным приятием. <…> В “Петербургских строфах” развитие этой темы» (с. 208).

Ноября до 6. В журнале «Россия» № 3 (октябрь) помещена статья «Литературная Москва (Рождение фабулы)» и пародия Адуева и Арго «Как родился поэт» на О. М. Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 588.

Ноября 10. Петроград(?). Дарственная надпись на «Tristia» Д. И. Выгодскому: «с просьбой помнить, что эта книга вышла против моей воли и без моего ведома» (*Инскрипты*. С. 211). Вероятно, данный инскрипт отмечает ноябрьскую поездку О. М. с женой в Петроград после кончины жены брата Евгения Надежды Мандельштам (урожд. Дармолатовой). См.: *В переписке семьи*. С. 52; *Вторая книга*. С. 172.

Ноября 11. Запись М. Пришвина: «Сюжет для “Городов и весей”: Черная биржа. Доллар. Мандельштам: как пойти. Рынок без товара. Покупаете? Продаю. Покупаем доллары…» (Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. М.: «Московский рабочий», 1995. С. 283).

Ноября 12. В берлинской газете «Дни» помещена рецензия В. Ходасевича на «Tristia». «Поэзия Мандельштама — танец вещей, являющийся в самых причудливых сочетаниях. Присоединяя к игре смысловых ассоциаций игру звуковых, — поэт, обладающий редким в наши дни знанием и чутьем языка, часто выводит свои стихи за пределы обычного понимания: стихи Мандельштама начинают волновать какими-то темными тайнами, заключенными, вероятно, в корневой природе им сочетаемых слов — и нелегко поддающимися расшифровке. Думаем, что самому Мандельштаму не удалось бы объяснить многое из им написанного. Теоретикам “заумной” поэзии следует глубоко почитать Мандельштама: он первый, и пока только он один, на собственном примере доказывает, что заумная поэзия имеет право на существование. Сделать это ему помогли: поэтический дар, ум и образованность, то есть то, чего начисто лишены были бедные “мэтры” российского футуризма».

Ноября 14. Решение Распорядительной комиссии Госиздата об издании «Гоготура и Апшины» Важи Пшавелы в переводе О. М. и его книги стихов «Аониды» (*Путеводитель по фонду Госиздата*. С. 325).

Ноября 17. Частично погасил ссуду, взятую во Всероссийском Союзе писателей 28 октября (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 219. Л. 34 об.).

Ноября 25. Сдал «Вторую книгу» в издательство «Круг» (*ПССиП*. Т. 1. С. 550).

Ноября 26. Заявление в редсектор Госиздата (А. Г. Калашникову) с предложением перевести трагедию Геббеля «Ирод и Мариамна» (*ПССиП*. Т. 3. С. 584).

Ноября не ранее 26 — Декабря не позднее 11. Вышел альманах «Паруса» № 1 со статьей «Конец романа» и стихотворением «Зверинец». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 620.

Ноября 30. Дарственная надпись Г. Шенгели на «Tristia»: «Дорогому Георгию Аркадьевичу с дружеским чувством. О. Мандельштам. Москва 30/XI/22» (*Инскрипты*. С. 210).

Ноября 30. Вышли из печати «Версты» Марины Цветаевой в издании московского ГИЗа. Включены все стихотворения, обращенные к О. М. Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 606.

Осень. Дарственная надпись Ахматовой на «Белой стае»: «"В Петербурге мы сойдемся снова". Владимиру Казимировичу Шилейко с любовью» (Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто: «Водолей», 2005. С. 426).

Декабря 1. В «Регистрационном листе технической редакции Госиздата 1/XII-22 г.» (рубрика «Подг<отовка> к печати для сдачи в ближайшие дни») под № 1 значится книга О. М. «Аониды» (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 1. Ед. хр. 258. Л. 31).

Декабря 6. Вписал в тетрадь Д. И. Шепеленко стихотворение «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (*РГАЛИ*. Ф. 2801. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 11–12).

Декабря 6. Запись Д. И. Шепеленко: «Совершенно пассивное подчинение, при каждом толчке мысли или действия, тяжелой сонной Нирване есть сущность учения Будды (Сказал в разговоре О. Э. Мандельштам)» (*РГАЛИ*. Ф. 2801. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 12 об.).

Декабря 9. Из дневника М. М. Пришвина: «Вчера Мандельштам сказал, что всего лучше, когда молодой поэт, прочитав стихи, просит сейчас же ответа, сказать: "это для вас характерно". Тут я вспомнил Блока — вот кто единственный отвечал всем без лукавства и, по правде, вот был истинный рыцарь» (Контекст 1974. М.: «Наука», 1975. С. 326. Публ. В. Кожинова).

Декабря 11. Письмо к брату Евгению из Москвы в Петроград. Сообщает о том, что Шура (А. Э. Мандельштам) живет вместе с ним в Доме Герцена, устроил его на службу в Госиздат. Упоминает «Антологию», которую переписывает Н. Мандельштам (*ПССиП*. Т. 3. № 42).

Декабря не позднее 12. Вышел альманах «Абраксас» № 2. Включены стихотворения «Как растет хлебов опара...» и «Ветер нам утешенье принес...», а также «Письмо в Пекин» М. А. Кузмина. «Посылаю Вам три книги Анны Радловой и "Tristia" О. Мандельштама. <...> Эволюцию и больший пафос (какой-то ледяной) Вы заметите в прекрасной книге Мандельштама». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 621.

♦ Из откликов: «А что Мандельштам идет к темам космогоническим и что здесь мы можем предчувствовать новую поэзию большого стиля, на это мы тоже имеем намеки» (цитируется «Есть в лазури слепой уголок...» из стихотворения «Ветер нам утешенье принес...») (Груздев И. Русская поэзия в 1918–1923 гг. // Книга и революция. 1923. № 3 (27). С. 41).

Декабря 13. Москва. Заявление в Правление Всероссийского Союза писателей с просьбой разрешить проживание в общежительской

комнате Дома Герцена брату (Александру) (*ПССиП*. Т. 3. С. 585–586). Просьба удовлетворена — протокол от 15 дек. (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 146).

Декабря 14. Записка Технической редакции Госиздата — О. М. с просьбой «вернуть взятую Вами для приведения в порядок рукопись „Аониды“» (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 478). Ср. 1923, Января 30.

Декабря 28. Письмо Е. А. Рейснер — Л. М. Рейснер из Москвы в Кабул. Автор письма приводит поэтов Н. С. Тихонова и С. М. Кремкова (?) к Мандельштамам в Дом Герцена. Разговор о поэзии. «Стук в дверь. Приходит Суза [Укше] от имени “Акмеистов-москвичей” с просьбой М<андельштаму> руководить ими... “Никаких акмеистов-москвичей нету, были и вышли питерские акмеисты, прощайте”». Видят там В. Я. Парнаха (Седьмые тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–1996. С. 293–294. Публ. Н. А. Богомолова).

♦ Из показаний поэтессы Сусанны Укше на допросе 25 июня 1927 г.: «Московская группа акмеистов образовалась в 1923 г. Первоначально она состояла из Н. Н. Минаева, Марианны Ямпольской, меня и Надежды Пресман, потом был приглашен Пеньковский, но он скоро уехал. Хотели мы пригласить в руководители кого-нибудь из основоположителей акмеизма: приглашали Мандельштама, но он отказался; пригласили Зенкевича. Он согласился бывать, но руководящей роли не играл и на наших собраниях был очень редко — последнее время не бывал. Потом еще к нам вступил Д. С. Усов. Потом мы подумали о расширении группы и пригласили поэта Миниха, которого нам хвалили как прекрасного поэта с акмеистическим уклоном. Он был 2 раза и уехал. Он привел Марка Тарловского. Тарловский бывал на заседаниях и участвовал на нашем вечере в Цекубу, но другим говорил, что себя причисляет к конструктивистам. Группа официально не была зарегистрирована. В московскую группу акмеистов входят:

1. Пресман-Фридман Надежда Зиновьевна, живет на Б. Дмитровке.

2. Яковлева-Ямпольская Мария Николаевна, Малая Кисловка, около филармонии.

3. Минаев Николай Николаевич.

4. Тарловский Марк.

5. Зенкевич Михаил Александрович, Мясницкая улица.

6. Усов Дмитрий Сергеевич.

7. Миних, уехал из Москвы.

8. Пеньковский.

Собирались иногда у меня, иногда у Пресман.

Записано с моих слов верно. С. Укше» (Виноградов В. «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты» // Независимая газета. 1994. № 74 (750) 20 апр. С. 5).

Декабря 29. Протокол заседания правления Всероссийского Союза писателей с вопросом «О втором вселившемся брате Мандельштама, по докладу А. И. Свирского. Постановили: Подтвердить А. И. Свирскому постановление о непрописывании в общежитии приезжающих лиц, в виду совершенного переполнения; тем более недопустимы к проживанию в общежитии лица, с союзом не связанные» (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 148).

Декабря 29 и 31. Получил в издательстве «Всемирная литература» плату за перевод старофранцузского эпоса (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 2963. Оп. 1. Ед. хр. 51).

Декабря 30. Петроград. В издательстве «Всемирная литература» получил (или выдано по доверенности от него?) аванс на перевод «Старого Кромдейра» Жюля Ромена и за другие переводы (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 2968. Оп. 1. Ед. хр. 50).

Декабря 31. В «Рабочей газете» помещено стихотворение «В лазури месяц новый...».

Декабрь. В журнале «Россия» № 4 (дек.) помещено стихотворение «Век».

Декабрь (?) — 1923, Января до 7. В журнале «Москва» № 7 помещено стихотворение «Соломинка». Источник даты: *ЛЖР*. Т. 1, ч. 2. С. 641.

1923

Января первые числа. Москва. Письмо к отцу (передано с возвращавшимся в Петроград Евгением Мандельштамом) (*ПССиП*. Т. 3. № 43).

Января 4. В газете «Известия» — рец. Б. Гим[м]ельфарба на книгу Б. Е. Гусмана «100 поэтов»: Лит. портр. (Тверь: «Октябрь», 1923). «Б. Гусман исключил “символистов, акмеистов и др.” (это “др.” бесподобно в особенности, если посмотреть, какие “др.” не исключены!) на том основании, что они “уже закончили свое существование”. На этом весьма строгом основании Брюсов, Блок, Бальмонт, Белый, Сологуб, Гумилев, Волошин, Городецкий, Ахматова, Мандельштам (!), Демьян Бедный, футурист Баян, центрофугист Аксенов и многие “др.” подвергнуты остракизму. Первые 11 не только в большинстве своем написали за последние годы значительные вещи (и, кстати сказать, как раз некоторых их них тов. Троцкий в своих блестящих статьях признал наиболее крупными поэтами последних лет), но и оказали влияние на многих поэтов, опортретированных тов. Гусманом...». Отсутствие в книге Гусмана стихов О. М. и Ахматовой отметил также анонимный автор в парижской газете «Дни» (1923. 16 дек. С. 9).

Января 5. В журнале «Театр и музыка» № 1/2 (14/15) помещена статья «Революционер в театре».

Января 9. В Берлине — доклад Г. П. Струве «Сегодняшний день в русской поэзии» в «русском студенческом союзе». «В основу своего доклада Г. Струве кладет творчество поэта акмеиста Иосифа Мандельштама, главным образом, два сборника его стихов “Камень” и “Тристия” и его книгу о русской поэзии. <...> После доклада состоялся обмен мнений. С пространной, но не всегда понятной речью выступил студент Григорьев, сообщивший, что в нынешней русской поэзии нет ничего ценного. Студ. Бикерман говорил о творчестве А. Ахматовой» (Дни. Берлин. 12 янв. Без подписи).

Января 13, 15, 22. 13-го приходит (вместе с женой) к И. Н. Розанову в связи с составлением «Антологии современной русской поэзии» (ср. Июля 22). 15-го приходит к Розанову повторно. 22-го И. Н. Розанов приходит к Мандельштаму и забирает ранее взятые у него из библиотеки книги. Записи в дневнике Розанова за эти числа (Богомолов Н. А. В книжном углу – 13 // Новое лит. обозрение. 2014. № 129. С. 410–411).

Января 16. Сделал надпись Е. Ф. Никитиной в кн. Е. Кругликовой на с. 25 (под своим силуэтом, см. 1922, Апреля не позднее 24): «Евдоксия Федоровна меня, надеюсь, извинит в том, что я не похож на изображенного здесь — правда, 10 лет тому назад — молодого, и весьма своеобразно и условно-изящного, но по-своему элегантного человека» (TSQ. 2007. № 22. Фототипия, в ст. Л. Алексеевой «Дама на портрете»).

Января 21. В берлинской газете «Накануне» (Лит. приложение № 36 к № 240) помещена статья «Гуманизм и современность».

Января 28. В журнале «Красная нива» № 4 помещено стихотворение С. Клычкова «Пылает за окном звезда...», автором по ошибке указан О. М.

Января 28. В «Рабочей газете» помещен фрагмент из драмы Э. Толлера «Человек-масса» в переводе О. М..

Января 30. Москва. Премьера драмы «Человек-масса» Э. Толлера (в переводе О. М.) в Театре Революции (*Видгоф 2012.* С. 614. Источник: Известия. 25 янв. С. 5; 30 янв. С. 5). См. 1922, Сентября 26.

Января 30. Записка Технической редакции Госиздата — О. М. с просьбой немедленно вернуть «взятую для просмотра рукопись “Аониды”» (*Путеводитель по фонду Госиздата.* С. 337).

Январь. В Берлине издательство «Геликон» выпустило книгу В. Б. Шкловского «Сентиментальное путешествие». Источник даты: Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М.: «Советский писатель», 1990. С. 505. «По дому, закинув голову, ходил Осип Мандельштам. Он пишет стихи на людях. Читает строку за строкой днями. Стихи рождаются тяжелыми. Каждая строка отдельно. И кажется всё это почти шуткой, так нагружено все собственными именами и славянизмами. Так, как будто писал Козьма Прутков. Эти стихи написаны на границе смешного.

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.
Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услыхать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.
Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Осип Мандельштам пасся, как овца, по дому, скитался по комнатам, как Гомер.

Человек он в разговоре чрезвычайно умный. Покойный Хлебников назвал его «Мраморная муха». Ахматова говорит про него, что он величайший поэт.

Мандельштам истерически любил сладкое. Живя в очень трудных условиях, без сапог, в холоде, он умудрялся оставаться избалованным.

Его какая-то женская распущенность и птичье легкомыслие были не лишены системы. У него настоящая повадка художника, а художник и лжет для того, чтобы быть свободным в единственном своем деле, — он, как обезьяна, которая, по словам индусов, не разговаривает, чтобы ее не заставили работать» (с. 334–335).

Январь. В журнале «Россия» № 5 (янв.) помещены «Сыновья Аймона».

Январь. В журнале «Корабль» (Калуга), № 1/2 (7/8). С. 48, заметка в хронике: «Осип Мандельштам выпустил в Берлине книжку стихов “Tristia”, появившуюся уже и в Москве. В ней собраны стихотворения, написанные после “Камня”. В изд<ательстве> “Круг” выходит его новая книга стихов “Слепая ласточка”».

Февраля 5. Одесса. На этот день «Южное товарищество писателей намечало проведение 36-го устного сборника. Планировалось чтение новых стихов Мандельштама» (Известия. Одесса. 4 февр. — Цимеринов Б. М. Осип Мандельштам на Украине. Машинопись. См. также: Цимеринов Б. М. То же // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 79).

Февраля 5. Надпись на книге «Tristia»: «Книжка составлена без меня против моей воли безграмотными людьми из кучи понадерганных листов» (*Инскрипты.* С. 210).

Февраля 10. Письмо М. Цветаевой — Б. Пастернаку: «И — забавно — видя, как они их пишут (стихи), я начинала считать их — гениями, а себя, если не ничтожеством — то: причудником пера, чуть ли не проказником. “Да разве я поэт? Я просто живу, радуюсь, люблю свою кошку, пла́чу, наряжаюсь — и пишу стихи. Вот Мандельштам, напр., вот Чурилин, напр. — поэты”» (*Цветаева — Пастернак.* С. 34).

Февраля 15. Заявление Л. П. Гроссмана, И. А. Новикова, Г. А. Шенгели в Главное управление по делам печати о разрешении на издание ежемесячного литературного журнала «Ямб». В списке сотрудников указан О. М. Приложена ведомость на оплату авторам первого номера, в том числе О. М., за стихи и статью (*РГАЛИ*. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 1–3).

Февраля 19. В парижской газете «Звено» № 3 — пародия К. Мочульского на «эллинистические» стихи О. М.

Э л л а д а

Я солью Аттики натер свои колени, —
Что для девицы — соль, то для матроны — мёд —
В глуши Акрополя еще мелькают тени:
Се — марафонский бег, — Валькирии полет!

* * *

Не Клитемнестра, нет, быть может, Навзикая —
Вы перепутались, святые имена! —
Нам вынесет воды. А только та, другая —
Совсем не женщина, и кажется, пьяна.

Февраля 23. Издательством «Всемирная литература» выплачен гонорар за перевод поэмы Важи Пшавелы «Гоготур и Апшина» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 2968. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 250). См. 1922, Апреля 21. Перевод напечатан в журнале «Восток» (1923, кн. 3).

Февраля 25. Письмо М. Зенкевича — М. Лозинскому: «Я был около месяца в Москве и скоро собираюсь опять, видел там часто Мандельштама — получил, так же, как и он, за книгу стихов из “Круга”, но издадут ли они наши книги (взято у Мандельштама, меня, Нарбута) это еще вопрос — так как мы мало к ним подходим. <…> Как вы нашли [мои] переводы из А. Шенье — Мандельштаму они страшно понравились» (Архив М. Л. Лозинского).

Февраля не позднее 27. Вышла из печати книга Э. Синклера «Машина» в переводе О. М. (*Книл* № 4, 15 февр.–1 марта).

♦ Из рецензий: «Перевод Мандельштама передает энергическую четкость фразы — ее сценическую динамику» (Волькенштейн В. <…> // Печать и революция, № 6, окт.–нояб.).

Февраль. В журнале «Россия» № 6 (февр.) помещена статья «Борис Пастернак».

Февраль. В журнале «Красная новь», кн. 1 (11), янв.–февр., помещены стихотворения «Век», «Феодосия», «Чуть мерцает призрачная сцена…», «Что поют часы-кузнечик…».

Февраль (?). Вышел журнал «Русское искусство» № 1, помещена статья «Буря и натиск».

Марта 5. Виза А. К. Воронского «Печатать» на авторском оригинале «Второй книги» (*ИМЛИ*. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 4).

Марта 8. Москва. Юбилейное заседание Союза писателей. «Во Всероссийском Союзе писателей <...> сотое исполнительное собрание [отмечено] очередным понедельником, на котором читали <...> О. Мандельштам <...>» (Россия. № 7, март). О. М. прочитал стихотворения «Я не знаю, с каких пор...», «Я по лесенке приставной...», «Век», перевод стихотворения Ж. Дюамеля (*Воспоминания Льва Горнунга*. С. 28).

Марта 8. — Дата «Грифельной оды» в автографе ранней редакции (*ПССиП*. Т. 1. С. 583).

Марта 9. Из дневника М. Кузмина: «Мандельштам в статье позорит меня, сам (?) идиот» (*РГАЛИ*. Ф. 232). См.: «Для Кузмина старшая линия мировой литературы как будто вообще не существует. Он весь замешан на пристрастии к ней и на канонизации младшей линии, не выше комедии Гольдони и любовных песенок Сумарокова. В своих стихах он довольно удачно культивировал сознательную небрежность и мешковатость речи, испещренной галлицизмами и полонизмами. Зажигаясь от младшей поэзии Запада, хотя бы Мюссе — "Новый Ролла", он дает читателю иллюзию совершенно искусственной и преждевременной дряхлости русской поэтической речи. Поэзия Кузмина преждевременная старческая улыбка русской лирики» (Русское искусство. 1923. № 1. С. 79).

Марта 22. Письмо П. Н. Зайцева к Н. С. Ангарскому о посылке (для альманаха «Недра») стихотворений О. М. и М. А. Волошина (приложенные к письму стихи Мандельштама не обнаружены и в альманахе не были помещены) (*РГБ*. Ф. 9. Оп. 9. Ед. хр. 11. Л. 23 об.).

Марта 25. В журнале «Красная Нива» № 12 помещено стихотворение «Холодок щекочет темя...».

Марта не позднее 29. Москва. Издательство «Первина» переиздало книгу И. Г. Эренбурга «Портреты русских поэтов» под названием «Портреты современных поэтов» (*Книл* № 6, 16 марта–1 апр.). См. 1922, Марта 10.

Марта 30. Надписал книгу «Tristia»: «Борису Леонидовичу Пастернаку с благодарностью. О. Мандельштам. 30/III/23» (Библиотека Музея Маяковского).

Н. И. Бухарин

Март (?). Москва. Письмо к отцу. Упоминает о «вчерашнем» разговоре с Н. Бухариным по поводу арестного дела брата Евгения; о предстоящей «сегодня» поездке в Ленинград брата Александра (*ПССиП*. Т. 3. № 44).

♦ Из воспоминаний: «Но не суждено мне было спокойно растить дочку, понемногу вводить ее в жизнь. Опять нежданно-негаданно пришла к нам новая беда: меня арестовали в третий раз. Забрали на Гороховую и почти сразу, без допроса,

отправили на Шпалерную улицу в Дом предварительного заключения. <...> Наше тихое тюремное существование так же неожиданно закончилось. Нам объявили об отправке всех в Москву, в распоряжение ОГПУ. Уж не помню, каким способом, но мне удалось дать знать своим о времени погрузки нас в арестантский вагон на Николаевском вокзале. Несколько десятков заключенных посадили в огромные тюремные машины, прозванные "черным вороном", и привезли на боковую платформу станции к зарешеченному вагону. Здесь нас ожидали те немногие родственники и друзья, которым удалось сообщить о нашей отправке. Меня встретили мои товарищи медички, дорогой друг Наташа Григорьева и Соня Лурье. Это они собирали для меня и передавали в ДПЗ передачи и короткие записочки, проходившие строгую цензуру. <...> В Москве ОГПУ помещалось в огромном доме бывшего страхового общества "Россия". Квартиры с окнами, выходящими во двор, были приспособлены под тюрьму, названную "внутренней". Камеры мало чем отличались от камер на Гороховой. <...> Осип и его жена делали всё возможное, чтобы добиться моего освобождения. В пироге, посланном мне братом, я нашел крохотную записочку, успокаивающую меня. В ней было сказано, что через несколько дней мы с Осипом и Надеждой Яковлевной увидимся. После такого известия я с особым удовольствием поделил пирог между своими товарищами по камере. Через дней пять меня, как говорят на тюремном жаргоне, "со всеми вещами" вызвали из камеры, опять отвезли во внутреннюю тюрьму, где я сразу попал к следователю, который вернул мне документы и освободил. Мандельштамы встретили меня с большой душевностью и старались сделать всё, что могло быть мне приятно. Приехав, я от брата узнал, каких усилий стоила ему борьба за мое освобождение. Осип обратился к Н. И. Бухарину, тогдашнему редактору "Известий", одному из руководителей III Коминтерна, с просьбой похлопотать за меня. <...> Узнав, что я свободен, Бухарин попросил Осипа прислать меня к нему, чтобы познакомиться, услышать от меня объяснения причин моего ареста и составить себе личное впечатление. Жил тогда Бухарин в гостинице "Метрополь" на Театральной площади. Он занимал во втором этаже обычный, правда, большой номер, никакой охраны, никаких пропусков, полная доступность. Я постучал в дверь, вошел. Меня встретил простой и доброжелательный, невысокий, спокойный человек, с хорошей доброй улыбкой. Он расспросил меня о семье, о работе в институте, захотел узнать о причинах прежних арестов. Я чувствовал себя легко с этим человеком, и за получасовой разговор, располагавший к откровенности, он узнал то, что ему хотелось, а я ушел от него с чувством благодарности за доверие и поддержку, которую он мне оказал» (*Евгения Мандельштама воспоминания*. С. 156–158).

Апреля 1. Москва. Запись М. Пришвина: «Я очутился в Москве в маленькой сырой комнате, хуже быть не может! Мебелью была в ней простая лавка, на ней лежала съеденная молью енотовая

шуба поэта Мандельштама, под голову я клал свой мешок с бельем. Сам Мандельштам лежал напротив во флигеле с женой на столе. Вот он козликом, запрокинув гордо назад голову, бежит через двор с деревьями дома Союза Писателей, как-то странно бежит от дерева к дереву, будто приближается ко мне пудель из "Фауста". "Не за шубой ли?" — в страхе думаю я. Слава Богу, за папироской и нет ли у меня листа бумаги. Получив желаемое, попыхивая гордо папиросой, он удаляется опять козликом. Вдруг я получаю огромный паек из Кубу: сразу пуда два баранины. Тепло, ледника нет — что делать? Говорят, надо сразу всю зажарить на примусе, в жареном виде не скоро испортится, и есть, есть. В каком-то военном Союзе показались дешевые самодельные примусы. Покупаю, жарю, и вдруг примус разрывается на части, в комнате море огня, край рукописи (кажется драгоцен.) загорается. Я бросаю на рукопись шубу Мандельштама, рукопись спасаю, но шуба сгорает совершенно. Замечательно скоро все произошло: на бревне против моего окна сидели два федоровца, два соловьевца, еще один, называющий себя индусом, и рассуждали о воскрешении отцов. Ни взрыва, ни возни моей они не слыхали и всё спорили, и только уж когда ужасная вонь от сгоревшей вконец шубы Мандельштама дошла до них, они обернулись и спросили: что случилось? Козликом, козликом, от дерева к дереву опять бежит ко мне хозяин шубы. "Что случилось?" — "Шуба сгорела!" — "Дайте еще одну папироску и еще лист бумаги и, пожалуйста, три лимона до завтра, я завтра, наверно, получу, отдам"» (Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. М.: «Русская книга», 1999. С. 18).

Апреля 2. Решение Распорядительной комиссии Госиздата отложить печатание «Избранных отрывков из старофранцузской эротической* литературы» объемом 1600 стихотворных строк (*Путеводитель по фонду Госиздата.* С. 394).

Апреля 8. В берлинской газете «Накануне» (Лит. приложение № 47 к № 304) помещен цикл «Летейские стихи» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»).

Апреля не позднее 13. В альманахе «Наши дни» № 3 помещены «Сыновья Аймона». Источник даты: *Книл* № 7, 1–15 апр.

♦ Из рецензии: «Стихотворный материал сборника представлен весьма бледно: поэма Мандельштама "Сыновья Аймона" — совсем мертвые узоры, только по виду сделанные под французскую легенду, и следа нет той лирической нагруженности, которая так свойственна Мандельштаму, печальнику отошедшей художественной культуры» (Горн. 1923. № 8. С. 222. Подписано: Сибиряк).

Апреля не позднее 15. В Берлине вышел № 1/2 журнала «Русская мысль» (янв.–февр.) с циклом стихов Марины Цветаевой «Проводы» (см. Июля 25–27) и статьей Г. П. Струве «Письмо о русской

* Так в тексте книги. Правильно, по-видимому, «героической».

поэзии» с рецензией на «Tristia». Источник даты: Дни. Берлин, 1923. 15 апр. С. 8 (извещение о выходе номера). «Художественная скупость, "мера" — необходимы всякому художнику. Для Мандельштама же, провозгласившего Сальери типом истинного творца — "божественного мастера", — они являются главным членом его художественного credo. Моцартовская неумеренность, черезкрайность, романтическая растрепанность — претят ему. <...> "Tristia", как и "Камень", останется в русской литературе» (с. 298–299).

Апреля 15. «Предлагаю Госиздату принять к изданию том "Драматических поэм". Рецензии о них могли бы в кратчайший срок представить читавшие их в рукописи проф. Пиксанов или проф. Гроссман, также О. Э. Мандельштам. <...> Георгий Шенгели» (*Путеводитель по фонду Госиздата*. С. 354).

Апреля вторая половина — Мая первая половина. Вышел № 3 журнала «Современный Запад» с «Одой нескольким людям» Ж. Дюамеля в переводе О. М. Источник даты — извещение о скором выходе номера: Последние новости. Пг., № 14, 2 апр.

Апреля 20. Москва. Завизировал гранки «Второй книги»: «Прошу верстать» (*ИМЛИ*. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1).

Апрель. Хроника журнала «Россия» № 8 (апр.): «О. Э. Мандельштам выпускает в "Круге" книгу стихов под названием "Вторая книга", по содержанию значительно отличающуюся от "Тристий". В Госиздате одновременно выходит первая книга стихов «Камень». Кроме того, О. Э. Мандельштам готовит книгу статей литературного и культурно-исторического характера. Для "Всемирной литературы" составляет антологию старофранцузского эпоса». То же: Лит. еженедельник (Пг.). № 26 (30 июня).

Апрель. В журнале «Красная новь» № 2 (12) (март–апр.) помещено стихотворение «Нашедший подкову».

Мая 1, 20; Июля 1, 26. В воронежском журнале «Железный путь» № 8, 9, 11, 12 помещены стихотворения «Холодок щекочет темя...», «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», «Ветер нам утешенье принес...», «Когда Психея-жизнь спускается к теням...».

Мая 4. Москва. На заседании президиума Московского лингвистического кружка (МЛК) обсуждался вопрос «о предложении поэтов О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака войти в контакт с МЛК для совместной работы в области поэтики». «Постановлено: Принять предложение и выделить <...> комиссию в составе Б. В. Горнунга, В. И. Нейштадта и А. И. Ромма» (Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок / Подгот. текста, вступ. заметка, примеч. М. И. Шапира // Philologica. 1996. № 5/7. С. 371. Примеч. 16). По воспоминаниям Б. В. Горнунга, летом 1923 г. О. М. «организовал в помещении [Московского лингвистического] кружка несколько бесед о поэзии и новейших методах ее изучения» (*ПССиП*. Т. 2. С. 530). См. также: *Горнунг Б. Заметки*. С. 157.

Мая 10. Москва. Получил для просмотра эскиз обложки к печатающемуся сборнику «Камень» (1923). «Обложку Родченко к моей книге “Камень” для просмотра взял до завтра. 10 мая. О. Мандельштам» (*РГАЛИ*. Ф. 2530. Ед. хр. 199. Л. 1).

Мая не позднее 13. Вышла книга: Толлер Эрнст. Человек-масса. М.; Пг., Главн. упр. Государственного издательства, нотопечатня им. П. И.Чайковского Муз. сект. ГИЗа, в Москве. 63 с., тир. 4000. Источник: *Книл* № 9, 1–15 мая. Переводчик не указан, атрибуцию см.: *Библиография переводов*. С. 7.

Мая 13. В журнале «Огонек» № 7 помещено стихотворение «Веницейской жизни, мрачной и бесплодной...».

Мая 18. Письмо в издательство «Petropolis» (черновик) с требованием выплаты дополнительного гонорара за книгу «Tristia» (*ПССиП*. Т. 3. С. 586).

Мая 18. Москва. К О. М. заходит сотрудник Пушкинского Дома Е. П. Казанович и записывает в дневнике: «Вчера, 18-го, бегала с утра по разным делам. Сначала была у Мандельштама и застала его чуть ли не в постели» (*РНБ*. Ф. 326. Ед. хр. 20. Л. 134 об.).

Мая 21. Москва. Запись Е. П. Казанович: «Брюсова не застала, конечно <...>. Альбом не оставила, т. к. рассчитывала вечером на Мандельштама» (*РНБ*. Ф. 326. Ед. хр. 20. Л. 138). В тот же день О. М. записал в ее альбом стихотворение «Век» (*ИРЛИ*. Р. I. Оп. 12. Ед. хр. 282. Л. 23).

Мая не позднее 24. В издательстве «Круг» вышла «Вторая книга». Датируется по дарственной надписи Д. К. Богомильскому от 24 мая (*Инскрипты*. С. 211).

♦ Из рецензии: «Сборник прекраснейших стихов, певучих, упругих, образных. Подлинная поэзия, глубокая, содержательная. Стихи Мандельштама — лирические признания капризной и глубокоодинокой индивидуальности, лирика человека, бродящего по миру с одной заботой: “времени бремя избыть”. <...> Мандельштам из тех поэтов, которые требуют от читателя особой одаренности, чтобы пережить вместе с автором его волнения. Не всякий читатель будет очарован музыкальным строем последнего Орфея, хотя бы и оставаясь внутренне незатронутым. В каждой большой библиотеке “Вторая книга” будет украшением поэтического отдела» (Бюллетень книги. № 9/10. Стб. 72. Без подписи).

♦ Из рецензии: «“Вторая книга” Мандельштама, поэта, столь же скупого на слово, сколь значительного и своеобразного. Сотня стихотворений, написанных за пятнадцать лет работы, останется одним из ценнейших памятников поэзии этих лет» (Выгодский Д. Стихи 1923-го года // Жизнь искусства. 1924. № 1, 1 янв. С. 4–5). См. также: Ноябрь; рецензию Н. В. Волькенау на «Вторую книгу» из № 4 машинописного журнала «Гермес» см.: *СМР* 3/2. М.: РГГУ, 2000. С. 172–174.

Мая 29. В берлинской газете «Накануне» напечатана «Сопка Маира» М. М. Пришвина. «В Москве я поселился в такой маленькой

и сырой комнате, — хуже только разве в окопе! Мебелью была одна лавка, и на ней вместо матраца енотовая, съеденная молью шуба поэта Мандельштама. Сам поэт Мандельштам с женой лежал напротив во флигеле на столе. Вот он козликом, козликом, небритый, и все-таки гордо запрокинув назад голову, бежит ко мне через двор Союза писателей от дерева к дереву, так странно, будто приближается пудель из Фауста. "Не за шубой ли?" — в страхе думаю я. Слава Богу, за папироской и нет ли у меня одного только листа писчей бумаги.

Вы спросите, дорогой друг, как это выходит, что описание литературной карьеры начинается у меня с лавки, комнаты и шубы, — потерпите немного, Вы скоро увидите, что это все необходимо. Вот еще баранина, мука, масло, которые назначил мне КУБУ (Комитет улучшения быта ученых). Мандельштам из-за этого поднял было настоящий бунт: он, как поэт, оказался ниже какого-то ничтожества, получает баранину по второй категории. К Мандельштаму примкнуло множество обездоленных и в высшей степени талантливых поэтов и писателей. Я сам попал ниже одной ступенью Бориса Зайцева, двумя ступенями ниже Вересаева и тремя ниже Горького (впрочем, категория Горького не обидная: он в ней один). Мы уже начали, было, вырабатывать ядовитую мотивировку коллективного отказа от академического пайка, и вдруг оказывается, что баранина, мука, чай и все прочее выдается всем категориям совершенно в одинаковом количестве и только денежное обеспечение разное, но в сущности то же ввиду незначительной суммы и падения курса, все сводится больше к арифметике. Принципиально, конечно, обидно, но за принцип стоял один Мандельштам, и он, увидев себя одиноким, тоже пошел получать».

Май. В тбилисском журнале «Пламя» № 1 (май) помещен перевод «Гоготура и Апшины» Важи Пшавелы (сокращенная редакция).

Май или июнь. Москва. Записка Б. В. Горнунгу с просьбой о переносе своего доклада в Московском лингвистическом кружке на другой день (*ПССиП*. Т. 3. № 45).

Другая записка Б. В. Горнунгу с просьбой перенести свое выступление на неделю (Каталог аукционного дома «Империя» № 46. С. 51 = http://www.auction-imperia.ru/book46.pdf). Обе без даты.

Июня 10. Стихотворение Б. В. Горнунга «— С утра вино, а с вечера похмелье...» с эпиграфом из стихотворения «От легкой жизни мы сошли с ума...» (*Поход времени*. Кн. 1. С. 42).

Июня 10. В берлинской газете «Накануне» (Лит. приложение № 56 к № 354 [355]. С. 3–7) помещена статья «О внутреннем эллинизме в русской литературе».

Июня 12. Москва. Заключил договор с Государственным издательством на перевод книги Э. Т. А. Гофмана «Щелкун и Мышиный царь» (*ГАРФ*. Ф. Р-395. Оп. 10. Ед. хр. 144).

Июня 17. В газете «Рубикони» № 11 на грузинском языке помещена статья Т. Табидзе «Директор 41 градуса Терентьев». В переводе

Л. Магаротто: «Первым среди русских поэтов в Тбилиси поселился Осип Мандельштам. Благодаря человеколюбию грузин этот голодный бродяга, Агасфер, пользовался случаем и попрошайничал. Но когда он уже всем надоел, поневоле пошел по своей дороге. Этот Хлестаков русской поэзии в Тбилиси потребовал такого к себе отношения, как будто в его лице представлена вся русская поэзия. Когда ему указали его место, и он получил по заслугам на улицах Батуми, он с парохода прислал батумской газете "Час" похабное письмо, ответа на которое не дождался» (Русский литературный авангард: Материалы и исслед. Trento, 1990. С. 241–242).

Июня 21. Заседание правления Книгоиздательства писателей в Москве. По докладу В. В. Вересаева решено включить в состав «Московского альманаха» № 3 (впоследствии не вышедшего) стихотворение О. М. «Грифельная ода» и прозу Л. М. Леонова «Записки на бересте» (*РГБ*. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 197. Л. 113).

Июня 30. В «Литературном еженедельнике» № 26 — заметка о предстоящем выходе книг «Камень» и «Вторая книга», а также о том, что «в настоящее время поэт готовит для Госиздата (серия "Всемирная литература") антологию старофранцузского эпоса и работает над сборником историко-культурных статей» (с. 16).

Июня 30. Письмо М. А. Волошина — В. В. Вересаеву. «Лично для меня — первым из живущих поэтов как и по размаху, так и форме является Вячеслав Иванов (в чем Вы, конечно, никогда со мной не согласитесь, Викентий Викентьевич), а из молодых я чувствую если не во всех, то во многих областях превосходство над собою Ахматовой, Марины Цветаевой, Парнок, и Мандельштама в смысле музыкальности, и Эренбурга в смысле интенсивности чувства и мысли, и Ходасевича — в смысле классической простоты. Я не хочу ложной скромностью вызывать Вас на лестные возражения. И лжесмирение и бахвальство — одинаковые пороки. Каждый должен знать по возможности точно свой подлинный удельный вес» (*Волошин 2013*. С. 677–678).

Июля 1. В журнале «Огонек» № 14 помещено стихотворение «Париж» («Язык булыжника мне голубя понятней...»).

Июля 7. Письмо С. Э. Радлова — А. Д. Радловой из Москвы в Петроград: «Котик мой родненький, наконец-то от тебя записка — через Ал<ександра> Эм<ильевича Мандельштама> — я ее только сегодня в воскресенье получил. Ал<ександра> Эм<ильевича> я у себя не застал, зайду к нему сегодня или завтра, чтобы он хоть рассказал мне про тебя что-нибудь, очень уж скучно. — Третьего дня был у Осипа [Мандельштама], он взял твои стихи и обещал их устроить, — будут у Лепетоши копеечки на его собственные глупости» (*РНБ*. Ф. 625. Ед. хр. 670. Л. 9–10 об.).

Июля 14. В «Рабочей газете» помещен очерк «Генеральская».

Июля 15. В «Огоньке» № 16 помещен очерк «Холодное лето».

Июля 22. В хронике берлинской газеты «Накануне» (Лит. приложение № 62 к № 391) сообщалось: «Поэт Осип Мандельштам

составил для Государственного Издательства большую “Антологию современной русской поэзии”»; «Издательство “Круг” выпускает книгу стихов О. Мандельштама “Вторая книга”. В Госиздате выходит в новом издании “Камень” и сборник статей его же» (с. 7, 8).

♦ Из воспоминаний: «Случилось так, что два молодых человека решили попробовать, каково быть частными издателями, и заказали О. М. антологию русской поэзии от символистов до “сегодняшнего дня”. Антология открывалась Коневским и Добролюбовым, а кончалась Борисом Лапиным. О. М., как обычно, искал у поэтов удач: у Добролюбова “Говорящих орлов”, у Бальмонта “Песню араба, чье имя ничто”, у Комаровского “На площадях одно лишь слово — даки”, у Бородаевского — “Стрижей”, у Лозины-Лозинского — “Шахматистов”. <...> Читая Брюсова, которого нужно было очень широко представить, О. М. выходил из себя: “Что это значит — «ты должен быть жарким, как пламя, ты должен быть острым, как меч»?” — раздраженно спрашивал он, а когда дело доходило до строк про Данте, которому подземное пламя обожгло щеки, О. М. бросался к издателям отказываться от работы. <...> Антологию запретили, потому что О. М. не включил в нее поэтов, которым уже тогда покровительствовало государство, то есть пролетарских. Их имена канули в вечность, и мне не припомнить, о ком шла речь. Кроме того, цензор настаивал на том, чтобы снять целую груду “буржуазных, классово чуждых” стихов. От всей этой работы осталось только несколько листков верстки» (*Воспоминания*. С. 228–229). «Антология» всё же была издана, см. 1925, Июня не позднее 13.

Июля 23. Заявление А. И. Ромма в президиум Московского лингвистического кружка: «Попытки впрыснуть Кружку шприц Мандельштама и Пастернака — камфара для всё равно умирающего» (Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок / Подгот. текста, вступ. заметка, примеч. М. И. Шапира // Philologica. 1996. № 5/7. С. 371).

Июля 25. Письмо М. Цветаевой — А. Бахраху: «Дружочек, встреча со мной — не любовь. Помните это. Для любви я стара, это детское дело. Стара не из-за своих 30 лет, — мне было 20, я то же говорила Вашему любимому поэту М<андельшта>му: — “Что Марина — когда Москва?! “Марина” — когда Весна?! О, Вы меня действительно не любите!” Меня это всегда удушало, эта узость. Любите мир — во мне, не меня — в мире. Чтобы “Марина” значило: мир, а не мир — “Марина”» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995*. Т. 6. С. 574).

Июля 25–27. Письмо М. Цветаевой — А. Бахраху: «Есть ли у Вас “Tristia” Мандельштама? М<ожет> б<ыть> Вам будет любопытно узнать (как одно из моих отражений) что стихи: “В разноголосице девического хора”, “На розвальнях, уложенных соломой”, “Но в этой странной, деревянной — и юродивой слободе» — и еще несколько — написаны мне. Это было в Москве весной, 1916 г. и я взамен себя дарила ему Москву. Стихов он из-за своей жены (недавней и ревнивой)

открыто посвятить не решился. У меня много стихов к нему, когда будете в Берлине, посмотрите (предпоследний, кажется) № "Русской Мысли" — "Проводы". Кажется, все к нему. Посвятить их ему открыто я из-за его жены (недавней и ревнивой) не решилась» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995.* Т. 6. С. 579).

Июля 29. В журнале «Огонек» № 18 помещен очерк «Сухаревка».

Июля 29. В берлинской газете «Накануне» (Лит. неделя к № 397. С. 9) помещены стихотворения «Ветер нам утешенье принес...» и «Как мертвый шершень возле сот...» (отрывок «Грифельной оды»). Там же заметка в хронике: «В Госиздате выходит книга статей О. Мандельштама об искусстве» (с. 12).

Июля не позднее 30. Вышла книга «Камень», 3-е издание (*Книл* № 14, 15 июля–1 авг.).

Июля 30. Надписал Г. А. Шенгели третье издание «Камня» (частное собрание).

Июля 31. В журнале «Прожектор» № 12 напечатан рассказ П. Жува «Смерть Бейера» в переводе О. М.

Июля конец (?). Москва. Л. Горнунг «в конце июля» приносит О. М. тетрадку своих стихов. «Поэт обещал прочесть и занести мою тетрадку [Н. Ф.] Бернеру» (*Воспоминания Льва Горнунга.* С. 28–29). См. Август, не позднее 10.

Июль. В журнале «Печать и революция» № 4 (июнь–июль) — рецензия С. П. Боброва на книгу «Tristia». «Откуда взялся у Мандельштама этот очаровывающий свежестью голос? «Еще одно мгновенье, И я скажу тебе <...> Не чувствовал тебя». Откуда эта настоященская, с улицы, с холодком, с трамвайным билетиком простота? Откуда вот эта горячность, эта страсть, эта чуточку болезненная, но живая грусть, откуда сквозит эта свежесть? «Где милая Троя, где царский, где девичий дом? <...> На стогнах шершавых от долгого сна шевелится». <...> Ему много помог Пастернак, он его как-то по-своему принял, хитро иногда его пастичирует и перефразирует» (с. 259–262).

Июль (?) Вышел журнал «Русское искусство» № 2/3 со статьей «Vulgata. (Заметки о поэзии)».

Августа 3. В газете «Бакинский рабочий» помещено стихотворение «Сестры, тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...».

Августа 5. Заявление в хозяйственную комиссию Всероссийского Союза писателей. О разрешении проживать в комнате О. М. Дома Герцена брату Александру на время отъезда своего в Гаспру на 6 недель (*ПССиП.* Т. 3. С. 587).

Август, не позднее 10. Записка Л. В. Горнунгу с характеристикой его стихов, полученных ранее (см. **Июля конец**). «Спасибо за стихи. Читал их внимательно. Простите меня, если я скажу о них в этой записочке: в них борется живая воля с грузом мертвых, якобы "акмеистических" слов. Вы любите пафос. Хотите ощутить время. Но ощущенье времени меняется. Акмеизм 23-го года — не тот, что

в 1913 году. Вернее, акмеизма нет совсем. Он хотел быть лишь “совестью” поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия. Не презирайте современных поэтов. На них благословенье прошлого» (*ПССиП*. Т. 3. № 46).

Августа 10. Протокол заседания правления Всероссийского Союза писателей (под председательством А. М. Эфроса) об инциденте между О. М. и женой А. И. Свирского. Принято постановление, осуждающее поведение О. М. и возбуждающее «вопрос о возможности дальнейшего пребывания О. Э. Мандельштама в общежитии Союза Писателей» (постановление не обнаружено) (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 178 об.). См. Августа 17 и 23.

Августа 12. В журнале «Огонек» № 20 помещен очерк «Меньшевики в Грузии».

Августа не позднее 13. Вышел сборник: Лёт [Авио-стихи] / Ред. Н. Н. Асеев (*Книл* № 15, 1–15 авг.). Помещены стихотворения «Опять война. Разноголосица...», «Ветер нам утешенье принес...», «Как тельце маленькое крылышком...».

Август, около середины. Приезжает в санаторий Цекубу в Гаспре.

♦ Из воспоминаний: «На террасе татарского дома <...> он диктовал мне “Шум времени”, точнее, то, что стало потом “Шумом времени”. Он диктовал кусками, главку приблизительно в раз. Перед сеансом диктовки он часто уходил один погулять — на час, а то и на два. Возвращался напряженный, злой, требовал, чтобы я скорее чинила карандаши и записывала. Первые фразы он диктовал так быстро, словно помнил их наизусть, и я еле успевала их записывать. Потом темп замедлялся, но я часто путалась в длинных периодах. Он никак не мог понять, как это я не запоминаю с одного разу целого предложения, а я тогда же поймала его на том, что он иногда забывает произнести слово, а то и несколько слов, но уверен, что я их услышала и без звука. “Ты что, не слышишь, что без этого не держится?” — упрекал он меня. Я отругивалась: “Ты думаешь, что я у тебя в голове сижу и твои мысли читаю... Дурак, дурак, дурак...” На дурака он сердился, а мне подносил “идиотку”. Я визжала, а он оправдывался, что это прекрасное древнегреческое слово. Дурак, дурак, дурак — да еще древнегреческий... » (*Вторая книга*. С. 163–164).

Августа 15. В журнале «Прожектор» № 13 помещена статья «Огюст Барбье» и стихотворение Барбье «Собачья склока» в переводе О. М.

Августа 17. Протокол заседания правления Всероссийского Союза писателей. «Доклад Ю. В. Соболева об исследовании вопроса об общежитии и инциденте по вопросу Мандельштама — Свирской». По докладу А. М. Эфроса принимается резолюция (текст не обнаружен). «Свирский заявляет о том, что удовлетворен ею» (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 179). См. Августа 10 и 23, Октября 27.

Августа 18. И. Н. Розанов записывает в дневнике о встрече в этот день и разговоре с Ахматовой, приводит ее высказывания: «“Неужели Вы думаете, что существует к<акой>-л<ибо> акмеизм?” <...> О своей любви к Мандельштаму, о <...> Пастернаке — талантлив, но до Мандельштама далеко: “Я не изменю об нем своего мнения, хотя он меня начал печатно бранить”*» (Богомолов Н. А. В книжном углу — 13 // Новое лит. обозрение. 2014. № 129. С. 414).

Августа 23. Гаспра. Послал заявление в правление Всероссийского Союза писателей (ВСП) о выходе из ВСП и заявление с мотивировкой выхода (*ПССиП*. Т. 3. С. 588–591).

Августа 31. Протокол заседания правления Всероссийского Союза писателей. Рассматривается заявление О. М. «о выходе из Союза и об освобождении комнаты, занимаемой им в Общежитии» (см. Августа 23). Постановили: «Принять к сведению» (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 181).

Августа 31. В журнале «Петроград» № 8 помещены стихотворения «Я не знаю, с каких пор...» и «Я по лесенке приставной...».

Сентября 20 или 21. Гаспра. Письмо к отцу с просьбой прислать денег. Сообщает о сроке пребывания в Гаспре — до 6–8 октября (*ПССиП*. Т. 3. № 47).

Сентября не позднее 26. Вышел из печати «Еврейский альманах: Художественный и лит.-критический сб-к» (Пг.; М.: «Петроград») со статьей А. Г. Горнфельда «Русское слово и еврейское творчество [рец. на кн. В. Львова-Рогачевского “Русско-еврейская литература”]». Источник даты: *Книл* № 18, 15 сент. — 1 окт. «Пусть они очень незначительны, все эти русско-еврейские писатели от Осипа Рабиновича до Осипа Мандельштама и от Котелянского до Эренбурга, но они сказали в русской литературе то, чего без них не сказал бы никто. Они пришли с русских (больше с полурусских) окраин из чужого культурного мира, в их семьях говорили еще на жаргоне, они принесли свои воспоминания, свои навыки, свои языковые неправильности и особенности своего мировоззрения, свои образы» (с. 192–193).

Сентябрь. В журнале «Печать и революция» № 5 (авг.–сент.) помещена рецензия О. М. на книгу Г. Гауптмана «Еретик из Соаны».

Сентябрь. Вышел журнал «Красная новь» № 5 (авг.–сент.) с рецензией О. М. на книгу Андрея Белого «Записки чудака».

Октября 6. Письмо Г. И. Чулкова — Н. Г. Чулковой, из Гаспры. Сообщает, что встретил знакомых — О. М. и Ауслендера (*ИМЛИ*. Ф. 36. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 15).

Октября 7. В киевской газете «Пролетарская правда» — статья Б. Розенцвейга «Последний из рода Пушкиных». «Муза Мандельштама уже одной ногой вступила в полосу историзма и канонизации.

---

* Ахматова подразумевает статью «Vulgata» (Рус. искусство. 1923. № 2/3. Номер вышел, предположительно, в июле 1923 г.). См. *ПССиП*. Т. 2. С. 142.

И от этого ей не спастись всем арсеналом своего очарования, — с историей не кокетничают».

Октября 7. В берлинской газете «Накануне» (№ 454. С. 7. Лит. неделя) помещено стихотворение «Нашедший подкову» с датой: Москва, 1922 г.

Октября 7. В журнале «Записки Передвижного театра» — статья В. А. Рождественского «Петербургская школа молодой русской поэзии». «"Петербургская школа" — название книги, которая должна же быть, наконец, написана. Вот ее главы: Ал. Блок, Ин. Анненский, Н. Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Кузмин, Владислав Ходасевич, М. Лозинский, Юр. Верховский и младшие — Георгий Иванов, Георгий Адамович, Ирина Одоевцева».

Октября 7. В «Лит. еженедельнике» № 39 помещена эпиграмма на О. М. «Ах, ведь от самого Адама...» (подписано: Юр.).

Октября около 10. Возвращение в Москву из Гаспры. Живут у Е. Я. Хазина на Остоженке — Савёловский пер., 9 (*ПССиП*. Т. 3. С. 760. Примеч. к № 48).

Октября 12. Москва. Был на Международной крестьянской конференции в Большом Кремлевском дворце во время выступления И. Теодоровича (*Видгоф 2012*. С. 65). См. Октября 28.

Октября 27. Заявление во Всероссийский Союз писателей с просьбой предоставить выписку из протокола заседания о его личном деле. Адрес: Остоженка, Савёловский пер., д. 9, для Е. Я. Хазина (*ПССиП*. Т. 3. С. 591). См. Ноября 9.

Октября 28. В журнале «Огонек» № 31 помещен очерк «Первая международная крестьянская конференция».

Октября 30. Из дневника Л. В. Горнунга: «30.X.1923 г. Сегодня мы опять собрались у [П. Н.] Зайцева. Были разговоры на разные литературные темы. Софья Яковлевна Парнок между прочим упомянула, что творчество Н. Гумилева теперь полностью оправдано его гибелью. Николай Федорович Бернер прочел 14 своих стихотворений. Он сейчас живет на первом этаже правого флигеля "Дома Герцена" на Тверском бульваре в доме № 25, а О. Мандельштам с женой живет в левом крыле этого дома*, тоже на первом этаже. Бернер с ними встречается и дружит. Вот почему он предложил в наш кружок кандидатуру О. Мандельштама, но С. Парнок резко ее отклонила, ссылаясь на то, что у нее с Мандельштамом была ссора, и она не хочет с ним встречаться» (Собрание К. М. Поливанова).

Октября конец. Москва. Переезд в комнату по адресу: ул. Б. Якиманка, д. 45, кв. 8 (*ПССиП*. Т. 3. С. 761).

Ноября 2. В газете «Известия» помещен очерк «Севастополь».

Ноября 4. «В журнале "Россия" того же издательства будет печататься новый роман Осипа Мандельштама» (Накануне. Берлин,

---

* По-видимому, Л. Горнунг не знал, что Мандельштамы к этому времени из Дома Герцена выехали, см. Августа 31, Октября около 10.

1923. 4 нояб. С. 8). Речь идет о «Шуме времени», будто бы заказанном редактором упомянутого журнала И. Г. Лежневым, о чем Н. М. дважды упоминала в воспоминаниях.

Ноября 6. В журнале «Театр и музыка» № 36 помещена статья «Художественный театр и слово».

Ноября 8. — Дата приписываемых О. М. шуточных стихотворений «Поэту море по коленки!..», «Нам не шелк, одна овчина...», «Голова твоя талантлива...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 52).

Ноября 9. Правление Всероссийского Союза писателей на заседании рассматривает просьбу О. М. «сообщить ему выписку из протокола Правления о его деле». Принято решение «Запросить О. Мандельштама, ввиду того, что в протоколах Правления есть два дела, о каком идет речь» (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 190). См. Августа 10 и 17.

Ноября 11. В журнале «Огонек» № 33 помещен очерк «Армия поэтов. I. И их сотни тысяч...».

♦ «...Такая славная фотография, где он вышел поразительно похожим, была напечатана в самом страшном номере мерзопакостного журнала. <...> Фоторепортер снял и меня, потому что иначе Мандельштам отказывался сидеть. Эти фотографии гораздо живее, чем те, которые года через три сделал Наппельбаум, знаменитый фотограф, специализировавшийся на портретах вождей. На портретах Наппельбаума я — приличная дама с застывшим лицом, чего никогда не было, а Мандельштам — утонченный молодой человек, чем даже не пахло.

АРМИЯ ПОЭТ

I. И их сотни тысяч...

Очерк *О. Мандельштама.*

Поэт О. Мандельштам.

Он отлично выходил на фотографиях, сделанных любым уличным фотографом — "лопаткой из ведерка", — но только не на наппельбаумовских портретах, столь же слащавых, как зарисовки Эренбурга: хилый еврей с могучим голосом» (*Вторая книга*. С. 170–171).

Ноября 15. В газете «Известия» помещен очерк «Крымские впечатления».

Ноябрь, не позднее 16. В Берлине в издательстве «Трирема» вышла из печати кн. IV альманаха «Цех поэтов». Источник даты — рецензия Л. С. Гордона: Накануне. 1923. № 484, 18 нояб. С. 9. См. 1922, Мая до 18.

Ноября 18. В журнале «Огонек» № 34 помещен очерк «Армия поэтов. II. Кто же они такие».

Ноября 19. В московской газете «Трудовая копейка» помещен очерк «Пивные».

Ноября 19. В парижской газете «Звено» — статья К. В. Мочульского «О тяжести и легкости (Творчество О. Мандельштама и М. Кузмина)». На материале книг О. М. «Tristia» (1922) и М. Кузмина «Параболы» (1923). «Ни один из современных поэтов не ощущает сло́ва — так остро, как Мандельштам. Последний сборник его сделан из какого-то непостижимого материала <...> нет в этих стихах ни одного слова, которое не было бы заново создано изнутри. Оттого немногочисленны и немногоречивы стихи Мандельштама. Он предпочитает оставить строфу незаконченной, чем заполнять ее неживыми словами. Так, в стихотворении "Не веря воскресенья чуду" великолепному кадансу

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим

не было найдено вступления. <...> Экспрессия Мандельштама шире чисто смысловых его особенностей. Иногда кажется, что читаешь стихи, написанные на иностранном наречии. Единственному из современных поэтов, ему дано на русском языке писать латинские стихи: они производят на нас почти то же впечатление, что оды Горация и элегии Овидия. <...> Поистине для Мандельштама еда стала трапезой, а одежда одеянием».

Ноября 20. Выступил с чтением стихов на юбилейном (пятилетие) академическом заседании Всероссийского Союза поэтов (Тверской бульвар, 25). Председатель В. Брюсов (Правда, 20 ноября; Известия, 21 ноября).

Ноября конец. Письмо к отцу. «Приехав в Москву, мы три недели жили у Евгения Яковлевича на Остоженке. Это было довольно уютно и весело, благодаря его милому характеру и тому, что он как раз перед этим развелся с женой, — но не очень удобно. <...> Что я делаю? Работаю для денег. Кризис тяжелый. Гораздо хуже, чем в прошлом году. Но я уже выровнялся. Опять пошли переводы, статьи и пр. "Литература" мне омерзительна. Мечтаю бросить эту

гадость. Последнюю работу для себя я сделал летом. В прошлом году работал для себя еще много. В этом — ни-ни... <...> Шура живет у моего приятеля Парнока» (*ПССиП*. Т. 3. № 48).

Ноябрь. В журнале «Печать и революция» № 6 (окт.–нояб.) помещена рецензия О. М. на книгу А. Свентицкого «Сказания о короле Артуре и о рыцарях Круглого стола. Кн. 1: Мерлин»; в том же номере — рецензия В. Я. Брюсова на «Вторую книгу» в составе обзора «Среди стихов», см. Мая не позднее 24.

♦ Из рецензии В. Брюсова: «Наиболее крупным “событием” можно признать выступление Осипа Мандельштама, поэта на стихи весьма скупого, но в некоторых кругах весьма прославленного. Эти некоторые круги мы называем нео-акмеистами (как бы оные поэты не именовали себя сами). Нео-акмеисты давно “клялись словами учителя”, т. е. ссылались на новые (после “Камня”) стихи О. Мандельштама, как на непререкаемые образцы. Проверить такие суждения было трудно, так как стихи О. Мандельштама оставались рассеянными по разным журналам и альманахам. Вот наконец эти стихи собраны в книге, и даже дважды <...> О. Мандельштам искусный мастер — и это всё. Оторванная от общественной жизни, от интересов социальных и политических, оторванная от проблем современной науки, от поисков современного миросозерцания, поэзия О. Мандельштама питается только субъективными переживаниями поэта да отвлеченными, “вечными” вопросами — о любви, смерти и тому под<обных>, которые в своем метафизическом аспекте стали давно пустыми, лишенными реального содержания» (с. 63).

Декабря 1. В журнале «Книгоноша» № 27 помещена рецензия Т. В. Чурилина на очерк «Армия поэтов».

Декабря 3. Письмо М. А. Волошина — директору издательства «Творчество» С. А. Абрамову: «Очень только меня неприятно поразила своим невежеством статья О. Мандельштама “Vulgata”. Не своим содержанием — я с ним отчасти согласен, но заглавием “Vulgata” и фразой: “Давайте нам Вульгату, не хотим латинской Библии” Неужели Мандельштам — филолог, ритор и латинист, настолько невежествен, что не знает, что “Vulgat'ой” называется именно *латинский* перевод Библии, сделанный Св. Иеронимом с еврейского я<зыка>. И никакой другой. Позор!!! И еще ставит это имя заглавием статьи, наивно предполагая, что “Vulgata” — это переводы с латинского на национальные языки, судя по смыслу статьи. Редакция за такое невежество авторов (объяснить его lapsus'ом никак нельзя!) ответственна, т<ак> к<ак> оно компрометирует “культурность” всего издания. А всё говорит в нем о том, что Вы хотите сериозно быть “на высоте” подлинной культуры. Примите это как дружеское предостережение и постарайтесь как-нибудь замазать, пока на это не обратили внимание в печати» (*Волошин 2013*. С. 732–733). См. Июль (?).

Декабря 8. В журнале «Товарищ Терентий» (Екатеринбург) № 2/3 помещен очерк «Международная крестьянская конференция».

Декабря около 21. Письмо к отцу и брату Евгению. «Мы с Надей во вторник едем на неделю в Киев» (вторник — 25 декабря) (*ПССиП*. Т. 3. № 49).

Декабря 23. В журнале «Огонек» № 39 помещен очерк «Нюэн Ай-Как. В гостях у коминтернщика».

Декабря 23. В журнале «Товарищ Терентий» (Екатеринбург) № 4/5 помещена статья «Пьер Гамп» (без подписи). Об атрибуции см.: *ПССиП*. Т. 3. С. 643.

Декабря 25. Отъезд в Киев, см. Декабря около 21.

Декабря 26 — 1924, Января около 6. Живет в Киеве у родителей жены по адресу: Новая ул, угол Меринговской, д. 1/3 (*ПССиП*. Т. 3. С. 388).

Декабрь. В Токио в издательстве «Кайдзося» на японском языке вышло из печати «Собрание стихотворений рабоче-крестьянской России», где в переводе Кэйси Осэ помещены стихи около 30 поэтов, в том числе О. М. (*Летопись Есенина*. Т. 4 . С. 180).

1924

Января начало. Пишет стихотворение «1 января 1924». «Только дважды в жизни я видела, как О. М. сочиняет стихи, не двигаясь. В Киеве у моих родителей, где мы гостили на Рождество 23 года, он несколько дней неподвижно просидел у железной печки, изредка подзывая то меня, то мою сестру Аню, чтобы записать строчки "1-го января 1924"» (*Воспоминания*. С. 172).

Января 5. Киев. Вечер в Доме печати (Крещатик, 25). Анонс: «Приехавший в Киев из Москвы поэт Осип Мандельштам, по приглашению бюро секции работников печати, выступит в субботу <...> с чтением последних своих стихов» (Пролетарская правда. Киев, 4 янв. С. 6).

♦ Из отчета (в переводе с укр.): «Пусть дальше говорит сам Мандельштам <...>: "я взял себе чрезвычайно большое задание — идти своим путем в литературе. Задание, что не по силам не то что одиночкам — даже группам, может, здесь найдутся такие, которые захотят мне следовать, знайте — это невозможно и это безрассудно (не нужно), кто еще не потерял чувства жизнетворчества, пусть учатся писать у футуристов <...> Пастернака и Маяковского"» (ЛЧУ. Самопохорон // Більшовик. Київ. 10 січ. (10 янв.). С. 6).

Января 6. В киевской газете «Пролетарская правда» помещено стихотворение О. Барбье «Наполеоновская Франция» в переводе О. М.

Января около 6. Отъезд из Киева в Москву.

Января 13. В киевской газете «Красная Армия» помещен очерк «По красноармейским рукописям».

Января 13. В петроградском журнале «Зори» № 2 помещен обзор П. Жукова «О поэзии 1923 года». «Вдалеке от этих струй, где-то внизу, текут и подпочвенные воды, холодные и бесстрастные.

Это — Ос. Мандельштам. Это — Пастернак. Это — Вл. Ходасевич. Скупые, редкие».

Январь, до 14. В Милане вышла из печати «Антология русских поэтов XX века» (Antologia dei poeti russi del XX secolo. Milano: Fratelli Treves Editori, 1924) с переводами стихотворений 32 поэтов, в том числе О. М., выполненными Р. Г. Олькеницкой-Нальди (*Летопись Есенина.* Т. 4. С. 186). Включены стихотворения: «Дано мне тело — что мне делать с ним...», «Невыразимая печаль...», «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...».

Января 20. В журнале «Товарищ Терентий» (Екатеринбург) № 7 помещено стихотворение О. Барбье «Шахтеры Ньюкестля» в переводе О. М.

Января 21. Письмо к А. В. Ширяевцу в связи с его показаниями комиссии Всероссийского Союза поэтов. Указан адрес: Б. Якиманка, 45, кв. 8 (*ПССиП.* Т. 3. № 50).

♦ Из воспоминаний: «Зиму 23/ 24 года мы провели в наемной комнате на Якиманке. Московские особнячки казались снаружи уютными и очаровательными, но изнутри мы увидели, какая в них царит нищета и разруха. Каждую комнату занимала семья во главе с измученной, но железной старухой, которая скребла, чистила и мыла, стараясь поддержать деревенскую чистоту в запущенном, осыпающемся, трухлявом доме. Мы жили в большой квадратной комнате, бывшей гостиной, с холодной кафельной печкой и остывающей к утру времянкой. Дрова продавались на набережной, пайки исчерпали себя, мы кое-как жили и тратили огромные деньги на извозчиков, потому что Якиманка тогда была концом света, а на трамваях висели гроздьями — не вишни, а люди. <...> С Якиманки нам пришлось несколько раз ездить в Ленинград, потому что заболел отец Мандельштама. Я уже успела познакомиться с ним — он несколько раз приезжал в Москву по своим кожевенным делам, когда мы жили еще на Тверском бульваре, а мы ездили в Ленинград после смерти жены Евгения Эмильевича» (*Вторая книга.* С. 168, 172).

Января 21. Смерть Ленина. «Стояли страшные морозы, а в последующие дни и ночи протянулись огромные многоверстовые очереди к Колонному залу. Мы прошли вечером вдоль такой очереди, доходившей до Волхонки, и простояли много часов втроем с Пастернаком где-то возле Большого театра. <...> “Они пришли жаловаться Ленину на большевиков, — сказал Мандельштам и прибавил: — Напрасная надежда: бесполезно”» (*Вторая книга.* С. 171).

♦ Из рассказа А. Ахматовой: «— В двадцать четвертом году, вернувшись с известных похорон, Осип сказал: “Я придумал поланекдота. Один еврей стоит на месте, а другой всё время вокруг него бегает...”» (Новый мир. 1994. № 4. С. 20. В воспоминаниях М. Ардова «Легендарная Ордынка»).

Января 25. Запись М. Альтмана: «[Р. М.] Глиэр и [М. П.] Гальперин прибыли недавно [в Баку] из Москвы, и последний делился

с нами своими впечатлениями. <...> всем верховодят Зиновьев, Бухарин и Сталин. Крепнет кампания против НЭПа, и вновь назревает ситуация восемнадцатого года. Происходит спор за дележ наследства Ленина, и сейчас в революции нашей предробеспьеровский момент» (Альтман М. Разговоры с Вяч. Ивановым. СПб.: «Инапресс», 1995. С. 273).

Января 26. В газете «На вахте» помещен очерк «Прибой у гроба».

Января 26. Петроград переименован в Ленинград.

Января не позднее 29. Вышел альманах «Наши дни» № 4 со стихотворением О. Барбье «1793» в переводе О. М. (*Книл* № 2, 16–31 янв.).

Февраля начало. Поездка в Ленинград. См. Февраля 7, Апреля 6 и далее.

Февраля 7. Ленинград. Заключил договор с Ленгизом на перевод книги А. Барбюса «Рассказы». Гонорар — 30 руб. золотом. Срок — к 5 апреля 1924 г. Адрес О. М.: Петроград, 8 линия В[асильевского] О[строва], д. 31, кв. 5 (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 95). Копия — *ГАРФ.* Ф. Р-395, Оп. 9. Ед. хр. 87. Л. 24–24 об. (*Путеводитель по фонду Госиздата.* С 411).

Февраля не позднее 9. В Париже вышла из печати составленная Д. П. Святополк-Мирским антология «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака». Включено стихотворение О. М. «Прославим, братья сумерки свободы...». Источник даты: рецензия от 11 февр. 1924 г. (согласно ссылке в кн.: Мирский Д. П. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг..текстов, коммент., мат-лы к библиографии О. А. Коростелёва и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М.: «НЛО», 2014. С. 558). Из справки Святополк-Мирского (с. 202): «Своеобразный поэт с очень “необщим выражением”; основная линия его творчества ведёт к возрождению классической оды, Ломоносовской реторики большого стиля. Но своеобразное косноязычие мешает Мандельштаму выдержать свое красноречие. В отдельных стихах, двустишиях, строфах почти сравнимый с Расином — Мандельштам беспомощен в композиции больших масс. Получается перебойное мелькание ряда реторических планов, напоминающее кубистическую картину. Кроме стихов, Мандельштам написал несколько статей выдающегося интереса (особенно *Чаадаев*, Аполлон 1915 и *Слово и Культура* — сб. Дракон 1921), к сожалению, не собранные в отдельную книгу».

Февраля 11. В ленинградской газете «Последние новости» № 6 помещена статья «К юбилею Ф. К. Сологуба».

Февраля 17. В берлинской газете «Накануне» № 40 (Лит. неделя) помещено стихотворение О. Барбье «Кобыла» в переводе О. М.

Февраля 20 — Мая 20. Поездка М. А. Волошина в Москву и Ленинград.

♦ Из воспоминаний М. Волошина: «Случилось, что с Мандельштамом я встретился только в 1924 г<оду> в Москве, когда я <...>

был у редактора "Красной нови" Воронского. Мы встретились не в кабинете, а в коридоре. Мандельштам встретил меня радостно и, видимо, "всё простил" из того, что между нами было: и зачитанного у меня Данта, и спасение из-под ареста. Он это всё мне высказал, но прибавил: "Но нельзя же, Максимилиан Александрович, так нарушать интересы Корпорации. Ведь все-таки наши интересы — поэтов — равнодейственны, а редакторы наши враги. Нельзя же было Абрамову выдавать меня в случае "Vulgata". Ведь эти подробности только Вы знаете, а публика и не заметит"» (*Волошин 2008*. С. 427–428). См. 1923, Декабря 3.

Февраля 21. Прага. Марина Цветаева помечает в экземпляре книги «Tristia» стихотворения, к ней обращенные, а также вносит пометы другого характера и надпись неустановленному лицу (*РГАЛИ*. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 187).

Февраля не позднее 27. Вышла книга: Хамп Пьер. Золотоискатели в Вене (из быта «шиберов»). М.: «Московский рабочий», 1924 (перевод О. М.) (*Книл* № 4, 16–29 февр.).

Марта 9. В берлинской газете «Накануне» № 58 (Лит. неделя) помещено стихотворение О. Барбье «Это зыбь» в переводе О. М.

Марта 12. В журнале «Ленинград» № 5 помещен цикл «А небо будущим беременно...» и проза «Буржуазный "Петербург" (Девяностые и девятисотые годы)».

Марта 30. Письмо Б. В. Горнунга — М. А. Кузмину: «Очень жду от Вас какого-нибудь ответа и непременно Вашего приговора над Hermes'ом (Осип Мандельштам назвал его НЭП'овским антиквариатом — верно ли это?)» (Пятые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: «Зинатне», 1990. С. 206–207 / Публ. М. О. Чудаковой, А. Б. Устинова, Б. В. Горнунга, Г. А. Левинтона). Ранее этот отзыв О. М. уже был процитирован Горнунгом в письме от [4] янв. (по-видимому, Кузминым не полученном) — *Поход времени*. С. 382, 437.

Марта конец — Апреля до 14. Знакомство Н. Мандельштам и Ахматовой. «Мне помнится, что сначала мы были на Казанской [ул., д. 3, кв. 4] (или возле Казанского собора) и она вышла к нам в темноватую переднюю. <...> В первой квартире Ахматовой, где я была, стояло множество фарфоровых статуэток. Моя фаянсовая душа их не выносит. <...> Опасения оказались напрасными — Ахматова выбежала в переднюю, искренно обрадованная гостям. Я запомнила слова: "Покажите мне свою Надю. Я давно про нее слышала..." Мы пили чай, и Мандельштам окончательно оттаял. Они говорили о Гумилеве, и она рассказывала, будто нашли место, где его похоронили (вернее бы сказать — закопали). И еще про Оцупа, Горького и записку Гумилева, полученную женой. Оба называли Гумилева Колей и говорили про его гибель как об общем личном несчастье. <...> Потом Ахматова спросила Мандельштама про стихи и сказала: "Читайте вы первый — я люблю ваши стихи больше, чем вы мои"» (*Вторая книга*. С. 362, 367–368).

Справка: В квартире на Казанской ул. Ахматова поселилась не позднее 14 нояб. 1923 г. (*Чуковского дневник*. С. 113)

Март. В «Красном журнале для всех» № 3 помещено стихотворение «Наполеоновская Франция (из Барбье)» под именем О. М.

Март. В журнале «Искусство и промышленность» № 2 (февр.–март), в рубрике «В портфеле редакции» объявлено о подготовке О. М. статьи «Московская вывеска» (с. 4). В том же номере информация: «Поэт О. Мандельштам предложил редакции написать исследование на неожиданную и оригинальную тему — “Вывески Москвы”. Из статьи этой, которая появится в одном из ближайших номеров журнала, будет, между прочим, ясно, что оттолоски творчества Пиросманишвили достигли и Москвы. На многих вывесках шашлычных и т. п. заведений имеются как ясные подражания этому художнику, так и работы других молодых продолжателей клеенок и жести Пиросмана» (с. 56).

Март. Заключил с Ленгизом договор на перевод книги П. Ампа «Фирма прежде всего» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 175).

Апреля 4. Получил в дар от М. Лозинского второе издание книги «Горный ключ» (1922) с надписью: «Иосифу Эмильевичу Мандельштаму после долгой разлуки» (*Инскрипты*. С. 223).

Апреля 6. «О. Э. Мандельштам временно переехал в Ленинград; занимается главным образом переводами; во втором номере журнала “Звезда” появятся его новые стихи» (Хроника // Накануне. 1924. № 61. С. 6. Лит. неделя).

♦ Из воспоминаний: «В то время переводческий центр переместился в Ленинград и хозяином переводов стал Горлин, сидевший в Доме книги против Казанского собора. В Москве мы доедали последние остатки Барбюса, нудные рассказы которого буквально отравляли нам жизнь, да еще Барбье. Жилищный кризис в Ленинграде, опустевшем и опустошенном городе, был гораздо менее ощутим, чем в Москве, где в каждой комнате жила семья, а в каждом углу приезжие родственники. Так подготовлялся наш переезд в Ленинград, уже чуждый Мандельштаму город, где для него оставалась близкой только архитектура, белые ночи и мосты. В один из весенних наездов в Ленинград Мандельштам ночью возил меня по набережным и радовался “чистым корабельным линиям города”. Мы смотрели невероятные квартиры на Неве с зеркальными окнами прямо на серую воду. Это были квартиры, брошенные хозяевами, бежавшими из России. Никто их не брал, потому что на ремонт и дрова ушло бы целое состояние. <...> Так начиналась петербургская идиллия с хождением к [А. Н.] Горлину, изредка в гости к Бенедикту Лившицу, где процветал Кузмин, всех нас презиравший и даже не пытавшийся этого скрывать. Его всегда сопровождали Юркун и по-старомодному жеманная, но миленькая Арбенина. Она тихонько рассказала мне подробности своего минутного романа с Мандельштамом, и я убедилась в его неправдоподобной правдивости» (*Вторая книга*. С. 172–173).

Апреля 6. Участвовал в обсуждении поэмы Н. С. Тихонова «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в Комитете современной литературы. Из отчета И. А. Груздева: «6 апреля состоялось чтение Н. С. Тихоновым цикла стихов “Юг” и поэмы “Лицом к лицу”. О. Э. Мандельштам определил свои впечатления следующим образом: “Юг” прекрасен, поэма не нравится. Это и не поэма. Поэма должна быть или эпической с выраженными точно эмоциональными заданиями: гнев, страх, храбрость, — или же быть субъективной, где всё сосредоточено вокруг одного героя и его переживаний. А здесь нарушено то и другое. Лудильщик в начале ближе к Ленину, чем в конце. И что с ним происходит дальше — неизвестно. Нет сюжета. Всё сплошная гипербола. Видно влияние Пастернака, однако оно явно уже преодолено автором. Хлебников оказал хорошее влияние. Ю. Н. Тынянов, возражая Мандельштаму, указывает, что определение поэмы, которое он сделал, относится только к началу XIX века. Нужно вспомнить работу, проделанную Пушкиным, по созданию новой поэмы. Может быть, и сейчас мы должны разрывать каноническую форму, чтобы ощутить новую» (*РГАЛИ*. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 14–15. Опубл.: *Тоддес 1986*. С. 100. Примеч. 19).

Апреля 6. Из дневника М. Кузмина: «А<нны> Дм<итриевны> еще не было дома. Юр. и О. Н. нашли берлинские румяна и нарумянились. Был Вова [Лебедев] и Мандельштам с женою. Скучновато было» (*РГАЛИ*. Ф. 232).

♦ Из воспоминаний Н. Мандельштам: «Сходная ситуация была и в Ленинграде, где в первый наш приезд нам пришлось побывать у Анны Радловой, потому что Мандельштам был с ней в свойстве и мы приехали после смерти ее сестры, на которой был женат брат Осипа Евгений. Мать Радловой, Марья Николаевна Дармолатова, осталась жить с осиротевшей внучкой Тать[кой] и ненавистным зятем. Из-за нее мы и пошли с “родственным” визитом к Радловой. Там собрались Кузмин с Юркуном и, кажется, с Оленькой Арбениной, художник [Владимир] Лебедев, муж второй сестры — Сарры Дармолатовой или Сарры Лебедевой, будущего скульптора, и еще несколько человек, и я опять услышала, как Мандельштама заманивают в объединение или союз — на этот раз синтеза всех искусств — поэзии, театра, живописи... Сергей Радлов, режиссер, с полной откровенностью объяснил Мандельштаму, что всё лучшее в искусстве собрано за его чайным столом. <...> Имя Мандельштама необходимо для укрепления художественной ценности союза, он же получит поддержку группы во всех смыслах и во всех отношениях... Кузмин молчал, хитрил и ел бычки, лучшие по тому времени консервы. <...> На этот раз Мандельштам вел себя гораздо приличнее, чем у Эфроса: он просто мычал и делал вид, что ничего не понимает» (*Вторая книга*. С. 105).

Апреля 8. Запись в дневнике директора издательства «Academia» А. А. Кроленко: «Ос. Мандельштам предлагает к изданию свои стихи и сбор<ник> статей. Предлагаю присл<ать> матер<иал>

и обещаю дать через неск<олько> дней ответ» (*РНБ*. Ф. 1120). Ср. 1927, Января 10.

Апреля 9. Из письма Елизаветы Полонской к Мариэтте Шагинян: «...Имею сообщить тебе многие комплименты по поводу твоего классического романа “Янки в Петрограде”, а именно: от нашей курьерши Маруси, от комсомольца Смирнова и от поэта Осипа Мандельштама с женой. Сии последние подрались из-за того, кому читать четвёртый выпуск*, следствием чего были: у Осипа — выдранные волосы на затылке, у жены синяк под глазом и отсутствие одного серого шёлкового чулка...» (Фрезинский Б. Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты. СПб.: «Академический проект», 2003. С. 364). 4-й выпуск (с. 125–158) назывался «Труп в тюрьме».

Апреля 13. В журнале «Красная Нива» № 15 помещен рассказ А. Барбюса «Сила» в переводе О. М.

Апреля вторая половина. Подписал коллективное письмо в отдел печати ЦК РКП(б) к Совещанию по вопросам литературной политики. Датировано 9-м мая (*ПССиП*. Т. 3. С. 601–602, 871–872).

Апреля 20. В берлинской газете «Накануне» (Лит. неделя) помещена заметка в хронике: «О. Мандельштам занят переводами из Барбье и др. французских поэтов, в толстом журнале “Звезда” будет напечатана его проза, носящая авто-биографический характер».

Апреля 29. Заключил договор с Ленгизом на перевод книги стихотворений М. Бартеля «Завоюем мир!». Указан адрес: В<асильевский> О<стров>. 8-я линия, д. 31, кв. 5 (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 83, 161).

Апрель. В журнале «Звезда» № 2 (март–апр.) помещены стихотворения О. Барбье «Это зыбь» и «Джин» в переводе О. М.

Мая 2. Ленинград(?). Дарственная надпись Натана Венгрова на своей кн. «Хвои»: «Милому Мандельштаму / Н. В. 2.V.24» (http://www.auction-imperia.ru/book/45_5.htm). Справка: Натан Венгров (Моисей Павлович Вейнгров, 1894–1962) — поэт и писатель. Член ВКП(б) с 1920. В 1924–1925 гг. занимал должность зав. Сибирским отделом народного образования (Википедия).

Мая 6. «Ахматова переехала на новую квартиру — на Фонтанку. Я пришел к ней недели три назад» (*Чуковского дневник*. С. 139). В этой квартире Ахматова прописалась 28 марта (Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой / Сост. В. Черных. Изд. 2-е. С. 186, со ссылкой: *РНБ*. Ф. 1073. № 1. С. 30).

♦ Из воспоминаний: «Летом 1924 года О. М. привел ко мне (Фонтанка 2) свою молодую жену» (*Листки из дневника*. С. 197).

♦ Из воспоминаний: «Мы отправились в Мраморный дворец к Шилейке и по дороге встретили его. <...> У Шилейко были две

* Первое издание фантастического романа Мариэтты Шагинян (под псевдонимом «Джим Доллар») «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» выходило отдельными выпусками.

смежные комнаты. Нас встретил Тапка, сенбернар. Шилейко сказал, что у него всегда найдется приют для бродячих собак, — "так было и с Аничкой", — прибавил он. Мы промолчали. <...> Шилейко пожаловался, что Аничка совсем бросила его и даже не хочет носить его фамилию. <...> В это время пришла Ахматова <...> Она была совсем тоненькая и длинная, с чуть испуганным и прелестным лицом. Она не села, а присела на кончик стула, как будто вот-вот сорвется и убежит. <...> Как будто мы тогда сговорились о дне, когда мы к ней зайдем, и она сообщила нам свой новый адрес» (*Вторая книга*. С. 364–366).

Мая 9. Совещание по вопросам литературы, созванное Отделом печати ЦК РКП(б). Оглашено коллективное письмо группы писателей (см. Апреля вторая половина).

Мая 16. Подает заявление в Малый художественный академический театр о предоставлении театру права постановки в Москве пьесы «Старый Кромдейр» (Соловьева И. Художественный театр. Жизнь и приключения идеи. М.: МХТ, 2007. С. 286–287. Републикация: Нерлер П. М. Мандельштам и Эфрос: о превратности нетворческих пересечений // Наше наследие. 2015. № 114. С. 43–44).

Мая 16. Протокол Всероссийского Союза писателей от 16 мая 1924 г. «Слушали: <...> Заявление бывш. члена Союза О. Мандельштама о распространении клеветы о нем. Постановили: "Хотя Союз и принимает к производству в конфликтной комиссии дела не членов Союза, однако данное дело, как не имеющее отношения к литературе, в конфликтную комиссию принято быть не может"» (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 19 об.). Ср. Июля 9.

Мая 16. Вышел № 1 журнала «Русский современник» со статьей С. Я. Парнок «Борис Пастернак и другие». Датируется по изданию: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: «Наука», 1977. С. 463. В коммент. М. О. Чудаковой. «Но вот два созвучия, которые не могут не волновать: Пастернак и — Мандельштам, Пастернак и — Цветаева. Мандельштам и Цветаева в пути к Пастернаку! Зачем это бегство? Любовники, в самый разгар любви, вырвавшиеся из благостных рук возлюбленной. Отчего, откуда это потрясающее недоверие к искусству? Как могли они, так щедро взысканные поэзией, усомниться в ней и в своем вечном начале? На какого журавля в небе посмели польститься — они, родившиеся с синицей в руках? Какими пустынными путями к обманной прохладе воображаемых источников поведет их лукавое марево и вернет ли их опять к тому ключу, который их вспоил? Я слишком ценю этих поэтов для того, чтобы заподозрить их в пустом гурманстве: Пастернак не причуда их вкуса, а страшное и, кто знает, быть может, роковое искушение. Конечно, ни Мандельштам, ни Цветаева не могли попросту "заняться отражением современности", — игрой в кубики, — им слишком ведома другая игра, но ими владеет тот же импульс, то же эпидемическое беспокойство о несоответствии искусства с нашим сегодняшним днем.

Их пугает одиночество, подле Пастернака им кажется надежнее, и они всем своим существом жмутся к Пастернаку. Ну, а что если вдруг такая одинокая, такая "несегодняшняя" Ахматова будет современницей тем, кто придут завтра и послезавтра? А что если взяткой сегодняшнему дню откупаешься от вечности?.. Разве так уж не нужна вам вечность, поэты сегодняшнего дня?» (с. 311).

Мая 18. В журнале «Красная Нива» № 20 помещен рассказ А. Барбюса «Орден» в переводе О. М.

Мая 18. В парижской газете «Дни» — рецензия на книгу Артура Лютера «История русской литературы» (Arthur Luther. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig: Bibliografisches Institut, 1924). «Среди поэтов, выделяющихся после смерти Блока и Гумилева, необходимо было отметить О. Мандельштама и Вл. Пяста» (с. 9. Подписано: О. Г.).

Мая 28. Подал заявление о приеме в члены Московского Общества драматических писателей и композиторов. Адрес: Б. Якиманка, 45, кв. 8 (*ПССиП*. Т. 3. С. 592).

Май. В «Красном журнале для всех» № 5 помещено стихотворение О. Барбье «Бронза» без указания авторства, в переводе О. М. и за его подписью.

Май. В журнале «Воробей» № 5 (8) помещено стихотворение «Заморские дети (по Стивенсону)».

Май–июнь (?). «Два летних месяца 1924 года мы провели в Апрелевке, доме отдыха Госиздата, расположенном в бывшей помещичьей усадьбе» (*Вторая книга*. С. 364).

Июня 29. В журнале «Красная Нива» № 26 помещено стихотворение М. Бартеля «Семь златоустовских скрипачей» в переводе О. М.

Июнь. В журнале «Звезда» № 3 (май–июнь) помещено стихотворение О. Барбье «Мятеж» в переводе О. М.

Июнь. «Западные сборники» № 2 поместили стихотворения О. Барбье «Это зыбь» и «Джин» в переводе О. М. Источник даты: *Книл* № 12, 16–30 июня.

Июля 7. В парижской газете «Звено» — очерк Георгия Иванова «Китайские тени. (Литературный Петербург 1912–1922)». «"Гиперборей". Зимою 12-го — 13-го года каждую пятницу в квартире М. Л. Лозинского на Тучковой набережной происходили собрания "Гиперборея". <...> Вбегал Мандельштам и, не здороваясь, искал "мецената", который бы заплатил за его извозчика. Потом бросался в кресло, требовал коньяку в свой чай, чтобы согреться, и тут же опрокидывал чашку на ковер или письменный стол. Мандельштам вечно мерз, шубы не имел, кутался поверх осеннего пальто в башлыки и шарфы, что плохо помогало. Однажды он ехал с Гумилевым в "Гиперборей" на извозчике и вел какой-то литературный спор. В пылу спора Гумилев не заметил, что ядовитые реплики из-под башлыка становились всё реже и короче. И вдруг уже недалеко от Гиперборейского подъезда на колени Гумилеву падает совсем бесчувственный Мандельштам.

Споря, он замерз. И его долго растирали, тормошили и отпаивали, прежде чем привели в чувство. Поэт Владимир Нарбут требовал себе медали за спасение погибающего. Он уверял, что, пока все без толку хлопотали над замерзшим, он догадался поднести к его носу трехрублевку. Близость столь крупной суммы будто бы и подействовала оживляюще на всегда безденежного поэта... <...> Чай допили, пепельница завалена окурками, в чинном кабинете беспорядок и дым. Гумилев встает: "мне пора". Вслед за ним поднимаются все остальные. Гурьбой идут по лесенке, гурьбой подходят к "ручке" Ахматовой. Уже застегивая полость саней, Гумилев бросает: "Жоржик, я жду тебя завтра. Осип, не забудь принести мне моего Верлена. До свиданья, господа"».

Июля 9. Письмо к С. З. Федорченко. «Вчера Вы были так добры, что в первое же мое посещенье занялись моей характеристикой и в кратком очерке прибегли к выраженью: "ничего, что он, т. е. я, — немного жулик... ". Очевидно, говоря это, Вы полагали, что сообщаете мне нечто естественное, к чему я привык как к общественному положенью и своего рода "званию". Иначе я не могу объяснить той легкости, с которой чудовищный эпитет сорвался у Вас с языка... Вы очень ошиблись: я не привык к подобным характеристикам, даже шутливым и дружелюбным». Адрес: Б. Якиманка, 45, кв. 8 (*ПССиП*. Т. 3. № 51). Ср. запись П. Лукницкого 12 мая 1926: «Рассказывала [Ахматова] о том, как в Москве была в издательстве "Узел" — у С. Парнок и С. Федорченко. Последние говорили исключительно о Волошине, всячески восхваляя его. АА крепилась и молчала. Но когда одна из них рассказала АА о том, как она в отместку за плохое мнение Мандельштама о Волошине обозвала Мандельштама чуть ли не жуликом и пр. и как Мандельштам написал ей "глупое" (слова рассказывавшей) письмо с просьбой дать объяснения, сказать, от кого она это слышала, — если сказавший это — мужчина (а если сказавший — "женщина, — пишет Мандельштам, — тогда, конечно, дело непоправимо", — намекая на то, что с женщины он не может требовать удовлетворения); когда она рассказала это со смехом, издеваясь над Мандельштамом, АА не выдержала и сказала: "Бедный Осип Эмильевич, как, должно быть, это ему неприятно!". Воцарилось гробовое молчание. Потом прозвучал вопрос: "А вы хорошо знаете Мандельштама?" — "Да, я его очень хорошо знаю, я с ним в очень дружеских отношениях...". Разговор продолжался еще очень недолго. АА спросили, действительно ли Мандельштам такой хороший поэт — ибо они этого не считают, и АА ответила, что считает Мандельштама одним из лучших поэтов» (*Acumiana 2*. С. 152).

Июля не позднее 13. В альманахе «Возрождение» (М., 1923. Т. 2) помещены стихотворения «Как растет хлебов опара...», «Холодок щекочет темя...», «Ветер нам утешенье принес...»; Булгаков М. А. Записки на манжетах (*Книл* 1924. № 13, 1–15 июля).

Из «Записок на манжетах» (действие происходит в Батуми): «Сквозняк подхватил. Как листья летят. Один — из Керчи в Вологду, другой — из Вологды в Керчь. Лезет взъерошенный Осип с чемоданом и сердится: — Вот не доедем, да и только! Натурально не доедешь, ежели не знаешь, куда едешь! Вчера ехал Рюрик Ивнев. Из Тифлиса в Москву. — В Москве лучше. Доездился до того, что однажды лег у канавы: — Не встану! Должно же произойти что-нибудь! Произошло: случайно знакомый подошел к канаве — и обедом накормил. Другой поэт. Из Москвы в Тифлис. — В Тифлисе лучше. Третий — Осип Мандельштам. Вошел в пасмурный день и голову держал высоко, как принц. Убил лаконичностью: — Из Крыма. Скверно. Рукописи у вас покупают? — ...но денег не пла... — начал было я и не успел окончить, как он уехал. Неизвестно куда...».

Июля не ранее 17, не позднее 28. Вышел № 2 журнала «Русский современник» со стихотворением «1 января 1924».

♦ Из воспоминаний: «Мы отправились в Мраморный дворец к Шилейке и по дороге встретили его. <...> Изложив теорию воспитания граждан и собак, Шилейко без перехода спросил Мандельштама: “Я слышал, что вы написали стихи «низко кланяюсь». Правда ли?” По смутным признакам, приведенным Шилейкой, стало ясно, что доброжелатели так расценили “1 января 24 года ”» (*Вторая книга*. С. 364–365).

♦ Из откликов: «Насквозь пропитана кровь Мандельштама известью старого мира, и не веришь ему, когда он в конце концов начинает с сомнением рассуждать о “присяге чудной четвертому сословью”. Никакая присяга не возвратит мертвеца» (Лелевич Г. По журнальным окопам // Молодая гвардия. 1924. Кн. 7/8. С. 262–263).

Июля 21. Из дневника М. Кузмина: «Выходил в Госиздат. [Л. Н.] Замятина искала адрес Мандельштама. Провел ее к Лившицу. <...> Сам Мандельшт<ам> с золотыми зубами. Хочет поселиться в мраморах» (*РГАЛИ*. Ф. 232).

Июля 26. Запись М. Кузмина о встрече с О. М. (*РГАЛИ*. Ф. 232).

Июля не позднее 29. Вышел альманах «Свиток», сб. 3, со стихотворением «Золотистого меда струя из бутылки текла...» и статьей Е. Никитиной «Поэты и направления». «Осип Мандельштам — “Tristia”, 1923 г. Единственный поэт, умело и тонко культивирующий классически французскую традицию в поэзии на фоне философского восприятия современности. При огромном богатстве образов, тончайшей музыкальности и высокой культурности бывает излишне громоздок, порою неряшлив» (с. 134). Источник даты: *Книл* № 14, 16–31 июля.

Июль. В «Красном журнале для всех» № 7 помещено стихотворение М. Бартеля «Птицы» в переводе О. М.

Августа не ранее начала. Ленинград. Посылает А. К. Воронскому рукопись «Шума времени» (с предложением напечатать) и сопроводительное письмо (*ПССиП*. Т. 3. № 52).

Августа не ранее начала. Из воспоминаний Н. Мандельштам: «...еще раз она приходила к нам на Морскую — осенью 1924 года, когда мы только переехали из Москвы. Она застала меня одну — Мандельштам поехал в Москву за мебелью. <...> Мне не захотелось переодеваться, чтобы выбежать на улицу, и я послала за папиросами ее: "Сбегайте, Анна Андреевна, а я пока поставлю чай...". Она навеки запомнила этот случай и в Ташкенте рассказывала всем, как я с ней обращалась: "И я побежала, как послушная тёлка"» (*Вторая книга.* С. 184).

Августа 8. Ленинград. Подписал договор с Ленгизом на перевод драмы Ж. Ромена «Кромдейр-старый». Указан адрес: Герцена, 49, кв. 4. Рукопись сдана (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 51. Л. 22).

Августа 11. Из дневника М. Кузмина: «Прошел<ся>. Встретили Осипа Мандельштама. Будет завтра у Бенедикта [Лившица]» (*РГАЛИ.* Ф. 232).

Августа 12. Встречается с приехавшим из Москвы накануне художником Н. А. Шифриным (знакомым по Киеву 1919 года) и обсуждает его планы получить заказ на оформление книг в Ленгизе. Датируется по дневнику М. Кузмина: «У Лившицов Мандельштамы и какой-то жидок-художник. Культурно, солидно, разговоры о журналах etc.» (*РГАЛИ.* Ф. 232). Через несколько дней, 15 авг., Шифрин пишет жене: «Был у Лившиц<а>. Кузмин был в тот же вечер. Он маленький, очень лысый, в пенсне и с одним только зубом на верх<ней> челюсти. Представь — "сети", "озера", александрийские песни и беззубый поэт! Жутко и жалко. Очень простой, скромный, очень вежливый. Ну а подробности потом» (*Шифрин 2008.* С. 565). В том же письме Шифрин сообщает: «Мандельштамы и Лившицы меня встретили невероятно тепло и радушно и всячески хотят меня тут устроить. Но до сегодняшнего дня даже разговаривать нельзя было — за отсутствием нужных лиц. <...> Затем Мандельшт<ам> хочет, чтобы я иллюстрировал его книгу, прозу.* Не знаю, удастся ли это, но это будет работа, которую можно будет взять с собой в Москву» (*Шифрин 2008.* С. 563).

Августа 15. В журнале «Ленинград» № 15 помещено стихотворение М. Бартеля «Карл Либкнехт» в переводе О. М.

Августа 18. Из письма художника Н. Шифрина к жене: «Что касается книги Мандельштама, то принципиально Редакц<ионный> сектор идет навстречу. Мои вещи там очень понравились, и редактор полагает, что "выбор Мандельштамом художника очень хорош и он его вполне одобряет". О. Э. давал свою рукопись. Очень своеобразная и нужная будет книга. Мне нравится» (*Шифрин 2008.* С. 566).

---

* По-видимому, речь идет о книге, вышедшей в следующем году в издательстве «Время» под названием «Шум времени». В описываемый период О. М. предлагал издать ее в разные издательства, в том числе и в Ленгиз.

Августа 20. Из дневника М. Кузмина: «Ходил рано к Горлину [в Госиздат]. Там Мандельштам, Лившиц, Стенич и Л. Д. Блок» (*РГАЛИ*. Ф. 232).

Август. Вышел № 3 журнала «Россия» со стихотворением «Концерт на вокзале» и статьей «Выпад».

♦ Из откликов: «В этом стихотворении важна не смехотворная напыщенность, с которой Мандельштам умудряется перевести в центр современной техники образы античного мира. Главное в нем — это явное ощущение крушения реального мира, ощущение страшного предела, грани, за которой начинается агония, ощущение близости конца. Мандельштам прав: “в последний раз им музыка звучит”» (Лелевич Г. Гиппократово лицо // Красная Новь. 1925. № 1. С. 297). См. также 1925, Март или апрель.

Сентября 1. Из дневника М. Кузмина: «Наконец отправился. Сначала Святл<овский> и Мандельштам напугали меня, что у Горлина денег нет, но тот только просил зайти позднее. <...> Под вечер Лисенко с издательством. Заикался, заикался, наконец выразил, что хотел. Просили музыки он и Мандельштам для Жюля Ромэна» (*РГАЛИ*. Ф. 232). Ср. Августа 8.

Сентября 8. Согласно дневнику М. Кузмина, Скалдин в этот день «видел Пастернака у Мандельштама» (*РГАЛИ*. Ф. 232).

♦ «На Морской в Ленинграде ранней осенью, вскоре после нашего переезда, у нас появился Пастернак. Он разговаривал с Мандельштамом, стоя у окна в маленькой комнате, а я сидела тут же на диване. Это было время “Спекторского”, отрывок которого он вскоре прислал Мандельштаму, успеха “Высокой болезни” (какое начало!), “1905” и даже “Лейтенанта Шмидта”. Пастернак со свойственной ему прикрытостью мысли за иллюстрацией и образом, говорил о вещах простых, но для жизни существенных: то, что пришло, будет всегда...» (*Вторая книга*. С. 134).

Сентября 9. Выдано удостоверение личности № 379804/5068 2-м отделением ленинградской милиции (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 71. Указано в договоре на перевод книги Э. Перошон «Тени»).

Сентября 12. Из дневника М. Кузмина: «Сидел дома. Дождь. Вышел поздновато. Мандельштам Осип пытался разводить панику, что денег нет. Оказалось вздором» (*РГАЛИ*. Ф. 232).

Сентября 16. Из дневника М. Кузмина: «В Госиздате задержали меня до 4½ часов. Видел вдову Блока, Мандельштама, Лившица» (*РГАЛИ*. Ф. 232).

Сентября 16. Подписал договор с Ленгизом на перевод книги Ж. Имана «Марсельский буржуа». Срок: к 1 ноября 1924 г. Адрес: Герцена, 49, кв. 4 (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 244).

Сентября 19. Письмо от Б. Пастернака. «Всего больше жалею я, что так и не услышал Вашей прозы, хотя, конечно, это моя вина. Я несколько раз у Вас был и по многу часов отымал у Вас и Н<а-дежды> Я<ковлевны> обыденнейшими разговорами, вместо чего

можно было попросить Вас ее почитать. Закончили ли Вы ее уже?» (*Пастернак ПСС.* Т. 7. С. 514). Под «прозой» в письме Пастернака подразумеваются воспоминания, получившие название «Шум времени», см. Августа не ранее начала.

Сентября 22–24. Наводнение в Ленинграде (*Чуковского дневник.* С. 164–165).

Сентября 29. В парижском журнале «Звено» — очерк Георгия Иванова «Китайские тени. (Литературный Петербург 1912–1922)». «“Античные глупости”, “Транхопс”, “Жора” — так назывались эти стихи. <...> Настоящий очерк есть маленькая антология того, что осталось в моей памяти».

Сентябрь. Вышла в свет изданная Всероссийским Союзом поэтов антология «Поэты наших дней» со стихотворением «Я не знаю, с каких пор...».

Октября 1. Открылся московский Театр сатиры. Поставлено трехактное обозрение «Москва с точки зрения» (авторы: Д. Гутман, В. Масс, Н. Эрдман, В. Типот). О. М. упомянут один раз, в акте «Чемпионат литературной борьбы»: «Кай-Юлий — Осип Мендельштам. Чемпион Древней Греции и античной Эллады. Отличается редкой красотой стихосложения. Прибыл, но задержан на вокзале» (Москва с точки зрения: Эстрадная драматургия 20-х — 60-х гг. М.: «Искусство», 1991. С. 345, 365–366).

Октября 10. Из дневника М. Кузмина: «У Лившицев был souper fin* с вином и Мандельштамом, но было довольно скучно. Не знали, о чем говорить» (*РГАЛИ.* Ф. 232).

Октября 12. В «Красной газете» (веч. вып.) помещено стихотворение М. Бартеля «Ленинград» («Свет тюремный, крест железный...») в переводе О. М.

Октября 22. В томской газете «Красное знамя» помещено стихотворение М. Бартеля «Ленинград» («Свет тюремный, крест железный...») в переводе О. М.

Октября 24. Письмо от Б. Пастернака. «У меня к Вам большая просьба. Не откажите тотчас по получении письма сообщить мне адрес А. И. Пиотровского. <...> У вас чудесное стихотворенье в “России” [№ 3], о статье же [«Выпад»] мы с Вами за завтраком говорили» (*Пастернак ПСС.* Т. 7. С. 533–534).

Октября 25. В «Красной газете» (веч. вып.) — анонс: «Издательством “Время” на днях выпускается серия детских книг — “Примус” О. Мандельштама с рисунками М. В. Добужинского <...>».

Октября до 27. Вышел из печати сборник «Московские поэты» (Вел. Устюг) со стихотворением «За то, что я руки твои не сумел удержать...». Источник даты: *Книл* № 20, 16–31 окт.

Октября 30. Из дневника М. Кузмина: «Пошел [в Госиздат]. [И. И.] Ионова, увы, нет еще, но Горлин тих и елеен, как исповеду-

* Изысканный ужин (*франц.*).

ющий. Срок мне продлит, может быть, даст Пиранделло, денег дал. Встретил Лившица и Мандельштама» (*РГАЛИ*. Ф. 232).

Октябрь. В журнале «Смехач» № 19 помещена басня «Лжец и ксендзы».

Октябрь. В журнале «Звезда» № 5 (сент.–окт.) помещено стихотворение М. Бартеля «Клич» в переводе О. М.

Октябрь–ноябрь. Пишет внутренние рецензии на романы L. Saint-Ogan «Toudiche» и K. H. Strobl «Gespenster im Sumpf» для издательства «Время» (*ПССиП*. Т. 3. С. 643, 645).

Ноября первые числа. Письмо от Б. Пастернака. «Спасибо за письмо*. Среды ждать недолго <...> буду три дня волноваться, как влюбленный. <...> Вы знаете, что с “Камнем” я был знаком поверхностно? Да, да, конечно, Вы должны были догадаться не раз об этом при встречах наших на основании Вашего знания меня и тех шероховатостей, которые при этом знаньи неизбежно становились промахами и пробелами в отношениях, требовавшими объясненья» (*Пастернак ПСС*. Т. 7. С. 540).

Ноября 3. В парижском журнале «Звено» — очерк Георгия Иванова «Китайские тени. (Литературный Петербург 1912–1922)». «В один из таких вечеров [1920 года] с нами сидел Мандельштам, два года пропадавший в занятом белыми Крыму и неожиданно появившийся в Петербурге, как ни в чем не бывало. Он читал новые чудесные стихи, потом вошедшие в “Tristia”, и рассказывал свои приключения у белых, где его арестовали за коммунизм (он действительно участвовал в каком-то коммунистическом съезде, происходившем, для конспирации... на пляже во время купания) — и чуть не расстреляли. Однако смилостивились и отправили в Грузию. В Грузии его в свою очередь хотели расстрелять, уже без всякой вины. Какие-то грузинские поэты его спасли и

...В Петербурге мы сойдемся снова <...>».

Ноября конец — Декабря первые числа. Поэма Б. М. Зубакина «К X-летию Никитинских субботников» (праздновался 6 дек.). Из поэмы: «<...> И Мандельштам из Ленинградских вод / Тритоном петербургским приплывет» (Фельдман Д. М. Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: РГГУ, 1998. С. 207).

Ноябрь. Николаев. «На занятии литературного кружка во Дворце труда были проведены читка и разбор техники произведений Мандельштама» (Цимеринов Б. М. Осип Мандельштам на Украине // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж. 1990. С. 79, со ссылкой на газету «Красный Николаев», 22 нояб.).

---

* Письмо О. М., о котором идет речь, не сохранилось.

Осень. «Перевод Жюль Ромэна принят Художественным театром. Деньги от театрального общества» (*Биоканва*. С. 958).

Декабря 1. Заключил договор с Ленотгизом на книгу стихов для детей «2 трамвая». Рукопись представлена в момент заключения договора. — *ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 6; оп. 3. Ед. хр. 51. Л. 21.

Декабря начало — Декабря первая половина. — Время предполагаемой поездки О. М. с женой в Москву на юбилей «Никитинских субботников». Появляется на встрече с военным моряком В. А. Кукелем в доме Д. В. Петровского вместе с Б. Л. Пастернаком, Н. Н. Асеевым, В. Б. Шкловским, Н. С. Тихоновым. Из воспоминаний М. П. Гонты: «Зимой 1925 года он [Кукель] делился своими воспоминаниями с несколькими собравшимися для этого поэтами. <...> Прекрасно посаженная голова Мандельштама, его величественная и медленная повадка. Он — в черном костюме и ослепительной рубашке, респектабельный и важный. Молоденькая его жена, милая, розовая, улыбающаяся Надя, Асеев, Шкловский в свитере и меховой безрукавке, свежими щеками, он был больше похож на херувима, если б не чертовские, с каким-то хмельным безумием веселой иронии глаза» (Громова Н. А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы (из литературного быта конца 20-х — 30-х гг.) М.: «Эллис Лак», 2006. С. 538).

Декабрь, не ранее 10 — 1925, Январь. Вышел альманах «Ковш», кн. 1, со стихотворениями «Вариант» («Нет, никогда, ничей я не был современник...») и «Московский дождик». Там же — анонс предполагаемого состава второй книги альманаха: «О. Мандельштам. Феодосийские рассказы». Объявлен к выпуску 9 декабря: Жизнь искусства. 1924. № 50, 9 дек. («...выходит в свет в декабре»). Рецензия: Кремень А. <...> // Красная газета (веч. вып.). 17 февр. С. 5.

Декабря не позднее 11. Вышел «Литературно-художественный альманах для всех», кн. 1, со стихотворением «Прабабка городов» («Язык булыжника мне голубя понятней...»). Источник даты: *Книл* № 23, 1–15 дек.

♦ Из рецензии: «И острым, злым своезаконьем отмечены страшные разорванные строки О. Мандельштама. Впрочем, прекрасные строки слишком перемешаны с вычурными, чтобы что-нибудь можно было сказать не о строках, а о стихах» (Рашковская А. <...> // Русский современник. 1924. № 4. С. 247–248).

Декабря 17. — Дата стихотворения «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...» в автографе (*ПССиП*. Т. 1. С. 588).

Декабря 18. Заключил договор с Ленгизом на перевод книги Ж. Ромена «Приятели» [«Обормоты»]. Адрес: Герцена, 49, кв. 4 (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 5).

Декабря 22. Запись П. Лукницкого о посещении Мандельштамов в квартире на Морской ул. (д. 49, кв. 4). Описывает квартиру. Записывает, со слов О. М., шуточную «Балладу» Г. Иванова — «Однажды, под сенью маститых дубов...», «эпиграмму» Г. Иванова — «В Испании

два друга меж собой...» и следующий рассказ О. М.: «“Сказку о Золотой Свинке” Н. Гумилев читал О. Мандельштаму в морском автомобиле [В. А.] Павлова, во дворе Смольного, куда Павлов завез, обещая достать спирт. Спирта он, конечно, не достал, а мы (Н. Г. и О. М.), чтоб занять время, вот занялись “Сказкой”. Читал на память» (*В записях Лукницкого.* С. 111).

Декабря 24. Ночь на европейское Рождество. Сочинялась «Баллада о горлинках» (подписана: «Бенедикт Лившиц вместе с О. Мандельштамом в ночь на 25.XII.1924» — *Чукоккала.* С. 196).

♦ «Зима 24/25 г. Лившиц и больше никого. (Встречи: Лозинский, Скалдин, Волосов, Татлин, Слонимский)» (*Биоканва.* С. 958).

Декабря 27. Из дневника М. Кузмина: «Был [А. И.] Введенский, О<льга> Н<иколаевна> [Арбенина] и Л<ев> Льв<ович> [Раков]. Занимали гостей. Потом Лившиц. Насчет Нов<ого> года и стар<ого> Рождества. Читал стихи коллективные, его и Мандельштама» (*РГАЛИ.* Ф. 232).

Декабря 28. Письмо Б. К. Лившица — М. А. Кузмину: «Наша новогодняя компания распалась: сегодня Мандельштамы (в чьей квартире предполагалось встретить Новый год) неожиданно заявили, что они заняты у Семеновых» (*Письма Бенедикта Лившица.* С. 186).

Декабря 31. Встречает Новый год вместе с Борисом и Бертой Бабиными. Из письма Б. А. Бабиной (1982): «В 1925 году мы ездили в конце декабря в Ленинград и встречали Новый Год у Осипа Эмильевича с Надеждой Яковлевной.* <...> Тот Нов. Год мы встречали у них вчетвером, было очень хорошо и приятно. Осип Эмильевич читал много стихов, и своих, и античных переводов, которыми в то время с увлечением занимался. К сожалению, сейчас ничего из них не помню» (архив составителя)..

Декабрь. В «Красном журнале для всех» № 12 помещено стихотворение «Жалоба (Песня французской девушки)» за подписью О. М. без указания на авторство М. Бартеля.

Декабрь. В журнале «Новый Робинзон» № 12 (15) (дек.) помещено стихотворение «Одеяльная страна (из Стивенсона)».

1925

«Зима <19>24/25 г. на Морской» (*Биоканва.* С. 958).

Января 9. Запись в альбоме М. М. Шкапской: «Детские сказки — это вроде детской болезни сейчас у всех. Пишут сказки — Чуковский (отец и сын), Маршак, Мандельштам, Павлович, Фроман, Эрлих, <...> Берман, Полонская, Агнивцев, Евгений Шварц, — словом,

* У автора письма неточность в дате. В декабре 1925 — начале января 1926 года Мандельштамов в Ленинграде не было. Вероятный правильный год в письме — 1924-й.

тьмы тем» (*РГАЛИ*. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 427 об.). Ср. Февраля 16. Ср.: Мандельштам О. Э. Детские писательницы. — *ПССиП*. Т. 3. С. 315–316.

Января не позднее 11. Вышла книга стихов для детей «Примус» с рисунками М. Добужинского (*Книл* № 1, 1–15 янв.).

Января 13. В газете «Жизнь искусства» под псевдонимом «Astico» помещен пародийный «Справочный словарь русских писателей». «Белый — особый оттенок красного; <...> Замятин — родился в “Уездном”, но может попасть “На кулички”, если “Мы” покажемся на свет; <...> Мандельштам — Полное собрание античной глупости; <...> Эйхенбаум — особый вид ложной концовки» (с. 17).

Января середина — март. Появление Ольги Ваксель у Мандельштамов и роман с ней. Пишет стихи, к ней обращенные (*Вторая книга*. С. 173–182). См. Апреля 12.

Января 17. Из дневника М. Кузмина: «Пошли к Лившицам. Одна она. Рассказывала о белых в Киеве. Приехал Бен, Мандель, жена, Клюев и Пав<ел> Ник<олаевич>, специалист по Гумилеву» (*РГАЛИ*. Ф. 232).

Января 17. В «Красной газете» (веч. вып.) помещена статья О. М. «Новые произведения Жюля Ромэна». «В ближайшее время в издании Ленгиза выходят две новые книги Жюля Ромэна: пьеса “Старый Кромдейр” и повесть “Обормоты”» (*ПССиП*. Т. 3. С. 122).

Января 22. Запись П. Лукницкого: «Когда я читал АА воспоминания О. Мандельштама об Н. Г<умилеве>, АА сказала мне: “Вы смело можете не читать, если что-нибудь обо мне. Я вовсе не хочу быть вашей цензурой”» (*Acumiana 1*. С. 33)

Января 31. Письмо от Б. Пастернака из Москвы. «Домысел чрезвычайности эпохи отпадает. Финальный стиль (конец века, конец революции, конец молодости, гибель Европы) входит в берега, мелеет, мелеет и перестает действовать. Судьбы культуры в кавычках вновь, как когда-то, становятся делом выбора и доброй воли. Кончается всё, чему дают кончиться, чего не продолжают. Возьмешься продолжать, и не кончится. Преждевременно желать всему перечисленному конца. И я возвращаюсь к брошенному без продолженья» (*Пастернак ПСС*. Т. 7. С. 555).

Февраля 3. В «Красной газете» (веч. вып.) помещен рассказ А. Барбюса «Неподвижность» в переводе О. М.

Февраля 7. Запись дневника Н. С. Ашукина: «Кстати, Воронский снова назначен редактором “Красной Нови” <...> а [Ф. Ф.] Раскольникова уже нет» (Новое лит. обозрение. 1998. № 33. С. 229. Публ. Е. А. Муравьевой).

♦ Справка. Вытеснение А. К. Воронского началось после того, как в 1923 г. он подписал «Заявление 46-ти» в поддержку Льва Троцкого. По постановлению Оргбюро ЦК РКП(б) от 29 авг. 1924 г. должность редактора «Красной Нови» была упразднена, руководство журналом возложено на редколлегию в составе Воронского, Ф. Раскольникова,

С. Сорина. В результате конфликта Воронского и Раскольникова последний решением Оргбюро 5 февр. был выведен из редколлегии и заменен Е. Ярославским.

♦ Из воспоминаний: «Раскольников был чужим человеком во всех отношениях. Однажды он засыпал О. М. телеграммами: тогда он занял место отставленного Воронского и редактировал "Красную новь". Странно подумать, но писатели, которых печатал Воронский, так называемые "попутчики", бойкотировали "Красную новь" с ее новым редактором, бесцеремонно севшим в кресло внезапно снятого создателя журнала. Раскольников так нуждался в материале, что обратился даже к О. М. По поводу этих телеграмм О. М. сказал: "Мне всё равно, кто редактор: ни Воронский, ни Раскольников меня печатать не будут"...» (*Воспоминания*. С. 104).

Февраля 16. Заключил договор с Ленгизом на перевод драмы Ж. Ромена «Армия в городе». Адрес: Герцена, 49, кв. 4 (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 31).

Февраля 16. Письмо Г. А. Шенгели — М. М. Шкапской: «...со сказками, вероятно, ничего не выйдет: в Госиздате не приняли (антропоморфизм: у капли есть голова, и она разговаривает, — а этим идиотам, очевидно, нужен зооморфизм, по их образам и подобию), Мандельштам, которому я послал ее же, — ничего не пишет» (Минувшее: Исторический альманах. Т. 15. М.; СПб.: «Atheneum»; «Феникс». 1994. С. 271. Публ. С. Шумихина.* Ср. Января 9.

Февраля 22. В парижской газете «Последние новости» — статья З. Н. Гиппиус «Поэзия наших дней» (подписана: А. Крайний). «Мандельштам, и раньше тяжеловатый — в последних книгах отяжелел непомерно, стал особенно условным, далеким. Рим, Геликон, Перикл, опять Геликон... Мимолетное напоминание вдруг, что поэт — "в черном бархате советской ночи, в бархате всемирной пустоты...". Не очень мягок, должно быть, этот бархат, потому что прорываются такие строчки:

Я от жизни смертельно устал,
Ничего из нее не приемлю...»**

Февраля не позднее 24. Вышла из печати книга Б. В. Томашевского «Теория литературы (Поэтика)». Источник даты: *Книл* № 4, 16–28 февр. «Эта привычка наша к определенным лирическим связям дает возможность поэту путем разрушения обычных связей создавать впечатление возможного значения, которое бы примирило все несвязные моменты построения. На этом построена так называемая "суггестивная лирика", имеющая целью вызвать в нас представления,

* В примеч. на с. 278 фамилия О. М. неверно оценена как принадлежащая брату, Евгению Мандельштаму.

** Из стихотворения «Только детские книги читать...» (1908), включено в книгу «Tristia».

не называя их. Многочисленные примеры такой лирики можно встретить у современных поэтов, например, у А. Ахматовой или О. Мандельштама» (с. 193).

Февраля 27. Запись П. Лукницкого: «Было время, когда О. Мандельштам сильно ухаживал за нею. “Он был мне физически неприятен. Я не могла, например, когда он целовал мне руку”. Одно время О. М. часто ездил с ней на извозчиках. АА сказала, что нужно меньше ездить, во избежание сплетен. “Если б всякому другому сказать такую фразу, он бы ясно понял, что он не нравится женщине... Ведь если человек хоть немного нравится, женщина не посчитается ни с какими разговорами. А Мандельштам поверил мне прямо, что это так и есть...”»; Ахматова сообщает П. Лукницкому сведения об обращенных О. М. к ней стихотворениях и обстоятельствах их написания (*Acumiana 1.* С. 37).

Февраль — Марта первые числа. Вышла «в переводе под редакцией» и с предисловием О. М. (подписанном псевдонимом «О. Колобов») книга Лефевра Сэнт-Огана «Тудиш». Источник даты: [Хроника] // Красная газета. Веч. вып. 10 марта. С. 5.

Марта 3 и 4. Запись П. Лукницкого: «Я спросил [А. А.], как относится к стихотворению О. Мандельштама о мороженом*. Ответила: “Терпеть не могу! У Осипа есть несколько таких невозможных стихотворений”. Не любит еще стихотворения о галльском петухе и гербах всех стран (из “Tristia”)**. “Золотистого меду струя” — прекрасное стихотворение» (*Acumiana 1.* С. 52).

Марта 5. Заключил договор с Ленгизом на книгу стихов для детей «Шары». Рукопись представлена в день заключения договора (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 82).

Марта 19. Запись П. Лукницкого: «Разговор о Мандельштаме, который был недавно у АА, и об Н<адежде> Я<ковлевне>, которая больна так же, как АА. АА передает некоторые остроты О. М.» (*Acumiana 1.* С. 64).

Марта около 25. Поселяется в пансионате на Московской ул., д. 1 в Детском Селе, см. Апреля 5.

♦ Из воспоминаний: «Наутро в нашу комнату вошла Мариэтта Шагинян. Это было первое событие, заставившее нас рассмеяться. Выяснилось, что она наша соседка и живет в соседней комнате за тоненькой переборкой. Не будь она глуха как тетерев, ей поневоле пришлось бы узнать уйму вещей, которых я не открываю и в этих откровенных записках. Нам здорово повезло, что рядом очутилась именно она, глухая зануда, размышлявшая о Ленине и Гете и находившая прямую связь между штейгерским молотком и полезной деятельностью Фауста и знаменитым планом электрификации нашей молоденькой социалистической страны. Хоть и глухая, Мариэтта

* Стихотворение «“Мороженно!” Солнце. Воздушный бисквит...».

** Стихотворение «Зверинец».

почуяла что-то неладное и надавала кучу советов. Основной совет: пореже принимать ванны, потому что современная медицина против ванн. Второй совет: довериться ее другу, замечательному врачу, и влюбиться в него. Между прочим вопрос, знакома ли я с ее мужем (армянки ревнивы). Через час она привела врача, у которого был многозначительный вид факельщика. Он цедил многозначительные слова, а я так нафыркала на него, что Мандельштам дал мне по голове, и мы опять рассмеялись. Вскоре Мариэтта уехала со своим замогильным спутником, и мы окончательно развеселились. В тот же день произошло еще одно событие: приехал Пунин, искавший, куда бы пристроить Ахматову, — у нее началось обострение туберкулеза, предвестник петербургской весны. Он обрадовался, встретив нас, и обещал на следующий день привезти Ахматову» (*Вторая книга*. С. 183–184).

Марта 27. Приходит в Кабинет изучения [звучащей] художественной речи (КИХР) Гос. института истории искусств, по-видимому, для записи чтения стихов на фонограф (Дом-музей Марины Цветаевой. Архив С. И. Бернштейна. Д. 654. КП-4971/37. Л. 5 об. — Книга для записи посетителей КИХРа).

Марта 30. Запись П. Лукницкого: «Мандельштамы действительно в Царском Селе» (*Acumiana 1*. С. 83).

Марта 31. Вышел из печати журнал «Новый Робинзон» № 4 со стихотворениями «Чистильщик», «Полотер», «Кооператив».

Марта не позднее. Рецензия Владимира Набокова на книги: Д. Шаховской. Песни без слов. Брюссель, 1924; Лев Гордон. Оттепель. Берлин, 1924; Илья Британ. Разноцвет. Берлин, 1924. При жизни автора не печаталась. Датирована А. А. Долининым по рецензии на книгу Л. Гордона в газете «Дни». «Существует прекрасный поэт Мандельштам. Творчество его не является новым этапом русской поэзии: это только изящный вариант, одна из ветвей поэзии в известную минуту ее развития, когда таких ветвей она вытянула много и вправо и влево, меж тем как рост ее в вышину был почти незаметен после первого свежего толчка символистов. Поэтому Мандельштам важен только как своеобразный узор. Он поддерживает, украшает, но не двигает. Он — прелестный тупик. Подражать ему значит впадать в своего рода плагиат. Подражают ему (отчасти) скучноватые поэты Цеха. Подражает — и ему и скучноватому Цеху — Лев Гордон. Облик Мандельштама, его холодное изящество выражается в особых, как бы стеклянных стихах, в нежности к вещественным мелочам, в чувстве веса, весомости: — так прилагательные, выражающие легкость или тяжесть, почти совершенно вытесняют прилагательные чувственные, преобладающие у других поэтов. Отсюда — холод стиха, стрельчатая гармония, в которой самые нежные земные слова, как, например, “ласточка” или имена богинь, превращаются в звук иглы, падающей на хрустальное донце. Банальность Льва Гордона состоит в том, что он подражает этому. У Мандельштама тяжесть вызывает

не чувство гнета, духоты, а легкость, чувство тонкой тошноты, головокружения» (Nabokov Archive. New York Public Library. Box I, folder 8. Опубликовано: Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999–2000. Т. 4. С. 647. В коммент. А. Долинина).

Март. Вышла книга А. Барбюса «Рассказы» в переводе О. М. (Л.: ГИЗ, 1925). Датируется по рецензии: Красная газета (веч. вып.), 31 марта.

Март. В «Красном журнале для всех» № 3 (март) помещено стихотворение «Верден (из Бартеля)».

Март или апрель. Запись П. Лукницкого за март–апрель: «А. А[хматова]: “Мандельштам сегодня утром пошел за папиросами и купил ‘Прожектор’ (журнал). Пришел и сказал: ‘Я хотел развлечься, купил “Прожектор”, а там меня ругают’”» (*В записях Лукницкого.* С. 112).

♦ Из журнальной статьи: «Пишет поэт, ничего общего с сегодняшней эпохой, с сегодняшним читателем не имеющий. Понятно поэтому, что статья начинается с жалоб на то, что народ не ценит своих поэтов, предъявляет к ним какие-то требования. Последнее приводит Мандельштама в состояние буйного неистовства. <...> Нет, право, настолько чудовищной претенциозности, настолько аляповатого обожествления поэта, такого явного измывательства над “читателем” — не часто встретишь! Но оно интересно только потому, что здесь мы имеем в обнаженном виде логически и бесстрашно развитую точку зрения всех противников нашей марксистской точки зрения на литературу, ее развитие, формы ее развития, на причины смены ее содержания. <...> И “выпад” Мандельштама — очищенный от покрывал, замазываний, ретушировки, — крик, агонирующий от сознания приближающегося смертельного конца, стон — потому крик, что последний, — умирающей буржуазии в ее литературном преломлении. <...> Но не обижайся, читатель, бешенству Мандельштама посочувствовать надо, пожалеть Мандельштама надо. Посмотрите, как он кипятится: “Читателя нужно поставить на место, а вместе с ним и вскормленного им критика”. Сегодняшнего читателя “поставить на место” вы смогли бы лишь тогда, когда вам не укрываться на трех страничках “России” приходилось бы, а лишь тогда, когда вы писали бы в “Руле”, выходящем в Москве, в “Последних Новостях”, издающихся в России. В вашей области вы посильно служите этому делу, вы, умерший последыш сгнившей литературы дегенерировавшей буржуазии» (Авербах Л. Полемические заметки // Прожектор. 1924. № 22. С. 24–25). См. также 1924, Август.

Апреля 2. Запись П. Лукницкого: «АА — решено окончательно — едет завтра, в пятницу 3-го апреля. Повезет ее Н. Н. Пунин. Комната снята — в пансионе на Московской улице, дом 1, — в близком соседстве с Мандельштамами; они живут... (Обрыв.) АА рассказывает: “Все люди, окружавшие Николая Степановича, были к чему-нибудь предназначены... Например, О. Мандельштам должен был написать поэтику,

А. С. Сверчкова — детские сказки (она их писала и так, но Николай Степанович еще утверждал ее в этом). Анне Андреевне Николай Степанович назначал писать прозу. Всегда ее просил об этом и убеждал; когда однажды Николай Степанович нашел тетрадку с обрывком прозы (написанной АА) и прочел этот отрывок, он сказал: ‘Я никогда больше тебя не буду просить прозу писать...’”» (*Acumiana 1.* С. 96).

♦ Из воспоминаний: «...приехал Пунин, искавший, куда бы пристроить Ахматову, — у нее началось обострение туберкулеза, предвестник петербургской весны. Он обрадовался, встретив нас, и обещал на следующий день привезти Ахматову. Мандельштам не поверил — она не приедет. <...> А в Царское Ахматова все-таки приехала, и ее приезд таинственным образом снял наши раздоры. <...> Настоящая дружба началась у нас с Ахматовой на террасе пансиончика, где мы лежали закутанные в меховые полушубки, дыша целебным царскосельским воздухом. <...> Хозяин пансиончика, повар Зайцев, ежедневно ездил в Ленинград к фининспектору, спасая свое частное предприятие от полного разорения, и мы часами ждали, чтобы он вернулся и накормил нас. Частный сектор в нашей стране изничтожался как в литературе, так и в поварском деле, а казенная пища, как и литература, вызывает несварение желудка. В 1926 году, когда мы вернулись в Царское зимогорами, пансиона Зайцева уже не существовало. Фининспектор съел его. Дольше всех держался пансион, хозяева которого были родственниками Урицкого» (*Вторая книга.* С. 183–185).

♦ Из воспоминаний: «В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе. <...> Осип Эмильевич каждый день уезжал в Ленинград, пытаясь наладить работу, получить за что-то деньги. Там он прочел мне совершенно по секрету стихи к О. Ваксель, которые я запомнила и так же по секрету записала (“Хочешь, валенки сниму...”)*. Там он диктовал мне свои воспоминания о Гумилеве» (*Листки из дневника.* С. 197–198).

Апреля 3. Детское Село. Выдал доверенность брату, Евгению Мандельштаму, на получение денежных сумм в издательстве «Время» за книгу «Шум времени» (*ПССиП.* Т. 3. С. 592).

Апреля не позднее 5. Вышел из печати «Шум времени». Источник даты: запись П. Лукницкого и дарственная надпись ему с этой датой, см. Апреля 5.

♦ Из письма А. Б. Дермана — А. Г. Горнфельду, 11 июня [1925 г.]: «Читаю Мандельштама. Талантливо, но неприятно. Какой-то неврастенический мизантропизм. Для возражений по поводу Синани, т. е. для возражений о фактах, он, по-моему, материала не дает» (*РГАЛИ.* Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 119 об.).

♦ Из рецензии В. Вейдле: «Его видение порфироносно, даже если это видение нищеты. <...> Вот почему его риторика нечто более

* Из стихотворения «Жизнь упала, как зарница...».

глубокое, чем стилистическая манера; вот почему мы принимаем то, что он теперь снова нам дает: искусство, похожее на рассыпавшееся ожерелье, — но из жемчужин одной воды» (Дни. Париж, 1925. 15 нояб. Подписано: В. В.).

♦ Из рецензии Ю. Айхенвальда: «Надо всем надменно торжествует невский гранит стилистики. Есть срывы и у нее, есть порою неприятная и темная изощренность мысли и выражения; но всё это отступает перед каким-то, я сказал бы, империализмом слога с его умной и величавой красотой» (Руль. Берлин, 1925. 9 дек.). См.также Июня 30, Октября 19, Декабрь; 1926, Февраля 3, Марта 15.

♦ Из рецензии Б. В. Горнунга (около 1926): «В самом деле, между "Шумом времени", представляющим все-таки воспоминания о детских годах в художественной форме, и, скажем, "Детством, отрочеством и юностью" Л. Толстого — пропасть. Идеология разночинной интеллигенции вела к этому жанру; вехами пути являются и совершенно неудачные в художественном отношении попытки, вроде "Истории моего современника" Короленко, и эксцентрические достижения В. В. Розанова, и "Воспоминания" об Ал. Блоке Андрея Белого, и произведения Викт. Шкловского, прямо дебютировавшего мемуарами (ниже придется указать в другой связи на А. Блока и Н. Асеева). Теперь лабораторные искания остались позади, и может быть учтен их опыт, а с другой стороны, революция из ожидаемого идеала превратилась в осуществившийся исторический факт, успев стать для одной части этой разночинной интеллигенции фактом неприятным и невыносимым. Теперь путь пройден, и стал конкретным завоеванием новый жанр, имеющий огромное литературное будущее. Думается, что не будет преувеличением первого впечатления сказать, что оформилось это завоевание нового жанра именно в рецензируемой книге О. Мандельштама. Не страшно сказать, что "Шум времени" станет гранью. <...> Такого освещения девяностых годов, какое дано Мандельштамом, русская литература еще не знает. "Музыка времени" в дневнике Блока кажется рядом с этим — беспомощным лепетом, и только блоковское же предисловие к "Возмездию" или послесловие к "Ночной флейте" Асеева может быть поставлено в один ряд с "Шумом времени". Но ни у Блока, ни у Асеева стиль и концепция не дошли до предела самостоятельного художественного произведения. Повторяем, завоевание нового жанра сделано только Мандельштамом, который, как в фокусе, собрал лучи всех бывших до него разновременных и разнохарактерных исканий этого жанра. А неизбежная надобность этого жанра диктуется сформировавшимися идеологией, мировоззрением и вкусами нашего времени. Те, для кого революция не "случившийся факт", а момент, определяющий культурное сознание эпохи, будут благодарны художнику за его новые достижения» (*Поход времени*. С. 281–282).

Апреля 5. Запись Лукницкого: «С поездом 11.30 отправляюсь в Царское Село, к А. А. Ахматовой. В 12 приезжаю, иду в пансион. (АА поместилась в пансионе на Московской ул., д. 1). Поднимаюсь

по лестнице — в столовой замечаю О. Э. Мандельштама и Над. Яковлевну. Завтракают. Удивлены моим приездом. О. Э., сказав, что АА еще не встала, тащит меня к себе. Мандельштамы приехали сюда дней 10 назад, живут в большой, светлой, белой комнате. День сегодня чудесный, и комната дышит радостью и прозрачными лучами солнца. Обстановка — мягкий диван, мягкие кресла, зеркальный шкаф; на широкой постели и на круглом столе, как белые листья, — рукописи О. Э. <...> АА живет в соседней комнате» (*Acumiana 1.* С. 105). Разговор о М. Кузмине, Ф. Сологубе, В. Шкловском, Вяч. Иванове (*Acumiana 1.* С. 113–116).

Апреля 5. Детское Село. Разговор с П. Лукницким о Гумилеве. Вспоминает высказывания Гумилева. Дарит Лукницкому «только что вышедшую» книгу «Шум времени» с надписью (*Acumiana 1.* С. 106–107).

Апреля 12. Читает П. Лукницкому обращенные к Ольге Ваксель стихотворения «Я буду метаться по табору улицы темной...» и «Жизнь упала, как зарница...» (*Acumiana 1.* С. 123–124).

Апреля 13. Дарственные надписи З. С. Давыдову, И. А. Груздеву, К. А. Федину на «Шуме времени» (*Инскрипты.* С. 212, 213).

Апреля 18. Переехал в пансионат Карпова в Детском Селе (*Acumiana 1.* С. 135, см. Апреля 19).

Апреля 19. Запись П. Лукницкого: «Вчера А. А. вставала и была в церкви — дважды — на Двенадцать Евангелий ходила, и к заутрени ходила с Над. Як. и Ос. Эм. Мандельштамами. <...> Мандельштамы вчера утром переехали из этого пансиона — неожиданно... Теперь поместились в пансионе Карпова. (О. Э. мне рассказал после, когда я был у него, причину переезда: “Нас попросту выгнали”... Хозяину пансиона нужна была комната для новых жильцов, он знал, что Мандельштамы всё равно скоро уедут, и пришел с них требовать денег вперед, тогда как все деньги, до минуты этого разговора, были ему уплачены. Требование было сделано в такой грубой форме, что Мандельштам решил немедленно переехать.) <...> У АА вчера очень долго сидел О. Мандельштам, много говорил с ней, вспоминал даже и то, что было 10 лет назад...» (*Acumiana 1.* С. 134–135; 138).

Апреля 25. Отъезд Мандельштамов в Ленинград. Запись П. Лукницкого от 26 апр.: «Мандельштамы вчера переехали в Петербург, так что теперь АА в Ц. С. уже совершенно одна. Вчера же вечером Мандельштам звонил АА по телефону (и сообщил, между прочим, что ему в руки попалась наконец книжка “К синей звезде” и что это прекрасная, исключительная книжка. АА такое мнение обрадовало). Сообщил, что Надя скучает по АА и во вторник приедет ее навестить» (*Acumiana 1.* С. 159–160).

Апреля 26. Дарственная надпись Н. О. Лернеру на «Шуме времени» — «с глубоким уважением» (*Инскрипты.* С. 213).

Апреля 27. Запись Н. Пунина: «На днях О. Э. Мандельштам, придя к Ан. <Ахматовой>, говорит: “А. А., я придумал пол-анекдота,

помогите придумать вторую половину". Ан. с радостью соглашается. О. рассказывает: дело, конечно, было в тот знаменательный момент — годовщину смерти Ильича, в который по пушечному выстрелу все проходящие по улице должны остановиться (на тему эту, надо заметить, циркулирует до десяти анекдотов). Останавливаются. Два еврея. Один стоит, другой бегает вокруг... "И вот дальше не могу придумать, но чувствую, что из этого должен выйти хороший анекдот"» (*Пунин 2000.* С. 240).

Апреля 27. Письмо П. Н. Лукницкого к Л. В. Горнунгу. «Анна Андреевна лежит в пансионе в Ц<арском> С<еле>. Здоровье ее плохо. <...> Всё это время в Ц<арском> С<еле> в том же пансионе жили Ос<ип> Эм<ильевич> и Над<ежда> Яковлевна Мандельштамы, теперь они уехали оттуда, и А. А. осталась одна. Это очень плохо, т<ак> к<ак> Мандельштамы все-таки присматривали за ее здоровьем» (*Лукницкий — Горнунг. Переписка.* С. 517).

Апрель. В журнале «Звезда» № 2 (март–апр.) помещены стихотворения Э. Толлера «Утопия» и «Кирпичный корабль» в переводе О. М. О сомнении в авторстве Толлера см.: *Библиография переводов.* С. 8–9.

Апрель. В Ростове-на-Дону вышел № 1 журнала «Лава» со статьей В. М. Киршона «Не будет, а есть» под рубрикой «На литературном фронте».

«Мы не ликвидаторы, мы верим в силы рабочего класса, мы видим те колоссальные сдвиги, которые произошли за семь лет революции, мы смотрим на окружающее нас не глазами потерявшей всё буржуазии и тех "попутчиков", [на] которых, к сожалению, стали глядеть некоторые наши товарищи, мы смотрим, как представители революционного победоносного класса. Для нас совершенно понятно, что такие люди, как Мандельштам и ему подобные, ничего революционного написать не могут, потому что их взгляд на окружающее выражен яркими строками Мандельштама в его новогоднем стихотворении в "Русском современнике" [1924, № 2]:

"О, глиняная жизнь, о, умиранье века,
Боюсь — лишь тот поймет тебя,
В ком беспомощная улыбка человека,
Который потерял себя".*

"И некуда бежать от века-властелина!" — восклицает далее Мандельштам.

Это крик — крик отчаяния человека, который потерял себя, нам вполне понятен. Новый "век-властелин" мощно требует от писателя нового, новых слов, новых мыслей, новых чувствований. Писатели старого мира дать этого не могут, они дают упадочные, больные, чуждые нам вещи, подчас очень и очень талантливо.

* Из стихотворения «1 января 1924».

Товарищи, которые никак не могут, несмотря на все подталкивания, вскарабкаться на классовую точку зрения, видят, что вещи талантливы, видят, что они упадочны, и делают вывод — наша современная литература в тоске и слезах, вся литература иная — революционная — казенщина и фальшь.

Только неверие в силы рабочего класса может породить такую точку зрения в вопросах литературы.

Пролетарский писатель не бежит от "века-властелина" <...> властелин века его класс» (с. 46–47). Ср. 1924, Июля не ранее 17, не позднее 28.

Мая 1. Запись П. Лукницкого: «Потом говорю с О. Мандельштамом — прошу его прислать мне с Пуниным мой альбомчик автографов» (*Acumiana 1.* С. 169).

Мая 12. В газете «Жизнь искусства» № 19 — анонс второй книги альманаха «Ковш» со стихами О. М.

Мая 18. Заключил договор с Ленгизом на перевод книги анонимного автора «За кулисами французской печати». Адрес: Герцена, 49, кв. 4 (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 545. Л. 41).

Мая 20. Дарственная надпись Л. М. Клячко на «Шуме времени» (*Собрание Лесмана.* № 1433).

Мая 24. Посетил Ахматову (*Acumiana 1.* С. 173).

Мая не позднее 27. Вышли из печати книги: Панаита Истрати «Дядя Ангел. Рассказы Адриана Зограффи» в переводе И. Шерешевской под ред. О. Мандельштама и Г. П. Федотова; Ж. Ромена «Кромдейр-старый» в переводе и с предисловием О. М. (*Книл* № 10, 16–31 мая).

Май. Письмо от Б. Пастернака: «Если у Вас нет мненья о Спекторском или Вы такого низкого, что не хотите меня огорчать, то ведь Вы могли бы написать мне о ревантологии* и о деньгах» (*Пастернак ПСС.* Т. 7. С. 559).

Лето. Н. Мандельштам живет в пансионате в Луге. Письмо Войтинской Валентины Лазаревны к дочери (Войтинской Надежде Савельевне), лета 1925 года: «У нас в пансионе очень много лиц температурят, у кого легкие, у кого железы. Представь себе воспаление брюшных желез! И всех Штернберг посылает в Лугу. Эти брюшные железы у 25-летней жены Мандельштама, переводчика и поэта, работающего в Ленинградском Госиздате, цензурующего там французские книги и переводящего тоже там. Он, пожалуй, мог тебе быть полезен. Жена его говорит, что заведует там всем Горлин. Летом и там затишье, осталось 2–3 переводчика. Муж этой дамочки приедет сюда лишь на день в субботу, а она, видимо, останется надолго» (*РНБ.* Ф. 1156. Ед. хр. 579).

---

* «Революционная антология Запада», в которой Пастернак надеялся опубликовать свои переводы.

Июня 3. Письмо Л. В. Горнунга — П. Н. Лукницкому. «Если можете, пришлите адрес Мандельштама. Брат [Б. В. Горнунг] ему хочет написать о литературных делах и предстоящих изданиях» (*Лукницкий — Горнунг. Переписка.* С. 525).

Июня 6. В журнале «Ленинград» № 20 помещено стихотворение «Сегодня ночью, не солгу...».

Июня 6. В парижском журнале «Звено» — обзор текущей литературы Георгия Адамовича. «Изредка доходящие в Париж, то в рукописях, то в советских журналах, стихотворения Мандельштама — настоящая радость для любителей поэзии. Мне кажется, что Мандельштама нельзя назвать первым современным поэтом; но вполне отдавая себе отчет в словах, с полной уверенностью я говорю о том, что если в русской поэзии за последнюю четверть века было что-нибудь действительно первоклассное, высокое и бесспорное, то это только некоторые строфы Мандельштама. <...> Но вот он слабеет. Воспоминания тускнеют в его сознании, он не владеет собой, он забывает мир и вещи, теорию о "ясном холоде вдохновения" и акмеистические выдумки. Тогда он принимается бормотать, и вдруг сквозь бормотание слышится голос несравненной чистоты. <...> Стихи Мандельштама — наперекор всем его суждениям об искусстве — всего только бред. Но в этом бреду яснее, чем где бы то ни было, слышатся еще отзвуки песни ангела, летевшего "по небу полуночи"» (цитируется по изданию: Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 1 / Подгот. О. А. Коростелева. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 230–232).

Июня не позднее 11. Вышла книга Ж. Имана «Марсельский буржуа» в переводе О. М. (*Книл* № 11, 1–15 июня).

Июня не позднее 13. Вышла собранная И. С. Ежовым и Е. И. Шамуриным книга «Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней» (*Книл* № 11, 1–15 июня). Включена подборка стихотворений О. М. и обращенное к нему стихотворение М. Цветаевой «Никто ничего не отнял...».

♦ Из воспоминаний: «Мандельштам был недоволен ее составом, но всюду возил с собой, как возят семейный альбом: не все снимки удались, но что поделаешь. Надежда Яковлевна показывала антологию нам с Эдиком [Бабаевым], но выносить из дому не позволяла. Она относилась к "кирпичу" тоже как к семейному альбому. А переписывать из книги, когда рядом такие собеседницы, читать ее, когда сама Ахматова собралась прочесть нам новые стихи, мы, конечно, и не пытались» (Берестов В. Д. Чингизидка // Знамя. 1997. № 11. С. 108, 118).

♦ «В собрании Т. В. Мандельштам находится макет титульного листа этой книги (рукой Н. Мандельштам): "Русская поэзия первой четверти XX века (1900–1923). Составил Осип Мандельштам. 1923"» (*Над. Мандельштам СС.* Т. 1. С. 540).

Июня 13. В журнале «Ленинград» № 21 помещено стихотворение «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...».

Июня не позднее 26. Вышла книга М. Бартеля «Завоюем мир!» в переводе и с предисловием О. М. (*Книл* № 12, 16–30 июня).

♦ Из рецензии: «Еще бóльшие вольности допущены в передаче текста стихотворений. Переводчик, схватив поверхностно общий смысл стихотворения, передает его обыкновенно по своему усмотрению и вкусу. Для примера можно взять любые строки. <...> По переводам Мандельштама мы узнаём и можем изучать самого переводчика, но отнюдь не Бартеля <...>» (Запровская А. Перевод... бумаги // На лит. посту. 1926. № 3. С. 55).

♦ Из откликов: Письмо Д. С. Усова — Е. Я. Архиппову, 2 июля. «Очень интересна книга переводов О. Э. Мандельштама из Макса Бартеля под заглавием “Завоюем мир”. <...> Это, собственно, новая книга стихов Мандельштама!» (*Усов 2011.* Т. 2. С. 326).

Июня 30. В «Красной газете» (веч. вып.) — статья Г. Фиша «Дирижер Галкин в центре мира» (рецензия на «Шум времени»). «...Книга эта является документом мироощущения литературного направления “акмеизма”, автобиографией акмеизма; подобно тому, как “Письма о русской поэзии” Гумилева — критическое знамя акмеизма».

Июнь. В журнале «Печать и революция» № 4 (июнь), в разделе «Литературные заметки», — рецензия А. Лежнева на «Шум времени». «Мы отнюдь не являемся поклонниками Мандельштама-поэта, особенно Мандельштама последнего времени. Стихи его становятся с каждым разом всё более отделанными, но и всё более скучными. Они потеряли собственный запах и пахнут сейчас так, как пахнет “Сестра моя — жизнь”. Они составлены как ребус, но разгаданные дают гораздо меньше, чем обещают. И тем более удивляет нас такая книга, как “Шум времени”. Автор в ней показывает себя прекрасным прозаиком, мастером тонкого, богатого и точного стиля, несколько французской складки, доходящего иногда до той степени изысканной и выразительной простоты, которая заставляет вспоминать Анатоля Франса. Правда, он иногда напоминает и Эренбурга, но лишен банальности последнего. Его фраза сгибается под тяжестью литературной культуры и традиции. Вместе с тем образы его своеобразны и контрастны, а сравнения неожиданно-верны. <...> Иногда его характеристики раздражают своей барски-эстетской поверхностностью. Но справедливость требует добавить, что таких меньшинство. “Комнатные” главы компенсируются — и даже с избытком — материалом, имеющим определенный общественно-исторический интерес. Характеристики 80-х и 90-х годов и периода реакции сделаны хотя и односторонне, но очень остроумно и во многом несомненно верны. Интересно, что исходной точкой у Мандельштама всегда при этом служит литература <...> Еще раз повторяем: это односторонне; к тому же еще совершенно неуместен тон высокомерного превосходства, явственно звучащий у автора. Но как верно и метко уловлено им многое в этой эпохе общественного упадка, вырождающегося народничества,

обреченности, нытья, бессилья “сочувственно тлеющей” интеллигенции!» (с. 151–153).

Июля 2. Письмо Б. Пастернака — М. Цветаевой: «Что же касается до существа этого сопоставленья [Пастернака и Есенина], то нельзя ничего придумать пошлее. Не говоря уже о Маяковском, о живых еще, по счастью, Сологубе и Ахматовой, я Мандельштама и Асеева ставлю выше как поэтов» (*Пастернак ПСС.* Т. 7. С. 564).

Июля 7. Запись П. Лукницкого: «АА рассказывал В. К. Шилейко, что Вас. Гиппиус (который был дружен с ним) жаловался ему, что в 1-м цехе Ахматова, Гумилев и Мандельштам его затирали. Обвинял их (!) в том, что его произведение (“Волшебница”) не было пропущено цензурой (!). Потом похлопотали, и “Волшебницу” цензура пропустила. У Вас. Гиппиуса было затаенное злобное отношение к выше поименованным лицам» (*Acumiana 1.* С. 193).

Июля 9. Из дневника М. Кузмина: «Шел домой попить чая, а тут звонил Лежнев, прося [к] 5–7. Пошел с Юр. При<ле>тел туда О. Мандельштам. Ждали, ждали. Пришел в 7-м часу. <...> Лежнев денег дал» (*РГАЛИ.* Ф. 232).

Июля 10. Заключил с Ленотгизом договор на перевод книги М. Гелен «Сибирские воспоминания» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 121).

Июля 17. Запись П. Лукницкого: «Госиздат (острота О. М.)» (*Acumiana 1.* С. 199. Содержание «остроты» не раскрыто).

Июля 18. В журнале «Ленинград» № 26 под псевдонимом О. М. «Колобов» напечатана статья «Кулисы французской печати».

Августа не позднее 11. Вышла книга Ж. Ромена «Обормоты» в переводе и с предисловием О. М. (*Книл* № 16, 23 июля–15 авг.).

Августа 16. Письмо от Б. Пастернака. «В свое время Вы, конечно, были правы, не отвечав мне ни на письма, ни на присылку прозы с моей глупой надписью. Вышла Ваша, и не дело было дожидаться книжки от Вас, это было с моей стороны просто бестактно. Теперь забудьте всё и будем снова друзьями» (*Пастернак ПСС.* Т. 7. С. 573).

Августа 31. «Возмущались мы оба [с Тыняновым] положением Осипа Мандельштама: фининспектор наложил на его заработок секвестор, и теперь Мандельштам нигде даже аванса получить не может. Решили собраться и протестовать. Увидеть бы Калинина или Каменева» (*Чуковского дневник.* С. 245).

Август. В киевском журнале «Життя й революція» № 8 М. М. Могилянский отметил как недостаток непредставленность ряда поэтов, в т. ч. О. М., в «Антологии русских поэтов в украинских переводах» (1925), составленной Б. Якубским (*Поберезкина 2015(2),* с. 211–212)

Сентября 1. Дневник Б. Эйхенбаума: «Реставрация идет полным ходом — неужели к войне? Сегодня — сорокаградусная водка (в газетах с какой-то радостью сообщают, что “спрос на водку беспрерывный”), в судах отменен социальный принцип. При этом — дикая

реклама романа, который изготовила Мариэтта Шагинян под псевдонимом Джим Доллар» (Семейный архив Эйхенбаумов, копия).

Сентября не позднее 6. Вышла из печати книга: Эрман А. Скипетр: Пьеса-роман / Пер. с франц. и примеч. Т. А. Богданович; [Предисл. к рус. изд. О. Мандельштама]. Л.: Гос. изд-во, 1925 (*Книл* № 17, 16 авг.–10 сент.).

Сентября 15. В журнале «Mercure de France» — статья Жана Шюзевиля «Русская поэзия от 1890 г. до наших дней» (Chuzeville J. La Poésie russe de 1890 à nos jours). Автор пишет (перевод с франц.): «И, наконец, несколько других поэтов чистого искусства, счастливо испытавших влияние Гумилева: Пастернак, Адамович, Г. Иванов и О. Мандельштам. Мандельштам — в числе поэтов, от которых есть основания ждать многого. Он прекрасно овладел ремеслом, имеет вкус к композиции и умеет строить. Он поэт по преимуществу» — и приводит в переводе на франц. стихотворение «О временах простых и грубых...».

♦ В отклике на эту статью Георгий Адамович отметил: «...критическое чутье подсказало ему [Шюзевилю] выделить Мандельштама. Если он и несколько холоден в своем отзыве, то это лишь от общего скептицизма к "молодежи". Но ведь русские-то критики Мандельштама просто игнорируют. Между тем это один из редчайших поэтов, в стихах которых есть проблески гениальности» (Звено. 1925. 28 сент. Цит. по изд.: Адамович Г. Литературные беседы. Кн. 1 / Подгот. О. А. Коростелева. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 314).

Сентября 15. В журнале «Revue de Paris» — обзорная статья И. Ж. Кесселя (Joseph Kessel) «Новая русская литература», где упоминается О. М. (с. 313).

Сентября 16. Заключил договор с Ленотгизом на перевод книги Ф. Геллера «Тысяча вторая ночь» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 71). Адрес: Герцена, 49, кв. 4.

Сентября 24. Л. В. Горнунг в письме к П. Лукницкому просит «узнать и выслать теперешний адрес Мандельштама, который очень нужен моему брату» (речь идет о Б. В. Горнунге) (*Лукницкий — Горнунг. Переписка.* С. 529). Ср. Июня 3. В ответном письме от 6 окт. Лукницкий сообщает адрес О. М.: Герцена, 49, кв. 4 (Там же. С. 530).

Сентября 25. Запись Н. Пунина: «О. Мандельштам по поводу юбилейных торжеств Академии наук уверял, что один английский профессор сказал: страна, имеющая такую гостиницу (Hôtel Europe)* не может пропасть. Во всяком случае, кто-то из них, профессор или Мандельштам, если это он сам выдумал, поистине замечателен; нельзя короче и полнее охарактеризовать всю гнусность того, что было в Академии наук» (*Пунин 2000.* С. 261).

---

* Специально для гостей Академии отделанная гостиница (*Примеч. Н. Пунина*).

Сентября не позднее. В Праге вышла из печати книга: Гиппиус З. Н. Живые лица. Источник даты: рецензия В. Ходасевича — Современные записки. Т. XXV. 1925 [Сентябрь]. С. 535–543. «По тонкости внешнего понимания стихов — у Брюсова не было соперника. <...> Внутреннего же вкуса и чутья к стихам, предполагающего хоть какую-нибудь любовь к поэзии, у него совершенно не имелось. Случаев убедиться в этом у меня было много. Вот один. Кто-то прислал ко мне юного поэта, маленького, темненького, сутулого, такого скромного, такого робкого, что он читал едва слышно, и руки у него были мокрые и холодные. Ничего о нем раньше мы не знали, кто его прислал — не помню (может быть, он сам пришел), к юным поэтам я имею большое недоверие, стихи его были далеко не совершенны, и — мне все-таки, с несомненностью, показалось, что они не совсем в ряд тех, которые приходится десятками слушать каждый день (приходилось бы сотнями, не положи я предела). В стихи этого юнца "что-то попало", как мы тогда выражались. Решаю про себя, что мальчик не без способностей, и вызываюсь (в первый раз в жизни, кажется, без просьбы) где-нибудь напечатать стихи: "в «Русской мысли», например; я пошлю их Брюсову". Ответ получился не очень скоро, и даже, между прочим, в письме по другому поводу. Ответ насмешливый, небрежный и грубоватый: что до вашего юнца "со способностями", то таких юнцов с такими же и даже большими способностями у меня слишком достаточно и в Москве. Советую этому не печататься... Еще что-то было в том же роде, если не хуже. Однако из юнца вышел, и необыкновенно скоро, — поэт, во всяком случае всеми за такового признаваемый, и даже по тщательности формы, по отделке ее — поэт в сорте Брюсова. Это был О. Мандельштам» (с. 100–101).

Сентябрь. В парижском журнале «Современные записки» № XXV — рецензия Д. П. Святополк-Мирского на «Шум времени». «Место Мандельштама, как одного из самых выдающихся поэтов нашего времени, прочно и общепризнано. Высокое искусство слова, своеобразно соединенное с "высоким косноязычием", дают его стихам очарование единственное и исключительное. Но не все читатели Мандельштама обращают внимание на другие качества, просвечивающие в его стихах, — острый ум и зоркую историческую интуицию. Эти качества затемнены косноязычием, и то же косноязычие придает странную путаность его замечательной, очень мало известной прозе. Статьи его разбросаны по журналам, преимущественно эстетским, — читатели которых весьма мало интересовались и интересуются умом и историей. Читатели Аполлона не могли оценить, даже если и прочли, статью Мандельштама о Чаадаеве, напечатанную еще в 1915 и уже дающую почти полную меру его культурно-исторической зоркости. Как в некоторых стихах, так и в этих статьях — Мандельштама занимают ценности культурно-исторические, которые являются у него свободными от всякого философствующего символизма, — конкретными, индивидуальными, действенными, и в то же

время отнесенными к общей ткани исторического процесса. <...> Связана его мысль и с Блоком, автором *Возмездья*, с которым его особенно роднит гениальная конкретность исторического воззрения, но полная свобода от Символизма полагает резкую грань между ним и Блоком. Статьи Мандельштама до сих пор остаются несобранными, но новая книга *Шум Времени* завершает их и является новым, еще более ценным достижением. Не будет преувеличением сказать что *Шум Времени* одна из трех-четырех самых значительных книг последнего времени, а по соединению значительности содержания с художественной интенсивностью едва ли ей не принадлежит первенство. Впрочем, такая высокая оценка относится только к первым двум третям книги, в которых говорится об детских и ученических годах автора (90-е и 900-е); последняя треть, с остальным не связанная, занята Крымскими впечатлениями времени Гражданской Войны, и хотя в них много ярких и сильных страниц, они не могут претендовать на значение, равное с первой частью».

Октября около 13. Отъезд Н. Мандельштам из Ленинграда в Ялту через Москву. Письмо к ней 14 окт.: «Ты сейчас из Москвы уедешь <...>» (*ПССиП*. Т. 3. № 54).

Октября 15. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 55).

Октября 16. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 56).

Октября 16. В «Красной газете» (веч. вып.) помещено стихотворение «Ленинградская зима» («Вы, с квадратными окошками...»).

Октября 19. Вышел № 142 парижской газеты «Звено» с рецензией К. Мочульского на «Шум времени». «Проза Мандельштама сделана из того же материала, что и его стихи. Абзацы закончены и замкнуты в себе, как статьи. Каждая фраза живет своей напряженной, независимой жизнью: то афоризм, то эпиграмма, то сентенция. За каждым выражением лежит долгий процесс оформления и концентрации. Даны только результаты. Их завершенность делает их непогрешимыми, как догматы. Мандельштам видит всегда не в тех масштабах и пропорциях, как мы; его время и пространство не походит на наши, но, читая его непреложные утверждения, мы ни на мгновение не сомневаемся в самоочевидности его мира. Автор не умеет описывать и рассказывать: его автобиографические воспоминания не складываются в единую картину. Он только утверждает и определяет, — и каждое его определение — открытие. Он чистейший формалист, гениальный геометр жизни. Измеряет прошлое, укладывает его в формулы и отстраняет. <...> Воображение Мандельштама пластично и словесно до конца. Он судит о тяжести вещей по удельному весу слов: миром его управляют законы синтаксиса. И главное: у него воображение ума. Только абстрактное воспринимает он эмоционально. История, государственность, культура — и более общо: категории пространства и времени — вот истоки его вдохновения. Мандельштам

остро чувствует запах и вид обобщений. Он зябнет от “стужи веков”, он оглушен “шумом времени”. <...> Значительно слабее вторая часть книги, посвященная деникинскому и врангелевскому Крыму. Описания людей удаются автору только на фоне мировых событий и в перспективе всемирной истории. Без философского символизма герои его превращаются в фантомы и пафос его становится риторикой».

Октября 19. Справка о состоянии здоровья О. М. Врач М. Я. Арьев (*Архив Мандельштама*).

Октября 19. В «Красной газете» (веч. вып.) помещена басня «Тетушка и Мирабо».

Октября 20. Л. В. Горнунг в письме к П. Лукницкому задает вопрос: «Известно ли Вам, пишут ли сейчас новые стихи Мандельштам, Ахматова, Бен. Лившиц? Работает ли Кузмин над “Вергилием” и “Римскими чудесами”» (*Лукницкий — Горнунг. Переписка.* С. 534).

Октября 22 и 24. Получил гонорар за перевод стихов для книги: Тулли Дж. Автобиография бродяги (вышла в 1926, в переводе Э. Паттерсон под ред. А. Н. Горлина) (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 125, 128).

Октября 24. Заключил договор с Ленотгизом на перевод книги Г. Рихтера «Инженер Карстен». Приложена доверенность на получение причитающихся по этому договору сумм на имя Д. И. Выгодского (*ПССиП.* Т. 3. С. 764, 767).

Октября 26. Получил рассчет в Ленотгизе за перевод книги Ф. Геллера «Тысяча вторая ночь» (Нерлер П. М. Con amore. Этюды о Мандельштаме. М., 2014. С. 206, примеч. 6). См. Сентября 16; 1926, Марта не позднее 1.

Октября 26. В «Красной газете» (веч. вып.) помещена басня «Извозчик и Дант».

Октября не позднее 27. Вышла книга стихов для детей «2 трамвая» (*Книл* № 20, 16–31 октября).

Октября 27. Заключил договор с издательством «Прибой» на перевод книги А. Даудистеля «Жертва» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35).

Октября 30. Письмо к жене с поздравлением к дню рождения (*ПССиП.* Т. 3. № 57).

Октября 30. Из письма Я. А. Хазина к Н. Я. Мандельштам: «Сегодня твой день рождения, и по этому случаю, а еще больше по случаю того, что ты, как пишешь в последнем письме, приобрела 19 фунтов, — у мамы праздник. Поздравляю тебя, дорогая, и желаю тебе округлить в скором времени свои приобретения. Полагаю, что при доброй воле с твоей стороны это вещь вполне достижимая, и не только в Крыму, но даже если бы вы меня послушались, приехали бы прямо к нам под мамино крылышко. Крым, конечно, лучше, но он очень кусается, и я боюсь, как бы не иссякли ваши ресурсы. Я и то недоумеваю, какие такие золотые россыпи открыл О. Э. в своем таланте, что у него явилась возможность снарядить тебя в Крым» (Рус. литература. 2015. № 4. С. 138).

Октября 30. Из письма В. Я. Хазиной к Н. Я. Мандельштам, из Киева в Ялту: «Неужели О. Э. всё продал из кварт<иры>. Я понимаю, мебель, но посуду оч<ень> жаль — теперь она оч<ень> дорога, надо было в 2–3 ящика упаковать и повезти в Крым. М<ожет> б<ыть>, когда окрепнешь, — захочешь вести сама хозяйство — то пригодится. Уже будет дорого, коврика тоже жаль» (Там же. С. 139).

Октябрь. В журнале «Звезда» № 5 — статья И. А. Оксенова «Николай Тихонов». О заимствовании Тихоновым в поэме «Красные на Араксе» образа «советской ночи» из стихотворения «В Петербурге мы сойдемся снова...» (с. 262).

Ноября около 5. Выехал из Ленинграда в Ялту через Москву.

Ноября 6. Дата приезда О. М. в Ялту, см. Ноября 13.

Ноября около 9. Ялта. Письмо к брату Евгению в Ленинград. О приступе болезни во время пересадки в Москве. Просит пойти к фининспектору (*ПССиП*. Т. 3. № 58).

Ноября не ранее 9, не позднее 13. Ялта. Письмо Н. Мандельштам — Е. Э. Мандельштаму. «В пятницу [6-го] сюда приехал Ося. Он поразил меня худобой. Таким он не был с 19-го года. <...> Здесь Ося очень успокоился, и ему стало легче. Он не курит, мало ходит и, я надеюсь, оправится» (*В переписке семьи*. С. 63, где датировано «13 ноября 1925 г.»).

Ноября 15. Телеграмма Д. И. Выгодскому из Ялты в Ленинград о сроке высылки рукописи в издательство (*ПССиП*. Т. 3. № 59).

Ноября около 20. Письмо к отцу о жизни в Ялте (*ПССиП*. Т. 3. № 60).

Ноября не позднее 26. Вышла из печати книга для детей «Шары» (ГИЗ, Л., 1926 [1925]) с рис. Н. Лапшина (*Книл* № 22, 16–30 нояб.).

Ноября 30. Ялта. Дана доверенность на имя Д. И. Выгодского. Нотариусу предъявлялось удостоверение личности № 379804/5068, выданное 9 сентября 1924 г. 2-м Отделом Ленинградской милиции. Указан адрес: г. Ялта, Горный пр., д. 3 (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 71).

Декабря 1 и 2. В газете «Парижский вестник» — статья И. Эренбурга «Романтизм наших дней», где дается характеристика поэзии О. М. 2 дек. — письмо Эренбурга в редакцию газеты с исправлением опечаток (Эренбург И. Г. Письма. В 2 т. Т. 1: Дай оглянуться... 1908–1930 / Подгот. Б. Я. Фрезинского. М.: «Аграф», 2004. С. 475–476).

Декабря 9. Телеграмма в издательство «Прибой» из Ялты о своем опоздании с высылкой перевода (*ПССиП*. Т. 3. № 61).

Декабря 16. Заключил с Ленотгизом договор на перевод книги Э. Перошон «Тени» (совершено Д. И. Выгодским по доверенности от 30 ноября) (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 209 об.).

Декабря 16. Письмо к отцу из Ялты. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 62).

Декабря 18 или 19. Письмо к отцу из Ялты. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 63).

Декабря 25. В семье Б. К. и Е. К. Лившицев родился сын Кирилл. См. 1926, Июля 9.

Декабря не позднее 27. В издательстве «Сеятель» вышла из печати книга А. Барбюса «Злючка луна» в переводе О. М. (*Книл* № 23/24, 16–31 декабря).

Декабря 28. Смерть Сергея Есенина.

Декабрь. В журнале «Звезда» № 6 (нояб.–дек.) помещена глава книги анонимного автора «Правительство и печать во Франции» в переводе О. М.

Декабрь. В журнале «Былое» № 6 — рецензия Н. Лернера на «Шум времени». «Мы подавлены громадой идейных обобщений и обилием исторических фактов, но у нас крайне редки психологические документы, в которых полно и ярко запечатлены настроения той или иной эпохи. К таким произведениям принадлежат и "Былое и думы" Герцена, "История моего современника" Короленко, воспоминания Овсянико-Куликовского. К этому роду относятся и мемуары О. Мандельштама».

Henryk Wardęski

Конец года. В Варшаве вышла книга Г. Варденского «Воспоминания полицейского» (Henryk Wardęski. Moje wspomnienia policyjne. Nakładem Stowarzyszenia «Policyjny Dom Zdrowia». Warszawa, 1925), включающая перевод на польский язык двух строф стихотворения «Поляки! Я не вижу смысла...» (с. 32).

1926

Начало года. Парижский журнал «Le Commerce» в 6-м выпуске поместил стихотворение «1 января 1924» в переводе Е. А. Извольской.

Января не позднее 22. Вышел № 1 брюссельского журнала «Благонамеренный» (янв.–февр.) с рецензией Д. П. Святополк-Мирского на «Шум времени». «Первые две трети его книги, посвященные воспоминаниям о довоенной эпохе, с конца 90-х годов, несомненно гениальное произведение с точки зрения литературной и по силе исторической интуиции. <...> Традиция Мандельштама восходит к Герцену и Григорьеву (*Литературные скитальчества*); из современников только у Блока (как ни странно) есть что-то подобное местами в *Возмездии*». Выход номера датируется по письму М. И. Цветаевой — Д. А. Шаховскому от 23 янв. (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995.* Т. 7. С. 31).

Января 26. «Список рукописей портфеля Ленотгиза, намеченных к отклонению. Составлен 26 янв. 1926 г. Мандельштам. Стихи 1917–1925 гг. 64 стр.» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 545).

Января 29. Письмо к жене из Севастополя на пути в Москву и далее в Ленинград (*ПССиП*. Т. 3. № 64). Встреча с Блюмкиным. «Кавказская игра кончилась в <19>26 году, когда О. М., уезжая от меня из Крыма, случайно очутился с Блюмкиным в одном купе <...>. Всю дорогу они мирно разговаривали» (*Воспоминания*. С. 97).

Января 30. Письмо к жене из Харькова на пути в Москву и далее в Ленинград (*ПССиП*. Т. 3. № 65).

Января 31. Москва. Встречается с Пастернаком. Разговор с ним о Есенине (*ПССиП*. Т. 3. № 66; Горнунг Л. В. Встреча за встречей: По дневниковым записям // Лит. обозрение. 1990. № 5. С. 104. Запись 1 февр.).

Январь. Вышел № 1 журнала «Новая Россия» со стихотворением «Вы, с квадратными окошками...».

Февраля 1. Ленинград. Запись П. Лукницкого о встрече с О. М., «только что вернувшимся из Крыма». «Телеграмма [жене] отправилась в Ялту, и мы вышли и зашагали по Невскому, беседуя о лопнувшем Госиздате, об уезжающем в четырехмесячный отпуск [И. И.] Ионове, чья мечта, по мнению О. Мандельштама, стать после всех этих событий редактором "Красной Нови", и о Пастернаке, с которым Осип Мандельштам провел вчера весь день в Москве и который прочел ему колоссальное количество стихов» (*В записях Лукницкого*. С. 117–118).

Февраля 2. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные и служебные новости. Живет в квартире брата на Васильевском острове (*ПССиП*. Т. 3. № 66).

Февраля 3. Запись П. Лукницкого: «У А. А. в Мраморном дворце был и обедал О. Мандельштам. Рассказывал о Крыме. Говорил о Надежде Яковлевне» (*Acumiana 2*. С. 30).

Февраля 3. В «Красной газете» (веч. вып.) — заметка «Обложение литераторов». «"Большой день" был вчера в губернской комиссии по подоходному налогу. Обычная в комиссии публика — кустари, ремесленники и нэпманы — уступили вчера место ленинградским литераторам. Корней Чуковский, П. Щеголев, К. Федин, И. Садофьев, М. Шагинян, А. Д'Актиль, В. Князев, О. Мандельштам и др. работники пера пришли вчера жаловаться на неправильное обложение подоходным налогом». Об ошибочности упоминания О. М. в сообщении газеты см.: *ПССиП*. Т. 3. № 67.

Февраля 3. Письмо к жене в Ялту. «Сейчас был у Пуниных. Там живет старушка: лежала она на диване веселая, но простуженная. Встретила меня "сплетнями": 1) Г. Иванов пишет в парижских газетах "страшные пашквили" про нее и про меня; во-2), "Шум времени" — вызвал "бурю" восторгов и энтузиазмов в зарубежной печати, с чем можно нас поздравить» (*ПССиП*. Т. 3. № 67). «Старушка» — А. Ахматова.

Февраля около 5. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные новости. Сообщает о намеченной встрече с В. Шкловским (*ПССиП*. Т. 3. № 68).

Февраля 6, 10; Марта 3, 11. Получает гонорар в Ленотгизе (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 534).

Февраля 7. Телеграмма жене в Ялту (*ПССиП.* Т. 3. № 69).

Февраля 7 и 8. Письмо к жене в Ялту. «Вчера договорил со Шкловским. Он предлагает мне съездить в Москву. Его киноиздательство будто бы само догадалось, что меня нужно подкормить. <...> Сейчас жду машинистку, которая звонила, что уже выехала с машинкой. Вчера поздно вечером говорил с Горлиным. Мы не расформированы. Работа будет продолжаться» (*ПССиП.* Т. 3. № 70).

Февраля около 9–10. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП.* Т. 3. № 71).

Февраля 12. Письма к жене в Ялту. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП.* Т. 3. № 72 и № 73).

Февраля 14. Через Ахматову получает 150 руб. от И. И. Рыбакова взаймы (*Acumiana 2.* С. 45). «200 р. для меня взял у Рыбаковых Пунин. <...> Сроком не связан. <...> Осложненье, что ему должна "старушка"» (*ПССиП.* Т. 3. № 74). Ср.: «Сущность "рыбаковской истории" — в следующем: <...> О. Э. Мандельштам, терзаемый безденежьем, просил АА и Пуниных познакомить его с Рыбаковым для того, чтобы он мог занять у Рыбакова денег. <...> А. А. и Пунины обратились к Рыбакову. <...> Деньги были даны Мандельштаму. Только их и видели. <...> АА и Пунины были поставлены в крайне неловкое, ложное и неприятное положение. <...> Всё это, конечно, легло очень большим пятном на отношения А. А. и Мандельштама» (*Acumiana 2.* С. 266–267).

Февраля около 15. Встретил В. К. Шилейко. «Я тогда встретил Шилейку на Литейном, и он проводил меня в "Сеятель", позвонить — нет ли телеграммы. Он был в наушниках и покупал книги XVI века. Когда мне прочла какая-то тетка по телефону твои словечки, я так развеселился, что принял Шилейкино приглашенье пить портер в пивной и полчаса с ним посидел: пил черный портер с ветчиной и слушал мудрые его речи... Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду... А я сказал ему, что люблю только тебя — то есть я так не сказал, конечно, — и евреев. Он понимает, что я совершенно другой человек и что со мной нельзя болтать, как прочие светские хлыщи...» (*ПССиП.* Т. 3. № 75. С. 413).

Февраля 17. Письмо к жене в Ялту. Описывает встречу с В. К. Шилейко «третьего дня»; сообщает служебные и семейные новости. «Затем Федин включил книгу стихов в "план" — пошлют в Москву (только список названий и "аннотацию") — и... вычеркнут...» (*ПССиП.* Т. 3. № 75).

Февраля 18. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные и служебные новости. «Сегодня Федин спросил: сколько я хочу за книгу стихов? Сказал: 600 р.» (*ПССиП.* Т. 3. № 76).

Февраля 19. Письмо к жене в Ялту. «Зашел в комнатку к Федину и Груздеву. Они как раз заполняли бланки с предложеньями

книг: я мельком прочел: “один из лучших совр<еменных> поэтов”. Стараются! В числе других пробуют протащить “Рвача” Эренбурга» (*ПССиП*. Т. 3. № 77).

Февраля 22. Телеграмма и письмо жене (*ПССиП*. Т. 3. № 78, 79).

Февраля 24. Письмо к жене в Ялту. Упоминает о замысле сценария по делу Джорыгова (*ПССиП*. Т. 3. № 80).

Февраля 27. Письмо к жене в Ялту. «Сейчас звонил Грюнбер<г>: прочел обо мне в каком-то английском Magasin'е. Уважает. А<нна> Андр. прочла в “Mercure de France”» (*ПССиП*. Т. 3. № 81). См. 1925, Сентября 15.

Февраля 28. Письмо к жене в Ялту. «Вчера у деды была трагикомедия: он собрался в гости на Пурим к еврею-часовщику и попал в “засаду”. Просидел с 9 вечера до 2½ дня с множеством разных случайных людей. Страшно волновался и, бедненький, ссылался на то, что он “отец писателя Мандельштама”. С ним обошлись бережно и его не обидели. Но как жалко деду: подумай, пошел раз в год в гости. Он умудрился даже позвонить (не объясняя причины), что “остается ночевать”. Вот наше событие» (*ПССиП*. Т. 3. № 82).

Февраля 28. Запись в дневнике Д. Выгодского: «В “Прибое” всё реорганизовано. Во главе — [Б. З.] Шумяцкий. Вместо Баскакова Мясников, бывший редактор “Красной газеты”. Организован иностранный отдел. Заведующий — [Л. Б.] Грюнберг. Секретарь Зоя [Никитина]» (Семейный архив Выгодских).

Февраля 28 или Марта 1. Запись П. Лукницкого: «Мандельштам в разговоре с Пуниным просил зайти АА и его в Москве к Пастернаку» (*Acumiana 2*. С. 53).

Марта не позднее 1. Вышли из печати переведенные О. М. книги: Ф. Геллера «Тысяча вторая ночь»; анонимного автора «За кулисами французской печати» (обе — *Книл* № 10, 27 февр.–5 марта).

♦ К предстоящему выходу книги из печати появилась статья: Штейн В. За кулисами французской печати // Красная газета. Веч. вып. 1925. 6 нояб.

♦ Из откликов: «...мастерство автора дополняет очень хороший перевод [книги Ф. Геллера] О. Мандельштама» (Эйшискина Н. [рец.] // Печать и революция. № 4. С. 216).

Марта 1. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 83).

Марта 5. Письмо к жене в Ялту. Упоминает об отъезде Ахматовой и Пунина в Москву. «Я воспользуюсь и зайду к Шилейке». Упоминает о вышедшей книге Вагинова и дает ей оценку (*ПССиП*. Т. 3. № 84).

Марта 7. Письмо к жене в Ялту. Сообщает служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 85).

Марта 8. О. М. на заседании Комитета современной литературы в ГИИИ. Чтение стихов Н. С. Тихоновым. «В понедельник Тихонов читал в “Комитете” (современной литературы) новые стихи

(прекрасные). <...> Потом заговорил Мандельштам. <...> Он говорил о том, что стихотворение не может быть описанием. Что каждое стихотворение должно быть событием. <...> В стихотворении, он говорил, замкнуто пространство, как в карате бриллианта... размеры этого пространства не существенны... но существенно соотношение этого пространства (его микроскопичность) с пространством реальным... Поэтическое пространство и поэтическая вещь четырехмерны — нехорошо, когда в стихи попадают вещи внешнего мира, то есть когда стихи описывают...» (*Гинзбург ЗК.* С. 14–15. Источник даты: *ПССиП.* Т. 3. С. 780–781).

♦ Из воспоминаний: «Тихонов, недавно отказавшийся от "голой скорости баллад", был под ударами критики, утверждавшей, что "золотая цепь его творчества порвалась". Он часто со смехом цитировал эту фразу. Мог ли он ожидать, что его новая позиция, рельефно сказавшаяся в "Дороге", встретит противника в лице Мандельштама? Гордо закинув голову, полузакрыв глаза, Мандельштам возражал против "бумажной поэзии", против голого смысла, равного кратчайшему расстоянию между точками: "в то время, как это расстояние — бесконечность"» (Каверин В. Несколько лет // Новый мир. 1966. № 11. С 133–134).

Марта 9. Письмо к жене из Ленинграда в Ялту (*ПССиП.* Т. 3. № 86). Сообщает служебные новости; описывает свое выступление, см. Марта 8.

Марта 9. Письмо Б. Пастернака — И. А. Груздеву: «Если случится увидеть Мандельштама, кланяйтесь ему. Мы много о нем с Анной Андреевной говорили и, кажется, одинаково его любим» (*Пастернак ПСС.* Т. 7. С. 612).

Марта около 10. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП.* Т. 3. № 87).

Марта 11. Записка З. А. Никитиной — О. Мандельштаму. «Уважаемый Осип Эмильевич. Посылаю к Вам за последними листами книги Нексэ. Леон Борисович [Грюнберг] просил передать, что получение книги необходимо сегодня же, т. к. в случае, если мы не сдадим ее сегодня в набор, книга запоздает с выходом и издательство "Прибой" откажется от приема рукописи. С приветом Никитина» (*ПССиП.* Т. 3. С. 782).

Марта около 11. Письмо к жене в Ялту (*ПССиП.* Т. 3. № 88).

Марта около 12. Письмо к жене в Ялту. Сообщает семейные и служебные новости, о посылке книги Вагинова, о предполагаемой поездке в Москву (*ПССиП.* Т. 3. № 89).

Марта 12. Вечер Марины Цветаевой в Лондоне, в Школе славяноведения при Лондонском университете (School of Slavonic Studies). Читает стихи современных русских поэтов, в том числе О. М. (*Цветаева — Пастернак.* С. 158, 170). См. Марта около 27.

Марта 13. Запись П. Лукницкого: «С. Парнок. АА виделась с Парнок в Москве. Говорила мне, что теперь ей понятно, почему

[Б. В.] Горнунг и другие так высоко ставят Б. Лившица, что ставят его даже впереди О. Мандельштама и, во всяком случае, всегда — рядом: С. Парнок — один из инициаторов нового издательства ("Узел"?), в котором принимает участие и Лившиц. С. Парнок по каким-то причинам смертельно ненавидит О. Мандельштама и, чтобы унизить его, ставит Лившица выше. А такие люди, как Горнунг, не зная этой подноготной, не могут разобраться в стихах сами и принимают чужие суждения — в данном случае, суждения С. Парнок — на веру. АА очень просила меня сохранить этот ее рассказ в тайне» (*Acumiana 2*. С. 64–65).

Марта не позднее 15. Вышла из печати книга А. Барбюса «Подвиги Лантюрло» в переводе О. М. (*Книл* № 12, 13–19 марта).

Марта 15. Письмо М. И. Цветаевой — П. П. Сувчинскому. «Мандельштам "ШУМ ВРЕМЕНИ". Книга баснословной подлости. Пишу — вот уже второй день — яростную отповедь. [Д. П. Святополк-] Мирский огорчен — его любезная проза. А для меня ни прозы, ни стихов — ЖИЗНЬ, здесь отсутствующая. Правильность фактов — и подтасовка чувств. Хотелось бы поспеть к этому № [1] журнала [«Вёрсты»] — хоть петитом — не терпится» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995*. Т. 6. С. 317).

Марта 15 и 23. Получил гонорар в Ленотгизе за внутренние рецензии иностранных книг и аванс на книгу Б. Лекаша «Жакоб» («Радан Великолепный») (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 3).

Марта 16. Москва. Письмо к жене в Ялту. О прибытии в Москву утром этого дня. Сообщает семейные и служебные новости. «Остаются еще <...> [А. К.] Воронский и Шум времени, у которого возрастает успех. <...> Может быть, придется съездить на два дня в Петербург» (*ПССиП*. Т. 3. № 90).

Марта 17. Москва. Письмо к жене в Ялту. «Остается поговорить завтра с Нарбутом и Воронским. <...> В субботу я поеду прощаться в Петербург. На все дела мне нужен там один понедельник. А во вторник думаю выехать прямо в Ялту. Вчера я ночевал у Пастернака в комнате с его братом на ужасном одре-диване, а сегодня у твоего буду Женички» (*ПССиП*. Т. 3. № 91).

Марта 18. Письмо М. Цветаевой — Д. Шаховскому: «Сижу и рву в клоки подлую книгу М<андельштама> "Шум Времени"» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995*. Т. 7. С. 35).

Марта 20. Выехал из Москвы в Ленинград, см. в письме № 91 (*ПССиП*. Т. 3): «В субботу я поеду прощаться в Петербург».

Марта 20. Запись П. Лукницкого: «Я спросил АА, читала ли она книжку Вагинова? Ответила, что не читала, и спросила мое мнение о ней. Я сказал, что, по моему мнению, стихи несамостоятельны, есть чужие влияния — Мандельштама, В. Иванова, Ходасевича; но — культурны, и мне нравятся. Сказала: "Теперь буду читать, когда вы сказали". Я прибавил: "Мандельштам, мне говорили, в восторге

от этой книжки, говорит, что Вагинов чуть ли не второй Тютчев, но я боюсь, что Мандельштам перегнул палку в другую сторону". АА ответила, что Мандельштам говорил с ней как-то — еще до выхода книжки — о Вагинове и что из его слов не было видно, чтоб он Вагинова ставил очень высоко. АА передала фразу Мандельштама: "Столько случаев было, когда приходилось разочаровываться в молодом поэте, что я боюсь теперь высказываться о ком-нибудь положительно..."» (*Acumiana 2.* С. 79).

Марта 22 или 23. Ленинград. Разговор О. М. с Ахматовой о книге Вагинова. Запись П. Лукницкого: «АА рассказала мне, что говорила (вчера? сегодня утром?) с Мандельштамом по телефону и между прочим — о книжке Вагинова (спросила его мнения, потому что сама она еще не прочла книжку). "Оська задыхается! Сравнил стихи Вагинова с итальянской оперой, назвал Вагинова гипнотизером. Восхищался безмерно. Заявил, что напишет статью о Вагинове, в которой будут фигурировать и гипнотические способности Вагинова, и итальянская опера, и еще тысяча других хороших вещей". АА объясняет мне, что "Оська" всегда очаровывался — когда-то он очаровывался даже [К. А.] Липскеровым, потом были еще два каких-то "гениальных поэта" — и что она нисколько не удивлена таким мнением Мандельштама о стихах Вагинова, тем более понятно восхищение Мандельштама, что Вагинов — его ученик. И АА сказала, что написанная Мандельштамом статья о Вагинове будет, вероятно, одной из его блестящих, но ни к чему не обязывающих "causeries"*» (*Acumiana 2.* С. 82–83). Ср. в записи Л. Гинзбург: «Недели две тому назад Борису Михайловичу <Эйхенбауму> в час ночи позвонил Мандельштам, с тем чтобы сообщить ему, что

— Появился Поэт!

— ?

— Константин Вагинов!

Б. М. спросил робко: "Неужели же вы в самом деле считаете, что он выше Тихонова?" Мандельштам рассмеялся демоническим смехом и ответил презрительно: "Хорошо, что вас не слышит телефонная барышня!"» (*Гинзбург ЗК.* С. 16).

Марта 25. Отъезд из Ленинграда в Ялту. Запись П. Лукницкого: «Мандельштам — был перед отъездом. Денег не возвратил. Получил переводы Талтани и Бальзака (?). Жена зовет скорей; Маня — о Вагинове; кулисы — квадраты. В них заключает. Узнавал о поезде. Поехал домой, а оттуда — на вокзал» (*Acumiana 2.* С. 88).

Марта 26. Бенедикт Лившиц вписал в «Чукоккалу» шуточное стихотворение «Вопль Корнея Чуковского», перефразируя стихи О. М. «Нет, не луна, а светлый циферблат...» и используя ту же стихотворную форму (*Чукоккала.* С. 21).

---

* У французов — жанр легкой беседы полушуточного характера, обмена парадоксами, «болтовни».

Марта около 27. Письмо М. Цветаевой — Б. Пастернаку: «Борис. А пока вы с Ахматовой говорили обо мне в Москве, я в Лондоне говорила с эстрады тебя и Ахматову. Послед<овательностью> Ахматова, Гумилев, Блок — Мандельштам, Есенин, Пастернак, я. Маяковского за недохв<атом> глотки не говорила, сказала стихи к нему. Слушали меня — но этих имен писать не должно. Достаточно будет сказать тебе, что моим лучшим слушателям запрещено было прийти. Борюшка, сообрази. Из того, что прочла стих к Маяковскому, выведи, кто были слушатели. Больше всего — странно — дошел Есенин. (Ореол ли сканд<ала> — Айседоры — смерти?) Слушали изумленно и — благоговейно. В воздухе: что же нам говорили??? Вроде откровения. Невинно. Трогательно» (*Цветаева — Пастернак*. С. 158). См. Марта 12.

Марта около 27. Приехал в Ялту.

Марта 29. Письмо М. И. Цветаевой — П. П. Сувчинскому, в т. ч. в связи с отказом последнего поместить ее статью «Проза поэта» («Мой ответ Осипу Мандельштаму») в № 1 парижского журнала «Вёрсты». «Дорогой Петр Петрович, Если бы Вы сказали: "Не беру, потому что плохо", Вы бы (плохо или нет) были правы. Если бы Вы сказали: "не беру, потому что, взяв, лишусь российского рынка", Вы бы были правы. Но вы осудили вещь по существу, и этим оказались глубоко-неправы» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995*. Т. 6. С. 318).

Апреля 2. Из воспоминания кадета 1-го Кадетского корпуса о традиционной поездке на Высочайший смотр 17 февраля: «Идем через Царское к манежу; играют два оркестра попеременно, кадетский и стрелкового полка, высланный нам навстречу...

Казармы, парки и дворцы...
И на деревьях клочья ваты,
И грянут «здравия» раскаты
На крик «здорово, молодцы»!

Маленькие, светлые домики Царского, веселые лица прохожих... Казармы эскадрона Уланского полка, —

Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Казармы, парки и дворцы!»*

(Макс. Памяти Кадетского Монастыря // Возрождение. Париж, 1926. 8 марта).

Апреля 3. Ялта. Надписал переведенную им книгу М. Андерсена-Нексэ «Революция женщин и другие рассказы» М. И. Беккеру (*Инскрипты*. С. 219).

---

* Цитируется стихотворение О. М. «Царское Село» в первоначальной редакции.

Апреля 4. В парижской газете «Дни» — очерк Георгия Иванова «Петербургские зимы». «1920 год. Снег. Холод. Фонари не горят. Снова мы идем по Тучковой набережной — мимо дома, где когда-то была гостеприимная редакция “Гиперборея”.

Мимо зданий, где мы когда-то
Танцевали, пили вино.

Мандельштам только что приехал в советский Петербург, и я веду его, бездомного и дрожащего от холода, к себе ночевать. Он два года пропадал — был в Крыму, оттуда выслали в Грузию, в Грузии едва не повесили. Потом какое-то невероятное, возможное только с Мандельштамом путешествие через всю Россию, — и в одно прекрасное утро звонок у черного хода моей квартиры».

Апреля 6. В журнале «Советский экран» № 14 помещена рецензия О. М. на кинофильм «Татарские ковбои».

Апреля 8. Получил гонорар за книгу Нексэ «Революция женщин» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 166) (Выдача по доверенности или переводом).

Апреля 11. В рубрике «Литературные беседы» журнала «Звено» № 167 Адамович отметил влияние О. М. на стихотворение А. П. Ладинского «Скрипит возок, в снегах ныряет...» (Адамович Г. В. Собр. соч. Литературные беседы. Кн. 1 / Подг. текста, коммент. О. А. Коростелева. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 449, 536).

Апреля не позднее 16. М. Цветаева читает свою статью «Проза поэта» («Мой ответ Осипу Мандельштаму») в Париже на квартире О. Е. Черновой.

♦ Из письма В. Б. Сосинского к А. В. Черновой: «Сегодняшний вечер М<арина> И<вановна> читала свою статью о Мандельштаме. Статья прекрасная, ударная. Но я сказал М. И., что слушал ее с болью. “Большой высокий человек ударяет маленького, низкого. Мне жалко маленького”. — “Это говорит в вас рыцарское чувство — такое же чувство у меня к тем людям, о которых Мандельштам позволяет себе говорить мерзости”. “Сознавая вашу силу — я всё время находился под очарованием — всё же его — Мандельштама. Под очарованием тех стихов, которые вы приводите — и даже глупостей, которые можно простить только ему одному”. Адя, я бы не хотел, чтобы эта статья была напечатана. Зачем поэту обвинять поэта в том, что он раболепствует перед коммунистической властью? Нам ли судить Пушкина в том, что он в один и тот же год <...> написал Стансы декабристам и стансы Николаю I? А ведь Мандельштам — до сих пор не написал ни одной оды коммунизму. Его книга, которую М. И. считает раболепством, объявлена в СССР контрреволюционной. Статья сильная, бьющая, задевающая — кстати сказать, очень логичная — по существу своему глубоко несправедлива. Пусть даже падение как человека (хотя я с этим не согласен) — но имя Мандельштама нечто большее для нас, чем просто человек. Статья М. И. касается еще души

Мандельштама — это больно. Ведь странно: “Мандельштам посмел назвать двуглавого орла — «птичкой» и царский проезд — «уличным путешествием»” — отсюда его гнусность. Я беру маленький факт, — по нему ты видишь несправедливость М. И. Есть факты действительно некрасивые, М. И. права — но я настаиваю на своем: нельзя об этом. Особенно поэту о поэте. Пусть этим занимаются не поэты. Кстати, все “не поэты” в эмиграции, прочтя эту книгу — не нашли ее “большевиствующей”. Нашел ее таковой первый — поэт и друг его. Но я — всё же — могу простить М. И. всё, только за те дивные песенные слова, которые рассыпаны в ее статье, — так же как сумел бы простить Мандельштаму всё — за прекрасные страницы его прозы — величайший эпос наших дней. Только — не надо печатать этой статьи» (печ. по копии Е. И. Лубянниковой. Опубликовано с не вполне исправным текстом: Revue des études slaves. 1992. T. 64. F. 2. P. 192–193).

Апреля 16. Запись П. Лукницкого о разговоре с Ахматовой: «Сказала, что Клюев, Мандельштам, Кузмин — люди, о которых нельзя говорить дурное. Дурное надо забыть» (*Acumiana 2.* С. 110).

Апреля 23. В рижской газете «Сегодня» — рецензия Ю. Айхенвальда на «Шум времени» (под загл. «Шум истории»). «Только недоумение испытываешь, когда мы читаем у него, что суть девяностых годов, это — за утренним чаем разговоры о Дрейфусе, споры о “Крейцеровой сонате”, смена дирижеров за высоким пультом стеклянного павловского вокзала, буффы дамских рукавов... Ясно, что наш ранний, наш преждевременный мемуарист свои личные, ни для кого не обязательные восприятия принял за объективный центр эпохи».

Апреля 24. Запись К. Чуковского: «Был я у Бена Лившица. То же впечатление душевной чистоты и полной поглощенности литературой. О поэзии он может говорить по 10 часов подряд. В его представлении — если есть сейчас в России замечательные люди, то это Пастернак, Кузмин, Мандельштам и Константин Вагинов. Особенно Вагинов. Он даже сочинил о Вагинове манифестальную статью для чтения в Союзе Поэтов и — читал ее мне. Он славит Вагинова за его метафизические проникновения. Странно: наружность у него полнеющего пожилого еврея, которому полагалось бы быть практиком и дельцом, а вся жизнь — чистейшей воды литератора. Между прочим, мы вспомнили с ним войну. Он сказал: — В сущности, только мы двое честно отнеслись к войне: я и Гумилев. Мы пошли в армию — и сражались. Остальные поступили как мошенники. Даже Блок записался куда-то табельщиком. Маяковский... но впрочем, Маяковский никого не звал в бой... — Звал, звал. Он не сразу стал пацифистом. До того, как написать “Войну и Мир”, он пел очень воинственные песни» (*Чуковского дневник.* С. 292).

Апреля вторая половина. Ялта. Письмо к отцу: «Уеду я, конечно, один и вышлю Наде из Москвы или из Петербурга на дорогу и на жизнь в Киеве, где она останется дней 10, т. к. по тамошней

у родителей обстановке и вообще в центре большого пыльного южного города оставаться нет смысла. Царское куда лучше и мне удобнее. Факт тот, что денег у меня в обрез, т. е. сейчас их нет вовсе, и лишь по возвращении — 10 мая, в Петербурге, спокойный за Надю, не спеша, с перспективой дешевого лета, я смогу все свои усилия на первом плане посвятить тебе» (*ПССиП.* Т. 3. № 92), и к нему же письмо Н. Мандельштам: «Милый деда! Слава богу, кончается мое крымское изгнание, и скоро мы будем в Петербурге» (*В переписке семьи.* С. 67).

Мая начало. Приехал из Ялты в Киев.

Мая 2. Запись П. Лукницкого: «Я спросил: “Мне очень интересно было бы узнать, какие существуют у Мандельштама отношения с Пушкиным?”. АА загадочно и достаточно неопределенно ответила: “Существуют. О, у Мандельштама есть тайная связь с Александром Сергеевичем... Но только в какой-то одной части и достаточно им преломленная...”» (*Acumiana 2.* С. 131).

Мая не позднее 6. В Лондоне вышла из печати книга Д. П. Святополк-Мирского «Текущая русская литература» («Contemporary Russian Literature»). Главка о творчестве О. М. — с. 259–260. Источник даты: рецензия от 8 мая 1926 г. (согласно ссылке в кн.: Мирский Д. П. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О. А. Коростелёва и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М.: «НЛО», 2014. С. 559).

Мая 7. В газете «Киевский пролетарий» напечатан очерк «Березіль».

Мая не позднее 10. Вышла книга А. Даудистеля «Жертва» в переводе О. М. (*Книл* № 20, 8–14 мая).

Мая около 10. Возвратился в Ленинград из Киева.

Мая 12. Рассказ Ахматовой Лукницкому о разговоре с С. Федорченко относительно ее поступка и письма О. М. к ней (*Acumiana 2.* С. 152). См. 1924, Июля 9.

Мая 16. В газете «Киевский пролетарий» помещен очерк «Сухаревка».

Мая 20. Запись П. Лукницкого: «Даже Дельвиг не мог сделать никаких указаний Пушкину! Правда, Пушкин иногда советовался с друзьями, но именно он сам просил. Да, и это бывало очень редко и очень скупо. И АА заговорила о том, кому из поэтов она не решилась бы сделать указания на какой-нибудь недостаток. Стала думать — Блок? Блоку, пожалуй, она могла бы сказать... Такого случая с ней не было, но она представляет себе, что он мог бы быть. Он поблагодарил бы и сказал — “Хорошо, я посмотрю потом”... Гумилев? Ну, ему АА неоднократно делала такие указания. Но вот Мандельштаму, например, АА никогда бы не могла сделать такого замечания. Совершенно не представляет себе, как бы она это сделала. “А Николай Степанович, — добавляет АА, — постоянно грыз Осипа — и даже очень любил его корить”» (*Acumiana 2.* С. 165–166).

Мая 27. В «Красной газете» (веч. вып.) помещен очерк «Киев» (часть I).

Мая конец или Июня первая половина. Возвращение Н. Мандельштам в Ленинград из Киева, см. Апреля вторая половина. Живут до середины сентября (приблизительно) в Детском Селе (в Китайской Деревне).

♦ Из воспоминаний: «Была я у Мандельштамов и летом в Китайской деревне, где они жили с Лившицами. В комнатах абсолютно не было никакой мебели и зияли дыры прогнивших полов. Для Осипа Эмильевича нисколько не было интересно, что там когда-то жили и Жуковский, и Карамзин. Уверена, он нарочно, приглашая меня вместе с ними идти покупать папиросы или сахар, говорил: "Пойдем в европейскую часть города", будто это Бахчисарай или что-то столь же экзотическое» (*Листки из дневника*. С. 199).

Июня 3. В «Красной газете» (веч. вып.) помещен очерк «Киев» (часть II).

Июня 3. В одесском журнале «Театральная неделя» помещен очерк «Березиль (К спектаклю в Одессе)».

Июня 9. В берлинской газете «Руль» помещен очерк «Киев» (часть II).

Июня 12–13. Ленинград. Запись П. Лукницкого: «Мандельштам здесь, но не подает о себе вестей. Прячется от АА, потому что должен деньги. АА не осуждает его за его нетактичность, за то, что он из-за денег прячется (а в этом нет чувства собственного достоинства)» (*Acumiana 2*. С. 183).

Июня 13. В нью-йоркской газете «Русский голос» помещен очерк «Киев» (часть II).

Июня 17. В «Красной газете» (веч. вып.) помещен очерк «Березиль (Из киевских впечатлений)».

Июня 18. Письмо Д. С. Усова — Е. Я. Архиппову: «В Петербурге видел еще: <...> О. Мандельштама (который больше совсем не пишет, а только переводит разные случайные книги и мечтает открыть ларек)» (*Усов 2011*. Т. 2. С. 390–391).

Июля 3. В «Красной газете» (веч. вып.) помещена статья «Жак родился и умер». Перепечатано: Журналист. 1927. № 6.

♦ Из откликов: Оксенов И. Мертворожденный Жак // Красная газета (веч. вып.), 13 июля.

♦ Запись П. Лукницкого, 8 июля: «Говорила о статье О. Мандельштама — "Жак родился и умер". "Прекрасная статья, — дышит благородством". АА говорит, что не может понять в Осипе одной характерной черты: статья по благородству превосходна. Но в ней Осип Мандельштам восстает, прежде всего, на самого же себя, на то, что он сам делал и больше всех. То же с ним было, когда он восстал на себя же, защищая чистоту русского языка от всяких вторжений других слов, восстал на свою же теорию, идею об итальянских звуках и словах в русском языке (его стихотворения — итальянские арии).

Трудно будет его биографу разобраться во всем этом, если он не будет знать этого его свойства — с чистейшим благородством восставать на то, чем он сам занимался, или что было его идеей» (*Acumiana 2.* С. 208–209).

Июля 9. Запись П. Лукницкого: «Ходасевич — умный и тонкий человек. <...> АА ставит резкую грань между одержимым “священным безумием” Мандельштамом и Ходасевичем, желчность и болезненность которого повлияла и на его психику» (*Acumiana 2.* С. 212).

Июля 9. Детское Село. Присутствует на крестинах Кирилла Лившица. Запись М. Кузмина от 9 июля: «Но поехали. Поезда нет и пришлось ждать час. Сумрачно. Впрочем, часам к 4 стало солнечно и ясно. У Лив<шицев> сплошь евреи. Мандели, теща Горлина. Даже держала ребенка жена Манделя. Уютная церковь, очень хорошая. Служили неплохо. Кирилл орал всё время. Старуха англичанка с внучком чинно стояла. Снобизм, конечно, но ничего. Потом обедали. Вышли гулять. Прелестно, но везде загородки. Лившицу импонирует, что вот он сидит на тех же скамьях, где сиживала “матушка Екатерина”. Ему дать дворцовое судно, и он будет счастлив. Чай пили. Опять горлинская теща. Мальчишка балован, невоспитан и хвастается, как полагается еврейскому “дитю” инфанту. Бабушка учит его молиться за англ<ийского> короля» (*РГАЛИ*. Ф. 232). См. 1925, Декабря 25.

♦ Из воспоминаний: «Там его [Кирилла Лившица] крестили. Кузмин и я — крестные. Кузмин издевался: жиденок и жидовка крестная» («Любил, но изредка чуть-чуть изменял». Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Подгот., публ. Т. М. Левиной. Примеч. Т. М. Левиной и А. Т. Никитаева // Philologica. 1997. № 4. С. 178).

♦ «1926. <...> Весна — Детское Село. Китайская Деревня. Ли<в>-шиц. Кузмин (истории из жизни испанского попа) у Ли[в]шица» (*Биоканва*. С. 958)

Июля 17. В «Красном журнале для всех» № 7 помещено стихотворение М. Бартеля «Птицы» в переводе О. М.

Июль. В журнале «Менора» («The Menorah Journal». Vol. XII. № 3, за июнь–июль) — статья В. Парнаха «В русском литературном мире» («In The Russian World of Letters»). «Оторванный совершенно от общественных движений своего времени, он [О. М.] накануне революции забавлялся в фантастических стихах воспеванием России как будущего Рима и восхвалением архитектурных красот католичества. Обладая умственными свойствами талмудического порядка и пламенно любя прошлое Европы, он находил радость в сооружении самых странных литературных построек, в сочетании наново различных цивилизаций, в разрешении сложных проблем эстетической формы. <...> В Европе он не видел ничего, кроме огромного музея. Не имея прямой связи с действительной жизнью Запада, как истинный житель Петербурга он искал ее в книгах. <...> Сильное влияние на него оказала патетическая манера французского

ложноклассицизма, особенно Расина. <...> Несмотря на попытки усвоить манеру Пастернака, он всегда отстает от времени» (пер. с англ. Б. А. Филиппова? — Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. / Ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппов. Нью-Йорк: «Международное лит. содружество», 1969. Т. 3. С. 399–400).

Августа 8. В парижской газете «Дни» — продолжение мемуара В. Ходасевича «О Блоке и Гумилеве». «На Пасхе вернулся из Москвы в Петербург один наш с Гумилевым общий приятель, человек изрядного таланта и великого легкомыслия. Жил он, как птица небесная, и имел удивительное свойство — облипать всякими проходимцами. Провокаторы и шпионы к нему так и льнули: про писателей очень много можно было узнать через него. Вот и теперь привез он из Москвы нового своего друга. <...> Словом, не могу утверждать, что этот человек был главным и единственным виновником гибели Гумилева, но после Гумилевского ареста он исчез, а во мне окрепло убеждение, что это был провокатор. Уже за границей я узнал от осведомленного лица, что показания этого человека фигурировали в гумилевском деле и что он сам был подослан. Так легкомысленный наш приятель, сам того не подозревая, стал одной из причин гибели Гумилева. Еще за год до этого старый друг Гумилева, превратившийся в коммуниста, Сергей Городецкий, сделал на него первый донос: напечатал в советской газете и по всем стенам Петербурга расклеил частное письмо Гумилева, дружески и доверчиво обращенное к нему, Городецкому».* См. также 1921, Мая 1.

Августа 10. В «Красной газете» (веч. вып.) помещен очерк «Московский Государственный Еврейский театр».

Лето. Письмо к отцу из Детского Села (Китайской Деревни) в Ленинград. С просьбой приехать (*ПССиП*. Т. 3. № 93).

Сентября 6. «Выплачено за перевод книги Шницлера — 100 р.» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 166).

Сентября около 20. Отъезд жены в Коктебель. Живет в Китайской Деревне.

Сентября 23. Письмо к жене в Коктебель. Сообщает о подготовке снятой в Детском Селе (в Лицее) квартиры к вселению (*ПССиП*. Т. 3. № 94).

Сентября 25. Письмо к жене в Коктебель (*ПССиП*. Т. 3. № 95).

Сентября 26. Письмо к жене. Сообщает служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 96).

Сентября 26. Письмо П. Н. Лукницкого — Е. Я. Архиппову: «24-го ездил в Ц<арское> С<ело>. <...> Там живут сейчас: А. Ахматова,

---

* Под «приятелем» у Ходасевича выведен Мандельштам, под «новым другом» — В. А. Павлов, флаг-секретарь наркома морских сил контрадмирала А. В. Нёмитца. Подозрения Ходасевича относительно Павлова в дальнейшем подтверждения не получили, об этом писала Н. Мандельштам (*Вторая книга*. С. 87–88).

О. Мандельштам, Б. Лившиц, Б. Лавренев и др.» (*РГАЛИ*. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 3).

Сентября не позднее 29. Вышла из печати книга: Бласко Ибаньес В. Земля для всех. / Пер. с исп. Д. Выгодского. Л.: «Прибой», [1926]. Источник даты: *Книл* № 40, 27 сент.–3 окт. См. рецензию О. М.: *ПССиП*. Т. 3. С. 146.

Октября 1. Письмо к жене в Коктебель. Сообщает семейные и служебные новости, о состоявшемся переезде из Китайской Деревни в Лицей. «Заходила на минутку на днях в Кит[айскую Деревню] Анна Андр<еевна>. Отдала твою розовенькую шаль и, испугавшись тет-а-тета, вскочила и убежала» (*ПССиП*. Т. 3. № 97).

Октября 3. Письмо к жене. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 98).

Октября 3. В парижской газете «Дни» перепечатаны две главы из «Шума времени» («Тенишевское училище», «Эрфуртская программа»).

Октября 5. Получил справку Ленотгиза о заработке за июнь, июль (для финорганов) (*Архив Мандельштама*).

Октября около 5–6. Письмо к жене в Коктебель. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 99).

Октября около 7. Письмо к жене. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 100).

Октября около 10. Письмо к жене. Сообщает семейные и служебные новости. «Захожу в магазинчик купить носки — и хлоп! — ГПУ ищет там контрабанду. Меня продержали 3 часа и даже вывернули мои карманушки, где была по обыкновению всякая дрянь. Я, волнуясь, мешал агентам работать и требовал, чтоб меня отпустили, цитируя свое звание и показывая за неимением документа книги из Госиздата (?)» (*ПССиП*. Т. 3. № 101).

Октября около 11. Письмо к жене. Сообщает семейные и служебные новости (*ПССиП*. Т. 3. № 102).

Октября 12. Телеграмма жене (*ПССиП*. Т. 3 № 103).

Октября 13. Телеграмма жене (*ПССиП*. Т. 3. № 104).

Октября вторая половина. Письмо к жене. Сообщает семейные и служебные новости. «Положение сильно улучшилось, хотя Бены, заброшенные Горлиным, жалуются и кряхтят. Их кормит прислуга Шура» (*ПССиП*. Т. 3. № 105).

Октября 19. Запись Д. Выгодского: «Кажется, сегодня получаю службу в “Прибое” — завед. иностр. подотделом. Рублей 150» (Семейный архив Выгодских).

Октября конец. Письмо к жене в Коктебель. «Мои дела хороши. Сегодня “Прибой” должен был утвердить мои новые договоры, но заседание не состоялось» (*ПССиП*. Т. 3. № 106).

Октября 31. В парижской газете «Дни» перепечатано (из журнала «Новая Россия» № 1) стихотворение «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...».

Ноября начало. Письмо к жене в Коктебель. Сообщает семейные и служебные новости. «Квартира наша в Лицее еще не устроена» (*ПССиП*. Т. 3. № 107).

Ноября 5. Телеграмма и письмо к жене (*ПССиП*. № 108 и 109).

Ноябрь, 10–15. Письмо Р. Иванова-Разумника — А. Белому из Детского Села: «В эту осень в Царское Село вообще потянулись петербуржцы, и почему-то особенно писатели. Сологуб уехал, но в его комнатах теперь живет Ахматова, с декабря будет жить Шишков, в Лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Подгот. текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410).

Ноября середина. Возвращение Н. Мандельштам из Коктебеля в Ленинград (см. Ноября 18). Живут в Детском Селе, в здании Лицея.

Ноября 18. Виза редактора на рецензии книги: Cohen R. Out of the Shadow (*ПССиП*. Т. 3. С. 657).

Ноября 18. «Вечером к А. А. заходили Мандельштамы» (*Acumiana 2*. С. 223).

Ноябрь, 23–24. Запись П. Лукницкого: «Мандельштам ездил к Як. — активный, а с бумагой от него к тому, кто не хотел ехать» (*Acumiana 2*. С. 227. Сокращение в источнике не раскрыто).

Ноября не позднее 24. Вышла из печати книга Б. Лекаша «Радан Великолепный» в переводе и с предисловием О. М. (*Книл* № 48, 22–28 нояб.).

♦ Из откликов: Н. Н. Антисемитская литература в издании Гиза // На лит. посту. 1927. № 1. С. 77 (цитируется «официальный отзыв» А. А. Покровского о книге).

Декабря не позднее 8. Вышла из печати книга: Перго Луи [Pergaud Louis]. Рассказы о животных. Пер. с франц. Е. Филипповой под ред. Д. М. Горфинкеля. [Предисл. к рус. изд. О. Мандельштама]. М.; Л.: ГИЗ, 1927 [1926] (*Книл* № 50, 6–12 дек.). См. *ПССиП*. Т. 3. С. 166–167.

Декабря не позднее 15. Вышла книга А. Шницлера «Фридолин» в переводе О. М. (*Книл* № 51, 13–19 дек.).

Декабря 26. Справка о рентгеноскопии О. М. (*Архив Мандельштама*).

Конец года — 1927, Начало года. Вышла из печати книга: Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии / Ред. Г. Петников. [Харьков]: ГИЗ Украины, 1926. Включены выполненные О. М. переводы стихотворений М. Бартеля, Ф. Верфеля, А. Лихтенштейна, Р. Шикеле. Зарегистрирована в изд.: Літопис книг : Орган держ. бібліографії Української РСР. Харків: Вид-во Кн. палати УРСР, 1927. № 19 (14 мая).

Зима 1926/1927 года. Из письма Д. С. Усова к Е. Я. Архиппову: «Занимаюсь писанием биографий для Словаря [«Писатели современной эпохи»]. У меня вот кто: Ю. Анисимов, И. Анненский, П. Антокольский, Е. Архиппов, А. Ахматова, Балтрушайтис, Батюшков Ф. Д. (проф<ессор>), Блок, Ю. Верховский, Ч<ерубина> де Габриак (если позволит), Э. Голлербах, М. Л. Гофман, А. С. Грин, Л. П. Гроссман, В. Жирмунский, А. Звенигородский, М. Зенкевич, В. Кривич, А. Лозина-Лозинский, М. Лозинский, О. Мандельштам, В. Мозалевский, П. Муратов, И. Одоевцева, Б. Пастернак, М. Пантюхов, А. Печковский, Л. Рейснер, Дм. Рем, О. Рождественская (Добиаш), Вс. Рождественский, <...> А. А. Смирнов (проф<ессор> зап<адной> лит<ературы>), К. Случевский, Вера Станевич, И. Эренбург, М. Цветаева. <...> Это очень, очень приятная работа» (*Усов 2011.* Т. 2. С. 372). См. 1928, Сентябрь, вторая половина.

Зима 1926/1927 года. В Лицее знакомится с Владимиром Яхонтовым и Лилей Поповой.

♦ Из воспоминаний Е. Поповой: «Они жили тут же в северной половине Лицея. Однажды, привлеченный тем, что кто-то с увлечением читает передовую газеты “Правда”, О. М. постучал к нам в дверь и попросил папирос. <...> Мандельштам собирал в это время книгу своих стихов. Мы рассказывали ему о нашей работе и показывали куски в рабочем плане. Это был взволнованный, страстный слушатель, весь закипал. Очень интересно говорил и, запрокинув голову, расхаживая, читал свои стихи. Часто по-мальчишески хулиганил» (*После Воронежа.* С. 74; *Видгоф 2012.* С. 339–340).

♦ Из воспоминаний Н. Мандельштам: «Когда мы познакомились с Яхонтовым, который оказался нашим соседом через стенку в лицее (Царское Село), Мандельштам сразу приступил к делу и стал искоренять актерские интонации в его композициях в прозе, а главным образом в стихах. С Маяковским Яхонтов более или менее справлялся, потому что слышал на вечерах авторское чтение, но Пушкина читал по Малому или Художественному театрам. Мандельштаму понравился Гоголь и Достоевский в голосе Яхонтова, а сам Яхонтов показался не актером, а “домочадцем литературы”, который так проникся Акакием Акакиевичем и Макаром Девушкиным, что стал их живым представителем в новой жизни. С тех пор пошла дружба и непрерывная работа над чтением стихов» (*Вторая книга.* С. 261).

1927

Января 1. «1 января <19>27 года в Лицее» (*Биоканва.* С. 958).

Января 7. Виза редактора на внутренней рецензии на книгу: Lunel A. Niccolo-Peccavi, ou l’Affaire Dreyfus à Carpentras (*ПССиП.* Т. 3. С. 658).

Января 8. Виза редактора на внутренней рецензии на книгу: Machard A. Printemps sexuels (*ПССиП.* Т. 3. С. 658).

Января 10. Секретарь Отдела словесных искусств ГИИИ Б. В. Казанский обращается к руководителю издательства «Academia» А. А. Кроленко с просьбой выплатить О. М. аванс на сборник его статей «О поэзии» (*Двинятина, Мец.* С. 6).

Января 11. Виза редактора на внутренней рецензии на книгу: Thiess F. Das Tor zur Welt (*ПССиП.* Т. 3. С. 658).

Января не позднее 22. Вышла книга А. Доде «Тартарен из Тараскона» в переводе О. М. (*Книл* № 5, 24–30 янв.). Второе издание: *Книл* № 26, 20–26 июля).

Января 24. Подал заявление о приеме во Всероссийский Союз поэтов (*ПССиП.* Т. 3. С. 593). Помета Лукницкого: «Принят в действ. члены. Засед. правления 28 / I 1927» (Там же. С. 865).

Января 27. Письмо В. А. Рождественского — Е. Я. Архиппову: «О. Э. Мандельштам живет сейчас в Царском, в здании Лицея. Очень доволен снежной тишиной, много читает — главным образом немецких романтиков. Мы с ним видимся во время его приездов в Петербург» (*РГАЛИ.* Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 24).

Февраля 2. Запись дневника А. А. Кроленко: «Звонит Казанск<ий> (просит денег для Мандельштама). Я категорически заявляю, что денег у нас нет. <...> На приеме: 1) [Ю. Н.] Тынянов показыв<ает> рукопись Мандельшт<ама> и тоже поддерж<ивает> его просьбу о деньгах» (*РНБ.* Ф. 1120).

Февраля 3. Москва. Д. С. Усов читает в Историческом музее доклад о современной русской поэзии в переводах на немецкий язык, о чем сообщает в письме Е. Я. Архиппову (февраль 1927): «Я делал в Неофилологической Библиотеке (в Историческом Музее) доклад о современной русской поэзии (на немецком языке) (3.II). Доклад сопровождался чтением моих стихотворных переводов русских поэтов на немецкий язык. Были представлены Брюсов, Блок, Пяст, Ахматова, Гумилев, Комаровский, Цветаева, Шервинский, Мандельштам, Орешин, Есенин, Эренбург и Тихонов» (*Усов 2011.* Т. 2. С. 417).

Февраля 5. Из дневника М. Кузмина: «В “Академии”* был скандал с Осипом Мандельштамом» (*РГАЛИ.* Ф. 232).

Февраля 10; 1932, Октября 7. Г. Е. Горбачев в письмах к Г. Левичу в Саратов цитирует стихи О. М. (*Тименчик 2011.* С. 393).

Февраля 14. Запись дневника А. А. Кроленко: «Казанск<ий> получает 50 р. для Мандельшт<ама>» (*Двинятина, Мец.* С. 7).

Февраля 24. Составлен договор с издательством «Academia» на издание книги «О поэзии» (для серии Общества изучения современной литературы при Государственном Институте истории искусств). Запись дневника А. А. Кроленко: «Казанский и Тынянов. Главный разговор насчет Мандельшт<ама>. Я составляю договор на его книгу» (Там же).

---

* Издательство «Academia».

Февраля 25. Запись дневника А. А. Кроленко: «Казанск<ий> берет 50 р. для Мандельшт.» (Там же).

Февраля 25. Договор Н. Я. Хазиной (Мандельштам) с Ленотгизом на перевод книги Розы Когэн «Сквозь ночь» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 560).

Февраль (?). Поездка на Северный Кавказ (Кисловодск и Ессентуки), см. Марта 20 и Мая 22.

Марта не позднее 2. Вышла книга А. Ландсбергера «Эмиль. Роман авантюриста» в переводе И. Гринберг под ред. О. М. (*Книл* № 10, 28 февр.–6 марта).

Марта 3. И. Эренбург сообщает П. П. Сувчинскому в Париж адрес О. М.: «Лицей, кв. 7. Детское Село» (*Фрезинский 2005.* С. 287).

Марта 6. Присутствовал на диспуте «Марксизм и формальный метод» в зале бывшего Тенишевского училища. См. Марта 10.

Марта 10. Запись дневника Б. М. Эйхенбаума: «Встретил сегодня на улице О. Мандельштама, который очень взволнован диспутом и хочет повидаться — “общее дело”, говорит» (*Тоддес 1986.* С. 98). См. Марта 6.

Марта 20. В журнале «“Экран” Рабочей газеты» № 12 напечатан очерк «Кисловодск весной».

Апреля 12. Заключил договор с Ленотгизом на перевод книги А. Доде «Набоб». Срок: к 1 июня 1927 г. Адрес: Детское Село, Лицей, № 7 (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 92).

Апреля не позднее 20. Вышла из печати книга: Дюамель Жорж. Письма к моему другу Патагонцу / Пер. с франц. О. Мандельштама; предисл. Виктора Сержа. М.; Л.: ГИЗ, 1927 (*Книл* № 17, 18–24 апр.).

Апреля 21. Заключил договор с издательством «Прибой» на издание своей книги «Похождения Валентина Гаркова» (по выходе — «Египетская марка»). Объем 8 печатных листов. Гонорар 200 р. Срок представления: частями по 1½ печ. л. ежемесячно. Примечание: «подписан, но не взят автором» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 560. Л. 5–6, 15).

Апреля 26. Цензорская виза на верстке книги «О поэзии»: «К печатанию препятствий нет» (*ИРЛИ.* Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 636).

Апреля 30. Заключил договор с издательством «Прибой» на перевод (совместно с Д. И. Выгодским) книги: Барбюс Анри. Злая луна (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 560).

Апреля 30. Заключил договор с издательством «Прибой» на перевод книги А. Барбюса «Рассказы» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 560. Л. 21–22).

Мая 1. Прибыл в Москву. Недатированное письмо Б. В. Горнунга — жене: «Вчера приехали в Москву Мандельштам и Лившиц. Всё время возимся с ними (я и Ал. Ильич [Ромм]), всю ночь были у Асеева. <...> Утром был с Мандельштамом у Пастернака. <...>

Манд<ельштам> и Ливш<иц> приехали-то собственно с “коммерческими” целями. <...> Манд<ельштам> же пишет для “К<омсомольской> Правды” какую-то мудреную статью деньги уже получил), то же и в ЗИФе» (*Горнунг Б. Заметки*. С. 159. Датировано 11-м мая в: *Поход времени*. С. 398).

Мая 2. Москва. Дарственная надпись М. А. Зенкевичу на «Шуме времени»: «Дорогому Михаилу Зенкевичу эту никчемную и ненужную книжку» (*Инскрипты*. С. 212).

Мая 3. Москва. Заключил договор с издательством ЗИФ на «редактированное им произведение Ш. де Костера “Тиль Уленшпигель”». Срок представления: 10 июля 1927 (письмо Д. Заславского — А. Горнфельду от 18 мая 1929 г. — *РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 3).

Мая 6. Д. С. Усов выступает в прениях по докладу И. Р. Эйгеса «Блок и Полонский» в ГАХН. Из протокола: «В докладе убедительно установлены следы общения Блока с Полонским. <...> Отдельные возражения встречают следующие моменты: 1. Проведение темы Дон Жуана на северном фоне шире и интереснее объяснено О. Мандельштамом: литературные образы Дон Жуана и Кармен возводятся в степень мифа» (*Усов 2011*. Т. 1. С. 485, со ссылкой: *РГАЛИ*. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 47. Л. 32). Усов имеет в виду статью О. М. «А. Блок», см.: *ПССиП*. Т. 2. С. 90.

Мая 15. В газете «Комсомольская правда» помещено стихотворение М. Бартеля «Призыв» в переводе О. М.

Мая 22. В журнале «“Экран” Рабочей газеты» № 21 напечатан очерк «Ессентуки».

Мая 23. Второй (за май) приезд в Москву. По письму Б. В. Горнунга к жене 23–24 мая, О. М. «приехал во второй раз, на этот раз даже с женой». Б. Горнунг видит О. М. и Н. Мандельштам в ЗИФе; описывает посещение квартиры Горнунгов на Балчуге и сочинение шуточного стихотворения «У вас в семье нашел опору я...». «Мандельштам считает, что в ЗИФе надо укрепляться как можно прочнее. Слияние его с ГИЗом во всяком случае откладывается до 1 января, а дальше загадывать нечего» (*Горнунг Б. Заметки*. С. 159–161; *Поход времени*. С. 400–401).

Мая 26. Москва. Записал в альбом А. Крученых: «Останься пеной Афродита И слово в музыку вернись!* О. М.» (*РГАЛИ*. Ф. 1893. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 14).

Мая 28. Москва. Э. Миндлин встречает О. М. в день своего отъезда в Феодосию и записывает в дневнике: «Перед отъездом в субботу встретил великого Мандельштама. Как поседел и облысел этот благороднейший из прекраснейших поэтов. Он был с женой — она поправилась. “Вид его ужасен”**. Мы успели обменяться несколь-

* Из стихотворения «Раковина».

** Аллюзия на слова Пушкина о Петре Великом из «Полтавы»: «Лик его ужасен».

кими словами — подошел трамвай<,> которого они ждали<,> но среди немногих сказанных слов было нежнейшее из них: Феодосия! Феодосия дала мне постижение Мандельштама и тем оправдала свое названи<е>.

“Тео-досия” называл ее [А. С.] Соколовский — богоданная!» (*Видгоф 2015*. С. 176–177).

Мая 29. Москва. Из письма Б. В. Горнунга — жене: «У [М. Д.] Эйхенгольца сидел <...> очень долго <...> тут были некоторые разговоры между Мандельштамом и ими, между мной и Мандельштамом. <...> Дело идет о том, чтобы возобновить эйхенгольцевский проэкт многотомной хрестоматии от средних веков до наших дней <...>. Мы собираемся насесть с этим на Нарбута, когда он вернется (к осени) <...> решили, чтобы делать всё по возможности без академиков» (*Горнунг Б. Заметки*. С. 161; *Поход времени*. С. 401). В своих поздних воспоминаниях Б. Горнунг писал об этом проекте несколько иначе: «В мае 1927 г. я должен был быть в Гослитиздате у В. И. Нарбута вместе с Мандельштамом, Бенедиктом Лившицем и Михаилом Зенкевичем по поводу составленного Мандельштамом и Лившицем [плана] обширного массового издания сокращенных переводов западных классиков (план не осуществился из-за резкого протеста ленинградской группы — Томашевского, Жирмунского, Эйхенбаума, Тынянова, считавших это предприятие “халтурой”)» (*Горнунг Б. Заметки*. С. 153).

Мая последние числа — Июня первые числа. Москва. Письмо к А. Э. Мандельштаму в Армавир. «Мы с Надей уже неделю в Москве и сегодня возвращаемся домой, справившись с издательскими делами. Кажется, намечается возможность через месяц махнуть на юг, и мы хотели бы взять курс через Армавир и осесть где-нибудь поблизости (лучше не у моря; напр<имер>, в Нальчике) <...> Бескин очень милый человек. Нарбут идет в гору. Гиз московский — дик и странен, как персидское посольство» (*ПССиП*. Т. 3. № 110).

♦ Справка. В 1926–1927 гг. А. Э. жил в Армавире и работал в местном отделении КОГИЗа (*В переписке семьи*. С. 51). КОГИЗ — Книготорговое объединение государственных издательств.

Май. Из письма Ю. Тынянова — В. Шкловскому: «Недавно я читал Вазира [«Смерть Вазир-Мухтара»] <...> Осипу Мандельштаму. Он говорил, что это сценарий — как комплимент» (Цивьян Ю., Тоддес Е. «Не кинограмота, а кинокультура» // Искусство кино. 1986. № 7. С. 97).

♦ Из воспоминаний: «Однажды вечером пришли к нему [Тынянову] Мандельштамы — Осип Эмильевич с женой. Видел я их тоже впервые. <...> Юрий Николаевич предложил почитать из “Смерти Вазир-Мухтара”. То была сцена, когда Николай I принимает в Зимнем дворце Грибоедова, только что вернувшегося из Персии. Когда главка была прочитана, Мандельштам заметил, что это ему напоминает исторические балеты. Юрий Николаевич не согласился с этим сравнением; оно ему явно не понравилось, и он как-то потерял

интерес к чтению» (Федоров А. В. Фрагменты воспоминаний // Воспоминания об Ю. Тынянове. М., 1983. С. 99). Ср.: «Мандельштам якобы сказал про тыняновского “Вазир-Мухтара” — это балет» (*Гинзбург ЗК.* С. 44).

Июня 6. Ленинград. Мандельштамы у Ахматовой. П. Лукницкий записывает сведения, относящиеся к долгу О. М. — Рыбакову (*Acumiana 2.* С. 266–267).

Июня 7. Взрыв (теракт) в Ленинградском партийном клубе (Мойка, 59).

♦ Из воспоминаний: «Я запомнила разговор с Ивановым-Разумником в середине двадцатых годов. Он тоже жил в Детском Селе, и однажды мы к нему зашли. За несколько дней до нашей Встречи в “Деловом клубе” в Ленинграде взорвалась бомба. Иванов-Разумник был по этому поводу в приподнятом настроении и очень удивился, что Мандельштам не разделяет его радости. Наконец он прямо спросил, чем объясняется такое равнодушие к столь важному событию: “Значит, вы против террора...” Мандельштам, разговаривая о мировоззренческих вещах, не имевших отношения к поэзии или философии, всегда как-то тускнел. Искренно удивленный Иванов-Разумник осведомился, как Мандельштам расценивает подвиги террористов прошлого, казнь Александра Второго например, и преисполнился чем-то очень похожим на презрение, узнав, что Мандельштам последовательно отрицает всякий террор, против кого бы он ни направлялся» (*Вторая книга.* С. 22–23).

Июня 21. В № 25 журнала «Советский экран» помещен очерк «Я пишу сценарий».

Июнь. В № 6 журнала «Новый мир» помещено стихотворение «Цыганка» («Сегодня ночью, не солгу...»).

Июля 3. В журнале «“Экран” Рабочей газеты» № 31 помещен очерк «Яхонтов».

♦ Отклик — в журнале «Смехач» № 34 (сент.), в рубрике «Тараканы в тесте» (с. 10): «Поэт О. Мандельштам (“Экран”, № 31) восторженно описывает творчество артиста Яхонтова:

Показывая, как портной Петрович облачает Акакия Акакиевича в новую шинель, Яхонтов читает бальные стихи Пушкина — “Я черным соболем одел ее блистающие плечи”, подчеркивая этим убожество лирической минуты.

Мы же полагаем, что артист, иллюстрирующий гоголевскую “Шинель” стихами Пушкина, “подчеркивает этим убожество” своего художественного вкуса, приставляя, по примеру одной из героинь Гоголя, губы Никанора Ивановича к носу Ивана Кузьмича».

Июля 5. Письмо В. А. Рождественского — Е. Я. Архиппову: «Здесь, в городе, большое затишье. Я часто бываю в Царском Селе, у Н. Н. Анциферова и у О. Э. Мандельштама. <...> Сейчас я живу преимущественно в Павловске, но бываю часто и в городе» (*РГАЛИ.* Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 38).

Июля около 10. Москва. Записка М. Зенкевичу: «Я увожу с собой “Уленшпиг<еля>”. В среду высылаю его спешной почтой на твое имя в “Зиф” обратно» (*ПССиП*. Т. 3. № 111). См. Мая 3.

Июля 15. Письмо Д. С. Усова — Е. Я. Архиппову: «Он [Вс. Рождественский] сообщает о Мандельштаме, который живет в Царскосельском лицейском флигеле и пишет повесть, “так странно перекликающуюся с Гоголем «Портрета»”» (*Усов 2011*. Т. 2. С. 450). Речь идет о «Египетской марке».

Июля 27. Москва. Запись Э. Миндлина: «Видел [26-го] Пяста. Несчастный вид. Талантливейший человек. Пропадает. Пяст: завтра приезжает Мандельштам» (*Видгоф 2015*. С. 177).

Августа 7. Письмо В. Я. Шишкова — В. И. Нарбуту. «И еще просьба. Поэту Мандельштаму вы дали какую-то редакционную работу. Он находится в тех же территориальных условиях, как и Разумник Васильевич — т. е. в Детском Селе — не будете ли добры поддержать и Р. В. Иванова» (*ИМЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 3).

Августа не позднее 10. Вышла из печати книга: Барбюс Анри. Злая луна / Пер. с франц. Д. Выгодского и О. Мандельштама. Л.: Прибой [1927] (*Книл* № 33, 8–14 авг.).

Августа 10. В «Красной газете» (веч. вып.) помещено решение Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). «...Желая дать выход загнавшим себя в тупик лидерам оппозиции <...> предложив им принять ряд элементарных условий <...>: 1) отказаться от полупораженческой теории т. Троцкого перед лицом угрозы войны (тезис т. Троцкого о Клемансо), стать на путь безусловной и безоговорочной защиты нашего социалистического отечества от империализма и осудить оппозиционную клевету о термидорианском перерождении нашего партийного и советского руководства».

Августа 10. Москва. Записка Н. И. Бухарина — А. Б. Халатову от 10 авг. 1927 г. с просьбой «переговорить» с О. М. и оказать ему содействие в издании книги стихотворений, сопроводительная к ней записка Н. Бухарина к О. М. (*Галушкин 2008*. С. 177–180).

Августа 18. Заключил договор с Ленотгизом на издание «Стихотворений». Адрес: Детское Село. Лицей, № 7 (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 92. Л. 12).

Август. В журнале «Звезда» № 8 помещено стихотворение «Я буду метаться по табору улицы темной...». Запись П. Лукницкого, 30 окт.: «Стихотворение О. Мандельштама: “Из табора улицы темной...”, напечатанное в “Звезде” № 8, совсем не понравилось АА. Сказала: “Совсем барочное (от слова “барокко”) стихотворение”. Определяя так стихотворение, АА хотела сказать, что в нем всё условно, всё необязательно и может быть заменено. Согласилась и с тем, что это стихотворение — перепев самого себя» (*Acumiana 2*. С. 300).

Сентября 1. Записка А. Б. Халатову: «Сообщаю Вам, как Вы мне предложили через В. И. Нарбута, краткие сведения о прохождении моей книги [стихов] в Госиздате» (*ПССиП*. Т. 3. № 112, см. также с. 790).

Сентября 8. Письмо Д. С. Усова — Е. Я. Архиппову: «Не знаю, говорил ли я, что прочел совершенно смехотворную и беспомощную книгу Э. Голлербаха о Царском Селе: “Город Муз”. Изумляюсь, что могли найти в ней Вс. Рождественский и О. Мандельштам. Вероятно, они просто принимают ее как книгу о Царском» (*Усов 2011.* Т. 2. С. 459). В вышедшей незадолго до письма книге Голлербаха значительное место занимает Гумилев (с. 56–64, фамилия не названа), а также Ахматова (с. 64–69); на с. 69 говорится об О. М.

Сентября не позднее 14. Вышли из печати книги: Гюго Виктор. Девяносто третий год / Пер. с франц. М. А. Шишмаревой. Предисл. О. Мандельштама. 2-е изд. М.; Л.: ГИЗ, 1927; Эрман А. Марионетка: Роман из быта киноактеров / Пер. с франц. Ю. Султанова; [Предисл. к рус. изд. О. Мандельштама]. Л.: [Гос. изд-во, 1927]. Источник даты: *Книл* № 38, 12–18 сент.

Сентябрь. В № 17/ 18 журнала «На лит. посту» — статья В. Саянова «К вопросу о судьбах акмеизма». «“АКМЕИЗМ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ”. Ежели верно утверждение о том, что первоочередное литературное наследие — наследие эпох подъема буржуазии, то я, на основании заполненной мной краткой анкеты, требую зачисления по той же графе акмеизма. Буржуазная природа акмеизма и личная судьба его вожаков меньше всего нас должны смущать при этом: любому здравомыслящему человеку вполне понятно, что и Пушкин никогда не был коммунистом. Эпигонской поэзии конца девятнадцатого века символисты противопоставили совершенно иное отношение к слову: любовь к необычным словосочетаниям, к “красивым, часто бессодержательным словам” была естественной реакцией на крайности эпигонской поэзии, жившей совершенно утратившими остроту словосочетаниями, превратившейся в “поэзию штампов”. Два десятилетия символизма, изменив отношение к стиху, как это ни странно, подготовили реставрацию классической поэзии. Если, как это доказал Жирмунский (“Валерий Брюсов и наследие Пушкина”), обращение символистов к родникам классицизма было неудачным, то три крупнейших поэта акмеизма — Гумилев, Ахматова и Мандельштам — сумели овладеть реалистическим методом классической литературы. Выше было показано, в силу каких социальных предпосылок случилось это превращение. В этом отношении характерны, прежде всего, высказывания самих акмеистов. <…> Впрочем, вопрос об истинном отношении акмеистов к наследию Пушкина ждет еще своего исследования, аналогичного тому, которое сделал с Брюсовым Жирмунский. Однако и сейчас можно утверждать, что реалистичность показа мира, точное значение вещей — несомненное устремление к эпосу, — вот качества, которыми мог похвастать акмеизм, и в которых больше всего нуждается современная поэзия. Правда, все те достоинства, которыми обладали акмеисты, есть и в классической поэзии, но следует помнить, что акмеизм учел сложные события истории русского стиха, которые

случились после Пушкина, в частности, вобрал в себя наследие символизма» (с. 19).

Сентябрь (?). Записка Д. И. Выгодскому. «Оставляю вам перевод Розы Коген, сделанный Над<еждой> Як<овлевной> и просмотренный мною» (*ПССиП*. Т. 3. № 113). См. 1928, Февраля не позднее 22.

Октября 8. Из письма В. А. Рождественского к Д. С. Усову по поводу стихотворения Усова «Немецкий роман»: «Это пленительно, хотя и безбожный Мандельштам» (*Усов 2011*. Т. 1. С. 561, со ссылкой: Архив и коллекция документов М. А. Торбин в Доме-музее Марины Цветаевой в Москве).

Октября 19. Сдал авторский оригинал «Стихотворений» в Ленотгиз (*Двинятина, Мец*. С. 6).

Октября 20-е числа — Декабря начало. «Осень — поездка в Сухум и Армавир к А<лександру> Э<мильевичу>» (*Биоканва*. С. 959). См. Мая последние числа — июня первые числа.

Октября 30. К. Чуковский записывает рассказ М. Зощенко о «Сентиментальных повестях»: «Знаете, Осип Мандельштам знает многие места из моих повестей наизусть — может быть, потому, что они как стихи. Он читал мне их в Госиздате» (*Чуковского дневник*. С. 338).

Ноября 5. Записка заведующего учетно-операционной частью Ленотгиза И. М. Лихницкого: «И. С. Гефту. По договору с О. Э. Мандельштамом № 423 / 1927 г. труд его “Собрание стихотворений” находится в производстве. В настоящее время автор находится в Сухуме в очень тяжелом материальном положении и обратился к нам с просьбой о выдаче ему в счет 30% по означенному договору (что составляет примерно рб. 610) рб. 150. Просим Вашего разрешения на означенную выдачу. Зав. учетно-операционной частью (Лихницкий). 5 ноября 1927 г.» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 35. Оп. 1 Ед. хр. 558. Л. 157).

Ноября 7. Празднование 10-й годовщины Октябрьской революции. Разгон колонн «объединенной оппозиции» в поддержку Л. Троцкого и Г. Зиновьева в Москве и Ленинграде.

Декабря 5. Кончина Ф. К. Сологуба.

Декабря 6. «В РАНИОНе (Секция новой русской литературы). 6 декабря в подсекции новой русской литературы Института литературы и языка состоялся доклад Н. Н. Фатова “Проблема классификации новой русской литературы”». Из классификации: «1. Пролетарские писатели <...> 3. Левые попутчики: Романов, Леонов, Лавренев, Бабель <...> 4. Правые попутчики: Пильняк, “Серапионы”. 5. Буржуазные писатели: нео-классики, акмеисты и друг. <...> Антисоветские писатели: М. Булгаков» (Читатель и писатель. 24 дек. С. 6).

Декабря 11. Сообщает П. Лукницкому названия своих стихотворений, посвященных Ахматовой (*Acumiana 2*. С. 327).

Декабря 17. «Поэт О. Мандельштам изменил стихам и написал роман, рисующий распад буржуазного семейного быта в эпоху Керенщины. Роман написан в остро-сатирическом тоне.

Название — “Египетская марка”» (Вечерние известия. Одесса. 17 дек. С. 4. В рубрике «Книга сегодня и завтра»).

Декабрь. В журнале «На лит. посту» № 22/23 (нояб.–дек.) анонс: «О. Мандельштам выпускает новый роман “Египетская марка”. Роман из эпохи керенщины» (с. 153).

Декабрь. В краковском журнале «Современное обозрение» («Przegląd Współczesny») № 68 помещена статья С. Ю. Кулаковского (S. Kułakowski) «Русская поэзия XX века (1890–1925)» («Poezja rosyjska wieku XX (1890–1925)»). «Анна Ахматова и Осип Мандельштам внимательно изучают русских классиков, Пушкина и Боратынского, что не остается без влияния на их творчество <...> свободный от экзотизма, чувствительный только к красоте Эллады и России, он [Мандельштам] упорно оттачивает стих, достигая исключительной скупости в сфере поэтической техники:

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста*».

1928

«Зима 27/28 года — Лицей. Египетская марка. Обработки для ЗИФа (я)» (*Биоканва*. С. 959).

Января 4. В газете «Вечерняя Москва» — заметка «Экономическая контрреволюция». Сообщалось о заседании суда по делу работников хлебного отдела Госбанка, обвиненных в разглашении секретных сведений о хлебных запасах и конъюнктуре рынка. Четверо обвиняемых приговорены по ст. 58.7 (экономическая контрреволюция) к расстрелу с конфискацией имущества. Суд постановил ходатайствовать перед президиумом ЦИК СССР о неприменении к двум осужденным амнистии.

Января 4. «Говорил с Мандельштамом» (*Лукницкого дневник 1928*. С. 352).

Января не позднее 13. Вышла из печати повесть в стихах И. Л. Сельвинского «Записки поэта». Здесь на с. 28: «Пишите, Ней, и чихайте на всё, но бойтесь / Пастернакипи и Мандельштампа». Источник даты: *Книл* № 3, 9–15 янв. Републикация цитаты с коммент. О. А. Лекманова, П. М. Нерлера: *СМР* 4/2. М.: РГГУ, 2008. С. 725.

♦ По воспоминаниям Э. Герштейн, О. М. «с удовольствием» повторял «знаменитый» каламбур Сельвинского о «пастернакипи и мандельштампе» (*Герштейн мемуары*. С. 29).

Января 23. «Вечером в Ш<ереметевском> дворце были Мандельштамы — “великолепные, толстые, здоровые” — после нескольких-то

* Из стихотворения «Раковина».

месяцев пребывания в Сухуме. О. М. шутил, говорил пустяки, был весел» (*Лукницкого дневник 1928.* С. 467).

Января 31. Запись П. Лукницкого: «На днях вышел из печати 1-й том дневников А. Блока (в продажу еще не поступил)» (*Лукницкого дневник 1928.* С. 354). В этом томе опубликованы два упоминания Блока о Мандельштаме — в записях от 13 июня 1912 г. и 29 окт. 1911 г. (в последней фамилия заменена звездочками).

Январь. В журнале «Печать и революция» № 1 — статья И. С. Поступальского «О стихах Н. Ушакова» (его книга «Весна республики»). «Акмеизм, уже ушедший в историю литературы, — превосходная школа для современных поэтов. От акмеиста требуется строжайшая дисциплина. А наши молодые поэты как раз страдают литературной расхлябанностью. Но тот же акмеизм таит в себе несомненные опасности. Немыслимо, например, в наши дни <...> использование отборного, "высокого" словаря. Следует помнить, что общий культурный уровень читательских масс теперь значительно снижен. <...> Современным поэтам можно всячески рекомендовать первоначальную учебу у акмеистов. Но, усвоив то лучшее, что имеется в их произведениях, надо сломать каноны, надо переработать стих, уже обогащенный опытом превосходной поэтической школы».

Февраля 5. Запись дневника Д. Выгодского: «Все недовольны новым романом Каверина "Скандалист". Мандельштам, как всегда, брызжет слюной негодования. "Если он на 99% берет портретные черты, фотографию, а один процент прибавляет от себя, что вздумается, так ведь это клевета... Или дай все сто процентов фотографичности, или делай, как настоящий художник, перемешай всё так, чтобы нельзя было разобрать, что откуда"» (Семейный архив Выгодских).

Февраля 10. Запись дневника Д. Выгодского: «6.30 в<ечера>. В ГИЗе — Горлин, Садофьев, <...> Саул Моис. Гинзбург, Мандельштам <...> Вчера вечером Мандельштам. Непереносимый, неприятный, но один из немногих, может быть единственный (еще Андрей Белый) — настоящий, с подлинным внутренним пафосом, с подлинной глубиной. Дикий, непокойный. В равном ужасе от того, что он знает, и от того, что не дано знать. После него все остальные — такие маленькие, болтливые и низменные» (Мандельштам О. Э. Камень. Л.: «Наука», 1990 (Лит. памятники). С. 355).

Февраля 11. Запись дневника Д. Выгодского: «В ГИЗе — Мандельштам, Козаков, <...> Горлин, Тихонов, Горфинкель, Борисов» (Семейный архив Выгодских).

Февраля 15. «Моему доброму товарищу — Илье Эренбургу от Осипа Мандельштама. 15 II 1928 год. Спасибо Вам за добрые слова, сказанные в мой адрес» (Гендлин Л. Перебирая старые блокноты... Амстердам, 1986. С. 128).*

---

* Цитированная надпись по другим источникам неизвестна, и не указан также носитель надписи.

Февраля 15. Запись дневника И. Оксенова: «“Если хотите сентиментально вспомнить Царское — приезжайте, заходите!” Сидя в комнате Слонимского, Мандельштам с сокрушением говорил о теперешнем разрыве литературы с музыкой, об оскудении музыкальной стихии» (Семейный архив Оксеновых).

Февраля 16. Запись дневника Д. Выгодского: «В ГИЗе — Горлин, Фроман, Грюнберг, Горфункель, Мандельштам» (Семейный архив Выгодских).

Февраля 16. В Ленотгизе составлен «Протокол совещания по урегулированию рассчетов с автором Мандельштамом О. Э. от 16/II 1928 года. Присутствовали: тт. Лихницкий, Киселевский и автор Мандельштам О. Э.» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 558. Л. 9–10). Ср. *ПССиП.* Т. 2. С. 699.

Февраля 19. В Детском Селе свадьба В. А. Мануйлова. «Со свадьбы А. А. [Ахматова] пошла к Мандельштамам» (*Лукницкого дневник 1928.* С. 356).

Февраля не позднее 22. Вышла книга: Когэн Роза. Сквозь ночь / Пер. с англ. Н. Я. Хазиной; под ред. О. Э. Мандельштама. Л.: Книжные новинки [«Прибой», 1927] (*Книл* № 9, 20–26 февр.).

Февраля около 23. Письмо В. А. Рождественского — Е. Я. Архиппову. «О. Мандельштам написал любопытнейший роман, который будет печататься в “Звезде”» (*РГАЛИ.* Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 57 об.).

Февраль. На 2-й странице обложки журнала «Звезда» № 2 — анонс повести «Парнок».

Марта 1. Получил от Л. Н. Замятиной письмо с приглашением участвовать в вечере памяти Ф. Сологуба и список стихотворений, которые он мог бы прочитать на вечере (*Лукницкого дневник 1928.* С. 360–361).

Марта 2. Письмо к Е. И. Замятину о чествовании памяти Ф. Сологуба. «Кроме того, мне кажется, что совершенно необходимо пригласить В. А. Пяста — одного из самых близких по духу и поколенью к Ф<едору> К<узьмичу>, кровного поэта. Короткая память в отношении к Пясту наш общий грех» (*ПССиП.* Т. 3. № 114).

Марта 2. Вечером этого дня был в гостях у М. А. Фромана. Резкий разговор с Л. Н. Замятиной о предполагающемся вечере. «Я видел, как вечером в пятницу, в гостях у Фромана, Мандельштам петухом налетел на случайно пришедшую туда Л. Н. <Замятину> (пришла по поводу вечера), стал торжественно и резко с ней спорить и заявил, что неопубликованных стихов читать не будет и согласится выступить только со стихами старыми, которые выберет сам. Едва удалось избежать скандала» (*Лукницкого дневник 1928.* С. 360–361).

Марта 5. Вечер памяти Ф. К. Сологуба. «В самом начале вечера принесли письмо от О. Мандельштама, извещавшее, что он не придет» (*Лукницкого дневник 1928.* С. 361).

Марта 12. Запись П. Лукницкого: «Ездил с А. А. в Детское Село <...> Часа два ходили на лыжах; вторую половину дня провели у Мандельштамов» (*Лукницкого дневник 1928*. С. 364).

Марта 13. Ленинград. В. А. Мануйлов знакомится с О. М. в квартире М. М. Казмичева (Запись дневника В. А. Мануйлова в его архиве).

Марта 14. Запись К. Чуковского о разговоре с О. М. в Госиздате: «Там Осип Мандельштам, отозвав меня торжественно на диван, сказал мне дивную речь о том, как хороша моя книга "Некрасов", которую он прочитал только что. Мандельштам небрит, на подбородке и щеках у него седая щетина. Он говорит натужно, после всяких трех-четырех слов произносит м-м-м, м-м-м, — и даже эм, эм, эм, — но его слова так находчивы, так своеобразны, так глубоки, что вся его фигура вызвала во мне то благоговейное чувство, какое бывало в детстве по отношению к священнику, выходящему с дарами из "врат". Он говорил, что теперь, когда во всех романах кризис героя — герой переплеснулся из романов в мою книгу, подлинный, страдающий и любимый герой, которого я не сужу тем губсудом, которым судят героев романисты нашей эпохи. И прочее очень нежное» (*Чуковского дневник*. С. 361–362).

Марта 15. Ленинград. Встретился с В. Шилейко. Из письма В. К. Шилейко — В. К. Андреевой-Шилейко, 16 марта: «Вчера днем меня на улице окликнул Мандельштам, куда-то спешивший на извозчике. Так странно было с ним беседовать, — как будто мы на асфоделевых лугах сошлись. Viximus, floruimus!* Он еще больше меня приклонился долу, и говорили-то мы о мертвецах» (Шилейко В. Пометки на полях. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. С. 29. В предисловии А. Меца, И. Кравцовой; Шилейко В. Последняя любовь: Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой. М.: «Вагриус», 2003. С. 215).

Марта около 20. Выехал в Москву. Билет О. М. для входа в спец. читальный зал Библиотеки им. Ленина (сроком действия до 20 апр. 1928 г.). Подписан зав. залом В. Нилендером (*Архив Мандельштама*).

Марта 22. О. М. в отъезде из Ленинграда (в Москве). Запись П. Лукницкого: «[А. Ахматова] ездила в Царское Село к Н. Я. Мандельштам, которая больна и лежит в постели (О. М. — в отъезде)» (*Лукницкого дневник 1928*. С. 470).

Марта 22 — Апреля 18. Газета «Вечерняя Москва» помещает отчеты о заседаниях суда по делу «взаимных спекулянтов», см. *ПССиП*. Т. 2. С. 691–692.

Апреля 1. Дарственная надпись В. А. Рождественскому на «Второй книге»: «Дорогому Всеволоду Александровичу с любовью» (*Инскрипты*. С. 211).

---

* Мы жили, цвели! (*лат.*)

Апреля 14. Вынесен приговор по делу Общества взаимного кредита («Взаимные спекулянты»). «Главные виновники приговорены: председатели и члены правления обществ <...> и бывший ответственный работник Наркомфина Николаевский — к расстрелу» (Вечерняя Москва. 17 марта). Приговор кассирован, см.: «Приведение приговора в исполнение в отношении Гуревича, Винберга, Канцова, Кисина, Синелобова, Гр. Ратнера и Николаевского <...>, по постановлению ЦИК СССР, приостановлено» (Там же, 18 апр.).

♦ Из воспоминаний: «О. М. тогда случайно узнал на улице от своего однофамильца — Исая Бенедиктовича Мандельштама — про пять банковских служащих, старых "спецов", как таких тогда называли, которых приговорили к расстрелу по обвинению не то в растрате, не то в бесхозяйственности. Неожиданно для себя и для своего собеседника и вопреки правилу не вмешиваться в чужие дела О. М. перевернул Москву и спас стариков. Эти хлопоты он упоминает в "Четвертой прозе"» (*Воспоминания*. С. 23).

Апреля 16. Телеграмма жене из Москвы в Ялту: «Выезжаю среду дела хлопоты закончены» (*ПССиП*. Т. 3. № 115).

♦ Из воспоминаний: «Мандельштам приехал в Ялту с месячным опозданием. Он задержался в Москве из-за хлопот об осужденных стариках. В Ялту он привез экземпляр только что вышедшей книги ("Стихотворения")» (*Вторая книга*. С. 417).

Апреля до 18. Вышли из печати «Стихотворения». Датируется по сообщению Н. Мандельштам, см. Апреля 16.

♦ О выходе книги П. Н. Лукницкий сообщил в письме Л. В. Горнунгу от 2 мая: «У нас вышло собрание стихотворений О. Мандельштама. <...> К сожалению, есть пропуски и переделки» (*Лукницкий — Горнунг. Переписка*. С. 553). См. Июнь; Июля 6; Июль.

♦ Из воспоминаний: «Книга стихов 28 года никогда бы не вышла без активного вмешательства Николая Ивановича [Бухарина], который привлек на свою сторону еще и Кирова» (*Воспоминания*. С. 106).

Апреля 18. Передает через одного из знакомых привет Э. Миндлину. На следующий день Миндлин записывает в дневнике: «Я был счастлив и горд, что великий поэт и удивительный человек помнит еще меня» (*Видгоф 2015*. С. 177).

Апреля 18 (среда). Выехал в Ялту, см. Апреля 16.

Мая 6. Запись Э. Миндлина: «Москва 6 мая. Воскресенье. Книжные приобретения последних дней: Мандельштам — Стихи и Гершензон — История молодой России. Мандельштам — в новом издании Госиздата. Собрание старого его "Камня", "Tristia" плюс "Вторая книга". Сияюще-прекрасно. Книга меня счастливит» (*Видгоф 2015*. С. 177).

Мая 7. Стихотворение Э. Голлербаха «Когда веселый звукоряд...», написанное на выход «Стихотворений» О. М. (*Слово и судьба*. С. 103).

Май. В журнале «Звезда» № 5 помещена «Египетская марка».

♦ Из рецензии М. Зингера: «Мастерское владение словом следовало бы Мандельштаму использовать при другой, более современной и действенной теме» (Известия. 27 сент.). См. также: Июня 21, Октября 7; 1929, Февраль; Июня 6; Августа 24.

Июня начало или Мая конец. Письмо к Д. Ангерту из Ялты в Ленинград (известно по упоминанию в письме к А. Коробовой, см. Июня 25).

Июня не позднее 15. Начало печатания издания: Скотт Вальтер. Собрание романов / Под общей ред. А. Н. Горлина, Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. ЗИФ. М.; Л. [1928]. Вышел том IV: Роб Рой / Пер. с англ. под ред. и в обработке Бенедикта Лившица. Предисл. Н. Фатова (*Книл* № 25, 11–17 июня).

Июня 21. Ялта. Письмо к помощнику зав. редакцией ЗИФа А. М. Шойхету о платежах за выполненные для издательства переводы (известно только по упоминанию в заявлении на имя Венедиктова — *ПССиП*. Т. 3. С. 593).

Июня 21. В парижской газете «Возрождение», в разделе «Литературная летопись» (с. 3) — отклик на «Египетскую марку». «В вышедшем недавно ном<ере> 5-м журнала “Звезда” напечатан рассказ О. Мандельштама “Египетская марка”. Советский журнал за много месяцев объявлял об этом событии, где-то даже было напечатано, что “Египетская марка” — роман, что Мандельштам перешел на прозу и пр. Понятно поэтому, что мы ожидали с нетерпением появления первой беллетристической вещи талантливого поэта, памятуя его во многих отношениях прелестную автобиографическую повесть “Шум времени”. Но нас ожидало большое разочарование. “Египетская марка” небольшой рассказ на 26 страницах, рассказ «ни о чем», с той бредовой, отчасти капризной, но ничем не мотивировнной неясностью, когда при всем желании нельзя понять: кто, зачем и почему сделал или не сделал того-то и того-то? о ком идет речь вообще и в данном абзаце в частности? и для чего все столь изысканные лирические отступления? <...> Формальной удачей «Египетская марка» также никак не может почесться. Язык “Шума времени” был изысканно-легок, с удивительно остро найденными эпитетами, с предложениями ритмичными и синтактически своеобразными. Ныне Мандельштам своеобразен только в своем невеселом, болезненном остроумии; остальное, увы, заимствовано им целиком у представителей так называемой формальной школы, и как у этих последних, у него тоже сквозь искусство виден материал, из которого это искусство сделано, — общая болезнь многих современных писателей» (подписано: Гулливер).

Июня 25. Ялта. Письмо в ЛенГИЗ к А. Коробовой. Возвращает правленую корректуру «Египетской марки», просит исключить ряд глав из верстки (*ПССиП*. Т. 3. № 116).

Июня не позднее 27. Вышла из печати книга «О поэзии» (*Книл* № 27, 25 июня — 1 июля).

Июня 28. Запись Д. Выгодского: «Горький предлагал Федину издавать беспартийный журнал. Федин ответил: — Вы уедете в Сорренто, а мы — в Нарым (Рассказывала Зоя [Никитина])» (Семейный архив Выгодских).

Июня 29. Ялта. Письмо в издательство ЗИФ к А. Г. Венедиктову о денежных рассчетах с издательством. Указан адрес: Ялта, ул. Коммунаров, пансион Лоланова (*ПССиП*. Т. 3. С. 593–594).

Июнь. В журнале «Звезда» № 6 — рецензия Н. Л. Степанова на книгу «Стихотворения»: «Современная поэзия идет путями в значительной мере иными, чем те, которые утверждены Мандельштамом, но тем не менее пройти мимо него она не может <...> Поэтический путь завершен был Мандельштамом в 1923 году, с выходом "Второй Книги". Поэтому стихи его стоят вне злободневных споров, а являются образцом большой поэтической культуры, тесно примыкающей к современной поэзии. Сейчас Мандельштам перешел на прозу».

Июнь. В журнале «Звезда» № 6 — рецензия В. Друзина на книгу Э. Багрицкого «Юго-запад». «Одно из крупнейших поэтических течений нашей поэзии 20-го века — акмеизм, примерно к 1923 г. окончило путь своего развития. К этому времени равновесие всех элементов стиха, к чему стремился акмеизм, превратилось в застылое сочетание известных ритмико-синтаксических ходов с известным материалом. Гумилев умер, Ахматова замолчала, Мандельштам "Грифельной одой" перешел на новые пути» (с. 131).

Июля 6. В газете «Известия» — рецензия Вл. Василенко на книгу «Стихотворения». «С особым интересом приступаешь к чтению последней части книги О. Мандельштама, так как всякого, кто знаком с произведениями этого своеобразного, замкнутого поэта, не может не интересовать вопрос о том, как отразились на его творчестве великие сдвиги революционного десятилетия. <...> Осип Мандельштам не хочет, по-видимому, изменить ни своему поэтическому словарю, ни своему стилю поэта, говорящего возвышенным и замкнутым языком прорицателей. <...> И всё же следует приветствовать ГИЗ за то, что он решил издать <...> "полного" Мандельштама, ибо при всей своей тематической окаменелости он является выдающимся поэтом».

Июля 19. В киевской украиноязычной «Литературной газете» — воспоминания Н. Ушакова «Россияне на Украине», где упоминается О. М. в Киеве 1919 г.. См. 1919, Апрель, между 15 и 19.

Июля 26, Октября 18. М. Цветаева помещает в парижской газете «Последние новости» обращенные к О. М. стихотворения «Разлетелось в серебряные дребезги...» и «Отрок» («Приключилась с ним странная хворь...»).

Июля 30. Запись Д. Выгодского. «Ко всему — всё больше и больше растет во мне ужас перед Россией. Больше всего, чисто эмоционально, на меня действуют пьянство — поголовное, хулиганство — тоже поголовное, воровство — тоже, беспринципность, безответственность,

полная моральная разнузданность. И еще — духовная тюрьма, в которой нас держат, умственное убожество, в котором нас хотят удерживать, из которого не дают выйти» (Семейный архив Выгодских).

Июль. В «Литературно-художественном сборнике "Красной панорамы"» — рецензия на «Стихотворения» (подписана: В. С.). «Ценности стихов Мандельштама для наших дней мешают самые принципы его философии, истории, насквозь идеалистической и лишенной точного понимания социальных основ исторического процесса. Однако наличие у поэта цельного органического мировоззрения (хотя в очень многом и далекого от современного передового мировоззрения), высокое поэтическое мастерство заставляет нас с интересом изучать его творчество. Книге Мандельштама суждено, очевидно, сыграть значительную роль в связи с наметившимся в молодой поэзии интересом к акмеизму. Следует, однако, всячески предостеречь молодежь от механического перенесения принципов поэтики Мандельштама и его тематики на современный материал <...> Но в то же время несомненно, что критическая переработка творческих устремлений О. Мандельштама, как и вообще акмеизма, чрезвычайно необходима молодежи, заботящейся о культуре стиха».

Июль. В журнале «Печать и революция» № 5 (июль–авг., редакция закончена 25 июня) помещена статья И. С. Поступальского «Поэзия Э. Багрицкого». «Вполне сознательно [конструктивистами] оставляется в тени акмеизм <...> С этой точки зрения вещелюбие талантливого Сельвинского является динамическим продолжением русского акмеизма. С этой точки зрения насыщенность стихов Э. Багрицкого чувственными, предметными деталями сближает его с отличительными признаками того же акмеистического ощущения. Действительно, когда мы читаем у Багрицкого:

Это, стремглав, наудачу, в прорубь,
Это, деревянные вздувая ребра,
В гору вылетая, гремя под гору,
Дом пролетает тропой недоброй —

нам вспоминаются и Мандельштам, впервые пожелавший "из тяжести недоброй" создать прекрасное, писавший о городе, чувствующем "свои деревянные ребра"*, и Гумилев, у которого древние кумиры "смеются усмешкой недоброй", и плотоядная выразительность стихов Нарбута или Зенкевича...» (с. 124).

Июль (?). В Париже вышла из печати книга Георгия Иванова «Петербургские зимы». Блок очерков об О. М., в том числе об инциденте с Блюмкиным в 1918 г., — с. 108–123. Источник даты: рецензия П. Пильского в рижской газете «Сегодня», 9 авг.

♦ С. Штейн в рижской газете «Слово» в рецензии на книгу отметил: «слишком много восторженного внимания уделяет он Осипу

* Из стихотворения «Notre Dame».

Мандельштаму, творчество которого едва ли заслуживает панегирических дифирамбов» (Слово. Рига.1928. № 958).

Августа 11. Ялта. П. Лукницкий у Мандельштамов в «Орлином гнезде» (*В записях Лукницкого.* С. 121).

Августа 14. «Хозяин <...> отказал ему [О. М.] от комнаты и пансиона, надеясь сдать комнату дороже <...> О. М. остался без копейки на улице. Следующая получка от ЗИФ будет только в сентябре» (*В записях Лукницкого.* С. 122).

Августа 14. Телеграмма Б. Лившицу из Ялты в Детское Село с просьбой о посылке денег (*ПССиП.* Т. 3. № 117). «Отчаянная телеграмма Лившицу Б. К. <...> Попытки продать шубу, отмена заказа сапожнику и получение от него 5 рублей задатку <...> Мое содействие, поиски комнаты, успех» (*Лукницкого дневник 1928.* С. 434).

Августа 15–17. Ялта. Записи П. Лукницкого о времяпровождении с О. М. Разговор о переводах Майн Рида (над которыми О. М. работает в Ялте). О. М. продает вещи на базаре. Разговор о призвании поэта (*В записях Лукницкого.* С. 122–123).

Августа 18. Получил переводом из Ленинграда 70 р. (Там же. С. 123).

Августа 20. Ялта. Вместе с П. Лукницким ищет редактора газеты «Красный Крым» (Там же. С. 123).

Августа 25. «О. Э. подарил мне свой том “Стихотворения”, дал читать статьи и “Зависть” Олеши. <...> У Квашнина-Самарина [Лукницкий] читал стихи Н. Гумилева и О. Мандельштама» (Там же. С. 123).

Августа 25. Ялта. Письмо О. М., П. Лукницкого и Н. Мандельштам — Ахматовой в годовщину смерти Гумилева «Дорогая Анна Андреевна, пишем вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь. Хочется домой; хочется видеть вас. Знаете, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николай Степановичем и с вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется. В Петербург мы вернемся ненадолго в октябре. Зимовать там Наде не велено» (*ПССиП.* Т. 3. № 118).

Августа 28. Ялта. Надписал книгу «О поэзии» П. Лукницкому (*Инскрипты.* С. 217).

Августа не позднее 31. Вышла из печати книга: Скотт Вальтер. Собрание романов. Т. V. Эдинбургская темница / Пер. с англ. под ред. и в обр. О. Э. Мандельштама (*Книл* № 36, 27 авг. — 2 сент.).

Август. Вышла из печати «Египетская марка». Источник даты — владельческая запись А. Тарковского «1928 / VIII» (Музей книги *РГБ*). См.: 1929, Февраль; Май; Июня 6; Августа 24.

Август. В № 8 журнала «Новый мир» — рецензия М. И. Рудермана на «Стихотворения». «Особого искусства достигает поэт в стихах последних лет, совпадающих с периодом увлечения четким пушкинским стихов и появлением группы “неоклассиков”. <...> Но значение

Мандельштама для нового читателя и роль его в современной поэзии непропорциональны его большой поэтической культуре. Не переставая совершенствоваться как художник, он перестал ощущать динамику жизни, перестал быть современником» (с. 222–223).

Сентября не позднее 7. Вышла книга: Скотт Вальтер. Собрание романов. Т. XII. Пертская красавица. Роман. Черный карлик. Роман / Пер. с англ. под ред. и в обр. О. Мандельштама. Предисл. А. Старчакова. *Книл* № 37, 3–9 сент.

Сентября 8. В «Красной газете» (веч. вып.) — пародии на В. Маяковского и О. Мандельштама под загл. «Поэты о 2-м займе индустриализации».

Сентября не позднее 13. Вышла книга: Скотт Вальтер. Собрание романов. Т. VIII. Пират. Роман / Пер. с англ. под ред. и в обр. Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. Предисл. А. Старчакова. С. 575. Тираж 7000 (*Книл* № 38, 10–15 сент.).

Сентября не позднее 13. Вышла из печати книга: Тиль Уленшпигель / Пер. с франц. О. Мандельштама. Предисл. проф. П. С. Когана. М.; Л.: ЗИФ, 1928 (*Книл* № 38, 10–15 сент.).

♦ Из рецензий: Сергеевский Сергей. Замечательная повесть о веселом Тиле // Читатель и писатель. № 46, 18 нояб. См. также: 1929, Сентябрь.

Сентябрь, вторая половина. Вышел из печати словарь: «Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1». Источник даты: *Лукницкого дневник 1928.* С. 447, запись 1 окт.: «Узнал (от А. А.), что вышел изданный ГАХН словарь писателей с моей заметкой об Н. Г<умилеве>».

♦ Из словарной статьи: «Мандельштам Осип Эмильевич, поэт, критик и переводчик <...> род. 15 янв. 1891 г. в Варшаве, в семье купца-кожевенника, еврея курляндского происхождения. <...> 16<-ти> лет был с.-р. и занимался пропагандою на массовках. В 1907 совершил 1-е путешествие в Париж, к тому же времени относится поворот к модернизму, сильное увлечение Бодлером и особенно Верленом. <...> К 1913 г. относится увлечение католическим универсализмом и Чаадаевым, к 1914 г. Леонтьевым. 1-ю книгу стихов “Камень” издал на свои деньги». Словарная справка подготовлена Д. С. Усовым, см. 1926, Зима.

Сентября 23. Н. Пунин в письме к А. Е. Аренс-Пуниной приводит слова О. М. об «отнятой судьбе» (подразумевается, по-видимому, судьба поколения О. М.) (*Пунин 2000.* С. 309).

Сентябрь, до 24. Вернулся в Ленинград.

Сентября 24. Письмо от Б. Пастернака. «Вчера достал Вашу книгу [«Стихотворения»]. Какой Вы счастливый, как можете гордиться соименничеством с автором: ничего равного или подобного ей я не знаю!» (*Пастернак ПСС.* Т. 8. С. 256).

Сентябрь, до 27. «Вечер эпиграмм» в Доме печати в Москве. «Больше всего эпиграмм было на стихи Уткина, Жарова, Безыменского

<...> и Осипом Мандельштамом, который должен будет, видимо, описывать в античной манере поездку в колхозы, у которого “на ближайший ссыппункт отвозили ахейцы излишки” и действует “середняк — Одиссей”» (П. Ж. Вечер эпиграмм // Читатель и писатель. 1928, № 39, 29 сент. С. 5).

Октября 3. В «Правде» — информация об исключении В. Нарбута из партии: «Постановление ЦК ВКП(б). В виду того, что Нарбут, Владимир Иванович, скрыл от партии как в 1919 г., когда он был освобожден из ростовской тюрьмы и вступил в организацию, так и после, когда его дело разбиралось в ЦКК, свои показания деникинской контрразведке, опорочивающие партию и недостойные члена партии, — исключить его из рядов ВКП(б). Секретарь партколлегии ЦКК ВКП(б) Шкирятов». См. подробнее: Киянская О., Фельдман Д. Советская карьера акмеиста: Материалы к биографии Владимира Нарбута // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 41–98.

♦ Из воспоминаний: «[А. К.] Воронский одолел Нарбута с помощью Горького. Он раздобыл документ, подписанный Нарбутом в деникинской тюрьме, кажется, в Ростове. Спасая жизнь, Нарбут отрекся от большевизма и вспомнил про свое дворянство. Воронский победил бы Нарбута и без всякого документа — он действительно принадлежал к победителям, а Нарбут торчал сбоку припека — таких терпели только в годы гражданской войны. Ирония судьбы в том, что всех ожидала одинаковая участь» (*Вторая книга*. С. 51).

Октября 7. В журнале «Жизнь искусства» № 41 — рецензия В. П. Друзина на «Египетскую марку». «Итак, ничего не завязано, ничего не разрешено. Что же получилось? Многопланное построение со множеством литературных и исторических ассоциаций, с громадной историко-культурной нагрузкой. Вещь, живущая каждым куском (нарочито разбитая на куски), каждой самостоятельной фразой. И все-таки, несмотря на обособленность частей своих, несмотря на отсутствие фабулы, “Египетская марка” ощущается как устойчивая конструкция, где стержнем служит Петербург, а скрепами частей — философия “Петербургского инфлуэнцного бреда”. <...> Наша революционная литература должна воспользоваться культурой слова прозы Мандельштама <...> по-революционному пересознав философию “Мандельштама”, т. е. дав другую мотивировку отдельным элементам конструкции». См. его же рецензию: Красная газета (веч. вып.). 1 нояб.

Октября 12. В газете «Вечерняя Москва» — рецензия Ф. А. Жица на книгу «О поэзии» (подписана: Ж. Ф.). «Высказывания Мандельштама по целому ряду вопросов, связанных с задачами искусства <...> лишний раз свидетельствуют о большой культурности и тонком литературном вкусе автора. Тем не менее, книга Мандельштама приемлема лишь “отсюда досюда”. <...> Неприязнь Мандельштама к материалистическому миропониманию приводит его к “обожествлению” профессии поэта и к утверждению, что если для прозаика

обязательно тесное общение с современностью, то поэт не только вправе, но и обязан, минуя интересы сего дня, адресовать свое творчество в века, в какую-то бескрайнюю "метафизическую" даль. Несостоятельность этого утверждения, как и многие другие идеалистические уклоны автора, которых мы бегло коснулись в рецензии, не мешают все же с большим интересом отнестись к его книге».

Октября 18. Письмо А. Г. Горнфельда — Р. М. Шейниной: «... вышел "Уленшпигель" в переводе якобы О. Мандельштама (поэта), но на самом деле краденый у меня и другого переводчика. Мандельштам — талантливый, но безпутный человечек, умница, свинья, мелкий жулик — бомбардирует телеграммами, моля о пощаде (я могу посадить его на скамью подсудимых), но я пока суров и хочу наказать за свинство и его издательство ("Земля и Фабрика")» (*Нерлер Уленшп*. 2. С. 141–142).

Октября 19. Надписал «Египетскую марку» А. Моргулису: «Александру Осиповичу Моргулису — с любовью — О. Мандельштам 19 окт. 1928. Петербург» (*Инскрипты*. С. 215).

Октября 20. Письмо А. Г. Горнфельда к А. Б. Дерману. «В "Земле и Фабрике" вышел "Уленшпигель" в пер<еводе> О. Мандельштама. Два листа украдены у меня, 20 — у перевода Карякина. Теперь великий поэт вдруг понял, что влопался, клянчит, извиняется, пишет оправдательные письма в редакции. Придется, очевидно, судиться (не с ним — Господь с ним), но с "З. и Ф.", — которая приглашала меня в сотрудники, отложила мои предложения и заказала М<андельшта>му «переделать и пророедактировать» — чужие переводы. До свидания. <...> Ваш АГ» (*Нерлер Уленшп*. 2. С. 142).

Октября 24. — Дата ответа на анкету «Советский писатель и Октябрь» («Поэт о себе») в автографе (*РГАЛИ*. Ф. 1893. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 11–11 об.). Опубликована: Читатель и писатель. № 46, 18 нояб.; Книга и Революция. 1929. № 15/16. С. 22.

Октябрь, не позднее 25 (?). Москва. И. Поступальский читает рукопись своей статьи об О. М. в присутствии М. Зенкевича, И. Будовница и самого О. М. в квартире Е. Я. Хазина. «Знакомство мое с Мандельштамом, а равно и с Бенедиктом Лившицем, состоялось приблизительно в октябре 1928 года. Я пришел в издательство ЗИФ к редактору — [М. А.] Зенкевичу, и он мне сразу сказал: "Хорошо, что вы пришли, я сейчас вас познакомлю с Мандельштамом и Лившицем". В комнате, в которую привел меня Зенкевич, находились два человека — один довольно рослый, с внушительной осанкой, блондин, хорошо одетый; другой — ростом помельче, облаченный в довольно потрепанный серый костюм. Конечно, мне сразу показалось, что первый, величественный, мужчина — это и есть Мандельштам, ведь в моей памяти стояли величественные строки "Камня" и "Печалей", в этом году как раз переизданные. Выяснилось, однако, что первый — Лившиц, а второй — Мандельштам. Зенкевич отрекомендовал меня как любителя и знатока поэзии обоих, состоялся беглый разговор,

Н. Мандельштам
Фотография

в котором оба как будто убедились, что я знаю их творчество. Я сказал Мандельштаму, что мною написана статья о его поэзии, которую я предполагаю поместить в "Печати и революции" или "Новом мире" — журналах, редактируемых В. П. Полонским. Мандельштам заинтересовался моим сообщением, и тут же мы договорились о встрече, для того чтобы я прочел статью в узком кругу. Через несколько дней состоялась встреча, кажется, в квартире Хазина (на углу Тверской и Страстного бульвара). Были две дамы (одна, кажется, Надежда Яковлевна, другая Елена Хазина), Мандельштам, Хазин, Зенкевич, [И. У.] Будовниц, кажется, еще кто-то. Статья моя называлась "С известью в крови". В ней я, в духе того времени, сам не совсем понимая, что делаю, доказывал, что Мандельштам — поэт блестящий, преимущественно буржуазный, что поэзия его имеет музейный характер и т. д. Должен признаться, что после чтения статьи я был несколько смущен — на меня набросился Будовниц, что так о Мандельштаме писать нельзя. Конечно, я посмеялся, когда Будовниц предложил мне воспринимать Мандельштама как "аристократа духа", но кое-что меня и встревожило: кто-то сказал, что статья может повредить Мандельштаму. Зенкевич — я был с ним в хороших отношениях — посоветовал мне убрать какие-то куски. Сам Мандельштам реагировал примерно так: "Вот вы меня хвалите как поэта. Я понимаю, что вы искренни, но не вижу оснований для того, чтобы мои стихи считать музейными. И что значит «буржуазная поэзия»? И затем, я не понимаю, почему вы прошли мимо еврейской темы в моих стихах — она ведь немаловажна" (моя намять сохранила тут несколько выражений точно, в частности, последнюю фразу). Это последнее высказывание

меня несколько удивило, так как я был из того поколения, которое мало интересовалось национальными корнями, и думал, что его стихи о Иерусалиме имеют такое же значение, как стихи о Крыме или Риме. Я обещал переделать статью. Любопытно, что когда я передал статью Полонскому, который печатал меня охотно, то он опубликовать ее не захотел. Оплатив полным гонораром, он мне ее вернул, сказав: "Мандельштама сейчас лучше не трогать, ваша статья может ему повредить"» (Поступальский И. С. Встречи с Мандельштамом // Тыняновский сб. Вып. 10. М., 1998. С. 560–561).

Октября 25. Москва. Подарил Б. Л. Пастернаку книгу «Стихотворения» с надписью: «с крепкой дружбой, удивленьем и гордостью за него» (*Координаты лирического пространства.* С. 51).

Октября 25. Надписал «Египетскую марку» В. П. Катаеву: «Дорогому Валентину Петровичу Катаеву — с любовью, любопытством и ожиданием О. Мандельштам 25 окт. 1928» (*Инскрипты.* С. 214).

Октября не ранее 26 — Ноября около 15. Находится, вместе с женой, в санатории Комиссии содействия ученым «Узкое» под Москвой.

29 октября в санатории знакомится с Э. Герштейн. 7 нояб. — праздничный вечер в «Узком». 8 нояб. — приезд в Узкое Е. Я. Хазина (*Герштейн мемуары.* С. 7–13).

Октября 28. Письмо А. Горнфельда — Р. Шейниной. «С "Уленшпигелем" не старая история, а совсем новая: из него выкрал часть Мандельштам — не мой приятель, а известный поэт. Но и мой приятель меня огорчает: клонит на сторону того, хотя он ему не родственник, а только поклонник. Но тот свинтус струсил, мечется, при этом наглит и надувает меня. А у меня нет ни времени, ни сил заниматься этим делом вплотную...» (Там же. С. 143–144).

Ноября 13. В «Красной газете» (веч. вып.) помещено «Письмо в редакцию» члена правления издательства ЗИФ А. Венедиктова: «В титульный лист "Легенды о Тиле Уленшпигеле" в издании "ЗИФ'а" вкралась ошибка: напечатано "перевод с французского О. Мандельштама" — в то время, как должно было стоять: "перевод с французского в обработке и под редакцией О. Мандельштама"».

Ноября около 15. Возвращение из Узкого в Москву. Э. Герштейн навещает Мандельштамов в комнате Е. Я. Хазина на Страстном бульваре, 6 (*Герштейн мемуары.* С. 14).

Ноября не позднее 16. Вышла книга: Скотт Вальтер. Собрание романов. Т. VI. Айвенго. Роман / Пер. с англ. под ред. и в обр. Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. Предисл. А. Старчакова (*Книл* № 47, 12–18 нояб.)

Ноября 18. В журнале «Читатель и писатель» № 46 помещен ответ О. М. на анкету «Советский писатель и Октябрь» (*ПССиП.* Т. 3. С. 311, 718).

Ноября 19. Письмо Б. Пастернака — Н. Тихонову: «Мандельштам, кажется, — здесь в Москве» (*Пастернак ПСС.* Т. 8. С. 267).

Ноября 20. Надписал Э. Г. Герштейн «Египетскую марку» (*Инскрипты*. С. 214).

Ноября 28. В «Красной газете» (веч. вып.) помещена статья А. Г. Горнфельда «Переводческая стряпня» (о вышедшей в издательстве ЗИФ в переводе под редакцией О. М. книге «Тиль Уленшпигель»). О неправомерности использования своего перевода без согласия автора. «Дело в том, что перевод, изданный “Землей и Фабрикой”, сделан не по французскому тексту, а составлен О. Мандельштамом из двух переводов, моего, изданного “Всемирной литературой” (1920), и В. Карякина (Москва, 1916)».

Ноября 29. Письмо от А. И. Ромма. При посылке О. М. перевода (неустановленного произведения) (*РГАЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 927).

Декабря начало. Письмо Вс. Иванова и Ю. Олеши в редакцию «Красной газеты» в связи с публикацией статьи А. Г. Горнфельда «Переводческая стряпня» (см. Ноября 28): «Легкомысленно было со стороны редакции “Красной Газеты” и А. Горнфельда печатать письмо, порочащее безупречное имя О. Мандельштама. Мы протестуем против бульварных приемов А. Горнфельда и напоминаем ему, что для разбирательства подобного рода конфликтов, стоящих в прямой связи с практикой издательств, существует такая авторитетная организация как Федерация Писателей» (*Нерлер Уленшп*. 2. С. 147).

Декабря не позднее 7 — не позднее 21. Вышли из печати книги: Скотт Вальтер. Собрание романов. Т. II. Ламермурская невеста / Пер. с англ. под ред. и в обр. Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. Предисл. И. Машбиц-Верова (*Книл* № 50, 3–9 дек.); Т. III. Тори и виги. Роман / Пер. с англ. под ред. и в обр. Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. Предисл. Н. Фатова (*Книл* № 50, 3–9 дек.); Т. VII. Антикварий / Пер. с англ. под ред. и в обр. Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. Предисл. И. Машбиц-Верова (*Книл* № 51, 10–16 дек.); Т. XIII. Астролог. Роман / Пер. с англ. под ред. и в обр. Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. Предисл. И. Машбиц-Верова (*Книл* № 52, 17–23 дек.).

Декабря 12. В газете «Вечерняя Москва» помещено «Письмо в редакцию “Вечерней Москвы”» О. М.: «Мне приходится выступать в непривычной для меня роли — отчитываться по обвинению в использовании чужого литературного материала. Дело идет о письме критика Горнфельда в № 338 “Кр<асной> Веч<ерней> Газеты” по поводу моей обработки старых переводов “Уленшпигеля”, заказанной мне издательством ЗИФ. К столкновению с Горнфельдом меня привела дурная практика издательств, выпускающих в явочном порядке и анонимно десятки отредактированных и обработанных переводов, причем соглашение между издательством и переводчиком достигается неизменно задним числом. Несмотря на это, считая себя морально ответственным перед товарищем по переводной работе, я, по выходе книги, первый известил ничего не подозревавшего Горнфельда

и заявил, что отвечаю за его гонорар всем своим литературным заработком» (*ПССиП*. Т. 3. № 119).

♦ И письма А. Горнфельда — Р. Шейниной, 19 дек.: «Посылаю Вам письмо О. Мандельштама, — по характеристике А. Б. Дермана — “смесь наглости и жалкости”. Написал и возражение — убийственное — в “Вечернюю Москву”, но, конечно, очень мало надеюсь на напечатание» (*РНБ*. Ф. 211. Ед. хр. 266. Л. 31). См. 1929, Февраля 20.

Декабря 15. В № 24 киевской украиноязычной «Литературной газете» критик Б. В. Якубский в статье, посвященной годовщине смерти поэта В. Эллана, привел цитату из стихотворения «В Петербурге мы сойлемся снова…», назвав его «реакционным» (*Поберезкина 2015(2)*. С. 212, 226).

Декабря 20. В ГАХН — доклад Б. И. Ярхо «О переводе силлабических стихов». Из протокола: «[Д. С.]Усов задает вопрос о наиболее приемлемом методе перевода современного французского стиха, приводя примеры из эквиритмических вокальных переводов (Жерар де Нерваль в музыкальной интерпретации Орика) и из переводов О. Мандельштама из Барбье (дольник, долженствующий дать представление о чужой стихотворной форме). Шервинский <…> по вопросу, поднятому Усовым, <…> указывает, что ямбический и анапестический типы силлабического (нац. французского) стиха являются доминирующими, и потому свободная комбинация их и может служить основою переводческой нормы» (*Усов 2011*. Т. 1. С. 491–492, со ссылкой: *РГАЛИ*. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 19).

Декабрь, до 26. Письмо А. Г. Горнфельда в редакцию газеты «Вечерняя Москва» в ответ на опубликованное газетой 12 дек. «Письмо в редакцию» О. М. (*Нерлер Уленшп*. 2. С. 149–150). Ответ редакции Горнфельду от 27 дек. с отказом в публикации письма (Там же. С. 151). См. также письмо А. Г. Горнфельда — А. Р. Палею с просьбой содействовать помещению открытого письма Горнфельда в газете «Вечерняя Москва» (*СМР* 3/2. М., 2000. С. 175–176. Публ. О. А. Лекманова).

Декабря 28. Заявление переводчика В. Н. Карякина в правление Всероссийского Союза писателей с просьбой высказать мнение Союза по поводу выступления в печати А. Г. Горнфельда (см. Ноября 28) и ответа О. М. (см. Декабря 12). «Мне важно знать мнение Союза писателей, т. к. я, как лицо, пострадавшее в данном случае морально и материально, буду искать защиты своих пострадавших интересов перед Советским Судом» (*ИРЛИ*. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 1. Копия). Приложено к письму Всероссийского Союза писателей к О. М. от 2 янв. 1929 г. с вопросом, не найдет ли он нужным перенести разбор этого дела в конфликтную комиссию (Там же. Л. 2). Конверт с адресом: Ленинград. Фонтанка, 50, кв. 26. Всероссийскому Союзу писателей для Осипа Эмильевича Мандельштама. Помета: Не отослано за выбытием адресата из Ленинграда по неизвестному адресу (Там же. Л. 3).

В тот же день, 28 дек., заявление Карякина об использовании его перевода «Тиля Уленшпигеля» О. Мандельштамом рассмотрено на заседании правления Всероссийского Союза писателей. Постановили: запросить О. М. и А. Г. Горнфельда, желают ли они рассмотрения дела в конфликтной комиссии Союза (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 48).

Декабрь. В журнале «Печать и революция» № 6 (нояб.–дек.) — рецензия О. Бескина на книгу «О поэзии». «Но неизменные “акмеистические” теории в 1928/29 г. — мракобесие и реакционность. Поправка на “честность с собой” не спасает положения».

Декабрь. В журнале «На литературном посту» № 23 — рецензия на книгу «О поэзии» за подписью «Б.» (О. Бескина?). «Статьи Мандельштама похожи на его стихи. Те же привычные образы, “мандельштампы”. Та же фрагментарность, отрывистость, та же недодержанность дыхания: если его стихотворения расщепляются на строки или строфы, из которых каждая живет сама по себе, то его статьи складываются из изречений и искрометных парадоксов, как веер складывается из створок. И в афористической выразительности и остроте языка Мандельштаму никак не откажешь: местами он так и просится в цитаты. <...> Понимая “историю” как организованный круг культурных явлений, Мандельштам полагает, что высокоорганизованный русский язык — не только дверь в историю, но и сама история.

Идеалистическая почва, на которой принялось это учение о первенстве слова (“в начале бе слово”), заставляет нас отнестись к книге Мандельштама с особым вниманием. Книга знаменательна, несмотря на всю свою философскую никчемность. Она знаменательна как попытка (сознательная или безотчетная — судить не берусь) разорвать целостную цепь марксистского монистического миропонимания» (с. 75).

Зима 1928/1929 г. Живет у Э. Герштейн «в первую зиму знакомства» (по-видимому, после возвращения из санатория и до отъезда в Киев — *А. М.*) на ул. Щипок, д. 6/8, в служебной квартире больницы им. Семашко (*Герштейн мемуары*. С. 14).

1929

Января начало или Декабря 1928 конец. Поездка в Киев. Живут у родителей Н. М. по адресу: ул. Новая, д. 1, кв. 18 (*ПССиП*. Т. 3. № 120).

Января начала не позднее. Вышел второй том «Дневника» А. Блока. Источник даты: рецензия Б. Киреева — Журналист. № 2, 15 янв. В томе опубликована запись за 22 окт. 1920 г. (см. в настоящей «Летописи»).

Января первая половина. Киев. Письмо к М. А. Зенкевичу в Москву. «Только что Лившиц мне переслал твое письмо, где говорится о приостановке печатанья Майн-Рида со всеми его

последствиями <...> Всё это не имеет ни малейшего отношения к Владимиру Ивановичу [Нарбуту]. Мое решение делиться с ним работой стоит твердо, но именно делиться с ним, а не посторонними переводчиками. <...> Похоже, что ее [жену] будут оперировать в Киеве. Лечит В. Гедройц — ставшая здесь хирургом-"профессором"» (*ПССиП*. Т. 3. № 120).

Января 9. В газете «Вечерняя Москва» — заметка «Будут высланы 6000 нэпманов и домовладельцев».

Января 12. Письмо А. Г. Горнфельда к Р. М. Шейниной. «С Мандельштамом я очевидно судиться не буду: думаю, что сговорюсь мирно с "Землей и Фабрикой". Несчастный, — мне его озорство очень помогло: я продал "Уленшп<игеля>", который весною выйдет; деньги буду получать понемногу, но все-таки это хорошее подспорье. А если бы он, дурак, перевел добросовестно, то мне бы моего перевода уж никак не пристроить! Я ведь сижу, а он подвижен, и как!» (*Нерлер Уленшп*. 2. С. 153).

Января середина. Киев. Записка О. М. жене в больницу (*ПССиП*. Т. 3. № 121).

Января 17. Письмо И. С. Поступальского — В. П. Полонскому. «Я запрашивал Ирину Сергеевну о судьбе моей статьи об О. Мандельштаме. <...> Мне статья о Мандельштаме чрезвычайно дорога, как продуманная и взявшая много времени работа, и естественно, что я хотел бы видеть ее напечатанной» (*РГАЛИ*. Ф. 1328. Оп. 2. Ед. хр. 150. Л. 4). О статье Поступальского см. 1928, Октябрь, не позднее 25 (?).

Января 17. Протокольная запись доклада Д. С. Усова «Русская лирика в немецком переводе» в ГАХН (17 янв. 1929). Тезисы: «Предлагается ряд новых стихотворных переводов русских лириков на немецкий язык, выполненных докладчиком (Пушкин, Баратынский, Ахматова, Мандельштам, Шервинский, Есенин, Тихонов и др.) <...>. Дав оценку современных переводов русских новейших поэтов на немецкий язык, докладчик прочитал ряд своих немецких стихотворных переводов Пушкина, Баратынского, Сологуба, Ахматовой, Гумилева, Мандельштама, Пяста, Шервинского, Есенина и Тихонова, с примечаниями, касающимися стилистической стороны переведенных текстов <...>. Обсуждение: «Б. И. ЯРХО дал общую весьма положительную оценку прочитанных переводов <...>. Оппонент отметил небрежность в пользовании некоторыми выражениями русского языка у акмеистов, которая иногда сказывается и на немецком переводе (например, у О. Мандельштама). <...> Ф. А. ПЕТРОВСКИЙ находит, что переводы в некоторых случаях дают возможность яснее осмыслить стихотворение. Немецкий читатель получает объясненным всё, что для русского может показаться темным. Стихотворение О. Мандельштама "Век" в переводе предстает в существенно ином аспекте» (*Усов 2011*. Т. 2. С. 419–420, со ссылкой: *РГАЛИ*. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 79. Л. 22–24).

Января 21. В газете «Вечерний Киев» — заметка «Осип Мандельштам в Киеве», сообщается о намеченном на 26 января его вечере в Доме врача.

Января 25. В газете «Вечерний Киев» помещена статья «Веер герцогини».

Января 26. Киев. Авторский вечер О. М. в Доме врача (на Владимирской ул., угол Прорезной). «“Египетская марка” <...> в ней все черты мандельштамовской прозы проявлены с еще большей классической честностью. С настойчивостью мужественного мастера Мандельштам доводит мысль до исключительной выразительности. Здесь нет ни одной случайной запятой. Читатель осязает каждое слово и чувствует его тяжесть, как будто взвешивает его на ладони. Эту книгу можно читать несколько раз, и каждый раз она поразит вас какой-нибудь новой деталью <...> После отрывков из “Египетской марки” Мандельштам прочел несколько стихотворений (“Век”, “1 января 1924 года” и др.). Слушая эти стихи, с их глубоким, только Мандельштаму присущим дыханием, стараешься понять, почему этот поэт перешел на свою необычайную прозу. Прочитав “Египетскую марку” или “Шум времени”, чувствуешь, что в этом переходе скрыт глубочайший смысл. Недаром в одной из бесед Мандельштам сказал: “Я чувствую кризис строфы, которая для меня является миросозерцанием”. Для поэта такого масштаба и глубины это — серьезный перелом» (В. Ч[аговец]. Вечер Осипа Мандельштама // Вечерний Киев. 29 янв. С. 4).

♦ Письмо Ю. П. Трубецкого — Г. П. Струве, 9 июня 1953 г.: «Следующая (и последняя) встреча моя с О. Э. была уже во время т. наз. НЭП'а (год точно не помню), когда О. Э. приехал официально и читал лекцию в Доме Ученых. Лекция его была просто читкой рукописи впоследствии изданной книги “Шум времени”. После лекции его снова пригласили к проф. [С. А.] Гилярову (жена Гилярова была поэтессой и устраивала “лит<ературные> среды” — по вторникам). На этой вечеринке, данной в честь О. Э., последний и слушал и читал стихи, впоследствии вошедшие в изданный сборник “Стихотворения”» (Новое лит. обозрение. 2009. № 100. С. 386. В статье Н. Богомолова «Что видно сквозь “железный занавес”»).

Января не ранее 28 — Февраля не позднее. Киев. Выступает с чтением стихотворений на встрече со студентами университета, знакомится здесь с И. Ф. Бэлзой. По его приглашению на следующий день приходит вместе с женой в гости к Бэлзе. Слушает в исполнении автора музыкально-вокальные произведения на стихи Мандельштама, Гумилева, А. Д. Радловой, Н. Ф. Барабасенко (приятель Бэлзы), причем выясняется, что О. М. знаком с творчеством последнего (процитировал строфу из его поэмы). Общая беседа о Н. С. Гумилеве. Исполнение Бэлзой «Похоронного марша», посвященного памяти Гумилева. О. М. сообщает о рукописной поправке, внесенной Гумилевым в свое стихотворение «Сонет» (Бэлза И. Ф. Встречи с О. Э. Мандельштамом // Наше наследие. 1996. № 38. С. 97–102).

Февраля не позднее 3. Вышел из печати т. 1 «Литературной энциклопедии» со статьей В. Совсуна «Акмеизм, или Адамизм». Источник даты: *Книл* № 5, 5 февр. «Не достигнув еще полного своего расцвета по сравнению с буржуазией Европы, русская буржуазная интеллигенция под напором растущего революционного движения (год создания группы — 1912), через своих представителей — поэтов утверждала свой внеобщественный мир. Символисты ушли в потустороннее, отдав на служение ему почти всю свою поэзию, эго-футуристы стали фетишизировать слово, закрываясь им от действительности, акмеисты по той же причине ушли в фетишизацию вещей от познания социального бытия и переустройства жизни. Сами акмеисты мыслили, что выставляемые ими принципы материального, вещного восприятия жизни должны были быть по сути дела "здоровой" поправкой на туманную мистическую отвлеченность символистов. Но акмеисты органически связаны с символистами и эго-футуристами, отличаясь от них только тем, что уходили от подлинной социальной действительности в другую область. Выражая психологию господствующих классов предоктябрьского периода, акмеисты должны были отрицательно отнестись и к Октябрьскому перевороту. Это сказалось на творчестве и привело их группу к распаду (1922), т. к. они не могли найти в новых условиях социальной жизни источников для их поэтической продукции. В настоящее время за границей продолжают писать эпигоны акмеизма: Ходасевич, Марина Цветаева (см.) и др. Последним представителем акмеизма в Сов. России является О. Мандельштам».

Февраля начала не позднее. Вышла книга Ю. Н. Тынянова «Архаисты и новаторы», включавшая статью «Промежуток». Датируется по изд.: Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М.: «Наука», 1977. С. 397. «Мандельштам решает одну из труднейших задач стихового языка. Уже у старых теоретиков есть трудное понятие "гармонии" — "гармония требует полноты звуков, смотря по объятности мысли", причем, как бы предчувствуя наше время, старые теоретики просят не смешивать в одно "гармонию" и "мелодию"».

Февраля середина. Киев. Письмо к отцу в Ленинград. «История Надиной операции тебе, наверное, известна от Лившица. <...> Я обратился к женщине-хирургу проф<ессору> Гедройц. Это моя старая знакомая, случайно оказавшаяся в Киеве царскоселка. Член "Цеха поэтов" в давние времена. Придворный хирург. Когда-то оперировала Вырубову. Теперь ей простили прошлое и сделали здесь профессором. Около месяца она продержала Надю в постели, подготовляя к операции. <...> Зиф, как тогда летом в Ялте, не хотел выслать денег. Но, мерзавцы, всё же выслали. Это оказался последний гонорар. Договор, ты знаешь, расторгнут. Вернее, Ионов объявил его расторгнутым. <...> Проживающий здесь писатель Бабель свел меня с громадной украинской кинофабрикой Вуфку. Он умолял меня бросить переводы и не глушить больше мысли и живой работы» (*ПССиП.* Т. 3. № 123).

Февраля середина. Письмо Н. Мандельштам — Э. В. Мандельштаму. «Меня зарезали, как поросенка, выпотрошили, и всё оказалось хорошо. Я страшно рада операции и тому, что она произошла до разрыва договора с ЗИФом. Это мне подвезло. Ведь это дорогая штука. Ося тяжело пережил всю мою болезнь. Замечательно ухаживал за мной, как настоящая "сестрица милосердия". Он у вас хороший, ваш Ося. Хотелось бы мне, деда, чтобы Осе удалось бросить переводы — была бы большая радость. Но я боюсь даже думать о таком счастье...» (*В переписке семьи.* С. 74–75).

Февраля 14. Из дневника М. Кузмина: «У Лившицев неприятность. Ионов расторг все договоры и не хочет заключать новые. Это, конечно, крушение временное их немалого благосостояния, их фабрики переводов. Потому они кисловаты. Но посидели ничего, уютно» (Михаил Кузмин: Жизнь подо льдом / Подгот. С. В. Шумихина // Наше наследие. Редакционный портфель = http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Kuzmin03.php).

Февраля 16. Киев. Письмо к И. И. Ионову в Москву: «Только что я получил извещение, что Вы, во-первых, объявили договор на Майн-Рида со мной и Лившицем расторгнутым, а во-вторых, заявили Лившицу, что работать с нами впредь вообще отказываетесь. Я не уполномочивал Лившица о чем бы то ни было Вас просить и отнюдь не считаю, что вопрос о том или ином договоре может быть разрешен расторжением его в явочном порядке издательской стороной. Независимо от того, насколько этим затрагиваются мои и Лившица личные интересы, Ваше выступление в той форме, как мне о нем передавал Лившиц, является грубейшим общественно-литературным промахом. Я пишу Вам именно в этом плане» (*ПССиП.* Т. 3. № 122).

Февраля не позднее 17. Вышел из печати сборник «Литературные манифесты. От символизма к Октябрю» (2-е изд. Подгот. Н. Л. Бродский с соавт.). Источник даты: *Книл* № 7, 19 февр. В сборнике перепечатана статья «Утро акмеизма» (см. 1919, Апреля 17 или 18).

♦ Из воспоминаний: «Составляя книгу статей, Мандельштам про "Утро акмеизма" не вспомнил. Потом прочел в книжке манифестов и пожалел, что не включил в сборник "О поэзии". Цензура могла сдуру пропустить» (*Вторая книга.* С. 39).

Февраля 20. Записка А. Г. Горнфельда во Всероссийский Союз писателей: «Так как О. Мандельштам доставил Союзу писателей свое письмо в редакцию "Вечерней Москвы" <...>, то я полагаю нужным переслать к сведению Союза также мое ответное письмо» (*ИРЛИ.* Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 4). См. об упомянутых Горнфельдом материалах: 1928, Декабря 12.

Февраль. В № 3 журнала «На лит. посту» — рецензия А. Тарасенкова на «Египетскую марку». «Странное впечатление остается после прочтения этой во многом интересной и примечательной книги:

с одной стороны — пустоты, апофеоз пустоты содержания, с другой стороны — тончайшая, именно поэтическая наблюдательность. О. Мандельштам-поэт, последний эпигон так называемого акмеизма, за годы революции почти ничего не дал (очень показательны в этом отношении его "стихотворения", изданные Гизом в 1928 г.). Тот высокий стиль классических историзмов, на котором держалась вся поэтика О. Мандельштама, оказался для нашего времени крайне антидейственным. <...> Кроме этой повести, в книге собрано около 20 небольших очерков-воспоминаний. Посвящены они, как это ни странно эпохе первой революции (1905 г.). но ощущение странности пропадает, как только мы знакомимся с "содержанием" этих воспоминаний. Они трактуют о *случайных* и временных попутчиках революции, о буржуазных интеллигентах, которые иногда по какому-то недоразумению кажутся "репетиторами революции". Более опошленное применение термина В. И. Ленина трудно себе представить. <...> В целом книга О. Мандельштама, несмотря на отдельные, очень "левые" высказывания <...> это сгусток горечи по поводу ушедшего прошлого, злая, издевательская ирония над самим собой, над своим поэтическим стилем» (с. 72–73).

Февраль — март. Письмо в Федерацию объединений советских писателей. «Выпад [И. И.] Ионова переворачивает все наши представления об уважении к писательскому труду: грубый окрик, град тяжелых безответственных обвинений, абсолютное презрение к личности и заслугам двух работников, которые отдали годы труда советской книге» (*ПССиП*. Т. 3. № 124). См. Февраля 16.

Март, до 7. В Париже вышла книга В. С. Познера «Панорама текущей литературы. Русская литература» (Vladimir Pozner. Panoramas des literatures contemporaines. Literature russe. Paris, 1929). Главка о творчестве О. М. — с. 260–265.

Марта 30. В еженедельнике «Россия и славянство» № 18 — заметка Г. П. Струве «Новая книга по истории русской литературы» [рец. на кн.: Arseniew N. S. Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. Mainz: Dioskuren-Verl., 1929. = Арсеньев Н. С. История русской литературы Нового времени и современности]. «...Непонятно почему он ни слова не говорит об О. Мандельштаме (поэте интересном и значительном)».

Март (?). Киев. Пишет рецензию под названием «Шпигун» на фильм «Знакомое лицо» (*ПССиП*. Т. 3. С. 237–241, 696).

Март. В журнале «Кіно. Журнал Української кінематографії» (Березень. № 6 (54). С. <12>) (данные С. Василенко) в переводе на украинский язык помещена рецензия на фильм «Кукла с миллионами» (в переводе — «Крамниця дешевих ляльок»). См. «Долой "куклу с миллионами"» (*ПССиП*. Т. 3. С. 233–237, 692).

Март. Москва. Диктует Э. Г. Герштейн статью о переводах; живет в это время в комнате в районе Белорусского вокзала (*Герштейн мемуары*. С. 17). См. Апреля 7.

Март или апрель. Подает заявку в Государственное издательство на повесть «Фагот» (*ПССиП*. Т. 3. С. 718).

Апреля 7. В газете «Известия» помещена статья «Потоки халтуры». О неудовлетворительной постановке выпуска переводной литературы в издательствах.

Апреля 7. Третейский суд по делу об одностороннем расторжении издательством «Земля и фабрика» договоров с О. М. и Б. Лившицем на переводы (см. Февраля 16). Письмо Р. В. Иванова-Разумника — А. Г. Горнфельду, 8 апреля: «Когда зайду к Вам — расскажу, чем кончилось третейское судилище К° Мандельштам–Лифшиц contra Ионов (или наоборот), происходившее здесь в тот самый день, когда в Москве появился этот самый фельетон о халтуре» (*РГАЛИ* Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 13). См. также: *ПССиП*. Т. 3. С. 796–797.

Апреля 16. «16 апреля в ГИЗе состоялось совещание переводчиков совместно с представителями издательств. <...> Совещание избрало бюро, которому поручило разработать конкретные мероприятия в области регулирования переводной литературы <...> [Г. Б.] Сандомирский (ГИЗ), Эфрос, Зенкевич, О. Мандельштам, Ярхо, Ром[м], Мориц» (Лит. газета. 22 апр. С. 2).

Апреля 19. Записал в «альбоме» А. Крученых: «Газета все-таки инсценирует “Дело Мандельштама”. Заславскому оставлена трибуна обвинителя. [С. И.] Канатчиков в конфликт<ной> комиссии будет судить самого себя. (Он ее председатель.) Вопрос об “Уленшпигеле” берется вне общей практики издательств. Я требую: передачи дела во всем объеме в Исполбюро. Редакция покрывает основную передержку Заславского, умолчавшего про общую ненормальную практику, от которой я, единственный из всех, еще до начала травли в печати, начал резкий отход. У меня есть список изданий, подобных “Уленшп<игелю>” (десятки книг, имена Луначарского, [П. С.] Когана, [И. М.] Нусинова, [М. Ю.?] Левидова (тот же “Уленшпигель” Горнфельда (!) и т. д.). Не допустите инсценировки “дела Мандельштама”!

Насколько мне известно, имеется ответ Г<орнфельда> на мое “письмо”, распространявшийся им в рукописи. О. М. 19 апр. 1929» (*ПССиП*. Т. 3. С. 803–804).

Апреля 19. Дарственная надпись А. К. Виноградову на книге «Стихотворения» (частное собрание).

Апреля 26. Письмо О. М. «В редколлегию ГИЗа». Из текста следует, что в ответ на заявку О. М. на заключение договора на прозу под названием «Фагот» Е. Ф. Усиевич предложила дать пробу или конспект задуманной вещи как условие для заключения договора. Указан адрес: «Москва, Страстной 6 кв. 14. Хазину для Мандельштама, тел. 3–12–31» (*ПССиП*. Т. 3. № 125).

Апреля не ранее 27. Поселяется в общежитии Цекубу. Выехал из общежития не ранее Июня 18 (см.). Адрес: Кропоткинская наб., д. 5 (*Видгоф 2012*. С. 615).

Апрель. В журнале «Новый мир» № 4 помещено стихотворение «А небо будущим беременно...».

Апрель. Исключен из Литературного фонда в итоге перерегистрации членов (*Кукушкина 2010* . С. 558).

Апрель — Мая середина. Заявление в ФОСП с просьбой о вызове для опроса по делу о переводе «Уленшпигеля» Е. Г. Рожицыной, А. И. Ромма, М. А. Зенкевича, А. И. Зонина. Адрес: Москва, Общежитие Цекубу (*ПССиП*. Т. 3. С. 595).

Мая 2. В парижском литературном кружке «Кочевье» (председатель М. Л. Слоним) — «вечер устных рецензий». «Вечер устных рецензий был посвящен новым книгам — "Египетской марке" О. Мандельштама (докл. Б. Сосинский), "Зависти" Ю. Олеши (докл. Н. Рейзини) и "Петербургским зимам" Г. Иванова (докл. Б. Поплавский)» (Воля России. Прага, 1929. № VIII–IX (авг.–сент.); Последние новости. 1929. 2 мая. № 2962).

Мая 7. В «Лит. газете» № 3 и «Вечернем Киеве» помещена статья Д. Заславского «О скромном плагиате и о развязной халтуре».

Мая 9. Письмо С. Ф. Буданцева — В. Д. Ряховскому. «В Москве раздается изредка зычная ругань, которая до нас, провинциалов, не докатывается. Например, Заславский в "Лит. Газ." обругал Мандельштама, писатели встают на защиту и готовят язвительные цитаты из Ленина против Заславского, в цитатах сей журналист назван буржуазным шантажистом или что-то вроде этого» (*РГАЛИ*. Ф. 422. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 75).

Мая 10. — Дата письма О. М., помещенного в «Лит. газете» 13 мая (*ПССиП*. Т. 3. № 126) в ответ на публикацию «Лит. газетой» (№ 3) статьи Заславского «О скромном плагиате и о развязной халтуре».

Мая 11. Первое заседание Губсуда по иску Карякина к ЗИФу. «Губсуд отложил дело и назначает литературную экспертизу» (письмо Д. Заславского — А. Горнфельду от 18 мая — *Нерлер Уленшп. 3.* С. 137).

Мая 12. Дарственная надпись В. Луговскому на «Стихотворениях»: «с воинским салютом, ибо поэзия — военное дело» (*Инскрипты*. С. 216).

Мая 13. В «Лит. газете» № 4 помещено открытое письмо О. М. от 10 мая (*ПССиП*. Т. 3. № 126) и письмо 15-ти московских писателей в поддержку О. М. (подписали: К. Зелинский, Вс. Иванов, Ник. Адуев, Б. Пильняк, М. Козаков, И. Сельвинский, А. Фадеев, Б. Пастернак, В. Катаев, К. Федин, Ю. Олеша, М. Зощенко, Л. Леонов, Л. Авербах, Э. Багрицкий).

♦ Телеграмма о присоединении к протесту писателей «в четвертом номере Литературной Газеты». Подписана А. Ахматовой, В. Саяновым, Б. Эйхенбаумом, В. Друзиным, В. Кавериным (*Слово и судьба*. С. 136. Публ. В. Лукницкой, П. Нерлера). Выступление О. М. поддержано также статьями А. Ромма «Кабала и халтура» и ДИАР «Человек ли переводчик?», см. Мая 18, Мая 25.

Мая 13. Письмо Д. И. Заславского — А. Г. Горнфельду. «Лично я ввязался в это дело случайно. <...> Но "Литературная газета" просила меня написать фельетон, мне казалась эта тема подходящей, редакция (то есть те члены редакции, которые со мной говорили) эту тему одобрили, и я не предполагал, что поднимется из-за этого такой шум» (*ПССиП*. Т. 3. С. 804).

Мая 14. Письмо О. М. в Исполбюро ФОСП. «В редакционном примечании к письмам в редакцию, помещенным в № 4 "Литературной газеты", говорится, что "по просьбе редакции разбором дела займется конфликтная комиссия ФОСП, решение которой будет опубликовано в одном из ближайших номеров нашей газеты".

Я оспариваю право редакции "Литературной газеты" давать дальнейшее направление тому "делу", которое поднял при ее содействии Заславский. С самого начала редакция "Литературной газеты" вела себя как заинтересованная сторона. *Крайне резкий по тону и по выражениям* фельетон Заславского был напечатан без всякой проверки и без каких бы то ни было редакционных примечаний. Между тем мое письмо и письмо группы писателей редакция сочла нужным сопроводить оговоркой: "редакция оставляет на ответственности авторов писем допущенные в них *резкости тона и выражений*". Допуская подобное неравенство, газета фактически солидаризируется с Заславским и предрешает заключение конфликтной комиссии.

Кроме того, я заявляю, что случай с "Уленшпигелем" в издании ЗИФа не может служить предметом *отдельного разбирательства* в конфликтной комиссии. Этот случай составляет часть *широкой* практики издательств, выпускавших старые переводы без указания имен переводчиков в переработанном виде — с точно таким же титульным листом, с каким, учитывая поправку ЗИФа, вышел "Уленшпигель"» (*ПССиП*. Т. 3. № 127).

Мая 15. Письмо А. Б. Дермана к А. Г. Горнфельду. «Дорогой Аркадий Георгиевич! Посылаю "Лит<ературную> Газету" [№ 4] с продолжением Мандельштамианы. Письмо писателей производит довольно неприятное впечатление. Это явно подписи под чужим текстом, подписи данные "по-дружески", на веру. <...> Вообще по существу о письме писателей можно говорить очень много, но дело не в этом и не это меня сейчас озабочивает. Я хотел бы ясно себе представить, какую позицию в этом инциденте намерены Вы занять и не надо ли Вам здесь чего? Жалко, что не кто-нибудь другой написал о Манд<ельштаме>, а то с этим не хочется входить в сношения. Будь бы кто-то другой, я бы позвонил и сказал, что могу дать кое-какие пояснения. Или Вы думаете, что принципиальный вопрос возвышается над другими соображениями? Вообще, напишите поскорее, как и что» (*Нерлер Уленшп*. 3. С. 136).

Мая 18. В газете «Вечерняя Москва» помещена статья А. Ромма «Кабала и халтура» (о нищенской оплате труда переводчиков и низком качестве переводов).

Мая около 18. Вместе с М. Зенкевичем и М. Горнунгом приходит к И. Сельвинскому с просьбой о поддержке на предстоящем обсуждении его дела в Союзе писателей (Федерации объединений советских писателей). «В общем же [Сельвинский] принял нас благожелательно и обещал О. М. свое содействие» (*Горнунг Б. Заметки*. С. 158). См. Мая 22.

Мая 20. «Лит. газета» поместила в № 5 «Письмо в редакцию» Д. Заславского в качестве ответа на выступление 15-ти писателей в «Литературной газете» 13 мая.

Мая 20. Письмо А. Г. Горнфельда в конфликтную комиссию ФОСП. «В ответ на предложение Конфликтной Комиссии сообщить, каково мое отношение к столкновению между Д. Заславским и О. Мандельштамом, должен сообщить следующее: Я считаю, что характеристика приемов М<андельшта>ма, данная З<аслав>ским в Лит<ературной> Газете [№ 3], в основе правильна» (*Нерлер Уленшп*. 3. С. 138).

Мая 21. Заседание Исполбюро ФОСП в присутствии 6-ти писателей из числа подписавших письмо в «Лит. газету» 13 мая (Адуев, Пильняк, Фадеев, Пастернак, Катаев, Олеша). Принято постановление: «Принимая во внимание, что переделка старых переводов иностранных авторов и их переиздание повседневно практикуется сейчас издательствами, Исполбюро считает, что инцидент т. Мандельштама, квалифицированного и опытного переводчика и редактора, и т. Заславского является следствием не частного, а общего явления, характеризующего состояние переводческого дела в СССР, поэтому Исполбюро постановляет: 1. Частный инцидент между Мандельштамом и Заславским считать исчерпанным опубликованием всего фактического материала по этому вопросу в Литературной газете. 2. Создать Комиссию при ФОСП для проработки вопроса об урегулировании переводческого дела» (*ПССиП*. Т. 3. С. 805; *ИМЛИ*. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 32). Пункт 1 постановления опубликован в «Лит. газете» № 7, 3 июня. См. также Мая 27.

Мая 22. Заседание конфликтной комиссии ФОСП. Из письма А. Б. Дермана — А. Г. Горнфельду, 22 мая: «Из братьев-писателей явился сначала один Сельвинский <...> Среди членов Конфл. Комиссии я узнал только двух: Львова-Рогачевского и... Маяковского! Нас пригласили и объявили: <...> Постановление Конфликтной Комиссии, в котором она указывает на неправильность <...> решения исполбюро <...> и ходатайствует о том, чтобы дело было передано в Конф. Комиссию, не считаясь с просьбой Мандельшт<ама> <...> Очень резкую реплику по адресу Манд. подал Маяковский, да и весь суд в целом был явно против него» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 51–52 об.).

Мая 25. Телеграмма Ахматовой — Пастернаку с протестом против травли О. М. (*Слово и судьба*. С. 137. Публ. В. Лукницкой, П. Нерлера).

Мая 25. В газете «Вечерняя Москва» статья «Человек ли переводчик?» (подписана: ДИАР).

Мая 27. Телеграмма О. М. — Н. Мандельштам из Москвы в Ленинград. В связи с предстоящим совещанием писателей в Ленинграде (*ПССиП*. Т. 3. № 128). Адрес: Ленинград. Фонтанка, 34. Ахматовой для Мандельштам. Помета П. Н. Лукницкого: «Из Москвы. Получена 27/V-1929 вечером». В ответной телеграмме того же дня Н. Мандельштам просила выслать постановление конфликтной комиссии, необходимое для совещания ленинградских писателей 28 мая (*ПССиП*. Т. 3. С. 804).

Мая 27. «Лит. газета» № 6 публикует заметку «В Федерации». «Исполбюро Федерации поручило комиссии — в составе А. Эфроса, К. Зелинского и В. Иллеш разработать проект организации переводчиков и внести его на рассмотрение исполнительных органов Федерации». См. также: Переводчики объединяются // Лит. газета. № 9, 17 июня. С. 1; Верховный суд РСФСР и писатели // Там же. С. 4.

♦ Из письма Б. В. Горнунга к жене: «Посылаю <...> 2 № “Лит<ературной> газеты”. О М<андель>штаме в № 5, а № 6 весь сплошь очень интересен. Ты обязательно сохрани. С М<андельштам>ом учинили (наверно, Эфрос) величайшую подлость. Мы предпринимали ряд шагов, но потом Исполбюро Федерации, “не допустив дело до конфл<иктной> комиссии”, вынесло [21 мая] благоприятное для М<андельшта>ма решение, однако в № 6 [27 мая] ничего не опубликовали, и вышло, что то, что ты прочтешь в № 5, есть последнее и не опровергнутое» (*Поход времени*. С. 403).

Мая 28. Собрание писателей в редакции журнала «Звезда» по делу О. М. Сообщение Н. Мандельштам «по документам» (*Слово и судьба*. С. 137). Собрание приняло «Письмо в редакцию», которое подписали: В. Саянов, В. Каверин, М. Слонимский, Н. Тихонов, И. Поступальский, П. Лукницкий, А. Моргулис, Б. Эйхенбаум, А. Ахматова, Ю. Тынянов, С. Семенов, В. Эрлих, М. Карпов, П. Журба, В. Пяст, М. Фроман, К. Вагинов, Г. Горбачев, И. Груздев, Б. Лившиц, З. Штейнман. Груздев увез письмо в Москву и передал в редакцию «Лит. газеты» (*ПССиП*. Т. 3. С. 805; *В записях Лукницкого*. С. 124–125).

♦ Запись дневника Д. Выгодского, 28 мая: «Приехала Над. Як. Мандельштам обрабатывать общественное мнение писателей по поводу Осипа. Собрались писатели и подписали какой-то протест против Заславского. Причем никто не знает, в чем в сущности дело, никто не поинтересовался узнать. Зощенко отвечает на мой вопрос, как это он подписал (легкомысленно): — Наших бьют. То же примерно сказал Никитин. То же сказал по телефону — Слонимский» (Семейный архив Выгодских).

Мая 30. Письмо Б. Пастернака — М. Цветаевой: «У Мандельштама осенью случилось очень досадное недоразуменье с Горнфельдом, по вине одного издательства. Оно было улажено обоюдосто-

ронними письмами в редакцию. В середине зимы он имел глупость и несчастье “в общественном разрезе” поставить тему, одноименную с областью, в которой он проштрафился, или только, как хочу думать, благородно обжегся. Он напечатал в “Известиях” фельетон о постановке переводческого дела в СССР, прекрасно написанный и показавшийся мне глубоко антипатичным. Он там называл изъяном дела то, что переводы поручаются (как бы сказать покороче) тем, кому бы я их только и поручал, т. е. людям нуждающимся, знающим языки, а не литераторам-специалистам. Это даже немного било по моим постоянным усильям и по моим симпатиям. Я люблю людей обыкновенных, и сам — обыкновенный человек. Теперь против него поднята, действительно недостойная, травля, и как всё у нас сейчас, под ложным, разумеется, предлогом. <...> А сам он [О. М.] удивителен. Правда, надо войти в его положенье, но его уверенности в правоте я завидую. Вру, — смотрю, как на что-то нежданно-чужое. Объективно он не сделал ничего такого, что бы хоть отдаленно оправдывало удары, ему наносимые. А между тем он сам их растит и множит отсутствием всего того, что бы его спасло и к чему я в нем всё время взываю. На его и его жены взгляд, я — обыватель, и мы почти что поссорились после одного разговора» (*Пастернак ПСС*. Т. 8. С. 329–330).

Май. В № 5 журнала «Звезда» — статья Н. Берковского «О прозе Мандельштама». «Однако “артистизмом” не измерен весь Мандельштам. <...> Если б речевая игра определяла всю работу Мандельштама, она бы, эта работа, оказалась в нашем советском обиходе запоздалым культурным излишком. Ну что же, собственный наш русский Жироду, новый поводырь обезьяны слова — поводырь на чьи дворы, к чему, зачем?» (с. 161).

Июня 2. В «Комсомольской правде» — статья «Инцидент исчерпан» (подписана: И. Б-с). «Вопрос о дикой, хаотической организации переводческого дела фактически снят с повестки дня. <...> Мы ждем ответа от наших издательств. Мы требуем прекращения травли тов. Мандельштама».

♦ Из письма Д. Заславского — А. Горнфельду 4 июня: «Я написал резкий ответ “Комс<омольской> Правде”, который, вероятно, не будет напечатан» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 5–8).

Июня 4. Протокол заседания секретариата ФОСП (в связи с постановлением конфликтной комиссии 22 мая). По «делу Мандельштама» подтверждено решение от 21 мая. «Что же касается обсуждения этого дела в конфликтной комиссии, то это обсуждение является целиком делом комиссии» (*ИМЛИ*. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 13).

Июня 6. В парижской газете «Последние новости» — рецензия Н. А. Оцупа на «Египетскую марку». «Сюжет в “Египетской марке” почти отсутствует. Это — вдохновенная лирическая путаница с обрывками размышлений от первого лица, это — попытка бегло показать жалкую и пленительную фигуру некоего Парнока, близкого

по духу Макару Девушкину из “Бедных людей” или Акакию Акакиевичу из “Шинели”. <...> Повесть Мандельштама не убеждает, что поэт может писать прозу по законам стихотворческим. Скорее убеждает она в обратном: ее условно-поэтический язык напрягает и утомляет внимание читателя. И все-таки — с этой повестью следует познакомиться. В “Египетской марке”, несмотря на общую неудачу, нет значительных срывов, а отдельные места в ней, благодаря блеску беглых характеристик и глубине мыслей и наблюдений, — поднимаются на высоту лучших страниц современной прозы».

Июня 8. Заявление О. М. в Московский губернский суд с просьбой вызвать свидетелями бывших работников ЗИФа Шойхета Абрама Моисеевича и Колесникова Леонида Иосифовича (*ПССиП*. Т. 3. С. 595).

Июнь, не позднее 10. Письмо ленинградским писателям. С требованием выступить против позиции «Лит. газеты» в деле об «Уленшпигеле» (*ПССиП*. Т. 3. № 129).

Июня 10. Заседание конфликтной комиссии ФОСПа по делу о переводе «Уленшпигеля». О содержании зачитанного на нем заявления О. М. (на заседание не явившегося) можно судить по пересказу в письме Д. Заславского к А. Горнфельду от 13 июня 1929 г.: «Мандельштам 1) не признает компетенции конфл<иктной> комиссии в этом деле, но как будто не отказывается от рассмотрения в специальной комиссии <...> 2) Он не верит в беспристрастие конфл<иктной> комис<сии> и считает ее суждение предрешенным» (*ПССиП*. Т. 3. С. 806).

♦ В заседании участвовал Б. Пастернак. Из его письма к Н. Тихонову, 14 июня: «Тут на днях собиралась конфликтная комиссия. Его [О. М.] на ней не было, и я, защитник, первый признал его виновным, весело и по-товарищески <...>» (*Пастернак ПСС*. Т. 8. С. 334–335). См. также: «Он протестовал против обвинения Мандельштама в плагиате, однако считал его ответственным за происшедшее и предложил сформулировать решение комиссии словами самого Мандельштама, признавшего в <...> письме в “Вечернюю Москву” свою “моральную ответственность” перед автором перевода» ([Пастернак Е. Б. Комментарий] // Лит. наследство. Т. 93. М.: «Наука», 1983. С. 680).

Июня 10. Выписка из протокола заседания конфликтной комиссии ФОСП. Копия. «1929 г., июня 10 дня Конфликтная Комиссия Федерации Объединений Советских Писателей в открытом заседании рассмотрела конфликт, возникший в связи с изданием ЗИФ’ом перевода “Уленшпигель” Де-Костера, в обработке т. Мандельштама.

В заседании присутствовали представители ЗИФ’а — т.т. Яковлев и Свистунов, т. Заславский, переводчик т. Карякин; из числа 15 писателей, выступивших печатно по этому делу — т.т. Олеша, Б. Пастернак, К. Зелинский, Н. Адуев.

О. Э. Мандельштам в заседание комиссии не явился. А. Г. Горнфельд прислал письменное объяснение.

Комиссия вынесла следующее постановление:

1. Признать недопустимой существующую практику издательств, когда они заключают с третьими лицами договора об издании переводных произведений, без согласия и даже ведома переводчиков. Всякое посредничество третьих лиц, получающих подряд на поставку переводов, является недопустимым в наших советских условиях и неизбежно ведет к появлению так называемых в театральном деле «жучков», а с другой стороны "негров".

2. Признать, что ЗИФ, заключив договор с т. Мандельштамом на обработку переводов, не только не оговорил прав переводчика на материальное вознаграждение, но и нарушил интересы переводчиков, как художников слова, и должен нести за это ответственность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

3. Признать, что т. Мандельштам не имел права пользоваться существующими переводами т.т. Карякина и Горнфельда и составлять из них новый перевод, без их согласия. Он должен был получить согласие названных переводчиков, не только на право обработки, но и на окончательную редакцию текста. Между тем т. Мандельштам использовал чужой труд без согласия авторов-переводчиков и без оплаты их труда. Будучи квалифицированным литератором и переводчиком он должен был помогать борьбе с посредничеством. Поэтому он несет моральную ответственность перед авторами.

4. Т. Заславский поступил правильно, как общественный работник и журналист, когда в фельетоне, помещенном в "Литературной Газете", встал на защиту достоинства литературы и осудил поведение тов. Мандельштама. Все факты, приведенные им, верны и в них нет никакой клеветы, но в тоне всего фельетона допущена резкость, дающая возможность непосвященным в дело читателям неправильно осудить т. Мандельштама, как халтурщика.

5. Это вызвало с другой стороны резкое письмо-ответ т. Заславскому со стороны 15-ти писателей, которые, недостаточно учитывая фактическую сторону дела, неправильно оценили выступление т. Заславского и безоговорочно оправдали поведение т. Мандельштама.

ЧЛЕНЫ КОНФЛИКТНОЙ КОМИССИИ: Богданов, Канатчиков, Львов-Рогачевский. Зав. Юрбюро Николаев. Секретарь» (*Нерлер Уленшп*. 3. С. 151).

Июня 11. Заседание Губернского суда по иску В. Карякина к издательству ЗИФ.

Июня 11. Письмо О. М. и Н. Мандельштам к Ахматовой о ходе разбирательства по делу о переводе «Уленшпигеля». «Несмотря на постановление Исполбюро, прекратившего дело, Канатчиков и Заславский самочинно созвали отмененную конфликтную комиссию для Суда над О. Э. О. Э. на комиссии не было. Писатели были вызваны. О. Э. позвонили по телефону в день комиссии и сообщили

уборщице из Цекубу, что “сегодня в 2 часа дня состоится К<онфликтная> К<омиссия>”. <...> Сегодня был суд по делу Карякина к ЗИФу. О. Э. вызван был соответчиком. Не доверяя юрисконсульту, пришел член нового правления Яковлев. Повторил все свои подлые выпады, заявил, что издательство ничего не знало и т. д. Но это суд настоящий — в нем были и наши свидетели (Шойхет). Зачитаны письменные показания других. Яковлев, уходя, заявил, что во всем согласен с Заславским. От О. Э. выступал представитель бюро расследований “Комсомольской”. Решение в пятницу [15-го]. По всему течению суда можно сказать (общее мнение), что ЗИФ проиграл. Еще. Писатели не объявили недоверия Конфликтной комиссии, но это сделали переводчики. У Нейшта<д>та (один из лучших переводчиков, случайно услыхавший о К<онфликтной> К<омиссии> и явившийся на нее) вышло столкновение с Заславским. Тот назвал Нейшта<д>та — идеологом халтуры. Бюро переводчиков подало заявление о недоверии и о некомпетентности Комиссии в 14 пунктах» (*ПССиП*. Т. 3. № 130).

Июня между 12 и 18. Письмо Б. В. Горнунга — жене. «В понедельник вечером [10-го] и вторник утром [11-го] всё время возился с делом М<андельштама>; в пон<едельник> в Федерации, а на следующий день в Губсуде, а [В. И.] Нейштадт в Федерации. <...> На суде М<андельштам> держал себя очень хорошо и спокойно, против ожидания его очень поддерживали не только Габр<ичевский>, но и Ярхо... Самой же “благородной” фигурой явился Шойхет — свидетель со стороны М. (так же как и Зонин). Но тут было и много комического... Ш<ойхет> говорил и обо мне, кроме того мои договора зачитывались судьей и также фигурировали к посрамлению ЗИФа» (*Горнунг Б. Заметки*. С. 161–162; *Поход времени*. С. 403–404).

Июня 13. Заседание исполбюро ФОСПа, обсуждалось постановление конфликтной комиссии от 10 июня. Вынесено решение: «Постановление принять к сведению. Опубликование считать излишним». Второй пункт повестки дня — «Об обязанности Конфликтной комиссии рассматривать конфликты по заявлению Литгазеты» — был решен в пользу Мандельштама: «Считать, что Конфликтная комиссия рассматривает дела в двух случаях, или по заявлению сторон, или по постановлению Исполбюро» (*ПССиП*. Т. 3. С. 807).

Июня 15. Оглашение приговора суда по иску Карякина к ЗИФу. См. Июня 11, Июня 17, Июня 18.

Июня 16. Письмо Н. И. Бухарина — председателю Совета народных комиссаров Армении С. М. Тер-Габриэляну. «Один из наших крупных поэтов, О. Мандельштам, хотел бы в Армении получить работу культурного свойства (нпр., по истории арм. искусства, литературы в частности, или что-либо в этом роде). Он очень образованный человек, и мог бы принести вам большую пользу. Его нужно только оставить некоторое время в покое и дать ему поработать. Об Армении он написал бы работу. Готов учиться армянскому языку и т.д.

Пожалуйста, ответьте телеграфом на ваше представительство» (Нац. архив Армении. Ф. 113. Оп. 6. Ед. хр. 49).

Июня 17. В газете «Вечерняя Москва» помещена заметка «Авторский спор: Дело О. Мандельштама и Карякина» Подписана: П. Р.

Июня 18. В газете «Комсомольская правда» помещена заметка «Мандельштам создал новое литературное произведение» (без подписи). «Мосгубсуд по своей инициативе вызвал экспертизу из ГАХН и нашел, что "труд Мандельштама не есть перепечатка, а самостоятельная обработка, прошедшая почти через каждую фразу старого текста", в результате чего, по заключению экспертов, создано новое литературное произведение».

Июня 18. П. Лукницкий навещает О. М. «В 10 часов вечера я у О. Э. и Н. Я. Мандельштам (в квартире брата О. Э. — Александра (?), около Маросейки). О. Э. — в ужасном состоянии, ненавидит всех окружающих, озлоблен страшно, без копейки денег и без всякой возможности их достать, голодает в буквальном смысле этого слова. Он живет (отдельно от Н. Я.) в общежитии ЦЕКУБУ, денег не платит, за ним долг растет, не сегодня-завтра его выселят. Оброс щетиной бороды, нервен, вспыльчив и раздражен. Говорить ни о чем, кроме всей этой истории, не может. Считает всех писателей врагами. Утверждает, что навсегда ушел из литературы, не напишет больше ни одной строки, разорвал все уже заключенные договоры с издательствами. Говорит, что Бухарин устраивает его куда-то секретарем, но что устроиться все-таки, вероятно, не удастся. Хочет уехать в Эривань, куда тоже его обещали устроить на какую-то "гражданскую" должность. Но на отъезд в Эривань нужны деньги, взять их решительно негде. О. Э. выдумывает безумные планы доставания этих денег, планы совершенно мифические, и, конечно, неосуществимые» (*В записях Лукницкого.* С. 126). Адрес Александра Мандельштама этого периода: Старосадский пер., д. 10, кв. 3 (*Видгоф 2012.* С. 187–194).

Июня 19. «Суд отказал Карякину в его иске к ЗИФу и Мандельштаму» (Вечерний Киев. 19 июня. С. 4).

Июня не позднее 21. Вышла книга: Горбачев Г. Е. Современная русская литература. Обзор литературно-идеологических течений современности и критические портреты современных писателей. 2-е изд., испр. и доп. Источник даты: *Книл* № 25, 25 июня. «Русский империализм и дворянский монархизм подали друг другу руки в творчестве Гумилева. Стилизации Кузмина и умнейшая игра Мандельштама в сдвиги времен и мест, были по тематике и настроениям творчеством какого-то второго, отраженного порядка. Это — утонченное "блюдо" для книжников, для филологов, сложное сочетание форм, образов, мотивов старой поэзии. Однако высокий ораторский пафос Мандельштама, напоминающая XVIII век архаическая и "тесноватая" напряженность и возвышенность его речи, торжественная плавность и громкая звучность его стихов — и посейчас находят прямые и сложно-отраженные отзвуки в нашей поэзии» (с. 270).

Июня 21. Заседание конфликтной комиссии ФОСПа (упоминается: *ПССиП*. Т. 3. С. 490). Отчет и постановление опубликованы, см. Июля 3.

Июня 25. Телеграмма А. А. Мравяна — Н. И. Бухарину: «Просьба передать поэту Мандельштаму возможно предоставить в Университете лекции по истории русской литературы, также русскому языку Ветеринарном институте» (Нац. архив Армении. Ф. 113. Оп. 6. Ед. хр. 49. Л. 34).

Июня 27. Запись Д. Выгодского: «<Нрзб> рассказывает, что пришла Ек. Конст. Лившиц и говорит, что Мандельштам заявил, что он больше не русский писатель, что писать больше не будет, что хочет поступить на службу. Второе: что он из Москвы звонил по телефону Заславскому и сказал примерно так: здесь стоят два свидетеля, которые слышат, что я говорю. При них заявляю, что вы негодяй» (Семейный архив Выгодских).

Июнь. В журнале «Печать и революция» № 6 (июнь) помещена статья Б. Ольхового «О попутничестве и попутчиках» (продолжение). «Когда диктатура пролетариата свергла буржуазию, последняя не прекращает борьбы, классовая борьба идет в новых формах. Но отдельные представители свергнутого пролетариатом класса если не понимают, то чувствуют обреченность своего класса. Именно этой безысходностью питается муза Мандельштама. “Некуда бежать от века-властелина”* заявляет он» (с. 9).

Июля 3. В «Красной газете» (веч. вып.) — заметка «Дело Мандельштама». Помещен отчет о заседании конфликтной комиссии 21 июня и ее постановление.

Июля 5. В газете «Правда» помещена статья Д. Заславского «Жучки и негры».

Июля 17. Письмо к племяннице Тате (Наташе) в Гнивань из Москвы. «Мы с Надей тоже едем на юг» (*ПССиП*. Т. 3. № 131).

Июля не позднее 21. Вышла из печати книга: Майн Рид Т. Собрание сочинений. Т. XXI. На дне трюма. Роман / Пер. под ред. и с примеч. О. Мандельштама. Предисл. А. Старчакова (*Книл* № 29, 23 июля).

Июль. В журнале «На лит. посту» № 13 помещена статья О. М. «О переводах». См. *ПССиП*. Т. 3. С. 259–267, 702.

Августа 5. Исполбюро ФОСПа рассматривает заявление делегации РАПП и «Комсомольской правды» о «деле Мандельштама» (*Нерлер Уленшп*. 3. С. 161–162). См. Августа 26, Августа 27.

Августа вторая половина. Поступил на работу в газету «Московский комсомолец».

♦ Из воспоминаний А. И. Глухова-Щуринского: «Небольшое здание на улице К. Маркса, где разместилась редакция газеты “Московский комсомолец”. Впервые и робко вхожу на ее порог. У меня

* Из стихотворения «1 января 1924».

в руках письмо Осипу Мандельштаму от Сергея Городецкого. <...> Вокруг его обыкновенного канцелярского стола сомкнулась группа молодежи — начинающих прозаиков, поэтов. <...> Одним он раздавал оставшуюся у него мелочь, другим устраивал ночлег, временное пристанище, третьим выпадало угощение в буфете: чай с пирожным или полный завтрак. Осип Эмильевич никогда не ходил завтракать в одиночку» (*Глухова-Щуринского воспоминания*. С. 20–21).

♦ А. Алексеев-Гай приносит стихи к О. М. в редакцию «Московского комсомольца» и выслушивает его замечания. Из его воспоминаний: «В этот же период он [О. М.] “открыл” молодого поэта Николая Сидоренко и устроил нам выступление в одном из крупных клубов или домов культуры Рогожско-Симоновского района, может быть, завода “АМО” или “Динамо”» (Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 269–270).

Августа 20. Вышел № 15/16 журнала «Книга и революция» с рецензией А. Манфреда на «Стихотворения». «В современной русской поэзии О. Мандельштам — крупный мастер и очень одаренный художник — занимает особое место. Он стоит особняком, в стороне от больших путей развития поэзии, в стороне от боевых литературных лагерей — пролетарского, крестьянского, новобуржуазного, в стороне от расположенных между ними промежуточных бивуаков. <...> Мандельштам несомненно был характернейшим представителем этой группы. В его творчестве наиболее полно, наиболее отчетливо отразились все характерные черты и особенности акмеизма, как школы. Вместе с тем в его работах наиболее явственно обозначилось влияние той классовой среды, которая питала и обусловливала собой его творчество. Мандельштам той поры был насквозь буржуазен; он представлял собой те слои крупной, вполне уже европеизировавшейся буржуазии и крупной буржуазной интеллигенции, которые после 1905 года чувствовали себя политически и экономически настолько сильными, что могли, в числе прочих задач, отдавать значительную долю энергии созданию и развитию собственного эстетического мира. <...> Смерть, гибель, умирание всё чаще и чаще появляются в его стихах. Мандельштам оказывается неприспособленным (как художник, конечно) к новому социальному строю, он связан крепкими нитями с классом, от которого он оторван, и это остро ощущаемое им противоречие составляет основное содержание его современного творчества, в каких бы формах оно ни выражалось (в том числе и в форме осуждения эпохи нэпа, как “тени” “могучих сонат” годов военного коммунизма). Но для развития Мандельштама как художника этот кризис, переживаемый им, оказался весьма благотворным. Известная холодность, намеренное равнодушие, ровный повествовательный тон, столь характерный для его дореволюционного творчества, никогда не составляли его сильной стороны; на всех его произведениях лежал слишком явственный отпечаток вполне ощутимой литературности. Острота переживаемого Мандельштамом

кризиса помогла ему преодолеть этот порок; его стихи стали более искренними, более непосредственными. Его мастерство в целом значительно выросло за эти годы. Эмоциональная напряженность строф, некоторая (в хорошем смысле) патетичность сочетаются с по-прежнему блестящей тонкостью рисунка, чрезвычайно экономичным и умелым подбором слов. <...> Это изменение характера образов Мандельштама свидетельствует о том, что в какой-то мере его творчество подвергается переработке под положительным воздействием революции. Это, впрочем, относится к 1925–1926 гг., ибо за последние три года Мандельштам стихов не печатал, он перешел на прозу. По-видимому, тупик, в который зашел его творческий путь, осознается им самим. Для Мандельштама из него есть только два выхода: или, следуя примеру Пастернака, перейти в своем творчестве к общественным темам и тем самым войти в сотрудничество с революционной эпохой (это открывает для него широчайшие возможности как для поэта), или же, сохраняя верность акмеистским знаменам, остаться в современной литературе образцом мастерского, но мертвого поэтического анахронизма» (с. 20–22).

Августа 24. Письмо к В. Саянову. С просьбой оказать содействие «Московскому комсомольцу» (*ПССиП*. Т. 3. № 132). Ответ Саянова с согласием (*ПССиП*. Т. 3. С. 808).

Августа 24. В № 34 еженедельной газеты «Евразия» (Париж) — статья Д. П. Святополк-Мирского «Проза поэтов». «Две черты, присущие Мандельштаму, особенно бросаются в глаза в *Египетской Марке*. Одна <–> его необычайная любовь к неповторимо-конкретному — топографически (его Каменноостровский — Каменностровский и больше ничего); хронологически (17-й год, а никак не другой), и даже в именах. Нет поэта, у которого бы так часто повторялись собственные имена, и эта любовь закреплена неоднократным высказыванием (“Украшенная названьем песнь дольше живет среди других — она отмечена среди подруг повязкой на лбу, исцеляющей от беспамятства...”*; стихи об имяславцах: “Без<ы>мянную мы губим вместе с именем любовь”**). В *Египетской Марке* эта любовь к имени <–> один из основных лейтмотивов (говорят, что все действующие лица — Парнок, о. Бруни, портной Мерви<с> взяты из реальной действительности с сохранением имен). Той же тягой к предельно-конкретному объясняется и другая основная черта *Египетской Марки* — удивительная способность вызывать зримые образы галлюцинаторной силы. Способность эта, сравнительно малозаметная в стихах Мандельштама, впервые поразила нас в *Шуме Времени*. В *Египетской Марке* она еще более торжествует, не только в деталях натюрморта, но и в такой изумительной массовой сцене как (в главе 4-й) шествие мещанской толпы, ведущей вора на самосуд

* Из стихотворения «Нашедший подкову».

** Из стихотворения «И поныне на Афоне...».

(1917 год!). Тут действительно какое-то преодоление словесности и настоящая материальная стройка из слов и словесных апперцепций. <...> осуществляются принципы акмеизма. Материальный мир, хотя и осложненный новизной апперцепций, не получает никакой многозначности, а принимает единственные статуарные формы, как висящая на спинке стула визитка* (* Эта черта сближает зрительную образность Мандельштама с зрительной убедительностью Джойса. Ср. особенно с знаменитой сценой первой части Ulysses, где Стивен идет по берегу моря во время отлива)».

Августа 26. Сообщение в № 19 «Лит. газеты»: «Делегация РАППа внесла в исполбюро Федерации заявление о необходимости пересмотра решения конфликтной комиссии по делу тт. О. Мандельштама — Д. Заславского. Исполбюро ФОСП, не входя в рассмотрение вопроса по существу, ввиду наличия формальных мотивов для пересмотра дела (участие в прежнем составе комиссии заинтересованной стороны и т. д.) постановило выделить новый состав комиссии, которая завтра вторично разберет дело».

Августа 27. Участвовал в заседании конфликтной комиссии ФОСПа. Из письма А. Дермана — А. Горнфельду, 28 авг.: «Вы, вероятно, уже видели в № 19 "Литерат. газеты" сообщение, что исполбюро Федерации писателей назначило новую комиссию для вторичного рассмотрения дела Мандельштам–Заславский. <...> 27-го отправился. Был и "сам" Мандельштам. Вследствие отсутствия Заславского постановили дело отложить до его приезда. Состав новой комиссии: Селивановский (РАПП), Агапов (конструктивист), Богданов (крест<ьянский> писат<ель>) и Павленко (Союз писателей). Я расспросил о причинах кассации решения 1-й комиссии. Селивановский, один из судей, с покоряющей наивностью мне объяснил, что протест со стороны РАППа был мотивирован тем, что комиссия направила свой удар не туда, куда следовало <...> личное впечатление от состава и поведения 2-й комиссии почти не оставляет у меня сомнения, что маэстро Мандельштам получит удовлетворение» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 60–61 об.).

Августа конец или Сентября начало. По воспоминаниям Э. Герштейн, Мандельштамы живут в угловом сером доме (новый дом с плоской крышей) на углу Спиридоньевского пер. и Малой Бронной. Прогулки по крыше. Хозяин — ИТР-овский работник с женой и 7-летним сыном. Заходит поэт С. Кирсанов (*Герштейн мемуары*. С. 20). Адрес: Малая Бронная, д. 18/13 (*Видгоф 2012*. С. 615–616, № 83).

Август. Начало кампании в газетах против Замятина и Пильняка, см.: Волин Б. Недопустимые явления // Лит. газета, 26 авг.; Ольховый Б. Пильняк и современность // Комсомольская правда, 31 авг.

Август. Вышел 4-й вып журнала «Руски архив» (Белград, на сербскохорватском яз.) с рец. В. Б. Сосинского на «Египетскую марку» (с. 177–178). Ср. Мая 2.

Сентября не позднее 1. Вышли из печати книги: Майн Рид Т. Собрание сочинений. Т. III. Жилище в пустыне / Пер. под ред. и с примеч. О. Мандельштама. Предисл. А. Зонина; Т. XI. На невольничьем судне. Роман / Пер. под ред. и с примеч. О. Мандельштама. Предисл. И. Машбиц-Верова (обе — *Книл* № 35, 3 сент.).

Сентября 5. В газете «Московский комсомолец» помещено написанное О. М. обращение «От редакции» (1). Извещается об открытии в газете еженедельной «литературной страницы». См. *ПССиП*. Т. 3. С. 274.

Сентября 19. В газете «Московский комсомолец» помещено написанное О. М. обращение «От редакции» (2). См. *ПССиП*. Т. 3. С. 275.

Сентября 22. В газете «Московский комсомолец» помещена рецензия на книгу: Огнев Н. Собрание сочинений. М.: Федерация, 1929. Т. 3, под названием «Сквозь розовые очки». См. *ПССиП*. Т. 3. С. 670.

Сентября 25. Получил в дар от В. Пяста книгу «Встречи» с надписью: «Соавтору, Осипу Мандельштаму, от любящего автора» (*Фрейдин 1991*. С. 236).

Сентября 26. В газете «Московский комсомолец» от имени редакции помещена «Перекличка с читателями».

Сентября не позднее 29. Вышла из печати книга: Майн Рид Т. Собрание сочинений. Т. VII. Квартеронка. Роман / Пер. под ред. и с примеч. Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. Научно-популярный очерк Л. Вайсенберга (*Книл* № 39, 1 окт.).

Сентября 30. Решением правления Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов исключен из Союза поэтов вместе с рядом других литераторов «ввиду продолжающейся неуплаты членских взносов и непогашения старой задолженности по ним» (*Кукушкина 2010*. С. 558).

Сентябрь. Реорганизация Всероссийского Союза писателей и переименование во Всероссийский Союз советских писателей. Решением Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов от 30 сент. организация в полном составе вошла во Всероссийский Союз советских писателей (*Кукушкина 2010*. С. 558).

Сентябрь. В журнале «Звезда» № 9 — статья А. В. Федорова «О современном переводе». «При переделке старого перевода, тем более переводе классического произведения задачи редактуры усложняются: может произойти конфликт разных методов передачи или беспринципное, компромиссное соединение разных переводческих манер и разных систем речи. <...> Случаи полной творческой переработки — редки. Подобный случай представляет собой изданный ЗИФом перевод “Тиля Уленшпигеля” Де Костера в переработке О. Мандельштама. Здесь мы видим контаминацию двух ранее вышедших переводов этого романа, отбор наиболее удачных вариантов, проверку одного перевода посредством другого; и своеобразие подлинника, действительно, найдено (может быть, угадано) сквозь

словесную чащу двух переводов. Блестящие результаты, достигнутые Мандельштамом, неслучайны, конечно, в плоскости работы самого Мандельштама — крупнейшего художника слова и автора превосходных переводов, и лишь с точки зрения критики редактуры удача эта, пожалуй, случайна, как слишком индивидуальная» (с. 192).

Сентябрь (?). «Готовилась конференция РАПП. Мандельштам страстно следил за предварительной журнальной кампанией. Мы пошли на этот съезд. В большом зале, не слишком набитом людьми, Осип Эмильевич подходил то к одному, то к другому писателю в передних рядах, потом пошел по широкому проходу к трибуне, подал заявку в президиум: хотел выступить, но ему не дали слова. Вернулся он домой подавленный» (*Герштейн мемуары.* С. 18). Вероятно, речь идет о пленуме правления РАПП, проходившем с 20 по 29 сент. 1929 года в Москве, в клубе Федерации писателей.

Октября 1. В газете «Вечерняя Москва» — объявление О. М. с предложением снять комнату в центре города со всеми удобствами за 100 руб. в месяц. Указан телефон: 5–77–31 (Городецкий Л. Р. Квантовые смыслы Осипа Мандельштама. Семантика взрыва и аппарат иноязычных интерпретаций. М.: «Таргум», 2012. С. 141. Приложена копия объявления).

Октября 3. В газете «Московский комсомолец» помещено «Письмо тов. Кочину» и стихотворение М. Бартеля «Мой шаг звучит поутру рано...» в переводе О. М.

Октября 10. Письмо А. С. Грина к И. А. Новикову, из Феодосии в Москву. «P. S. Если не ошибаюсь, — 5–77–31 — тел. Мандельштама. Он получил от меня почтой рассказ для “Юных ленинцев”* — “Суеверы”. Ответа нет, как нет. Их адрес: Старая Басманная, 20» (Грин А. С. Я пишу вам всю правду: Письма 1906–1932 годов / Сост, подгот. текстов Л. Варламовой, Н. Яловой. Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2012. С. 76, со ссылкой: *РГАЛИ*. Ф. 343. Оп. 3. Ед. хр. 20).

Октября 20. Феодосия. Письмо А. С. Грина к юристу Федерации объединений советских писателей Н. В. Крутикову: «Дорогой Николай Васильевич! <...> Возмущает меня Мандельштам, которому, для его “Юных ленинцев” (Старая Басманная, 20, клуб района) я послал рассказ «Суеверы» (по его же просьбе) и три недели ни слуха, ни дыха, ни дыма. Не истратил ли он на свое любимое клюквенное пирожное эти 75–100 р., к сожалению, не известен его домашний адрес. Телефон — кажется — 5–77–31 или 3–77–51 (31?), черт его знает. Сам взять я никак не могу» (Там же. С. 79–80. Со ссылкой: *РГАЛИ*. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 7).

Октября 21. Письмо И. А. Новикова — А. С. Грину. «С Мандельштамом, наконец, связался по телефону (он был болен). Он очень

---

* В то время газета называлась «Молодой ленинец», с сентября 1929 г. стала называться «Московский комсомолец». «Суеверы» — рассказ с таким названием в газете не обнаружен (примеч. публикаторов).

длинно изъяснил мне, что рассказ [А. Грина] не подходит по его мнению не только в их газету, но и в какую бы то ни было другую, ибо он построен на американских трюках. — “А<лександр> С<тепанович> человек не мелочной, скажите ему, что главная сила его в сочетании приключенчества и занимательности с крепкой моралью, и вот такого рода нам нужен для газеты рассказ-фельетон; очень нужен, и он мог бы его дать”» (*РГАЛИ*. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 1–1 об.; Первова Ю. А. Две судьбы: Александр и Нина Грин. Биографические очерки / Сост., предисл.: А. Верхман; подгот. текстов и коммент.: Л. Варламова, Н. Яловая, Д. Лосев. Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2015. С. 333).

Октябрь. В берлинском журнале «Osteurora» № 1 помещена аннотация статьи «О переводах» (см. *Летопись,* 1929, Июль), включающая цитаты из статьи. Автор — Любовь Якобсон (урожд. Моносзон) (Суперфин Г. Г. Новые имена в словник Мандельштамовской энциклопедии, или Из первых публикаций и упоминаний имени Осипа Мандельштама в немецкой печати // Тихие песни: Историко-литературный сб-к к 80-летию Л. М. Турчинского. М.: «Трутень», 2014. С. 328–329).

Ноября 17. Решением пленума ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарин выведен из состава Политбюро.

Декабря 2. Участвовал в заседании конфликтной комиссии ФОСПа. Из письма А. Дермана — А. Горнфельду, 3 дек.: «...Заславский заявил, что он в разбирательстве участвовать не станет, т. к. не доверяет беспристрастию комиссии, и остается лишь молчаливым свидетелем. <...> Мандельштам привел с собой для подкрепления представителя от “Московского Комсомольца” (он там работает) и от секции переводчиков» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 68 об.–69).

Декабря не позднее 15. Вышла из печати книга: Майн Рид Т. Собрание сочинений. Т. XV. Ямайские мароны. Роман / Пер. под ред. и с примеч. Б. К. Лившица и О. Мандельштама. Предисл. А. Старчакова. Обложка и рис. Петра Алякринского (*Книл* № 50, 17 дек.).

Декабря 16. Участвовал в заседании конфликтной комиссии ФОСПа. Из письма А. Дермана — А. Горнфельду, 21 дек.: «16-го было заседание конфликтной комиссии для окончательного редактирования резолюции. Заславский не явился, Манд<ельштам> и я были, сильно был представлен и ЗИФ (даже Ионов пришел). <...> Самая резолюция, в общем всеми силами смягченная в отношении Мандельштама, была принята <...>» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 297).

Декабрь. «В декабре приблизительно он начал диктовать “Четвертую прозу”. Мы снимали комнату у нэпмана, торговавшего на базаре галантереей, которую изготовляли другие нэпманы. <...> Я писала на клочках бумаги, притащенной из редакции, большим,

детским, потому что со сна, почерком, безграмотно, но разборчиво. Работа кончалась к утру. Она оборвалась, потому что в феврале я уехала в Киев хоронить отца. <...> Первая глава “Четвертой прозы” говорила о социализме, ради которого пришлось пожертвовать нэпманом и его глупым сыном» (*Вторая книга*. С. 429–431).

1930

Начало года. Пишет «Четвертую прозу».

Начало года. Открытое письмо советским писателям (*ПССиП*. Т. 3. № 133). В связи с делом о переводе «Тиля Уленшпигеля».

Января около 5–6. Заседание Исполбюро ФОСП. Из письма А. Дермана — А. Горнфельду, 9 янв.: «На днях, внезапно, снова вызвали по делу Манд<ельштама>, теперь уже в Исполбюро Федерации писателей. <...> Манд<ельштам> не явился, а прислал лапидарно-маниакальную декларацию. Засл<авский> был. Почти с первых же слов дело резко повернулось против М<андельштама> и даже против Конфл<иктной> Комиссии и той резолюции, которую я Вам послал. Оч<ень> хорошую речь сказал Лежнев, затем писатель Батрак <...> наконец, все точки над “i” поставил Канатчиков, назвав (прямо) жульническими и нечестными все махинации в связи с этим делом, подбор комиссии, ее поведение и проч., а самое дело назвал делом Бейлиса» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 79–79 об.).

Января 18. Прекратилось издание газеты «Московский комсомолец». После этого О. М. был сотрудником журнала «Пятидневка», см.: «В начале 1930 года газета “Московский комсомолец” почему-то была закрыта. Осип Эмильевич стал сотрудничать в журнале “Пятидневка”, взял туда и меня» (*Глухова-Щуринского воспоминания*. С. 25).

Февраля 1. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. При посылке денег. «У Оси путаные денежные дела. Завтра он обещает тебе писать или выслать, что сможет» (*В переписке семьи*. С. 75).

Февраля 2. В рижской газете «Сегодня» — очерк Георгия Иванова «О Кузмине, поэтессе-хирурге и страдальцах за народ». Приводит эпизод о неудавшемся своем и О. М. визите к В. И. Гедройц, заведующей Царскосельским госпиталем, в 1910-е годы.

Февраля 5. Письмо А. Дермана — А. Горнфельду, 5 февр. «На днях Канатчиков мне говорил, что его и Ионова вызывали в райком и чуть что не 2 часа спрашивали по этому делу. А далее, как утверждают, дело пошло уже и далее, — в ЦКК, в Агитпроп ЦК. Мандельштам ведет занятия по стихописанию с комсомольскими группами, редактирует Литер<атурный> отдел в одной комс<омольской> газете, — и это исходный пункт его силы и его демаршей» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 81 об. — 82).

Февраля 6. В Москве арестован В. Пяст.

Февраля 8. Умер отец Н. Мандельштам Я. А. Хазин (*Над. Мандельштам СС.* Т. 1. С. 11. В статье П. Нерлера «Свидетельница поэзии», со ссылкой: *РГАЛИ*. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 511). Отъезд Н. Мандельштам в Киев на похороны.

Февраля середина. Письмо к жене из Москвы в Киев (*ПССиП*. Т. 3. № 135).

Февраля около 15–20. Поездка в Ленинград, см. в письме № 136 от 24 февр.: «В Ленинграде ни с кем не встречался» (*ПССиП*. Т. 3. С. 497).

Февраля 22. В парижской газете «Последние новости» — очерк Георгия Иванова «Китайские тени». «На одном из собраний парижской литературной молодежи я слышал по своему адресу упрек: “Зачем вы искажаете образ Мандельштама, нашего любимого поэта? Зачем вы представляете его в своих воспоминаниях каким-то комическим чудаком? Разве он мог быть таким?” Именно таким он был. Ни одного слова о Мандельштаме я не выдумывал — зачем же выдумывать забавное о человеке, который сам, каждым своим движением, каждым шагом — “сыпал” вокруг себя чудаковатость, странность, неправдоподобное, комическое... не хуже какого-нибудь Чаплина — оставаясь при этом, в каждом движении, каждом шаге, “ангелом”, ребенком, “поэтом Божьей милостью” в самом чистом и “беспримесном” виде. Я очень рад за Мандельштама, что молодые парижские стихотворцы его любят, и еще больше рад за них: эта любовь многих из них больше приближает к поэзии, чем их собственные стихи. Но и я, право, чрезвычайно люблю поэзию Мандельштама и, кроме того, на моей стороне есть еще то преимущество, что и его самого, чудаковатого, смешного, странного — неотделимого от его стихов, — люблю не меньше, и очень давно, очень близко знаю. Были времена, когда мы были настолько неразлучны, что у нас имелась, должно быть — единственная в мире, визитная карточка: “Георгий Иванов и О. Мандельштам”. Конечно, заказать такую карточку пришло в голову Мандельштаму, и, конечно, одному ему и могло прийти это в голову. И разве не слышали наши “молодые поэты”, что высокое и смешное, самое высокое и самое смешное, часто бывают переплетены, так что не разобрать, где начинается одно и кончается другое?».

Февраля 20-е числа. Черновик объяснительной записки в Центральную контрольную комиссию ВКП(б) о роли ФОСП и «Литературной газеты» в деле о переводе «Тиля Уленшпигеля» (*ПССиП*. Т. 3. С. 596–597).

Февраля 24. Москва. Письмо к жене в Киев. Сообщает о комиссии ЦКК ВКП(б), об исключении брата Евгения из Модпика. «У моего Жени — процесса пока нет. Никаких злоупотреблений. Но травля и шельмование грандиозные. <...> В газете положение улучшилось. Прилив “уважения”. Начинают понимать, что дали мне маниловское задание невыполнимое. Хотят теперь, чтоб я учил

и поднимал аппарат. Веду рабкор<овский> кружок в “Веч<ерней> Москве”. Дружу с рабочей молодежью» (*ПССиП*. Т. 3. № 136).

♦ Из воспоминаний: «К концу 1930 года атмосфера в правлении стала невыносима. В жизни Ленинградского отделения ВСЕРОСКОМДРАМа это был тоже тревожный период. Одновременно с расправой, произведенной В. Тройниным в центральном аппарате, он решил, пользуясь теми же методами, заняться нашим отделением. Чтобы обуздать непокорный во многих отношениях филиал, надо было найти способ убрать меня, а сделать это, не дискредитировав меня в глазах авторской общественности, было невозможно. Меня очень любили. Путь для этого был выбран довольно тривиальный, надежный. Неожиданно в наше отделение нагрянула из Москвы большая комиссия. Она перерыла всю документацию и отчетность и распустила слух о каких-то якобы существовавших злоупотреблениях. Работать стало невозможно. <...> Скомпрометировать меня Тронину не удалось. Все мои ближайшие друзья и сотрудники продолжали оставаться на своих местах. С новым ответственным секретарем ВСЕРОСКОМДРАМа у меня были и до сих пор сохранились дружественные отношения. Расправа со мной была грубой, глубоко несправедливой и возмутила всех, кто меня знал и ценил. Мне предлагали разного рода работы. Особенно для меня много сделали ленфильмовцы» (*Евгения Мандельштама воспоминания*. С. 167).

Февраля не позднее. Вышла из печати книга: Майн Рид Т. Собрание сочинений. Т. VIII. Охотники за растениями. Гаспар Гаучо. Пер. под ред. и с примеч. О. Мандельштама. С очерком В. Бузанова «Гималаи» (*Книл* № 12, февр.).

Февраль. В журнале «Звезда» № 2 — статья И. С. Поступальского «Лирика П. Антокольского». «Основными учителями П. Антокольского были, конечно, не столько Гете и другие германские поэты <...> сколько Мандельштам и Пастернак. Мандельштамовскую традицию в общем можно определить как привлеченье модернизированного одического тона, как появленье условного языка исторических намеков и обобщений, как известное увлечение античной бутафорией и отборным “парнасским” словарем <...> Текстуально П. Антокольский повторил Мандельштама в стих. “Москва” (сравните с Мандельштамовским “На розвальнях, уложенных соломой”)».

Марта 13. Москва. Письмо к жене в Киев. О работе комиссии ЦКК ВКП(б). Сообщает об увольнении редактора «Лит. газеты» Канатчикова (*ПССиП*. Т. 3. № 137).

Марта 14. Телеграмма О. М. жене в Киев. Сообщает заключения врачей (*ПССиП*. Т. 3. № 138).

Марта 14 или 15. Письмо к жене в Киев. О посещении амбулатории (*ПССиП*. Т. 3. № 139).

Марта 24. Запись дневника К. А. Федина: «Новое из Москвы: сошел с ума Осип Мандельштам (мания преследования), сослан Вл. Пяст (от него есть уже письмо из Архангельска). Совсем недавно

он заходил к нам в изд-во. Новое из Ленинграда: арестован Вл. Конашевич. Совсем недавно он кончил иллюстрации для Зощенко... Новостей столь много, что... разве запишешь их? Всё это перерастает человеческое понимание» (Рус. литература. 1992. № 4. С. 173).

Март. В № 3 журнала «Новый мир» помещено стихотворение С. Липкина «С прогорклым, стремительным дымом...».

♦ Из воспоминаний С. Липкина: «Как-то в журнале “Молодая гвардия” сотрудник познакомил Мандельштама с рифмованным самотеком, и Мандельштам отметил мое, присланное из Одессы, стихотворение “Пригород”, я получил от поэта ободряющую открытку, приглашение присылать ему стихи, и, таким образом, у меня возникла возможность, когда я вскоре приехал в Москву, попасть к нему. Мандельштамы жили не то у родственников, не то снимали комнату. Мои рукописные листы Мандельштам разложил на три неравные стопки. О первой, самой большой, он ничего не сказал: значит, говорить не стоило. Перебирая гораздо меньшую, вторую, указывал на неправильные ударения, банальности, но не сердился. Третья стопка состояла из трех стихотворений. <...> Третье стихотворение ему понравилось — не по-настоящему, а как ученически-способное. Он при мне позвонил своему старому товарищу по акмеистической группе М. А. Зенкевичу, который заведовал стихами в “Новом мире”, и стихотворение это очень быстро появилось в журнале» (Липкин С. И. Квадрига. М.: «Книжный сад»; «Аграф», 1997. С. 375–376).

Март или Февраль. О. Д. Каменева пытается найти работу для О. М. в обществе «Техника — массам». Из воспоминаний: «В 1929 г. я училась на курсах машинописи, а по окончании поступила личным секретарем к О. Д. Каменевой. Она уже в это время впала в ничтожество. Была председательницей добровольного общества “Техника — массам”, а не ВОКСа, как раньше (через год ее еще понизили, переведя в добровольное же общество “Друг детей” и т. д. до ареста в 30-х гг. и расстрела в Орловской тюрьме во время войны). <...> Лев Борисович Каменев жил не на своей квартире по Манежной улице, а где-то на Арбате у своей второй жены, а к себе приходил только писать в своем кабинете или читать вслух маленькому Юре сказки Пушкина. Иногда я печатала в его пустующем кабинете. <...> Случалось, что он просил меня через Ольгу Давыдовну перепечатать набело какую-нибудь страницу с его поправками. Аккуратно подклеенные вставки были сделаны мелким, на редкость разборчивым почерком. Я чрезвычайно тяготилась этой работой, мои друзья мне сочувствовали. <...> Осип Эмильевич сочувствовал мне, понимая, что положение личного секретаря, в домашней обстановке к тому же, унизительно и совершенно мне не подходит. <...> Но как ни поносил он эту мою работу, он не мог пройти мимо искушения заинтересовать своей судьбой такое видное лицо, как Л. Б. Каменев. Ведь шел только 1930 год, и Каменев еще действовал на культурном и литературном

фронте. Мандельштам задумал получить через меня протекцию Ольги Давыдовны к Каменеву. Она согласилась, и Каменев принял Мандельштама в своем кабинете на Манежной. <...> Мандельштам отозвался о Каменеве сдержанно: “Gelehrter”*. Мне было странно слышать такую характеристику о недавнем члене правительства, но он настаивал, указывая на ограниченность мышления Каменева и немецкую аккуратность в его кабинете.

Для Осипа Эмильевича Каменев не сделал ничего. Но Ольга Давыдовна попыталась найти Мандельштаму какое-нибудь занятие в обществе “Техника — массам”. Он приходил туда несколько раз, однако заведующая учебно-методическим отделом, по фамилии Раппопорт, говорила мне сокрушенно: “Мандельштам — замечательный поэт, но с программами техникума ему, увы, делать нечего!” Вскоре после этой неудачной попытки Мандельштамы уехали в Армению» (*Герштейн мемуары*. С. 395–396).

Апреля начало. Отъезд из Москвы в Сухум. «В начале апреля я приехал в Сухум — город траура, табака и душистых растительных масел» (*ПССиП*. Т. 2. С. 322).

Апреля 12. Телеграмма (Е. Я. Хазина?) в Сухум: «Ближайшие дни ответ Армении» (*Архив Мандельштама*).

Апреля 14. Смерть Маяковского.

Апреля 22. Запись К. Чуковского: «В ГИЗе упорно говорили, что покончил с собой Осип Мандельштам. В ГИЗе я встретил Мишу Слонимского — в “Звезде”. “Звезда” приятна тем, что в ней еще сохранился какой-то богемный дух. Вис. Саянов не сидит на одном месте, за редакторским столом, а бегает по комнате, присаживаясь с каждым новым сотрудником на новое место, то на подоконник, то на край стола. Стульев вообще мало и сидеть на столах — обычай. Всегда есть три-четыре ненужных человека, поэты, которые тут же читают друг другу стишки. Пальто вешаются на ручки дверей, на телефонные штепсели. Во всех остальных комнатах ГИЗа — кладбищенский порядок, дисциплина мертвецкой, а здесь еще кусок литературной жизни» (*Чуковского дневник*. С. 401).

Апреля конец. Переезд из Сухума в Тифлис и затем в Эривань. В справке Н. Мандельштам: «Тифлис — 1 мая. Алла-верды, Эривань» (*Биоканва*. С. 960).

Мая 4. В письме Н. И. Подвойского к жене за это число сообщается о пребывании Мандельштамов в санатории Совнаркома в Сухуме (*ПССиП*. Т. 2. С. 681).

Мая не позднее. Вышла из печати книга: Майн Рид Т. Собрание сочинений. Т. IX. Ползуны по скалам / Пер. с англ. под ред. и с примеч. О. Мандельштама. Предисл. И. Машбиц-Верова (*Книл* № 30, май).

---

* Гелертер (*нем.*)

Май. В Париже вышел номер журнала «Nouvelle Revue Juive» со стихотворениями «Декабрист» и «Tristia», главой «Хаос иудейский» из «Шума времени» в переводе на франц. J. Pary. Публикация и вступительная статья — Н. Л. Гурфинкель.

Май. Фотография на фоне развалин храма в Аване (близ Еревана) в группе с Я. Хачатрянцем (на первом плане), Н. Мандельштам (на втором плане) и местными жителями.

Июля 1. Армения. Открытие дома отдыха на острове Севан (*ПССиП*. Т. 2. С. 671–672). Оставался в доме отдыха в течение месяца: «На острове Севане <...> я прожил месяц» (*ПССиП*. Т. 2. С. 305).

Август. После Севана живет в гостинице в Ереване. Общается с А. Худавердян и З. Ясинской (Худавердян А. Встречи с поэтом // Лит. Армения. 1991. № 1. С. 81). Перед отъездом из Еревана в разговоре с А. Худавердян упоминает о гонораре, полученном

от Наркомпроса Армении, о договоренности с ректором Ереванского университета прочитать в будущем цикл лекций по шекспироведению (Там же. С. 82).

Август (?). Знакомство с Б. С. Кузиным (*Кузин 1990.* С. 161 и след.)

Лето. В № 24 парижского журнала «Le Commerce» напечатана «Египетская марка» в переводе Ж. Лимбура и Д. П. Святополк-Мирского.

Сентября 7. ТАСС оповестило о привлечении к суду ведущих инженеров и экономистов. 25 сентября сообщалось о казни 48 «вредителей рабочего снабжения».

Сентября 13. Москва. Родился племянник О. М., Юрий Евгеньевич Мандельштам.

Сентября 30. Тифлис. Живет вместе с женой в гостинице «Ориант».

♦ Из воспоминаний: «“Новые стихи” начались в Тифлисе — после Армении. Мы жили в гостинице “Ориант”, у меня есть такие даты: начало их — 30 сентября — мои именины. После 7 ноября мы уже начали энергично собираться в Москву, то есть распродавать вещи, чтобы выбраться из мешка» (*Третья книга.* С. 229).

♦ Из письма Л. В. Нитобурга — В. П. Полонскому, 23 янв. 1931 г. (в источнике ошибочно указан 1930-й год), из Тифлиса: «Приехал сюда Мандельштам. Дали ему какую-то командировку, чтобы тут читать какой-то курс. Приезжает, представляется, комнат нет, помещают его в гостинице, где он должен платить двенадцать рублей в сутки. Платит, живет, проживается, ждет назначения. Тянут неделю, тянут другую. Ему нечего есть, он продает штаны на базаре. Из Москвы подтверждают командировку, торопят с назначением. Тогда ему дают должность вроде делопроизводителя. Распродавшись в пух, он вынужден уехать. Когда уехал, являются пригласить в профессора. Извиняются, произошло недоразумение (из Москвы грозный окрик). Разумеется, он не вернулся» (*РГАЛИ.* Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 252. Л. 9).

Сентября не позднее. Вышла из печати книга: Майн Рид Т. Собрание сочинений. Т. X. Тропа войны / Пер. под ред. и с примеч. Бенедикта Лившица и О. Мандельштама. Предисл. И. Машбиц-Верова (*Книл* № 49, сент.).

Октября 16 — Ноября 5. — Дата стихотворного цикла «Армения» (*ПССиП.* Т. 1. С. 150).

Октября не позднее. Вышел из печати био-библиографический справочник: Тарсис В. Я. Современные русские писатели / Под ред. и с дополнениями И. Оксенова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. Источник даты: *Книл* № 59, окт. «Мандельштам Осип Эмильевич. Родился 15 января 1891 г. в Варшаве в семье купца. Детство провел в Петербурге, где учился в коммерческом училище. 16-ти лет вступил в партию с.-р. и занимался политической работой. В 1907 г. посетил Париж, в 1910 г. учился в Гейдельбергском университете.

В 1911 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Печататься начал в 1909 г. в журнале «Аполлон». Мандельштам принадлежит к группе акмеистов, являясь одним из выдающихся деятелей этого направления. Поэзия его близка к классицизму по своей тематике, словесному материалу, торжественности стиля. Трудность восприятия ее, обусловленная ассоциированием весьма отдаленных смысловых рядов и своеобразием композиции стиха, сложность тематики, обилие мифологических образов — всё это делает поэзию Мандельштама доступной весьма ограниченному кругу высококвалифицированных читателей. Необходимо отметить необычайно высокий уровень его литературной техники, буквально ювелирную отделку словесного материала. Два его небольших сборника стихов "Камень" и "Tristia" собраны в один сборник — "Стихотворения". В последние годы Мандельштам в области поэзии почти ничего нового не опубликовал и преимущественно работает как переводчик, очень плодотворно; его переводные работы весьма выгодно выделяются на общем, пока невысоком, уровне нашей переводной техники. Книга прозы Мандельштама "Египетская марка" имеет те же отличительные черты, что и его поэзия, — весьма затрудненный стиль и крайне своеобразное преломление фактического материала — что также позволяет рекомендовать эту книгу лишь искушенному в литературе читателю» (с. 130–131).

♦ В рецензии Бор. Мазурина на справочник О. М. назван «антикварным раритетом» (На лит. посту. 1930. Ноябрь. № 21/22. С. 86).

Октябрь. — Дата стихотворений «На полицейской бумаге верже...», «Не говори никому...», «Колючая речь Араратской долины...», «Как люб мне натугой живущий...», «Дикая кошка — армянская речь...», «И по-звериному воет людьё...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 150–152).

Ноября 4. Объединенное заседание Политбюро и президиума ЦКК, рассмотревшее по докладу Орджоникидзе вопрос «О фракционной работе т.т. Сырцова, Ломинадзе, Шацкина и др.». Принято решение вывести Сырцова и Ломинадзе из ЦК, а Шацкина из ЦКК. Для выработки резолюции создана комиссия ЦК и ЦКК, в которую вошли Орджоникидзе, Сталин, Косиор, Каганович, Куйбышев, Ворошилов, Рудзутак, Шкирятов, Ярославский, Калинин, Молотов и Киров. Подготовленная комиссией резолюция была утверждена только через месяц, 1 декабря, и была опубликована в газетах 2 декабря.

♦ Из воспоминаний: «Стихи вернулись на обратном пути из Армении, когда мы задержались в Тифлисе. Фильм продолжал раскручиваться: на наших глазах погиб Ломинадзе. Этот человек в последние свои дни проявил настоящее доброжелательство к О. М. Он получил телеграмму ЦК от [А. Н.] Гусева с распоряжением помочь О. М. устроиться в Тифлисе и очень хотел это сделать, но тут его вызвали в Москву, откуда он уже не вернулся, а все газеты запестрели проклятиями враждебной группировке Ломинадзе и Сырцова. <...> Между прочим, как только грянула трагедия Ломинадзе, у которого О. М.

три-четыре раза был на приеме в обкоме, мы заметили, что за нами, куда бы мы ни шли, увязывается шпик. Вероятно, местные органы решили на всякий случай проследить за непонятным посетителем опального вельможи. Тут-то мы поняли, что в Тифлисе нам делать нечего, и поспешно удрали в Москву» (*Воспоминания*. С. 167).

Ноября 20. «20 ноября. Ленинград. Приехал сюда 13-го и до сих пор не мог взяться за эту тетрадь. <...> Лившиц, говоря о [С. Д.] Спасском и его жене [С. Г. Каплун], рожденной Урицкой, вспомнил словечко Мандельштама: "Не люди, а площади!" Кстати, Осип Эмильевич сейчас в Армении, он получает там от Совнаркома Армении пенсию, т. е. не офиц<иальную> пенсию, а имеет какую-то синекуру, — дающую ему 300 р. в месяц. Я очень люблю О<сипа> Э<мильевича> и рад за него» (*Дневник Рюрика Ивнева*. С. 475–476).

Ноября 29. Письмо Л. В. Нитобурга — В. П. Полонскому, из Владикавказа. «Поскольку приходится диогенствовать, и, "подняв фонарь на длинной палке, с собакой впереди идти под солью звезд", тянуся "с нежностью, бессмысленно к чужому, и шарю в пустоте, и терпеливо жду" (Кстати, только недавно я оценил Мандельштама. Он так полновесен, у него настолько свой голос, что даже Пастернак не заслоняет его литой фигуры. Поэт замечательный и сейчас, кроме Блока, — самый мне близкий. Кстати, не знаете ли его адреса? — Я хотел бы с ним переписываться)» (*РГАЛИ*. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 252. Л. 15–15 об.).

Ноября не позднее. Вышла из печати книга Е. Г. Лундберга «Записки писателя». В 2 томах. Источник даты: *Книл* № 62, ноябрь. Записи об О. М. — т. 1, с. 166–167 (под анонимонимом «Х»), с. 222 (под собственной фамилией). Первое изд. — 1922, Июня до 2.

Декабря 20-е числа. Старый Петергоф, санаторий ЦЕКУБУ. Письма Н. Мандельштам к В. М. Молотову и к секретарю Н. И. Бухарина А. Коротковой. С просьбой оказать помощь в жилищном устройстве и в поисках работы. «Срок наш [в санатории] кончается 7-го января» (Russian Literature. 1977. Vol. V, iss. 2. P. 182–185. Публ. А. Григорьева, И. Петровой).

Декабря 28. Приветственное обращение ленинградских поэтов к О. М. в связи с возвращением его в Ленинград. «Все мы <...> были свидетелями той, печальной памяти, истории, <...> следствием которой был Ваш уход из литературы. <...> Узнав о Вашем возвращении в Ленинград, мы обращаемся к Вам с призывом — вернуться в ряды тех, кто своим творчеством строит Советскую Поэзию» (*В записях Лукницкого*. С. 127).

Декабря конец — 1931, Января начало. Старый Петергоф. Записка к И. Д. Ханцин с приглашением приехать. Адрес: Старый Петергоф. Заячий Ремиз. Садовая, 14. Санаторий Цекубу. С приписками жены и В. А. Мануйлова (*ПССиП*. Т. 3. № 140).

Декабрь. — Дата стихотворения «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 153).

Декабрь. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «Я до сих пор не выпутался из долгов, т. к. Леля не работает. Ее посылали на работу в провинцию и только в январе (в конце) выяснится, сможет ли она получить работу в Москве. <...> Где Ося?» (*В переписке семьи.* С. 75–76).

1931

Января 1. В ночь на это число в квартире Рудаковых К. Вагинов и его жена рассказывали о Гумилеве, «Звучащей раковине», Мандельштаме и показывали, как кто читал стихи (*Письма Рудакова.* С. 120).

Января около 7. Возвращение из Старого Петергофа (см. 1930, Декабря 20-е числа) в Ленинград. «В тот приезд в Ленинград О. М. жил у своего брата Евгения. Там сначала была и я (всё это продолжалось несколько дней после санатория, пока выяснялся вопрос с комнатой: у Союза освободилась комната, и именно о ней шли переговоры с Тихоновым). Мне чуть ли не на второй день пришлось уехать от Евг. Эм.: он себя показал уже тогда. Помню скандал: он требовал, чтобы О. М. ходил в писательскую столовую и приносил обед для всей семьи: ты тут ничего не делаешь... А прислуге и так много работы... Второй скандал был, когда он услышал стихи про "вырванный с мясом звонок" — это указывало на его квартиру — у него был вырван звонок. Он говорил, что Таня и он нормальные советские люди и этой мерзости потерпеть не могут. После этих скандалов я ушла к сестре — в ее каморку за кухней, а через два-три дня, получив ответ Тихонова, мы завязали корзины и уехали. <...> Кстати, тогда (январь 1931) Евгений Эмильевич работал в Литфонде и организовал писательскую столовую. Мы туда ходили обедать — был уже голод. О. М. обратил внимание, что все ленинградские писатели подбегали к нему и спрашивали, где его брат (от него зависели какие-то литфондовские подачки), и никто им самим не интересовался. Кажется, единственный человек, который к нему подошел и по-человечески с ним разговаривал, был Шостакович, тоже пристроившийся при этой столовой. В Москве такого ощущения отщепенства никогда не было. Мы как-то ходили по улицам Ленинграда с Анной Андреевной и весело регистрировали знакомых, которые нас обходят и ни ее, ни О. М. не узнают. А ведь это был 31 год» (*Третья книга.* С. 244–245).

♦ «Ленинград. Дом отдыха. Тихонов: "Пусть едет в Москву — здесь он не останется" — речь шла о комнате. — Работа? Нет» (*Биоканва.* С. 961).

♦ Из воспоминаний: «Мне особенно запомнилась искренняя и убежденная интонация Тихонова, когда он сказал: "Мандельштам в Ленинграде жить не будет. Комнату мы ему не дадим"... Это произошло после нашего возвращения из Армении; жить нам было негде, и О. М. попросил писательские организации предоставить

ему освободившуюся в Доме литераторов комнату. Узнав об отказе и удивившись формулировке, я спросила Тихонова, должен ли О. М. просить разрешение писательских организаций, чтобы поселиться в Ленинграде, скажем, в частной комнате. Тихонов упрямо повторял: "Мандельштам в Ленинграде жить не будет"...» (*Воспоминания*. С. 224).

Январь. Ленинград. Записки отцу и брату Евгению (*ПССиП*. Т. 3. № 141 и 142). Накануне отъезда из Ленинграда в Москву?

Январь. — Дата стихотворений «Мы с тобой на кухне посидим...», «Помоги, Господь, эту ночь прожить...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 153).

Февраля 10. Получил в дар от К. Вагинова книгу «Опыты соединения слов посредством ритма» с надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму от очень любящего его стихи автора. 10.II.31 г.» (частное собрание).

Февраля 17. — Дата визы М. Козакова «В № 4 "Ленинграда"» на рукописи подборки стихов О. М. — «Мы с тобой на кухне посидим...», «Не говори никому...», «Куда как страшно нам с тобой...», «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...», «На полицейской бумаге верже...» (*ИРЛИ*. Ф. 364. Ед. хр. 224; *ПССиП*, т. 3, с. 589).

Февраля вторая половина. Возвращается в Москву. Живет у брата Александра в Старосадском переулке, жена — у своего брата, Е. Я. Хазина.

♦ Из воспоминаний: «В комнате Шуры всегда стоял шум. Узкая и длинная, она соседила с двумя такими же перенаселенными комнатами, где в одной бренчал на рояле Александр Герцович, а в другой хлопотала заботливая еврейская старуха, опекавшая детей, внуков и соседей. Стихи начинались ночью, когда воцарялась "запрещенная тишь". (Мандельштам вовсе не был ночным сочинителем, хотя работа могла затянуться и до ночи. Дело только в шуме и в потребности уединения, которым днем и не пахло, так что этот период работы оказался ночным.) Боясь, что за ночь он всё забудет, как всегда забывались мелькнувшие во сне строчки, Мандельштам записывал их при свете ночника на клочках бумаги. Почти каждое утро он приносил мне кучку карандашных записей» (*Вторая книга*. С. 436–437).

Февраля не позднее. Вышла книга: Пяст В. А. Современное стиховедение. Ритмика. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде (*Книл* № 9, февр.). Анализ стихотворений О. М. — на с. 78–79, 101–105, 165–166, 276, 295. «Виртуозы ямба, как-то Тютчев, а в новейшее время Мандельштам, из сочетаний стихов такого вида [пэонов] с другими стихами строят ритмические чудеса» (с. 103).

Февраль. — Дата стихотворения «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 154).

Марта 2. — Дата стихотворения «Я скажу тебе с последней прямотой...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 155). По свидетельству Н. Мандельштам, написано во время пирушки в Зоологическом музее (Б. Никитская, 6) в компании Б. Кузина и его друзей-биологов (*ПССиП*. Т. 1. С. 597).

Марта 4. — Дата стихотворения «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 155).

Марта 13. Москва. Из дневника В. Яхонтова: «Были Мандельштамы. Мы очень обрадовались им. Эти встречи с ними всегда очень приятны. "[Египетскую] Марку" перевели на французский язык. Показывали им сцену из "Горя от ума" (Фамусов и Скалозуб II акт). Мандельштам отметил в ней греческое начало (козел и игра с козлом). Такова эта замечательная мизансцена, когда Фамусов и Скалозуб сталкиваются лбами. Мандельштам определил "Горе", как зрелость и классику. Думаю, что он прав. Не успели послушать его прекрасную "Армению". Я уехал на выступление. Условились встретиться назавтра. (Мандельштам просил не делать Гамлета — почему? — нужно будет об этом поговорить). 13 / III-31» (*РГАЛИ*. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 46).

Марта середина. Из дневника В. Яхонтова (копия Е. Поповой): «Смотрю на снимок, который висит у меня над постелью. Сталин и Ворошилов. Мне очень нравится этот снимок — вот два человека, которые смотрят вперед вместе со всей своей молодой страной. Осип Мандельштам смотрит назад. Он говорит: "Я вовсе не хочу быть человеком, который говорит под руку: таскать вам — не перетаскать". Его лукавое желание выручает зрелое перо, расписывающее розы и камни Армении и гранитные плиты умирающего Санкт-Петербурга» (*РГАЛИ*. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 150).

♦ Из дневника В. Яхонтова (копия Е. Поповой): «Вчера вечером Осип Мандельштам читал нам свою "Армению" и петербургские небольшие вещи. И то, и другое поражает своей суровой трагичностью и простотой. Он проходит мимо эпохи кустарниками и виноградниками Армении и опустевшими улицами северного города "с рыбьим жиром фонарей"» (*РГАЛИ*. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 151; *После Воронежа*. С. 75).

Марта 17–28. — Дата стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 157).

♦ Из воспоминаний С. Липкина: «Когда он мне прочел "За гремучую доблесть грядущих веков...", — я, потрясенный, воскликнул: "Это лучшее стихотворение двадцатого века!", — но Мандельштам, указав на жену, которая обычно сидела в дальнем углу, небрежно произнес: — А в нашей семье это стихотворение называется "Надсоном"» (Липкин С. И. Квадрига. М.: «Книжный сад»; «Аграф», 1997. С. 389).

♦ Из воспоминаний: «Если бы литературное имя Мандельштама не получило новый резонанс после опубликования стихотворного цикла "Армения", вряд ли этот период безденежья вызвал такое сочувствие в Москве. Даже я замечала по моим знакомым, что атмосфера вокруг Мандельштама оживилась, особенно после продолжения публикаций последних стихов в "Новом мире". Раньше А. А. Осмеркин (художник, муж моей подруги Елены), слушая о моей дружбе с Мандельштамами, скептически улыбался. "А, «до пятницы»?" — дразнил

он меня прозвищем Осипа Эмильевича: так он имел обыкновение просить взаймы деньги. Осмеркин рассказывал и другие ходячие анекдоты о Мандельштаме, но теперь стал говорить о нем с уважением. Он высоко оценил новое стихотворение Мандельштама "За гремучую доблесть грядущих веков"» (*Герштейн мемуары*. С. 21).

Марта 20. Москва. Посылка отцу в Ленинград и записка на отрывном купоне бланка (*ПССиП*. Т. 3. № 143; С. 815).

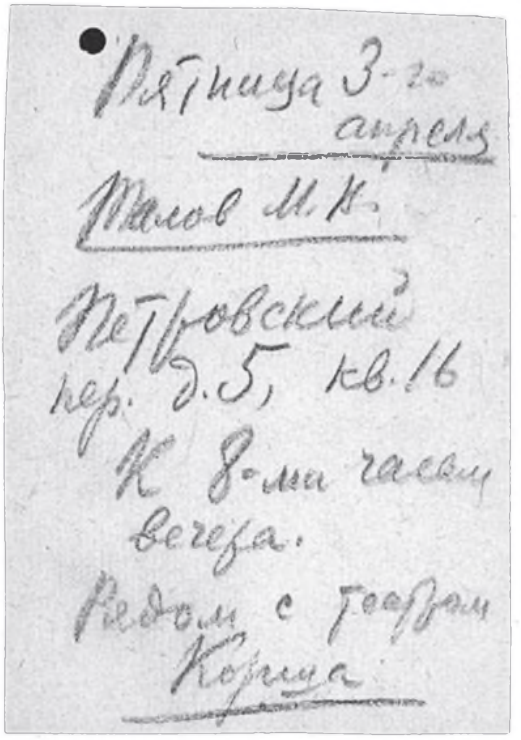
Марта 27. — Дата стихотворения «Жил Александр Герцович...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 156).

Март. — Дата стихотворений «После полуночи сердце ворует...», «Ночь на дворе. Барская лжа...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 154, 157).

Март. В № 3 «Нового мира» помещен цикл «Армения».

Апреля 3. Дарственная надпись А. В. Малиновскому на кн. «Стихотворения» (*Сеславинский 2016*. С. 253).

Апреля 3. Памятная запись (рукой М. Талова?) на обороте черновика стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...»: «Пятница 3-го апреля. Талов М. Н. Петровский пер., д. 5, кв. 16. К 8-ми часам вечера. Рядом с театром Корша» (*Архив Мандельштама*). Ср.: «В начале 30-х, после переезда Мандельштамов в Москву мы встречались с Осипом Эмильевичем почти каждый день. Мы часто ходили друг к другу в гости. "Не всё вы к нам, и мы к вам", — приговаривал Осип Эмильевич» (*Талова воспоминания*. С. 70).



М. Талов
Запись адреса.
Архив Мандельштама

Апреля 4. — Дата стихотворения «Неправда» («Я с дымящей лучиной вхожу...») (*ПССиП*. Т. 1. С. 158).

Апреля 10. Посылка отцу в Ленинград и записка на отрывном купоне бланка (*ПССиП*. Т. 3. № 144; Там же. С. 815).

Апреля 11. — Дата стихотворения «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 158).

Апреля 13. Москва. В гостях у М. Талова. «13 апреля 1931 г. Сегодня Мандельштамы пришли к нам в гости. Мы говорили о французских поэтах, о жизни богемы. Под конец я попросил Осипа Эмильевича сделать надпись на его книге "Стихотворения", изданной в 1928 г. Он сделал это охотно: "Марку Владимировичу Талову на память о «галльской беседе», — О. Мандельштам. Москва. 13/IV/31"» (*Талова воспоминания*. С. 70. Текст надписи исправлен по размещенной в книге фототипии автографа). Талов и его первая жена Э. Талова жили тогда в квартире 16 дома № 5 по Петровскому переулку (*Талова материалы*. С. 332).

Апреля 13. В комнате С. Клычкова в Доме Герцена читает стихотворение «Я скажу тебе с последней прямотой...» (Дневник В. Н. Горбачевой. — Новый мир. 1989. № 9. С. 210. Подгот. С. И. Субботина).

Апреля 16. — Дата стихотворения «Рояль» («Как парламент, жующий фронду...») (*ПССиП*. Т. 1. С. 159).

Апреля 23. — Дата стихотворения «— Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 160).

Апрель. — Дата стихотворения «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 157).

Апрель. В журнале «Звезда» № 4 помещено стихотворение «С миром державным я был лишь ребячески связан...».

♦ Из откликов: «О. Мандельштам за последнее время стал чаще появляться [в] советских журналах. Стихи его, может быть, не столь хороши, как в прежние годы, однако всегда чем-то радуют. Жаль, что этим поэтом не издана книга стихов последнего периода, мы бы увидели проделанный им путь; пока что можно лишь заметить некоторую перемену в его голосе. Вот начало стихотворения, помещенного в последней "Звезде": С миром державным я был лишь ребячески связан <...>. В этих строках, рядом с прежним Мандельштамом, чувствуется кто-то новый, который может стать для нас ясным лишь тогда, когда мы узнаем его поближе. К сожалению, пока это кажется несбыточным: в толстых журналах печатает он по одному стихотворению, сборников не издает, и много молчал, вовсе нигде не печатаясь» (Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. Париж, 1931. 9 июля).

Апрель. В № 4 журнала «Варшавские записки» («Pamiętnik Warszawski») помещена статья украинского поэта-эмигранта Евг. Маланюка (Evg. Małaniuk) «St. Peterburg, Petrograd — Leningrad». «Я хотел бы подчеркнуть, что хотя у Державина-поэта тема Петербурга раскрыта значительно более поверхностно, почти идиллически,

Е. Маланюк

то только эти два великие поэты империи, Державин и Пушкин, принимали Петербург безоговорочно, они — можно сказать — были архистратегами города... если не принимать во внимание еще одного поэта уже нашего времени, Осипа Мандельштама, который по странной прихоти судьбы был третьим и последним певцом Петербурга — символа империи — уже в период упадка столицы, между первой и второй революцией. Вопреки своей национальности и социальному положению Мандельштам сумел найти мощную, почти "государственную" интонацию для лебединой песни обреченного на уничтожение города» (перевод с польского И. Лаппо).

Мая 2. Дневниковая запись «Чтенье Некрасова...» (*ПССиП.* Т. 2. С. 465).

Мая 3. — Дата стихотворения «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 160).

Мая 11. Был у Б. С. Кузина в его квартире (Б. Якиманка, 22, кв. 155 — *Видгоф 2012.* С. 622, № 98) в день его рождения (*ПССиП.* Т. 2. С. 678).

Мая 11. Письмо к брату Евгению из Москвы в Ленинград. С просьбой взять справку в ЛенГИХЛе (*ПССиП.* Т. 3. № 145).

Мая середина. Москва. Письмо к отцу. О попытке получения квартиры по ордеру. Сообщает, что в Москве жил врозь с женой, он у брата Александра, она у Е. Я. Хазина (*ПССиП.* Т. 3. № 146). Письмо Н. Мандельштам к нему же (*В переписке семьи.* С. 80). Адрес Александра Мандельштама этого периода: Старосадский пер., д. 10, кв. 3 (*Видгоф 2012.* С. 187–279).

Мая 20. О. М. у Рюрика Ивнева. Чтение стихов Арсением Тарковским, Арк. Штейнбергом, Ник. Берендгофом (*Воспоминания Льва Горнунга.* С. 31).

♦ Из дневника Рюрика Ивнева: «21 мая. <...> Вчера Осип Эмильевич (Мандельштам) очень хвалил мои последние стихи. Несколько раз прочел их сам и заучивал» (С. 493).

Мая 26. — Дата стихотворения «Канцона» («Неужели я увижу завтра...») (*ПССиП.* Т. 1. С. 161).

Мая 30. Париж. Вечер Марины Цветаевой в зале «Эвритмия», она читает стихотворение «В разноголосице девического хора...» и свои стихи, обращенные к О. М., а также «Историю одного посвящения».

♦ Из дневника Х. П. Кротковой: «Только что с вечера Марины Цветаевой. <...> Держит себя очень непосредственно, но почти не бестактно. Звонкий, не низкий голос, которым она прекрасно владеет.

Вероятно, из нее вышла бы неплохая актриса. Она из тех женщин, что любят себя, умеют собой наслаждаться. <...> О Мандельштаме было не очень много. Главное было доказать, что он ее любил. Очень остроумно, талант ключом бьет и не угасает. <...> Ее красное платье и самовлюбленность меня шокировали. И всё же общее впечатление прекрасное, и главное, что от нее можно еще многого ждать. Это не конец» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб.: «Atheneum»; «Феникс», 1997. С. 386–387. Публ. В. П. Нечаева).

♦ Из письма Цветаевой к С. Н. Гальперн, 31 мая: «Вечер прошел с полным успехом, зала почти полная. Слушали отлично, смеялись где нужно, и — насколько легче (душевно!) читать прозу. 2-ое отд<еление> были стихи — мои к М<андельшта>му, где — между нами — подбросила ему немало подкидышей — благо время прошло! (1916 г. — 1931 г.!) (Он мне, де, только три, а ему вот сколько!) А совсем закончила его стихами ко мне: “В разноголосице девического хора”, — моими любимыми. <...> Когда читала о М<андельшта>ме, по залу непрерывный шепот: «Он! Он! Он — живой! Как похоже!» и т. д.» (*Цветаевой собр. соч. 1994–1995*. Т. 7. С. 140. См. также письма к С. Н. Гальперн от 11 июня и 7 сент., там же, с. 141, 143).

Май. — Дата начала работы над стихотворениями «Еще далёко мне до патриарха...», «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 163, 166).

Весна. — Дата стихотворения «Эпиграмма в терцинах» (*ПССиП*. Т. 1. С. 329).

Весна. Москва. Фото Э. С. Гурвич, О. Мандельштама, Н. Мандельштам.

♦ «Мы были подвижными и много гуляли. Все, что мы видели, попадало в стихи: <...> уличный фотограф, щелкнувший меня, Мандельштама и жену Шуры <...>» (*Третья книга*. С. 278).

Весна. У С. Клычкова — встреча с Н. Клюевым. Присутствует А. Яр-Кравченко. П. Васильев и С. Липкин читают стихи, Н. Клюев — «Погорельщину» (Липкин С. Квадрига. М., 1997. С. 334–337). Датируется по указанию К. М. Азадовского: *Предшеств. и совр.* С. 83.

Лета начало. «В начале лета Шура с женой уехали на полтора или два месяца на юг, а я переселилась к Мандельштаму в убогую комнатенку на Старосадском переулке. Пиршество продолжалось уже не только по ночам, но и днем, а стихи стали длиннее — они уже не спрессовывались ночным бдением. Время было голодное. Это начало чудовищного голода на Украине, повышения цен и прочих радостей, результат раскулачивания и первой пятилетки. Мы еще в Тифлисе заметили, что происходит что-то неладное: исчезли продукты, в первую очередь папиросы, и мы охотились за ними вместе с Чаренцом. Выручали уличные мальчишки, продававшие диковинный товар прямо из грязных, но симпатичных рук. <...> Вскоре снова возникли карточки, по которым почти ничего не выдавали, и пайки для привилегированных (тогда и мы попали в их число). Пока суд да дело, на улицах появились летучие базарчики. Торговцы держали товар на ладонях — яйцо, морковка, две картофелины. Я выходила на такой базарчик в двух шагах от дому и приносила роскошную трапезу. Чаще всего я добывала горсточку муки и немножко постного масла. Заботливая еврейка из соседней комнаты упрекала меня, что я чересчур экономлю масло и у меня выходят не настоящие оладьи, а булочки. Зато привередливый Мандельштам, знавший толк в пище, забыл про всякую кулинарию и считал удачей, если ему дважды в день перепадала кучка не настоящих, а сомнительных оладий. <...> Идиллическая жизнь на Старосадском не омрачалась ничем, меньше всего заботой о будущем. Дел не было никаких. Забегал “старик Маргулис”, спасшийся от ленинградского голода и безработицы в Москву. Он был полон надежд на получение перевода или службишки. Тем временем он рыл землю, добывая на корм и записывая стихи Мандельштама. На следующий день, кто бы нас ни встретил, цитировал их. Заходил Боря Лапин с пишущей машинкой и молча выстукивал новый стишок. <...> Часто приходила и Эмма Герштейн. <...> Мы были подвижными и много гуляли. Всё, что мы видели, попадало в стихи: китайская прачечная, куда мы отдавали белье, развал, где мы листали книги, еще не покупая из-за отсутствия денег и жилья, уличный фотограф, щелкнувший меня, Мандельштама и жену Шуры, турецкий барабан и струя из бочки для поливки улиц. Возвращение к стихам привело к чувству единения с миром, с людьми, с толпой на улицах... Это блаженное чувство, и нам чудесно жилось, но я не понимаю, откуда брались деньги даже на эту собачью жизнь. Вероятно, Бухарин уже устроил продажу двухтомника с ежемесячной крохотной выплатой. Денег, во всяком случае, хватало на чай и оладьи, но мы не потолстели, потому что муки было слишком мало. Острее чувствовался недостаток сахару. Мы получали

немножко по карточкам и чай пили вприкуску. <...> Вскоре Халатов зачислил Мандельштама на паек в магазин с народовольцами и заставил писателей каждые три месяца заново включать нас в пайковый список, и мы стали получать кроме килограмма на карточки еще по три кило сахару в месяц. Это уже богатство. Зато хлеба нам всегда хватало — на писательскую карточку выдавали много хлеба, как на рабочую, граммов с восемьсот. Настоящий голод, когда думаешь только о хлебе, я испытала уже в одиночестве — во время войны» (*Вторая книга*. С. 437–439).

Июня 3. «3 июня. Звонил О. Э. Мандельштам. Положение ужасное. Целую неделю жил на каких-то оладьях, как в 18-м году, вместе с Надеждой Яковлевной, неизменной и верной своей подругой. Просил достать несколько рублей. У меня сейчас кризис страшный. Я позвонил Шенгели. Он дал небольшую сумму, которую я сегодня передал О<сипу> Э<мильевичу>, назначив ему свидание в аптеке Феррейна на Никольской» (*Дневник Рюрика Ивнева*. С. 495).

Июня 4. — Дата окончания работы над стихотворением «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 163).

Июня 5. «Отвез Осипу Эмильевичу немного сала (подарок Степы — из деревни) и кофе» (*Дневник Рюрика Ивнева*. С. 495).

Июня 6. — Дата «Отрывков уничтоженных стихов» (*ПССиП*. Т. 1. С. 165).

Июня 7. — Дата стихотворения «Довольно кукситься! бумаги в стол засунем!..» (*ПССиП*. Т. 1. С. 167).

♦ Из воспоминаний: «Написаны на Старосадском» (*Третья книга*. С. 267).

Июня 8. Заявление в Правление ГИХЛа на имя М. О. Шендеровича. Просит о выплате части суммы в счет заключенного с ЛенГИХЛом договора (*ПССиП*. Т. 3. С. 597).

Июня 12. — Дата стихотворения «На высоком перевале...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 168).

Июня 20. В Париже вышел № 12 журнала «Сатирикон» со статьей Г. В. Иванова «Непрофессиональная юмористика», в составе которой опубликованы шуточные стихотворения из цикла «Антология античной глупости» («В девятьсот двенадцатом, как яблоко румян...», «Если грустишь, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч...») и пародия Г. Иванова «Однажды под сенью старинных дубов...».

Июня 25. — Дата стихотворения «Сегодня можно снять декалькомании...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 170).

♦ Из воспоминаний: «Пейзаж в этом стихотворении изменился, мы переехали в Замоскворечье — в квартиру юриста [Цезаря] Рысса из Ростова. Это Моргулис устроил нам временное жилье. Хозяйки — жена и ее сестра — были на даче на Украине, а хозяин в разъездах. О. М. вспомнит его, когда начнет писать “Путешествие в Армению”. Сюда же к нам приходил Леонов — биолог из Ташкентского

университета» (*Третья книга.* С. 274). Адрес Мандельштамов этого периода: Б. Полянка, д. 10, кв. 20 (*Видгоф 2012.* С. 620, № 92).

Июня 26. Надписал книгу «О поэзии» Н. Ф. Бернеру. «Дорогому Николаю Федоровичу Бернеру / С любовью / О. Мандельштам / 29/VI/31

...как мальчишка
За взрослыми в морщинистую воду
Я, кажется, в грядущее вхожу...*

О. М.» (частное собрание).

Июня 29. Письмо Е. Э. Мандельштама к отцу из Нового Афона. «В Москве видел Осю и Шуру» (*В переписке семьи.* С. 80–81).

Июнь. — Дата стихотворения «Как народная громада...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 169).

Июнь. В варшавском журнале «Квадрига» («Kwadryga») № 1/3, январь–июнь, помещено стихотворение «Старик» в переводе на польский В. Слободника (Włodzimierz Słobodnik).

Июля 3. Письмо к В. Полонскому. «Позавчера я передал М. А. Зенкевичу 10 (десять) стихотворений для оглашения их в редколлегии "Н<ового> Мира". Однако зачитаны из них были только 2 (два), а принято — одно. Это стихотворение даст читателю, с которым я и без того достаточно разобщен, крайне неполное понятие о последних этапах моей лирики, а потому печатать его обособленно я не могу» (*ПССиП.* Т. 3. № 147).

Июля 11. Письмо М. А. Зенкевича — В. П. Полонскому (в оригинале ошибочно помечено 11-м июня). «О. Мандельштам согласен дать в "Н<овый> мир" уже принятую Вами "Москву" с добавлением хотя бы еще одного стихотворения. Он предлагает "Фаэтонщика" — случай, быв<ший> с ним в Шуше, где ему попался какой-то пьяный напугавший его возница. Мы оба (я и Багрицкий) находим, что стихи, несмотря на несколько мрачный тон, приемлемы, вместе с "Москвой", разумеется» (*ПССиП.* Т. 3. С. 817). См. **Июля** 3.

Июль. Из записи В. Яхонтова: «**И**юль 31 г. Москва. Снова Мандельштамы. Снова я потрясен этой мудростью его стихов (он читал мне новые), их зрелостью с явной печатью гениальности. <...> На этот раз протест мой был много слабее, чем до отъезда, когда он затравленным волком готов был разрыдаться и действительно ведь разрыдался, падая на диван. Тут же только прочел нам (кажется, впервые и первым) — "Мне на плечи бросается век-волкодав, но не волк я по крови своей..."»** (*После Воронежа.* С. 77; *Видгоф 2012.* С. 347).

Августа 6. Письмо Е. Архиппова — Д. Усову, из Владикавказа: «Верочка <Меркурьева> очень восхищена эпиграммой в терцинах

* Цитата из стихотворения «Сегодня можно снять декалькомании...».

** Из стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...».

[«Есть на Большой Никитской некий дом...»] Мандельштама» (Волга. 2009. № 9/10. С. 163. Публ. Т. Нешумовой).

Августа 25. В «Лит. газете» — статья М. А. Козакова «О самокритике и самом себе». В этом выступлении, относящемся к жанру «самоотчета-исповеди», Козаков критикует объединение писателей-попутчиков Ленинграда, к которому он сам принадлежал, в чем совершает, как сказано в «Путешествии в Армению», «публичное покаяние» (*ПССиП*. Т. 2. С. 321, 679–680).

Сентября 1. Письмо Л. Л. Авербаха к Л. М. Кагановичу и М. М. Постышеву о необходимости выделения квартир ряду писателей, в том числе О. М. («Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 113–114).

Сентября 19. Записка А. Б. Халатову с просьбой о приеме. С ответом Халатова, датированным 19 сент. (*ПССиП*. Т. 3. С. 598, 869).

Сентября 30. Запись дневника редактора журнала «Новый мир» В. П. Полонского. «30/IX, 31. Заходил Мандельштам. Постарел, лысеет, седеет, небрит. Нищ, голоден, оборван. Взвинчен, как всегда, как-то неврастенически взвихривается в разговоре, вскакивает, точно ужаленный, яростно жестикулирует, трагически подвывает. Самомнение — необычайное, говорит о себе как о единственном или, во всяком случае, исключительном явлении. То, что его не печатают, он не понимает как несоответствие его поэзии требованиям времени. Объясняет тысячью различных причин: господством бездарности, халтуры, гонением на него и т. п. Требует, чтобы его печатали, требует денег, настойчиво, назойливо, намекая на возможность трагической развязки. В нем, конечно, чуется трагедия: человек с огромным поэтическим дарованием, с большой культурой — он чужд нашему времени и ничего не может ему дать. Он в своем мире — отчасти прошлого, рафинированных, эстетских переживаний, глубоко индивидуальных, узких, хотя и глубоких, — но ни с какой стороны не совпадающих с духом времени, с характером настроений, царящих в журналах. Поэтому он со своими классическими, но холодными стихами — чужак. И налет упадочности на них, конечно, велик. Что с ним делать? Грязен, оборван, готовый каждую минуту удариться в истерику, подозревающий всякого в желании его унизить, оскорбить, — у него нечто вроде мании, — тяжело с ним встречаться и разговаривать. Тем более что помочь ему трудно. Я дал ему аванс — рублей шестьсот — под прозу. Написал два листа — требует еще, так как не может продолжать» (Новый мир. 2008. № 6. С. 145–146. Публ. С. Шумихина). В записи под «прозой» подразумевается «Путешествие в Армению».

Сентябрь. — Дата окончания работы над стихотворением «Еще далёко мне до патриарха...».

♦ Из воспоминаний: «Но однажды Кузин выразил Мандельштаму свое неудовольствие по поводу стихотворений “Сегодня можно

снять декалькомани" и "Еще далеко мне до патриарха". В первом Мандельштам прямо полемизирует с белогвардейцами, а во втором воспевает "страусовые перья арматуры в начале стройки ленинских домов". Видимо, разговор был довольно бурным. Я застала Осипа Эмильевича одного, он бормотал в волнении: "Что это? Социальный заказ с другой стороны? Я вовсе не желаю его выполнять", — и лег на кровать, устремив глаза в потолок» (*Герштейн мемуары*. С. 23).

Октября 10. Протокол заседания жилищной комиссии Горкома писателей с решением предоставить О. М. освобождающуюся «от переезда в Дом Герцена» «квартиру Виткинда». В машинописном тексте фамилия Мандельштама от руки зачеркнута и вписано: «М. Герасимову» (*ИМЛИ*. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 14–14 об.). См. Ноября 24.

Октября не позднее. Начало работы Н. Мандельштам в газете «За коммунистическое просвещение» (упомянуто: *ПССиП*. Т. 3. № 149).

♦ Из воспоминаний: «После Полянки мы переехали на Покровку, я поступила на работу (ЗКП), но вскоре заболела и меня поместили в Боткинскую. На Покровке О. М. писал "Путешествие". Из больницы он перевез меня на Тверской бульвар. Я снова пошла на работу, и тогда же начался новый цикл стихов» (*Третья книга*. С. 278). Адрес Мандельштамов: Покровка, 29, кв. 23 (*Видгоф 2012*. С. 620, № 93).

♦ Из воспоминаний: «Мы прожили два месяца в наемной комнате на Покровке в комнате женщины, уехавшей на работу в Сибирь, но — увы! — за комнату не заплатили. Кормилицей была я — Мандельштам подвергся уже полному остракизму, — но не выдержала, заболела и попала в Боткинскую больницу. Зарабатывала я службой в газете "ЗКП" ("За коммунистическое просвещение"). Сманил меня туда Маргулис: "Старик Маргулис под сурдинку уговорил мою жену вступить на торную тропинку в газету гнусную одну. Такую причинить обиду за небольшие барыши! Так отслужу ж я панихиду за ЗКП его души..."» (*Вторая книга*. С. 109).

♦ Из воспоминаний: «В это лето (1931) Моргулис не только сам устроился в газету "За коммунистическое просвещение", но и притащил туда Надю. Эта работа, в сущности, очень ей подходила. Годом ранее в поисках заработка она завязала связи с какой-то редакцией. Я ходила туда вместе с ней и видела, как сотрудницы слушали ее, развесив уши. Они заказали ей статью о детской литературе, и она написала хлесткий критический разбор книжек Корнея Чуковского. Она утверждала, что это эпигонские стихи, и демонстрировала литературные источники, из которых он, по ее мнению, заимствовал ритм, рифмы и интонацию "Крокодила". Статья была выслушана с почтительным восторгом, однако напечатана не была. В "ЗКП" Надя почувствовала себя очень уверенно и приговаривала: "Я делаю то, что раньше делали сенаторы"» (*Герштейн мемуары*. С. 24).

♦ Из воспоминаний: «Мы начали покупать книги, когда я поступила служить в редакцию ЗКП. Там мне выдавали ежемесячно

“талон на бесплатное приобретение книг” — прививали журналистам культуру... “Купите что-нибудь фундаментальное”, — посоветовал [М. О.] Чечановский, вручая мне первый талон. Он особенно рекомендовал шеститомного Ленина или начинавшее выходить собрание сочинений Сталина. На книжных полках у всех наших знакомых уже стояли все собрания классиков марксизма — они стали неизменной принадлежностью интеллигентского дома. На этом очень настаивали наши воспитатели. Ведь Сталин действительно верил, что сто́ит всей интеллигенции хорошенько прочесть все эти книги, как они тут же, убежденные неотразимой логикой, откажутся от идеалистических предрассудков. Спрос на марксистскую литературу стоял тогда на высшей точке. Розовый чекист, угощавший нас во время обыска 34 года леденцами из жестяной коробки, был просто поражен отсутствием марксистской литературы на нашей полке. “Где вы держите своих классиков марксизма?” — спросил он у меня. О. М. расслышал вопрос и шепнул мне: “Он в первый раз забирает человека, у которого нет Маркса”...» (*Воспоминания*. С. 227–228).

Ноября 17–18 и 19. Записки жене в Боткинскую больницу. Сообщает, что заходил в бухгалтерию газеты «За коммунистическое просвещение». Сообщает о начале родов у Лели, жены брата О. М. Александра (*ПССиП*. Т. 3. № 149 и 150).

♦ Из воспоминаний: «Когда Надя легла в больницу, Осипа Эмильевича часто навещал Яхонтов. Это было на Покровке в убогой, “плюшевой” и пыльной обстановке мещанской комнаты. Той самой комнаты, из которой Надя выживала какого-то заскочившего к ним газетчика спокойным предупреждением: “Сюда не садитесь — ножка сломана” или “Осторожно: здесь натекло” и т. п. Это она умела делать виртуозно. Придя туда, я застала однажды Яхонтова во фраке и в цилиндре. Эта экзотика ничуть не резала глаз. Яхонтов вписывался в комнату как отдельный кадр в хорошо рассчитанном пространстве. Осип Эмильевич читал вместе с ним свои шуточные стихи. Они были посвящены драматическому положению, в которое попала хозяйка квартиры. Она прослышала, что в Сибири можно дешево купить доху. Именно для поездки туда она сдала свою комнату Мандельштамам. В Москве оставались ее мать и сын. Но Мандельштамы не могли расплатиться. Для успокоения совести не оставалось ничего другого, как поставить себя выше злополучных обывателей, скандируя сочиненные по этому случаю издевательские стишки. Для вящего эффекта Яхонтов, проходя из уборной через общую кухню, стащил соседский чайник. Чайник стоял на стуле рядом с цилиндром» (*Герштейн мемуары*. С. 24–25).

Ноября 21. Родился племянник О. М. — Александр Александрович Мандельштам.

Ноября 24. Протокол жилищной комиссии ФОСПа с решением о выделении для О. М. комнаты в Доме Герцена (*ИМЛИ*. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 17). См. Декабря 29.

Декабря 14. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «Ося и Надя в Болшеве в Доме отдыха. Комнату им дают одну, 17 м., в неважной квартире и не очень скоро. <...> В Наде болезнь какая-то сидит, хотя она чувствует себя лучше и температуры нет. Вероятно, ее придется устраивать в специальную клинику, что очень трудно» (*В переписке семьи*. С. 83).

♦ Из воспоминаний: «В тридцать втором году мы жили в Болшеве, одном из санаториев Цекубу. Среди оголтело-аспирантской толпы и гладких ученых, читавших Сельвинского и Кирсанова вперемежку с Багрицким, жила высокая и худая осетинка, чем-то похожая на Ахматову в ее зрелости — ростом, худобой, монашеским видом, легкой походкой, одухотворенной скромностью. Она была из крестьянской семьи, но сыновья у нее вышли в люди и отправили мать отдохнуть в ученый санаторий. Мы с ней дружили и убегали на прогулки по снежным дорожкам парка — подальше от споров марксистской толпы и хитрых профессоров. Именно она, не знавшая литературной свары тридцатых годов, почувствовала неблагополучие Мандельштама и его отчужденность от академической среды, где водились и философы и литературоведы, приставшие с изъявлением интереса к Мандельштаму. "Ося, — как-то сказала она (ее смешило его имя, значившее по-осетински нечто совсем неподходящее, кажется, девушка или женщина), — Ося, ты к ним в колхоз не идешь, я понимаю... Ты лучше иди, не то пропадешь, видит Бог, пропадешь..."» (*Вторая книга*. С. 197).

Декабря 29. Протокол заседания правления Всероссийского Союза писателей. О пересмотре решения от 24 ноября по протесту писателей [В. Г.] Лидина и [В. В.] Гольцева. «Постановили: Ввиду того, что в свое время т. Мандельштам заявил, что не желает иметь ничего общего с Федерацией, осудившей его поведение, как переводчика, подтвердив [это] свое заявление отказом подать руку т. Лидину на том основании, что "Вы член Союза Писателей, который входит в Федерацию, а члену этой организации я руки подавать не могу", ВССП, считая поступок т. Мандельштама антиобщественным, находит необходимым внести в Жилкомиссию предложение пересмотреть решение о предоставлении Мандельштаму комнаты из фонда писателей Горкома» (*ИМЛИ*. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 15). См. 1932, Января 25.

1932

Января 1. Докладная записка Культпропа ЦК ВКП(б) в адрес Оргбюро ЦК о состоянии советских литературных журналов. Подписана зам. зав. Культпропом А. Н. Гусевым. «"Новый мир". Редактор В. Полонский, члены редколлегии Гронский, В. М. Соловьев. Журнал в основном держал курс на писателей необуржуазных и попутчиков, скатывающихся с позиций попутничества вправо, — А. Толстой,

Сергеев-Ценский, Буданцев, Пильняк, Мандельштам, Пастернак, Приблудный и др. <...> Общую линию художественной прозы продолжает и поэзия. Стихи Приблудного, Прокофьева, Пастернака, Мандельштама, Сельвинского дополняют картину. Сельвинский пишет, что в Биробиджане евреи обрели "новую Палестину", Мандельштам идеализирует старую Армению с ее экзотикой и нищетой» (Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М.: «МФД»; «Материк», 2005. С. 213–214, со ссылкой: *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 114. Д. 275. Л. 83–97).

Января 25. Протокол заседания объединенной жилкомиссии при Горкоме писателей с решением предоставить О. М. комнату в правом крыле Дома Герцена (другую комнату — Пришвину) (*ИМЛИ*. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 4).

♦ «В узкой комнате на Тверском бульваре <...> заходил один Клычков, живший в другом корпусе Дома Герцена. Как-то при мне пришел Шенгели, которому Осип Эмильевич давал читать свою "Четвертую прозу". Шенгели был смущен, назвал ее "одной из самых мрачных исповедей, какие появлялись в литературе", и упоминал Жан-Жака Руссо» (*Герштейн мемуары*. С. 29).

Февраля 6. Протокол заседания жилкомиссии Горкома писателей (с пересмотром решений от 12 дек. 1931 г., 15 и 25 янв. 1932 г.) о предоставлении Мандельштаму второй комнаты (*ИМЛИ*. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 5–6).

♦ Из заявления И. Гронскому: «В ответ на мои многократные заявления, что жизнь кучей в одной комнате исключает всякую возможность работать, я был наконец на этих днях приглашен на заседание жилищно-хозяйственной тройки в составе Россовского, Павленко и Уткина, причем эта комиссия в моем присутствии вынесла постановление предоставить мне вторую соседнюю комнатку в 10 метров. Однако это постановление было сейчас же вслед за этим взято обратно со ссылкой на "объективные причины"» (*ПССиП*. Т. 3. С. 599).

♦ Из воспоминаний: «Вскоре рядом с Мандельштамами в том же коридоре освободилась большая комната в три или два окна. Они туда переехали, а их бывшую комнату передали поэту Рудерману. <...> Теперь к нему чаще заходили люди по пути в Дом Герцена. А Надя возвращалась из редакции всегда веселая, с остротами, придвигала столик к тахте, садилась на нее с ногами и с аппетитом обедала. По утрам часто заходил И. А. Аксенов. Очевидно, он был эрудитом во многих областях науки. Так, застав Мандельштама за чтением Палласа, он долго говорил с ним на географические темы. После его ухода Мандельштаму всегда хорошо думалось. Лоб его светлел и как будто становился больше, преображался в "понимающий купол", движения становились тихими и пластичными» (*Герштейн мемуары*. С. 29–30).

♦ Живет в кв. № 4 Дома Герцена, занимая одну из комнат. Соседи — М. И. Рудерман и Н. И. Острогорский (*Видгоф 2016. С. 46*).

Февраля 21. Обращение зав. Объединением государственных издательств (ОГИЗ) А. Б. Халатова и Н. И. Бухарина к председателю СНК В. М. Молотову с предложением о назначении О. М. персональной пенсии. (*Пенсионное дело.* С.73)

Февраля 26. Предложение Правительственной комиссии по назначению персональных пенсий в СНК СССР. «Объединенное Государственное Издательство (ОГИЗ) возбудило ходатайство о назначении персональной пенсии поэту-переводчику О. Э. Мандельштаму. Ходатайство поддерживает тов. Х[а]латов и тов. Бухарин.

Правительственная комиссия по назначению персональных пенсий всесоюзного значения, рассмотрев материалы О. Э. Мандельштам и учитывая заслуги его в области русской литературы (им выпущено больше десяти книг стихов) нашла возможность дать персональную пенсию О. Э. Мандельштаму 200 р. в месяц» (*ГАРФ.* Ф. Р-5446. Оп. 13. Ед. хр. 1971). См. Марта 23.

Февраль. Письмо Б. М. Зубакина — В. А. Пясту. «Видел случайно автора "Камня". С огромной седой бородой, с головой, запрокинутой почти за спину, как встарь. Горячо и тепло он относится к Вам. <...> Он собирает Вам 2 посылки» (Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М.: «Прогресс»-«Культура», 1994. С. 254).

Марта 19. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «В дополнение к пенсии они [О. М. с женой] будут подрабатывать лит<ературной> работой — газетной или другой. <...> Сейчас они сидят без денег. <...> Что с Жениными [Е. Э. Мандельштама] планами по переезду его в Москву?» (*В переписке семьи.* С. 84).

Марта 23. — Дата назначения пенсии О. М. Пенсионная книжка. Выдана постановлением комиссии при СНК от 23 марта 1932 г. С фотографией. Размер пенсии — 200 рублей (*Архив Мандельштама*). Основание: «за заслуги в области русской литературы» (*Пенсионное дело.* С. 75).

Апреля 1 — Августа 1. Н. Мандельштам в редакции газеты «За коммунистическое просвещение» занимает должность «ответственного исполнителя научно-литературного сектора» (*Над. Мандельштам СС.* Т. 1. С. 524. Со ссылкой: *РГАЛИ.* Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 438. Л. 2.).

Апреля 21. В газете «За коммунистическое просвещение» помещен очерк «К проблеме научного стиля Дарвина».

Апреля 23. Постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций».

♦ Из воспоминаний: «Почему-то мне пришлось зайти к нему [Н. С. Тихонову] в Москве. Он остановился в Доме Герцена, где мы тогда жили, но на "барской половине", у Павленко. Это произошло в день падения РАППа, 23 апреля 1932 года — мы узнали об этом событии утром, развернув газеты. Оно было неожиданностью для всех. Я застала Тихонова и Павленко за столом, перед бутылочкой вина.

Они чокались и праздновали победу. “Долой РАППство”, — кричал находчивый Тихонов, а Павленко, человек гораздо более умный и страшный, только помалкивал... “Но ведь вы дружили с Авербахом”, — удивилась я. Мне ответил не Тихонов, а Павленко: “Литературная война вступила в новую фазу”...» (*Воспоминания*. С. 225).

Мая 7–9. — Дата стихотворения «Ламарк» (*ПССиП*. Т. 1. С. 171).

Мая 11–13. — Дата стихотворения «Когда в далекую Корею...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 172).

Мая 14. — Дата окончательной редакции стихотворения «О, как мы любим лицемерить...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 173).

Мая 22. — Дата стихотворения «Увы, растаяла свеча...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 174).

Мая 23. — Дата стихотворения «Импрессионизм» («Художник нам изобразил...») (*ПССиП*. Т. 1. С. 174).

Май. — Дата стихотворений «Шестого чувства крошечный придаток...», «Там, где купальни-бумагопрядильни...» и первой редакции стихотворения «Вы помните, как бегуны...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 173, 175, 185).

Май. Вышел № 4 журнала «Новый мир» со стихотворениями «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..» и «О, как мы любим лицемерить...».

Июня 18. — Дата стихотворения «Батюшков» (*ПССиП*. Т. 1. С. 176).

♦ Из воспоминаний: «А вот русские поэты (XIX век) собирались на нашей полке действительно в первоизданиях: О. М. всегда хотел знать, как издал книгу сам поэт, что он у себя отобрал, что счел несущественным... Прижизненные издания русских поэтов были для него едва ли не самой дорогой частью той горсточки книг, которые он собирал по букинистам. И именно в 32 году, живя на Тверском бульваре в настоящей трущобе, он завел себе полочку и тащил туда и Языкова, и Жуковского, и Баратынского, и Батюшкова, и Державина, и еще, и еще...» (*Третья книга*. С. 291).

Июня 21. Знакомится с А. В. Звенигородским. См. Июня 25.

Июня 25. Ответ А. В. Звенигородского на вопрос об О. М. анкеты Е. Я. Архиппова «Вопросы о любви к поэтам»: «Очень талантливый и с большой эрудицией поэт. Полюбил его как человека. (На этих днях познакомился с г. М<андельштамом> у поэта Амира Саргиджана, 21 июня н<ового> с<тиля> 1932 г.)» (*Усов 2011*. Т. 1. С. 641–642).

Июня 26. Инскрипт О. М. на оттиске статьи «Петр Чаадаев» из журнала «Аполлон» (1915, № 6/7): «Андрею Владимировичу Звенигородскому – да не осудит за юношескую напыщенность и пустозвонство, – почтительно – Автор. Москва 26 июня 32 г.» (Октябрь. 2015. № 10. С. 155. В статье Т. Ф. Нешумовой «Неизвестный инскрипт Осипа Мандельштама»).

Июнь. В № 6 журнала «Новый мир» помещены стихотворения «Рояль», «Батюшков», «Ламарк», «Там, где купальни, бумагопрядильни...». См. 1933, Апреля 23.

Июнь (?). Ответ В. А. Рождественского на вопрос анкеты Е. Я. Архиппова об О. М.: «Мандельштама люблю крепко и неизменно, как умного каменщика чужих соборов. Он похож на садовника, призванного расчистить дикий сад. Я удивляюсь его газонам, хотя мне гораздо вольнее в зарослях и соловьях Пастернака. Из книг выбираю "Tristia"» (*РГАЛИ*. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 26 об. — 27).

Июнь (?). Ответ Д. С. Усова на вопрос анкеты Е. Я. Архиппова «Вопросы о любви к поэтам и книгам»: «И Мандельштама очень люблю, но уже по-другому [чем Пастернака]. Нельзя не любить того, у кого учился и учишься. Он — "контрапункт старого письма", и в то же время он живее многих живых» (*Усов 2011*. Т. 1. С. 465).

Июля 2–7. — Дата цикла «Стихи о русской поэзии» (*ПССиП*. Т. 1. С. 178).

Июля 4. Читает «Путешествие в Армению» на квартире у Н. Асеева. Письмо В. Б. Шкловского к жене, 5 июля: «Был вчера у Асеева. Мандельштам читал свою прозу. Она очень хороша, но в ней вещи объясняются другими вещами, еще более нарядными. Живое солнце меркнет от лучей нарисованного» (*Гамбургский счет*. С. 540–541).

Июля 8(?) — Дата стихотворения «Дайте Тютчеву стрекозу...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 178).

Июля 9. Запись Л. В. Горнунга: «Сегодня я пришел в Дом Герцена. Осип Эмильевич Мандельштам обещал мне надписать <...> "Tristia". Когда я шел к нему, то уже знал от Андрея Владимировича Звенигородского, что застану там Анну Ахматову. <...> Они были вдвоем, так как Надежда Яковлевна куда-то вышла. Отдав мне книгу, Осип Эмильевич предложил написать одно из своих последних стихотворений — "Дайте Тютчеву стрекозу...". Я, конечно, обрадовался этому, а он написанный листок передал Анне Андреевне и предложил ей написать что-нибудь на оборотной стороне. Анна Андреевна спросила меня, что бы я хотел, и я попросил написать одно из моих любимых стихотворений — "Не бывать тебе в живых..."» (Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: «Советский писатель», 1991. С. 191. В публ.: Горнунг Л. В. Записки об Анне Ахматовой).

Июля 9. Запись М. Талова: «9 июля 1932 г. Были в гостях у Мандельштамов, я и Эрна (первая жена М. Талова. — *Л. Видгоф*). Надежда Яковлевна подарила мне "Иллиаду" в переводе Леконта де Лиль. Приди мы чуточку раньше, встретились бы с Анной Ахматовой. В первый раз мы увидели сегодня Клюева. Впечатление довольно странное. Мне сперва показалось: не Распутин ли передо мною. Патриархальная борода не то богатого крестьянина, какого-нибудь Фрола, не то чернеца и интригана типа Мисаила из оперы Мусоргского, не то чернокнижника. Когда Клюев ушел, и остались только мы и Квятковский (вероятно, стиховед Александр Павлович Квятковский. — *Л. Видгоф*), Осип Эмильевич захотел поделиться своей библиофильской радостью — показать недавно приобретенное им первое издание книги Языкова. Он перерыл свою небольшую

библиотеку и заволновался. “Нашел же у кого взять Языкова!” — с горечью выкрикивал он. Долго перебирал он имена своих знакомых, вероятных похитителей, и, наконец, остановился на имени ленинградского переводчика М.: “За ним это водится!” Испортилось всё очарование встречи. Нам было досадно и неприятно. Через три дня случайно на Тверском бульваре встретил Осипа Эмильевича. Спросил, нашлась ли книга. Его предположение оправдалось: книгу действительно взял, не спросясь, М. “Вот никогда не подумал бы, что такой джентльменистый человек может заниматься таким делом — взять, авось не заметит мил-друг, а если и заметит, не припомнит, кто взял!” — возмущался Осип Эмильевич» (*Талова воспоминания*. С. 71.).

Июля 17. — Дата назначенного ГИХЛом «авторского чтения книги лирики О. Э. Мандельштама» в кабинете предс. правления ГИХЛ по адресу: Никольская 10/2. Повестка И. С. Поступальскому. Подписана от Редакции поэзии ГИХЛа В. В. Казиным. Год не проставлен (частное собрание).

Июля 17. В «Лит. газете» помещена статья В. Б. Шкловского «О людях, которые идут по одной и той же дороге и об этом не знают» (с подзаголовком «Конец барокко»). «Большой писатель Осип Эмильевич Мандельштам. Он написал сейчас книгу “Путешествие в Армению”. Он путешествует там среди грамматических форм, библиотек, книг, зданий, слов, вещей. Есть замечательный писатель Свифт. Гулливер попал в страну ученых. Люди там несли на спинах тяжелые кули. Ноги у людей гнулись, как у носильщиков в мучном ряду. Это были вещи для разговора. Эти люди не знали слов, они показывали друг другу разные вещи, вытаскивая их из карманов и из кулей и раскладывая по мостовой. <...> Мандельштам — огромный поэт, но он для того, чтобы передать вещь, кладет вокруг нее литературные вещи из куля, как попутчик Занд. Вещи дребезжат, вещи, как эхо, разнообразно повторяют друг друга. Гнутся своды под барочными украшениями. Мандельштам описывает картинные галереи. Я никогда не читал лучшего описания картин Ван Гога, Сезанна, Гогена, Синьяка. “Кукурузное солнце” светит в картинах импрессионистов (пуантеллизм). Солнце, сделанное из закругленных мазков, похоже на плотное зерно выпуклой чешуи кукурузного початка. Так определяет Мандельштам сомкнутую блестящую разбитость импрессионистической картины. И вот выходит Мандельштам из картинной галереи в прекрасный город Сухум. Дома лежат перед ним, как чертежные принадлежности в гнездах готовальни. Солнце тускло после картин. Мир весь как в веревочной сетке. Прочтите Золя, Мандельштам! Поймите, как стремились передать люди солнце. Сколько сто́ит солнце на картине. Разве картины делаются для того, чтобы ими компрометировать солнце? Это вы сами в сетчатом мешке, в клетке, в в[о]льер[е] с сетками. Сетками от вас отделен мир. И за этой сеткой сидит с несколькими немногими книгами друг мой, попутчик Занд».

Июль, после 17. Письмо к В. Б. Шкловскому (*ПССиП*. Т. 3. № 151) в связи с его выступлением в «Лит. газете», см. Июля 17.

Июля 20. Москва. Письмо Л. А. Бруни — Н. Н. Пунину. «Сегодня мне 38 лет. Хотели быть Мандельштам, Пильняк, Фаворский, Балашев, Гриц, будем пить вино за Вас и за большие просторы» (*Пунин 2000*. С. 315).

Июля 25. Поставил, в числе 8-ми литераторов, подпись под резолюцией: «Считаем снятие тов. Рудермана талантливого поэта со снабжения ошибкой, которую надо срочно исправить» (На заявлении М. Рудермана в Оргкомитет ССП на ту же тему). (*Видгоф 2016. С. 53).*

Июль или Август. Письмо к брату Евгению в Ленинград. «От “Нов<ого> Мира” после квартирных 2500 я имел 70 р. заработка. Реально: я напечатаю еще в больших журналах 5–6 вещей, может быть, мою прозу (цена ей по договору 750 р.: половина погашает кварт<ирный> аванс в “Н<овом> Мире”). Получу еще 800–1500 р., и затем глубокая пауза — может, на год или больше, т. к. я, конечно, не стал ходовым автором, пишу очень мало и медленно, и 90% не печатается даже в самых благоприятных условиях. Основной работник по-прежнему Надя. Она выбивается из сил. Берет дополнительную работу в “Известиях”. Не знаю, выдержит ли?» (*ПССиП*. Т. 3. № 152).

Августа 2. А. В. Звенигородский в письме к Е. Я. Архиппову сообщает о прошедших событиях: «У О. Э. Мандельштама познакомился с А. А. Ахматовой, она на несколько дней приезжала в Москву. Она выглядит еще достаточно бодро. На ее лице нет еще ничего угрожающего. Мне было радостно с ней встретиться» (Собрание Е. А. Калло).

Августа 8–12. — Дата стихотворения «К немецкой речи» (*ПССиП*. Т. 1. С. 180).

Августа 16. Дневник Чуковского: «Редакторша “Лит. газеты” Усиевич захотела со мной познакомиться, пригласила меня по телефону к себе. Либерализм сказался и в том, что у меня попросили статью о Мандельштаме. “Пора этого мастера поставить на высокий пьедестал”. Двое заправил этой газеты Фельдман и Цейтлин вообще горят литературой. — В столовой Дома Герцена <...> я встретил Асеева, Бухова, Багрицкого, Анатолия Виноградова, О. Мандельштама, Крученыха, и пр., и пр., и пр.» (*Чуковского дневник*. С. 487).

Лето. В Доме отдыха писателей в Голицыне В. А. Милашевский рисует О. М. и писателя А. И. Шарова (Милашевский В. Мандельштам // Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 92–94).

Сентября 8. Заключил договор с ГИХЛом на книгу «Стихи» (*РГАЛИ*. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5287. Л. 37 об.).

Вероятно, этому договору предшествовало обращение Н. И. Бухарина к М. П. Томскому, в мае назначенному заведующим ОГИЗом (Объединением государственных издательств): «Дорогой Михаил! Прошу тебя принять поэта О. Мандельштама; он мытарился довольно долгое время без денег и без квартиры; теперь он может добыть

квартиру, если внесет некий взнос. С тобой хочет заключить договор на книжку и в счет аванса выкрутиться. Пожалуйста, прими его» (Максименков Л. От опеки до опалы // Огонек. 2016. № 2, 18 янв. С. 33).

Сентября 11. Письмо Д. С. Усова — Е. Я. Архиппову. «А. Г. Челпанов побывал у меня. С А. В. Зв<енигородск>им он видится нередко. А<ндрей> В<ладимирович> Звенигородский ушел из Толстовского Музея. Он, кажется, очень и очень часто посещает О. Мандельштама и однажды встретился там с А. А. Ахматовой, о которой отзывается более чем сдержанно» (*Усов 2011.* Т. 2. С. 602).

Сентября 13. «Общественному суду по делу Мандельштам — Саргиджан. Заявление. Считая ответственным за конфликт между Саргиджаном и Мандельштамом не только Саргиджана, но также и Мандельштама, вызвавшего своим недопустимым поведением недопустимую реакцию Саргиджана, — просим Общественный Суд привлечь Мандельштама в качестве одного из обвиняемых. 13 IX. 32» (без подписей) (*РГАЛИ*. Ф. 370. Оп. 1. Ед. хр. 182).

Сентября 13. Товарищеский суд над Амиром Саргиджаном (псевдоним, наст. имя Сергей Петрович Бородин) по факту оскорбления последним Н. Мандельштам. По воспоминаниям Ф. Волькенштейна, А. Толстой явился на суд после обильного возлияния (*СМР* [1]. М., 1991. С. 53 и след.).

♦ Из заметки в газете: «13 сентября в Доме Герцена, в этой цитадели литературных дискуссий, происходил вечер писателя Саргиджана. Председательствовал Алексей Толстой. Речь шла об избиении писателем Саргиджаном поэта Мандельштама и его жены. Почему уголовное дело Саргиджана должно было рассматриваться специальным литературно-общественным судом при большом стечении писателей? Разве если писатель дерется, то от этого драка делается литературным явлением? <...> Мы считаем, что разбор кулачного творчества Саргиджана следовало бы перенести в камеру народного судьи, и тот безусловно справился бы с этой задачей лучше. <...> А заседание общественного суда по вине организаторов превратилось в какой-то творческий вечер Саргиджана. Судьи почему-то считали необходимым выяснить литературные вкусы Осипа Мандельштама и отношение мордобойцы к ним. Какое имеет значение, что и как писал Саргиджан? Почему нужно превращать уголовное событие в литературное? На этот неправильный путь встал и общественный обвинитель т. Равич. Кого он больше обвинял — битого или бившего, разобрать трудно. Суд при общем неодобрении присутствовавших писателей вынес свое решение: Саргиджана исключить из профсоюза, но, считая необходимым оказывать поддержку молодым писателям, просить президиум горкома считать исключение условным (?!)» (Нелитературный вечер // Вечерняя Москва. 15 сент. Подписана: А. Г.).

Сентябрь, после 13. Черновик заявления О. М. в Горком писателей. О приговоре товарищеского суда над А. Саргиджаном (*ПССиП*. Т. 3. С. 599).

Сентября 17. В «Лит. газете» — статья М. Рудермана «Поэт и читатель». Цитируется, применительно к случаю, статья О. М. «Выпад».

Сентября 19. На заседании редколлегии ГИХЛа в план сдачи рукописей в производство на IV квартал включен «т. I Мандельштама» (*РГАЛИ*. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 23).

Сентября 23. В рижской газете «Сегодня» П. Пильский в заметке «Фантастические эпизоды» цитирует статью О. М. «Выпад»: «О. Мандельштам прав: “Если литературная неграмотность в России велика, то поэтическая неграмотность — чудовищна”».

Сентября после 29. Из письма Д. С. Усова к Е. Я. Архиппову, Москва: «Знаете ли Вы книгу М. Волошина “Демоны глухонемые”, напечатанную в 1919 г. в Харькове? У меня есть оттуда (переписанная) чудесная вещь “Европа (Ангел Времен)”, в которой проходят мотивы Эренбурга (из “Треста”) и Мандельштама (“К<а>к средиземный краб...”). <...> “Tristia” Мандельштама — хороши. Многое из них (но не всё хорошее) вошло во 2-ю книгу (изд<ательства> “Круг ”), где совершенно изумительна “Грифельная ода ” и еще многое, многое. Книга эта у меня есть» (*Усов 2011*. Т. 2. С. 607).

Сентября 30. В СССР вернулся из эмиграции Д. П. Святополк-Мирский.

Октябрь, между 21 и концом месяца. По воспоминаниям Э. Герштейн, Д. П. Святополк-Мирский приходит к О. М. в Дом Герцена вместе с И. Эренбургом. Датируется по времени пребывания Эренбурга в Москве: Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург в 1932–1935 годы. М.: «Лина», 2001. С. 32–33.

♦ Из воспоминаний: «Когда из Парижа приехал И. Г. Эренбург, он пришел к Мандельштамам вместе со Святополк-Мирским. Адалис принимала участие в завязавшемся остром разговоре. Эренбург преклонялся перед прогрессивной политикой Советского Союза, восхищался строительством социализма, а мы, советские люди, не любили Эренбурга за то, что он хвалит издали то, что мы должны выносить на своей шкуре. Мандельштам объяснял, как трудно ему здесь работать, но Эренбург не хотел об этом знать. Когда он и Мирский ушли и все обсуждали речи Эренбурга, Адалис воскликнула: “Чего вы хотите? Мужчина в 40 лет, вот и всё”. Но Надя меня уверяла, что Эренбург “всё понимает” и что показывал ей литографию, где изображен ад, насколько помнится, в духе пушкинского “Фауста”: “Так вот детей земных изгнанье? Какой порядок и молчанье!” — и сравнивал эту неизбывную вечность с социалистическим раем» (*Герштейн мемуары*. С. 37).

Октябрь. — Дата шуточных стихотворений «Ходит Вермель, тяжело дыша...», «Счастия в Москве отчаяв...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 330).

Ноября 10. Творческий вечер О. М. в редакции «Литературной газеты».

♦ Из дневника А. Гладкова, 11 ноября. «Вчера встретил на Тверском бульваре [И. И.] Юзовского, и он позвал меня в редакцию “Литер<атурной> газеты” на чтение Осипом Мандельштамом новых

стихов. В самой большой комнате редакции, среди канцелярских столов и принесенных из другой комнаты стульев, собралось несколько десятков человек, в большинстве редакционные девицы. <...> Мандельштам одновременно величествен и забавен, горделив и уязвим, невозмутим и нервен, спокоен и беззащитен — истинный поэт. <...> Я знаю чуть ли не назубок всё напечатанное, но новое не похоже на прежнее. Это не "акмеистический" и "неоклассический" Мандельштам — это новая свободная манера, открыто сердечная, как в поразительных стихах о Ленинграде, или тоже по новому "высокая", как в лучшем из прочитанных "Себя губя, себе противореча... "» (Вопросы литературы. 1976. № 9. С. 184).

♦ Из письма Н. И. Харджиева — Б. М. Эйхенбауму (между 11 и 15 нояб.): «Зрелище было величественное. Мандельштам, седобородый патриарх, шаманил в продолжение двух с пол<овиной> часов. Он прочел все свои стихи (последних двух лет) — в хронологическом порядке! Это были такие страшные заклинания, что многие испугались. Испугался даже Пастернак, пролепетавший: "Я завидую Вашей свободе. Для меня Вы новый Хлебников. И такой же чужой. Мне нужна несвобода"» (Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987. С. 532, в примеч. Е. А. Тоддеса).

♦ Из воспоминаний: «После вечера в «Литгазете», где О. М. прочел эти стихи ["Фаэтонщик"], к нашему окну подошел Кирсанов (мы жили на Тверском бульваре в Доме Герцена) и сказал, что у О. М. все мысли старые и все стихи старые и подражательные, и привел в пример "Фаэтонщика" — подражание "Пиру во время чумы". О. М. выслушал с удовольствием» (*Третья книга*. С. 272–273).

Ноября 11. В «Лит. газете» помещена статья А. Селивановского «Разговор о поэзии». «И Пастернаку, и Антокольскому, и "старикам" — Мандельштаму и Андрею Белому — нужно помогать, последовательной товарищеской критикой прежде всего».

Ноябрь, не ранее 12, не позднее 21. Посылает в редакцию «Лит. газеты» исправленные стенограммы выступлений на творческом вечере 10 ноября с приложением письма и стихотворения «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (*СМР* 5/1. М.: РГГУ, 2011. С. 173–175. Публ. С. Василенко).

Ноября 23. В «Лит. газете» помещены стихотворения «Ленинград», «Полночь в Москве», «К немецкой речи».

Ноябрь. Находился в санатории «Узкое» под Москвой, см. Декабрь, не ранее 22. Знакомство с криминалистом О. А. Овчинниковой (по ее воспоминаниям: *СМР* 3/2. М.: РГГУ, 2000. С. 97–100. Публ. С. Василенко).

Декабря 21. В газете «Вечерняя Москва» в разделе «Литературная хроника» помещена заметка: «ГИХЛ приняло к печати новый сборник стихотворений Мандельштама. В ближайшие дни издательство устраивает публичную читку последних произведений поэта». См. Сентября 8.

Декабрь, не ранее 22. Письмо к отцу из Переделкина в Ленинград. «Это письмо я пишу на подмосковной станции Переделкино, из дома отдыха Огиза, где осенью жил Шура. До этого мы месяц провели в Узком и лишь неделю между тем и другим домом на Тверском бульваре. Нам бы не хотелось возвращаться в Дом Герцена. Сейчас мы книжки свои сложили в сундук и пустили жить у себя Клычкова. <...> 9 января кончается наш срок в Переделкине. <...> Каждый шаг мой по-прежнему затруднен и искусственная изоляция продолжается. В декабре я имел два публичных выступления, которые организация вынуждена была мне дать, чтобы прекратить нежелательные толки. Эти выступления тщательно оберегались от наплыва широкой публики, но прошли с блеском и силой, которых не предвидели устроители. Результат — обо всем этом ни слова в печати. Все отчеты сняты, стенограммы спрятаны, и лишь несколько вещей напечатаны в Литгазете без всяких комментариев. Вот уже полгода, как я продал мои книги в Гихл, получаю за них деньги, но к печатному станку не подвигаются. Да, еще: непосредственно после моей читки ко мне обратился некий импресарио, монопольно устраивающий литературные вечера, с предложением моего вечера в Политехническом музее и повторением в Ленинграде. Этот субъект должен был зайти на следующий день, но смылся, и больше о нем ни слуху ни духу» (*ПССиП*. Т. 3. № 153).

Декабря не ранее 24 — 1933, Января не позднее 18. Вышел из печати т. 6 «Литературной энциклопедии» со статьей А. Тарасенкова. «МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич <1891–> — поэт; один из главных деятелей акмеизма (см.). <...> Творчество М. представляет собой художественное выражение сознания крупной буржуазии в эпоху между двумя революциями. Среди акмеистов М. занимает особое место. Ахматова (см.) дала образцы лирики буржуазного ущерба. У Гумилева (см.) наиболее ярко выражены наступательно-хищнические тенденции русского империализма, но поднимающаяся новая волна рабочей революции в 1912–1914, а больше всего Октябрь 1917, окрасили это выражение чувством исторической обреченности. М. же выразил преимущественно страх своего класса перед какими бы то ни было социальными переменами, утверждение неподвижности бытия. Для поэзии М. характерна тяга к классическим образцам, велеречивая строгость, культ исторических мотивов (древний императорский Рим, Эллада, Палестина) и в то же время полный индиферентизм к современности. Даже ультрасовременный теннис осмысливается М. через “аттические” образы. Вневременность своей поэзии М. подчеркнуто декларирует: “Никогда ничей я не был современник”. Для миросозерцания Мандельштама характерен крайний фатализм и холод внутреннего равнодушия ко всему происходящему. Действительность воспринимается им лишь с точки зрения иллюзорной неподвижности ее форм. Вещь как данность — одна из излюбленных его эстетических категорий. Закономерна тяга Мандельштама

к законченно-уравновешенным образам, заимствованным из мира архитектурных и скульптурных представлений; они по своей неподвижной природе наиболее соответствуют “чистому покою”, которого так упорно ищет М. Любовь М. к полновесным и полнозвучным словам кладет на всю его поэзию отпечаток художественного лаконизма. <...> Искусство понимается М. как “ценности незыблемая ска́ла над скучными ошибками веков”. Крайний буржуазный индивидуализм поэта развернут в ряде основных мотивов творчества. “Подлинное” искусство осознается М. как самоудовлетворенное одиночество. Предчувствие социальной катастрофы в предреволюционном творчестве Мандельштама выразилось в мотивах смертной скорби, в ощущении мира “болезненного и странного”, от которого автор тщательно отгораживается стеной равнодушия, фатализма. Октябрьская революция не произвела никаких сдвигов в поэтическом творчестве М. По-прежнему для его стихов продолжает быть характерным классический холод исторических образов. Огромная сила инерции, сохранявшая сознание М. нарочито отгороженным от процессов, происходящих в действительности, — дала поэту возможность вплоть до 1925 сохранить позицию абсолютного социального индиферентизма, этой специфической формы буржуазной вражды к социалистической революции. Для этого периода чрезвычайно характерно большое стихотворение “Нашедший подкову” (1923), где декларирован принцип инерции как “извечной” категории. Новизна происходящего подчеркнуто отрицается: “Всё было встарь, всё повторится снова, / И сладок нам лишь узнаванья миг”. В этой формуле нашло себе законченное выражение идеалистическое существо творческого метода М., для которого всякая внешняя перемена осознается как обновленное “узнавание” неизменно существующего. Классовая логика этой творческой концепции сводится к довольно распространенному среди буржуазных идеологов и художников “приему” отрицания реальности перемен, вызванных Октябрем. Это лишь чрезвычайно “сублимированное” и зашифрованное идеологическое увековечение капитализма и его культуры. Однако пооктябрьская действительность, фаталистически “приемлемая” Мандельштамом как неизбежность, начинает всё же вызывать в поэте враждебные реакции: “Разбит твой позвоночник, мой прекрасный, жалкий век”. Наконец приходит и горькое признание своего социального умирания — “время срезает меня”. 1925 знаменует для М. переход к прозе, долее сохранять в неприкосновенности иллюзорный мир классической гармонии стиха было для него невозможно. <...> Лирическая повесть «Египетская марка» (1928) знаменует окончательно распад художественной системы М. Уход в бредовой иррационализм сочетается с вульгаризаторским снижением старых классических образов. Например образ разоренного буржуа-рантье развертывается как миф о старце Пергаменте, “стригущем купоны”. Мотив боязни революции сочетается с признанием полного своего краха: “Всё уменьшается, всё тает. И Гёте тает.

Небольшой нам отпущен срок". <...> Кроме стихов и прозы у М. есть книжка статей о поэзии, написанных в духе импрессионистического идеализма. Перу М. принадлежит статья "Утро акмеизма" — один из значительнейших теоретических манифестов школы <...> В ней М. декларирует высшую по сравнению с бытием "действительность искусства". <...> Всё это еще раз указывает на буржуазный и контрреволюционный характер акмеизма, школы воинствующего буржуазного искусства в канун пролетарской революции».

1933

Января 1. Запись М. Талова: «В начале 30-х к нам домой явился незнакомый человек и спросил, действительно ли я переводил Стефана Малларме. Я ответил утвердительно. "Откуда вам это известно?" Он представился: "Игорь Поступальский", — и рассказал, что в Ленинграде готовится к изданию антология французской поэзии под его редакцией, что он собрал почти все материалы, и остановка лишь за несколькими поэтами, которые у нас представлены лишь двумя-тремя стихотворениями. Поступальский обратился к Осипу Мандельштаму с просьбой сделать переводы из Малларме. В ответ услышал: "Зачем я стану переводить, если Талов, есть такой поэт, перевел почти всего Малларме". Мандельштам хвалил мои переводы и дал Поступальскому мой адрес» (*Талова воспоминания*. С. 69. Датируется по публ.: *Талова материалы*. С. 332).

Января до 9. Живут в Переделкине, в доме отдыха ОГИЗа. «9 января кончается наш срок в Переделкино» (*ПССиП*. Т. 3. № 153, с. 512).

Января 31. Письмо от Б. М. Эйхенбаума. «Ко мне обратились от Вашего имени с предложением сказать вступительное слово на Вашем вечере в Ленинграде. Хочу, прежде всего, поблагодарить Вас за память обо мне и, прямо скажу, за честь, которую Вы мне оказываете этим. В нормальном состоянии я бы, конечно, с радостью согласился на это. Но вышло так, что это предложение застало меня в такой момент, когда я нахожусь в критическом положении и не могу не только говорить перед публикой на такую серьезную тему, но и вообще работать» (Левинтон Г. А. Мелочи о Мандельштаме из архива Н. И. Харджиева // Varietas et Concordia. Essays in Honour of Pekka Pesonen. Helsinki, 2007. С. 401).

Января 31. Заключил договор с ГИХЛом на книгу «Избранное» (*РГАЛИ*. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5287. Л. 37 об.). О прохождении книги в изд-ве см. Октября 22.

Январь. В журнале «Лит. современник» № 1 помещена статья Н. Коварского «На знакомые темы». Рассматривая статьи книги «О поэзии», Коварский пишет: «...для меня (и, надо полагать, для любого писателя, критика, поэта нашей страны) неприемлемо то высокомерие, с которым относится Мандельштам к "спекулятивному мышлению", к той борьбе мысли и языка, из которой победителем

неизменно выходит мысль. <...> Главное — в системе, построенной на принципах вкуса, в поэзии, которая, убегая от мысли, строится на второстепенных моментах слова, на вкусе, на эмоциональном тоне, на окраске. И эти принципы полностью реализованы в творчестве Мандельштама. Здесь страшная опасность для современной поэзии, опасность срыва в систему Мандельштама, — тем более страшную, что внешне эта система кажется созданием исключительно высокой культуры» (с. 149). В том же номере — анонс: «[В 1933 г. будут напечатаны:] Стихи: <...> О. Мандельштама».

Февраля 23. Ленинград. Творческий вечер О. М. в Капелле.

♦ Из дневника: «Читает М. не так, как раньше. Тогда, рассказывают, он почти пел свои стихи. Теперь он их скандирует торопливым баском, монотонно, невыразительно, глотая окончания строк, но с каким-то одним и тем же упорством убеждения. То приподнимается на цыпочки, то отбивает ногой ритм. Читает негромко, и задние ряды слушающих и балкон привстают, прикладывая ладони к ушам и впиваясь глазами в его узкое лицо. Другая часть аудитории ведет себя протестующе». Прочитал стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...». В зале были: А. Ахматова, В. Саянов, Б. Эйхенбаум, Вс. Рождественский, Б. Соловьев, Б. Лапин, З. Хацревин, Н. Тихонов, П. Лукницкий (Басалаев И. Записки для себя // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 19. М.; СПб: «Атенеум»; «Феникс», 1996. С. 436–437).

♦ Из воспоминаний: «В этой биографии поражает одна частность: в то время (в 1933 г.) как Осипа Эмильевича встречали в Ленинграде как великого поэта, persona grata и т. п., к нему в “Европейскую гостиницу” на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет и вспоминают еще и сейчас (1962), в Москве Мандельштама никто не хотел знать и, кроме двух-трех молодых ученых-естественников, Осип Эмильевич ни с кем не дружил» (*Листки из дневника.* С. 200–201).

♦ Из воспоминаний: «Я довольно долго не видела Осипа и Надю. В 1933 г. Мандельштамы приехали в Ленинград по чьему-то приглашению. Они остановились в “Европейской гостинице”. У Осипа было два вечера. Он только что выучил итальянский язык и бредил Дантом, читая наизусть страницами. Мы стали говорить о “Чистилище”, и я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче) <...> Осип заплакал. Я испугалась — “что такое?” — “Нет, ничего, только эти слова и вашим голосом”» (*Листки из дневника.* С. 203).

♦ Из воспоминаний В. Л. Кибальчича (Виктора Сержа): «Я вспоминаю вечер дома у Мандельштама в Ленинграде в 1932 году. Поэт собрал некоторых друзей-писателей, чтобы прочесть прозаическую вещь, которую он привез из путешествия в Армению. <...> Отточенный текст, который он читал нам, заставлял подумать о Жироду в его лучших проявлениях, но здесь речь шла не о мечте о Сусанне перед

Тихим океаном: вместо того речь шла о сопротивлении поэта петле палача. Видения ереванского озера и снегов Арарата шелестом бриза требовали свободы, пели подрывную хвалу воображению, утверждали непокорность мысли... Кончив читать, Мандельштам спросил нас: "Вы верите, что это можно будет напечатать?" Наслаждаться ландшафтами было не запрещено. Но проникнут ли цензоры в протестующий язык этих пейзажей? Не знаю, увидели ли эти пейзажи свет, ибо вскоре после этого я был заключен в Московскую внутреннюю (и тайную) тюрьму (за убеждения)*» (Serge V. La tragédie des écrivains soviétiques. Paris, 1947 P. 4–5. Цитируется в переводе по изд.: Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто: Водолей Publishers; The University of Toronto, 2005. С. 386–387).

♦ Из показаний на следствии 1938 г.: «С Кибальчичем я встречался исключительно на деловой почве не более 3-х раз <...> в третий раз в 1932 г. я, будучи в Ленинграде, пригласил к себе в гостиницу нескольких ленинградских писателей, в том числе и Кибальчича, которым прочел свое произведение "Путешествие в Армению"» (*Нерлер 2010.* С. 102).

Февраля 25. Арестованы В. М. Жирмунский (в изоляторе 25 февр. — 24 марта), С. А. Рейсер (в изоляторе до 15 марта) и около этого числа — И. Г. Ямпольский, Б. Я. Бухштаб, Л. Я. Гинзбург, М. Л. Гурфинкель (жена Иос. Тронского).

Февраля 26. Из письма Г. Е. Горбачева — Г. Лелевичу: «Вдумываясь в творчество Пастернака и Мандельштама последнего времени (он читал массу новых стихов на вечере в Капелле), думаю, что было бы хорошо, если б кто-нибудь написал статью о ликвидации буржуазии как класса и как следствие этого — судорожных усилиях до конца буржуазных поэтов переделаться, оторваться от тонущего корабля, о надрывах, проклятьях, смешных и трагических попытках поспеть за новой жизнью и сравнил бы этих трагически-юродствующих рыцарей прошлого с другими, пытающими<ся> прижиться как растения-паразиты к чужому дереву, занимаясь небезуспешной мимикрией и подсовыванием враждебных идей под благовидным одеянием (тема объективного вредительства в поэзии и прозе)» (*Тименчик 2011.* С. 393–394).

Февраля конец — Марта начало. «В феврале 1933-го Мандельштам приезжал в Ленинград; состоялся вечер его стихов. Анна Андр. позвала к себе "на Мандельштама" Борю [Бухштаба] и меня. Как раз в эти дни его и меня арестовали (потом скоро выпустили). А. А. сказала Мандельштамам: — Вот сыр, вот колбаса, а гостей — простите — посадили. (Рассказала мне Ахматова)» (*Гинзбург ЗК.* С. 305).

---

* В цитированных ниже показаниях О. М. и воспоминаниях Виктора Сержа год — 1932 — указан неточно, правильно — 1933. Виктор Серж (Кибальчич) был арестован 7 марта 1933 г. в Ленинграде по обвинению в «троцкистской подпольной работе».

Марта 2. Ленинград. Вечер О. М. в Доме печати. Пригласительный билет: «2 [,марта]. Зал ударника. О. Мандельштам. Стихи из “Камня”. Новые стихи. Московский цикл. Армения. Стихи о русской поэзии. Фрагменты из новой прозы. 8 ч<асов>» (Собрание С. В. Поляковой).

♦ Из воспоминаний: «Мандельштам читал, не снижая пафоса; как всегда, он стоял с закинутой головой, весь вытягиваясь, — как будто налетевший вихрь сейчас оторвет его от земли. Волосы, сильно уже поредевшие, всё так же непреклонно вздымались над крутым и высоким лбом. Но складки усталости и печали легли уже на этот чистый лоб мечтателя. “Он постарел! — говорили в толпе. — Облезлый какой-то стал! А ведь должен быть еще молод...” Мандельштам читал о своем путешествии по Армении — и Армения возникала перед нами, рожденная в музыке и в свете. Читал о своей юности: “И над лимонной Невою, под хруст сторублевой, мне никогда, никогда не плясала цыганка”, — и казалось, что не слова сердечных признаний, а сгустки сердечной боли падают с его губ. Его слушали, затаив дыхание, — и всё росли, всё усиливались аплодисменты. Но по залу шныряли какие-то недовольные люди. Они иронически шептались, они морщились, они пожимали плечами. Один из них подал на эстраду записку. Мандельштам огласил ее: записка была явно провокационного характера. Осипу Эмильевичу предлагалось высказаться о современной советской поэзии. И определить значение старших поэтов, дошедших до нас от предреволюционной поры. Тысячи глаз видели, как Мандельштам побледнел. Его пальцы сжимали и комкали записку... Поэт подвергался публичному допросу — и не имел возможности от него уклониться. В зале возникла тревожная тишина. Большинство присутствующих, конечно, слушало с безразличным любопытством. Но были такие, которые и сами побледнели. Мандельштам шагнул на край эстрады; как всегда — закинул голову, глаза его засверкали...

— Чего вы ждете от меня? Какого ответа? (Непреклонным, певучим голосом):

— Я — друг моих друзей! Полсекунды паузы. Победным, восторженным криком:

— Я — современник Ахматовой! [И] — гром, шквал, буря рукоплесканий...» (*Воспоминания Елены Тагер*. С. 158).

♦ Из воспоминаний: «Было два отделения. Чувствовалось расслоение аудитории. После вечера — ответы на записки. “Когда же вы, наконец, начнете писать современные стихи?” — “Я самый современный поэт, которого я знаю”» (В. А. Мануйлов, устное сообщение).

♦ Из дневника Е. Миллиор, 2 марта: «В Доме печати вечер Мандельштама. После стихов ответы на записки. “Что вы думаете о Пастернаке?” Мандельштам ответил надменной речью, сводившейся к тому, что Пастернак — это пуповина, которая связывает нас с великой поэзией. Вопрос: “Вы тот самый Мандельштам, который

был акмеистом?" М. ответил остроумно, что это напоминает ему вопрос Воронскому: "Как было ваше имя-отчество?" Затем он горячо объявил, что он "тот самый Мандельштам, который был, есть и будет другом своих друзей, соратником своих соратников, современником Ахматовой..."» (Авторская копия, частное собрание).

Марта 3. Ленинград. Письмо Н. Мандельштам — Н. Н. Грин в Москву. «Сначала о делах. — Отношение к переизданию избранного Грина самое горячее. <...> Затруднение формальное: Ленингр. изд<ательство> писателей не имеет права на переиздания, а только на новые книги. Для переиздания необходима санкция Москвы. 9-го марта на заседании президиума окончательно вырешат вопрос об издании, напишут мотивированное заявление <...> и через Мариетту [Шагинян] и Павленко — членов правления изд<ательства>, живущих в Москве, получат визу на переиздание. <...> Мы возвращаемся по всей вероятности седьмого. Очень соскучилась. Хочу в Москву. Как вам живется без нас? <...> Вернулся ли Рудерман? <...> Нас сейчас задерживают главным образом деньги. Ждем получки, чтобы уехать; вечера сошли благополучно. Один 23[-го], другой — в доме печати вчера. Принимали хорошо — но мало хлопали, а больше вздыхали. <...> Ося говорит с Прокофьевым, поэтому я запечатываю без его приписки» (*РГАЛИ*. Ф. 127. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 4–4 об.).

Марта 4. Получил в дар от Д. И. Выгодского томик поэм Т. Тассо во французском переводе с надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму с самыми лучшими чувствами и с приказом: написать статью о Тассо» (*Фрейдин 1991*. С. 233).

Марта 5, 12, 13. Сообщения в газете «Правда» об аресте группы «вредителей сельского хозяйства», в том числе знакомого Мандельштамов Ф. М. Конара (Полащука). 12 марта — сообщение о приговоре (35 человек — к расстрелу). 13 марта — сообщение о приведении приговора в исполнение.

Марта 7. — Дата отъезда в Москву из Ленинграда, см. Марта 3.

Марта 14. Москва. Вечер О. М. в Малой аудитории Политехнического музея. Вступительное слово Б. М. Эйхенбаума. Из конспекта: «Мандельштам, конечно, возрождение акмеистической линии, обогнувшей футуризм» (Эйхенбаум Б. М. О литературе. М.: «Советский писатель", 1987. С. 449).

♦ Из воспоминаний Л. В. Розенталя: «Его встретили аплодисментами. Аплодировали истово, долго-долго, как будто не могли насытиться. <...> Сам Мандельштам вскидывал голову, как триумфатор. Этот триумф был для него такой же неожиданностью, как и для тех, кто внезапно, по наитию так триумфально его встречал. <...> Триумф вдохновил его речь. Она была повита высоким пафосом. Маяковского он возвеличил. Он назвал его "точильным камнем всей новой поэзии"» (*СМР* [1]. М., 1991. С. 37).

♦ Из отчета С. Гехта: «Он декларировал свою связь с временем, свою неотъемлемость от революции. Попробуйте оторвать его от нее,

попытайтесь отрезать его от эпохи, ничего не выйдет! Так заявлял Осип Мандельштам и в своих внезапных репликах и в целом цикле стихов, которые он прочел» (Вечерняя Москва. 16 марта).

♦ Запись Э. Миндлина: «14 марта, вечер. Ада* пошла в Политехнический слушать Мандельштама. Болезнь лишила меня и этой радости. Как многим был и остается Мандельштам в моей жизни» (*Видгоф 2015*. С. 178).

Марта 22. «Встретил у Мандельштама жену Грина и спросил ее, как поживает ее хозяин, Александр Степанович. С ней истерика. Грин, оказалось, уже восемь месяцев тому назад умер от рака. А Пяст еще жив» (Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. СПб.: «Росток», 2009. С. 262–263).

Марта до 24. Заключает договор на издание «собрания сочинений», см.: «Очередное собрание сочинений, проданное в Госиздат, попало в редакторские руки [М. О.] Чечановского <...> Договор и выплату денег устроил Бухарин, чтобы было хоть что-нибудь на жизнь. На эти деньги <...> мы поехали в Крым, а последняя выплата предстояла поздней осенью» (*Вторая книга*. С. 339).

♦ Заключение В. Гоффеншеффера о переиздании критических статей О. М. «Статьи Мандельштама — квинтэссенция рафинированной идеологии либеральной русской буржуазии. <...> Переиздавать их сейчас (даже с критическим предисловием) — крупнейшая политическая ошибка. Никакими ссылками на необходимость бережного отношения к старой интеллигенции, стоящей на советской платформе, это переиздание нельзя будет оправдать, ибо оно не только явится политическим промахом издательства, но окажет скверную услугу самому Мандельштаму». С резолюцией, датированной маем 1933 г.: «Статьи не пойдут» (*СМР* 2. М., 1993. С. 31).

Марта 24. Открыта сберегательная книжка О. М. (*Архив Мандельштама*).

Марта 25. Письмо Е. Я. Ахиппова — Д. С. Усову. «Я получил два Ваших письма и очень благодарю Вас за них, и за отчет о вечере Мандельштама (подробный и прекрасный)... <...> Если в Ваши руки будут приходить ненапечат<анные> стих<отворени>я М<андельшта>ма — не откажите присылать мне... Они всегда интересны и удивительны, хотя и не несут радости. Лицо О. Э, М<андельшта>ма мне неприятно. Я разумею его большой портрет (Наппельбаума), кот<ор>ый был выставлен в П<етер>бурге в 28 году и силуэт Кругликовой. Мак<симилиан> Ал<ександрович> причислял его (самого О<сипа> Э<мильеви>ча) к поэтам вийоновского типа (имею в виду отношение О<сипа> Э<мильеви>ча к его библ<иоте>ке в Коктебеле)» (Архиппов Е. Я. Рассыпанный стеклярус. Т. 2. М.: «Водолей», 2016. С. 451–452).

* Жена Миндлина.

Апреля начало. Москва. Письмо к Е. Э. Мандельштаму и Т. Г. Григорьевой в Ленинград. Об устройстве отца в дом отдыха (*ПССиП*. Т. 3. № 155).

Апреля начало. Письмо Н. Мандельштам — Э. В. Мандельштаму. Посылает деньги для него через И. А. Груздева. Упоминает о скорой поездке на отдых (*В переписке семьи*. С. 86–87).

Апреля 3. Творческий вечер О. М. в Московском клубе художников (Мособласткомрабис). Председательствовал А. Тышлер. О. М. читал «Путешествие в Армению» и стихи. Фотографировал М. Наппельбаум. «В конце чтения один художник крикнул: “Что-нибудь об индустриализации!”, на что Мандельштам ответил: “Это всё на тему об индустриализации. О техническом переоборудовании психики отстающих товарищей”. Ответ Мандельштама вызвал громкие аплодисменты» (*Воспоминания Льва Горнунга*. С. 32–33).

Апреля 5. Получил в дар от И. Груздева книгу «Горький» с надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму, первому поэту, автору прекраснейшего эпоса — на отповедь, а может быть, и на сочувствие от Ильи Груздева» (*Фрейдин 1991*. С. 236).

Апреля 5. Письмо к М. Шагинян с ходатайством за арестованного Б. С. Кузина (*ПССиП*. Т. 3. № 154).

Апреля ок. 9–10. Накануне отъезда в Крым зполнил анкету персонального пенсионера с целью перерегистрации, проставив дату: 5 мая. Пояснение: регистрирующий орган обусловил сроки сдачи анкет — с 3 по 10 мая (*Пенсионное дело*. С. 77). Сдачу анкеты, очевидно, осуществил кто-либо из оставшихся в Москве родственников.

Апреля 10. Москва. О. М. с женой на концерте А. Гедике (Бах) в Большом зале консерватории (*Воспоминания Льва Горнунга*. С. 34).

Апрель, не ранее 11. Отъезд Мандельштамов в Крым. Письмо к отцу в Ленинград: «Наша квартира почти готова. Дом выстроен. Заканчивается внутренняя отделка. Въезд назначается примерно 1 июня. Это прелестная миниатюрная солнечная квартирка из двух комнат на 5 этаже с газовой плитой и с ванной. <...> Сегодня мы уезжаем на несколько недель — до переезда в квартиру — в городок Старый Крым около Феодосии — в гости к нашим друзьям <...> Адр<ес>: Феодосия, Старый Крым, ул. Либкнехта, 40, Нине Николаевне Грин, для Мандельштамов» (*ПССиП*. Т. 3. № 156).

♦ Из письма Н. Мандельштам — Л. Е. Пинскому, лето 1956: «Туда мы поехали с вдовой Грина: она пыталась устраивать свои дела после смерти мужа главным образом через О. М. <...> с нами был Кузин, только что вытащенный из тюрьмы» (*Слово и судьба*. С. 151).

Апреля 12. «Мандельштамы приехали в Старый Крым 12 апреля 1933 г. — дата приезда туда самой Н. Н. Грин, прописавшей их в своем доме (см.: *ЦГАЛИ*. Ф 127. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 4 об.)» (*В переписке семьи*. С. 89).

Апреля 23. В «Лит. газете» — критический обзор О. Бескина «Поэзия в журналах». «Итак, о редакционной бдительности. Начнем

с “Нового мира”. В № 6 за 1932 год мы натыкаемся на весьма легко идеологически расшифровываемый цикл стихов О. Мандельштама. Начинается он с “Рояля”, дающего этакую добрую порцию мистической зарядки:

Чтоб смолой соната джина
проступила из позвонков
нюренбергская есть пружина,
выпрямляющая мертвецов.

Продолжается “Ламарком”... навыворот, стихотворением, описывающим обратный путь земли и человечества к “паучьей глухоте”, человечества (это мы!), от которого “природа отступила”.

И продольный мозг она вложила
словно шпагу в темные ножны.

Нужна ли особая бдительность, чтобы распознать обычное враждебное нашей действительности утверждение о гуннах, разрушителях тонкости человеческих переживаний. “Во благовремении” мы слышали это давно уже от... Клюева. Как бы подчеркивая свой тезис, поэт заключает пассеистским стилизаторским стихотворением “Батюшков”».

Мая 4. — Дата стихотворения «Ариост» и помета «Старый Крым» (*ПССиП*. Т. 1. С. 615).

Мая 7. Н. И. Харджиев, Н. М. Олейников и Д. Хармс на дне рождения у Н. А. Заболоцкого. Из воспоминаний Н. Харджиева: «Весна 1933 года. Хармс, Олейников и я идем к Заболоцкому праздновать его 30 летие. <...> Пирушка нищих продолжалась до утра. Говорили о стихах и еще больше о живописи. Спорили отчаянно и в доказательство правоты лупили друг друга подушками. Хармс, чтобы позлить друзей, упрямо повторял, что его любимейший художник — Каульбах. Олейников пристально рассматривал хорошо ему известный рисунок Заболоцкого, висевший на стене: изображение бегущего слона. Заболоцкий недурно рисовал, его учителем, кратковременным, правда, был сам Филонов. Олейников:

— Я знаю, как называется ваш рисунок, Николой Алексеевич. “Чаяние”!

Но Заболоцкий даже не улыбнулся. Неизменно спокойный, он сдержанно поругивал Мандельштама: — У Мандельштама есть только одна хорошая строка:

Лепешка медная с туманной переправы.*

Выбор этот не случаен. Заболоцкий обнаружил у Мандельштама пластический образ, создать который мог бы сам. Олейников Мандельштама ненавидел и о том, кого презирал, говорил сквозь зубы: — Ему, наверно, нравится Мандельштам...» (Studi e scritti in memoria

* Из стихотворения «Когда Психея-жизнь спускается к теням...».

di Marzio Marzaduri a cura di Giovanni Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova. Padova: CLEUP, 2002. P. 51. В публ. М. Б. Мейлаха «О Хармсе (Николай Харджиев. Из последних записей)»).

Мая 10-е числа. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «Ося возвращается 1/VII» (*В переписке семьи.* С. 89–90, здесь письмо датировано 20-ми числами мая).

Мая 11. В «Лит. газете» — пародийный на диспут о поэзии (проходивший в рамках дискуссий перед организационным съездом Союза писателей) «стенографический отчет» А. Архангельского «Когда потребует поэта...». Здесь в выступлении И. Сельвинского:

Если взять практику «Нового мира»,
Который в номере вашей газеты
Осторожно назван «одним журналом»,
(Смех)
То тут мы видим, что в «Новом мире»
Печатаются Мандельштам и Клычков,
Но, с другой стороны, нет там Асеева,
Мы не видим Багрицкого,
Меня там принципиально не печатают.
<...>
Это наводит на грустные размышления.

Мая около 20. Коктебель. Письмо к отцу. О предполагаемой поездке отца в Москву. «Мы возвращаемся 17 июня в Москву на Тверской бульвар» (*ПССиП.* Т. 3. № 157).

Мая 21. Находится в доме отдыха в Коктебеле. Письмо А. Белого — Г. Санникову, 21 мая: «...если вовремя не пришлют путевок из Москвы, как Мандельштамам, которые ждут путевок, а их не присылают; и они держатся здесь пока что благодаря любезности» (*Переписка А. Белого и Г. Санникова.* С. 101).

♦ Запись А. Белого в дневнике: «Приехавши в мае в Коктебель, мы попали в очень милый кружок людей (гл<авным> об<разом> служащие "Гихла" и "Огиза"); наше общество: милый, добродушный еврей, Петито (зав. "Музо" Ленинграда), музык<альный> критик Исламей, дочь Римского-Корсакова (Штейнберг) с сыном зоологом и т. д.; единственно кто нарушал <...>* вынужденно пыхтеть разговорами (за утр<енним> чаем, обедом, пяти-часовым чаем, ужином); за это время прошел перед сознанием ряд лиц: поэт Мариэнгов, оказавшийся милым, Ада Аркадьевна Губер и т. д. Поместили нас в отдельном домике, оказавшемся очень милым, наши соседи тоже оказались очень симпатичными; сперва жила с нами рядом чета Канторович (муж — художник с "Сибирякова"; жена — артистка); потом поселилась чета Томашевских (он — стиховед, она — тоже), с которой произошло удивительное сближение: редкая, счастливая встреча,

* Вымарано имя О. М.

о которой вспоминаешь с благодарностью» (На склоне Серебряного века. Последняя осень Андрея Белого. Дневник 1933 г. / Подгот. М. Л. Спивак) // Новое лит. обозрение. 2000. № 46. С. 183–184).

Мая 26. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «Кстати, 17/VI должен приехать в Москву Ося» (*В переписке семьи.* С. 90).

Мая 27. Письмо А. Белого — Г. Санникову: «Одни Мандельштамы с “закавыкою”; они поднимают литерат<урные> разговоры, и от них порой приходится удирать; но это всё безобидно, просто» (*Переписка А. Белого и Г. Санникова.* С. 105).

Май. В журнале «Звезда» № 5 помещено «Путешествие в Армению».

Май. — Дата стихотворений «Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...» и «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 181, 182).

Май–июнь. «Из 6-го номера журнала “Звезда”, как говорилось в “Отчете Леноблгорлита за июнь 1933 г.”, “...были сняты три стихотворения Мандельштама”. Вначале решено было “...ограничиться снятием одного, наиболее реакционного по содержанию стихотворения «К немецкой речи»”, но затем “...редакция журнала сама сняла и остальные два стихотворения Мандельштама”» (Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями / Сост. А. В. Блюм; С.-Петерб. ин-т культуры и искусств. СПб., 2003. С. 125–126, со ссылкой: *ЦГАЛИ СПб.* Ф. 281 . Оп. 1. Д. 43. Л. 289).

Июня 7, 17. Коктебель. Письма Андрея Белого П. Н. Зайцеву (Минувшее: Исторический альманах. Т. 15. М.; СПб.: «Atheneum»; «Феникс». 1994. С. 324. Публ. Дж. Мальмстада) и Ф. В. Гладкову (Андрей Белый. Проблемы творчества. М.: «Советский писатель», 1988. С. 769. Публ. С. Гладковой). О неприятном и в целом отрицательном впечатлении от общения с О. М. и его женой в доме отдыха.

♦ Из воспоминаний и дневника жены М. М. Зощенко: «Наиболее интересным было, конечно, знакомство с Белым и Мандельштамом, с последним я часто болтала, сидя за домом или у себя на крылечке, и по прощание он написал мне на память стихи в крошечной моей записной книжечке... <...> Мандельштаму было, наверное, около 50-ти лет — худощавый, тоже седеющий. Очень подвижный, увлекающийся, экспансивный».

Дневник, 25 мая 1933 г.: «После ужина слушала разговор Белого с Мандельштамом — Белый защищал современную литературу и поэзию, в частности, очень хвалил поэта [Г. А.] Са<н>никова и его производственную поэму “Хлопок” и книжечку [С. Д.] Спасского “Да!” Белый говорил с большим жаром, увлекаясь, слегка декламируя и рисуясь. Он до сих очарователен — Мандельштам сетовал на то, что современным писателям отведено узкое поле деятельности, и вообще “ругался”. Белый вспоминал “Вольную философскую ассоциацию” и свою работу в Пролеткульте. Говорил о восприимчивости рабочей

аудитории. И тот, и другой ругали “псевдокритиков”» (Зощенко М. М. Материалы к творческой биографии СПб., 2002. Кн. 3. С. 20–21. В публ.: Личность М. Зощенко по воспоминаниям его жены (1929–1958) / Публ. Г. В. Филиппова и О. Ю. Шилиной. Жена Зощенко — Вера Владимировна, до брака — Кербиц-Кербицкая, 1898–1981).

Коктебель, 1933. Во втором ряду справа — О. Мандельштам с женой. В первом ряду слева — К. Бугаева, рядом Андрей Белый

Июня около 15. Отъезд Мандельштамов из Коктебеля в Москву. Датируется по письму А. Белого — Г. Санникову от 24 июня: «Чувствуем огромное облегчение: уехали Мандельштамы, к столику которых мы были прикреплены. Трудные, тяжелые, ворчливые, мудреные люди. Их не поймешь» (*Переписка А. Белого и Г. Санникова.* С. 141).

Июня 17. В «Лит. газете» помещен критический обзор Н. Оружейникова «На полях журналов». «О. Мандельштам <...> выступает с “Путешествием в Армению”, где всё построено на кокетстве с усложненной и насильственной реминисценцией. <...> Ламарк, Гете, Сезанн мобилизованы для того, чтобы прикрыть отсутствие действительной Армении. <...> В вещах Мандельштама и Шкловского [«Рассказы» в № 5] опасность литературщины, формалистской подмены мастерства коллекционерством предстает наиболее обнаженно. Не собирается ли “Звезда” стать организационным центром для формалистских идей или формалистской безыдейности?».

Июля 20-е числа. Агентурное сообщение в ОГПУ: «На днях возвратился из Крыма О. МАНДЕЛЬШТАМ. Настроение его резко

окрасилось в антисоветские тона. Он взвинчен, резок в характеристиках и оценках, явно нетерпим к чужим взглядам. Резко отгородился от соседей, даже окна держит закрытыми со спущенными занавесками. Его очень угнетают картины голода, виденные в Крыму, а также собственные литературные неудачи: из его книги Гихл собирается изъять даже старые стихи, о его последних работах молчат. Старые его огорчения (побои, травля в связи с "плагиатом") не нашли сочувствия ни в литературных кругах, ни в высоких сферах. МАНДЕЛЬШТАМ собирается вновь писать тов. СТАЛИНУ. Яснее всего его настроение видно из фразы: "Если бы я получил заграничную поездку, я пошел бы на всё, на любой голод, но остался бы там". Отдельные его высказывания по литературным вопросам были таковы: "Литературы у нас нет, имя литератора стало позорным, писатель стал чиновником, регистратором лжи. «Лит<ературная> газета» — это старая проститутка — права в одном: отрицает у нас литературу". В каждом номере вопль, что литература отстает, не перестроилась и проч. Писатели жаждут не успеха, а того, чтобы их Ворошилов вешал на стенку, как художников (теперь вообще понятие лит<ературного> успеха — нонсенс, ибо нет общества). Коснувшись вопроса о том, что на художественной выставке "за 15 лет" висят "дрянные" пейзажи Бухарина, Мандельштам добавляет: "Ну что же, читали мы стихи Луначарского, скоро, наверное, услышим рапсодии Крупской". По поводу статьи Горького МАНДЕЛЬШТАМ сказал: "Горький человек низколобый, с интеллектом низшего типа, но в этих рамках — крупный и иногда может сказать правду. Его статья — это оглушительная оплеуха по литературе и литераторам". МАНДЕЛЬШТАМ передавал свой разговор с Андреем Белым в Коктебеле. М.: "Зачем Вы пишете такие статьи, как о Санникове и Гладкове? Ведь Вам приходится работать, как обогатительная фабрика". Б<елый>: "Ну что делать. Мою книгу о формировании психики человека никто не печатает, денег не платят, а за эту дрянь дают тысячу рублей"» (Berelowitch A. Les Écrivans vus par l'OGPU // Revue des Ètudes Slaves. 2001. Vol. 73. No. 4. P. 626–627. Со ссылкой на *ЦА ФСБ*. Ф. 2. Оп. 11. Д. 47. Л. 262–267. Датируется 20-ми числами июля 1933 года).

Июля 31. — Дата получения из типографии третьей корректуры «Путешествия в Армению» в «Издательстве писателей в Ленинграде» (Библиотека *РГАЛИ*).

Июль (?). В письме к Г. Лелевичу из Коктебеля Г. Е. Горбачев описывает произошедший с О. М. в июне анекдотический случай (*Тименчик 2011*. С. 394).

Июль или Август. Вышла из печати книга Л. В. Никулина: Время, пространство, движение. Т. 2: Молодость героя. М.: «Советская литература», 1933. Источник даты: *Книл* № 18 (сент.). «Он [Маяковский] многое любил и всё понимал в этом городе [Париже], где хотел бы умереть, "если б не было такой земли — Москва". Но он никогда не поднимал поэтический громокипящмй кубок

За музыку сосен савойских,
Полей Елисейских бензин,
За розу в кабине рольс-ройса,
За масло парижских картин»* (с. 333).

Августа 10. Москва. Письмо В. А. Меркурьевой — К. Л. Архиппово́й о возобновлении знакомства с О. М. (*СМР* 5/2. М.: РГГУ, 2011. С. 616. Публ. и примеч. Т. Нешумовой).

Августа 17. По инициативе М. Горького 120 писателей выехали на стройку Беломорканала. 18 авг. в «Известиях» — статья «Писатели на сталинской службе».

♦ Из воспоминаний: «[М. А.] Зенкевич одним из первых съездил на канал и, выполняя заказ, написал похвальный стишок преобразователям природы. За это О. М. пожаловал ему право называться Зенкевичем-Канальским, как некогда к фамилии Семенова прибавили почетное — Тянь-Шанский» (*Воспоминания*. С. 42).

Августа 20-е числа. Находился в Ленинграде (письмо Э. Голлербаха — А. Кроленко от 1 сент. — *РНБ*. Ф. 1120. Ед. хр. 581).

Августа 30. В газете «Правда» — статья С. Розенталя «Тени старого Петербурга». «Какой бедный мир, мир маркера и гурмана! Мир, где самое блестящее — фальшивый бриллиант Тэта и где луг похож на биллиардное сукно, а розы — на сливочное мороженое... От образов Мандельштама пахнет старым, прелым, великодержавным шовинистом, который, расточая похвалы Армении, хвалит ее экзотику, ее рабское прошлое, ибо о настоящем не написал ни строки Мандельштам. Можно с брезгливостью пройти мимо острот Мандельштама о Безыменском. В них неуемная злоба человека, не понимающего пролетарской литературы <...> Старый петербургский поэт-акмеист О. Мандельштам прошел мимо бурно цветущей и радостно строящей социализм Армении».

Август. Въезжают в квартиру не законченной строительством надстройки дома в Нащокинском переулке (*Вторая книга*. С. 340).

Августа не позднее. Вышло из печати: Брюсов В. Я. Избранные стихи / ред., вступ. ст., коммент. И. С. Поступальского. М.; Л.: «Academia», 1933. Комментатор сопоставляет стихотворения «Айя-София» и «Notre Dame» (цитируя последнее полностью) с брюсовским «К собору Кэмпэра» (с. 680), цикл «Армения» — с брюсовским «К Армянам» (с. 689), «упадочные стихи... О Венеции» («Веницейской жизни, мрачной и бесплодной...») с брюсовским «Лев св. Марка» (с. 671). Источник даты: *Книл* № 41 (авг.).

Лето 1933. Москва. После Крыма. — Дата и помета на стихотворении «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 182).

---

* Из стихотворения «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...», в то время не опубликованное.

Сентября 3. «В Ленинградское издательство писателей. Прошу выдать Л. М. Варковицкой рукопись “Разговора о Данте”, отклоненную издательством. 3.IX.33. О. Мандельштам» (*ПССиП*. Т. 3. № 158).

Сентября 5. В еженедельной газете «Литературный Ленинград» — статья К. Л. Зелинского «О поэзии и поэтах». «В стихах Мандельштама или Пастернака (Как мне быть с моей грудною клеткой...) мы услышим голоса уходящих и побежденных сил. <...> Когда Заболоцкий под видом “поэтического смещения планов” превращает дело коллективизации в какой-то шутовской балаган, или когда, допустим, О. Мандельштам, вызывая “видение” старого Петербурга, с надеждой восклицает “У меня еще есть телефонов своих номера”, когда он вздыхает, что теперь “ни лавров нет, ни вишен”, когда растравив себя поэтическими жалобами, О. Мандельштам начинает хорохориться:

Мы умрем, как пехотинцы, но не прославим
Ни хищи, ни поденщины, ни *лжи*...*

клеветнически приписывая ложь советской поэзии, то во всех таких случаях мы явственно слышим голос классового врага».

Сентябрь, не позднее 19. Ленинград. Читает «Разговор о Данте» у Ахматовой. Из записи Л. Я. Гинзбург: «Мандельштам читал у Анны Андреевны “Разговор о Данте”. Мандельштам невысок, тощий, с узким лбом, небольшим изогнутым носом, с острой нижней частью лица в неряшливой почти седой бородке, с взглядом напряженным и как бы не видящим пустяков. Он говорит, поджимая беззубый рот, певуче, с неожиданной интонационной изысканностью русской речи. Он переполнен ритмами, как переполнен мыслями и прекрасными словами. Читая, он покачивается, шевелит руками; он с наслаждением дышит в такт словам — с физиологичностью корифея, за которым выступает пляшущий хор. Он ходит смешно, с слишком прямой спиной и как бы приподнимаясь на цыпочках. Мандельштам слывет сумасшедшим и действительно кажется сумасшедшим среди людей, привыкших скрывать или подтасовывать свои импульсы. Для него, вероятно, не существует расстояния между импульсом и поступком, — расстояния, которое составляет сущность европейского уклада. <...> Он полон ритмами, мыслями и движущимися словами. Он делает свое дело на ходу, бесстыдный и равнодушный к соглядатаям. Было жутко, как будто подсматриваешь биологически конкретный процесс созидания» (*Гинзбург ЗК*. С. 119–120).

Сентября 25. Подписал коллективное обращение «В Московский горком писателей» (Ходатайство о приеме В. А. Меркурьевой в члены Горкома писателей) (*ПССиП*. Т. 3. С. 602–603).

Сентября 25. В краковском журнале «Курьер литературы и науки» («Kurier Literacko-Naukowy») № 39 — эссе Т. Парницкого

* Из стихотворения «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...».

(T. Parnicki) «Российские поэтические школы XX века» («*Rosyjskie szk oły poetyckie XX wieku*) с упоминанием О. М.

Сентября 26. Надписал книгу «Стихотворения»: «Вениамину Борисовичу Бронштейну — с ожиданием от него литературных действий с дружеским приветом» (*Инскрипты*. С. 215).

Октября 3. — Дата дарственной надписи И. Гришашвили — О. М. на его книге «Стихотворения» [Тифлис. 1922] (*Собрание Лесмана*. № 720. В надписи помета: «Тифлис»).

Октября 7. Н. Пунин в письме в Москву к Ахматовой просит передать поклон Мандельштамам (*Пунин 2000*. С. 323).

Октября 11. Арест Н. Эрдмана, В. Масса, Э. Кроткого.

Октября 18. Запись М. Талова: «18 октября 1933 г. Днем мы были у Мандельштама. Он меня огорошил новостью, которая уже перестала ею быть. Оказывается, месяц-полтора тому назад в "Правде" была опубликована статья, шельмующая его, Мандельштама, как "классового врага". В "классовые враги" с ним попали Клычков, Клюев, Ахматова и еще какой-то ленинградский поэт. Мандельштамы на новой квартире, своей, собственной, из двух комнат с передней и кухней. Библиотечные полки Осип Эмильевич построил довольно примитивно: с двух сторон положил кирпичи, прикрыл доской, на доске снова кирпичи, снова доска — так он оборудовал несколько рядов. А вообще в квартире пустые стены. Нет у него денег на мебель первой необходимости. Я дал Мандельштаму прочитать написанную мною эпиграмму на А. М. Эфроса. Спросил О. Э., писал ли он когда-нибудь эпиграммы: "Никогда". Затем мы вспомнили блестящую эпиграмму Баратынского — "Эпиграмму хохотунью". Мне жаль Мандельштама. Он очень большой поэт, а его стихотворения не печатаются. Просто заговор молчания. Он резко отозвался об оргкомитете писателей и о Горьком. Я всегда приятно чувствую себя в его обществе. Люблю его и ценю» (*Талова воспоминания*. С. 71–72).

Октября 22. Работник ГИХЛа Фролов обсуждает с зав. ГИХЛом Н. Н. Накоряковым «Избранное» О. М., на которое издательство заключило с автором договор о подготовке к печати (см. Января 31). На заседании по чистке парторганизации 23 окт. он говорил: «Или, например, заключили договор с Мандельштамом. Мы с Н. Н. вчера вели переговоры по этому поводу. Он представил нам томик избранных произведений. [Г. М.] Корабельников отказался писать предисловие. Л. Б. Каменев взялся, три раза перечитал и ничего не понял. Я читал — тоже ничего не понял. Я прихожу уже в течение многих месяцев к Н. Н. и говорю о том, что от печатания этой вещи надо отказаться. А деньги? А те 13 000, которые мы на это дело внесли? Накоряков: Вопрос не в деньгах, а в других обстоятельствах. Фролов: Вы имеете в виду то, что на нас нажимают сверху, чтобы мы издали этот томик, я считаю, что если мы не издадим, на нас не будут нажимать, а если издадим, то на нас будут нажимать и сверху, и со всех сторон» (Между молотом и наковальней. Союз советских

писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. 1925 — июнь 1941. М.: РОССПЭН, 2010. С. 255).

Октябрь. В журнале «Лит. критик» № 5 помещена статья В. Шкловского «Путь к сетке (О. Мандельштам)» (в основном повторяет текст статьи 1932 г., см. 1932, Июля 17).

Ноября 2. Москва. Запись дневника Л. В. Шапориной: «Третьего дня у меня была Анна Ахматова. <...> У ее сына ее улыбка. Про него, поговорив с ним, О. Мандельштам сказал Анне Андреевне: "Вам будет трудно уберечь его, в нем есть гибельность"» (Ахматова А. Requiem / Сост. Р. Тименчик, К. Поливанов. М., 1989. С. 101).

Ноября 9. Записал начало VIII песни «Чистилища» на итальянском языке (Автограф, иллюстрация. В кн.: Мандельштам О. Разговор о Данте. М.: «Искусство», 1967. С. 8).

Ноября 16. Письмо В. А. Меркурьевой — К. Л. Архипповой: «Была несколько раз у Мандельштама <...> он очарователен, забавен, нелеп, высокомерен и трогателен. Должен был наконец-то достать и показать мне свои стихи последних лет — как раз заболела его жена, к которой он болезненно даже как-то привязан <...> Анна Андреевна у них останавливалась в свой приезд последний. Я ее видела одну минуту — она мне открыла дверь — и ослепла. Как расскажешь о ней? Высокая (не так высокая, как стройная) женщина-птица, руки легкие в полете, глаза — без цвета, так глубоки и темны (светлые глаза), в черном длинном в обтяжку платье. Я смотрела на нее и молчала <...> Она тоже» (Ахматова А. Requiem / Сост. Р. Тименчика, К. Поливанова. М., 1989. С. 101–102).

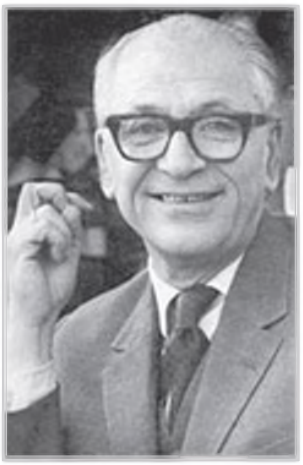
Ноября середина. Письмо к отцу. «В начале декабря мы переезжаем на свою квартиру в две комнаты. <...> Худо, что Надя опять хворает. <...> Приехала из Киева Вера Яковлевна [Хазина], будет жить с нами, ухаживать за дочкой» (*ПССиП*. Т. 3. № 159).

Ноября около 18–20. «В Кремлевскую больницу. Оргкомитет Союза Советских Писателей СССР просит принять во вверенную Вам больницу жену писателя тов. М[а]ндельштама, нуждающуюся в неотложной клинической помощи» (*ИМЛИ*. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 961. Л. 26).

Ноябрь. — Дата стихотворений «Квартира тиха, как бумага...» и «Мы живем, под собою не чуя страны...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 183–184).

Ноябрь. — Дата стихотворений «Люблю появление ткани...» (2 стихотворения), «О, бабочка, о, мусульманка...», «Когда, уничтожив набросок...», «И клена зубчатая лапа...», «Скажи мне, чертежник пустыни...», «В игольчатых чумных бокалах...», «И я выхожу из пространства...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 184–188).

Ноябрь. В львовском журнале «Всеобщее обозрение» («Przegląd Powszechny») № 200 — статья Т. Парницкого «Акмеизм» («Akmeizm»). Из статьи: «Встречаясь с поэзией акмеистов вообще, а Осипа Мандельштама в частности, и образованный читатель, и критик мог убедиться, сколь ложным было мнение о Вячеславе Иванове как



Т. Парницкий

классике и в основе, и по побуждениям исключительно внешним и несущественным. Только теперь стало ясно, что не тема из античной мифологии или древней истории, но всё творческое отношение поэта к миру и искусству дает принадлежность к классичности или, можно сказать, к неоклассицизму.

Именно в произведениях Мандельштама, особенно четко в "Tristia", выступает этот акмеистический неоклассицизм: тема часто мифологическая или историческая, но нередко и совершенно современная — однако гармония между всеми элементами формы и содержания, стих в совершенстве развитый, полный и в то же время умеренный, спокойный, с точки зрения ритмики и рифмы безупречно последовательный; прибавим к этому теоретические рассуждения автора об искусстве, от каких не отказался бы ни один член Французской Академии времен Людовиков, — вот критерии, которые превращают акмеизм Мандельштама в настоящий неоклассицизм, то есть неизменный предромантический классицизм, однако увиденный глазами человека XX столетия. К сожалению, сам Мандельштам не сумел сохранить это идеальное равновесие между элементами произведения искусства: в последних его произведениях всё ярче стал выступать тревожный факт: оскудение содержания, которое у других менее значительных акмеистов и близкого к ним, хотя и не принадлежащего к их числу, поэта Кузмина переродилось в бесплодие» (перевод Н. Горбаневской).

Ноябрь–декабрь. — Дата стихотворения «Как соловей, сиротствующий, славит...» (Из Петрарки) (*ПССиП*. Т. 1. С. 189).

Декабря 14–24. — Дата стихотворения «Когда уснет земля и жар отпышет...» (Из Петрарки) (*ПССиП*. Т. 1. С. 190).

Декабрь. — Дата стихотворения «Как из одной высокогорной щели...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 188).

Декабрь 1933 — Январь 1934. — Дата стихотворения «Речка, распухшая от слез соленых...» (Из Петрарки) (*ПССиП*. Т. 1. С. 189).

1934

Зима 1933/1934. — Дата шуточных стихотворений «Уста запеклись и разверзлись чресла...», «Большевикам мил элеватор...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 335).

Начало года. — Дата шуточных стихотворений «Мне вспомнился старинный апокриф...», «Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 334–336).

Января 4. Письмо В. А. Меркурьевой — Е. Я. Архиппову: «Мандельшт<ам> обворожителен, но — посмотреть и почитать. Кстати, стихов своих он мне так и не дал, — разрознены, затеряны, единственный экз<емпляр> печатается в ГИХЛе, выйдет неведомо когда. Теперь, в морозы, я и вовсе от него отрезана. Шерв<инского> не вижу» (*РГАЛИ*. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 13 об. — 14).

Января 4–8. — Дата стихотворения «Промчались дни мои — как бы оленей...» (Из Петрарки) (*ПССиП*. Т. 1. С. 191).

Января 10. О. М. в почетном карауле у гроба Андрея Белого (*Листки из дневника*. С. 201. Примеч. 58; *Письма Рудакова*. С. 52. — Письмо от 21мая 1935).

Января 10–11. — Дата стихотворения «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 192).

Января 14. Письмо Б. К. Лившица — М. А. Зенкевичу: «Кстати, об Осипе. До меня дошли слухи, внушившие мне опасение за его душевное состояние. Верны ли эти слухи? Ахматова обещала позвонить мне по возвращении из Москвы, но пока я не на шутку встревожен» (*Письма Бенедикта Лившица*. С. 203).

Января 14. «Как-то утром я была у Мандельштамов. Раздался звонок в дверь. Вошел Лева [Гумилев], озаренный радостью, возвращающийся со встречи старого Нового года у Маруси Петровых. Оказывается, он снова приехал в Москву и гостил у Мандельштамов по их приглашению» (*Герштейн мемуары*. С. 49).

Января 16–22. — Дата стихотворного цикла «Утро 10 января 1934 года» (*ПССиП*. Т. 1. С. 193).

Января 19. Рукой О. М. записаны строки Шенгели: «Там, где на землю брошена / Небесная глина, / Там, где могила Волошина, / Там, где могила Грина». Помета Н. Н. Грин: «Писал О. Э. Мандельштам 19 января 1934 г., вечером у себя в Нащокинском пер., 5, кв. 26» (*РГАЛИ*. Ф. 127. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 5).

Января 22. Запись дневника П. Н. Зайцева: «22/I был у О. Э. Мандельштама. Он передал свои стихи, посвященные памяти Андрея Белого, разбил их на три части. В первый заход познакомился у него с сыном Н. С. Гумилева, во второй заход с литературоведом Гуковским, специалистом по 18-му веку» (*Спивак 2008*. С. 518–519).

♦ Из наброска воспоминаний П. Н. Зайцева об О. М.: «“— Зайдите ко мне! Ведь мы живем в Нащокинском, в писательском доме”. Я зашел к нему, у него в тот вечер были Гуковский, литературовед, и сын поэта Н. С. Гумилева. Но я тогда был очень не в себе. Он прочитал мне свои стихи о Борисе Николаевиче и с большим чувством сказал: — запомните, П. Н., я, Мандельштам, еврей, первый написал стихи о Борисе Ник. в эти дни... — и протянул мне рукопись, приготовленную для меня, автограф» (*Спивак 2008*. С. 517).

Января 26. Запись дневника П. Н. Зайцева: «26 января Мандельштам зашел к Пастернаку прочитать свои стихи о Борисе Ник<олаевиче> и просидел у него до двух часов ночи» (*Спивак 2008*. С. 522).

Января 29. Запись дневника П. Н. Зайцева: «29 января член Группкома ГИХЛа Черевков завел со мной разговор об устройстве вечера памяти Андрея Белого <...> Я стал намечать список участников вечера. И вот какие имена постепенно стали нарастать у меня в списке: Б. Л. Пастернак, Б. А. Пильняк, Татьяна Павловна Симпсон (врач клиники имени Корсакова), лечившая Бориса Ник., Г. А. Санников, В. Ф. Гладков, В. Г. Лидин, Н. Г. Машковцев, А. М. Дроздов, Г. А. Шенгели, Ник. Никандр. Накоряков, Л. П. Гроссман, О. Э. Мандельштам, П. Н. Зайцев. <...> Чтение: Яхонтов» (*Спивак 2008*. С. 520–521).

Января 31. Шуточное стихотворение В. Меркурьевой и А. Кочеткова «Дориану Евгениевичу Архивову послание в Кунгахеллу» (*СМР* 5/2. М., 2011. С. 611–619. Публ. и примеч. Т. Нешумовой):

Поэт же Мандель укрепил свой штамм
в писательской уютной новостройке,
в аду быв с Дантом, очертел и сам,
его словарь: «отстаньте» и «задам»,
и вообще он шпынь и не по летам бойкий.

Февраля 7 или 8. О. М. навещает К. Чуковского в Кремлевской больнице. «Третьего дня у меня был поэт Осип Мандельштам, читал мне свои стихи о поэтах (о Державине и Языкове), переводы из Петрарки, на смерть Андрея Белого. Читает он плохо, певучим шепотом, но сила огромная, чувство физической сладости слова дано ему как никому из поэтов. Борода у него седая, почти ничего не осталось от той мраморной мухи, которую я знал в Куоккала. Снова хвалил мою книгу о Некрасове» (*Чуковского дневник*. С. 534. Запись 10 февр.). Об этих впечатлениях Чуковский написал Тынянову, что явствует из ответа Тынянова: «Завидую Вам, что слышали мандельштамовского Петрарку. У него даже вкусы батюшковские. Но судьба счастливее — у него иммунитет, постоянное легкое недомогание. Для того, чтобы начать писать короткими строчками, — это, видно, необходимо» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: «Наука», 1977. С. 480).

Февраля 13–14. — Дата стихотворения «Мастерица виноватых взоров...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 194).

Февраля 16. — Дата смерти Э. Багрицкого. Разговор О. М. с М. С. Петровых о «предсмертном пире» — Багрицкий созвал друзей на пирушку незадолго до своей смерти (устное свидетельство М. С. Петровых).

Февраля 17. Письмо от В. Д. Бонч-Бруевича с просьбой продать архив в Гос. Лит. музей (*РГАЛИ*. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1516. Л. 1).

Февраля 18. Похороны Багрицкого. Из воспоминаний Э. Г. Герштейн: «Прямо с похорон к Мандельштамам пришли Нарбут и Харджиев. Они рассказывали о траурной церемонии, чем-то им очень не понравившейся. И Лева [Гумилев] сказал: “Мамочка,

когда ты умрешь, я тебя не так буду хоронить”» (Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 253).

Февраля 20. — Дата несостоявшегося вечера памяти Андрея Белого. Из проекта афиши: «Вечер состоится 20 февраля 1934 г. в помещении издательства [ГИХЛ], улица 25 Октября (б<ывшая> Никольская), д. 10. <...> Мандельштам Осип прочтет стихи, посвященные памяти Андрея Белого» (*Спивак 2008.* С. 522–523).

Февраля 24. Запись В. Н. Горбачевой: «Наверху, у Мандельштамов, живет Ахматова. Она приходила на минутку к нам и залпом выпила рюмку водки, налитую ей Сергеем Антоновичем [Клычковым]» (Новый мир. 1989. № 9. С. 214. Подгот. С. И. Субботина).

Февраля не ранее 24 — Мая не позднее 15. Запись В. Н. Горбачевой: «Не зря Осип Эмильевич Мандельштам напоминает внешностью изображение апостола. Он принадлежит к тому чрезвычайно редкому типу еврея, к которому принадлежали и Христос и апостолы (какая-то кристаллическая чистота, честность). <...> С женой Мандельштам живет очень согласно. Надежда Яковлевна умна, но есть в ней какой-то неуловимый привкус циничности, правда, очень утонченной. Трогательна своей преданностью, нераздельностью. Живут очень бедно, но не примитивно, а с изыском. Бутылку вина, именно вина, а не водки, они не просто выпьют. А выпьют пиршественно, из маленьких рюмочек цветного стекла. На их “пиршествах” видела жену Грина, Ахматову, Эфроса, который приходил к Анне Андреевне. Мандельштам изучает итальянский и, кажется, испанский языки. Оба, и муж и жена, пессимисты неисправимые» (Там же. С. 216).

Февраль. В журнале «Звезда» № 2 — статья М. С. Витенсона «О “правде жизни”, о классовой борьбе в литературе и о задачах критики» (с. 166–172). Анализируются в свете выступления Сталина на январском (1934) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и квалифицируются как «классово-враждебные произведения» и «выступления классового врага в литературе» книги и произведения Г. Куклина «Краткосрочники», П. Федотова «Военкоры», К. Вагинова «Бамбачада», Н. Заболоцкого «Торжество земледелия», В. Шкловского «Рассказы». «Возьмите “Путешествие в Армению” Осипа Мандельштама (“Звезда” 1933, № 5). На этом произведении еще более уясняется суть новых форм объективно враждебных нам выступлений. У Мандельштама художественно достаточно ярко записаны путевые впечатления, но он не сумел обобщить их, и получилось: много фактов, порой интересных, и ни одного вывода. Но от художника мы требуем не просто преподнесения читателю материала, а какого-то осмысления его. У Мандельштама, как и у Вагинова, один путь — это путь сознательного эмпиризма, отказ от обобщающих выводов. Художники пытаются быть лишь регистраторами фактов, и чтобы не наскучить читателю, они выбирают яркие, кричащие факты, которые должны вызвать у читателя переходящие мгновенные впечатления, и, как только он прочитает произведение, у него, кроме отдельных

ярких образов, ничего не остается. Ни Мандельштам, ни Шкловский (мы имеем в виду "Рассказы" Шкловского, напечатанные в "Звезде" 1933, № 5) не в состоянии возбудить у читателя ощущение произведения как художественного целого. <...> Когда я говорю, что у Вагинова, Шкловского и Мандельштама нет обобщения, это надо понимать в том смысле, что у них целая серия фактов изолируется от окружающей действительности, часть отрывается от целого. Уже в этом есть момент *извращения* жизненной правды.

Но изоляция фактов имеет и другое важнейшее следствие. Поскольку она не дает художнику возможности вскрыть внутренние закономерности действительности, их (художников) отдельные социальные характеристики, составляющие как бы мелочи, не стоящие внимания, приобретают характер социальных выводов. Возьмем для примера некоторые характеристики действующих лиц у Мандельштама. Будажьян — ответственный работник — "самолюбивый и полнокровный человек, обреченный на курение папирос и столь невеселую трату времени, как чтение напостовской литературы..." О "стариках партийцах" Мандельштам упоминает лишь в той связи, что и они не отставали от азартной игры на биллиарде. Или характеристика Безыменского как "продавца воздушных шаров РАППа". Все эти беглые замечания при отрыве изображаемых фактов от целого комплекса жизненных событий дают извращение действительности. То же самое мы имеем у Шкловского и Вагинова. <...> *Критика должна учесть, что практикуемый некоторыми писателями* (К. Вагинов, В. Шкловский, О. Мандельштам) *метод художественной изоляции изображаемых событий, причем такой изоляции, которая состоит в отрыве части от целого, ведет к извращению действительности. Этот метод, наряду с тонко завуалированным "обобщением", является новой тактикой классового врага в литературе*» (с. 169–171).

Февраль. «Несмотря на то, что время было сравнительно вегетарианское, тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.), о чем говорили — не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: "Я к смерти готов". Вот уже двадцать восемь лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места» (*Листки из дневника.* С. 203).

♦ Из воспоминаний: «...когда я гостила у Мандельштамов в Нащокинском в феврале 1934 года, меня пригласили на вечер Булгаковы. Осип взволновался: "Вас хотят сводить с московской литературой?!" Чтобы его успокоить, я неудачно сказала: "Нет, Булгаков сам изгой. Вероятно, там будет кто-нибудь из МХАТа". Осип совсем рассердился. Он бегал по комнатам и кричал: "Как оторвать Ахматову от МХАТа?" » (*Листки из дневника.* С. 213).

♦ Из воспоминаний Э. Герштейн: «Ахматову я впервые увидела в январе или феврале 1934 года в домашней обстановке у Мандельштамов. Осип Эмильевич приготовил к ее приезду длинное

приветственное послание, в котором были такие фразы: “Если у Вас закружится голова, обопритесь о господствующий класс” или “Вы будете говорить, а мы будем слушать, слушать и понимать, слушать и понимать...”» (Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 248).

♦ «Анне Андреевне отвели кухоньку (без плиты), и эта маленькая келья прозвана была “капище”. <...> С Осипом Эмильевичем у Анны Андреевны были свои отдельные разговоры. <...> С детским увлечением они читали вслух по-итальянски “Божественную комедию”. Вернее, не читали, а как бы разыгрывали в лицах, и Анна Андреевна стеснялась невольно вырывавшегося у нее восторга» (*Герштейн мемуары*. С. 52).

Февраль. — Дата стихотворения «Привыкают к пчеловоду пчелы...» (*В записях Лукницкого*. С. 127; *ПССиП*. Т. 1. С. 336).

Февраль. Две фотографии одного дня в квартире О. М. в Фурмановом переулке. В группах с (1) А. Ахматовой, Г. Чулковым, М. Петровых; с (2) отцом, братом Александром, Н. Мандельштам, А. Ахматовой, М. Петровых.

Марта 3. Заполнил бланк-предложение приобрести его архив Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики (позднее — Государственный литературный музей) (*ПССиП*. Т. 3. С. 827–828).

Марта 21. Письмо к В. Д. Бонч-Бруевичу с требованием вернуть архив (*ПССиП*. Т. 3. № 160).

Марта 21. «В Литературный музей Наркомпроса. Отказываясь от передачи в Литмузей моих рукописей, доверяю жене моей, Надежде Яковлевне Мандельштам, получить обратно предложенные мною в Литмузей, согласно описи, материалы. О. Э. Мандельштам. 21 марта 1934 г.» (*ПССиП*. Т. 3. С. 828).

Марта 25. Запись К. Чуковского: «Зощенковская “Возвращенная молодость” третьего дня была обсуждена публично в Доме Ученых, причем отличился акад. Державин, выругавший Зощенку за “мещанский” язык. Федин выступил защитником повести. Говоря об этом, Тынянов обнаружил много сосредоточенной и неожиданной ненависти к Федину. “Федин... защищает Зощенку!! Федин покровительствует Зощенке!! Распухшая бездарность!” и т. д. С такой же неожиданной злобой говорил он об О. Мандельштаме и о Б. Пастернаке: про О. Мандельштама очень забавно. Был в Берлине в одном мюзик-холле такой номер: выходили два совершенно бесцветных человечка, и вместо пола у них под ногами была резиновая огромная подушка, и они на этой подушке подскакивали всё выше и выше — и улетели в потолок. И их не стало» (*Чуковского дневник*. С. 537).

В. Пяст
Портрет работы А. Осмеркина

Март (?) У Мандельштамов живет Вл. Пяст. «А к нам весной до ареста О. М. вернулся Пяст <...> А до ареста О. М. к нам всё ходили милиционеры: Пяст дал наш адрес, регистрируясь в милиции и получая разрешение провести несколько дней в Москве для устройства своих литературных дел. Срок истек, и его гнали из запрещенной в дозволенную зону» (*Воспоминания*. С. 12, 18). А. А. Морозов в своих комментариях указывал, что Пяст пробыл в Москве «до 13 марта» (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: «Согласие», 1999. С. 471). В этот период написаны шуточные стихотворения «Плещут воды Флегетона...», «Слышу на лестнице шум быстро идущего Пяста...».

Апреля 14. — Дата намеченного на это число доклада Д. П. Святополк-Мирского о творчестве Э. Багрицкого в Оргкомитете Союза советских писателей. О. М. в списке приглашаемых на доклад — *ИМЛИ*. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 944. Л. 28–29.

Апреля 15. Ленинград. О. М. на встрече востоковедов с писателями в рамках празднования тысячелетнего юбилея Фирдоуси. Из дневника Д. Выгодского: «Вчера встреча восточников с писателями. [Е. Э.] Бертельс час говорил о Фирдоуси. Потом Лозинский читал перевод. Когда заговорил Мандельштам, он десятью словами перечеркнул и холодные слова ираниста, и стихи Лозинского. Заговорил о тревоге, которая есть в Фирдоуси, о пиршественной роскоши, богатстве, об изобилии, которое во всем мире и над миром, о "вымороченном изобилии", которое никому не принадлежит. Заговорил один из глубочайших людей нашего времени, заговорил поэт, в котором тревога, для которого Фирдоуси целый мир. <...> И блекнут, пустопорожни, ненужны становятся слова Бен. Лившица о "спондеизации" и "пиррихизации", и все слова Смирновых, Федоровых, болтуна Дм. Цензора. <...> Мандельштам сразу поднял на сто градусов всего того разговора, которого писатель уже не мог поддерживать. Хватал (у Нади) папиросу, делал одну затяжку, бросил, вскакивал со стула, подбегал к Лозинскому со своим, ставшим рефреном... (вылетела из головы его фраза последних лет — вроде "понимаете ли?") — весь вдруг загорелся, зажегся подлинной тревогой. О том, что надо делать разные попытки, что нельзя так просто, надо придумать строфу» (*РНБ*. Ф. 1169. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 125–126).

Апреля 20-е числа. Пощечина А. Толстому.

♦ Из воспоминаний Е. Тагер: «Мы расстались, условившись завтра утром встретиться в Ленинградском Издательстве Писателей. Оно тогда помещалось внутри Гостиного Двора. В назначенный час я приближалась к цели, когда внезапно дверь Издательства распахнулась и, чуть не сбив меня с ног, выбежал Мандельштам. Он промчался мимо; за ним Над. Як. Через секунду они скрылись из виду. Несколько опомнившись от удивления, я вошла в Издательство и оторопела вконец. То, что я увидела, — напоминало последнюю сцену "Ревизора" по неиспорченному замыслу Гоголя. Среди комнаты высилась мощная фигура А. Н. Толстого; он стоял, расставив

руки и слегка приоткрыв рот; неописуемое изумление выражалось во всем его существе. В глубине, за своим столом застыл С. М. Алянский с видом человека, пораженного громом. К нему обратился всем корпусом Гриша Сорокин, как будто хотел выскочить из-за стола и замер, не докончив движения, с губами, сложенными, чтобы присвистнуть. За ним Стенич, — как повторение принца Гамлета, в момент встречи с тенью отца. И еще несколько писателей, в различной степени и в разных позах изумления, были расставлены по комнате. Общее молчание, неподвижность, общее выражение беспримерного удивления — всё это действовало гипнотически. Прошло несколько полных секунд, пока я собралась с духом, чтобы спросить: "Что случилось?" Ответила З. А. Н<икитина>, которая раньше всех вышла из оцепенения: — Мандельштам ударил по лицу Алексея Николаевича. — Да что вы! Чем же он это объяснил? — спросила я (сознаюсь, не слишком находчиво). Но уже со всех сторон послышались голоса: товарищи понемногу приходили в себя. Первый овладел собою Стенич. Он рассказал, что Мандельштам, увидев Толстого, пошел к нему с протянутой рукой; намерения его были так неясны, что Толстой даже не отстранился. Мандельштам, дотянувшись до него, шлепнул слегка, будто потрепал его, по щеке и произнес в своей патетической манере: "Я наказал палача, выдавшего ордер на избиение моей жены". Издательство наполнилось людьми. Откуда ни возьмись, появился М. Э. К<озаков> и со всех силенок накинулся на Толстого. — Выдайте нам доверенность! — взывал он. — Формальную доверенность на ведение дела! Предоставьте это дело нам! Мы сами его поведем! — Да что я — в суд на него, что ли, подам? — спросил Толстой, почти не меняя изумленного выражения. — А как же? — кричал К<озако>в. — Безусловно, в суд! В народный суд! Разве это можно оставить без последствий? — Миша, опомнись, побойся бога! — увещевал его Стенич. — При чем тут народный суд? Разве это уголовное дело? — Это дело строго литературное, — изрек своим тоном философа Гриша Сорокин. И с тихой ехидцей добавил: — На чисто психологической подкладке. — Нет, я не буду подавать на него в суд, — объявил Толстой. — Алексей Николаевич! Да что вы! Да разве можно? Уже не один К<озаков>, а двое-трое товарищей бросились убеждать Алексея Николаевича. Все жаждали крови, всем не терпелось как можно скорее, как можно строже засудить Мандельштама. Никто не вспомнил о его больных нервах, о его трудной жизни, о его беспримерном творчестве» (*Воспоминания Елены Тагер*. С. 159).

Апреля 27. Письмо президиума ленинградского оргкомитета Союза советских писателей — А. Н. Толстому. «Президиум Ленинградского Оргкомитета с глубоким возмущением узнал о безобразном поступке, допущенном к Вам О. Мандельштамом в Изд-ве Писателей. Мы не сомневаемся в том, что хулиганская выходка Мандельштама встретит самое резкое осуждение со стороны всей советской общественности». Подписи: Мих. Козаков, Ник. Никитин,

Мих. Слонимский, Н. Свирин, С. Марвич, Р. Баузе, Н. Тихонов, А. Прокофьев (Память: Исторический сборник. Вып. 2. М., 1977; Париж: YMCA-press, 1979. С. 433).

Апреля 27. Ответное письмо В. Д. Бонч-Бруевича, см. Марта 21 (*ПССиП*. Т. 3. С. 827).

Апрель. «В один из вечеров конца апреля 1934 года Б. Л. [Пастернак] встретил на Тверском бульваре Осипа Эмильевича, и тот прочитал свое стихотворение [«Мы живем, под собою не чуя страны...»]» (Ивинская О. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М.: «Либрис», 1992. С. 78–79).

Апрель — Мая начало. «Перед самым арестом 34 года он [О. М.] отклонил принесенную ему в подарок "Диалектику природы", ошеломив дарителя, [И. Г.] Лежнева, озорной выходкой. Этот Лежнев когда-то издавал журнал "Россия", и О. М. у него сотрудничал. Именно он заказал ему "Шум времени", а потом отклонил: ему мерещились совсем иные воспоминания и совсем другое детство, о котором впоследствии он написал сам. Это была история еврейского местечкового подростка, открывшего для себя марксизм. Лежневу повезло: его книгу, которую никто не хотел печатать — хотя она была не хуже других, — прочел и одобрил Сталин. Он даже позвонил Лежневу по телефону, но не застал его дома. После этого звонка Лежнев, надеясь на повторный, просидел ровно неделю дома, не отходя от телефона. Он надеялся на повторение чуда, но чудеса, как известно, не повторяются. Через неделю ему сообщили, что второго звонка не будет, но уже отданы распоряжения: книга печатается, сам он принят в партию — поручитель Сталин — и назначен ведать литературным отделом "Правды". Из полного ничтожества, когда всякий мог пихнуть его сапогом как лишенца и бывшего частного издателя, Лежнев вознесся и чуть не сошел с ума от радостного умиления. Кстати, из всех гарунальрашидовских чудес это оказалось самым прочным: Лежнев до самой смерти пребывал на этом посту, или на равнозначащем... Узнав о своей судьбе, Лежнев решился наконец отойти от телефона. Он бросился сначала к парикмахеру — за неделю сидения дома он успел изрядно обрасти бородой, а потом — к нам с подарком и с рассказом о поворотном событии своей жизни и о том, как он пришел к марксизму. Издавая "Россию", он об этом ведь и не помышлял. Оказывается, Лежнев изучил новооткрытые книги Энгельса, в частности "Диалектику природы", и прозрел. Он даже зашел в книжный магазин и купил экземпляр этой книги, потому что надеялся, что О. М. тоже прозреет. Лежнев был предельно искренним и доброжелательным. Я даже позавидовала тогда: искреннее исповедание веры, когда оно еще с ходу избавляет от всех неприятностей и тут же начинает приносить регулярный доход, — наверное, удивительно приятная вещь... О. М. шлепал по комнате в домашних туфлях и, присвистывая, поглядывал на Лежнева. От подарка он только лениво отмахивался. Лежнев настаивал, и О. М. прибег к последнему

средству: “Не надо, — сказал он, показывая на меня. — Она читала и говорит, что мне не надо”... Лежнев только ахнул: разве можно доверять жене выбор литературы по таким коренным идеологическим вопросам! “Можно, — сказал О. М. — Она лучше знает. Она всегда знает, что мне читать...” Возмущенный Лежнев ушел и, столкнувшись со мной лицом к лицу в Ташкенте, где мы оба были в эвакуации, не поклонился. Вероятно, он считал меня злым гением О. М. Надо отдать ему справедливость, он не напомнил правительству, чтобы меня тоже изъяли. Как вел себя Лежнев в “Правде”, я не знаю, — наверное, как все, но мне он всегда казался порядочным и честным человеком. Я даже верю, что у него открылись глаза, когда он прочел “Диалектику природы”: эта книга была как раз по нем» (*Воспоминания*. С. 233–234).

Мая 10. Письмо И. А. Аксенова — Сусанне Мар. «Пришло письмо от В. Житомирского*, который сейчас в Ростове. Идиот пишет мне, как будто мы с ним, Рыс[с]ами и прочей рванью только что целовались, и просит передать Мандельштаму какое-то мерзейшее вымогательское письмо» (Аксенов И. А. Из творческого наследия. В 2-х т. Т. 1. М.: RA, 2008. С. 186–187).

Мая 13. Письмо В. А. Меркурьевой — Е. Я. Архиппову: «Мандельшт<ама> нет — уехал в Ленинград “распутывать какую-то свою скверную историю”; в чем дело — не знаю» (*РГАЛИ*. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 19).

Май, не позднее 14. Доклад В. И. Нарбута «Наука и поэзия» на вечере журнала «Красная новь» (На поэтических вечерах «Красной Нови» // Лит. газета. 1934. 20 мая. С. 2).

♦ Из воспоминаний: «Выступал он очень редко — ведь всё с самого начала покрылось густым слоем официальщины и не располагало к свободному разговору. При мне он лишь однажды ввязался в спор на литературном собрании в ГИХЛе, посвященном, как я уже говорила, “научной поэзии”. Мандельштам выступал очень резко и оспаривал самое понятие “научная поэзия”. Нарбут ликовал: настоящее литературное собрание. Санников, второй адепт этого вида поэзии, чернел от гнева» (*Вторая книга*. С. 253).

Мая 16 (?). Приезд А. Ахматовой из Ленинграда. «На вокзал встречать Анну Андреевну поехал Лева [Гумилев] — он в те дни гостил у нас» (*Воспоминания*. С. 4).

Май, ночь на 17. Арест О. Э. Мандельштама (Гыдов В., Нерлер П. <...> // Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 95.

♦ Из воспоминаний: «...мы сидели там вдвоем [с Ахматовой], предоставив О. М. на растерзание стихолюбивому [Д. Г.] Бродскому, когда внезапно около часа ночи раздался отчетливый, невыносимо

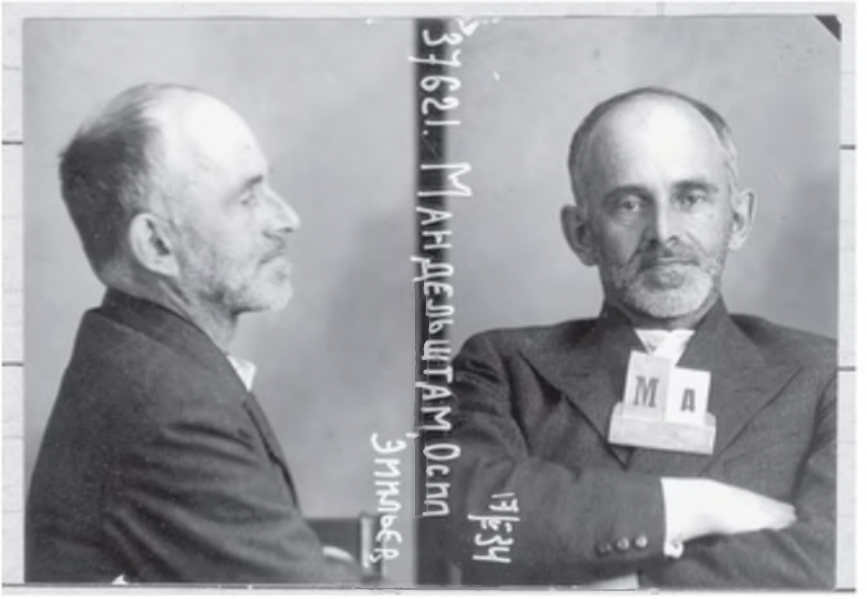
* Валентин Константинович Житомирский (1896–1977) — переводчик; авиамоторостроитель, лауреат Сталинской премии (1949). В чем заключалось дело, комментатору не удалось установить (Там же. С. 570).

выразительный стук. “Это за Осей”, — сказала я и пошла открывать. <...> Из большой комнаты вышел О. М. “Вы за мной?” — спросил он. Невысокий агент, почти улыбнувшись, посмотрел на него: “Ваши документы”. О. М. вынул из кармана паспорт. Проверив, чекист предъявил ему ордер. О. М. прочел и кивнул» (*Воспоминания*. С. 5).

♦ Из воспоминаний: «...мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда (где незадолго до этого произошло его столкновение с Толстым). Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России <...> и статуэтку работы Данько (мой портрет, 1924 г.) для продажи. (Их купила С. Толстая для музея Союза писателей). <...> Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. <...> Следователь при мне нашел “Волка” (“За гремучую доблесть грядущих веков...”) и показал Осипу Эмильевичу. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня» (*Листки из дневника*. С. 207).

♦ «Розовый чекист, угощавший нас во время обыска 34 года леденцами из жестяной коробки, был просто поражен отсутствием марксистской литературы на нашей полке. “Где вы держите своих классиков марксизма?” — спросил он у меня. О. М. расслышал вопрос и шепнул мне: “Он в первый раз забирает человека, у которого нет Маркса”...» (*Воспоминания*. С. 228).

Мая 17. Заключен во внутреннюю тюрьму ГУГБ НКВД (ул. Большая Лубянка, 2). Выполнена фотография арестованного.



Мая 17. «Надя пошла к брату, я — к Чулковым на Смоленский бульвар, 8 <...> Вернувшись домой вместе, убрали квартиру, сели завтракать. Опять стук, опять они, опять обыск. <...> Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в "Известия" к Бухарину, я — в Кремль к [А. С.] Енукидзе. <...> Вместе с Пастернаком я была и у [Е. Ф.] Усиевич, где мы застали и союзное начальство, и много тогдашней марксистской молодежи. Была я у Пильняка, где видала Балтрушайтиса, Шпета и С. Прокофьева» (*Листки из дневника*. С. 207–208).

Мая 17. Запись А. К. Гладкова: «Утром пришел Леонид Лавров и передал слух, что на днях арестован О. Мандельштам. Ему об этом сказал переводчик Давид Бродский, который слышал от верных людей. Мандельштам жил где-то недалеко от меня, и я иногда встречал его на Пречистенском или Никитском бульварах: старый мудрый еврей с палкой. По Москве много ходило его ненапечатанных стихов, но особенной крамолы я среди них не находил... <...> Леня Лавров часто странен <...> иногда он несет бог знает что, но если начнешь с ним спорить, сразу поддакивает. Как-то он мне читал наизусть ненапечатанные стихи Мандельштама, а сегодня, когда я попросил его прочесть, вдруг отрекся и сказал, что он их вообще не знает...» (*Дневник Гладкова*).

Мая 18 и 19. Протокол допроса следователем Н. Х. Шиваровым, поправки и вставки к нему (*Нерлер 2010*. С. 44–45).

Мая 18. — Дата первого допроса.

♦ Из записи О. М.: «Следователь мне заявил, что я должен пройти через устрашающие минуты, но что для поэта страх, конечно, ничто... В карцере не давали пить, когда я подходил к глазку, брызгали в глаз какой-то вонючей жидкостью. Эти восемь часов оказались решающими для всего психического заболевания» (*ПССиП*. Т. 2. С. 467).

Мая около 20. Приезд матери Н. Мандельштам, В. Я. Хазиной (*Воспоминания*. С. 19).

Мая 23. Дневниковая запись Л. Горнунга: «Ахматова сейчас в Москве, она еще надеется, что может чем-то помочь Осипу Мандельштаму» (*Воспоминания* Льва Горнунга. С. 192).

Мая 23. Выступление С. М. Городецкого на Всесоюзном поэтическом совещании в прениях по докладам Н. С. Тихонова и Е. Ф. Усиевич (Лит. газета. 1934. 26 мая. С. 2).

♦ Из стенограммы: «[Характеризует послеоктябрьскую поэзию Б. Пастернака, М. Зенкевича, Н. Тихонова, В. Нарбута, А. Ахматовой.] Очень драматическое положение Мандельштама — поэта неплохого, с полным голосом, с большим опытом и настоящей культурой слова. Он заблудился на этом пути. Он воспринимает мир как цельность, но он заблудился между объектами и субъектами, он видит центр в самом себе и, таким образом, возвращается к предпосылкам семантизма» (*Тименчик 2011*. С. 384).

Мая 24 — Сентября 20. Дискуссия в прессе о влиянии акмеизма на советских поэтов. Статьи И. А. Оксенова «Советская поэзия и наследие акмеизма» (Лит. Ленинград, 24 мая), А. А. Волкова «Социалистический реализм и поэзия буржуазного декаданса» (Лит. газета, 16 июля), Н. Л. Степанова «Поэтическое наследие акмеизма» (Лит. Ленинград, 20 сент.). В статье Степанова цитируется двустишие из стихотворения «Silentium».

Мая 25. — Дата последнего допроса. Из показаний О. М.: «Октябрьский переворот воспринимаю резко отрицательно. На советское правительство смотрю как на правительство захватчиков и это находит свое выражение в моем опубликованном в “Воле Народа” стихотворении “Керенский”. В этом стихотворении обнаруживается рецидив эсеровщины: я идеализирую Керенского, называя его птенцом Петра, а Ленина называю временщиком. Примерно через месяц я делаю резкий поворот к советским делам и людям, что находит выражение в моем включении в работу Наркомпроса по созданию новой школы. <...> Вопрос: Как реагировала Анна Ахматова при прочтении ей этого контрреволюционного пасквиля и как она его оценила? Ответ: Со свойственной ей лаконичностью и поэтической зоркостью Анна Ахматова указала на “монументально-лубочный и вырубленный характер” этой вещи. Эта характеристика правильна потому, что этот гнусный, контрреволюционный, клеветнический пасквиль, — в котором сконцентрированы огромной силы социальный яд, политическая ненависть и даже презрение к изображаемому, при одновременном признании его огромной силы — обладает качествами агитационного плаката большой действенной силы» (*Нерлер 2010*. С. 45–47).

Мая 26. Постановление Особого совещания при Коллегии ОГПУ о высылке О. М. в г. Чердынь сроком на три года (*Нерлер 2010*. С. 49).

Мая 28. Расписался в ознакомлении с постановлением ОСО ОГПУ (*Нерлер 2010*. С. 49).

Мая 28. Служебная записка о разрешении Н. Мандельштам следовать в ссылку (*Нерлер 2010*. С. 50); Удостоверение, данное Н. Мандельштам в том, что она следует к месту ссылки мужа. На бланке ОГПУ. 1934 мая 28 (*Архив Мандельштама*).

♦ Из воспоминаний: «Через две недели случилось чудо, первое по счету: мне позвонил следователь и предложил прийти на свидание. Пропуск вручили с неслыханной быстротой. Я поднялась по широкой лестнице таинственного дома, вошла в коридор и остановилась, как мне велели, у двери следователя. <...> На свидании я заметила воспаленные веки О. М. и спросила, что у него с глазами. На этот вопрос поспешил ответить следователь: читал, мол, слишком много, но тут же выяснилось, что книг в камеру О. М. не давали. С больными веками пришлось возиться все годы — вылечить их так и не удалось. О. М. уверял меня, что воспаление произошло не только от ярких ламп, но что ему будто бы пускали в глаза какую-то едкую жидкость, когда он подбегал в камере к “глазку”. <...> О. М. кормили

соленым, но пить не давали — это делалось сплошь и рядом с сидевшими на Лубянке. Когда он требовал воды у того же часового, подходя к "глазку", его тащили в карцер и завязывали в смирительную рубашку. Раньше смирительной рубахи он никогда не видел и поэтому предложил мне проверить этот факт следующим образом: он записал, как она выглядит, и мы сходили в больницу посмотреть, точно ли его описание. Оно оказалось точным. На свидании я заметила, что обе руки у О. М. забинтованы в запястьях. "Что это у тебя с руками?" — спросила я. О. М. отмахнулся, а следователь произнес угрожающую тираду о том, что О. М. пронес в камеру запрещенные предметы, а это карается по статуту тем-то... Оказалось, что О. М. перерезал себе вены, а орудием послужило лезвие "Жилетт". Дело в том, что [Б. С.] Кузин, выпущенный в <19>33 году после двухмесячной отсидки — его отхлопотал знакомый ему чекист, увлекавшийся энтомологией, — рассказал О. М., что в таких переделках больше всего не хватает ножа или хоть лезвия. Он даже придумал, как обеспечить себя на всякий случай лезвиями: их можно запрятать в подошве. Услыхав это, О. М. уговорил знакомого сапожника пристроить у него в подошве несколько бритвочек. Такая предусмотрительность была в наших нравах. Еще в середине двадцатых годов Лозинский показал нам приготовленный на случай ареста мешок с вещами. Инженеры и люди других "подударных профессий" делали то же самое. Удивительнее всего не то, что они держали у себя заготовленные заранее тюремные мешки, а то, что эти мешки и рассказы не производили на нас никакого впечатления: совершенно естественно, что люди думают о будущем, молодцы... Таковы были наши будни, и заблаговременно упрятанное в сапоге лезвие дало О. М. возможность вскрыть себе вены: изойти кровью не такой уж плохой исход в нашей жизни...» (*Воспоминания*. С. 26, 70–71).

♦ Из воспоминаний: «И тут Христофорыч предложил мне сопровождать О. М. к месту ссылки. <...> На вокзал меня провожала Анна Андреевна и братья — Александр Эмильевич и Женя Хазин. По дороге на вокзал, как было условлено со следователем, я остановилась у подъезда дома на Лубянке, через который утром пришла на свидание. Дежурный впустил меня, и через минуту по лестнице спустился следователь с чемоданчиком О. М. в руках. "Едете?" — "Еду"...» (*Воспоминания*. С. 29, 36).

♦ Из воспоминаний: «Через 15 дней, рано утром, Наде позвонили и предложили, если она хочет ехать с мужем, быть вечером на Казанском вокзале. Всё было кончено. Нина Ольшевская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку всё содержимое своей сумочки. На вокзал мы поехали с Надей вдвоем. Заехали на Лубянку за документами. День был ясный и светлый. Из каждого окна на нас глядели тараканьи усища "виновника торжества". Осипа очень долго не везли. Он был в таком состоянии, что даже они не могли

посадить его в тюремную карету. Мой поезд (с Ленинградского вокзала) уходил, и я не дождалась. Братья, т. е. Евгений Яковлевич Хазин и Александр Эмильевич Мандельштам, проводили меня, вернулись на Казанский вокзал, и только тогда привезли Осипа, с которым уже не было разрешено общаться. Очень плохо, что я его не дождалась, и он меня не видел, потому что от этого ему в Чердыни стало казаться, что я непременно погибла (ехали они под конвоем читавших Пушкина "славных ребят из железных ворот ГПУ")» (*Листки из дневника*. С. 209–210).

♦ Из записи О. М.: «Еще характеристика обращения со мной: когда меня провожали в ссылку в Чердынь — комендант напутствовал меня: ничего, мы еще с вами здесь увидимся» (*ПССиП*. Т. 2. С. 467).

Мая 28. Москва, Казанский вокзал. Отъезд в ссылку на свердловском поезде.

Мая 30 или 31. Прибытие в Свердловск.

Июня 1. — Дата басни «Один портной с хорошей головой...» и помета «Свердловск» на нем (*ПССиП*. Т. 1. С. 342).

Июня 1. «Была у нас Ахматова. Приехала хлопотать за Осипа Мандельштама — он в ссылке. Говорят, что в Ленинграде была какая-то история, при которой Мандельштам ударил по лицу Алексея Толстого» (Дневник Елены Булгаковой. М.: «Книжная палата», 1990. С. 60).

Июня 1–3. Путь поездом от Свердловска до Соликамска; пароходом до Чердыни.

Июня 3. Чердынь. Удостоверение, выданное О. М. Чердынским райотделением ОГПУ взамен вида на жительство. На обороте регистрационная отметка 14 июня. «Дано адмссыльному Мандельштам Осипу Эмильевичу в том, что он состоит на особом учете в Чердынском Райотделении ОГПУ без права выезда за пределы г. Чердыни. Обязан явкой на регистрацию в райотделение ОГПУ каждого 1, 5, 10, 15, 20, 25 числа» (*Архив Мандельштама*).

Июня 3 и 6. Чердынь. Телеграммы Н. Мандельштам матери и брату о болезни (бред и галлюцинации) О. М. (*Архив Мандельштама*).

♦ Из воспоминаний: «В феврале 1936 года я была у Мандельштамов в Воронеже и узнала все подробности его "дела". Он рассказал мне, как в припадке умоисступления бегал по Чердыни и разыскивал мой расстрелянный труп, о чем громко говорил кому попало, а арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда» (*Листки из дневника*. С. 210).

Июня 5, 9. Телеграммы СПО ОГПУ в Свердловское отделение ОГПУ о необходимости проведения психиатрической экспертизы О. М. и переводе его в больницу в Свердловск (*Нерлер 2010*. С. 62–63).

Июнь, не ранее 6, не позднее 10. Записка Н. И. Бухарина — Сталину. «Теперь я получаю отчаянные телеграммы от жены М<андельштама>, что он психически расстроен, пытался выброситься из окна и т. д.» (*Нерлер 2010*. С. 39, 62).

Июня 6. Заявление А. Э. Мандельштама в ОГПУ СССР в связи с психическим состоянием О. М. (*Нерлер 2010*. С. 62).

Июня 8. Телеграмма Н. Мандельштам в московский Политический Красный крест, Е. П. Пешковой и М. Л. Винаверу. «ПОЭТ МАНДЕЛЬШТАМ СОСЛАННЫЙ ЧЕРДЫНЬ ЗАБОЛЕЛ ТРАВМОПСИХОЗОМ ПРОШУ СОДЕЙСТВИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЦЕНТР ЛЕЧЕНИЕ = НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ» (*Нерлер 2010*. С. 63).

Июня 10. Постановление Особого совещания Коллегии ОГПУ о пересмотре дела О. М. (*Нерлер 2010*. С. 63).

Июня 13. Телефонный звонок И. В. Сталина — Б. Л. Пастернаку и вопросы Сталина об О. М. (дата приводится по работе: Гыдов В., Нерлер П. <...> // Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 99).

Июня 13. Телеграмма Е. Я. Хазина в Чердынь о замене места ссылки (*Архив Мандельштама*).

Июня 14. Последняя регистрация в Чердынском райотделении ОГПУ, см. Июня 3.

Июня 16. Пермь. Телеграмма в Москву Е. Я. Хазину. Сообщается, что Мандельштамы едут в Казань пароходом (*ПССиП*. Т. 3. № 161).

♦ Из воспоминаний: «Из Чердыни в Казань мы ехали двумя пароходами, и пересадка в Перми далась нам нелегко. Ждать парохода пришлось почти целые сутки. В гостиницу нас не пустили, потому что у О. М. не было паспорта: его отняли при аресте. <...> Мы заняли двухместную каюту, гуляли по палубе, принимали ванну — ехали, как настоящие туристы. Именно в эти пароходные дни произошел подлинный перелом в болезни О. М. Я даже удивилась, как мало ему нужно, чтобы очнуться, — трое суток тишины и покоя. Он сразу затих, хорошо спал, читал Пушкина, разговаривал, и к тому же совершенно спокойно» (*Воспоминания*. С. 92, 94).

Июнь, между 20 и 25. Переезд Казань — Москва. «Проездом из Чердыни в Воронеж я снова забежала в "Известия". "Какие страшные телеграммы вы присылали из Чердыни", сказала Короткова и скрылась в кабинете. Вышла она оттуда чуть не плача: "Николай Иванович не хочет вас видеть... какие-то стихи"... Больше я его не видела. Эренбургу он впоследствии рассказал, что Ягода прочел ему наизусть стихи про Сталина, и он, испугавшись, отступился. До этого он успел сделать всё, что было в его силах, и ему мы обязаны пересмотром дела» (*Воспоминания*. С. 21).

Июня конец. По прибытии в Воронеж поселяются в гостинице «Центральная» (*В Воронеже*. С. 80–81).

♦ Из воспоминаний: «Мы приехали в Воронеж, и нас почему-то пустили в гостиницу. Те, кто бдят над нами, разрешили, очевидно, на конечных пунктах беспаспортным останавливаться в гостиницах. Номера нам не дали, но отвели койки в мужской и женской комнатах. Жили мы на разных этажах, и я всё бегала по лестнице, потому что беспокоилась, как чувствует себя О. М. Но с каждым днем

становилось всё труднее подниматься по лестнице. Через несколько дней у меня подскочила температура, и я сообразила, что заболеваю сыпным тифом, подхваченным где-то в пути. <…> Скрыв от него свою температуру, а она уже изрядно поднялась и всё время лезла вверх, я умолила его пойти к психиатру. “Если тебе так хочется”, — сказал он, и мы пошли. О. М. сам подробно описал всё течение своей болезни, и мне не пришлось ничего прибавлять. Он был в эти дни уже совершенно объективен и точен» (*Воспоминания*. С. 115).

Июля 6. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «От Нади получил 2 письма, в которых она сообщает, что Осино здоровье лучше. <…> 14/ VII или 20/ VII, в зависимости от того, нужно ли будет выслать Осе деньги, я вышлю тебе свой очередной взнос. <…> Возможно, что будут переиздания Осиного перевода Майн Рида, и он тогда-то будет обеспечен на лето. Это выяснится на днях» (*В переписке семьи*. С. 92–93).

Июля 9. Запись А. К. Гладкова: «А недавно Д. Бродский читал мне и Лаврову стихи Мандельштама на смерть А. Белого. Да, есть еще стихи в этом мире! Бродский — грузнеющий, неопрятный сплетник, но страстно любит стихи, бессчетное число знает наизусть и переводчик Рембо. О судьбе Мандельштама ничего не известно» (*Дневник Гладкова)*.

Июля 16. Воронеж. Телеграмма в адрес В. Я. Хазиной и А. Э. Мандельштама о получении денежного перевода (*ПССиП*. Т. 3. № 162).

Июль. Н. Мандельштам находится на излечении в инфекционной клинике на ул. Фридриха Энгельса, 72. Из воспоминаний Н. Штемпель: «По старой памяти воронежцы называли ее больницей Красного Креста. Там Надежда Яковлевна познакомилась с крупным специалистом из Ленинграда Леонидом Ивановичем Богомоловым. У Надежды Яковлевны установились с ним добрые отношения, которые сохранились и после ее выздоровления. Мандельштамы не раз к нему обращались» (*В Воронеже*. С. 83).

Июль. Снял комнату в привокзальном поселке на ул. Урицкого (*В Воронеже*. С. 81).

♦ Из воспоминаний: «Из сыпнотифозного барака О. М. перевез меня не в гостиницу, а в “свою” комнату. Он успел снять нам временное помещение — застекленную терраску в разваливающемся особняке лучшего повара в городе. Дом сохранили в частном владении за заслуги хозяина, который служил шефом в столовой самого что ни на есть закрытого типа. <…> Воронеж тридцать четвертого года оказался мрачным, бесхлебным городом. По улицам побирались недовысланные раскулаченные и сбежавшие из колхозов крестьяне. Они торчали у коммерческих хлебных магазинов и протягивали руку. Эти, очевидно, успели уже съесть все сухие корки, захваченные в мешках из родной деревни. В доме у повара жил одичавший от голода старик Митрофан. Старик мечтал устроиться хотя бы в ночные сторожа, но его никуда не брали. Все неудачи он приписывал своему имени: “Раз я Митрофаний, думают, что я церковник, и гонят в шею”.

В центре города стоял полуразрушенный собор святого Митрофания, и старик, вероятно, был прав. Когда мы переехали в зимнюю комнату, Митрофан повесился. С нашим отъездом у него кончился последний заработок: он помогал нам искать комнату и приводил старух, занимавшихся своеобразным сводничеством — они знакомили владельцев углов, коек и комнат с потенциальными жильцами» (*Воспоминания*. С. 120–121).

Августа 17. Открылся Первый съезд советских писателей.

♦ Из воспоминаний: «...мне тоже прислали анкету для заполнения. Арест Осипа произвел на меня такое впечатление, что у меня рука не поднялась, чтобы заполнить анкету. На этом съезде Бухарин объявил первым поэтом Пастернака (к ужасу Демьяна Бедного), обругал меня и, вероятно, не сказал ни слова об Осипе» (*Листки из дневника*. С. 210).

♦ Из воспоминаний: «А на съезде журналистов в те дни метался [Ю. К.] Балтрушайтис, умоляя всех одного за другим спасти О. М., и заклинал людей сделать это памятью погибшего Гумилева. Представляю себе, как звучали для слуха прожженных журналистов тридцатых годов эти два имени, но Балтрушайтис был подданным другой страны и ему не могли внушить, что “в это дело вмешиваться не рекомендуется”... Балтрушайтис уже давно предчувствовал, какой конец ждет О. М. Еще в самом начале двадцатых годов (в 1921, до гибели Гумилева) он уговаривал О. М. принять литовское подданство. Это было возможно, потому что отец О. М. жил когда-то в Литве, а сам О. М. родился в Варшаве. О. М. даже собрал какие-то бумаги и снес показать их Балтрушайтису, но потом раздумал: ведь уйти от своей участи всё равно нельзя и не надо даже пытаться...» (*Воспоминания*. С. 25). О Балтрушайтисе в сходной ситуации см.: Богомолов Н. А. Вокруг «Серебряного века». М.: «Новое лит. обозрение», 2010. С. 332.

Августа не позднее 20. Подпольная листовка, перехваченная сотрудниками секретно-политического отдела ГУГБ НКВД в дни работы Всесоюзного съезда писателей. «Мы, группа писателей, включающая в себя представителей всех существующих в России общественно-политических течений, вплоть до коммунистов, считаем долгом своей совести обратиться с этим письмом к вам, зарубежным писателям. <...> Страна вот уже 17 лет находится в состоянии, абсолютно исключающем какую-либо возможность свободного высказывания. Мы, русские писатели, напоминаем собой проституток публичного дома <...> за наше поведение отвечают наши семьи и близкие нам люди. Мы даже дома избегаем говорить, как думаем, ибо в СССР существует круговая система доноса. От нас отбирают обязательства доносить друг на друга, и мы доносим на своих друзей, родных, знакомых...» (Власть и художественная интеллигенция. ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. Документы. 1917–1953. М., 1999. С. 227).

Августа 22. Запись дневника М. Талова: «22 августа 1934 г. Был у Эренбурга, недавно вернувшегося из Парижа. Заговорили об Осипе Мандельштаме, недавно высланном из Москвы. Эренбург его видел в Воронеже в удовлетворительном состоянии. “За стихи против Иосифа Виссарионовича”, — на мой вопрос о причинах ссылки ответил Эренбург» (*Талова воспоминания*. С. 72).

Августа 27. Доклад «О драматургии» А. Н. Толстого на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 27 августа 1934 г., 8 сентября прочитан на ленинградской конференции писателей, в том же году опубликован отдельным изданием. «Ложью была и попытка “акмеистов” (Гумилева, Городецкого, Осипа Мандельштама) пересадить ледяные цветочки французского Парнаса в русские дебри. Сложным эпитетом, накладыванием образа на образ акмеисты подменяли огонь подлинного поэтического чувства. Усложненный эпитет, накладывание образа на образ — очень широко распространенное явление в советской литературе» (Толстой А. Н. О драматургии. Доклад на Первом Всесоюзном съезде писателей. М.: ГИХЛ, 1934. С. 161).

Август. В журнале «Лит. учеба» № 8 — статья А. Селивановского «Очерки русской поэзии XX века». В главе «Распад акмеизма» цитируется неопубликованное в то время стихотворение «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...»: «Он любит только то, что не связано с социальными страстями. Эта внутренняя незащищенность Мандельштама, прикрытая внешним холодком классической неподвижности, была выражением старческого загнивания буржуазной культуры. <...> В последних стихах Мандельштама порою звучит страстная тоска, страстное желание вырваться из круга старых дум и привычек и сблизиться с советской действительностью, но это желание перешибается старинными воспоминаниями об ушедшем прошлом (он поднимает кубок “за музыку сосен Савойских, полей Елисейских бензин, за розу в кабине Рольс-ройса, за масло парижских картин”), и социалистическая конкретность обволакивается пеленой всё тех же старинных книжных условностей. Так, в недавнем цикле стихов об Армении исчезла живая Армения и сохранился условный пейзаж Армении как повод для отвлеченных размышлений поэта. Мандельштам, независимо от его субъективных намерений, остался чужим для социализма поэтом с начала до конца» (с. 32–33).

Лето. Воронеж. В редакции журнала «Подъем» познакомился со ссыльным А. И. Стефеном (Высоцкий А. От него требовали оклеветать поэта... // Воронежский курьер. 1991. 14 янв. С. 3).

Сентября 8. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «Надя снова болела колитом-дизентерией. Лежала в больнице. Сейчас поправляется. Выслала ли она тебе деньги? Думаю, что нет, т. к. они всё время требуют деньги из Москвы. Мои денежные дела катастрофические» (*В переписке семьи*. С. 93).

Сентябрь. Приезд Дины Бутман в Воронеж. «Я делилась своими волнениями с Диночкой Бутман. Она вызвалась поехать в Воронеж

вместо меня. Не помню уж, как она прожила там в одной комнате с Осипом Эмильевичем целый месяц. У Нади впоследствии не нашлось ни одного теплого слова, обращенного к этой маленькой женщине» (*Герштейн мемуары*. С. 60).

Сентябрь. Первая поездка Н. Мандельштам в Москву. Заключение договора на перевод книги В. Маргерита «Вавилон» (*Из архива Чуковского*. С. 35).

♦ Из воспоминаний: «На летней террасе уже замерзала вода, когда я съездила в Москву и получила перевод. Он достался мне удивительно легко: Луппол слышал про "чудо" и был уверен, что без особого риска может обеспечить О. М. работой. Сделал он это с большой охотой. Полученный за перевод аванс мы отдали хозяину домика на окраине города, который удовлетворился оплатой за полгода вперед» (*Воспоминания*. С. 121–122). См. Октябрь или Ноябрь.

Сентябрь. М. Цветаева слагает стихотворение «О поэте не подумал...» (с аллюзией на «Шум времени» О. М. и его стихотворение «Век»).

Сентябрь или Октябрь (?). Н. Мандельштам передает в организацию «Помощь политическим заключенным» справки о здоровье своем и мужа. Из списков организации: «Просим разрешить Н. и О. Мандельштам уехать из Воронежа в Крым. После осуждения он заболел психически и хотя в настоящее время поправился, оставить его одного в Воронеже невозможно, т. к. он подвержен травмам, образовавшимся после болезни. Она же в лето 34 г. перенесла в Воронеже сыпной тиф и дизентерию, и шансы на поправку для нее имеются только в случае переезда в Крым. Муж ее поэт и, чтобы иметь возможность литературно работать, нуждается в минимальных бытовых удобствах. Прилагает 2 справки о здоровье своем и мужа...» (Горчева А. Ю. Пресса ГУЛАГА. Списки Е. П. Пешковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 198).

Октября 31. Воронеж. Письмо Н. Мандельштам — М. Шагинян вскоре после возвращения из Москвы. Обсуждает темы, которые затрагивались в их очном разговоре в Москве. Упоминаются перенесенные тиф и дизентерия (Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 75–77).

Октябрь или Ноябрь. Снял комнату по адресу: 2-я Линейная ул., д. 4б у агронома Е. П. Вдовина (*В Воронеже*. С. 84–85).

♦ Из воспоминаний: «Вскоре выяснилось, что агроном, хозяин дома, где мы поселились, пустил нас, чтобы завести интересные знакомства. "Думал, придут к вам писатели — [О. К.] Кретова, [Н. А.] Задонский, — румбу вместе танцевать будем", — жаловался обиженный хозяин в русских сапогах. Разочаровавшись, он "принял свои меры" — врывался, когда к нам приходили приятели, тоже ссыльные и тоже беспаспортные, [П. И.] Калецкий и Рудаков, и требовал для проверки паспорта: "У вас тут собрания, а я, как хозяин, отвечаю"... Мы выставляли хозяина из комнаты, и он печально вздыхал и,

поймав меня одну, жаловался: “Хоть бы кто поприличнее к вам зашел”... Данные вперед деньги вернуть он не мог, и нам пришлось их отживать. О. М. посмеивался: ссыльные всегда страдали от своих хозяев — такова традиция. Раньше они бегали в полицию, теперь в ГПУ, а наш агроном только грозится и, как будто, “не пишет” и “не ходит” никуда. А это надо ценить...» (*Воспоминания*. С. 122).

Ноября 12–13. Гастроли пианистки М. В. Юдиной в Воронеже. Принимала участие в концертах симфонического оркестра. Отчет: Коммуна. Воронеж, 15 нояб.

♦ Из воспоминаний: «Марья Веньяминовна Юдина специально добилась концертов в Воронеже, чтобы повидаться с О. М., и много ему играла» (*Воспоминания*. С. 133).

♦ Из воспоминаний: «Марья Веньяминовна Юдина заметила, как О. М. скучает по французской живописи: когда она приезжала в Воронеж, он не забывал о них [«французах»], даже когда она ему играла. Чтобы утешить его, она прислала ему только что выпущенный музеем альбом» (*Воспоминания*. С. 209).

Ноября 17. Москва. Запись Е. С. Булгаковой: «Вечером приехала Ахматова. Ее привез Пильняк из Ленинграда на своей машине. Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке» (Дневник Елены Булгаковой. М.: «Книжная палата», 1990. С. 78).

Ноября 20. Письмо зам. зав. отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) П. Ф. Юдина — зам. зав. отделом культуры и пропаганды ленинизма Воронежского обкома ВКП(б) М. И. Генкину. «В Воронеже с некоторых пор проживает старый писатель-поэт Мандельштам. <...> В Кульпроп ЦК ВКП(б) обратились некоторые старые его сподвижники по литературе (Пастернак Б. Л.) с вопросом о возможном расширении литературной деятельности Мандельштама. Считаю, что это сделать возможно. <...> Об этом я говорил с А. И. Стецким и пишу тебе по его поручению» (*Нерлер 1991*. С. 92).

Ноябрь, около 23–26. Совершил поездку на открытие совхозного театра в Воробьевку. Из письма О. М. к отцу конца ноября — первых чисел декабря: «На днях вместе с группой делегатов и редактором областной газеты я ездил за 12 часов в совхоз на открытие деревенского театра. Предстоит еще поездка в большой колхоз и знакомство с одним из воронежских заводов. Никаких лишений нет и в помине. Мы ходим обедать в отличную столовую газеты “Коммуна”. Надя делает перевод для Москвы, а я готовлюсь писать прозу на новом материале» (*ПССиП*. Т. 3. № 163).

Ноября 29. Справка писательницы О. К. Кретовой об условиях жизни О. М. в Воронеже, написанная для М. И. Генкина по поручению Воронежского отделения Союза писателей, см. Декабря 13 (*Нерлер 1991*. С. 92).

Декабря 1. Убийство С. М. Кирова.

Декабря 8. Воронеж. Письмо П. И. Калецкого — М. А. Гецову: «Развлекает меня знакомство с Мандельштамом, который теперь в Воронеже» (Нерлер П. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 67).

Декабря 13. Ответное письмо зам. зав. отделом культуры и пропаганды ленинизма Воронежского обкома ВКП(б) М. И. Генкина — зам. зав. отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) П. Ф. Юдину. «В сентябре правление Союза советских писателей установило с Мандельштамом постоянную связь. <...> Редакция областного литературного художественного журнала "Подъем" предоставила Мандельштаму возможность вести платную литературную консультацию. <...> Жилищные условия поэта вполне удовлетворительны, комната большая, светлая. Он прикреплен к столовой издательства "Коммуна", где получает диетическое питание. Настроение у Мандельштама хорошее, он считает, что воронежские организации подошли к нему чутко и помогут ему выправить сделанные ошибки» (*Нерлер 1991*. С. 92). См. Ноября 20.

1935

Января 5. Заключил договор на подготовку книги «Старый и новый Воронеж» с кооперативным издательством «Советский писатель». Адрес: В<оронеж>. Линейная ул., д. 1, Вдовина. Срок: к 1 авг. 1935 г. (*Архив Мандельштама*).

Января 18. Письмо П. Калецкого — М. Гецову. «Числится он [О. М.] консультантом при "Подъеме" и получает жалованье» (Нерлер П. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 67–68).

Января 21. Сдан в производство журнал «Подъем» № 1 с рецензией О. М. на книгу: Дагестанская антология: аварцы, даргинцы, кумыки, лаки, лезгины, тюрки, таты, ногайцы.

Январь. В № 1 журнала «Знамя» — статья А. Тарасенкова «Графоманское косноязычие». «И если "старое" поколение буржуазных поэтов — вроде Мандельштама — умеет этот специфический поэтический "туман" преподносить в очень утонченных и "приятных" формах и, обращаясь к поэтическому богу Нахтигалю (т. е. соловью), просит дать ему судьбу Пилада или вырвать ненужный ему более язык (ибо "звук сузился; слова шипят, бунтуют")*, то теперь уже косноязычие стало уделом поэтов очень третьесортных» (с. 193).

Январь. В люблинском журнале «Балки» («Dźwigary») 1934, № 2 (дек. 1934 — янв. 1935) Ю. Лободовский (J. Łobodowski) в статье

* Речь идет о стихотворении «К немецкой речи».

«На поэтическом фронте» («Na froncie poetyckim», подписана псевдонимом «Sz. Marienholz»), где речь шла о переводах из русской поэзии, жаловался на то, что переводчики не проявляют интереса к творчеству Мандельштама и остаются в круге хорошо знакомого: Ахматова, Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак (с. 138).

Февраля 10-е числа. Делает запись о постановке пьес Чехова «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» в Воронежском Большом Советском театре (*ПССиП*. Т. 3. С. 723).

Февраля 14. Получил удостоверение, выданное правлением ССП Центрально-Черноземной области в том, что он работает над книгой «Старый и новый Воронеж» (*Архив Мандельштама*).

Февраль. В журнале «Новый мир» № 2 помещена поэма Л. М. Длигача «Речь о деревне». В поэме, направленной против «врага», которого автор распознает в «песне», остро обыгрываются мотивы стихов О. М. начала 1920-х и 1930-х гг. (Ронен О. О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Он же. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: «Гиперион», 2002. С. 52–53).

♦ Из воспоминаний: «“Стансы” из “Воронежских тетрадей“ появились так: некто Д. [Длигач] напечатал в одном из толстых журналов стихи, в которых обещал распознать классового врага по одному только звуку его лиры. В этих стихах упоминалось “Слово о Полку”. <...> Д. снова появился уже на Фурмановом переулке зимой <19>33/34 года. Привела его Диночка [Бутман], оставленная нам в наследство Яхонтовым, крошечная актриска, маленькая, нелепая, но очень милая женщина. Вспомнили письмо: Д. благодарил О. М. за то, что он спас его от низости. Он быстро втерся в доверие, старая комсомольская история перестала поминаться — чего только не творили мальчишки в те времена, нельзя же преследовать их всю жизнь за один поступок...

В 33 году Д. вертелся и возле Безыменского, устраивая через него какие-то свои газетные делишки. Он то и дело предлагал О. М. посоветоваться относительно разных дел с Безыменским: О. М. кипел еще историей с Саргиджаном и Толстым... Почти перед самым арестом Д. уговаривал О. М. пойти к какой-то прокурорше, приятельнице Безыменского, чтобы рассказать ей, что послужило поводом к пощечине Толстому. Не знаю, что означало это шебуршение, но мне известно, что О. М. прочел Д. стихи о Сталине. Наутро после ареста, очень рано, нам позвонил Безыменский. Я объяснила — конечно, иносказательно, но этот язык был понятен всем, — что случилось ночью. Безыменский присвистнул и повесил трубку. Ни до этого, ни после он никогда нам не звонил. Что ему рассказывал Д. про О. М.? Может, он прослышал что-нибудь об аресте и позвонил, чтобы проверить? Но от кого мог он узнать об этом? Кто об этом знал? Ведь подписал ордер Ягода, а времени после увоза О. М. прошло слишком мало — едва ли несколько часов, чтобы успел распространиться слух. Почему он позвонил?

Последний раз я видела Д. у нас в передней на Фурмановом переулке в день, когда я вернулась со свидания в кабинете следователя. Д. ушел добывать деньги, которые я с него потребовала, и больше не вернулся. Когда Диночка собралась к нам в Воронеж, Д. устроил ей страшную сцену, требуя, чтобы она отказалась от своей затеи. Диночка возмутилась, и они расстались. Не помня себя от удивления, Диночка рассказывала нам в Воронеже про неожиданную истерику своего возлюбленного и про разрыв их отношений, длившихся, кажется, несколько лет. После войны до меня дошло, что Д. повесился. Это был испуг во время кампании против "космополитов". Храбростью Д. не отличался» (*Воспоминания*. С. 83–85).

Февраль. Отъезд Н. Мандельштам в Москву, где она сдает в издательство рукопись своего перевода книги В. Маргерита «Вавилон» и получает гонорар.*

Февраль. Выступил с докладом об акмеизме в помещении редакции газеты «Коммуна».

♦ Сообщение Стефана Стойчева, секретаря партгруппы Воронежского отделения Союза советских писателей, в Центр, 1936: «В феврале 1935 года на широком собрании воронежского ССП был поставлен доклад об акмеизме, с целью выявления отношения Мандельштама к своему прошлому. В своем выступлении Мандельштам показал, что он ничему не научился, что он кем был, тем и остался...» (*Нерлер 1991*. С. 93).

♦ Из воспоминаний: «Там, в Воронеже, его с не очень чистыми побуждениями заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 году: "Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых". На вопрос: "Что такое акмеизм?" — Мандельштам ответил: "Тоска по мировой культуре"» (*Листки из дневника*. С. 211).

♦ На собрании присутствовал сосланный в Воронеж Н. Ф. Бернер, который «возобновил знакомство с Мандельштамом. Много лет спустя он вспоминал его доклад об акмеизме, в котором Мандельштам объявил: "Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых"» (Лица: Биографический альманах. Вып. 9. СПб.: «Феникс», 2002. С. 40. Публ. А. Устинова. См. также с. 58).

Февраль — Декабрь. В хелмском (Польша) журнале «Камена» № 2 (февр.), № 4 (окт.), № 6 (дек.) помещены стихотворения «Декабрист», «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», «Что поют часы-кузнечик...» в переводе на польский В. Слободника.

Марта 3. В варшавском журнале «Литературные известия» («Wiadomości Literackie») № 9 — интервью А. Галиса (A. Galis) «Беседа с критиком. У К. В. Заводзинского» («Rozmowa z krytykiem. U K. W. Zawodzińskiego»). Заводзинский вспоминал, как учился

* По типовому издательскому договору тех лет, гонорар выплачивался издательством по факту представления выполненной работы.

в Петербургском университете накануне Первой Мировой войны: «Я вышел из кругов русских формалистов и постсимволистской поэзии, акмеизма. Моими товарищами по университету были Жирмунский во всё время ученья, а в более короткие периоды — Гумилев, Мандельштам и Шкловский; товарищество близкое, так как аудитория, точнее отделение факультета, насчитывала около 15 слушателей. Может быть, это объяснит вам фундамент моего отношения к предметам критической оценки» (с. 3, перевод Н. Горбаневской).

Марта 3. Москва. Н. Мандельштам заключает договор с ГИХЛом на перевод сборника «Иветта» (в соавторстве с О. М.) для планировавшегося издательством Собрания сочинений Мопассана (Тименчик Р. Д. Об одном эпизоде биографии Мандельштама // *TSQ*. 2014. № 47. P. 220, со ссылкой: *РГАЛИ*. Ф. 613. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 95–96).

Март, не ранее 4. Н. Мандельштам возвращается из Москвы в Воронеж.

♦ Из воспоминаний 13-летнего сына хозяина дома, где жили Мандельштамы: «он помнит, как Надежда Яковлевна получила гонорар за перевод книги “Вавилон” <...> и то, как они этими деньгами распорядились: они купили хозяйским детям <...> деревянный конструктор, угощали их шоколадками <...> пили шампанское» (Гордин В. Л. Мандельштамовский Воронеж // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж. 1990. С. 56).

Марта 6. Знакомая А. К. Гладкова читает ему «новые стихи» Мандельштама*. «Они замечательны, но ничего “политического” в них нет...» (*Дневник Гладкова*).

Марта 20-е числа. Отъезд Н. Мандельштам в Москву.

♦ Из воспоминаний: «...зимой <19>34/35 года <...> меня вызвали в Москву — “ознакомиться с методами перевода”. Редактором был тогда [А. И.] Старцев. Он похвалил “методы”, а завотделом выманил у меня книжку — ему вдруг понадобилось посмотреть, не требует ли мой роман сокращений... Больше я этой книги не видела, и вскоре она вышла в другом переводе (“Гнездо простых людей” [О’Фаолейна])» (*Воспоминания*. С. 128).

Марта 23. Воронеж. Гастроли В. Яхонтова в зале Музтехникума. Композиция «Петербург» и «Пушкин» (Коммуна. 24 марта).

Апреля 1. К О. М. приходит знакомиться С. Рудаков (*Письма Рудакова*. С. 32).

Апреля 4. Из письма Рудакова: «Мы вместе обедаем, читаем Щербину и Сумарокова, его необычайнейшие новые стихи (до-воронежские...)» (*Письма Рудакова*. С. 33).

Апреля 5. Был на концерте скрипачки Галины Бариновой, Леонида Луговского (баритон), пианиста Александра Дедюхина в зале Музтехникума вместе с С. Рудаковым. «Вчера были на концерте

* По-видимому, речь идет о стихах 1933–1934 гг., т. к. воронежский цикл в то время поэтом еще не был начат.

скрипачки Бариновой (с Мандельштамом, бесплатно). У нее невероятный цветаевский темперамент, 22-х-летняя молодость и неартистическая живость». Начата работа над стихотворением «За Паганини длиннопалым...». Работает над переводом «Иветты» Мопассана (Коммуна, 5 апр.; *Письма Рудакова.* С. 34–35).

Апреля не позднее 6. Начинает переводить новеллу Мопассана «Иветта» (*Письма Рудакова.* С. 35). Ср. Марта 3.

Апреля 7. В сопровождении Рудакова ходил к «профессору-терапевту» (*Письма Рудакова.* С. 35).

Апреля 7. Письмо к жене в Москву. При посылке доверенности. Сообщает о работе над переводом Мопассана (*ПССиП.* Т. 3. № 164).

Апреля 7. Постановление ЦИК и СНК СССР о привлечении несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, к уголовному суду, с применением всех мер уголовного наказания. Отразилось в стихотворении «Еще мы жизнью полны в высшей мере...», см. Мая 25.

Апреля 8. Вместе с Рудаковым читают и обсуждают стихи К. Вагинова (*Письма Рудакова.* С. 36).

Апреля 9. В письме к жене Рудаков описывает времяпровождение с О. М. в эти дни (*Письма Рудакова.* С. 37).

Апреля 10. Читает № 1 журнала «Лит. современник» и обсуждает с Рудаковым помещенный в номере роман Ю. Тынянова «Пушкин». Читает в том же номере статью Н. Л. Степанова «Заметки о стихах. Углубление темы» (*Письма Рудакова.* С. 37–38). «Известное стихотворение О. Мандельштама “Я слово позабыл, что я хотел сказать...” о теме, потерявшей свою плоть и кровь, можно было бы поставить эпиграфом ко всей эпигонской поэзии, выраставшей на почве литературных реминисценций и распада буржуазной дореволюционной поэзии» (с. 145).

Апреля 12. Заходит к Рудакову и обедает вместе с ним в ресторане. Снял новую комнату (см. Апреля 21) (*Письма Рудакова.* С. 39).

Апреля 13. Рудаков застает у О. М. Павла Калецкого, общий разговор о поэзии В. А. Комаровского (*Письма Рудакова.* С. 40–41).

Апреля 13. «М. А. [Булгаков] днем ходил к Ахматовой, которая остановилась у Мандельштамов. <...> Жена Мандельштама вспоминала, как видела М. А. в Батуме лет четырнадцать назад, как он шел с мешком на плечах. Это из того периода, когда он бедствовал и продавал керосинку на базаре» (Дневник Елены Булгаковой. М.: «Книжная палата», 1990. С. 92–93).

Апреля 15. В помещении Музтехникума вечер памяти Маяковского. Доклад Л. А. Плоткина. В. Яхонтов прочел литкомпозицию «Маяковский». О. М. и Рудаков на вечере. Из письма С. Рудакова 18 апр.: «Тут был вечер памяти Маяковского (с Яхонтовым). <...> Он был перегружен выступлениями, а М<андельштам> еще его адрес спутал, и лично его не видели» (*Письма Рудакова.* С. 43).

Апреля 17. Разговор с Рудаковым о формализме. Рудаков записывает со слов О. М. двустишие «Я семафор со сломанной рукой...»

(*Письма Рудакова.* С. 42–43). Начало работы над стихами «Первой воронежской тетради» (*Письма Рудакова.* С. 44).

Апреля 18. Вместе с Рудаковым был на концерте Воронежского симфонического оркестра в летнем театре в Первомайском саду (*Письма Рудакова.* С. 43).

Апреля 20. Рудаков пишет жене о своих впечатлениях от работы О. М. над стихами. «Я стою перед работающим механизмом (может быть, организмом — это то же) поэзии. <...> Для 4 строк — произносится 400» (*Письма Рудакова.* С. 44).

Апреля 21. Рудаков сообщает жене о переезде О. М. в дом на проспекте Революции (угол улицы 25 Октября) в этот день (*Письма Рудакова.* С. 45, 39).

♦ Из воспоминаний: «Следующая комната — мы занимали ее с апреля 35 по февраль 36 года — находилась в центре, в бывшей меблирашке, где ютился всякий сброд. Несколько раз в доме бывали ночные облавы — искали самогонщиков. Молоденькая соседка, проститутка, обожала О. М. за то, что он кланялся ей на улице. <...> Однажды нас вызвали в приемную МГБ и показали один из его [хозяина комнаты] доносов на нас, предложив написать объяснение. Там было сказано, что ночью нас посетил какой-то подозрительный тип и из нашей комнаты послышалась стрельба. Первая часть доноса еще могла бы сойти, но вторая всё погубила. Ночной посетитель, Яхонтов, афиши о выступлении которого были развешаны по всему городу, подтвердил, что просидел у нас до утра. На этом дело и кончилось. <...> Жена “агента”, молоденькая, почти девочка, которую он “взял за себя”, чтобы избавить от тяжкой участи раскулаченной семьи, сдала комнату без его ведома во время одной из его длительных отлучек “по делам коллективизации”. Сама она переехала в проходную кухню, а деньги отправила родителям. Муж получил на свою шею жильцов и никакой выгоды. Жена, хоть и “спасенная” этим рыцарем, крепко держала его в руках. Судя по их разговорам, она кое-что про него знала, что даже в те жестокие времена не сошло бы с рук. В глаза и за глаза она называла его традиционным именем “Ирод”, а когда она осыпала его отборной бранью, он робко поджимал хвост. Но с жильцами он всё же примириться не мог и старался напакостить, как умел. Он заходил к нам в комнату, держа за хвост живую мышь — дом просто кишел всякой нечистью. Вежливый, по-военному подтянутый, он приветствовал нас с порога, а затем говорил: “Разрешите поджарить?” — и шел прямо к электрической плитке с открытой спиралью. Плитку он презирал, считая ее интеллигентской прихотью, одной из буржуазных замашек, с которыми честный советский гражданин должен бороться, как с кулачьем. Рудаков или Калецкий, вечно у нас торчавшие, вступались за мышь, и хозяин, изрядный трус, встретив сопротивление, позорно отступал. Из соседней комнаты доносились его шуточки об интеллигентских нервах: а я их еще не так припугну — кота зажарю... Замечательно, что он не

пил и все свои трюки выполнял в абсолютно трезвом виде. Мышь была его коронным номером» (*Воспоминания*. С. 122– 124).

Апрель, до 22, или Март. Смотрел кинофильм «Чапаев». Сюжет отразился в стихотворениях «От сырой простыни говорящая...» и «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...».

♦ Из воспоминаний: «На фильме этом О. М. был без меня — в апреле (поездка в Москву, когда отобрали перевод)» (*Третья книга*. С. 352). «Я была в Москве, когда он в первый раз видел этот фильм. Он встретил меня задыхаясь от восторга и сразу (на извозчике домой) рассказал и в тот же вечер потащил в кино» (Книга третья. Париж: YMCA-press, 1987. С. 324. В письме к Н. А. Струве от февраля 1969 г.).

Апреля 22. Возвращение Н. Мандельштам из Москвы. «Сама Н<адежда> Я<ковлевна> <...> — прелестная женщина, и главное качество в том, что она понимает его стихи (не то что любит или знает, а разбирается, в них и вообще в стихах)» (*Письма Рудакова*. С. 45–46).

Апреля 24. П. Калецкий и С. Рудаков у Мандельштамов (*Письма Рудакова*. С. 46).

Апреля 24. С. Рудаков создает портрет О. М.

О. Мандельштам
Рисунок
С. Рудакова

♦ Опубликован Т. Лангераком: Филологические записки. Воронеж, 2001. Вып. 16. С. 163.

Апреля 26. Продолжение работы над стихами. Советы Рудакова («Каждые полстиха читаются мне. <...> куча моих требований...») и споры с ним. «Так помогал мне только Гумилев, но он был менее требователен» (*Письма Рудакова*. С. 46).

Апреля около 28. В Воронеж приехала жена Рудакова, П. С. Финкельштейн (пробыла до мая ок. 6) (*Письма Рудакова*. С. 25).

Апрель. — Дата стихотворений «Я живу на важных огородах...», «Наушнички, наушники мои!..», «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», «Я должен жить, хотя я дважды умер...», «Это какая

улица?..», «Мир начинался страшен и велик...», «Чернозем» (*ПССиП.* Т. 1. С. 197–199, 307).

♦ Из воспоминаний Н. Мандельштам: «“Я живу на важных огородах” — тот же пейзаж из окна агронома, у которого мы снимали комнату (“обиженный хозяин”). <...> На эту лавочку перед домом мы часто выходили посидеть» (*Третья книга.* С. 341).

♦ Из воспоминаний Н. Штемпель: «Стихотворение “Чернозем” написано под впечатлением прогулок поэта в районе опытных полей СХИ (Сельскохозяйственный институт. — *А. М.*). Вплотную к ним подходил Ботанический сад, а напротив была Архиерейская роща. Там в 1879 году собрался съезд “Земли и воли”, на котором присутствовали Плеханов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Желябов и др. Не отсюда ли в стихах Мандельштама “комочки влажные моей земли и воли”?..» (*В Воронеже.* С. 77).

Апрель или Май. Пишет очерк «Брат тов. Назарова» (*ПССиП.* Т. 3. С. 725).

Апрель–май. — Дата цикла стихотворений «Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...» и «Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток...»; стихотворений «Мне кажется, мы говорить должны...» и «Ты должен мной повелевать...» (последнее — предположительно) (*ПССиП.* Т. 1. С. 200, 306–307).

Апрель — Июня 1. — Дата стихотворения «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 203).

Мая 8. Отъезд Н. Мандельштам в Москву (*Письма Рудакова.* С. 47).

♦ Из воспоминаний: «В конце мая в Воронеж приехал наш приятель, антрополог [Я. Я.] Рогинский. Его только что вызволили с Лубянки — антропологов всех уничтожали под корень, подозревая в самой профессии идеологическую связь с фашизмом. В Москве в конце учебного года он никакой работы не нашел и ухватился за предложение Воронежского университета прочесть коротенький курс и провести несколько семинаров. (В Воронеже на биологическом факультете был очень хороший человек, кажется, Козаполянский (Б. М. Козо-Полянский. — *А. М.*), который старался пристроить там порядочных людей. Я его не знала, но слышала про это от многих биологов.) Я использовала приезд Рогинского, чтобы съездить в Москву. С ним, я знала, Мандельштам не будет чувствовать себя одиноко. Одного Рудакова для этого было недостаточно. Мальчишка — на него положиться я не могла» (*Вторая книга.* С. 200–201).

♦ Из воспоминаний: «Однажды он появился у меня и с ходу стал читать только что написанные стихи:

Мир начинался страшен и велик <...>
Привет тебе, скрепитель добровольный
Трудящихся, твой каменноугольный
Могучий мозг — гори, гори стране.

<...> А потом неожиданно спросил: — Как вы считаете, Яков Яковлевич, вам было бы приятно, если бы вам сказали, что у вас мозг каменноугольный?» (Рогинский Я. Я. Встречи в Воронеже // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 43).

Мая 10. Получил паспорт (*Письма Рудакова.* С. 47).

Мая 11. Постановлением СНК СССР лишен персональной пенсии по докладной записке председателя комиссии по персональным пенсиям С. И. Аралова в связи с высылкой из Москвы за «контрреволюционные действия» (*Пенсионное дело.* С. 78)

Мая 12. Работает над радиопередачей «Молодость Гете» (*Письма Рудакова.* С. 48).

Мая 14. По радио транслируется выступление Сталина (на торжественном заседании в Колонном зале Дома Союзов), посвященное пуску московского метро.

Мая 18. С. Рудаков в письме к жене сообщает стихотворение «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (*Письма Рудакова.* С. 51).

Мая 22. — Дата стихотворения «Железо» («Идут года железными полками...») (*ПССиП.* Т. 1. С. 308). Отправил телеграмму жене и получил ответ (*Письма Рудакова.* С. 53).

Мая 23. Диктует Рудакову вновь написанные стихи (*Письма Рудакова.* С. 53).

Мая 25. — Дата стихотворения «Еще мы жизнью полны в высшей мере...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 204). О связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апр. см. там же, с. 640.

Мая 26. Письмо к жене в Москву. Посылает стихотворения «Мне кажется, мы говорить должны...», «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (ранняя редакция), «Идут года железными полками...», «Еще мы жизнью полны в высшей мере...», «Мир должно в черном теле брать...». Просит взять материалы у С. В. Шервинского для работы над «Юностью Гете» (*ПССиП.* Т. 3. № 165).

Мая 29. Вместе с семьей Айч и Рудаковым был в театре на опере «Севильский цирюльник» (*Письма Рудакова.* С. 57).

Мая конец или Июнь. Вышел из печати роман В. Маргерита «Вавилон» в переводе Н. Мандельштам (подписан к печати 15 мая).

Май. — Дата стихотворений «Лишив меня морей, разбега и разлета...», «Да, я лежу в земле, губами шевеля...», «Тянули жилы, жили-были...», «Мир должно в черном теле брать...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 199–200, 308).

Май. Начало работы над «Стансами», их первая редакция (*ПССиП.* Т. 1. С. 637).

Июня 1. Вместе с Рудаковым был у Я. Рогинского. Чтение Хлебникова и Шкловского. Внес исправление в стихотворение «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (*Письма Рудакова.* С. 58–59).

Июня 1. — Дата окончания работы над стихотворением «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 203).

Июня 1. С. Рудаков записывает суждения О. М. о стихах Гумилева и его таланте понимания стихов. «А понимал он стихи лучше всех на земле, но ценил в себе не это, а свои стихи» (*Письма Рудакова.* С. 59).

Июня 3. Рудаков сообщает: «Вечером вчера диктовали машинистке его стихи — это способ подчеркнуть, что стихи кончены <...> Отпечатана тетрадочка: "О. М. Одиннадцать стихотворений. Воронеж 1935" + три вещи отдельно» (*Письма Рудакова.* С. 60).

Июня 3. Я. Рогинский и С. Рудаков у О. М. Чтение стихотворений (*Письма Рудакова.* С. 60).

Июня 3. — Дата стихотворений «Возможна ли женщине мертвой хвала?..», «На мертвых ресницах Исаакий замерз...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 204–205).

Июня около 3. Письмо к жене из Воронежа в Москву. Посылает исправленные стихи «цикла». Упоминает о передаче новых стихотворений Л. Плоткину (*ПССиП.* Т. 3. № 166).

Июня начало (не ранее 3-го). Письмо к жене из Воронежа в Москву. «В "Подъем" сдал то, что на машинке. Тут есть тенденция благожелательно снижать мою работу. Сказал: ни буквы больше не изменю. Всё или ничего. Денег пока не беру. Поступать ли на службу в библиотеку? К "подборке" прибавь "Стансы" плюс "Железо". Выясни печатание. Для Москвы условие: всё или ничего. Широкий показ цикла. Хорошо бы в "Литгазете"» (*ПССиП.* Т. 3. № 167).

Июня 6 и 7. Записки О. М. — С. Б. Рудакову о своем местонахождении (*ПССиП.* Т. 3. № 168 и 169).

Июнь, между 6 и 10. Письмо к жене. Сообщает о своем разговоре с С. Стойчевым (*ПССиП.* Т. 3. № 170).

Июня 11. С. Рудаков в письме этого дня к жене передает высказывания О. М. (*Письма Рудакова.* С. 62–63).

Июня 12. Вместе с Рудаковым сочиняет шуточное стихотворение «Случайная небрежность иль ослышка...» (*Письма Рудакова.* С. 64)

Июня 14. Возвращение Н. Мандельштам из Москвы (*Письма Рудакова.* С. 64).

Июня 15. В остшешувском (Польша) журнале «Околица поэтов» («Okolica Poetów») № 3 помещены стихотворения «Вот дароносица, как солнце золотое...» и «На перламутровый челнок...» в переводе на польский В. Слободника.

Июня 16. Пишет рецензию на книгу Г. Санникова «Восток» (*Письма Рудакова.* С. 65).

Июня 16. Сдан в производство № 5 журнала «Подъем», в который вошли рецензии О. М. на книги: «Стихи о метро. Сб. литкружковцев Метростроя» и Г. Санникова «Восток».

Июня 17. Диктует Рудакову стихи 1933–1934 годов (*Письма Рудакова.* С. 65–66).

Июня 18. Завершил работу над стихотворением «За Паганини длиннопалым...» (*Письма Рудакова.* С. 66).

Июня 19. «Проходит медобследование на предмет установления нетрудоспособности (рука) и установления необходимого объема лечения» (*Письма Рудакова.* С. 66).

Июня 20. О. М. на похоронах жены П. Калецкого. Разговор с М. Подобедовым, Н. Айчем и Рудаковым о стихах Г. Санникова (*Письма Рудакова.* С. 66–67).

Июня 22. Закончил рецензию на книгу «Стихи о метро. Сборник литкружковцев Метростроя» (*Письма Рудакова.* С. 68).

Июня 27. — Дата стихотворения «Бежит волна — волной волне хребет ломая...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 206).

Июня 27. Обсуждает с Рудаковым свое стихотворение «Бежит волна — волной волне хребет ломая...» и «Осенние приметы» Н. Заболоцкого (*Письма Рудакова.* С. 70).

Июня 29. Диктует Рудакову стихи 1933 г. (*Письма Рудакова.* С. 71–72).

Июнь. В Воронеже демонстрируется документальный фильм «Есть метро!».

Июнь. — Дата стихотворений «От сырой простыни говорящая...» и «Римских ночей полновесные слитки...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 203, 204).

Июля 2. «У них тихая драма. <...> Всё в стихах старых. У О<сипа> есть женские вещи, не ей посвященные, а есть вещи, написанные в часы, когда она думала не о нем <...>» (*Письма Рудакова.* С. 73).

Июля 4. Гастроли Камерного театра в Воронеже. Актриса Н. Г. Ефрон в гостях у Мандельштамов (*Письма Рудакова.* С. 74).

Июля 6. «У Мандельштамов либо сегодня, либо завтра артистки Камерного театра на варениках» (*Письма Рудакова.* С. 75)

Июля 12. Письмо от А. Ахматовой: «Вот уже месяц, как я совсем больна. На днях лягу в больницу на исследование. Если всё кончится благополучно — непременно побываю у Вас» (Ахматова А. Соч.: В 2 т. М.: «Цитадель», 1997. Т. 2. С. 211).

Июля 19. Начало работы над стихотворением «Не мучнистой бабочкою белой...» (*Лангерак 2006.* С. 149–150).

Июля 20. Отъезд П. Калецкого из Воронежа (*Письма Рудакова.* С. 76).

Июля 21. Пишет проспект радиопередачи об А. Блоке (*Письма Рудакова.* С. 76).

Июля 21. Окончание работы над стихотворением «Не мучнистой бабочкою белой...» (*Лангерак 2006.* С. 151; *ПССиП.* Т. 1. С. 207). Заходили артистки Камерного театра (*Письма Рудакова.* С. 76).

♦ Из воспоминаний Х. Бояджиевой: «В театральном саду, полном цветущих роз, сидят некоторые актеры. Недавно вернувшись из-за границы, все хорошо одеты, особенно мужчины выделяются своей элегантностью. Неожиданно появляется Мандельштам, небритый, в измятом костюме. Поздоровавшись, он взглянул на мужчин и, резко повернувшись, быстрой походкой зашагал обратно. Вскоре Осип Эмильевич появляется снова, выбритый, в хорошем костюме,

и быстро проходит за кулисы. Во время спектакля Наталья Григорьевна Эфрон, наша актриса, позвала меня навестить Мандельштамов, Осипа Эмильевича и его жену Надежду Яковлевну. <...> В комнате царил беспорядок, все говорило о душевном состоянии двух людей, вынужденных жить в провинциальном городе, оторванных в силу обстоятельств от друзей, от Ленинграда, города немеркнущей красоты, а главное, от среды, которая им близка и необходима. Осип Эмильевич скоро возвращается, угощает квасом и радуется как ребенок, что нам нравится действительно вкусный квас. — Хотите, прочту мое последнее стихотворение?

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну —
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну
Позвоночное обугленное тело,
Сознающее свою длину.

Читал он тихо, проникновенно. Стихотворение понравилось, просим повторить. Долго беседуем. Какая-то грустная тишина затаилась в этой бедной комнате. Ощущаю величие двух душ: нежной и мужественной Осипа Эмильевича и преданной души его друга и жены Надежды Яковлевны Мандельштам. Мое сердце наполняется нежностью к этим людям, так просто и тепло принявшим нас. Расставаться грустно. Я не знала тогда еще, что это последнее свидание» (Знамя. 2011. №1. С. 178–179. Подгот. А. Левичева).

Июля 22. Командировка от газеты «Коммуна» в Воробьевку. Отъезд из Воронежа (*Письма Рудакова.* С. 77).

♦ Из воспоминаний: «Летом 1935 года Мандельштаму удалось поездить по Воронежской области: газета отправила его в командировку и получила разрешенье на выезд в органах. Мы провели около двух недель в Воробьевском районе, переезжая из деревни в деревню на попутных машинах. Под конец чуть ли не в один день нам довелось встретиться с человеком недавнего прошлого, мелким своевольцем, отеческой рукой управлявшим колхозом, и с одним из граждан нового стиля — директором совхоза, настоящим роботом, равнодушным исполнителем повелений, которые сыпались на него в бесчисленном количестве в виде инструкций на папиросной бумаге. <...> Незадолго до нашего приезда его сняли с председательского поста за самоуправство — он что-то передернул с поставками и нанес ущерб государству. В самой деревне с ее жителями он мог творить что угодно — это самоуправством не считалось. Лишенный власти, Дорохов не растерялся и сохранил престиж — он взял мешок и пошел побираться. Подавали ему охотно, потому что в каждой избе он повествовал о своем величии и падении. К нашему приезду его вернули на председательский пост по настоянию односельчан. Тогда им еще разрешалось слегка бузить. Взывая к начальству, они перечислили

все заслуги Дорохова. Из них главная — он провел самое глубокое раскулачивание в самый короткий срок, не затребовав помощников из города. Дорохов имел в деревне собственную каталажку, куда сажал ослушников, не считаясь с их происхождением, то есть бедняков наравне с кулаками. Это не оттолкнуло от него односельчан. Его ценили за то, что он расправлялся собственноручно и в Сибирь никого, кроме "настоящих кулаков", не загнал. <...> Под вечер мы выехали на поляну, где торчала еле заметная землянка. Впервые за день директор проявил прыть: вместе с шофером и тремя рабочими, ехавшими с нами в кузове, он выскочил из машины, бросился к землянке, залез на крышу и поднял пляс. Рабочие в шесть рук принялись разносить землянку ломами, а директор с шофером долбили крышу ногами. <...> Первой поддалась крыша, что-то грохнуло, и из землянки начали гуськом выползать люди с вещами. Одна из женщин вынесла прялку, другая — швейную машину. Мандельштам поразился, сколько народу помещалось в крохотной землянке, — уж не вырыты ли там подземные ходы? Мы еще не прочли Кафку, но знали, что у крота всегда есть запасной выход, а людям приходилось выходить прямо на своих обидчиков. "Какие они все чистые", — сказал Мандельштам. Последней из землянки вышла женщина — там ютились старики, женщины и дети — в таком же ослепительно-белом сарафане, как другие, а на руках у нее сидел заморыш, живой трупик, безволосый, морщинистый, с зеленоватыми отростками вместо рук (Он всегда стоит у меня в глазах как символ — чего? Жизни, действительности, реальности и всеобщей, в том числе и моей, жестокости.) Женщинам нечего было терять, и они крыли директора густым южнорусским матом (я люблю мат, в нем проявление жизни, как и в анекдотах), но он не успокоился, пока не сровнял с землей и не засыпал их жалкое логово» (*Вторая книга*. С. 237–341).

Июля 24. Воробьевка. Путевая запись о совхозе (*ПССиП*. Т. 3. С. 342).

Июля 28. Воробьевка. Путевая запись об уборке хлебов в совхозе (*ПССиП*. Т. 3. С. 343).

Июля 31. Возвращение из командировки. «Жили они в Доме крестьянина. О<сип> пленил партийное руководство и имел лошадей и автомобиль и разъезжал по округе верст за 60–100 с партийцами знакомиться с делом» (*Письма Рудакова*. С. 78).

Июль. — Дата окончания работы над «Стансами» (*ПССиП*. Т. 1. С. 202).

Июль. — Дата стихотворения «Исполню дымчатый обряд...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 207).

Августа 1. Работает над очерком о совхозе (*Письма Рудакова*. С. 80).

Августа 2. В письме к жене Рудаков передает высказывания О. М.: «Меня не принимает советская действительность. Еще хорошо, что не гонят сейчас. Но делать то, что мне тут дают — не могу» (*Письма Рудакова*. С. 80).

Августа 5 и 6. Читал и переводил Данте. «Вчера, в порядке отрезвления от очерка, — он вслух читал Данта. Во-первых, здорово, а во-вторых, он без словаря переводит труднейшие места. Смотрели по подстрочному научному изданию». Работал над стихотворением «Не мучнистой бабочкою белой...» (*Письма Рудакова.* С. 83).

Августа 8. Выехал вместе с женой на дачу (*Письма Рудакова.* С. 85).

Августа 14. Рудаков в письме к жене передает сведения из полученного письма Н. Мандельштам: «Ося занят новой волной наблюдений. <...> Оськи приедут к 20-му» (*Письма Рудакова.* С. 86).

Августа 16. Сдан в производство журнал «Подъем» № 6. В номер заверстаны рецензии на книги А. Адалис «Власть» и М. Тарловского «Рождение Родины», а также стихотворение «Не мучнистой бабочкою белой...», исключеннное из верстки на этапе корректуры (*Лангерак 2006.* С. 146).

Августа 28. Внес поправку в стихотворение «Воздух пасмурный влажен и гулок...» в своем экземпляре «Стихотворений» (1928) (*ПССиП.* Т. 1. С. 532).

Сентября 3. Восстановил цензурные купюры в стихотворении «Зверинец» в своей книге «Стихотворения» (1928) (*ПССиП.* Т. 1. С. 552).

Сентября 25. Надписал П. С. Финкельштейн «Вторую книгу»: «Лине Самойловне Рудаковой — в хорошее, рабочее и дружное воронежское время — с сердечным уважением» (*Письма Рудакова.* С. 86).

Сентября 26. Получил заказ на подготовку сценария радиопередачи «Гулливер у великанов» (*Письма Рудакова.* С. 87).

Сентября 27. «Писание проспекта к фольклорной книге» (*Письма Рудакова.* С. 87).

Сентября 29. В Радиокомитете сдавал сценарий «Гулливера» (*Письма Рудакова.* С. 87).

Сентябрь. — Дата переработки стихотворения «Вы помните, как бегуны...» в окончательную редакцию (*ПССиП.* Т. 1. С. 173).

Октября 7. Получил должность литконсультанта и приступил к работе в воронежском Большом Советском театре (*Письма Рудакова.* С. 89).

♦ Из воспоминаний: «Числился он заведующим литературной частью, но не имел ни малейшего понятия о том, что нужно делать. В сущности, он просто болтал с актерами, и они его любили. Кроме того, открыли для приработков местное радиовещание. Такой вид безымянной работы считался у нас допустимым даже для ссыльных, правда, только в спокойные периоды, когда в печати не мелькало слово “бдительность”. На радио мы вдвоем сделали несколько передач — Молодость Гете, Гулливера для детей... О. М. часто писал вступительное слово к концертам, в частности к “Орфею и Эвридике” Глюка. Его обрадовало, что, когда он шел по улице, из всех рупоров неслась его рассказ про голубку-Эвридику... Там же он вольно перевел

неаполитанские песенки для ссыльной певицы с низким голосом. В этот благополучный для нас воронежский период жить всё же было трудновато. Театр платил 300 рублей. Этого хватало на комнату (мы платили от 200 до 300 за наши конуры) и разве что на папиросы. Радио тоже давало 200 — 300 рублей, а я иногда получала внутренние рецензии в газете и ответы на "самотек". Всё вместе обеспечивало скромную еду: яичницу на обед, чай, масло. Коробка рыбных консервов считалась "пиром". Варили щи, а иногда, не выдержав, разорялись на бутылочку грузинского вина» (*Воспоминания*. С. 132).

Октября 8. Начало работы над радиопередачей по книге Н. Островского «Как закалялась сталь» (*Письма Рудакова.* С. 89).

Октября около 12. Переезд в гостиницу «Бристоль» на время ремонта комнаты (до 14 октября) (*Письма Рудакова.* С. 93).

Октября 14. Мандельштамы и Рудаков в гостях у флейтиста воронежского оркестра К. К. Шваба (*Письма Рудакова.* С. 93). Знакомство отразилось в стихотворении «Флейты греческой тэта и йота...».

♦ Из воспоминаний: «И флейтист тоже был наш знакомый. Его звали Шваб. Он был немец и страшно боялся за свою единственную флейту, присланную из Германии каким-то старым товарищем по консерватории. Мы не раз заходили к нему, и он вынимал из футляра свою пленницу и утешал О. М. Бахом, Шубертом и прочей классикой» (*Воспоминания*. С. 174).

Октября 16. Работает по заданию театра над сокращением пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет» для радиопередачи (*Письма Рудакова.* С. 94).

Октября 17. С. Рудаков записывает факты биографии О. М. (*Письма Рудакова.* С. 94).

Октября 23. В Ленинграде арестованы Н. Н. Пунин и Л. Н. Гумилев.

Октября 25 и 26. Н. Мандельштам «диктует» Рудакову биографические сведения об О. М. Продолжается работа над радиокомпозицией по книге «Как закалялась сталь» (*Письма Рудакова.* С. 96–97).

Октября 28. Получил письмо от издательства о расторжении договора на книгу «Старый и новый Воронеж», срок которого истек 1 авг. Упоминаются работы для театра: исправление переводов Шекспира А. Л. Соколовского и А. Д. Радловой, «создание» итальянских песенок (*Письма Рудакова.* С. 97–98). См. Января 5.

Ноября 2 и 3. Рудаков по просьбе О. М. звонит Е. Я. Хазину и В. Б. Шкловскому. Навестить О. М. заходит Ф. Маранц (*Письма Рудакова.* С. 99–100).

Ноября 5. Читает стихи Шевченко по-украински и в переводе, книгу П. Н. Медведева «Формализм и формалисты» (*Письма Рудакова.* С. 102).

Ноября 12. Чтение стихов Шевченко и его дневника (*Письма Рудакова.* С. 109).

Ноября 17. П. Калецкий (приехавший из Ленинграда за вещами) «надиктовывает» Рудакову биографические сведения об О. М. (*Письма Рудакова.* С. 111–112).

Ноября 20. Мандельштамы и Рудаков в кино на фильме «Вражьи тропы» (*Письма Рудакова.* С. 113).

Ноября 23. У Мандельштамов в гостях дирижер Л. М. Гинзбург (*Письма Рудакова.* С. 114).

Ноября 27–28. С. Рудаков заболевает скарлатиной и госпитализирован. Записка С. Рудакову в больницу (*ПССиП.* Т. 3. № 171).

Ноябрь или декабрь. Фотография в группе с актерами воронежского театра во время читки пьесы М. Горького «Враги».

Декабря 1. Записка С. Рудакову в больницу. «Колли принес замечательные фотографии» (*ПССиП.* Т. 3. № 172).

Декабря 10. В письме к С. Рудакову в больницу от 10 дек. Н. Мандельштам сообщает о содержании проведенного О. М. рабочего дня в театре 9 дек. (репетиция, обсуждение брошюры, спектакль) (*Письма Рудакова.* С. 115).

Декабря 10-е числа. Записка С. Рудакову в больницу. «А я в театр хожу на репетиции. Горького ставим» (*ПССиП.* Т. 3. № 173).

Декабря 17. Пишет Рудакову в больницу о предстоящем отъезде Н. Мандельштам в Москву и полученни 3-годичного паспорта; о получении письма от Б. Эйхенбаума, который остановился в квартире Мандельштамов на время пребывания в Москве (*ПССиП.* Т. 3. № 174).

Декабря 17 или 18. Отъезд **Н.** Мандельштам в Москву.

Декабря 20. Письмо Н. Мандельштам — К. Чуковскому из Москвы в Ленинград. С просьбой помочь найти переводную работу в Ленинграде. «В Москве у меня ничего не выходит. Сам [И. К.] Луппол очень со мной хорош, но редактора доказали, что я плоть от плоти

своего мужа — т. е. халтурщица, если не хуже. <...> Когда я уезжала, он [О. М.] должен был ехать в санаторий. Вчера мне позвонили, что в санаторий он не поедет, но его положат в больницу на исследование. <...> Я вам посылаю несколько страничек книги, которую я делала для Гихла. Она была снята с плана, а потом я уж ничего не получила. <...> Автор (Faolain) — ирландец — острый писатель» (*Из архива Чуковского*. С. 35). См. Февраль.

Декабря 22 или 23. Отъезд О. М. в Тамбов. Дата рассчитана по содержанию письма: *ПССиП*. Т. 3. № 175.

Декабря 23 — 1936, Января 2. Письма Н. Мандельштам из Москвы в Тамбов. Сообщает о встречах и переговорах с А. С. Щербаковым, И. А. Марченко*, И. К. Луппполом, Ю. И. Данилиным (редактор перевода «Иветты» Мопассана, выполнявшегося О. М.), Вс. В. Вишневским, С. К. Вишневецкой, В. Б. Шкловским, С. А. Клычковым, П. Д. Маркишем, Б. Л. Пастернаком (Тименчик Р. Д. Об одном эпизоде биографии Мандельштама // *TSQ*. 2014. № 47. P. 219–239).

Декабря 24. С. Рудаков в больнице систематизирует свои записи об О. М. (*Письма Рудакова*. С. 119–120).

Декабря 26 — 1936, Января 3. Письма к жене в Москву из Тамбова. Рассказывает об отъезде из Воронежа, Тамбове и впечатлениях от санатория (*ПССиП*. Т. 3. № 175–181).

Декабря 29. Арестован флейтист Воронежского оркестра, знакомый О. М., К. К. Шваб (Ласунский О. Г. Соло на флейте для поэта // Воронежский курьер. 1991. 18 марта. С. 4).

♦ Из воспоминаний: «Однажды после работы — это произошло до “начала грозных дел”, О. М. еще служил в театре — мы забежали в один из ярусов послушать симфонический концерт. Сверху весь оркестр был виден, как на ладони, и вдруг я обнаружила, что вместо Шваба сидит другой флейтист. Я наклонилась к О. М.: “Посмотри!” Соседи шикали, но мы продолжали шептаться. “Неужели его забрали?” — сказал О. М. и в антракте побежал за кулисы. Предположение подтвердилось» (*Воспоминания*. С. 174).

1936

Января 1–3. Письма к жене из санатория в Тамбове (*ПССиП*. Т. 3. № 179–181).

Января начало. Москва. Разговор Н. Мандельштам с секретарем Союза советских писателей А. С. Щербаковым.

♦ Из воспоминаний Н. Мандельштам: «Щербакова я не случайно назвала вельможей. Самый физический тип деятеля у нас

* Марченко Иван Александрович (1902–1941) — помощник А. С. Щербакова по творческим вопросам (*TSQ*. 2014 № 47. С. 227). В томе 3 *ПССиП* (с. 832) эта фамилия ошибочно раскрыта как принадлежащая секретарю парторганизации ССП Дмитрию Антоновичу Марченко.

менялся. До середины двадцатых годов мы всюду сталкивались с бывшими подпольщиками, окруженными соответствующей молодежью. Резкие, уверенные в своей непререкаемой правоте, они охотно пускались в споры, агитировали, часто бывали грубы. От них припахивало семинаристом и Писаревым. Постепенно их сменили круглоголовые блондины в вышитых украинских рубашках, эдакие рубахи-парни с развязно-веселой и вполне искусственной манерой, шуточками и нарочитой грубоватостью. На их место пришли молчаливые дипломаты — каждое слово на вес золота, ничего лишнего не сказать, никаких обещаний не дать, но произвести впечатление человека с весом и влиянием. Одним из первых сановников этого типа был Щербаков. Когда я в первый раз к нему пришла, мы оба несколько минут молчали. Я хотела, чтобы заговорил он; из этого ничего не вышло, потому что сановник предоставлял просительнице возможность изложить свою просьбу... Я поставила перед ним вопрос о печатании, хотя заранее знала, что все эти попытки обречены на полную неудачу. Он объяснил мне, что единственным критерием для печатания литературных произведений является их качество; стихи Мандельштама, очевидно, не выдерживают этой пробы, раз их не печатают. То же самое, но с менее выработанными интонациями повторил [И. А.] Марченко. Один раз Щербаков оживился. Он спросил меня, о чем пишет О. М. Я ответила: “О Каме”... Он недослышал. “О партизане?” — спросил он, почти улыбнувшись, но улыбка тотчас исчезла, когда он услышал, что речь идет о реке» (*Воспоминания*. С. 131–132).

Января 3. В письме к жене упоминает о недавнем своем письме в Воронежское отделение ССП политического характера (не сохранилось). «Надик, надо всё время помнить, что письмо мое в воронежский Союз бесконечно обязывает, что это не литература. После этого письма разрыва с партией большевиков у меня быть не может при любом ответе, при молчании даже, даже при ухудшении ситуации. Никакой обиды. Никакого брюзжания. Партия не нянька и не доктор. Для автора такого письма всякое ее решение обязательно» (*ПССиП*. Т. 3. № 181).

Января 5. Воронеж. Звонит по телефону Рудакову в больницу. Сообщает о своем возвращении из Тамбова (*Письма Рудакова*. С. 121–122). Комната Мандельштамов занята семьей литератора Панова. Временно поселяется у литератора Б. Г. Пескова (*Письма Рудакова*. С. 122–125; *Воспоминания*. С. 124–125).

Января 8. Звонит Рудакову в больницу и сообщает, что его стихи приняты «Красной новью» (*Письма Рудакова*. С. 122). В письме от 15 янв. Рудаков сообщил жене, что стихи всё же журналом не приняты (Там же. С. 126).

Января 13. Рудаков встречает О. М. в редакции газеты «Коммуна» и затем у Ф. Маранца. «Решаем встретиться у Маранцев в 6–7 часов. Впечатление полного разложения психики, глаза

блестят. <...> Маранцы. Собственно их квартира с О<сипом> Э<мильевичем>. Он почти в норме. Вот событие — прибежал Панов в Союз с раскаянием: “клянется, что «больше не будет»...”. Завтра водворенье. Боже, как дивно Мандельштам говорит. Вот это язык и мысль. Хотя общее нервное беспокойство. <...> Теперь рассказ. В Тамбов он кинулся от страха скарлатины. Там психовал. Сдружился с одним трактористом, который ему говорил: “Ты уезжай — они (больные) тебя не любят, они тебя избить хотят”. А эпизоды были такие. О<сип> Э<мильевич> всё искал покоя и кочевал из палаты в палату (изводя персонал). Нашел пустую. Лег. Человек восемь больных стали в нее барабанить. Он выскочил и стал орать, зовя их сволочами etc.; вызвал глав<ного> врача; пять убежали, три остались. Один из трех обиделся за ругань на О<сипа> Э<мильевича>, а тот — “Назвал сволочами, и правильно сделал...”. Тогда, как О<сип> Э<мильевич> рассказывает, тот устроил краснопартизанский припадок. О<сип> Э<мильевич> в полубелье бежал в кабинет врача, а под сводами санаторского особняка громыхала партизанская брань. Утром — мир. Вот его оценки: врачи казенные, только ухудшают в больных веру в болезни, больные серые: 15% нервных, 20% утомленных, остальные — премированы путевками. Один учитель, начальник отделения милиции уже высшая интеллигенция. Кончилось всё тем, что О<сипу> Э<мильевичу>вернули деньги (!) и отпустили — “вследствие резкого ухудшения”. Сам он говорит, что психоз прогрессировал, что создалось чувство, будто он не может сам уехать оттуда etc., etc. Похудел, подхватил гриппок, а тут еще Панов. Детали. Тамбов как город безумно понравился. Вот его картина: “Чудный губернский город. Река. Снег далеко-далеко. На нем точечки гужей. Лес. Перелески под снегом. Движенья никакого. Только баба в платке пройдет. Сугробы. Чудные дворянские особняки, какие могут быть и в германском старом городе, и в Тамбове; деревянная — по Щедрину — каланча. Один автомобиль на весь город. Лавок не мог обнаружить — мне нужно было пуговицу купить. Воронеж столица просто”. В мытарствах товарищи из Союза помогали ему прожить: возили на машине к прокурору, давали у себя ночевать, беседуя каждый о своих творениях до 3-х ночи. Он верит в поездку на юг, в Москву лечебно ехать не хочет. В театре, если не врет, делал дело реально. Чувствует “перелом” в отношении к себе. Говорит: “Фабула двигается”. <...> Пока был болен — меня вызывали в НКВД. Сегодня пошел. Говорил около 2-х часов с каким-то дядей. В чудных тонах о Кюхле, о Ю<рии> Н<иколаевиче>, о моем нежелании исследовать в Воронеже Кольцова и Никитина. Толку не добьешься — сами это они или из Москвы со мной лично знакомятся. Говорит, что о заявлении еще ничего не знает. Вроде как пожелал скорого возврата. Рассказывал я про Кюхлю и рукописи очень интересно. Расспрашивал о ленинградской жизни. Ушел я в чудном настроении» (*Письма Рудакова*. С. 123–125).

Января 14. «Водворение» в комнату и посещение театра — на пьесе А. Афиногенова «Далекое» (*Письма Рудакова.* С. 126).

Января 15. Возвращение Н. Мандельштам из Москвы с творческим архивом О. М., привезенным по просьбе Рудакова (*Письма Рудакова.* С. 126).

Января 16. Рудаков работает с рукописями О. М., в письме к жене посылает шуточное стихотворение «Зане в садах Халатова-халифа...». Начал переписывать «Разговор о Данте» (*Письма Рудакова.* С. 127).

Января 20 и 21. Рудаков в письмах к жене сообщает: «О<сип> Э<мильевич> очень постарел и осел как-то»; «Очень скверно с О<сипом>. Сегодня даже ставился вопрос о том, чтобы я писал Пастернаку о безнадежном в смысле здоровья состоянии О<сипа> Э<мильевича>» (*Письма Рудакова.* С. 128).

Января 24. Разговор с Рудаковым об ожидаемом приезде Ахматовой (*Письма Рудакова.* С. 130).

Января 26. Выписка из протокола № 1 заседания правления Воронежского отделения ССП от 26 января 1936 г. «П<ункт> 6). Слушали: Заявление Н. Мандельштам об оказании помощи О. Мандельштаму. Постановили: а) поручить т. [М. Я.] Булавину на основании последних диагнозов написать еще раз в Литфонд СССР о состоянии здоровья О. Мандельштама. Просить, чтобы ему разрешили выезд на курорт и ассигновали на это средства Литфонда СССР. б) Просить директора мединститута обеспечить наблюдение за состоянием здоровья Мандельштама до разрешения Москвой вопроса о его дальнейшем лечении. в) Выдачу Мандельштаму 80 рублей из средств Литфонда утвердить. г) Констатируя факт нарушения положения о расходовании средств литфонда систематической выдачей безвозвратных пособий поэту Мандельштаму, не являющемуся ни членом ССП, ни чл. Литфонда, поручить тт. Стойчеву и Булавину поставить вопрос в соответствующих организациях о возможности изыскания средств для оказания поэту Мандельштаму помощи в связи с его тяжелой болезнью» (*ГАОПИВО.* Ф. 2829. Оп. 1. Д. 1. Л. 168–169).

Января 31. Рудаков просматривает «всё написанное» О. М. с 1907 по 1912 год вместе с ним. Вместе читают XI песнь «Чистилища» Данте по-итальянски. «Он делал замечательный глубочайший перевод, в то же время объясняя грамматические формы и фонетику» (*Письма Рудакова.* С. 133).

Января конец. «В самом конце января 1936-го в Москву приехала Анна Андреевна — хлопотать, конечно, о Лёве, может быть и о Мандельштаме. Она готовилась к поездке к Осипу Эмильевичу в Воронеж» (*Герштейн мемуары.* С. 220).

Февраля начало. Пишет заявление к «минскому пленуму» (см. Февраля 10–24), содержащее «ряд серьезных политических высказываний» (*ПССиП.* Т. 3. С. 564. В письме 209).

Февраля 1. С. Рудаков пишет жене об интересе к нему, проявленном воронежским отделением Союза писателей. «в частности по вопросу о работе над М<андельштамом>». Посылает жене фотографию О. М., снятую директором театра Вольфом (*Письма Рудакова.* С. 133–134).

Февраля 2. Читал вместе с Рудаковым стихи Б. Пастернака. Суждения о них (*Письма Рудакова.* С. 135).

Февраля 3. Внес поправки в тексты стихотворений «Я не знаю, с каких пор...», «Я по лесенке приставной...» и «Век» (*ПССиП.* Т. 1. С. 579, 581).

Февраля 5. В Воронеж приезжает А. Ахматова. «Разрешение (через Литфонд) ехать лечиться на юг». На вечере памяти Н. А. Добролюбова О. М. говорит с С. Стойчевым об Ахматовой (*Письма Рудакова.* С. 136–137).

Февраля 7. Ахматова у Мандельштамов. Чтение Рудаковым своих стихов и обсуждение их (*Письма Рудакова.* С. 139–140).

Февраля 9. Ахматова и Рудаков в квартире Мандельштамов. Чтение О. М. своих стихов. Разговор о Брюсове, Блоке, Хлебникове, Пастернаке (*Письма Рудакова.* С. 141–143).

Февраля 10–24. 3-й Пленум правления Союза советских писателей в Минске.

Февраля 11. Отъезд Ахматовой из Воронежа в Москву. Извещение от Литфонда о бронировании путевки для Мандельштамов в Старый Крым (*Письма Рудакова.* С. 144–145). См. Марта 16.

♦ «...На обратном пути она [Ахматова] останавливалась в Москве, вместе с Пастернаком они ходили на прием к генеральному прокурору Катаниану. <...> Сложившись, Пастернак и Ахматова послали Мандельштаму 1000 рублей» (*Координаты лирического пространства.* С. 96). См. также: *Листки из дневника.* С. 210).

Февраля 20. Был на репетиции в театре (*Письма Рудакова.* С. 149).

Февраля 21. Был на концерте певца И. Н. Стешенко (*Письма Рудакова.* С. 149).

Февраля 24. Был в театре на спектакле «Отелло» (*Письма Рудакова.* С. 151).

Февраль, 26–29. О. М. и С. Рудаков вместе читают книгу А. Волкова «Поэзия русского империализма» (1935) (*Письма Рудакова.* С. 151–153).

Марта 4. С. Рудаков сочинил шуточные стихи «А Мандельштам настойчиво...» (*Письма Рудакова.* С. 155).

Марта 13. Переезд Мандельштамов в квартиру на ул. Энгельса (д. 13-б, кв. 5; по современной нумерации — д. 13, кв. 39) (*Письма Рудакова.* С. 158).

Марта 16. Выписка из протокола № 3–4 заседания правления Воронежского отделения ССП от 16 марта 1936 г. «П<ункт> 5) Слушали: О Мандельштаме. Информация тт. Кретовой и Булавина

о том, что Мандельштам, получив согласие литфонда СССР на забронирование ему путевки в Крым, обратился к отдельным членам правления ССП Воронежской области с требованием ко всему правлению в целом обеспечить его выезд в Крым вместе с женой или заменить путевку деньгами для поездки на отдых сроком не менее, чем на 3 месяца, а также просит предоставить ему средства для поездки по районам области. Постановили: Принять к сведению сообщение Стойчева о том, что им послано письмо в правление ССП о возможности оказания помощи Мандельштаму со стороны литфонда СССР и Всесоюзного правления ССП; правление воронежского отдел. ССП и местное отделение литфонда в разные сроки уже выдало Мандельштаму свыше 1000 р., и дальнейшие его просьбы не могут быть удовлетворены. Правление не может также оказывать материальную помощь Мандельштаму, требования котор. приняли с его стороны систематический характер. Правление считает, что, оказав помощь Мандельштаму в поступлении на работу в театр и его жене в получении работы от редакции "Коммуна", оно сделало достаточно, чтобы Мандельштам мог устроиться материально без пособий со стороны Воронежского ССП» (*ГАОПИВО*. Ф. 2829. Оп. 1. Д. 1. Л. 164).

Марта 21. Читал вместе с Рудаковым книгу: Тредиаковский В., Ломоносов М., Сумароков А. Стихотворения (Л., 1935) (*Письма Рудакова*. С.160).

Марта 29. Пишет вводное слово к радиопередаче об опере Глюка «Орфей и Эвридика» (*Письма Рудакова*. С. 163).

Марта 29 и 30. Письмо ответственного секретаря Союза советских писателей В. П. Ставского — Н. Мандельштам с просьбой предоставить во временное пользование Н. К. Костареву одну из комнат московской квартиры сроком на 8–9 месяцев; обязательство Н. К. Костарева освободить комнату раньше означенного срока в случае возвращения О. М. в Москву (*Нерлер 2010*. С. 82).

Марта 31. «Орфей и Эвридика» Глюка транслируются по радио (*Письма Рудакова*. С. 163). См. также: Коммуна. 2 апр.

Апреля начало. Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «Ося сдал комнату в Москве и получил, наконец, недавно новое хорошее жилье в Воронеже. Адрес еще не знаю» (*В переписке семьи*. С. 95).

Апреля 2. Разговор с Рудаковым о книге Л. Добычина «Город Эн» (*Письма Рудакова*. С. 164).

Апреля 3. Вместе с Рудаковым отметили годовщину знакомства. Сочинили шуточное стихотворение «Карлик-юноша, карлик-мимоза...». Надписал Рудакову «Египетскую марку» (*Письма Рудакова*. С. 165).

Апреля 7. Был в концерте на «Четвертой симфонии» Бетховена (*Письма Рудакова*. С. 168).

Апреля около 10. Письмо к Е. Я. Хазину. «На днях с трибуны облпленума писателей было здесь произнесено, что я "пустое место

и пишу будуарные (бу-ду-ар-ны-е) стишки и что возиться со мной довольно"» (*ПССиП*. Т. 3. № 182).

Апреля 12. Был на дневном концерте оркестра под управлением Пауля Брейзаха, исполнялась 2-я симфония Бетховена (*Письма Рудакова*. С. 169).

Апреля 26. В № 20 газеты «Лит. Ленинград» помещена статья В. Б. Шкловского «О формализме» (со сноской: Из доклада в Доме кино. Печатается по живой записи). «У Осипа Мандельштама есть книга "Путешествие в Армению". В этой книге он рассказывает о том, как он зашел в музей. В музее были картины французских художников, написанные мелкими мазками. Эти мазки, если ближе к ним подойти, производят впечатление мозаики, но если отойти немного, то они должны дать впечатление живого цвета. Когда Мандельштам вышел из комнаты с картиной, он увидел реальный мир разбитым на мазки, увидел его как будто через теннисную сетку. То, что было на картинах методом, стало содержанием восприятия и было перенесено в реальность. Метод восприятия действительности сделался заменой действительности и лег между восприятием и воспринимающим.

Когда человек воспринимает явления природы через явления искусства, он теряет реальное сознание предмета. Об этом явлении, чрезвычайно разнообразно существующем, я и хочу рассказать. Почему это формализм?

<...> Мы часто говорили, что формалисты положили оружие в 1924 г. и т. д. Однако я-то чувствую себя изменяющимся, но формализм продолжает существовать как система выбирать вещи, как препятствие брать основные темы. <...> Формализм был защитным средством для людей, не могущих поднять новую тематику. Причем часто было недоверие к основной теме, и кругом этой темы делали гарнир, который должен был преодолеть эту тему».

Апреля 28. Письмо к Борису Пастернаку. «Спасибо, что обо мне вспомнили и подали голос. Это для меня ценнее всякой реальной помощи, то есть реальнее. Я действительно очень болен, и вряд ли что-либо может мне помочь: примерно с декабря неуклонно слабею, и сейчас уже трудно выходить из комнаты» (*ПССиП*. Т. 3. № 183).

Мая 1. В этот день в Воронеж приезжает Э. Герштейн. «Они жили тогда в неплохой комнате, недавно снятой в одном из лучших домов Воронежа, построенном для инженерно-технических работников. <...> Познакомилась я тогда и с Сергеем Борисовичем Рудаковым. К нему на праздники приехала из Ленинграда жена — Лина Самойловна Финкельштейн» (*Герштейн мемуары*. С. 63).

Мая 11. Письмо Н. Мандельштам — Е. Хазину о болезни О. М.: «Сообщи Ане [Ахматовой]. Пусть добиваются лечения (Мацеста). Сейчас откладывать нельзя. <...> Я очевидно подниму вой. Я жду еще несколько дней Пастернака и Аню. Пусть торопятся» (*Письма Рудакова*. С.172).

Мая 12. Запись Рудакова о приезде А. Э. Мандельштама в Воронеж. «Он привез 800 р. за перепечатку Оськиного перевода Важа Пшавела»* (*Письма Рудакова.* С. 173).

Мая 27. Рудаков в письме к жене приводит копию письма Н. Мандельштам к Б. Пастернаку о болезни О. М. и заключение врачебной комиссии с диагнозами и направлением на ВТЭК, датированное 27-м мая (*Письма Рудакова.* С. 175–176).

Мая 30. — Дата завершения работы над стихотворением «Не мучнистой бабочкою белой...» и запись Рудакова об этом в письме к жене (*Письма Рудакова.* С. 178).

Мая 31. В гостях у Мандельштамов Е. П. Гердт, работающая в воронежском Радиокомитете (*Письма Рудакова.* С. 179–180).

Июня начало. Письмо Е. Я. Хазина — Е. Э. Мандельштаму. «Ехать в Воронеж совершенно необходимо. <...> В последнем присланном сюда медицинском свидетельстве к сердечным болезням присоединились “остаточные явления реактивного состояния, шизоидная психопатия”. <...> Хуже всего то, что Надя полностью заражена бредом. Боюсь, что она и является теперь активным двигателем. <...> Совершенно необходимо проконсультировать на месте с врачами, установить характер и размеры заболевания. <...> Хорошо было бы Вам проехать через Москву» (*В переписке семьи.* С. 95). Ср. письмо Рудакова от 27 мая (диагноз комиссии).

Июня 7. Был на опере «Кармен» в постановке Саратовского оперного театра (*Письма Рудакова.* С. 180).

Июня 10. Строит планы о поездке на дачу в Павловск и Задонск (*Письма Рудакова.* С. 181).

Июня 16. Оформлено увольнение из театра с 1 августа (*Письма Рудакова.* С. 182).

Июня 16. На заседании правления Воронежского отделения ССП слушали заявление Н. Мандельштам «о полной нетрудоспособности О. М. и отсутствии у него средств к существованию». «Постановили: Поручить зам. пред. ССП Кретовой сообщить Н. Мандельштам о том, что отделение ССП не правомочно решать вопросы о пенсиях, поэтому Мандельштам надлежит обратиться непосредственно в правление ССП СССР и Литфонд СССР, переслав в их адрес все необходимые документы и заключение медицинской комиссии. Принять к сведению информацию т. Кретовой, что о положении Мандельштама сообщено тт. Щербакову и Марченко воздушной почтой и телеграфом» (*ГАОПИВО.* Ф. 2829. Оп. 1. Д. 1. Л. 156).

Июня 17. Приезд в Воронеж Е. Э. Мандельштама (*Письма Рудакова.* С. 182).

Июня 20. Отъезд Мандельштамов в Задонск (*Письма Рудакова.* С. 183).

---

* Перевод О. М. был перепечатан в кн: Важа Пшавела. Поэмы / Ред. В. Гольцев, Т. Табидзе. [М.]: Гослитиздат, 1935.

Июня 20. Ю. Л. Слезкин, отдыхавший в Задонске, записал в этот день в дневнике: «Неожиданно утром во время моей работы вваливается Осип Мандельштам с женой. Он совсем седой, страдает сердцем, выслан в Воронеж и решил провести лето в Задонске. Я повел его смотреть комнаты. Но он ходить не может — боится припадка, не отпускает от себя ни на шаг жену, говорит сбивчиво... Предоставили их себе самим, зайдя в два-три места и не найдя ничего» (*Нерлер 1991.* С. 93).

Июня 28. Ответ А. И. Стефена на вопрос следователя о знакомстве с О. М.: «С ним познакомился в 1934 году, в июле или августе месяце, в помещении редакции журнала "Подъем", когда обсуждался роман Кретовой. <...> Последний раз я был у него месяца два тому назад. В квартире Мандельштама я встречал следующих лиц — Калецкого <...> и молодого архитектора, работавшего в облпроектплангоре, фамилии и имя-отчества его не знаю. Мандельштам и молодой архитектор родственники» (Высоцкий А. От него требовали оклеветать поэта... // Воронежский курьер. 1991. 14 янв. С. 3).

Июнь. Мемориальная запись на книге «Камень» (1916): «Эта книжка доставила большое огорчение моей покойной матери, прочитавшей в "Речи" рецензию Н. О. Лернера» (собрание А. Г. Бызова).

Июля 8. Возвращение Рудакова из Задонска в Воронеж после прощания с Мандельштамами (*Письма Рудакова.* С. 185).

Июля 15. Запись Л. Горнунга: «После утреннего чая Ахматова предложила мне пройтись по берегу реки. Мы говорили об общих ленинградских знакомых, я расспрашивал ее о Михаиле Кузмине, о Михаиле Лозинском, о Павле Лукницком, и снова она заговорила об Осипе Мандельштаме, судьба которого ее сейчас очень беспокоит» (Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: «Советский писатель», 1991. С. 194. В публ.: Горнунг Л. В. Записки об Анне Ахматовой).

Августа 3 и 5. Москва. Запись А. К. Гладкова, 3 авг.: «После репетиции "Бориса Годунова" провожаю Всеволода Эмильевича [Мейерхольда] в "Континенталь" и говорю ему о том, как близко то, что он говорил сегодня о Пушкине, высказываниям Мандельштама в его книжке "О поэзии". Я захватил ее с собой. Он просит меня ее принести». 5 авг.: «...В<севолод> Э<мильевич> [Мейерхольд] говорит мне, что не выспался: "читал вашего Мандельштама", что многое замечательно. Спрашивает меня о его судьбе. Он помнит его по "Бродячей собаке" и встречам у Пронина» (*Дневник Гладкова*).

Августа 4. Задонск. Письмо Н. Мандельштам — Н. Н. Грин. «Уже полгода, как Ося серьезно болен. <...> Он перенес острый аортит. Сейчас резкое расширение дуги аорты. <...> Есть признаки рассеянного склероза и, как говорят врачи — несомненный склероз сосудов мозга. У него месяцами было непрерывное головокружение даже в постели. <...> Заработков нет никаких. Ося работу потерял, а мне работу не дают. Все поездки в Москву кончались ничем, и я перестала ездить. <...> Мы живем на то, что нам присылает Женя. <...>

Осины братья за всё время, вдвоем прислали 100 рублей и написали 10 гнусных писем, о том, что больше оторвать у своих детей они не могут. <...> Единственное, что остается, это помощь друзей, и вот о чем я вас прошу: в Москве и Ленинграде сейчас никого нет. Но в Коктебеле наверное отдыхают какие-нибудь писатели. Съездите в Коктебель. Если там есть кто-нибудь из поэтов — Осе помогут. Ни один поэт не откажет» (*РГАЛИ*. Ф. 127. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 1–1 об.).

Августа 15–25. Сообщения в прессе о процессе Зиновьева и Каменева (19 авг. — первый день суда; 24 авг. объявлен приговор; 25 авг. — сообщение о совершенной казни.

Августа конец. На киноэкранах в Воронеже фильм «Новые времена» с Чарли Чаплином.

Августа конец. Письмо С. Б. Рудакову из Воронежа в Ленинград. «В городе нам жить не придется: во-первых, нечего делать, а во-вторых, нам недоступны городские комнаты. Может, в Сосновку переедем. Пишите о себе как можно чаще» (*ПССиП*. Т. 3. № 184).

Сентября начало. Знакомство с Н. Штемпель в квартире на ул. Энгельса вскоре после возвращения из Задонска (*В Воронеже*. С. 22).

Сентября 16. В воронежской газете «Коммуна» — статья И. Черейского «“Каникулы” в Союзе писателей». «На пленуме Союза писателей Воронежской области, состоявшемся в начале апреля этого года, шел разговор о недостатках, которые мешают успешной работе писателей. <...> Воронежская организация Союза Писателей сумела довольно быстро разглядеть явно чуждых ей людей, которые пытались использовать Союз Писателей и журнал “Подъем”, развивая на его страницах путаные и вредные теории, предлагая туда свою литературную продукцию (Калецкий, Айч, Стеффен, Мандельштам)».

Сентября 28. Докладная записка С. Стойчева о контактах Воронежского ССП с О. М.; направлена в правление ССП В. П. Ставскому (*Нерлер 1991*. С. 93–94).

Сентября 30, Октября 18. В журнале «Курьер виленский» («Kurier Wileński») № 268 помещено стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» в переводе Северина Поллака (Seweryn Pollak). В № 286 помещена его же статья «Перспективы» («Perspektywy»), посвященная Хлебникову. Один из эпиграфов — «Хлебников прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие...» (с. 12) взят из статьи О. М. «О природе слова».

Октября 10. На киноэкранах в Воронеже — фильм «Огни большого города».

♦ По воспоминаниям Н. Штемпель, вместе с О. М. «смотрели фильм “Огни большого города” с Чарли Чаплином» (*В Воронеже*. С. 35).

Октября 27. Арест В. И. Нарбута.

Ноября 25. Запись М. М. Пришвина о разговоре Пастернака со Сталиным, касавшемся ареста О. М. (Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб.: «Росток», 2010. С. 369).

Ноябрь (?). Переехали в комнату дома театральной портнихи по адресу: ул. 27 Февраля, д. 50, кв. 1.

♦ Из воспоминаний: «В последний год в Воронеже, в “домике без крыльца”, изоляция дошла до предела. <...> Два человека — Вишневский и Шкловский — передавали ему [Е. Я. Хазину] в ту зиму по сто рублей в месяц, и он посылал их нам. <...> Знакомые на улице отворачивались или глядели на нас, не узнавая. <...> Одни только актеры <...> улыбались и подходили к нам даже на главной улице. <...> Домой к нам заходили только Наташа Штемпель и Федя [Маранц]» (*Воспоминания*. С. 169).

Осень. Владимир Набоков работает над созданием романа «Дар». В черновой редакции первой главы образцом для эпигонской поэзии Яши Чернышевского были названы «правительственные здания Мандельштама» из его «Петербургских строф» (1913), в окончательном тексте заменено словами «снежок на торцах акмеизма»: «Он в стихах, полных модных банальностей, воспевал “горчайшую” любовь к России, — есенинскую осень, голубизну блоковских болот, снежок на торцах акмеизма и тот невский гранит, на котором едва уж различим след пушкинского локтя». «В английском переводе “Дара”, по сути дела, вернулся к первоначальному варианту, заменив “торцы акмеизма” на “торцы мандельштамовского неоклассицизма” (wooden paving blocks of Mandelstam’s neoclassicism)» (Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: «Симпозиум», 1999–2000. Т. 4. С. 225, 647–648. В коммент. А. А. Долинина).

Декабря 6–9. — Дата стихотворения «Из-за домов, из-за лесов...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 208).

Декабря 8. — Дата начала работы над стихотворением «Рождение улыбки» (*ПССиП*. Т. 1. С. 209).

Декабря 9–27. — Дата стихотворений «Мой щегол, я голову закину...», «Не у меня, не у тебя — у них...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 209–210).

Декабря 9–28. — Дата стихотворения «Нынче день какой-то желторотый...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 210).

Декабря 10–26. — Дата стихотворения «Внутри горы бездействует кумир» (*ПССиП*. Т. 1. С. 210).

Декабря 12. Письмо к отцу из Воронежа в Ленинград (*ПССиП*. Т. 3. № 185).

Декабря 12. Воронеж. Письмо Н. Мандельштам — Корнею Чуковскому. Сообщает о получении «открытки» от К. Чуковского; о болезни О. М.; о материальном положении; об одиночестве; о новом цикле стихов. Прилагает 2 стихотворения (*Из архива Чуковского*. С. 36–38).

Декабря 14. — Дата стихотворения «Я в сердце века. Путь неясен...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 211).

Декабря 15–27. — Дата стихотворения «Пластинкой тоненькой жиллета...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 212).

Декабря 16. Воронеж. Письмо Н. Мандельштам — К. Чуковскому. Сообщает о получении письма от К. Чуковского. Обсуждает

трудности получения переводной работы. Прилагает стихотворение (*Из архива Чуковского.* С. 38–39).

Декабря 16–18. — Дата стихотворения «Сосновой рощицы закон...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 211).

Декабря 19. Письмо «В редакцию “Звезды”» с просьбой «нанести поправки к присланным мною на этих днях стихам» (*ПССиП.* Т. 3. № 186; *Сеславинский 2016.* С. 255).

Декабря 19. Письмо Н. Мандельштам — Е. Я. Хазину. «Теперь: приехать мне, очевидно, придется. Иначе на что же жить? Но не сейчас. Я должна побыть здесь до января. Потом, я думаю, маме всё же придется приехать, и я ручаюсь, что с Осей ей будет хорошо. <...> Женюша: 1) Ося обижается, что ты молчишь о его стихах. 2) Уверяет, что если к нему приедет мама, он будет с ней писать стихи» (*ПССиП.* Т. 3. С. 844)».

Декабрь, 23–25. — Дата стихотворения «Где я? Что со мной дурного?..» (*ПССиП.* Т. 1. С. 213).

Декабрь, 23–27. — Дата стихотворения «Ночь. Дорога. Сон первичный...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 213).

Декабря 24. Письмо Н. Мандельштам — К. Чуковскому. При посылке стихотворения (*Из архива Чуковского.* С. 40).

Декабрь, 26. — Дата стихотворений «Вехи дальние обоза...», «Шло цепочкой в темноводье...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 213–214).

Декабря 28. Письмо Н. Мандельштам — К. Чуковскому. О своей готовности выполнять переводы. При посылке «окончательного текста четырнадцати стихотворений» (*Из архива Чуковского.* С. 40–45).

Декабрь, 29–30. — Дата стихотворений «Как подарок запоздалый...», «Оттого все неудачи...» (*ПССиП.* Т. 1. С. 215).

Декабря 31. Письмо к Н. С. Тихонову со стихотворениями «Кащеев кот» и «Как подарок запоздалый...». «Вам, делегату VIII-го съезда (я слышал по радио ваше прекрасное мужественное приветствие съезду), я сообщаю: я тяжело болен, заброшен всеми и нищ. На днях я еще раз сообщу об этом в наше НКВД и сообщу, если понадобится, правительству. Здесь, в Воронеже, я живу как в лесу. Что люди, что деревья — толк один. Я буквально физически погибаю. Чего я жду от вас? Добейтесь до разрешения общего вопроса, что может затянуться, — немедленной конкретной помощи — не частной — ну ее к черту, — но скромной организованной советской поддержки. Имейте в виду, что служить я не могу, потому что стал не в шутку инвалидом. Не могу также переводить, потому что очень ослабел, и даже работа над своим стихом, которую я не могу отложить, стоит мне многих припадков. Избавьте меня от бродяжничества (я еле держусь на ногах), избавьте от неприкрытого нищенства. Телеграфируйте мне о получении этого письма, примите самые решительные меры, потому что нет имени тому, что происходит со мной в Воронеже. Дальше так продолжаться не может». Указан адрес: Воронеж, ул. 27 Февраля, д. 50, кв. 1 (*ПССиП.* Т. 3. № 187).

Декабрь. — Дата стихотворений «Подивлюсь на свет еще немного...», «Когда щегол в воздушной сдобе...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 209, 214).

Декабрь. — Дата стихотворения «А мастер пушечного цеха...» (предположительно) (*ПССиП*. Т. 1. С. 211).

1937

Начало года. Письмо в неустановленный адрес (черновое). «Я тяжко и неизлечимо болен и лишен всякой возможности лечиться. Мне нечего есть. Я живу в нищете. Все общественные организации в том числе держат меня под абсолютным бойкотом. Вся эта картина сложилась за последние несколько месяцев, причем вся моя воронежская деятельность не дает к этому ни малейшего повода. Всё, что мне открыто, — это возможность после многомесячной волокиты получить рублей двадцать ежемесячной собезной пенсии как бродяге без всякого трудового стажа» (*ПССиП*. Т. 3. № 195).

Января 2. Исправил в своем экземпляре книги «Стихотворения» (1928) текст стихотворения «Мы напряженного молчанья не выносим...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 537).

Января 2. — Дата стихотворения «Твой зрачок в небесной корке...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 216).

Января 2. Письмо к Б. Пастернаку. «Дорогой Борис Леонидович. Когда вспоминаешь весь великий объем вашей жизненной работы, весь ее несравненный жизненный охват — для благодарности не найдешь слов» (*ПССиП*. Т. 3. № 189). Письмо не было отправлено адресату: 2 декабря 1945 г. Н. Мандельштам писала Пастернаку: «Я нашла старое неотправленное письмо Оси к вам и просила передать его вам. Оно было про вас и про Осину к вам любовь. Он ведь вас очень любил. Когда-то вдруг написал, а потом запечатал и не отправил» (*ПССиП*. Т. 3. С. 841).

Января 4 и 8. Письма к Е. Э. Мандельштаму в Ленинград. О недостаточности оказанной им материальной помощи (*ПССиП*, Т. 3. № 190, 191).

Января 9. — Дата стихотворений «Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста...» и «Я около Кольцова...» (предположительная) (*ПССиП*. Т. 1. С. 216–217).

♦ Из воспоминаний: «В начале января 1937 года, когда О. М. только что записал “Улыбнись, ягненок гневный”, к нам пришел мальчишка, совершенный сопляк, и, усевшись, сказал, что “писатели должны сотрудничать с читателями”. Песенка была знакомая: он добивался, чтобы О. М. выдал для переписки новые стихи. За этим его и прислали, но забыли проинструктировать — он путался, врал, нес ахинею и не сумел даже толком объяснить, что ему нужно. <...> Сгоряча О. М. выгнал непрошеного гостя, а потом сам над собой смеялся: экая блажь пришла в голову — требую, чтобы ко мне присылали квалифицированных сексотов! Но когда на смену изгнанному явился

второй, постарше, но той же квалификации, О. М. уже не смеялся, а просто “забился в падучей” — я опять прибегаю к терминологии Ахматовой. <...> Воронежский стукач, сменивший изгнанного сопляка, приходил, когда ему вздумается, в самое неурочное время: утром, вечером, днем — да к тому же без стука — дверь в “домике без крыльца” обычно не запиралась, потому что Вадик, горячий участник птичьего торга и знаток снегирей и щеглов, непрерывно гонял на улицу. Новый стукач так неожиданно возникал на пороге, что мы только ахали и не успевали убрать со стола рукописи. Не раздеваясь, он присаживался к столу и начинал перебирать бумаги, сопровождая это занятие своими комментариями: “Сколько здесь куплетов? Ничего не разберешь — что за почерк! Вот у нее (то есть у меня) хороший”... О. М. вырывал у него рукописи и в бешенстве рвал их на куски. Потом приходилось восстанавливать записи по памяти, и это еще больше разжигало наше бешенство. <...> В работе уже была “Нищенка” — “Несчастлив тот, кого, как тень его, Пугает лай и ветер косит”*, когда О. М. позвонил в ГПУ и потребовал приема у начальника. Он этого добился вопреки всем обычаям; нормально было бы, если б ему предложили написать заявление и опустить его в специальный ящик в комендантской. Общение со всяким начальством ведется у нас такими заявлениями, которые опускаются в ящик. Я узнала об этой затее, когда прием уже был назначен, и пошла в “большой дом” вместе с О. М. После припадка стенокардии летом 36 года О. М. избегал выходить один. Он даже не пошел бы звонить по телефону без меня, если б телефонная станция с ближайшим автоматом не находилась в двух шагах. Кстати, Наташа вспомнила, что однажды они вышли вместе погулять и О. М. потащил ее к автомату, позвонил в ГПУ и справился, назначен ли уже прием. От меня он попросил это скрыть — знал, что я буду против: всё равно ничего не выйдет, а напоминать о себе не следует... В комендантской после недолгих переговоров нам выдали пропуск на двоих — в Воронеже знали, что О. М. болен и один не выходит. Нас принял заместитель начальника, человек общекрасноармейского типа. Этот типаж часто встречается среди высших начальников карательных учреждений. О. М. уверял, что таких специально держат для внешних сношений, чтобы по их широким, открытым лицам нельзя было бы прочесть того, что делается “внутри”. Тот, который принимал нас, вскоре перешел в кинематографию, и Шкловский уверял, что с ним можно иметь дело — широкий человек... Вероятно, симпатией кинематографистов пользовался и Фурманов-младший, проделавший тот же путь. <...> Воронежский начальник принял нас в огромном кабинете с такими же дверями или шкафами, как у московского следователя. Он спросил у О. М., какое у него дело, и поглядывал на нас с явным любопытством — не потому ли он нарушил обычай и принял нас,

* Стихотворение «Еще не умер ты. Еще ты не один...».

что ему захотелось посмотреть, какая птица сидит у него в клетке? Ведь у начальников тоже бывают человеческие слабости. <...> О. М. сказал, что пришел по двум вопросам. Первый — как заработать денег на жизнь. Ссыльного не принимают на работу ни в какое учреждение, иначе принявшего выгонят вместе с принятым, обвинив в "отсутствии бдительности". Биржи труда — нет. Как осуществить право на труд? Сейчас перед О. М. все двери закрыты, но пока его пускали, он неоднократно обращался в советские и партийные организации с этим вопросом. <...> — А чем вы сейчас занимаетесь? — прибавил он. О. М. ответил, что, не имея никакой оплачиваемой работы, он занимается испанским языком и литературой, в частности одним поэтом, евреем по национальности, который много лет просидел в подвалах инквизиции и каждый день сочинял по сонету. Выпущенный на волю, он записал свои сонеты, но вскоре его снова забрали и посадили на цепь. Неизвестно, продолжал ли он и тогда свою поэтическую деятельность... Может, в клубе МГБ можно организовать кружок испанского языка и поручить О. М. руководство? Я не могу сказать наверняка, но кажется, ко времени приема до нас уже дошли слухи об аресте ленинградских испанистов, и О. М. поэтому из всех своих занятий выбрал это, чтобы сообщить начальнику. Начальник очень удивился, услыхав про испанские проекты О. М. Он ответил, что "наши молодцы" вряд ли заинтересуются испанским языком. Мне кажется, он даже не оценил рассказа про инквизицию и только недоумевал, что за чудак сидит перед ним... — А почему вам не помогают родные или друзья? — внезапно спросил он. О. М. ответил, что родных нет, а друзья при встречах отворачиваются, а на письма не отвечают: "Вы сами понимаете, почему"... — Мы никому не запрещаем встречаться с ссыльными, — добродушно рассмеялся начальник и предложил перейти ко второму вопросу. Оказалось, что речь идет о стихах: О. М. предложил начальнику отправлять ему все новые стихи по почте. "Чтобы вам не приходилось ради этого отрывать от дела своих работников", — пояснил он. Ему хотелось, как он мне потом сказал, повторить за начальником слово "молодцы": «Зачем вашим молодцам таскаться ко мне за стихами?" Но от этой сугубо патриархальной терминологии он, к счастью, воздержался» (*Воспоминания*. С. 198–203).

Января 12–18. — Дата стихотворений «Дрожжи мира дорогие...», «Влез бесенок в мокрой шерстке...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 217–218).

Января 13. Письмо в редакцию журнала «Звезда». При посылке стихотворений. «Сообщаю вам продолжение моей работы над новой книгой стихов, которую я пишу в Воронеже» (*ПССиП*. Т. 3. № 193).

Января 15–16. — Дата стихотворения «Еще не умер ты. Еще ты не один...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 218).

Января 16. — Дата стихотворений «В лицо морозу я гляжу один...», «О, этот медленный, одышливый простор...», «Что делать нам с убитостью равнин...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 219).

Января 17. — Дата окончания работы над стихотворением «Рождение улыбки» (*ПССиП*. Т. 1. С. 209).

Января 19. — Дата стихотворения «Я нынче в паутине световой...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 220).

Января 19 — Февраля 4. — Дата стихотворения «Где связанный и пригвожденный стон?..» (*ПССиП*. Т. 1. С. 223).

Января 20. — Дата стихотворения «Как землю где-нибудь небесный камень будит...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 220).

Января 20. Письмо Н. С. Тихонова — зав. отделом художественной литературы ЦК ВКП(б) и члену Секретариата ССП В. Я. Кирпотину. Пересылает письмо О. М. от 31.12.36, № 187 с просьбой сообщить о принятых мерах (*РГАЛИ*. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 244. Л. 25).

Января 21. Письмо к Ю. Н. Тынянову. «Дорогой Юрий Николаевич! Хочу Вас видеть. Что делать? Желание законное. Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень» (*ПССиП*. Т. 3. № 194).

♦ Из воспоминаний Н. Штемпель; «С этого письма я тогда сняла копию по просьбе Осипа Эмильевича. Она сохранилась в бумагах Надежды Яковлевны» (*В Воронеже*. С. 39).

Января 22. — Дата стихотворения «Слышу, слышу ранний лед...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 221).

Января 24. — Дата стихотворения «Люблю морозное дыханье...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 222).

Январь. — Дата стихотворения «Средь народного шума и спеха...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 223).

Январь. Письмо к Е. Э. Мандельштаму. «Слушай, Женя: дело не в том, пришлешь ты эти деньги или нет. Такой вид помощи, такое безбрежное равнодушие становится чудовищным» (*ПССиП*. Т. 3. № 192).

Январь. — Предположительная дата стихотворения «Как женственное серебро горит...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 220).

Январь–февраль. — Дата стихотворения «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (предположительно) (*ПССиП*. Т. 1. С. 311).

♦ Из воспоминаний: «Чтобы написать такую “Оду”, надо настроиться, как инструмент, сознательно поддаться общему гипнозу и заворожить себя словами литургии, которая заглушала в наши дни все человеческие голоса. Поэт иначе ничего не сочинит — готового умения у него нет. Начало 37 года прошло у О. М. в диком эксперименте над самим собой. Взвинчивая и настраивая себя для “Оды”, он сам разрушал свою психику. “Теперь я понимаю, — сказал он Анне Андреевне, — это была болезнь”. “Почему, когда я думаю о нем, передо мной всё головы — бугры голов? Что он делает с этими головами?” — говорил мне О. М.» (*Воспоминания*. С. 197).

Февраля 1. — Дата стихотворения «Куда мне деться в этом январе?..» (*ПССиП*. Т. 1. С. 221).

Февраля 3–11. — Дата стихотворения «Обороняет сон мою донскую сонь...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 226).

Февраля 4. — Дата стихотворений «Как светотени мученик Рембрандт...», «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 224).

Февраля 7–11. — Дата стихотворения «Еще он помнит башмаков износ...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 226).

Февраля 8. — Дата стихотворений «Пою, когда гортань сыра, душа — суха...», «Вооруженный зреньем узких ос...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 225).

Февраля 9. — Дата стихотворения «Были очи острее точимой косы...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 225).

Февраля около 9. Письмо к К. И. Чуковскому. «Я обращаюсь к вам с весьма серьезной для меня просьбой: не могли бы прислать мне сколько-нибудь денег. Я больше ничего не могу сделать, кроме как обратиться за помощью к людям, которые не хотят, чтобы я физически погиб» (*ПССиП*. Т. 3. № 196).

Февраля 10. С этого числа начались «пушкинские дни». Из воспоминаний Н. Штемпель: «Помню, в пушкинские дни мы с Осипом Эмильевичем пришли на выставку в университетскую фундаментальную библиотеку. И Осип Эмильевич заметил, что из стихотворения Лермонтова “Смерть поэта” выброшены организаторами выставки строчки <...> Осип Эмильевич устроил настоящий скандал и успокоился только тогда, когда директор библиотеки обещала восстановить пропущенный текст» (*В Воронеже*. С. 22–23).

Февраля 11. — Дата стихотворения «Как дерево и медь Фаворского полет...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 227).

Февраля 12. — Дата стихотворения «Я в львиный ров и крепость погружен...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 227).

Февраля 24. — Дата шуточных стихотворений «Наташа спит. Зефир летает...», «Искусств приличных хоровода...», «О, эта Лена, эта Нора...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 337).

Февраля 27. На заседании пленума ЦК ВКП(б) арестован Н. И. Бухарин.

Февраль. — Дата стихотворения «Если б меня наши враги взяли...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 311).

Марта 1. Надписал Н. Е. Штемпель книгу «Стихотворения» (*В Воронеже*. С. 41).

Марта 2. — Дата начала работы над «Стихами о неизвестном солдате» (*ПССиП*. Т. 1. С. 231).

Марта 3. — Дата стихотворения «Я молю, как жалости и милости...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 232).

Марта 4. — Дата стихотворения «Я видел озеро, стоявшее отвесно...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 232). См.: *В Воронеже*. С. 26.

Марта 6. — Дата стихотворения «На доске малиновой, червонной...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 233).

♦ Из воспоминаний Н. Штемпель: «Как-то ранней весной, в самых первых числах марта, когда везде еще лежал снег (в том году

его было очень много), Осип Эмильевич зашел к нам, и мы пошли гулять. Были уже сумерки. Мы дошли до конца улицы Каляева, на которой я жила, и остановились на крутой горе; улица спускалась вниз, на Степана Разина, а напротив поднималась тоже крутая и высокая гора, так начиналась Логовая. В синих сумерках на горе и внизу загорались огоньки окон. <...> Так запечатлел Осип Эмильевич кусочек моего города в стихотворении, которое он прочитал на другой день» (*В Воронеже*. С. 31).

Марта 6. Письмо к Н. С. Тихонову из Воронежа в Ленинград. «На этот раз я прошу лично вас помочь мне деньгами. С огромной радостью я верну вам этот долг, если когда-нибудь будет принята к печати моя новая книга стихов» (*ПССиП*. Т. 3. № 197).

Марта 9. — Дата стихотворений «Я скажу это начерно, шепотом...», «Небо вечери в стену влюбилось...», «Заблудился я в небе — что делать?..» (1) (предположительно) (*ПССиП*. Т. 1. С. 233–234).

Марта 9–19. — Дата стихотворения «Заблудился я в небе — что делать?..» (2) (*ПССиП*. Т. 1. С. 235).

Марта 11. Письмо в редакцию журнала «Знамя» со стихотворением «Неизвестный солдат» (*ПССиП*. Т. 3. № 198).

♦ Из воспоминаний: «Ответ пришел только один раз — на “Неизвестного солдата”. Редакция “Знамени” сообщала, что войны бывают справедливые и несправедливые и что пацифизм сам по себе не достоин одобрения. Но жизнь была такова, что даже этот казенный ответ показался нам благой вестью: всё же кто-то откликнулся и разговаривает!» (*Воспоминания*. С. 171).

Марта 15. — Дата стихотворения «Может быть, это точка безумия...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 235).

Марта 16. — Дата стихотворений «Не сравнивай: живущий несравним...», «Рим» (*ПССиП*. Т. 1. С. 236–237).

Марта 18. — Дата стихотворения «Чтоб, приятель и ветра и капель...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 238).

Марта 20. Записка К. Чуковскому при посылке стихотворения «Заблудился я в небе — что делать?..» (*ПССиП*. Т. 3. № 199).

Марта 21. — Дата стихотворения «Длинной жажды должник виноватый...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 239).

Марта 22. Внес поправку в стихотворение «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» в своей книге «Стихотворения» (1928) (*ПССиП*. Т. 1. С. 569–570).

Марта 27. — Дата стихотворения «О, как же я хочу...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 239).

Март. — Дата стихотворений «Гончарами велик остров синий...», «Нереиды мои, нереиды!..», «Решенье» (последнее — предположительно) (*ПССиП*. Т. 1. С. 239–240, 339).

Апреля начало. Письмо к В. Я. Хазиной с просьбой приехать в Воронеж на время поездки Н. Мандельштам в Москву (*ПССиП*. Т. 3. № 200).

Апреля 7. — Дата стихотворения «Флейты греческой тэта и йота...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 240).

Апреля 10. Письмо к Е. Я. Хазину. «Дорогой Евгений Яковлевич, еще раз вам сообщаю, что Надя больна. <...> Не лишнее вам сообщить, что на днях получил письмо от "Знамени", письмо вполне товарищеское, но с отклонением стихов. Это весьма отрадно. Потому что явилось просветом в беспредельной покинутости. <...> В Воронеже мы начисто изолированы. С 13 числа средства на жизнь, т. е. чай, хлеб, кашу, яичницу, — иссякают. Занять не у кого» (*ПССиП*. Т. 3. № 201).

Апреля 17. Письмо Е. Я. Хазина — Е. Э. Мандельштаму. «Костарев совсем распоясался. <...> Костарев сумел всё же противозаконно закрепить за собой комнату, и домоуправ открыл ему личный счет. Этого ему мало: он хочет оттяпать всю квартиру. Для этого жена его (совершенная торговка) устраивает скандалы и систематически травит маму. <...> Настойчиво требую Вашего вмешательства. Квартиру нужно менять, и как можно скорей, во избежание крупного скандала, в который, волей-неволей, будете втянуты и Вы» (*В переписке семьи*. С. 97).

♦ Из воспоминаний: «Наша квартира была кооперативной, и мы заплатили за нее крупные деньги. По закону мы стали собственниками, и без нашего разрешения у нас никого прописывать не разрешалось. Вот с этими кооперативными квартирами начались осложнения, то есть семьи исчезнувших пробовали удержаться в них и противиться вселению новых жильцов — поэтому уже подготовлялся новый закон, отменявший все права кооперативных застройщиков. Закон еще не был издан, о нем заговорили где-то на самом верху, и появился он едва ли не в конце 38 года, но у нас даже не изданный закон имеет обратную силу» (*Воспоминания*. С. 270).

Апреля около 17. Письмо к К. И. Чуковскому. «У меня есть одно только право — умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. В Союз писателей — не обращайтесь, бесполезно. Они умоют руки. Есть один только человек в мире, к которому по этому делу можно и должно обратиться. Ему пишут только тогда, когда считают своим долгом это сделать. Я — за себя не поручитель, себе не оценщик. Не о моем письме речь. Если вы хотите спасти меня от неотвратимой гибели — спасти двух человек — пишите» (*ПССиП*. Т. 3. № 202).

Апреля около 17. Записка Н. С. Тихонову. О крайнем неблагополучии своего положения (*ПССиП*. Т. 3. № 203).

Апреля 17 или 18. Отъезд Н. Мандельштам в Москву.

Апреля 19. Письмо к жене в Москву. «Вчера мы с мамой пошли в Дом Красной Армии. Я омолодился там в роскошной парикмахерской за 2 р. 50 к. Концерт оказался бесплатным, по особым пропускам. Я взял два: себе и маме. Но пришла Наташа — и ей не дали пропуска. И мама ушла домой (уступив свой Наташе) очень

неохотно: так ей понравился Дом Красной Армии. Себастьян* плясал как сириец, нубиец и фригиец плюс еврей. А играли очень хорошо» (*ПССиП*. Т. 3. № 204).

Апреля 19. Запись Е. С. Булгаковой: «В мое отсутствие к М<ихаилу> А<фанасьевичу> заходила жена поэта Мандельштама. Он выслан, она в очень тяжелом положении, без работы» (Дневник Елены Булгаковой. М.: «Книжная палата», 1990. С. 139).

Апреля 19. Письмо В. Я. Хазиной — Н. Мандельштам из Воронежа в Москву. О бытовых обстоятельствах жизни с О. М. (Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. / Ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппов. Нью-Йорк: Международное лит. содружество, 1969. Т. 3. С. 300).

Апреля вторая половина. Воронеж. Фотография вместе с В. Я. Хазиной во дворике дома по ул. 27 февраля, где Мандельштамы снимали комнату. Фото М. В. Ярцевой.

Апреля 21. Письмо М. А. Цветаева — Е. Поповой из воркутинского лагеря: «Слушал последние известия по радио (“наушники, наушнички мои — и т. д.”**) <…>» (*Видгоф 2012*. С. 385).

Апреля 22. Письмо к жене в Москву. «Этот раз твой отъезд переношу трудно, но спокойнее. Мама твоя очень помогает — всем своим существом, вплоть до раздражающих моментов» (*ПССиП*. Т. 3. № 205).

Апреля 23. В воронежской газете «Коммуна» — статья О. Кретовой «За литературу, созвучную эпохе». «За последние годы в организацию (воронежское обл. отд. союза сов. писателей) пытались проникнуть

* Дирижер Георг Себастьян. См.: Видгоф Л. Вокруг поэта: Эмилий Миндлин, Николаус Бассехес, Георг Себастьян // TSQ. 2015. № 54. С. 182–184.

** Намек на стихотворение О. М., начинающееся этой строкой.

и оказать свое влияние троцкисты и другие классово-враждебные люди (Стефан, Айч, О. Мандельштам), но были разоблачены».

Апреля 26. Письмо к жене в Москву. «Вчера снова водил маму в концерт. Она сидела в ложе бенуара и была горда. Удивлялась, что дали легко контрамарку. Последние дни она совсем спокойна и уютна» (*ПССиП*. Т. 3. № 206).

Апреля 28. Письмо к жене в Москву. «Вчера я гулял с Наташей в парке» (*ПССиП*. Т. 3. № 207).

Апреля 30. Заявление в Секретариат Союза советских писателей относительно измышлений в статье О. Кретовой (см. Апреля 23). «Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания Воронежского областного отделения Союза» (*ПССиП*. Т. 3. № 209).

Апреля 30. Письма к жене в Москву. Посылает заявление на имя В. Ставского, датированное 30-м апреля, и выписку из статьи О. Кретовой (см. Апреля 23). В тот же день копию заявления и выписку посылает на имя Е. Я. Хазина (*ПССиП*. Т. 3. № 208, 209 и 210).

Апреля 30. — Дата стихотворения «Я к губам подношу эту зелень...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 241). См.: *В Воронеже*. С. 33.

Апрель. — Дата стихотворения «Как по улицам Киева-Вия...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 241).

Мая 2. — Дата стихотворения «Клейкой клятвой липнут почки...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 243). См.: *В Воронеже*. С. 50.

Мая 2. Письмо к жене в Москву. «Неужели нашлись любители на “Солдата”*? Я хочу поблагодарить лично этих добряков» (*ПССиП*. Т. 3. № 211).

Мая 4. — Дата стихотворений «К пустой земле невольно припадая...», «Есть женщины, сырой земле родные» и «На меня нацелилась груша да черемуха...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 243–244).

♦ Из воспоминаний Н. Штемпель: «Возвратившись из Москвы, Надежда Яковлевна прочитала мне другое стихотворение: “На меня нацелилась груша да черемуха...” — и, улыбаясь, сказала: “Это о нас с вами, Наташа”» (*В Воронеже*. С. 52).

Мая 4. Письмо к жене в Москву. «Вчера ночью я сбежал от мамы, как испанка от старой дуэньи. В 12 ч. в окно постучали Наташа и ее Борис**. Мама спала. Я тайно выкрался, и пошли в “Бристоль”. Борис поставил на троих одну свиную котлету, три апельсина и бутылку Бордо. Я принес маме апельсин и положил под подушку. Она проснулась и сказала: я не маленькая. Она не заметила, что я уходил. Только что пришло письмо от Рудакова. Разобрал его с колоссальным трудом. Он пишет (кажется?), что стихи неровные и что передать это можно только в разговоре. Большое новое идет от стихов о русской поэзии? Да?» (*ПССиП*. Т. 3. № 212).

---

* Стихотворение «Стихи о неизвестном солдате».

** Б. Е. Молчанов — жених Наташи Штемпель.

Мая 6. Был у Н. Штемпель и читал ей стихи (*ПССиП*. Т. 3. С. 569. В письме 214).

Мая 7. Письмо к жене в Москву (*ПССиП*. Т. 3. № 214).

Мая около 10. Возвращение Н. Мандельштам из Москвы и письмо Б. Пастернака, привезенное ею. «Ваша новая книга замечательна. Горячо Вас с ней поздравляю. Мы с Н<адеждой> Я<ковлевной> отметили и выделили то, что меня больше всего поразило» (*Пастернак ПСС*. Т. 9. С. 112. В источнике датировано: Весна 1937. Переделкино).

Мая 15. Телеграмма Е. Я. Хазину о скором своем возвращении в Москву из Воронежа (*ПССиП*. Т. 3. № 215).

Мая 16. Надписал «Шум времени» Н. Е. Штемпель (*Инскрипты*. С. 214).

Мая около 16. Получена справка в ОГПУ об окончании срока высылки. «Без всякой веры и надежды мы простояли с полчаса в жидкой очереди: “Какой-то нас ждет сюрприз?” — шепнул мне О. М., подходя к окошку. Там он назвал свою фамилию и спросил, нет ли для него чего-нибудь, поскольку срок его высылки окончился. Ему протянули бумажку. В первую минуту он не мог разобрать, что там написано, потом ахнул и вернулся к дежурному в окошке. “Значит, я могу ехать куда хочу?” — спросил он. Дежурный рявкнул — они всегда рявкали, это был их способ разговаривать с посетителями, — и мы поняли, что О. М. вернули свободу. По всей очереди, уныло топтавшейся за нами, словно пробежала искра. Люди зашевелились и начали шептаться. Наш случай, видно, пробудил в них угасшую надежду: если отпустили одного, могут отпустить и другого...» (*Воспоминания*. С. 206).

Мая около 18–20. Отъезд из Воронежа в Москву. «Через несколько дней [после получения справки ОГПУ] мы сидели на груде вещей на воронежском вокзале» (*Воспоминания*. С. 207).

Мая 20-х чисел начало. В Москве.

♦ Из воспоминаний: «Первым гостем у нас была Анна Андреевна. Она пришла утром в первый день нашего приезда утром <...> Он отчитывался во второй и третьей Воронежских тетрадях» (*Воспоминания*. С. 210).

♦ Из воспоминаний: «В мае 1937 года Мандельштамы вернулись в Москву, “к себе” в Нащокинский. Я в это время гостила у Ардовых в том же доме. Осип был уже больным, много лежал. Прочел мне все свои новые стихи, но переписывать не давал никому. <...> Уже год как, всё нарастая, вокруг бушевал террор. Одна из двух комнат Мандельштамов была занята человеком, который писал на них ложные доносы, и скоро им стало нельзя даже показываться в этой квартире» (*Листки из дневника*. С. 214).

♦ Из воспоминаний: «Несколько человек его сразу навестили в Нащокинском. Однажды я отворила по звонку дверь. На пороге стоял мой бывший школьный товарищ Илья Фейнберг. Теперь он стал

профессиональным литератором, автором документальной книги об империалистической войне "1914-й". Но больше всего он интересовался Пушкиным, что позволило ему после Отечественной войны занять одно из ведущих мест среди советских пушкинистов. Осипа Эмильевича он застал лежащим в кровати. Тем не менее радостно поприветствовав "возвращенца", Илья Львович завел с ним разговор о "Пушкине" Ю. Н. Тынянова. Мандельштам читал первые части этого романа в Воронеже и восхитил Фейнберга своими неповторимыми суждениями об этом незавершенном труде Тынянова. Надежда Яковлевна, боясь перевозбуждения Осипа Эмильевича, стала считать ему пульс, а мы с Ильей, уйдя в другую комнату, еще поговорили о судьбах наших школьных товарищей.

В один из этих первых дней Осип Эмильевич стоял лицом к окну возле тахты, собираясь лечь. Вместо этого стал говорить о Москве. Она его тревожила. Чего-то он здесь не узнавал. Об ушедших и погибших друзьях он не говорил. Так все делали. У каждого такие утраты падали на дно души, и оттуда шло тайное излучение, пропитывавшее все поступки, слова, смех... Только не слезы! Такова была специфика тех лет. Осип Эмильевич стал говорить о московских встречах. Это была блестящая импровизация. Мне запомнилось: — ... и загадочный Харджиев с большой головой. Успокоившись, Мандельштам заговорил в раздумье: — И люди изменились... Все какие-то, — он шевелил губами в поисках определения, — все какие-то... какие-то... ПОРУГАННЫЕ. С такой грустью сказал. От самого сердца» (*Герштейн мемуары*. С. 66–67).

Мая около 22–23. Отказ милиции в прописке. Сердечный приступ.

♦ Из воспоминаний: «"Разве в Москве тоже прописывают?" — спрашивал О. М., когда я напомнила ему, что пора подумать о прописке. А тут приехал на денек-другой Костырев, и О. М. сообразил, что тянуть больше нельзя. Он спустился в домоуправление и тотчас прибежал обратно. "Дай свой паспорт!" — сказал он. "А мой зачем? " Оказалось, что после моего отъезда в мае в Воронеж Костырев навел порядок и приготовился к встрече: он выписал меня. До этого я числилась жительницей Москвы, а в Воронеж только "наезжала". Домоуправление даже не знало, что паспорт я обменяла в Воронеже. Как-то это сошло мне с рук... Сам же Костырев успел получить постоянную прописку вместо временной. Для "постоянной" ему полагалось прожить какой-то солидный срок, но он сумел опередить время. "Для Костырева, — сказал управдом, — нам велели сделать исключение"... <...> Костыревская прописка указывала, что ему помогают захватить квартиру, и это было плохим предзнаменованием, но О. М. почему-то ничуть не огорчился» (*Воспоминания*. С. 270).

♦ Из воспоминаний: «"Сдаваться еще рано", — сказал наутро О. М. и пошел в Союз писателей к Ставскому, но тот его

не принял: раньше чем через неделю, — передал он через секретаря, — он принять О. М. не сможет, потому что занят по горло. Из Союза О. М. бросился в Литфонд, и там на лестнице с ним случился припадок стенокардии. Вызвали скорую помощь и доставили О. М. домой, приказав лежать. О. М. только этого и хотел: он надеялся дождаться приема у Ставского и через него добиться прописки. Ему было невдомек, что, умывая руки, все эти ставские, которые служат посредниками между нами и нашими хозяевами, всегда говорят, что они заняты: минутки не могут уделить... <...> В довольно хорошем настроении О. М. полеживал на "бессарабской линейке", и каждый день к нему приходил врач из Литфонда. <...> Так или иначе, Литфонд старался чем-то помочь, а в наших условиях — это вещь удивительная: уравниловки ведь у нас не было и нет, и каждому положено лишь то, чего он заслужил» (*Воспоминания*. С. 277–278).

Мая 24. Из записи А. К. Гладкова: «...Ночью встреча в ресторане "Аврора" (на Петровских линиях) с совершенно пьяным Олешей и Мирским. <...> Я шапочно знаком с Олешей, и он зовет меня к их столику. Сижу с ними минут пятнадцать. Истерическая бравада Мирского. Он читает "Я скажу тебе с последней прямотой" Мандельштама. Олеша острит над папанинцами. За столиком явно наблюдают. Я тихо говорю об этом Ю. К., он начинает громко кричать: "Где? Покажите мне Видока!" Мирского он зовет "мон принц"» (*Дневник Гладкова*).

Мая 25. Справка врача Разумовой из поликлиники Литфонда о сердечном приступе и необходимости режима абсолютного покоя (*Архив Мандельштама*).

Мая 26 — Июня 23. Больничный лист О. М., выданный поликлиникой им. профессора Снегирева (*Архив Мандельштама*).

Май. — Дата стихотворения «С примесью ворона голуби...» (предположительно) (*ПССиП*. Т. 1. С. 312). Воспоминания Е. Поповой о чтении этого стихотворения в присутствии Ахматовой (*РГАЛИ*. Ф. 2440. Оп. 1. Ед.хр. 61. Л. 152; *После Воронежа*. С. 71).

Май. Э. Герштейн в Нащокинском записывает под диктовку О. М. «Стихи о неизвестном солдате» (*Герштейн мемуары*. С. 67–68).

Июня 7 или 8. Письмо Е. Поповой — В. Яхонтову. «Как я провожу время? Большую часть времени у Мандельштамов. Союз их поддерживает, дает деньги. Осипа Эм. лечат врачи, на днях стихи его будут заслушаны в Союзе, на специальном собрании... Они очень привязались ко мне ("всеми любимая, всеми уважаемая"). Осип Эмильевич, если не ошибаюсь, вздумал "открыть" меня <...> он помолодел лет на двадцать, выглядит хулиганистым мальчишкой и написал мне стихи, которые прячет от Надежды Яковлевны (!!) <...> Только что уехали посетившие меня Мандельштамы. <...> Мандельштамы предлагают сдать свою квартиру Союзу и взамен просить общую дачу вместе жить» (*РГАЛИ*. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 9–10 об.; *После Воронежа*. С. 70).

Июня 10. А. Ахматова и Э. Герштейн в гостях у О. М. в Нащокинском (*Герштейн мемуары*. С. 67)

Июня 10. Письмо к отцу в Ленинград (*ПССиП*. Т. 3. № 216).

Июнь, первая половина. Копия заявления на имя В. П. Ставского. О его запросе в Литфонд относительно состояния здоровья О. М. Упоминается проф. Роменкова (*ПССиП*. Т. 3. С. 600).

Июня середина. Запись дневника Э. Ф. Голлербаха: — Мандельштам, говорят, написал стихи о Сталине. До сих пор они не напечатаны, но критик Сурков уже занес Манд<ельштама> в актив советской поэзии» (*Слово и судьба*. С. 109–110. Публ. Е. А. Голлербаха).

Июнь, не позднее 23. Сыщик-«монтер». С. Б. Рудаков у Мандельштамов. Выдворение из Москвы.

♦ «Приехал Костырев, покрутился, стуча дверями, и ушел, сообщив моей матери, что пробудет несколько дней в Москве. Вскоре он вернулся и оставил свою дверь к нам в комнату открытой. Мы — у нас еще сидел Рудаков, находившийся в Москве проездом из Ленинграда в Крым, — решили, что Костырев просто подслушивает, но оказалось, что он ждет посетителя. Этого посетителя он к себе в комнату не провел, но остановился с ним в нашей комнате, где мы сидели за шкафом. Разговаривал он с пришедшим о проводке. Посетитель, очевидно, монтер, советовал проводку менять, и у меня даже мелькнула мысль, что Костырев становится чересчур хозяйственным. “Что-то не то», — вдруг сказал О. М., насторожившись. Я не успела остановить его: мне показалось, что у него снова начались галлюцинации, потому что он выскочил из-за шкафа и подошел прямо к монтеру: “Нечего притворяться, — сказал он, — говорите прямо, что вам нужно — не меня ли?” “Что он делает”, — в отчаянии шепнула я Рудакову, в полной уверенности, что О. М. бредит. Но, к моему удивлению, монтер принял это как должное. Еще две-три реплики, и они показали друг другу документы. Тот, кто минуту назад изображал монтера, потребовал, чтобы О. М. шел за ним в милицию. У меня было смешанное чувство ужаса и радости. Мелькнули две мысли: “Уж не вышлют ли его этапом?” и “Слава Богу, это не галлюцинации”... О. М. увели в милицию. Рудаков побежал за ним. Но доставить преступника в участок не удалось: по дороге его опять хватил припадок. Вызвали скорую помощь, и наверх его внесли на кресле, которое раздобыли в нижней квартире у Колычева. Пока врач возился с О. М., сыщик-монтер сидел в комнате. Когда О. М. отлежался, он показал странному гостю все свои медицинские справки. “Дайте ту, с треугольной печатью”, — сказал сыщик и, забрав справку Разумовой, пошел к Костыреву звонить по телефону. Получив инструкцию, он вернулся к нам: “Пока лежите”, — и ушел.

Несколько дней О. М. пролежал. Каждый день, утром и вечером, приходили наш монтер или его сменщики — все в штатском. Кроме них приезжали врачи. Днем О. М. развлекался: “Сколько у них со мной хлопот!” и рассуждал о том, что к нам пришли бы ночью, если

б он вовремя не сообразил, что за птица этот монтер... <...> Утром мы выдержали визит монтера, который обещал прислать "своего врача". Вечернего сыщика мы дожидаться не стали и ушли из дому. Ночевали мы у Яхонтова, развлекаясь, как могли. Днем я пришла домой, чтобы приготовить вещи к отъезду, но Костырев сбегал в милицию и на этот раз туда потащили меня. "Где Мандельштам?" "Уехал". "Куда?" "Не знаю"... Мне приказали покинуть Москву в двадцать четыре часа. За свою работу Костырев получил комнату О. М. размером в 16 метров. Там и сейчас живут его вдова и дочь» (*Воспоминания*. С. 278–279).

♦ «Три дня мы просидели у Яхонтова, обложившись картами Московской области. Выбрали мы Кимры» (*Воспоминания*. С. 279).

♦ Из воспоминаний Е. Поповой: «Он приезжает ко мне на [Новое] Шоссе, с женой, Надеждой Яковлевной. Они ночуют у меня в маленькой комнате. Моя Катя ворчит, что они топчут простыни и суют окурки в хлеб. Мандельштам оставляет у меня черновик своего стихотворения (перевод). <...> Яхонтов читает ему "Новые плоды". Дни проводим в разговорах о литературе и в дыму. Через два дня они уезжают в Савёлово» (*РГАЛИ*. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 153).

Июня 26. Савёлово. Посылает телеграмму Е. Поповой в Москву с упоминанием о поездке на канал «Волга–Москва» (*ПССиП*. Т. 3. № 217).

♦ Из воспоминаний: «В 37 году [А. К.] Лахути устроил О. М. командировку от ССП на канал. Доброжелательный перс надеялся, что О. М. что-нибудь сочинит и тем спасет себе жизнь» (*Воспоминания*. С. 42).

Июля 3. — Дата стихотворения «Пароходик с петухами...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 249).

Июля 4. — Дата стихотворения «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» (*ПССиП*. Т. 1. С. 250).

Июля 4–5. Савёлово. — Дата и помета под «Стансами» (*ПССиП*. Т. 1. С. 314).

♦ Из Савёлова поездка в Переделкино к Пастернаку. Поездки в Москву. Встречи с Л. Бруни и др. Деньги от В. Катаева, Евг. Петрова, Михоэлса, Яхонтова (*Воспоминания*. С. 286–287).

Июля около 15. В Савёлово приезжает Наташа Штемпель. Читает ей новые стихи. На следующий день — концерт Яхонтова в Москве, посвященный 100-летию со дня смерти Пушкина (*В Воронеже*. С. 14–15).

Июля 16. Концерт Яхонтова, посвященный 100-летию гибели Пушкина (Источник даты: Мандельштам О. Э. Собр. соч. М: Арт-Бизнес-Центр, 1997. Т 4. С. 467).

♦ Из воспоминаний Н. Штемпель: «Мы условились встретиться вечером на концерте Яхонтова. <...> Концерт был посвящен столетию со дня гибели Пушкина. Мы с мужем немного опоздали. Нас всё

же впустили в зал, мы сели на свои места. Мандельштамов не было. И вдруг, когда кончилось первое отделение, Осип Эмильевич, увидев нас, спрыгнул со сцены прямо в партер. Он был за кулисами. После концерта мы вчетвером, зайдя в гастроном и купив, кажется, ветчину и сухое вино, отправились на квартиру [Л. М.] Наппельбаума, где остановились Мандельштамы (хозяева, очевидно, были на даче)» («Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. М.; Воронеж: «Кварта», 2008. С. 22–23).

Июля 17. Запись в дневнике Е. Поповой: «Расстроили меня, обозлили два звонка М<андельштама>, даже три. Это непроходимый, капризный эгоизм. Требование у всех, буквально, безграничного внимания к себе, к своим бедам и болям. В их воздухе всегда делается “мировая история” — не меньше, — и “мировая история” — это их личная судьба, это их биография» (*РГАЛИ*. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 166; *Видгоф 2012*. С. 356–357).

Июля 18. Запись дневника Е. Поповой: «18-го неожиданно приехал О. Э. и увез меня к Шкловскому. Ехали в машине под проливным дождем, настоящим ливнем. Стояли машины, улицы превратились в реки. Познакомилась с Виктором Шк. Провела с ними день. Вечером поздно вернулась домой. Запомнился разговор Осипа Эм. со Шкловским об искусстве. Очень сложно, запутанно. Пили вино со сливами» (*РГАЛИ*. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 166).

Июля 20. Получил пособие от Союза советских писателей в размере 300 руб. (*РГАЛИ*. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 269. Л. 4).

Июля 21. Прага. Письмо А. Л. Бема к В. Ф. Ходасевичу. «Еще Осип Мандельштам в последние дни мучает меня. Правда ли, что он сошел с ума?» (Диаспора: новые материалы. Вып. IV. Париж: «Athenaeum»; СПб.: «Феникс», 2002. С. 449. В публ. Л. Ливака «Критическое хозяйство Владислава Ходасевича»).

Июля 31. Арест С. А. Клычкова.

Июль. Письмо В. Б. Шкловского — Ю. Н. Тынянову. «Четыре дня был у меня Мандельштам с новыми стихами. Его дела не то налаживаются, не то разлаживаются. <...> Если бы я был здоровее, я бы поддержал его» (*Гамбургский счет*. С. 541).

Июль. Поездка в Ленинград.

♦ Из воспоминаний: «Неудача с вечером не подкосила О. М. “Надо всё отложить до осени”, — сказал он. Москва, как всегда, к июлю опустела, поэтому никаких планов спасения мы не строили, а просто думали, как бы продержаться до осени. Это тогда О. М. заявил: “Надо менять профессию — теперь мы нищие”... И он предложил ехать в Ленинград. <...> Приехав в Ленинград, мы нашли Лозинского на уединенной даче под Лугой. Он немедленно вынул 500 рублей, на которые мы могли вернуться в Савёлово и оплатить дачу до конца лета. <...> Под серьезными взглядами младшего поколения Лозинский балагурил, О. М. сыпал шутками, и оба хохотали, как в дни Цеха поэтов. После обеда О. М. и Лозинский ушли

в комнаты, и О. М. долго читал стихи. Оживившийся Лозинский пошел провожать нас на станцию. Дорога вела лесом, но по людным улицам мы не решились идти вместе: вдруг кто-нибудь увидит Лозинского с подозрительным незнакомцем! А еще хуже, если нас встретил бы кто-нибудь из Союза писателей, который знал О. М. в лицо. Компрометировать Лозинского мы не хотели и потому расстались на опушке. <...> Брат О. М., Евгений Эмильевич, жил с семьей на Сиверской. Мы поехали к нему от Лозинского, потому что О. М. хотел повидать отца. <...> Мы провели в Ленинграде два дня. Ночевали у Пуниных, где все старались развеселить О. М. Вызвали даже [Ираклия] Андроникова, тогда еще славного юнца, охотно разыгравшего перед О. М. все свои штучки. Вечером сидели за столом, чокались и разговаривали. Все понимали, перед чем мы стоим, но не хотелось губить последние минуты жизни. Анна Андреевна казалась легкой и веселой; Николай Николаевич шумел и смеялся... Но я заметила, что у него участился тик левой щеки и века. Днем мы пошли к Стеничу. <...> Стенич встретил О. М. объятиями. О. М. рассказал, зачем мы приехали. Стенич вздохнул, что большинство писателей в разъезде, но кое-кто живет на даче. Это, естественно, затрудняло сбор денег. Его успокоила жена — Люба. Она обещала поехать в Сестрорецк и сразу после обеда, надев кокетливую шляпку, отправилась в путь. Стенич никуда нас не отпустил, и мы у него дождались возвращения Любы. К нему приходили люди повидать нас, среди них Анна Андреевна и [Ц. С.] Вольпе <...> В первый приезд в Ленинград мы еще ездили к Зощенко в Сестрорецк или Разлив. У Зощенко были больное сердце и прекрасные глаза. "Правда" заказала ему рассказ, и он написал про жену поэта Корнилова, как она ищет работу и ее отовсюду гонят как жену арестованного. Рассказал; разумеется, не напечатали, но в те годы один Зощенко мог решиться на такую демонстрацию. <...> Первый приезд в Ленинград дал нам три месяца передышки. К весне перед отъездом в Саматиху, мы снова решили смотаться в Ленинград, но на этот раз безуспешно» (*Воспоминания*. С. 291–294, 300–304).

♦ Из воспоминаний: «Летом 1937 года они вдвоем заглянули ненадолго в Ленинград. Мандельштам приехал с тетрадкой стихов "Воронежского цикла", покорил друзей их взволнованной музыкой. По инициативе Стенича была сделана небольшая складчина — друзья собрали немного денег, белья, вещей, ибо Мандельштам был без копейки, он обносился, ходил чуть ли не босиком. Настала минута прощанья. Несколько близких собрались на Московском вокзале. Мандельштам со своей "нежняночкой" спешил навстречу лишениям, навстречу, быть может, гибели. Имущество Осипа Эмильевича было увязано в неказистый узелок. В ожидальном зале возвышалась искусственная пальма трактирного типа. На ветвь этой пальмы Мандельштам повесил свой скудный узелок и, обратившись к Стеничу, сказал: "Странник в пустыне!" Друзья смеялись и плакали. Бедный

узелок на пальме — в этом образе вдруг сконцентрировалась судьба поэта, его странническая неумолимая судьба» (*Воспоминания Елены Тагер*. С. 160).

Августа 2. Запись дневника Е. Поповой: «Приехали Мандельштамы. Изгадили. Ужасно опустошающие. Проводила их в пять часов. Выехали в город» (*После Воронежа*. С. 90).

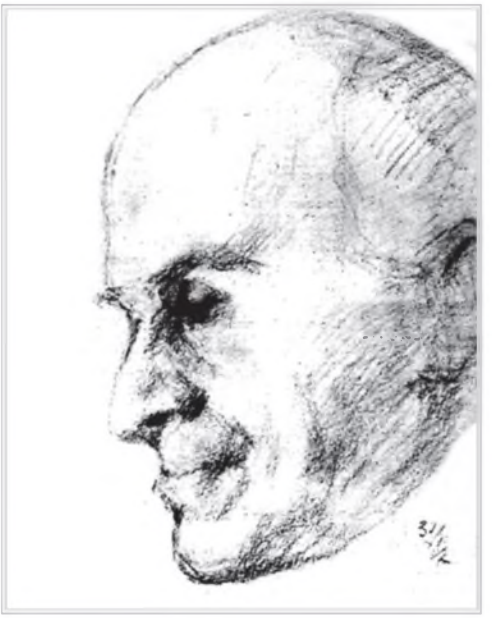
Август (?) Письмо А. Э. Мандельштама к отцу. «Осю я не видел около месяца» (*В переписке семьи*. С. 98).

Лето. Из воспоминаний: «Летом 37 года мы были “дачниками”, а “летом всего легче”, как говорил О. М. В Москву мы ездили довольно часто, иногда даже бывали на дачах у своих знакомых. Были у Пастернака в Переделкине. Он сказал: “Зина, кажется, печет пироги”, — и пошел справиться вниз, но вернулся печальный — к Зине нас не допустили... <...> Лева Бруни сунул О. М. в карман деньги и сказал: “Кому нужен этот проклятый режим!” <...> Адалис побоялась пустить нас ночевать, что было вполне естественно, но тут же разыграла комедию: “Почему вы не идете к себе домой? Я пойду с вами, и, если придет милиция, я им всё объясню... Я берусь”. Растерянные люди метались, и каждый говорил то, что ему взбредало на ум, и спасался, как может. Испытание страхом — одна из самых страшных пыток, и после нее люди оправиться уже не могут. Нам не на что было жить, и мы вынуждены были ходить по людям и просить помощи. Часть лета мы прожили на деньги, полученные от Катаева, Жени Петрова и Михоэлса. Он обнял О. М. и, наперебой с Маркишем, старался говорить всё самое утешительное. Всё время давал деньги Яхонтов, пока не уехал. В каждый свой приезд О. М. ходил в Союз, пытаясь повидаться со Ставским, но тот уклонялся от встречи и поручил О. М. своему заместителю — Лахути. Лахути изо всех сил старался наладить что-нибудь для О. М. Он даже отправил его в командировку от Союза по каналу, умоляя написать хоть какой-нибудь стишок про строительство.

<...> К коровьему плану О. М. относился холодно, денег на его осуществление не было, да и сама идея ему не нравилась: “из таких затей никогда ничего не выходит”... Его план был прямо противоположен моему — он хотел выделиться из толпы. Ему почему-то казалось, что, если он добьется “творческого вечера” в Союзе, ему не смогут не дать какой-нибудь работы. Он сохранял иллюзию, что стихами можно кого-то победить и убедить. Это у него осталось от молодости — когда-то он мне сказал, что никто ни в чем ему не отказывает, если он пишет стихи. <...> Лахути ухватился за мысль о вечере. И ему она показалась спасительной. Да знаю ли я что-нибудь о Лахути, кроме того, что он был приветлив и внимателен? Ровно ничего... Но в той озверелой обстановке его приветливость казалась чудом. Самостоятельно решить вопрос о вечере ни Ставский, ни Лахути не могли. Всё решалось наверху. Мы ждали в Савёлове разрешения этого вопроса государственной важности и изредка наведывались в Союз, чтобы

узнать мнение по этому поводу высших инстанций. В одно из посещений Союза О. М. разговаривал в коридоре с Сурковым, а выйдя на улицу, нашел у себя в кармане 300 рублей. Сурков, видно, тихонько сунул эти деньги ему в карман» (*Воспоминания*. С. 286–289).

Октября 1. А. А. Осмеркин у себя в квартире делает две зарисовки О. М. Дата на одном из них — рукой О. М. (Наше наследие. 1988. № 6. С. 101). Из воспоминаний Е. К. Осмеркиной-Гальпериной: «Наверное есть какая-то непознаваемая связь событий. Почему-то в этот вечер Осмеркин, который всегда считал себя слабым рисовальщиком и мало оставил после себя рисунков, сидя за чайным столом, сделал с Мандельштама два карандашных рисунка. Осип Эмильевич даже не позировал. Это были быстрые наброски, как говорят художники, "на скатерти стола". Но именно таким я его и помню. Ведь подумать только, это была последняя возможность еще раз запечатлеть его черты. И это, наверно, чувствовал художник» (Там же. С. 106).



Октября 15. Повестка И. Уткину на творческий вечер О. М. в Союзе писателей. Подписана А. Сурковым (*После Воронежа*. С. 72).

♦ Из воспоминаний: «Вечер всё не назначался. Наконец позвонили из Союза Евгению Яковлевичу. У него спросили, как найти Мандельштама и можно ли немедленно сообщить ему, что вечер назначен на следующий день. Телеграф работал как ему заблагорассудится, и Женя не решился довериться на его милость. Он бросился на вокзал и последним поездом приехал к нам в Савёлово. В ту минуту он, наверное, тоже поверил в стихи и вечер. На следующий день мы отправились в Москву и в назначенный час пришли в Союз.

Секретарши еще сидели на своих местах, но про вечер никто ничего не знал: кажется, что-то слышали, а что именно, не помним... В клубе все комнаты были закрыты. Никаких объявлений мы не нашли. Оставалось только узнать, рассылались ли повестки. Шкловский не получил, но он посоветовал позвонить кому-нибудь из поэтов — приглашения часто рассылались только членам секций. У нас под рукой был телефон Асеева. О. М. позвонил ему и спросил, получил ли он повестку, и, побледнев, повесил трубку. Асеев ответил, что как будто что-то мельком слышал, но что разговаривать он не может: занят, торопится в Большой театр на "Снегурочку"... К другим поэтам О. М. звонить не рискнул» (*Воспоминания*. С. 290).

Октября 16. Москва. «Встретил Мандельштама с женой (конечно) и сказал, не обижается (приписка: и не на кого обижаться: сами обидчики обижены)» (Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб.: «Росток», 2010. С. 771).

Октября около 20. Вторая поездка в Ленинград.

♦ По устному рассказу Е. К. Лившиц (30 апр. 1980 г.): «Б. К. [Лившиц] был арестован 26 октября 1937 г. За несколько дней до этого Мандельштамы были в Ленинграде. Тогда, по рассказам, они останавливались в "Европейской", и там собиралось несколько человек, собирали им вещи и деньги».

♦ Из воспоминаний: «В последний раз я видела Мандельштама осенью 1937 года. Они — он и Надя — приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалипсическое. Беда ходила по пятам за всеми нами. Жить им было уже совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню куда. Всё было как в страшном сне. Кто-то, пришедший после меня, сказал, что у отца Осипа Эмильевича (у "деда") нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу» (*Листки из дневника*. С. 215).

♦ Из воспоминаний: «Днем мне позвонил мой друг Стенич и попросил вечером прийти к нему. Жил он тогда на Канале Грибоедова, 9, в маленькой двухкомнатной квартирке. Там я застал кроме Стенича и его жены Мандельштама с Надеждой Яковлевной и Анну Андреевну Ахматову. Мандельштам был в мохнатом темно-сером пиджаке, который ему за час перед тем подарил Юрий Павлович Герман. Пиджак этот был очень велик и широк Мандельштаму, из длинных рукавов торчали только кончики пальцев. Поначалу Мандельштам был молчалив и угрюм, да и все молчали. Стенич сделал попытку почитать стихи из только что тогда вышедшей "Второй книги стихов" Заболоцкого; он читал, восхищаясь, но Ахматова слушала сдержанно, а Мандельштам, со свойственной ему прямотой, сказал, что ему не нравятся ни прежние стихи Заболоцкого, ни новые. Он стал просить Анну Андреевну почитать что-нибудь. Она неохотно и без подъема прочла "Мне от бабушки-татарки были редкостью подарки" — стихотворение, которое мы все хорошо знали. Хозяева

повели нас в соседнюю комнату к столу. Стол был не роскошен, но на нем стояло несколько бутылок красного вина. Выпив вина, Мандельштам оживился. Мы попросили его читать стихи, и он читал много, увлеченно, всю долгую угрюмую ленинградскую ночь напролет, всё больше и больше одушевляясь. Он почти пел их, наслаждаясь каждым звуком, и мохнатые рукава его, как мягкие ласты, плыли в воздухе над столом. На другой день он уехал» (Чуковский Н. К. Правда и поэзия. М., 1987. С. 61).

Октября около 25. Из письма А. Дермана — А. Горнфельду (из Москвы): «А знаете, кого я недавно видел? Супостата Осипа Мандельштама! От неожиданности — одновременно друг другу улыбнулись, а затем... пожали руки друг другу!» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 29–29 об).

Октября 29. Запись В. П. Ставского в дневнике: «О. Мандельштам: взять стихи и прочитать» (*Нерлер 2010*. С. 93).

Октября 29. Протокол заседания правления Ленинградского отделения Литфонда по заявлению О. М. о выдаче ссуды. Отказано (Шнейдерман Э. «Элитфонд» // Звезда. 2004. № 1. С. 165).

Октября конец. Встречи с Л. Бруни. Поездка в Малый Ярославец. Встреча с И. Бабелем.

♦ Из воспоминаний: «Осенью стал вопрос о переезде из Савёлова, и мы снова изучали карту Подмосковья. Лева [Бруни] посоветовал Малый Ярославец — там он поставил избу для жены и детей своего брата Николая, священника, потом авиаконструктора, а в 37 году — лагерника, кончившего первый срок и уже получившего второй “за преступление, совершенное в лагере”, как это тогда называлось. <...> Высланная из Москвы Надя Бруни и ее дети жили уже несколько лет в Малом Ярославце. Они кормились огородом, потому что на корову у Левы не хватило — Лева кормил свою большую семью и всех детей брата. Самому ему, вероятно, и в мирное время перепадало не слишком много еды — это была картофельная жизнь, а после войны он умер от истощения. Это случалось с тайными интеллигентами. Леву все любили. Он продолжал жить и быть человеком, несмотря на все испытания, которые ему послала судьба. Ведь и до смерти большинство из нас не живет, а только, притаившись, чего-то ждет и существует от дня к ночи. <...> Следующим консультантом оказался Бабель. Он, кажется, никогда не жил в писательских домах, а всегда как-то неожиданно, не так, как другие. Мы с трудом отыскали его в каком-то непонятном особняке. Мне смутно помнится, будто в этом особняке жили иностранцы, а Бабель снимал у них комнаты на втором этаже. А может, он так нам сказал, чтобы мы удивились. Он очень любил удивлять людей... Ведь иностранцев боялись, как огня: за самое поверхностное знакомство с ними летели головы. Кто бы решился поселиться у иностранцев? Я до сих пор не могу опомниться от удивления и не знаю, в чем там было дело. Бабель всегда нас чем-нибудь поражал, когда мы встречались. Мы рассказали Бабелю

о наших бедах. Разговор был долгий, а он слушал нас с необычайным любопытством. Весь поворот головы, рот, подбородок и особенно глаза Бабеля всегда выражали любопытство. У взрослых редко бывает такой взгляд, полный неприкрытого любопытства. У меня создалось впечатление, что основной движущей силой Бабеля было неистовое любопытство, с которым он всматривался в жизнь и в людей. Судьбу нашу Бабель решил быстро — он умел хватать быка за рога. "Поезжайте в Калинин, — сказал он, — там [Н. Р.] Эрдман — его любят старушки..." <...> Деньги на переезд Бабель вызвался достать сам на следующий день, и разговор перешел на другие рельсы» (*Воспоминания*. С. 305–307).

Октября конец или Ноября начало. Поселяются в Калинине в доме Травниковых. О жизни там см. статьи П. Нерлера и М. Колкера: *СМР* 4/1. М.: РГГУ, 2008. С. 165–169; *Воспоминания*. С. 319–325.

Ноября 6. Письмо к Б. С. Кузину из Калинина в Шортанды. «Дорогой Борис Сергеевич! С большой радостью отвечаю на ваше письмо. Мы давно, всё время, ждали услышать ваш голос, хоть что-нибудь узнать о вас. Это первое достоверное сведение. В мае я вернулся из Воронежа в Москву, а затем мы поселились на Верхней Волге, в Савёлове. Письмо ваше получили в Москве, проездом в Калинин, где, может быть, останемся» (*ПССиП*. Т. 3. № 218).

Ноября 6. Два письма Н. Мандельштам к Б. С. Кузину (*Кузин 1999*. С. 518–519).

Ноября 14. Арест В. И. Стенича.

Ноября 17. Письмо Н. Мандельштам — Б. С. Кузину из Калинина в Шортанды. Адрес: Калинин, Третья Никитина ул., № 43 (*Кузин 1999*. С. 519).

Ноября 30. Письмо Н. Мандельштам — Б. С. Кузину из Калинина в Шортанды. Живут «в избе на окраине города» (*Кузин 1999*. С. 519–520).

Ноябрь. Вышел альманах «Литературный Воронеж» со статьей Н. В. Романовского и М. Я. Булавина «Воронежские писатели за 20 лет», содержавшей выпады против О. М., и стихотворением Г. Рыжманова «Лицом к лицу», обращенным против О. М.

Осень. Польша. Закончена работа С. Ю. Кулаковского (S. Kulakowski) «Пятьдесят лет русской литературы. 1884–1934» (издана книгой в 1939), содержавшая характеристику поэзии Мандельштама: «Варшавянин родом, который выработал свой стиль на впечатлениях от архитектурной монументальности Петербурга, от суровой и скупой возвышенности образов античного мира и трагической истории нашей эпохи. "Le bloc resistant" Готье был у Мандельштама равнозначен образу камня, который, как прекрасно сказал Тютчев, "с горы скатившись... лег в долине", обретя тем самым дар речи. Тетрадь своих лирических стихотворений "Камень" (1913) Мандельштам расширил и издал книгой под тем же заглавием в 1916 году.

Мандельштам не признаёт эмоциональности. Он долго носит в душе слово, которое неожиданно падает из его уст, образцово отшлифованное и не требующее никаких изменений. В поэзии, по мнению Мандельштама, должна царить суровая архитектоника. Дар поэта — груз, а творчество — ответственность перед самим собой. Это основа классичности Мандельштама. Свои взгляды на поэтическое творчество он сформулировал несколько раз (сборник статей "О поэзии"). Поэт живет творчеством, произносит слова, звучащие "медью торжественной латыни". Этот оборот Блока можно применить к поэзии Мандельштама, для которого античный мир стал действительностью. Одиссей, Приам, Федра — фигуры нашей эпохи. Архитектура и скульптура содержат для Мандельштама несказанное очарование классической античности. Его поэтические образы всегда выразительны, а ритмика с ходом времени приобретает широту и спокойствие античных метров, доказательством чему служат великолепные стихотворения из сборника "Tristia" (1922).

Избранные стихи ("Стихотворения", 1928) свидетельствуют о том, что возвышенность поэтического стиля Державина, ведущего русского поэта XVIII века, через лирику Тютчева нашла отражение в поэтическом творчестве нашего времени. Ряд этих стихотворений напоминает великолепные оды былых времен.

Своеобразный характер носит и проза Мандельштама ("Шум времени", 1925, перепечатанный как вторая часть книги в прозе "Египетская марка", 1929). Поэт дает выражение чувству бега времени, слышит его тяжелые, медленные шаги. Полуавтобиографические заметки на полях этой книги о дореволюционном Петербурге и Феодосии в Крыму во время гражданской войны содержат скорее формулировки, чем определения, причем выпукло даны соответствующие детали. Этим автор достигает конкретной цели, и каждая мелочь, каждая фигура живы и выразительны» (перевод с польского Н. Горбаневской).

Осень. «Осенью 37 года Катаев и Шкловский решили свести О. М. с Фадеевым, который у власти еще не был, но пользовался большим влиянием. Вернее, он был почти у власти. Встреча произошла, кажется, у Катаева. О. М. читал стихи. Фадеева проняло — он отличался чувствительностью... С трезвыми как будто слезами он обнимал О. М. и говорил всё, что полагается чувствительному человеку. Меня при этой встрече не было — я отсиживалась несколькими этажами выше, у Шкловских. О. М. и Виктор пришли довольные. Они улизнули пораньше, чтобы дать возможность Катаеву с глазу на глаз обработать Фадеева. Фадеев не забыл стихов — вскоре ему пришлось ехать в Тифлис с Эренбургом — на юбилей Руставели, что ли? — и он уверял, будто попытается напечатать подборку стихов О. М. Этого не случилось. Быть может, ему "не посоветовали" — у нас была такая милая формула: лицо, у которого просят разрешения что-нибудь сделать, хмурится» (*Воспоминания*. С. 335).

Декабря 10-е числа. Письмо к Б. С. Кузину из Калинина в Шортанды. «Тверской говор радует слух. И в Воронеже я много слушал живую речь. Особенно женщины прекрасно говорят по-русски. Но здесь, в Калинине — настоящая академия живого языка — гибкого, оборотистого, в меру жесткого. Испанским я занимался. В Воронеже отличные книжные фонды в Университете. Читал Сида (великолепно). Romanceros в изд<ании> бр<атьев> Гримм и многотомную коллекцию кастильских классиков» (*ПССиП*. Т. 3. № 219).

Декабря 22. Письмо Н. Мандельштам — Б. С. Кузину из Калинина в Шортанды. «Нынче Ося купил патефонные пластинки: Шопена и Гайдна и поднес их хозяину. Хозяин наш — хороший старик и уже пятый раз слушает Гайдна» (*Кузин 1999*. С. 522–523).

Декабря конец — 1937, Января начало. Зимние каникулы. Поездка Н. Штемпель в Калинин. Поездка вместе с Мандельштамами на один день в Москву. Н. Штемпель сообщает О. М. о разводе с мужем (*В Воронеже*. С. 16–18).

Зима 1937/1938 года. Москва. Из воспоминаний И. Л. Фейнберга: «1937. Жестокая зима. Он в романовском полушубке ([Л. М.] Наппельбаум дал). Встретил у Клуба писателей. “Проводите меня”. Пошли по улице Герцена, бывшей Никитской, к Никитским воротам. Спросил, что я делаю. Я писал о [Д.] Теннере. Сказал, что не поражение (декабристы), а победы буржуазной революции испугали и оттолкнули Пушкина. Я сказал о речи Достоевского на могиле Некрасова. <...> Пушкин и Лермонтов. Он очень это одобрил, а сам прочел мне: “как по улицам Киева-вия ищет мужа не знаю чья жинка, и на щеки ее восковые ни одна не скатилась слезинка”. <...> Мы дошли до Никитских ворот» (Фейнберг И. О Мандельштаме // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 70–71).

1938

Января 8 не ранее, Февраля начала не позднее. Ночует в квартире В. Э. Мейерхольда в Москве, Брюсов пер., д. 12 (*Видгоф 2012*. С. 631). Датируется по указанию О. Н. Купцовой: *Предшеств. и совр*. С. 112).

Января 21. Письмо к Б. С. Кузину из Калинина в Шортанды. «На днях буду в Союзе писателей. Новости сообщу. Спасибо, что пишете» (*ПССиП*. Т. 3. № 220).

Января 26. В газете «Правда» — статья А. Н. Толстого, А. А. Фадеева, А. Е. Корнейчука, В. П. Катаева, А. А. Караваевой «О недостатках работы Союза писателей».

♦ Из письма Н. Мандельштам — Б. Кузину, 29 янв.: «Недавно в “Правде” было письмо, подписанное А. Толстым, Фадеевым, Катаевым и др. о Союзе Писателей. Сейчас ждут перемен в Союзе и некоторого оживления. Нас это может очень близко коснуться. Теперешнее руководство Союза (Ставский, Вишневский) было крайне

медлительно и до сих пор не успело прочесть книги стихов (в рукописи), которую всеми силами выдвигала писательская общественность. <...> Меня водили к врачам <...> на днях в Москве. Литфонд — производил обследование моего и Осиного здоровья» (*Кузин 1999*. С. 528–529).

Января 27. Получил направление на рентген грудной клетки. Выдано поликлиникой Московского мединститута (*Архив Мандельштама*).

Февраля вторая половина — Марта 1. Москва. Вместе с женой ночуют в доме И. И. Бернштейна (Александра Ивича).

♦ «Раз, когда мы сидели у Шкловских, пришел Саня Бернштейн (Ивич) и позвал нас ночевать к себе. Там прыгала крошечная девочка "заяц"; уютная Нюра, жена Сани, угощала нас чаем и болтала. Худой, хрупкий, балованный Саня с виду никак не казался храбрым человеком, но он шел по улице, посвистывая, как ни в чем не бывало, и нес всякую чепуху о литературе, словно ничего не случилось и он не собирался спрятать у себя в квартире страшных государственных преступников — меня и О. М.» (*Воспоминания*. С. 332–333). «О том, как Мандельштамы ночевали у нас, я, к стыду своему, почти ничего не могу рассказать и к словам Надежды Яковлевны мало что могла бы добавить. Со слов родителей знаю. что "девочку Зайца" отправили спать пораньше, чтобы не разболтала о ночных гостях» (Богатырева С. И. Завещание // Вопросы литературы. 1992. № 2. С. 253). Из письма С. И. Богатыревой 18.11. 2015: «Насколько я могу судить, Мандельштамы посетили наш дом в марте: по воспоминаниям моей мамы, О. Э. (как мы знаем, поэт любил детей) заметил девочку-Зайца и даже пообещал подарить ей стихи на день рождения, который приходился на 19-е число того же месяца».*

Февраль, до 26 (?) Поездка в Ленинград.

♦ Из воспоминаний: «В следующий наш приезд в Ленинград Стенича уже не было, и Лозинский, когда мы к нему зашли, испугался: "Знаете ли вы, что сталось с вашим амфитрионом?" Лозинский думал, что Стенича забрали, потому что мы провели у него день. И нам пришлось сразу уйти, даже не попросив у Лозинского денег. <...> К весне перед отъездом в Саматиху, мы снова решили смотаться в Ленинград, но на этот раз безуспешно. Утром мы зашли к Анне Андреевне, и она прочла О. М. обращенные к нему стихи про поэтов, воспевающих европейскую столицу. Это была последняя встреча Анны Андреевны и О. М. Больше они не виделись: мы условились встретиться у Лозинского, но нам пришлось сразу от него уйти. Она уже нас не застала, а потом мы уехали, не ночуя, успев в последнюю минуту проститься с ней по телефону. После Лозинского мы долго стояли на улице, не зная, куда пойти. К Маршаку, что ли? Самуил

* По-видимому, обещание подарить стихи на день рождения 19 марта О. М. мог дать только до того, как узнал о получении путевок в Саматиху, см. Марта 2.

Яковлевич встретил нас таким певучим приветствием, что О. М. даже не заговорил про деньги. Завязался литературный разговор. О. М. прочел несколько воронежских стихотворений. Маршак вздохнул; стихи ему не понравились: "Не видно, с кем вы встречаетесь, о чем разговариваете... В пушкинскую эпоху..." "Ишь, чего захотел", — шепнул мне О. М., и мы распростились...» (*Воспоминания*. С. 302, 304).

Февраля 26. Письмо к Б. С. Кузину из Калинина в Шортанды (*ПССиП*. Т. 3. № 221).

Марта начало. Письмо к В. П. Ставскому из Калинина в Москву, копия. «Сейчас т. Луппол объявил мне, что никакой работы в Гослитиздате для меня в течение года нет и не предвидится» (*ПССиП*. Т. 3. № 222).

Марта 2. Письмо А. Б. Дермана — А. Г. Горнфельду (из Москвы): «Сегодня идиллически беседовал с "Вашим" Мандельштамом» (*РГАЛИ*. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 44).

Марта 2. Заседание правления Литфонда СССР. Выписка из протокола, посланная в Секретариат Союза советских писателей: «Постановили: Во изменение решения Правления Литфонда от 20. II.38 г. предоставить О. Э. Мандельштаму и его жене две путевки в санаторий "Саматиха" сроком на 2 м-ца за счет Литфонда и выдать единовременное пособие в сумме 300 руб. Просить Секретариат ССП решить вопрос о Мандельштаме О. Э. в полном объеме» (*РГАЛИ*. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 253. Л. 3).

Марта около 3–5 (?). «Всё же, в самом конце зимы 37–38 года, встретив О. М. в Союзе, он [Фадеев] вдруг вызвался поговорить "наверху" и узнать, "что там думают". За ответом, или, вернее, информацией, мы должны были прийти в Союз через несколько дней. К нашему удивлению, Фадеев не обманул и явился в назначенный день и час. Мы вышли из дому вместе и сели в его машину. Он предложил отвезти нас куда нам надо, чтобы по дороге поговорить. Он сел рядом с шофером, а мы позади. Повернувшись к нам, он рассказал, что разговаривал с [А. А.] Андреевым, но ничего у него не вышло: тот решительно заявил, что ни о какой работе для О. М. не может быть и речи. "Наотрез", — сказал Фадеев. Он был смущен и огорчен. О. М. даже пробовал утешать его: "Ничего, как-нибудь образуется"... В кармане у нас уже лежали путевки в Саматиху — дом отдыха, куда нас вдвоем на два месяца посылал Литфонд, по распоряжению Ставского. Он вдруг принял О. М. и предложил поехать в "здравницу", чтобы мы там отсиделись, пока не решится вопрос с работой. Эта милость судьбы окрылила нас, и мы не очень огорчились неудаче Фадеева. А он принял эту новость довольно раздраженно: "Путевки?.. Куда?.. Кто дал?.. Где это?.. Почему не в писательский дом?" О. М. объяснил: у Союза нет домов отдыха в разрешенной зоне, то есть за сто километров от режимных городов. "А Малеевка?" — спросил Фадеев. Мы понятия не имели ни о какой

Малеевке, и Фадеев вдруг пошел на попятный: “Так домишко отдали Союзу... там, верно, ремонт...” О. М. выразил предположение, что сочли неудобным посылать в писательский дом до общего разрешения вопроса. Фадеев охотно это объяснение принял. Он был явно озабочен и огорчен. Сейчас, задним числом, я понимаю, что он думал: события, которых он ждал, приблизились, и он понял технику их осуществления. Самый закаленный человек не может глядеть этим вещам в глаза. А Фадеев был чувствителен. Машина остановилась в районе Китай-города. Что нам там понадобилось? Уж не там ли было управление санаториями, куда мы должны были сообщить о дне выезда, чтобы за нами выслали лошадей на станцию Черусти Муромской железной дороги. Оттуда до Саматихи было еще верст двадцать пять. Фадеев вышел из машины и на прощание расцеловал О. М. По возвращении О. М. обещал обязательно разыскать Фадеева. “Да, да, обязательно”, — сказал Фадеев, и мы расстались. Нас смутил торжественный обряд прощания и таинственная мрачность и многозначительность Фадеева. Что с ним? Мало ли что могло быть с человеком в те годы: на каждого хватало бед... Ослепленные первой удачей за всю московскую жизнь — путевкой: Союз начал о нас заботиться! — мы даже не подумали, что мрачность Фадеева как-то связана с судьбой О. М. и с ответом Андреева, означавшим страшный приговор. Фадеев, человек тертый, отлично разбиравшийся в партийных делах, не мог этого не понимать» (*Воспоминания*. С. 335–336).

Марта 8. Приезд в Саматиху. Источник даты: справка о времени пребывания в пансионате «Саматиха», выданная Н. Мандельштам (*Архив Мандельштама*).

♦ Из воспоминаний: «Народ в санатории собрался спокойный — всё больше рабочие разных заводов. Как всегда в домах отдыха, они были поглощены своими временными любовными историями и на нас не обращали ни малейшего внимания. Приставал только “затейник”: ему всё хотелось устроить вечер стихов О. М., но и его удалось отвадить, сказав, что стихи пока запрещены и для устройства вечера требуется санкция Союза. Это он сразу понял и отступился. Было, конечно, скучновато. О. М. привез с собой Данте, Хлебникова, однотомник Пушкина под редакцией Томашевского, да еще Шевченко, которого ему в последнюю минуту подарил Боря Лапин. Несколько раз О. М. порывался съездить в город, но врач говорил, что ни на розвальнях, ни на грузовике нет места. Достать частных лошадей было невозможно — кругом почти не было деревень, да и в деревнях лошади остались только колхозные. “А мы часом не попались в ловушку?” — спросил как-то О. М. после одного из отказов врача довезти нас до станции, но тотчас об этом забыл. Все-таки в Саматихе жилось хорошо и спокойно, и мы считали, что всё худшее осталось позади: ведь сам Союз купил нам путевки — обоим! — и приказал “создать нам условия”» (*Воспоминания*. С. 340).

Марта 10. Письмо к Б. С. Кузину из Саматихи в Шортанды. «Сборы были огромные. Очень трогательное расставанье с калининскими хозяевами. С собой груда книг. М<ежду> пр<очим>, весь Хлебников» (*ПССиП*. Т. 3. № 223).

Марта 13. Н. И. Бухарин приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, расстрелян 15 марта.

Марта 16. Письмо председателя Союза советских писателей В. П. Ставского — наркому внутренних дел Н. И. Ежову с просьбой оказать помощь «в вопросе о Мандельштаме». «В части писательской среды весьма нервно обсуждается вопрос об Осипе Мандельштаме. Как известно — за похабные клеветнические стихи и антисоветскую агитацию О. Мандельштам был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами "зоны"). Но на деле — он часто бывает в Москве у своих друзей, главным образом — литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него "страдальца" — гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин Катаев, И. Прут и другие литераторы, выступали остро. <...> За последнее время О. Мандельштам написал ряд стихотворений. Но особой ценности они не представляют — по общему мнению товарищей, которых я просил ознакомиться с ними (в частности, тов. Павленко, отзыв которого прилагаю при сем)» (*Нерлер 2010*. С. 97–98).

Март. В хелмском (Польша) журнале «Камена» № 7 помещено стихотворение «Я не слыхал рассказов Оссиана...» в переводе К. А. Яворского (Jaworski).

Апреля 16. Письмо к отцу из Саматихи в Ленинград. «Мы с Надей уже второй месяц в доме отдыха. На два месяца. Уедем отсюда в начале мая. Отправил сюда Союз Писателей (Литфонд). Перед отъездом я пытался получить работу, и ничего пока не вышло. Куда мы отсюда поедем — неизвестно. Но надо думать, что после такого внимания, после такой заботы о нас придет и работа. Здесь очень простое, скромное и глухое место. 4½ часа по Казанской дороге. Потом 24 километра на лошадях. Мы приехали, еще снег лежал. Нас поместили в отдельный домик, где никто, кроме нас, не живет. А в главном доме такой шум, такой рев, пенье, топот и пляска, что мы бы не могли там выдержать: чуть-чуть не бросили и не вернулись в Москву. Так или иначе — мы получили глубокий отдых, покой на 2 месяца. Этого отдыха осталось еще 3 недели. Мое здоровье лучше. Только одышка да глаза ослабели. И очень тяжело без подходящего общества. Читаю мало: утомляюсь быстро от книги и очки неудачные. <...> У нас сейчас нет нигде никакого дома, и всё дальнейшее зависит от Союза Писателей. Уже целый год Союз не может решить принципиально: что делать с моими новыми стихами и на какие средства нам жить. Если я получу работу, мы поселимся на даче и будем жить семьей. Сейчас же приедешь ты, и еще

возьмем Надину сестру Аню. Она очень больна. Квартиру в Москве мы теряем. Но главное: работа и быть вместе. Крепко целую тебя. Горячо хочу видеть» (*ПССиП*. Т. 3. № 224).

Апреля 29. Резолюция М. П. Фриновского «Арестовать» на справке об О. М., составленной в ГУГБ. 30 апреля выдан ордер на арест (*Нерлер 2010*. С. 99).

Мая 1. «Весь день Первого мая шла гульба. Мы сидели у себя и выходили только в столовую, но к нам доносились крики, песни и отголоски драк. К нам спаслась одна отдыхающая, текстильщица с одной из подмосковных фабрик. Чего-то она болтала, а О. М. шутил с ней, а я дрожала, что он скажет что-нибудь лишнее, а она побежит и донесет. Разговор зашел об арестах в их поселке. Она рассказала про одного арестованного, что он хороший человек и к рабочим был всегда внимателен. О. М. стал ее расспрашивать... Когда она ушла, я долго его упрекала: "Что за невоздержанность... ну кто тебя за язык тянет!" Он уверял меня, что больше не будет — обязательно исправится и ни с кем из посторонних слова не скажет... И я навсегда запомнила, как я сказала: "Жди, пока исправишься — великий сибирский путь"... В ту ночь мне приснились иконы. Сон не к добру. Я проснулась в слезах и разбудила О. М. "Чего теперь бояться, — сказал он. — Всё плохое уже позади..." И мы снова заснули...» (*Воспоминания*. С. 342–343).

Мая 3. Арест в Саматихе. Протокол обыска-ареста (*Нерлер 2010*. С. 99)

Мая 3. Заключен во внутреннюю тюрьму ГУГБ НКВД (Б. Лубянка, 2) (*Нерлер 2010*. С. 100). Выполнена дактилоскопия и фотографии для тюремного дела (Там же. С. 100–101).

Мая 17. Составлен протокол допроса. «Вопрос: Следствию известно, что вы, бывая в Москве, вели антисоветскую деятельность, о которой вы умалчиваете. Дайте правдивые показания.

Ответ: Никакой антисоветской деятельности я не вел.

Вопрос: Вы ездили в Ленинград?

Ответ: Да, ездил.

Вопрос: Расскажите о целях ваших поездок в Ленинград.

Ответ: В Ленинград я ездил для того, чтобы получить материальную поддержку от литераторов. Эту поддержку мне оказывали Тынянов, Чуковский, Зощенко и Стенич.

Вопрос: Кто оказывал вам материальную поддержку в Москве?

Ответ: Материальную поддержку мне оказывали братья Катаевы, Шкловский и Кирсанов» (*Нерлер 2010*. С. 102).

Июня 24. Освидетельствован психиатрами Бергером и Е. К. Краснушкиным. Из акта: «является личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым мыслям и фантазированию» (*Нерлер 2010*. С. 104–105).

Июля 20. Составлено обвинительное заключение (Там же. С. 105).

Августа 2. Вынесен приговор. «МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича за к.-р. деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ПЯТЬ лет, сч<итая> срок с 30/IV–38 г. Дело сдать в архив» (*Нерлер 2010*. С. 105–106).

Августа 4. Из внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД переведен в Бутырскую тюрьму (Новослободская ул., 45).

Августа 8. Ознакомлен с приговором (*Нерлер 2010*. С. 105–106).

Августа 23. Квитанция о передаче денег (48 руб.). Бутырская тюрьма ГУГБ НКВД (*Архив Мандельштама*).

Сентября 8 или 9. Этап из Москвы (*Нерлер 2010*. С. 110–134. Документальную часть подготовил Н. Л. Поболь).

Октября 12. Этап прибыл на разъезд «Вторая речка» (см. Ноября 30).

Ноября 27. В варшавском журнале «Пион» («Pion») № 47 помещено стихотворение «Возьми на радость из моих ладоней...» в переводе на польский С. Поллака.

Ноября 30. Письмо к брату Александру и жене из пересыльного лагеря. «Я нахожусь — Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак. Получил 5 лет за к. р. д. по решению ОСО. Из Москвы, из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехали 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощен до крайности. Исхудал, неузнаваем почти. Но посылать вещи, продукты и деньги не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мерзну без вещей. Родная Надинька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка. Родные мои, целую вас» (*ПССиП*. Т. 3. № 225).

♦ Из воспоминаний: «Юлиан Григорьевич Оксман рассказывал о смерти Мандельштама: “На Колыме зимой 1938–39 годов я узнал

о смерти Осипа Эмильевича от одного знакомого доктора, присланного в наш лагерь. Доктор был тоже заключенный. Он рассказал, что познакомился с О. Э. еще в Воронеже, во время его воронежской ссылки. Сам доктор был в то время на свободе, воронежский житель. Он очень любил стихи. Приезд О. Э. был для него большим событием. Они встречались. А потом доктор был арестован и отправлен на восток, в какой-то лагерь. Вскоре и О. Э. был отправлен по этапу. Этап, как рассказали доктору заключенные, шел полтора месяца. Теплушки были битком набиты заключенными. В одной из них ехал О. Э. У него прогрессировала мания преследования. Ему казалось, что его хотят отравить. Поэтому он не ел свои пайки, считая их отравленными, а по ночам крал пайки у других (они были без яда — тут была логика сумасшедшего). Мандельштама били. Отнимали хлеб. Но он по ночам его снова воровал. Он зарос, у него была огромная борода. Завшивел. Вызывал у заключенных не жалость, а отвращение: "вшивый вонючий жид"... А потом доктор и воочию увидел О. Э., когда этот эшелон прибыл на Дальнем Востоке на одну большую промежуточную станцию, откуда формировались и отправлялись этапы на Колыму и в Николо-Уссурийск. Этап уходил за этапом, а О. Э. ни в один не включали, — очень он был хил и слаб, не выдержал бы переезда по морю, да и долгого переезда по железной дороге тоже... Так он и оставался в бараке, продолжая всё глубже и глубже погружаться в безумие. Продолжал красть. Его пинали, били. Наконец просто выбросили из барака во двор. Было это в январе. Январь в тех местах похож на май в Ялте: тепло, по-весеннему хорошо. Поэтому О. Э. особенно не страдал от отсутствия крыши над головой. Свою еду (отравленную!) он выбрасывал, питался, роясь по целым дням в лагерной помойной яме. К этому времени он уже совсем был страшен, мало походил на человека. Но иногда, роясь в помойке, бормотал стихи, принимал торжественные позы. Я, работая в лагерной больнице, подкармливал его, выносил ему пакеты с кое-какой едой. Но он наконец и ко мне стал относиться с недоверием. А потом меня перегнали на Колыму. И уже здесь я узнал, что, когда наступили холода, О. Э. умер"» (Устный Шкловский / Публ. Э. Казанджяна // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 375).

♦ Из воспоминаний И. К. Милютина: «Как-то он [староста барака] подвел ко мне человека и просил включить его в мою группу. "Это Мандельштам — писатель с мировым именем". Больше он ничего не сказал, да я и не интересовался. Много было людей с большими именами, и это было совершенно обыденно. Жизнь потекла своим порядком: голодали, бросали в сторону вшей, ждали раздачи баланды. Мандельштам куда-то уходил, где-то скитался. Не отказывался составлять для блатарей и «веселые» песни. Никаких разговоров с Мандельштамом я не вел, да и смешно было о чем-то спрашивать, о чем-то говорить, когда унижение достигло крайнего предела. Мне казалось, что Мандельштам симулирует сумасшествие, и это не было

мне приятно. Но и к этому относились равнодушно. А я думал — если это спасает — пусть спасается. Но на его вопрос, производит ли он впечатление душевнобольного, я отвечал отрицательно. Так как он сидел ко мне боком, то по профилю лица мне показалось, что его огорчил мой отрицательный ответ. Он как-то сник. Да, надо еще сказать, что в бараке было несколько действительно умалишенных, на фоне которых Осип выглядел вполне здравомыслящим, а разговоры его со мной были умны. От всяческих уколов Мандельштам отказывался. Боялся физического уничтожения» (*Нерлер 2010*. С. 140).

♦ Из письма С. Я. Хазина — И. Г. Эренбургу, 1962 г.: «В последние 2–3 недели его жизни я встретился с ним в лагере несколько раз при следующих обстоятельствах. О. Э. стало известно, что в лагере пребывает некий Хазин, и он пришел узнать, не являюсь ли я родственником его жены, урожденной Хазиной, киевлянки, дочери присяжного поверенного. Это оказалось случайным совпадением наших с ней фамилий. После этого мы еще несколько раз встречались с ним в зоне лагеря, слоняясь по лагерю. Последний раз я привел к нему его товарища, некоего инженера-технолога по строительным материалам по фамилии Хинт, которого в те дни возвращали этапом с Колымы и направляли в Москву на переследствие. Хинт случайно оказался в бараке лагеря невдалеке от меня на нарах, и в разговоре я ему случайно сказал о пребывании в лагере О. Э. Тот настоял на том, чтобы я его, несмотря на глубокую ночь, проводил к О. Э., что я и сделал. Помню, как трогательна была их встреча» (*Нерлер 2010*. С. 143).

♦ Из воспоминаний В. Л. Меркулова: «Распределяя хлеб по баракам, я заметил, что бьют какого-то щуплого маленького человека в коричневом кожаном пальто. Спрашиваю: “За что бьют?” В ответ: “Он тяпнул пайку”. Я заговорил с ним и спросил, зачем он украл хлеб. Он ответил, что точно знает, что его хотят отравить, и потому схватил первую попавшуюся пайку в надежде, что в ней нет яду. Кто-то сказал: “Да это сумасшедший Мандельштам!” В этот печальный период пребывания Мандельштама на «Второй Речке» его физическое и душевное состояние было относительно благополучно. Периоды возбуждения сменялись периодами спокойствия. На работу его не посылали. Когда Мандельштам бывал в хорошем настроении, он читал нам сонеты Петрарки, сначала по-итальянски, потом — переводы Державина, Бальмонта, Брюсова и свои. Он не переводил “любовных” сонетов Петрарки. Его интересовали философские. Иногда он читал Бодлера, Верлена по-французски. Среди нас был еще один человек, превосходно знавший французскую литературу, — журналист Борис Николаевич Перелешин, который читал нам Ронсара и других. Он умер от кровавого поноса, попав на Колыму. Читал Мандельштам также свой “Реквием на смерть А. Белого”, который он, видимо, написал в ссылке. Он вообще часто возвращался в разговорах к А. Белому, которого считал гениальным. Блока не очень любил. В Брюсове

ценил только переводчика. О Пастернаке сказал, что он интересный поэт, но "недоразвит". Эренбурга считал талантливым очеркистом и журналистом, но слабым поэтом.

Иногда Мандельштам приходил к нам в барак и клянчил еду у Крепса. "Вы чемпион каши, — говорил он, — дайте мне немного каши!" С Мандельштама сыпались вши. Пальто он выменял на несколько горстей сахару. Мы собрали для Мандельштама кто что мог: резиновые тапочки, еще что-то. Он тут же продал всё это и купил сахару. Период относительного спокойствия сменился у него депрессией. Он прибегал ко мне и умолял, чтобы я помог ему перебраться в другой барак, так как его якобы хотят уничтожить, сделав ему ночью укол с ядом. В сентябре–октябре эта уверенность еще усилилась. Он быстро съедал всё, был страшно худ, возбужден, много ходил по зоне, постоянно был голоден и таял на глазах... В начале октября Мандельштам очень страдал от холода: на нем были только парусиновые тапочки, брюки, майка и какая-то шапчонка. В обмен на полпайки предлагал прочесть оба варианта своего стихотворения о Сталине (хотя до сих пор отрицал свое авторство и уверял, что всё это "выдумки врагов"). Но никто не соглашался. Состояние Мандельштама всё ухудшалось. Он начал распадаться психически, потерял всякую надежду на возможность продолжения жизни. При этом высокое мнение о себе сочеталось в нем с полным безразличием к своей судьбе. <...> Однажды ночью Мандельштам прибежал ко мне в барак и разбудил криком: "Мне сейчас сделали укол, отравили!" Он бился в истерике, плакал. Вокруг начали просыпаться, кричать. Мы вышли на улицу. Мандельштам успокоился и пошел в свой барак. Я обратился к врачу. К этому времени было сооружено из брезента еще два барака, куда отправляли "покосников" умирать. Командовал бараками земский врач Кузнецов (он работал когда-то в Курской губернии). Я обратился к нему. Он осмотрел Мандельштама и сказал мне: "Жить вашему приятелю недолго. Он истощен, нервен, сердце изношено, и вообще он не жилец". Я попросил Кузнецова положить Мандельштама в один из его бараков. В этих бараках был уход, там лучше кормили, топили в бочках из-под мазута. Он ответил, что у него и так полно и что люди мрут как мухи.

В конце октября 1938 г. Кузнецов взял Мандельштама в брезентовый барак. Когда мы прощались, он взял с меня слово, что я напишу И. Эренбургу. "Вы человек сильный. Вы выживете. Разыщите Илюшу Эренбурга! Я умираю с мыслью об Илюше. У него золотое сердце. Думаю, что он будет и вашим другом". О жене и брате Мандельштам не говорил. Я вернулся в барак. Перед праздником (4–5 ноября) Кузнецов разыскал меня и сказал, что мой приятель умер. У него начался понос, который оказался для него роковым» (*Нерлер 2010*. С. 140–141).

Декабря 27. Умер в больничном бараке пересыльного лагеря «Вторая речка».

Указатель произведений О. Мандельштама

Стихотворения

«**1** января 1924» 241, 251, 266, 276, 319, 333

«**А** мастер пушечного цеха...» 440
«А небо будущим беременно...» (цикл) 244, 324
«Аббат» 92, 99, 112
«Адмиралтейство» 61, 85, 99
«Айя-София» 49, 59, 85, 86, 386
«Актер и рабочий» *см.* «Дом актера»
«Американ бар» 62
«Американка» 160
«Анне Ахматовой» («Вполоборота, — о, печаль!..») 73, 78
«Антология античной глупости» (цикл) 76, 86, 254, 357
«Ариост» 381
«Армения» (цикл) 352, 377, 386

«**Б**аллада о горлинках» 257
«Батюшков» 365, 381
«Бах» 78
«Бежит волна — волной волне хребет ломая...» 422
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» 101
«Бесшумное веретено...» 32
«Блок...» 43
«Большевикам мил элеватор...» 390
«Были очи острее точимой косы...» 444

«**В** безветрии моих садов...» 32
«В белом раю лежит богатырь...» 85
«В девятьсот двенадцатом, как яблоко румян...» 357
«В душном баре иностранец...» («Дев полуночных отвага...») 57
«В изголовьи черное распятье...» 36
«В лазури месяц новый...» 42, 222
«В лицо морозу я гляжу один...» 442
«В морозном воздухе растаял легкий дым...» 91
«В огромном омуте прозрачно и темно...» 39, 123
«В Петербурге мы сойдемся снова...» 169, 220, 255, 275
«В Петрополе прозрачном мы умрем...» 126, 142
«В половине второго...» 36

«В просторах сумеречной залы...» 31
«В разноголосице девического хора...» («Москва») 102, 111, 121, 127, 233, 354, 355
«В самом себе, как змей, таясь...» 35, 43
«В смиренномудрых высотах...» 33
«В спокойных пригородах снег...» («Чайная») 76
«В таверне воровская шайка...» 67
«В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» 124, 126, 128
«В холодных переливах лир...» 32
«Век» 216, 217, 222, 225, 226, 230, 318, 319, 410, 432
«Веницейской жизни, мрачной и бесплодной...» («Венеция») 167, 230, 386
«Веселая скороговорка...» 62
«Ветер нам утешенье принес...» 220, 229, 234, 235, 250
«Ветер с высоких дерев срывает желтые листья...» 44
«Вехи дальние обоза...» 439
«Вечер нежный, сумрак важный...» 34
«Виноград» *см.* «Золотистого меда струя из бутылки текла...»
«Влез бесенок в мокрой шерстке...» 442
«Внутри горы бездействует кумир...» 438
«Воздух пасмурный влажен и гулок...» 73, 425
«Возможна ли женщине мертвой хвала...» 421
«Возьми на радость из моих ладоней...» 169, 173, 224, 228, 468
«Вооруженный зреньем узких ос...» 444
«Вот дароносица, как солнце золотое...» 421
«Всё чуждо нам в столице непотребной...» («Фрагмент») 129, 148
«Вы помните, как бегуны...» 365, 425
«Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...» («Ленинградская зима») 256, 268, 273, 277, 290

«Где римский судия судил чужой народ...» *см.* «Notre Dame»
«Где связанный и пригвожденный стон?..» 443
«Где я? Что со мной дурного?..» 439
«Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...») 123, 128, 140, 161, 177, 180, 184–186, 194, 205, 207, 243
«Голова твоя талантлива...» 238
«Голубые глаза и горячая лобная кость...» 391
«Гончарами велик остров синий...» 445
«Грифельная ода» («Звезда с звездой — могучий стык...») 226, 232, 234, 307, 370

«Да, я лежу в земле, губами шевеля...» 420
«Дайте Тютчеву стрекозу...» 366
«Дано мне тело — что мне делать с ним...» 34, 242
«Дворцовая площадь» *см.* «Императорский виссон»
«Декабрист» («Тому свидетельство языческий сенат...») 120, 123, 133, 212, 213, 345, 414
«— Делия, где ты была? — Я лежала в объятьях Морфея...» 44
«День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» 418–420
«Дикая кошка — армянская речь...» 347
«Дифирамб миру» *см.* «Зверинец»

«Длинной жажды должник виноватый...» 445
«Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..» 357, 365
«Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» 40
«Дом Актера» («Актер и рабочий») 152, 193, 198
«Домби и сын» 75
«Дрожжи мира дорогие...» 442
«Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» 383
«Душу от внешних условий...» 39
«Дыханье вещее в стихах моих...» 33

«**Е**вропа» («Как средиземный краб или звезда морская...») 81, 83, 88
«Европа» *см.* «С розовой пеной усталости у мягких губ...» 206, 208, 211
«Евхаристия» («Вот дароносица, как солнце золотое...») 91, 421
«Египтянин» («Я выстроил себе благополучья дом...») 91, 108
«Египтянин» («Я избежал суровой пени...») 61
«Единственной отрадой...» 34
«Если б меня наши враги взяли...» 444
«Если грустишь, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч...» 357
«Если утро зимнее темно...» 33
«Есть женщины, сырой земле родные...» 448
«Есть обитаемая духом...» *см.* «Encyclica»
«Еще далёко асфоделей...» *см.* «Меганон»
«Еще далёко мне до патриарха...» 355, 359, 360
«Еще мы жизнью полны в высшей мере...» 416, 420
«Еще не умер ты. Еще ты не один..» («Нищенка») 441, 442
«Еще он помнит башмаков износ...» 444

«**Ж**елезо» («Идут года железными полками...») 420
«Жизнь упала, как зарница...» 263, 265
«Жил Александр Герцович...» 352

«**З**а гремучую доблесть грядущих веков...» 351, 352, 358, 375, 401
«За Паганини длиннопалым...» 416, 421
«За то, что я руки твои не сумел удержать...» 169, 171, 179, 186, 187
«Заблудился я в небе — что делать?..» (1) 445
«Заблудился я в небе — что делать?..» (2) 445
«Зане в садах Халатова-халифа...» 431
«Заснула чернь! Зияет площадь аркой...» 60, 62
«Зверинец» («Отверженное слово “мир”...») 90, 98, 116, 120, 122, 151, 215, 219, 260, 425
«Зимний дворец» *см.* «Императорский виссон...»
«Золотистого меда струя из бутылки текла...» 121, 130, 148, 205, 214, 215, 251, 260, 437
«Золотой» 99

«**И** глагольных окончаний колокол...» 50
«И клена зубчатая лапа...» 389
«И поныне на Афоне...» («Имябожие») 91, 101, 179, 335
«И я выхожу из пространства...» 389
«Из омута злого и вязкого...» 39

«Из-за домов, из-за лесов...» 438
«Извозчик и Дант» 274
«Имею тело: что мне делать с ним...» *см.* «Дано мне тело — что мне делать с ним...»
«Императорский виссон...» («Зимний дворец») 97, 100, 119
«Импрессионизм» 365
«Имябожие» *см.* «И поныне на Афоне...»
«Искусств приличных хоровода...» 444
«Исполню дымчатый обряд...» 424
«Истончается тонкий тлен...» 34–36

«К немецкой речи» 368, 371, 383, 412
«К пустой земле невольно припадая...» 448
«Казино» 47
«Как дерево и медь Фаворского полет...» 444
«Как женственное серебро горит...» 443
«Как землю где-нибудь небесный камень будит...» 443
«Как из одной высокогорной щели...» 390
«Как люб мне натугой живущий...» 347
«Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...» 419
«Как народная громада...» 358
«Как облаком сердце одето...» 34
«Как парламент, жующий фронду...» *см.* «Рояль»
«Как по улицам Киева-Вия...» 448, 462
«Как подарок запоздалый...» 439
«Как растет хлебов опара...» 215, 220, 250
«Как светотени мученик Рембрандт...» 444
«Как соловей, сиротствующий, славит...» *Из Петрарки* 390
«Как тельце маленькое крылышком...» 235
«Как тень внезапных облаков...» 34, 39
«— Как этих покрывал и этого убора...» 95, 102
«Канцона» 354
«Карлик-юноша, карлик-мимоза...» *коллективное* 433
«Кассандре» («Я не искал в цветущие мгновенья...») 124, 137
«Катится по небу Феб в своей золотой колеснице...» 44
«Качает ветер тоненькие прутья...» 42, 62
«Кащеев кот» *см.* «Оттого все неудачи...»
«Квартира тиха, как бумага...» 389
«Керенский» *см.* «Когда октябрьский нам готовил временщик...»
«Кинематограф» 79
«Клейкой клятвой липнут почки...» 448
«Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» 443
«Когда в далекую Корею...» 24, 365
«Когда в теплой ночи замирает...» 128, 130, 137
«Когда городская выходит на стогны луна...» 215
«Когда держался Рим в союзе с естеством...» 124
«Когда на площадях и в тишине келейной...» («Рейнвейн») 124, 138, 142, 146, 215
«Когда октябрьский нам готовил временщик...» 123, 403
«Когда подымаю...» 39

«Когда показывают восемь...» 54
«Когда Психея-жизнь спускается к теням...» 171, 204, 228, 229, 381, 445
«Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...» *см.* «Соломинка»
«Когда ты уходишь и тело лишится души...» 173
«Когда удар с ударами встречается...» 39
«Когда укор колоколов...» 34
«Когда, уничтожив набросок...» 389
«Когда уснет земля и жар отпышет...» *Из Петрарки* 390
«Когда щегол в воздушной сдобе...» 440
«Колесница» 27
«Колют ресницы. В груди прикипела слеза...» 351
«Колючая речь Араратской долины...» 347
«Кому зима — арак и пунш голубоглазый...» 194, 200, 201, 213
«Концерт на вокзале» («Нельзя дышать, и твердь кишит червями...») 253
«Конь» *см.* «За то, что я руки твои не сумел удержать...»
«Кооператив» 261
«Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...» 122, 123, 127
«Куда как страшно нам с тобой...» 350
«Куда мне деться в этом январе?..» 443

«**Л**амарк» 365, 381
«Ласточка» *см.* «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»
«Ленинград» *см.* «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»
«Летейские стихи» (цикл) 228
«Летние стансы» 63
«Лжец и ксендзы» 255
«Листьев сочувственный шорох...» 33
«Лишив меня морей, разбега и разлета...» 420
«Люблю морозное дыханье...» 443
«Люблю под сводами седыя тишины...» 206
«Люблю появление ткани...» (Восьмистишия, 1) 389
«Люблю появление ткани...» (Восьмистишия, 2) 389
«Лютеранин» 57

«**М**адригал» («Нет, не поднять волшебного фрегата...») 103
«Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...» 390
«Мастерица виноватых взоров...» 392
«Меганон» («Меганом», «Еще далёко асфоделей...») 121, 138, 149, 159, 180, 198
«Медленно урна пустая...» 36
«Медлительнее спешный (снежный) улей...» 34
«Мир должно в черном теле брать...» 420
«Мир начинался страшен и велик...» 419
«Мне вспомнился старинный апокриф...» 390
«Мне жалко, что теперь зима...» 173, 194
«Мне кажется, мы говорить должны...» 419, 420
«Мне стало страшно жизнь отжить...» 34
«Мне Тифлис горбатый снится...» 205
«Мне холодно. Прозрачная весна...» 106, 126, 142
«Может быть, это точка безумия...» 445
«Мой щегол, я голову закину...» 438

«“Мороженно!” Солнце. Воздушный бисквит...» 94, 260
«Москва» *см.* «В разноголосице девического хора...»
«Московский дождик» 214, 256
«Мы живем, под собою не чуя страны...» 389, 399
«Мы напряженного молчанья не выносим...» 78, 440
«Мы с тобой на кухне посидим...» 350

«На влажный камень возведенный...» 32, 33
«На высоком перевале...» 357
«На доске малиновой, червонной...» 444
«На каменных отрогах Пиэрии...» («Черепаха») 146, 148, 150, 151, 176
«На меня нацелилась груша да черемуха...» 448
«На мертвых ресницах Исаакий замерз...» 421
«На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» 453
«На перламутровый челнок...» 42, 160, 421
«На площадь выбежав, свободен...» 87
«На полицейской бумаге верже...» 347
«На розвальнях, уложенных соломой...» 103, 111, 233, 342
«На страшной высоте блуждающий огонь...» 126, 127, 187
«На темном небе, как узор...» 33
«На этом диком, страшном свете...» *см.* «Телефон»
«Над алтарем дымящихся зыбей...» 33, 34
«Нам не шелк, одна овчина...» 238
«Наташа спит. Зефир летает...» 444
«Наушнички, наушники мои...» 418
«Нашедший подкову» («Глядим на лес и говорим...») 229, 237, 335, 373
«Не веря воскресенья чуду...» 108, 117, 239
«Не говори никому...» 347, 350
«Не говорите мне о вечности...» 32, 33
«Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...» 383
«Не мучнистой бабочкою белой...» 13, 422, 423, 425, 435
«Не спрашивай: ты знаешь...» 39
«Не сравнивай: живущий несравним...» 465
«Не у меня, не у тебя — у них...» 438
«Не унывай...» 85
«Не фонари сияли нам, а свечи...» 106, 126, 142
«Небо вечери в стену влюбилось...» 445
«Невыразимая печаль...» 34, 242
«Негодованье старческой кифары...» 95
«Нельзя дышать, и твердь кишит червями...» *см.* «Концерт на вокзале»
«Немецкая каска» («Немецкая каска, священный трофей...») 81
«Необходимо сердцу биться...» *см.* «Стансы»
«Необходимость или разум...» 33
«Неправда» («Я с дымящей лучиной вхожу...») 353
«Нереиды мои, нереиды...» 445
«Нет, не луна, а светлый циферблат...» 61, 79, 282
«Нет, не поднять волшебного фрегата...» *см.* «Мадригал»
«Нет, не спрятаться мне от великой муры...» 353
«Нет, никогда, ничей я не был современник...» («Вариант») 256
«Нету иного пути...» 33

«Неумолимые слова...» 34, 91
«Ни о чем не нужно говорить...» 33
«Ни триумфа, ни войны!..» («Перед войной») 83
«Ночь. Дорога. Сон первичный...» 439
«Ночь на дворе. Барская лжа...» 352
«Нынче день какой-то желторотый...» 438

«**О**, бабочка, о мусульманка...» 389
«О временах простых и грубых...» 87, 123, 271
«О, как же я хочу...» 445
«О, как мы любим лицемерить...» 365
«О небо, небо, ты мне будешь сниться...» *см.* «Качает ветер тоненькие прутья...»
«О, пальцы гибкие» *см.* «На перламутровый челнок...»
«О свободе небывалой...» *см.* «Свобода»
«О, эта Лена, эта Нора...» 444
«О, этот воздух, смутой пьяный...» 105
«О, этот медленный, одышливый простор...» 442
«Обиженно уходят на холмы...» 95, 143
«Обороняет сон мою донскую сонь...» 443
«Образ твой, мучительный и зыбкий...» 47, 48, 51, 123, 127, 142, 149
«Ода Бетховену» 84
«Один портной...» 405
«Озарены луной ночевья...» 33
«Она еще не родилась...» *см.* «Silentium»
«Осенний сумрак — ржавое железо...» 43, 45
«От вторника и до субботы...» 91
«От легкой жизни мы сошли с ума...» 65, 111, 231
«От сырой простыни говорящая...» 418, 422
«Отравлен хлеб и воздух выпит....» 75
«Отрывки уничтоженных стихов» 357
«Оттого все неудачи...» 439
«Отчего душа — так певуча...» 48

«Паденье — неизменный спутник страха...» 67
«Пароходик с петухами...» 453
«Пастораль» («В германских пущах слышен рёв позаун...») *коллективное* 48
«Перед войной» *см.* «Ни триумфа, ни войны...»
«Петербургские строфы» 57, 438
«Петрополь» («Мне холодно. Прозрачная весна...») 106, 126, 142
«Петрополь» (цикл) 106, 142
«Пластинкой тоненькой жиллета...» 438
«Плещут воды Флегетона...» 397
«Поговорим о Риме — дивный град...» 168
«Под грозовыми облаками...» 34
«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» 355, 357, 371, 387
«Полотер» 261
«Поляки! Я не вижу смысла...» *см.* «Polacy!»
«Помоги, Господь, эту ночь прожить...» 350
«После полуночи сердце ворует...» 352

«Посох» 87
«Поэту море по коленки!..» 238
«Пою, когда гортань сыра, душа — суха...» 444
«Привыкают к пчеловоду пчелы...» 395
«Промчались дни мои, как бы оленей...» *Из Петрарки* 391
«Прославим, братья, сумерки свободы...» *см.* «Гимн»
«Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» 418
«Пустует место. Вечер длится...» 33
«Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты...» 47, 67
«Пусть имена цветущих городов...» 126

«**Р**азрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» 444
«Раковина» («Быть может, я тебе не нужен...») 43, 295, 301
«Реймс и Кельн» 81, 85, 86, 91
«Реймсский собор» *см.* «Реймс и Кельн»
«Рейнвейн» *см.* «Когда на площадях и в тишине келейной...»
«Речка, распухшая от слез соленых...» *Из Петрарки* 390
«Решенье» 445
«Рим» («Где лягушки фонтанов, расквакавшись...») 445
«Рим» (цикл) 87
«Римских ночей полновесные слитки...» 422
«Рождение улыбки» («Когда заулыбается дитя...») 438, 443
«Рояль» («Как парламент, жующий фронду...») 353, 365

«**С** миром державным я был лишь ребячески связан...» 350, 353
«С примесью ворона голуби...» 451
«С розовой пеной усталости у мягких губ...» *см.* «Европа»
«Свобода» («О свободе небывалой...») 91
«Себя губя, себе противореча...» *см.* «К немецкой речи»
«Сегодня дурной день...» 48
«Сегодня можно снять декалькомани...» 357–360
«Сегодня ночью, не солгу...» 268, 297
«Сеновал» (цикл) 216
«Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» 151, 193, 194, 220, 229, 234, 242, 414
«Скажи мне, чертежник пустыни...» 389
«Скудный луч, холодной мерою...» 43, 77
«Слух чуткий — парус напрягает...» 62
«Случайная небрежность иль ослышка...» 421
«Слышу на лестнице шум быстро идущего Пяста...» 397
«Слышу, слышу ранний лед...» 443
«Собирались эллины войною...» 114, 125, 135
«Соломинка» 115, 117, 122, 222
«Соломинка» (цикл) 117, 151
«Сосновой рощицы закон...» 439
«Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» 354
«Спорт» 80
«Среди лесов, унылых и заброшенных...» 26
«Среди священников левитом молодым...» 123, 127, 142, 151, 200
«Средь народного шума и спеха...» 443

«Стансы» («Необходимо сердцу биться...») 453
«Стансы» («Я не хочу средь юношей тепличных...») 413, 424
«Старик Маргулис под сурдинку...» 360
«Стихи о неизвестном солдате» («Этот воздух пусть будет свидетелем...») 21, 444, 448, 451
«Стихи о русской поэзии» (цикл) 366
«Сумерки свободы» *см.* «Гимн»
«Счастия в Москве отчаяв...» 370

«**Т**ам, где купальни-бумагопрядильни...» 365
«Твое чудесное произношенье...» 142, 147
«Твой зрачок в небесной корке...» 440
«Твоя веселая нежность...» 32
«Театральный разъезд» *см.* «Чуть мерцает призрачная сцена...»
«Телефон» («На этом диком, страшном свете...») 130
«Темных уз земного заточенья...» 39
«Теннис» 61, 79, 99
«Тетушка и Мирабо» («Куда как тетушка моя была богата...») 274
«Тристия» *см.* «Я изучил науку расставанья...»
«Только детские книги читать...» 151, 260
«Троянский конь» *см.* «За то, что я руки твои не сумел удержать...»
«Ты должен мной повелевать...» 419
«Ты прошла сквозь облако тумана...» 39, 81
«Ты улыбаешься кому...» 31
«Тянется лесом дороженька пыльная...» 26, 35
«Тянули жилы, жили-были...» 420

«**У** вас в семье нашел опору я...» 295
«У меня не много денег...» 62
«Убиты медью вечерней...» 34
«Увы, растаяла свеча...» 365
«Улыбнись, ягненок гневный...» 440
«Умирающий Петрополь» *см.* «На страшной высоте блуждающий огонь...»
«Умывался ночью на дворе...» 188, 200, 204, 207
«Уничтожает пламень...» 106, 213
«Уста запеклись и разверзлись чресла...» 390
«Утро 10 января 1934 года» (цикл) 391

«**Ф**аэтонщик» («На высоком перевале...») 357, 358, 371
«Феодосия» («Окружена высокими холмами...») 204, 225
«Флейты греческой тэта и йота...» 426, 446
«Фрагмент» *см.* «Всё чуждо нам в столице непотребной...»
«Футбол» («Рассеен утренник тяжелый...») 74
«Футбол» («Телохранитель был отравлен...») 80

«**Х**одит Вермель, тяжело дыша...» 370
«Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...» 386
«Холодок щекочет темя...» 208, 226, 229, 250

«**Ц**арское Село» («Поедем в Царское Село!..») 98, 193, 283

«**Ч**айная» *см.* «В спокойных пригородах снег...»
«Черепаха» *см.* «На каменных отрогах Пиэрии...»
«Чернозем» («Переуважена, перечерна, вся в холе...») 419
«Чистильщик» 261
«Что делать нам с убитостью равнин...» 442
«Что музыка нежных...» 33
«Что поют часы-кузнечик...» 159, 225, 414
«Чтоб, приятель и ветра и капель...» 445
«Чуть мерцает призрачная сцена...» 169, 185, 186, 187, 191, 215, 225

«**Ш**арманка» 47, 76
«Шестого чувства крошечный придаток...» 365
«Шло цепочкой в темноводье...» 439

«**Э**вридика» *см.* «Чуть мерцает призрачная сцена...»
«Эпиграмма в терцинах» 355, 358
«Эта ночь непоправима...» 113, 117
«Это какая улица?..» 418

«**Я** буду метаться по табору улицы темной...» 265, 298
«Я в львиный ров и в крепость погружен...» 444
«Я в сердце века. Путь неясен...» 438
«Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» 208, 212
«Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» 348, 350, 371
«Я вздрагиваю от холода...» 48
«Я видел озеро, стоявшее отвесно...» 444
«Я вижу каменное небо...» 34
«Я должен жить, хотя я дважды умер...» 418
«Я живу на важных огородах...» 418
«Я знаю, что обман в видении немыслим...» 39
«Я к губам подношу эту зелень...» 448
«Я молю, как жалости и милости...» 444
«Я наравне с другими...» 212
«Я не знаю, с каких пор...» 216, 226, 236, 254, 432
«Я не поклонник радости предвзятой...» 53
«Я не слыхал рассказов Оссиана...» 87, 127, 466
«Я не увижу знаменитой „Федры“...» 95, 96, 104
«Я нынче в паутине световой...» 443
«Я около Кольцова...» 440
«Я по лесенке приставной...» 216, 226, 236, 432
«Я помню берег вековой...» 34
«— Я потеряла нежную камею...» 114, 128
«Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...» 353, 386, 409
«Я связан молоком с языческой Палладой...» 121
«Я семафор со сломанной рукой...» 416
«Я скажу тебе с последней...» 350, 353, 451
«Я скажу это начерно, шепотом...» 445
«Я слово позабыл, что я хотел сказать...» 168, 169, 173, 174, 228, 416
«Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток...» 419
«Язык булыжника мне голубя понятней...» («Париж»; «Прабабка городов») 232, 256

«Encyclica» («Есть обитаемая духом...») 81, 90
«Notre Dame» («Где римский студия судил чужой народ...») 59, 308, 386
«Polacy!» 81, 82, 276
«Silentium» («Она еще не родилась...») 34, 205, 403
«Tristia» («Я изучил науку расставанья...») 138, 141, 142, 176, 177, 345

*Проза**

«А. Блок» 52, 174, 213, 295
«А. Шенье», «Андре Шенье» 85, 204
«Армия поэтов» 238–240
«Батум» 190
«Березиль» 287
«Борис Пастернак» 225
«Буржуазный "Петербург"» *см.* «Шум времени»
«Буря и натиск» 199, 200, 225
«Возвращение» 155
«Выпад» 253, 370
«Государство и ритм» 151
«Гротеск» 192
«Гуманизм и современность» 102, 174, 223
«Девятнадцатый век» 211, 216
«Египетская марка» 294, 298, 301, 306, 309, 311, 312, 314, 315, 319, 321, 324, 328, 329, 335, 336, 346, 347, 351, 373, 433, 461
«Ессентуки» 295
«К проблеме научного стиля Дарвина» 364
«К юбилею Ф. К. Сологуба» 243
«Киев» (I) 287
«Киев» (II) 287
«Кисловодск весной» 294
«Кое-что о грузинском искусстве» 190
«Конец романа» 219
«Кровавая мистерия 9-го января» 23, 191
«Крымские впечатления» 239
«Литературная Москва» 207, 215
«Литературная Москва (Рождение фабулы)» 219
«Международная крестьянская конференция» 240
«Меньшевики в Грузии» 155, 156, 235
«Московский Государственный еврейский театр» 289
«Нюэн Ай-Как» 241
«О внутреннем эллинизме...» *см.* «О природе слова»
«О природе слова» 192, 231, 437
«О собеседнике» 57, 62
«О современной поэзии» 112
«Первая международная крестьянская конференция» 237
«Петр Чаадаев» 84, 90, 95, 243, 272, 365

* В раздел включены «большая» проза, статьи творческого характера, примыкающие к ним отдельные предисловия, а также очерки.

«Пивные» 239
«Письмо о русской поэзии» 174, 190
«Прибой у гроба» 243
«Путешествие в Армению» 357, 359, 360, 366, 367, 376, 380, 383, 385, 393, 434
«Пшеница человеческая» 207
«Пьер Гамп» 241
«Разговор о Данте» 387, 389, 431
«Революционер в театре» 222
«Севастополь» 237
«Скрябин и христианство» 118, 123
«Слово и культура» 176, 177, 183
«Современный Батум» 192
«Сухаревка» 234, 286
«Утро акмеизма» 60, 140, 321
«Франсуа Виллон» 60
«Холодное лето» 233
«Художественный театр и слово» 238
«Четвертая проза» 305, 339, 340, 363
«Шуба» 191, 194
«Шум времени» 21, 22, 235, 244, 252, 254, 263–265, 269, 272, 273, 276, 277, 281, 285, 306, 319, 399, 410, 440, 461
«Я пишу сценарий» 297
«Яхонтов» 297
«Vulgata» 234, 236, 240, 244

Указатель имен

АА, А. А. *см.* Ахматова А. А.
А. Г. 369
Абрамов С. А. 240, 244
Авербах Л. Л. 262, 324, 359, 365
Аверьянов М. В. 78, 79
Аврелий 162
Агапов Б. Н. 336
Агнивцев Н. Я. 257
Аграновъ Я. С. 201
Адалис А. Е. 370, 425, 456
Адамович Г. В. 63, 75, 78, 84, 87, 91, 95, 96, 98, 103, 104, 111, 112, 115, 119, 125, 128, 193, 194, 198, 237, 268, 271, 284
Адуев Н. А. 219, 324, 326, 329
Азадовский К. М. 11, 37, 49, 356
Азиатцев Д. Б. 9
Айзенштокъ И. Я. 202
Айседора *см.* Дункан А.
Айхенвальд Ю. И. 187, 264, 285
Айч (семья) 420
Айч Н. В. 422, 437, 448
Аксенов И. А. 201, 207, 211, 222, 363, 400
Александр *см.* Мандельштам А. Э.
Александр II, императоръ 297
Александр III, императоръ 21
Алекандр Александровичъ *см.* Блок А. А.
Александр Герцович 350, 352
Александрова Н. Г. 136
Александрова Н. И. 191
Александровичъ В. А. 131
Алексеев Н. А. 193
Алексеев-Гай А. 334
Алексеева Л. 223
Алексей Николаевичъ *см.* Толстой Ал. Н.
Алкей 74
Алперс Б. В. 96
Алперс В. В. 81, 96
Альперин Мария 212
Альтман М. С. 183, 242, 243
Альтман Н. И. 70, 88–91, 171
Альтшуллер *см.* Лежнев И. Г.
Аля *см.* Эфронъ А. С.
Алякринский П. А. 339
Алянский С. М. 174, 398
Амп (Гамп) П. 241, 244, 245
Ан. 130
Ангарский Н. С. 226
Ангертъ Д. Н. 306
Андерсен-Нексэ М. 283
Андерсонъ В. Н. 55
Андреев А. А. 464, 465
Андреева В. К. 304
Андреева И. 77
Андреева М. Ф. 87
Андреева-Шилейко В. К. 304
Андрониковъ И. Л. 455
Андроникова (Андреева, Гальперн) С. Н. 101, 114, 117, 121, 355
Анисимов Ю. П. 292
Аничковъ Е. В. 38, 45, 74
Анна Андреевна *см.* Ахматова А. А.
Анненковъ Ю. П. 80
Анненкова (Анненкова-Гальперина) Е. Б. 123
Анненскій И. Ф. 13, 32, 34, 36, 43, 84, 71, 74, 79, 144, 192, 195, 237, 292
Анреп Б. В. фонъ 65, 71
Антокольский П. Г. 88, 292, 342, 371
Анциферовъ Н. П. 218, 297
Аня, Аничка *см.* Ахматова А. А.
Аня *см.* Хазина А. Я.
Апостолов 154
Аратовскій Н. В. 137

Арбенина О. Н. 168, 169, 171–173, 245, 246, 257
Арго А. М. 219
Ардов М. В. 242
Ардовы 449
Аренс В. Е. 170
Аренс-Пунина А. Е. 310
Ариосто (Ариост) Л. 381, 383
Арнштам А. М. 80
Аронов Л. Г. 15
Аросев А. Я. 131, 200
Архангельский А. А. 46
Архангельский А. Г. 382
Архиппов Е. Я. 269, 287, 289, 292, 293, 297–299, 358, 365, 366, 368, 370, 379, 391, 400
Архиппова К. Л. 386, 389
Арьев А. Ю. 9, 65, 89
Арьев М. Я. 274
Асеев Н. Н. 145, 199, 212, 214, 218, 235, 256, 264, 270, 294, 366, 382, 458
Ауслендер С. А. 55, 129, 236
Ауэр С. В. 173
Афиногенов А. Н. 431
Ахматова А. А. 7, 8, 10, 13,14,17, 36–38, 41–48, 50, 52, 55–61, 65–69, 71–78, 80–84, 86–89, 96–98, 101–104, 111, 113, 115, 117–119, 122–127, 131, 135, 141, 144, 150, 151, 155, 162, 169, 175, 176, 187, 188, 191–194, 205, 208, 211, 213, 217, 220, 222–224, 232, 236, 237, 242, 244, 245, 247–250, 252, 258, 260–268, 270, 274, 277–283, 285–289, 291–293, 297–299, 301, 303, 304, 307, 309, 318, 324, 326, 327, 330, 362, 366–369, 372, 375–380, 387–389, 391, 393–395, 400, 402–405, 411, 413, 416, 422, 431, 432, 434, 436, 441, 443, 449, 451, 452, 455, 458, 463
Ашимбаева Н. Т. 9
Ашукин Н. С. 258

Бабаев Э. Г. 268
Бабель И. Э. 300, 320, 459, 460
Бабенчиков М. В. 91
Бабин Б. В. 257
Бабина Б. А. 257
Бабиченко Д. Л. 359
Багрицкий Э. Г. 218, 307, 308, 324, 358, 362, 368, 382, 392, 397
Балагин А. С. 200
Балашев 368
Балтрушайтис Ю. К. 138, 292, 402, 408
Бальзак О. де 282
Бальмонт К. Д. 44, 46, 61, 65, 90, 114, 141, 222, 233, 470
Бальмонт Н. К. 64, 75, 76
Бамдас М. М. 88
Барабасенко Н. Ф. 319
Баратынский Е. А. 301, 318, 365, 388
Барбье О. 235, 241–245, 247, 249, 316
Барбюс А. 243, 245, 247, 249, 258, 262, 276, 281, 294, 298
Баринова Г. В. 415, 416
Бартель М. 247, 249, 251, 252, 254, 255, 257, 262, 269, 288, 291, 295, 338
Басалаев И. М. 375
Басаргина-Блок Л. Д. *см.* Блок Л. Д.
Баскаков 279
Батрак И. 340
Батюшков К. Н. 365, 381
Батюшков Ф. Д. 292
Баузе Р. П. 399
Бах И. С. 78, 81, 195, 380, 426
Бахрах А. В. 233
Бахтин 65
Бедный Д. 222, 408
Безыменский А. И. 310, 386, 394, 413
Бейлис М. М. 67, 340
Беленсон А. Э. 218
Белецкий А. И. 139
Белиловский К. А. 122
Белов И. 187
Белый Андрей 15, 36, 39, 45, 69, 123, 124, 152, 184, 193, 195, 205, 222, 236, 258, 264, 291, 371, 382, 383–385, 391–393, 407, 470
Белый Е. Г. 136
Белявский С. И. 24
Бем А. Л. 202, 454
Бен, Бенедикт *см.* Лившиц Б. К.
Бенуа А. Н. 169

Бены *см.* Лившицы Б. К. и Е. К.
Бень Е. М. 107
Берберова Н. Н. 206, 208
Бергер 468
Бергсон А. 53, 193
Бердичевский Я. И. 100
Бердяев Н. А. 203
Берендгоф Н. С. 354
Беренштам Вл. 84
Берестов В. Д. 268
Берковский Н. Я. 328
Берман Л. В. 170, 257
Бернер Н. Ф. 213, 234, 237, 358, 414
Бернштейн Саня *см.* Бернштейн И. И.
Бернштейн И. И. 463
Бернштейн С. И. 169, 170, 203, 261, 463
Бертельс Е. Э. 397
Бескин О. М. 296, 317, 380
Беспрозванный В. Г. 9
Бестужев Вл. *см.* Гиппиус Вл. В.
Бетховен Л. ван 46, 84, 433, 434
Бизюкин Д. Д. 61, 77
Бикерман 223
Благой Д. Д. 203, 213
Бласко Ибаньес В. 290
Блиц О. Н. (Пиляй Е.) 213
Блок А. А. 10, 12–14, 37–39, 42, 46–49, 52–54, 57–60, 68, 69, 74, 75, 84, 85, 88, 103, 114, 124, 126, 128, 133, 134, 144, 150, 154, 165, 167–169, 171–176, 180, 185, 187–189, 192, 195, 203, 204, 210, 213, 220, 222, 237, 249, 264, 273, 276, 283, 285, 286, 289, 292, 293, 295, 302, 317, 348, 413, 422, 432, 461, 470
Блок Л. Д. 128, 144, 249, 253
Блох Я. Н. 168, 170, 182
Блюм А. В. 383
Блюмкин Я. Г. 128, 131, 132, 143, 161, 162, 277, 308
Бобров С. П. 207, 234
Богаевский Б. Л. 103
Богатырев П. Г. 134
Богатырева С. И. 9, 169, 463
Богданов А. А. 330, 336
Богданова-Бельская П. О. 117, 121
Богданович Т. А. 271
Богомильский Д. К. 230
Богомолов Л. И. 407
Богомолов Н. А. 9, 12, 25, 146, 176, 221, 223, 236, 319, 408
Богуславская К. Л. 90
Бодлер (Бодлэр) Ш. 125, 144, 310, 470
Бодуэн де Куртене И. А. 62
Божерянов А. И. 75
Большаков К. А. 137, 217
Бондаренко М. В. 186
Бонди (семья) 81
Бонч-Бруевич В. Д. 392, 396, 399
Боратынский *см.* Баратынский Е. А.
Борис *см.* Молчанов Б. Е.
Борисов Л. И. 302
Бородаевский В. В. 233
Бородин С. П. *см.* Саргиджан Амир
Боткин С. М. 51, 65
Боцяновский В. Ф. 40
Бояджиева Х. Ф. 180, 422
Браудо Е. М. 103
Браун Ф. А. 48, 49, 113
Браун Я. В. 191, 192
Брейзах П. 434
Брехничев (Брихничев) И. П. 183, 184
Брик Л. Ю. 170
Брик О. М. 95, 203
Британ И. А. 261
Бродский Д. Г. 400, 402, 407
Бродский Н. Л. 321
Бромлей Н. Н. 191
Бронштейн В. Б. 388
Бруни, отец *см.* Бруни Н. А.
Бруни Л. А. 89, 368, 453, 456, 459
Бруни Н. А. 44, 54, 81, 82, 89, 90, 335
Бруни Н. К. 105, 459
Брусянин В. В. 39
Брюсов В. Я. 26, 27, 34–36, 42, 54, 58, 60, 61, 84, 87, 105, 114, 115, 118, 143, 192, 196, 197, 211, 218, 222, 230, 233, 239, 240, 261, 272, 293, 299, 386, 432, 470
Бугаев Б. Н. *см.* Белый Андрей
Бугаева К. Н. 384
Буданцев С. Ф. 324, 363
Будовниц И. У. 312, 313
Бузанов В. 342

Булавин М. Я. 431, 432, 460
Булгаков М. А. 189, 207, 221, 250, 394, 416
Булгакова Е. С. 189, 404, 405, 411, 416, 447
Булгаковы (М. А. и Е. С.) 394
Бурлюк Д. Д. 50, 63, 64
Бурлюк Н. Д. 50, 56, 63, 68–70
Бурлюк-младший *см.* Бурлюк Н. Д.
Бутман Д. М. 409, 413
Бутомо-Названова О. Н. 123, 124
Бухарин Н. И. 226, 227, 243, 298, 300, 305, 331–333, 339, 348, 356, 364, 368, 379, 385, 402, 405, 408, 444, 466
Бухов А. С. 50, 368
Бухштаб. Б. Я. 376
Бызов А. Г. 436
Бэлза И. Ф. 319

В. С. 308
Вагинов К. К. 210, 279–282, 285, 327, 349, 350, 393, 394, 416
Вадик 441
Вайсенберг Л. 337
Ваксель О. А. 258, 263, 265
Валерия Сергеевна *см.* Срезневская В. С.
Вальтер Р. Р. фон 60
Ван Гог В. 367
Вандервельде Э. 155, 157
Варава Б. Н. 47
Варденский Г. 276
Варковицкая Л. М. 387
Варламова Л. 338, 339
Василенко Вл. 307
Василенко С. В. 9, 10, 12–14, 322, 371
Васильев П. Н. 356
Васильева Л. Н. 117
Введенский А. И., поэт 13, 257
Введенский А. И., философ 110
Вдовин Е. П. 410, 412
Вейдле В. В. 263
Велиженов А. Б. 215
Венгеров С. А. 113, 114
Венгерова З. А. 61, 171
Венгерова И. А. 25
Венгров Н. 95, 124, 140, 145, 247
Венедиктов А. Г. 306, 307, 314
Вербловская С. Г. 115
Вербловская Ф. О. *см.* Мандельштам Ф. О.
Вергилий 209, 274
Вересаев В. В. 149, 154, 231, 232
Верин Б. 168
Верлен П. 27, 60, 125, 158, 250, 310, 470
Вермель Ю. М. 370
Верфель Ф. 291
Верхарн Э. 115, 125
Верхман А. 339
Верховский Ю. И. 37, 38, 44, 74, 123, 179, 191, 237, 292
Верхоустинский Б. А. 47
Видгоф Л. М. 9–11, 17, 131, 132, 135, 205, 223, 237, 282, 296, 298, 305, 323, 332, 336, 354, 358, 360, 363, 366, 368, 379, 447, 454, 462
Вийон Фр. 48, 52, 155
Виленкин В. Я. 14
Виллон Фр. *см.* Вийон Ф.
Винавер М. Л. 406
Винберг 395
Виндельбанд В. 110
Виноградов А. К. 323, 368
Виноградов В. 221
Вир (Попов) А. А. 40, 65, 67–69, 71, 76, 81, 82
Витенсон М. С. 393
Виткинд 360
Вишневецкая С. К. 199, 428
Вишневский В. В. 428, 438, 462
Вова *см.* Лебедев В. В.
Вогак К. А. 49, 51, 56
Воинов Р. В. 90
Войтинская В. Л. 267
Войтинская Н. С. 267
Волин Б. М. 336
Волков А. А. 403, 432
Волконский С. М. 64, 121, 134, 135
Волосов 257
Волошин М. А. 11, 17, 25, 26, 30, 32, 92–95, 99, 100, 107–112, 120–122, 126, 141, 148–154, 179, 190, 192–194, 200, 212, 222, 226, 232, 240, 243, 244, 250, 370, 391
Волошина Е. О. 91–95, 99, 100, 107–109, 148
Волошины 107, 108, 110, 151

Волынский А. Л. 115, 176
Вольберг О. А. 133, 134
Волькенау Н. В. 216, 230
Волькенштейн В. М. 225
Волькенштейн Ф. Ф. 369
Вольмар Люсциниус *см.* Соловьев Вл. Н.
Вольпе Ц. С. 455
Вольский А. 207
Вольф С. О. 432
Ворагине П. де 133
Воробьева М. З. 15
Воронихин А. Н. 87
Воронов Виктор 104
Воронский А. К. 214, 217, 225, 244, 251, 258, 259, 281, 311, 377
Ворошилов К. Е. 347, 351, 385
Врангель Н. Н. 85
Врангель П. Н. 151
Выгодские (Д. И. и Э. И.) 8, 290, 302, 303, 307, 308, 327, 333
Выгодский Д. И. 118, 139, 140, 219, 230, 274, 275, 279, 290, 294, 298, 300, 302, 303, 307, 327, 333, 378, 397
Вырубова А. А. 320
Высоцкий А. 409
Вышеславцев Н. Н. 163
Вышеславцева С. Г. 134, 136
Вьеле-Гриффен Ф. 75
Вячеслав *см.* Иванов Вяч. И.

Габричевский А. Г. 331
Гавронская Л. С. 29
Гайдн Й. 462
Галис А. 414
Галкин Н. В. 269
Галушкин А. Ю. 11, 14, 180, 198, 199, 202, 207, 298
Гальперин М. П. 242
Гальперина-Осмеркина Е. К. 457
Гальперн С. Н. *см.* Андроникова С. Н.
Гамп П. *см.* Амп П.
Гаприндашвили В. 184, 188
Гарднер В. Д. 56
Гаспаров М. Л. 11, 30, 31
Гастев А. К. 138
Гатов А. Б. 138
Гауптман Г. 236
Геббель Х. В. 138, 219
Гедике А. 380
Гедройц В. И. 65, 103, 318, 320, 340
Гелен М. 270
Геллер Ф. 271, 274, 279
Гендлин Л. Е. 302
Генке-Шифрина М. Г. 18
Генкин М. И. 411
Георге С. 60
Герасимов М. 360
Гердт Е. П. 435
Герман Ю. П. 458
Герман Э. Я. 162, 218
Герр Р. 17
Герцен А. И. 276
Гете И. В. 125, 260, 342, 373, 384, 420, 425
Гершензон М. О. 213, 305
Герштейн Э. Г. 11, 301, 314, 315, 317, 322, 336, 338, 344, 352, 356, 360, 361, 363, 370, 391, 392, 394, 395, 410, 431, 434, 450–452
Гершуни Г. А. 28, 29
Гефт И. С. 300
Гехт С. Г. 378
Гецов М. А. 412
Гидаспов Д. Ф. 22
Гидони А. И. 71
Гизетти А. А. 79, 124
Гиляров А. Н. 146
Гиляров С. А. 146, 319
Гинзбург Л. М. 427
Гинзбург Л. Я. 8, 12, 113, 138, 280, 282, 297, 376, 387, 427
Гинзбург С. М. 302
Гиппиус Вас. В. 43, 44, 46–49, 51, 65, 68, 69, 73, 130, 270
Гиппиус Вл. В. 29, 34, 47, 58, 59, 68, 114
Гиппиус З. Н. 30, 34–36, 62, 123, 124, 259, 272
Глаголин С. М. 138
Гладков А. К. 12, 370, 392, 402, 407, 415, 436, 451
Гладков Ф. В. 383, 385, 392
Гладкова С. 383
Глебова-Судейкина О. А. 84, 115, 123, 125, 127, 128
Глиэр Р. М. 242
Глоба А. А. 103, 105, 191

Глухов-Щуринский А. И. 12, 333, 334, 340
Глюк К. В. 425, 433
Гнедов В. 54, 70
Гоген П. 367
Гоголь Н. В. 122, 292, 297, 298, 397
Голицыны 171
Голлербах Э. Ф. 169, 173, 186, 198, 292, 299, 305, 386, 452
Голоухов Н. Н. 215
Голубовская Н. И. 124
Гольденвейзер А. Б. 128, 129
Гольдони К. 226
Гольцев В. В. 362, 435
Гонта М. П. 256
Гончарова Н. С. 78
Гораций (Квинт Гораций Флакк) 239
Горбаневская Н. 390, 415, 461
Горбачев Г. Е. 293, 327, 332, 376, 385
Горбачева В. Н. 353, 393
Горбов Д. А. 103
Горбунов Н. П. 127
Гордин В. Л. 415
Гордон Л. С. 239, 261
Горенко А. А. *см.* Ахматова А. А.
Горлин А. Н. 245, 253, 254, 267, 274, 278, 288, 290, 302, 303, 306
Горнунг Б. В. 9, 12, 15, 16, 216, 229, 231, 244, 264, 268, 271, 281, 294–296, 326, 327, 331
Горнунг Л. В. 11, 14, 226, 234, 237, 266, 268, 271, 274, 277, 281, 305, 354, 366, 380, 392, 402, 436
Горнунги 295
Горнфельд А. Г. 236, 263, 295, 312, 314–318, 321, 323–326–330, 336, 339, 340, 459, 464
Городецкая А. А. 73
Городецкий Л. Р. 338
Городецкий С. М. 7, 37, 38, 41, 42, 44–48, 52–61, 64, 66, 68, 72–79, 82–84, 86–88, 98, 99, 104, 125, 140, 154, 155, 170, 183, 187, 210, 214, 222, 289, 334, 402, 409
Горфинкель Д. М. 291, 302
Горфункель 303
Горчева А. Ю. 410
Горький А. М. 134, 174, 231, 244, 307, 311, 385, 386, 388, 427
Готье Т. 52, 55, 178, 460
Гофман В. В. 30
Гофман М. Л. 292
Гофман Э. Т. А. 113, 164, 231
Гоффеншефер В. Ц. 379
Грааль-Арельский (Петров С. С.) 53
Гребенщиков Я. П. 171
Гредескул Н. А. 35
Грек С. А. 67, 69
Гречишкин С. С. 137
Григорьев 223
Григорьев А. 10, 348
Григорьев А. А. 276
Григорьева Н. Г. 132, 227
Григорьева Т. Г. 132, 349, 379
Гримм, братья 462
Грин А. С. 164, 165, 292, 338, 330, 378, 379, 391
Грин Н. Н. 339, 378–380, 391, 393, 436
Гринберг И. И. 294
Грипич А. Л. 65, 70, 81
Грифцов Б. А. 100, 103
Гриц Т. С. 368
Гришашвили И. 388
Громова Н. А. 9, 256
Гронский И. М. 362, 363
Гроссман Л. П. 149, 191, 204, 225, 229, 292, 392
Грошиков Федор 176
Груздев И. А. 220, 246, 265, 278, 280, 327, 380
Грузинов И. В. 161
Грюнберг Л. Б. 279, 280, 303
Губер А. А. 382
Губер П. 123
Гудзий Н. К. 199
Гуковский Г. А. 375, 391
Гулливер (псевдоним) 306, 353
Гуми, Гумми *см.* Гумилев Н. С.
Гумилев Л. Н. 391, 392, 400, 426
Гумилев Н. С. 7, 12, 14, 16, 30, 37, 38, 41–49, 51–55, 57, 59–61, 63–66, 72–80, 83–87, 91, 96–102, 111,113, 115, 117, 118, 125–128, 133, 143, 151, 152, 154, 162, 163, 165–167, 169–179, 182, 185–187,

191–194, 202, 207–209, 212, 213, 222, 237, 244, 249, 250, 257, 258, 263, 265, 269–271, 283, 285, 286, 289, 293, 299, 307–309, 318, 319, 332, 349, 372, 391, 408, 409, 415, 418, 421
Гумилева А. А. *см.* Ахматова А. А.
Гумилевы (Н. С. и А. А.) 38, 45–49, 54, 57, 63, 77
Гурвич Э. С. 149, 355
Гуревич 305
Гурфинкель М. Л. 376
Гурфинкель Н. Л. 345
Гусев А. Н. 347, 362
Гусман Б. Е. 222
Гутман Д. Г. 254
Гыдов В. Н. 400, 406
Гюго В. 299
Гюисманс Ж. К. 59
Гюисманс К. 157

Д'Актиль Д. 277
Давыдов З. Д. 11
Давыдов З. С. 126, 265
Дальцев З. Г. 215
Данилин Ю. И. 428
Данилов М. 189
Данилов Н. И. 140
Данте (Дант) А. 51, 152, 153, 233, 244, 274, 375, 387, 389, 395, 425, 431, 465
Данько Н. Я. 401
Дарвин Ч. Р. 364
Дармолатова М. Н. 246
Дармолатова Н. Д. *см.* Мандельштам Н. Д.
Дармолатова С. Д. *см.* Лебедева С. Д.
Даудистель А. 274, 286
Двинятина Т. М. 12, 14, 179, 181, 193, 293, 300
Деген Ю. Е. 125
Дейч А. И. 143, 147
Дейч Л. Г. 166
Делонэ С. 64, 72
Дельвиг А. А. 38, 286
Демосфен 120
Деникин А. И. 151
Державин Г. Р. 353, 354, 365, 392, 461, 470
Державин Н. С. 396
Дерман А. Б. 263, 312, 316, 325, 326, 336, 339, 340, 459, 464
Джойс Дж. 336
Джорджадзе Т. И. 114
Джорыгов 279
Дзевановская А. Ю. 9
Дзержинский Ф. Э. 131
Диатроптов Б. А. 107
Дина, Диночка *см.* Бутман Д. М.
Длигач Л. М. 213, 413
Дмитриев А. П. 12
Дмитриев П. В. 9
Дмитриева Е. И. 30, 192
Добиаш-Рождественская О. А. 292
Добролюбов А. М. 233
Добролюбов Н. А. 435
Добронравов Л. М. 127
Добужинский М. В. 254, 258
Добычин Л. И. 433
Добычина Н. Е. 84, 119
Доде А. 293, 294
Доленго М. 130
Долинин А. 61
Долинин А. А. 9, 261, 262, 438
Долинов М. А. 44, 65, 69, 74, 81, 103, 104
Домгер А. Л. 200
Дорохов П. М. 423, 424
Достевский Ф. М. 162, 176, 187, 292, 462
Драницин В. Н. 9, 25
Дрейфус А. 285
Дроздов А. М. 392
Друзин В. П. 307, 311, 324
Дубянский А. М. 146
Дувакин В. Д. 63
Дункан А. 283
Дымов О. 40
Дэвис Р. 9
Дюамель Ж. 226, 229, 294

Евгений *см.* Мандельштам Е. Э.
Евгений Яковлевич *см.* Хазин Е. Я.
Евдокимов И. В. 65, 67, 69, 71, 76, 79
Евреинов Н. Н. 160
Ежов И. С. 268
Ежов Н. И. 466
Екатерина Ивановна 135
Елена *см.* Гальперина-Осмеркина Е. К.

Елена Павловна *см.* Паскина Е. П.
Елисеев Н. Л. 9
Елисеев П. С. 162, 166, 173
Елисеевы 166
Енишерлов В. П. 12, 73, 183, 210
Енукидзе А. С. 402
Еропин 214
Есенин С. А. 14, 87, 91, 98, 103, 104, 124, 133, 144, 161, 191, 197, 208, 213, 241, 242, 270, 276, 277, 283, 293, 318, 413
Ефим 164, 173
Ефимов М. В. 243, 286
Ефременков А. А. 130
Ефрон Н. Г. 422

Жамм Фр. 125
Жаров А. А. 310
Желябов А. И. 419
Женя *см.* Мандельштам Е. Э.
Женя, Женичка *см.* Хазин Е. Я.
Жирмунская Н. А. 113
Жирмунская-Аствацатурова В. В. 211
Жирмунский В. М. 15, 48–50, 62, 55, 61, 112, 113, 115, 117, 118, 125, 169, 185, 211, 282, 296, 299, 375, 415
Жироду Ж. 328, 375
Житомирский В. К. 400
Жиц Ф. А. 311
Жув П. 234
Жуков П. 241
Жуковская В. А. 100, 108
Жуковский В. А. 287, 365
Журба П. Т. 327

Заболоцкий Н. А. 381, 387, 393, 458
Заводзинский К. В. 414
Задонский Н. А. 410
Зайцев, повар 263
Зайцев Б. К. 103, 186
Зайцев Петр 131
Зайцев П. Н. 16, 189, 199, 200, 226, 237, 283, 391, 392
Зайцева В. А. 97
Замятин Е. И. 128, 162, 171, 214, 258, 303, 336
Замятина Л. Н. 251, 303
Запровская А. Я. 269
Зарубин В. Г. 153
Зарх (Зархи?) Н. 215
Заславский Д. И. 295, 323–331, 333, 336, 339, 340
Захаров-Мэнский Н. Н. 215
Звенигородский А. В. 292, 365, 366, 368
Зданевич В. 158
Зданевич И. М. 71, 78, 158
Зелинский К. Л. 324, 327, 329, 387
Зелинский Ф. Ф. 36, 43, 74, 96, 111
Зельманова (Зельманова-Чудовская) А. М. 72, 75, 82, 83, 117
Зенкевич Е. П. 10
Зенкевич М. А. 7, 13, 38, 41, 44, 46, 47, 52, 55, 61, 63, 66, 71, 73, 77, 79, 84, 88, 99, 103, 115, 125, 131, 141, 151, 192, 193, 204, 206, 217, 221, 225, 292, 295, 296, 298, 308, 312, 313, 317, 323, 324, 326, 343, 358, 386, 391, 402
Зив О. М. 178
Зина *см.* Пастернак З. Н.
Зинаида, Зинаида Николаевна *см.* Гиппиус З. Н.
Зингер М. 306
Зиновьев Г. Е. 120, 243, 300, 437
Зноско-Боровский Е. А. 41, 46, 52, 55
Золя Э. 367
Зонин А. И. 324, 331, 337
Зоргенфрей В. А. 218
Зорев (Филиппович) П. П. 97
Зощенко (Кербиц-Кербицкая) В. В. 384
Зощенко М. М. 164, 300, 324, 327, 343, 383, 384, 396, 455
Зубакин Б. М. 198, 255, 364
Зубарев Д. И. 9, 12, 15, 35, 39, 46–48, 143
Зыкова Л. А. 16

И. Б-с 328
Иванов Вс. В. 164, 315, 324
Иванов Вяч. И. 11, 30–34, 36– 43, 45, 47, 54, 57, 59, 63, 65, 74, 96–99, 101, 102, 106, 130, 137, 141, 144, 150, 169, 183, 198, 232, 243, 265, 281, 389

Иванов Г. В. 7, 8, 11, 35, 44, 45, 47, 55, 59, 61, 63–67, 70–76, 81, 82, 84–89, 91, 95, 96, 98, 103, 104, 111, 113, 115, 118, 125, 128, 131, 162, 164, 170, 171–174, 176, 178, 179, 182, 193, 194, 198, 205, 211, 212, 218, 237, 249, 254–256, 271, 277, 284, 308, 324, 341, 357
Иванов Е. Н. 106
Иванов-Меженко Г. А. 126
Иванов-Разумник Р. В. 291, 297, 298, 323
Иванова В. В. 84
Иванова (Тернизьен) Г. Э. 115, 125
Иванова Л. Н. 15
Иваск Ю. П. 112
Ивинская О. В. 399
Ивич А. *см.* Бернштейн И. И.
Ивнев Р. 9, 12, 68, 70, 71, 76, 77, 79, 87, 95, 98, 100, 103, 104, 111, 114, 115, 123, 125, 128, 130, 136–140, 145, 160, 177, 184, 216, 251, 348, 354, 357
Игнатов И. Н. 59
Игнатьев И. В. 56, 69
Извольская Е. А. 276
Измайлов А. А. 35, 62
Иллеш В. 327
Иман Ж. 253, 268
Инбер В. М. 209
Ионов И. И. 254, 320–323, 339, 340
Иосиф Виссарионович *см.* Сталин И. В.
Ирина Сергеевна 318
Исаков С. Г. 89
Исакова А. А. 89
Исламей 382
Истрати П. 267

Каблуков С. П. 13, 26, 34–36, 38, 40, 43, 46, 49, 52, 59, 62, 76, 79, 81, 84–86, 91, 95, 97–99, 101, 102, 104, 108, 110, 113, 116, 119, 121, 123
Каверин В. А. 164, 280, 302, 324, 327
Каганович Л. М. 347, 359
Казанджян Э. 469
Казанович Е. П. 230
Казанский Б. В. 293, 294
Казмичев М. М. 304
Казин В. В. 367
Калашников А. Г. 219
Калецкий П. И. 410, 412, 416–418, 422, 427, 437
Калинин М. И. 270, 347
Калло Е. А. 368
Калупин Б. Ф. 40
Каменев Л. Б. 120, 270, 343, 344
Каменев Ю. Л. 343
Каменева О. Д. 343, 344
Каменский В. В. 131
Каменский И. З. 151
Каменский Ю. А. 27
Кан В. 120
Канатчиков С. И. 323, 330, 340, 342
Кандауров К. В. 133
Кандауровы 100
Канделаки Д. В. 184
Каннегисер Л. И. 76, 98, 116
Каннегисер С. И. 98
Каннегисеры 98
Канторович чета (Канторович Л. В. и Пугачева К. В.) 382
Канцов 305
Кара-Дарвиш 192
Караваева А. А. 462
Карамзин Н. М. 287
Кареев Н. И. 95
Карелин В. А. 192
Карпов 265
Карпов М. Я. 327
Карпович М. М. 11, 27–30, 65
Карсавин Л. П. 62
Карсавина Т. П. 125
Карташов А. В. 127
Карякин В. Н. 312, 315–317, 324, 329–332
Катаев В. П. 192, 314, 324, 326, 453, 456, 461, 462, 466
Катаниан (Катанян) Р. П. 432
Катанян В. А. 13, 50, 65, 67, 68, 87
Катулл Г. В. 95, 157, 177, 209
Катя, домработница 453
Каутский К. 25, 157
Кафка Ф. 233
Квашнин-Самарин С. И. 309
Квятковский А. П. 366
Керенский А. Ф. 120, 129, 139, 403
Кессель И. Ж. 274

Кибальчич В. Л. 375, 376
Киреев Б. 317
Киржюк А. А. 9
Киров С. М. 305, 347, 411
Кирпотин В. Я. 443
Кирсанов С. И. 336, 362, 371, 468
Киршон В. М. 266
Киселева В. Б. 171
Киселевский 303
Кисин 305
Китс Дж. 170
Клейст Г. Ф. 138
Клемансо Ж. 298
Клодель П. 139
Клычков С. А. 213, 214, 223, 353, 356, 363, 372, 382, 388, 393, 428, 454
Клюев Н. А. 56, 90, 103, 139, 210, 214, 258, 285, 356, 366, 381, 388
Клюн И. В. 90
Клячко Л. М. 267
Княжнин В. Н. 13, 37, 57, 59–61, 64, 65–67, 71, 74, 76, 77, 79
Князев В. В. 277
Князева Н. Г. 16
Ковалевский В. А. 180
Ковалевский В. В. 65, 71
Коваленко Г. 18
Коварский Н. А. 374
Коган П. С. 188, 196, 197, 200, 323
Коган-Кривцов Д. 138
Когэн (Коген) Р. 294, 300, 303
Козаков М. Э. 302, 324, 350, 359, 398
Козловский Г. А. 152
Козо-Полянский Б. М. 419
Кожебаткин А. М. 133
Кожинов В. В. 220
Козинцева, Козинцева-Эренбург Л.М. *см.* Эренбург Л. М.
Коковцов Д. И. 123
Кокорин П. М. 64
Колесников Л. И. 329
Колкер М. 460
Колли 427
Коллонтай А. М. 137
Колтоновская Е. А. 114
Кольцов А. В. 430, 440
Колычев О. Я. 452
Коля *см.* Бруни Н. А.
Коля *см.* Гумилев Н. С.
Комаровский В. А. 233, 293, 416
Конар (Полащук) Ф. М. 378
Конашевич В. М. 343
Конделаки *см.* Канделаки Д.
Кондратьев А. А. 44, 47, 64, 67, 77, 217
Кондрияненко В. 118
Кондурушкин С. С. 128
Коневской И. И. 25, 233
Конечный А. М. 16
Кони А. Ф. 40
Конухес Г. Б. 171
Коонен А. Г. 103
Корабельников Г. М. 388
Коркина Е. Б. 18
Корнейчук А. Е. 426, 462
Корниенко Н. В. 9
Корнилов А. А. 30
Корнилов Б. П. 455
Коробова А. 306
Короленко В. Г. 264, 276
Коростелев О. А. 9, 243, 268, 271, 284, 286
Короткова А. П. 348, 406
Коряк В. Д. 139
Косиор С. В. 347
Костарев Н. К. 433, 446, 450, 452, 453
Костер Ш. А. де 295, 329, 347
Котелянский Л. О. 236
Котова М. А. 9, 13, 61, 71, 99
Котова Т. В. 9
Котович-Борисяк Р. И. 109
Котрелев Н. В. 9, 11, 13, 17, 129, 132–136
Кочетков А. С. 392
Кочин Н. И. 338
Кравцова И. Г. 14, 106, 304
Крайнева Н. И. 13
Краснушкин Е. К. 201, 468
Крашенинников Н. А. 137
Крейд В. П. 87
Кремень А. 256
Кремков С. М. 221
Крепс Е. М. 471
Кретова О. К. 410, 411, 432, 435, 436, 447, 448
Кржевский Б. А. 51
Кривич В. (Анненский, Кривич-Анненский В. И.) 65, 125, 128, 292

Криницкий М. 137
Кроленко А. А. 246, 293, 294, 386
Кроткий Э. 388
Кроткова Х. П. 354
Кругликова Е. С. 52, 200, 223, 379
Крупская Н. К. 385
Крутиков Н. В. 338
Крутикова М. Г. 18
Крученых А. Е. 60, 67, 68, 70, 71, 295, 323
Крючков Д. А. 66
Кублицкая-Пиоттух А. А. 77
Кугушева Н. П. 179
Кудашев С. А. 100
Кудашева (Кювилье) М. П. 100, 148, 149, 151, 153, 154
Кузин Б. С. 13, 346, 350, 354, 359, 380, 404, 460, 462–464, 466
Кузмин М. А. 12, 25, 30, 33, 34, 38, 39, 41, 43, 45–47, 51, 55, 66, 75, 76, 78, 81, 86, 88, 96, 103, 104, 113, 114, 123, 124, 125, 127, 128, 135, 168–170, 172, 173, 176, 179, 180, 188, 192, 194, 199, 208, 220, 226, 237, 239, 244–246, 251, 254, 257, 258, 265, 270, 274, 280, 285, 288, 293, 321, 332, 340, 390, 436
Кузнецов 471
Кузнецова М. И. 100
Кузьмин-Караваев Д. В. 42, 43, 45, 46, 84, 213
Кузьмин-Караваев К. К. 134
Кузьмина-Караваева Е. Ю. 42–47, 53
Куйбышев В. В. 347
Кукель В. А. 256
Куклин Г. О. 393
Кукушкина Т. А. 13, 210, 324, 337
Кулаковский С. Ю. 301, 460
Кульбин Н. И. 47, 50, 52, 56, 64, 70, 71, 74, 75
Купцова О. Н. 462
Купченко В. П. 10, 11, 13, 17, 25, 30, 92, 149–151
Курдюмов В. В. 56, 95
Кусевицкий С. А. 46, 95
Кутейникова А. А. 9
Кэйси Осэ 241
Кювилье М. П. *см.* Кудашева М. П.
Лавренев Б. А. 290, 300
Лавров А. В. 9, 11, 17, 31, 38, 45, 46, 57, 68, 71, 78, 291,
Лавров Л. 402, 407
Лаврова К. Н. 204
Лаврова Т. В. 291
Ладинский А. П. 284
Лангерак Т. 13, 418, 422, 425
Ландсберг Л. Э. 192, 193, 200
Ландсбергер А. 294
Ланн Е. Л. 139, 191
Лансере Е. Е. 184
Лапин Б. М. 233, 356, 375, 465
Лаппо И. 354
Лапшин И. И. 62, 79, 111
Лапшин Н. Ф. 275
Ларонд А. А. 87
Ласунский О. Г. 13, 59, 100, 428
Лахути А. К. 453, 456
Лебедев В. В. 171, 246
Лебедев Л. В. 43, 49
Лебедев-Полянский П. И. 204
Лебедева (Дармолатова) С. Д. 246
Лев Львович *см.* Раков Л. Л.
Лева *см.* Бруни Л. А.
Лева *см.* Гумилев Л. Н.
Лёвберг М. Е. 116
Левидов М. Ю. 323
Левина Т. М. 288
Левинсон А. Я. 51
Левинтон Г. А. 9, 57, 244, 374
Левичев А. 181, 423
Левченко Н. И. 138, 139
Легран Б. В. 185, 186
Леграны 185
Леднева Е. И. 138
Лежнев 340
Лежнев А. З. 269
Лежнев И. Г. 214, 238, 270, 399, 400
Лекаш Б. 281, 291
Лекманов О. А. 13, 15, 61, 63, 73, 99, 301, 316
Леконт де Лиль Ш. М. Р. 169, 366
Лелевич Г. 251, 253, 293, 376, 385
Леля *см.* Гурвич Э. С.
Леман Г. А. 133
Ленин В. И. 130, 189, 201, 242, 243, 246, 322, 324, 361
Лёня *см.* Каннегисер Л. И.
Леонидзе Г. 188

Леонов Л. М. 232, 300, 324
Леонов Н. Д. 357
Леонтьев А. В. 12
Леонтьев К. Н. 310
Леонтьев Н. П. 12
Леонтьев Я. В. 131
Лермонтов М. Ю. 114, 444, 462
Лернер Н. О. 105, 168, 183, 265, 276, 436
Лесман М. С. 16, 45, 46, 100, 101–103, 267, 388
Либкнехт К. 252
Ливак Л. 454
Ливеровская М. С. 59
Лившиц Б. К. 15, 62, 70, 72, 80, 143–145, 147, 181, 195, 218, 245, 252, 253, 255, 257, 258, 274, 276, 281, 282, 285, 288, 290, 294, 296, 306, 309, 310, 312, 314, 315, 317, 320, 321, 323, 337, 339, 346, 348, 391, 397, 458
Лившиц Е. К. 181, 195, 258, 276, 287, 333, 458
Лившиц К. Б. 276, 288
Лившицы Б. К. и Е. К. 252, 254, 258, 276, 290, 321
Лидин В. Г. 191, 200, 362, 392
Лимбах И. Ю. 12, 25, 72, 394
Лимбур Ж. 346
Липкин С. И. 343, 351, 356
Липскеров К. А. 191, 204, 218, 281
Лисенко 253
Лисенков Е. Г. 77, 79
Лифшиц *см.* Лившиц Б. К.
Лихницкий И. М. 300, 303
Лихтенштейн А. 291
Лободовский Ю. 412
Ловчиновский Е. 140
Лозина-Лозинский А. К. 192, 292
Лозинские (Г. Л. и М. Л.) 51
Лозинский Г. Л. 51
Лозинский М. Л. 44, 46, 48, 49, 51, 57, 58, 66, 78, 81, 95–100, 103, 162, 168, 175–178, 182, 193, 218, 237, 249, 257, 292, 397, 404, 454, 455, 463
Лоланов 307
Ломброзо Ч. 70
Ломинадзе В. В. 347
Ломоносов М. В. 243, 433
Лондон Дж. 59
Лопатинский Б. Л. 134, 136, 182, 183, 201
Лопе де Вега Карпьо 51
Лосский Н. О. 88
Лоэст Ф. 9
Лубянникова Е. И. 9, 14, 100, 106, 121, 285
Луговской В. А. 324
Луговской Л. 415
Лукашевич Н. С. 110
Лукницкая В. К. 324, 326
Лукницкий П. Н. 10, 12, 14, 30, 42, 77, 78, 80, 100, 125, 169, 250, 256–258, 260–268, 270, 271, 274, 277, 279–282, 285–289, 291, 293, 297, 298, 300–305, 309, 310, 327, 332, 348, 375, 395, 436
Лукреций (Тит Лукреций Кар) 209
Луначарский А. В. 129, 131, 135, 323, 385
Лундберг Е. Г. 207, 348
Лунц Л. Н. 154, 193, 210
Луппол И. К. 410, 427, 428, 464
Лурье А. С. 75, 82, 88, 90, 128, 129, 192
Лурье С. 228
Лурье С. В. 76
Луценко А. М. 59
ЛЧУ 241
Львов-Рогачевский В. Л. 75, 76, 236, 326, 330
Люба *см.* Блок Л. Д.
Люба *см.* Стенич-Большинцова Л. Д.
Люба *см.* Эренбург Л. М.
Люксембург В. С. 140
Люсциниус Вольмар *см.* Пяст В. А.
Ляндау К. Ю. 91, 102, 103, 105, 115

Магаротто Л. 232
Мазараки 127
Майн Рид Т. 309, 317, 321, 333, 337, 339, 342, 344, 346, 407
Майя *см.* Кудашева М. П.
Макдональд Р. 157
Маккавейский Вл. Н. 141, 143–145
Маккавейский Н. Н. 218
Маковский С. К. 13, 33, 47, 75, 90, 202
Макридин Н. В. 158, 188

Максименков Л. В. 369
Максимовский В. Н. 208
Маланюк Е. 353, 354
Малеин А. И. 95, 112
Малиновский А. А. 352
Малкин Б. Ф. 138
Малларме Ст. 48, 71, 374
Малмстад (Мальмстад) Д. 64, 72
Мандели *см.* Мандельштамы (О. М. и Н. Я.)
Мандель (Мандельштам О. Э.) 61, 392
Мандельштам А. А. 361
Мандельштам А. Э. 22, 94, 112, 139, 149, 152, 157, 160, 220, 232, 296, 332, 340, 349, 354, 362, 364, 382, 383, 395, 405–407, 409, 433, 435, 443, 456
Мандельштам Е. Э. 12, 21, 22, 24, 27, 31, 32, 91, 108, 110, 132, 151, 174, 219, 222, 227, 259, 341, 342, 358, 364, 379, 407, 410, 435, 440, 446
Мандельштам И. Б. 305
Мандельштам М. Л. 197
Мандельштам Н. Д. 132, 219
Мандельштам Н. Е. 151, 146, 333
Мандельштам Н. Я. 10, 11, 13, 14, 17, 22, 29, 34, 130, 138, 143, 146–149, 157, 176, 178, 179, 181, 182, 189, 201, 220, 244, 252, 258, 265–268, 273–275, 286–289, 291, 292, 294, 295, 303–305, 309, 313, 320, 321, 327, 330, 332, 341, 344, 345, 348, 350, 352–354, 360, 364, 369, 378, 380, 395–397, 402, 403, 406, 407, 409, 410, 414–416, 418–421, 425–429, 431, 433–436, 438–440, 445, 447, 449, 458, 460, 462, 464, 465, 467, 468
Мандельштам Т. В. 132, 268
Мандельштам Ф. О. 21–23, 91
Мандельштам Э. В. 21, 279, 380, 395
Мандельштам Ю. Е. 346
Мандельштамы (О. Э. и А. Э.) 160
Мандельштамы (О. Э., А. Э. и Е. Э.?)
Мандельштамы (О. М. и Н. Я.) 199, 221, 227, 231, 237, 246, 257, 258, 261–263, 297, 303, 301, 309, 336, 351, 358, 360, 361, 363, 366, 370, 375, 376, 380, 382–384, 388, 391, 394, 397, 401, 405–407, 409, 418, 422, 423, 426, 427, 429, 432, 435, 449, 451, 454, 456, 458, 462, 463
Мануйлов В. А. 8, 175, 200, 303, 304, 377
Манфред А. З. 334
Мар С. 400
Маранц Ф. Я. 427
Маранцы 429, 430
Марвич С. М. 399
Маргерит В. 410, 414, 420
Маргулис *см.* Моргулис А. О.
Марджанов К. А. 141
Мариенгоф А. Б. 382
Марина *см.* Цветаева М. И.
Маринетти Ф.-Т. 75
Мариэнгов *см.* Мариенгоф А. Б.
Маркадэ Ж.-К. 72
Марке 157
Маркиш П. Д. 428, 456
Марков В. Ф. 89, 172
Маркс К. 25, 333, 361, 401
Маркс Н. А. 149
Маро К. 95
Марченко Д. А. 428
Марченко И. А. 428, 430, 436
Маршак С. Я. 257, 463, 464
Марьянова М. М. 141
Масс В. З. 254, 388
Массалитов Н. О. 108
Матюшин М. В. 67
Маффеи ди Баглио К. А. 21
Мачтет Т. Г. 179, 180, 205
Машбиц-Веров И. М. 315, 337, 344, 345
Машковцев Н. Г. 392
Маяковский В. В. 13, 50, 63, 65, 68, 69, 71, 87, 96, 125, 169, 170, 171, 218, 226, 241, 270, 283, 285, 292, 326, 344, 378, 385, 413, 416
Мгебров А. А. 96
Медведев П. Н. 426
Мейерхольд В. Э. 436, 462
Меньшова И. 121
Мережковские 32, 86, 124
Мережковский Д. С. 32

Мёрике Э. 210
Меркулов В. Л. 470
Меркурьева В. А. 358, 386, 387, 389, 391, 382, 400
Мец А. Г. 9, 12, 14, 15, 22–27, 35, 46, 60, 72, 75, 76, 79, 91, 97, 123, 126–128, 148, 161, 179, 181, 293, 300, 304
Мещеряков Н. Л. 189
Миклашевская А. Л. 127
Миклашевский К. М. 72
Милашевский В. А. 165, 172, 368
Миллиор Е. А. 377
Мильман М. 138, 139
Милютин И. К. 469
Минаев Н. Н. 179, 221
Миндлин Э. Л. 10, 15, 150, 153, 154, 206, 212, 295, 298, 305, 379, 447
Миних А. В. 204, 221
Минц З. Г. 14
Мирабо О. Г. 274
Мирбах В. фон 131, 132, 134
Мирский *см.* Святополк-Мирский Д. П.
Митрофан 407, 408
Митрохин Д. И. 90
Митурич П. В. 89, 203
Михоэлс С. М. 453, 456
Мицишвили Н. 156, 157, 184, 187, 188
Мнухин Л. А. 59, 122
Мозалевский В. И. 103, 292
Мозжухин А. И. 72
Молок Ю. А. 82, 89
Молотов В. М. 347
Молчанов Б. 448
Мопассан Ги де 415, 416, 428
Моравская М. Л. 37, 44, 47, 66, 67, 71, 73, 95
Моргулис А. О. 312, 327, 357, 360
Мордерер В. Я. 16, 123
Мориц 323
Морозов А. А. 21, 130, 397
Морозов П. О. 65
Московская Д. С. 9
Мосолов М. С. 88
Моцарт В. А. 121
Мочульский К. В. 15, 48–52, 55, 60, 61, 138, 207, 217, 273
Мравян А. А. 333
Муйжель В. В. 127
Муравьева Е. А. 258
Муравьева И. Л. 107, 110
Муралов Н. И. 131
Муратов П. П. 292
Мусоргский М. П. 367
Мюллер В. 125
Мюссе А. де 226
Мясников 279

Н. Г. *см.* Гумилев Н. С.
Набоков В. В. 261, 262, 438
Надежда Яковлевна *см.* Мандельштам Н. Я.
Надежин А. 27
Надирадзе К. 183
Надя *см.* Мандельштам (Дармолатова) Н. Д.
Надя, Надечка *см.* Мандельштам Н. Я.
Найман А. Г. 77
Накоряков Н. Н. 388, 392
Наппельбаум Л. М. 454, 462
Наппельбаум М. С. 238, 379
Нарбут В. И. 66, 71, 99, 125, 130, 133, 140, 142, 183, 206, 210, 218, 225, 281, 296, 298, 308, 311, 318, 400, 407, 437
Нахман М. М. 100, 108, 110
Неведомский М. П. 53
Недоброво Н. В. 37, 45, 47, 59, 60, 64, 68, 69, 77, 96, 103
Нежинцев Е. С. 204
Нейштадт В. И. 229, 331
Некрасов Н. А. 304, 354, 392, 462
Нексэ *см.* Андерсен-Нексэ М.
Нелепо Б. П. 198
Нельдихен С. Е. 178, 179, 182, 199
Немировский А. И. 364
Нёмитц А. В. 182, 289
Нерваль Ж. де 316
Нерлер П. М. 10, 12–15, 33, 35, 39, 46, 47, 48, 121, 160, 180, 213, 248, 274, 301, 312, 315, 316, 318, 324–326, 330, 333, 341, 376, 402, 403, 405, 406, 411, 412, 414, 433, 436, 437, 459, 460, 467, 468, 470, 471
Неслуховская М. К. 173

Нечаев В. П. 355
Нешумова Т. Ф. 9, 17, 359, 365, 386, 392
Низен (Гуро) Е. Г. 95
Никитаев А. Т. 288
Никитин И. С. 39, 431
Никитин Н. Н. 164, 327, 398
Никитина Е. 180
Никитина Е. Ф. 223, 251
Никитина З. А. 279, 280, 307
Николай I 284, 296
Николаев 330
Николаев Л. В. 75
Николаевский 305
Николай Иванович *см.* Бухарин Н. И.
Николай Степанович *см.* Гумилев Н. С.
Николов Н. А. 36
Никольский Б. В. 77
Никулин Л. В. 385
Нилендер В. О. 304
Нимец *см.* Нёмитц А. В.
Нитобург Л. В. 346, 348
Новиков И. А. 137, 211, 225, 338
Новинский А. А. 122, 152, 153
Нольден Николай *см.* Трубецкой Ю. П.
Нусинов И. М. 323
Нюэн Ай-Как 241

О. Н. *см.* Арбенина О. Н.
Оболенская Ю. Л. 94, 100, 108–110
Овидий Публий Назон 36, 177, 239
Овсянико-Куликовский Д. Н. 276
Овчинникова О. А. 371
Огнев Н. 337
Одоевцева И. В. 14, 30, 162, 164, 165, 172, 174, 178, 179, 182, 237, 292
Оксенов И. А. 96, 218, 275, 287, 303, 346, 403
Оксман Ю. Г. 200, 468
Олейников Н. М. 381
Оленев С. 180
Олеша Ю. К. 204, 218, 309, 315, 324, 326, 329, 451
Олешко (Алешко) В. И. 139
Олимпов К. К. 69, 70
Ольбергитт 157
Олькеницкая-Нальди Р. Г. 242
Ольхина З. 172
Ольховый Б. С. 333, 336
Ольшевская Н. А. 404
Оношкович-Яцына А. И. 15, 168, 174–176, 178, 179, 182
Орджоникидзе Г. К. 347
Орешин П. В. 137, 206, 214, 293
Оружейников Н. 384
Осмеркин А. А. 351, 352, 396, 457
Осмеркина-Гальперина Е. К. 351, 457
Островский Н. А. 426
Острогорский Н. И. 363
Остроухов И. С. 195
О'Фаолейн Ш. 415
Оцуп Н. А. 98, 151, 159, 162, 172, 174, 177–179, 182, 193, 212, 218, 244, 328

П. Ж. 311
Павел Николаевич *см.* Лукницкий П. Н.
Павленко П. А. 336, 364, 365, 378, 466
Павлов В. А. 182, 212, 257, 289
Павлова М. М. 9
Павлович Н. А. 14, 168, 173, 175, 257
Палей А. Р. 316
Паллада *см.* Богданова-Бельская П. О.
Паллас П. С. 363
Панов 429, 430
Пантюхов М. И. 292
Парнах (Парнох, Парнок) В. Я. 56, 65, 212, 213, 221, 240, 288, 303, 328, 335
Парнис А. Е. 13–17, 64, 87, 105, 171, 202
Парницкий Т. 387, 389, 390
Парнок В. Я. *см.* Парнах В. Я.
Парнох (Тараховская) Е. Я. 92, 93, 112
Парнок Е. Я. и С. Я. 93
Парнок, Парнок-Волькенштейн С. Я. 93, 94, 97–99, 93, 95, 106–108, 120, 149, 151, 199, 204, 213, 232, 237, 248, 250, 280, 281

Паскина Е. П. 92
Пастернак Б. Л. 15, 17, 90, 91, 145, 179, 180, 200, 201, 204, 210, 211, 224, 225, 229, 233, 234, 236, 241–243, 246, 248, 249, 253–256, 258, 267, 270, 271, 277, 280, 281, 283, 285, 289, 292, 294, 310, 314, 324, 326, 329, 335, 342, 348, 363, 366, 371, 376, 377, 378, 387, 391, 392, 399, 402, 406, 408, 411, 413, 428, 431, 432, 434, 435, 437, 440, 449, 453, 456, 470
Пастернак Е. Б. 13
Пастернак Е. В. 13
Пастернак З. Н. 456
Пастухов В. Л. 87
Паттерсон Э. 274
Пеллико С. 155
Пеньковский 221
Первова Ю. М. 9, 339
Перго Л. 291
Пережогина Е. А. 13
Перелешин Б. Н. 470
Переплетники 124
Перович Я. 191
Перовская С. Л. 419
Перошон Э. 253, 275
Песков Б. Г. 429
Пестель В. Е. 90
Петит[т]о В. Д. 382
Петлюра С. В. 145, 146
Петников Г. Н. 138, 139, 145, 147, 291
Петрарка Ф. 383, 390–392, 470
Петров Д. К. 51, 60, 64, 112, 115
Петров Евг. 456
Петрова А. М. 148
Петрова Г. В. 11
Петрова И. 10, 348
Петровский Д. В. 103, 256
Петровский М. А. 180
Петровский Ф. А. 318
Петровых М. С. 391, 395
Печковский А. П. 292
Пешкова Е. П. 406, 410
Пиксанов Н. К. 229
Пиленко С. Б. 46
Пильняк Б. А. 217, 300, 324, 326, 336, 363, 368, 392, 402, 411
Пильский П. М. 308, 370
Пиляй Е. *см.* Блиц О. Н.
Пиотровский А. И. 251
Пиранделло Л. 255
Пиросманишвили Н. 245
Писарев Д. И. 429
Платонова-Лозинская И. В. 46, 76, 91
Плетнев В. 84
Плетнева А. В. 40
Плеханов Г. В. 419
Плоткин Л. А. 416, 421
Поберезкина П. Е. 9, 15, 139, 140, 204, 213, 270, 316
Поболь Н. Л. 468
Подвойский Н. И. 314
Подобедов М. М. 422
Познер В. М. 136
Познер В. С. 136, 171, 322
Позоева Е. В. 100
Покровский А. А. 291
Поливанов Е. Д. 113
Поливанов К. М. 237, 389
Поллак С. 437
Полонская Е. Г. 186, 247, 257
Полонский В. П. 313, 314, 318, 346, 348, 358, 359, 362
Полонский Я. П. 295
Полуэктова Г. В. 122
Поляков С. А. 211, 217
Полякова С. В. 377
Полянин С. *см.* Парнок С. Я.
Поплавский Б. Ю. 324
Попов (Вир) А. А. 81
Попов В. 15, 195, 370
Попов В. М. 51
Попова Е. Е. 9, 292, 351, 447, 451, 453, 454, 456
Попова Л. С. 90
Попова С. Г. 108, 110
Поповы 82
Поступальский И. С. 302, 308, 312, 314, 318, 327, 342, 367, 374, 386
Постышев М. М. 359
Потемкин П. П. 51, 52
Потоцкая М. А. 87
Пра *см.* Волошина Е. О.
Пресман Ольга 213
Пресман (Пресман-Фридман) Н. З. 221

Приблудный И. (Овчаренко Я. П.) 363
Приходько В. 93
Пришвин М. М. 213, 214, 219, 220, 227, 228, 230, 363, 379, 437, 458
Прокофьев 378
Прокофьев А. А. 363, 399
Прокофьев С. С. 402
Пронин Б. К. 73, 87, 116, 437
Прут И. Л. 466
Прутков Кузьма 52, 223
Пумпянский Л. В. 124
Пуни И. А. 90
Пунин Н. Н. 16, 55, 56, 89, 90, 171, 217, 261–263, 265–267, 271, 279, 310, 368, 388, 426
Пунины 277, 278, 455
Пусловский Ф. К. 131, 132
Пушкин А. С. 41, 64, 71, 76, 108, 114, 150, 158, 175–177, 187, 207, 208, 246, 284, 292, 295, 297, 299–301, 318, 343, 354, 405, 406, 415, 416, 436, 450, 453, 462, 465
Пушкина Н. Н. 171
Пушкины 236
Пшавела В. 184, 188, 192, 199, 200, 204, 205, 219, 225, 231, 435
Пяст (Пястовский) В. А. 11, 36–38, 40–47, 49, 51, 60, 65, 66, 68–72, 74, 75, 78, 79, 96, 97, 99, 114, 115, 125, 128, 137, 152, 165, 170, 173, 176, 205, 249, 293, 298, 303, 318, 327, 337, 340, 342, 350, 364, 379, 396, 397

Рабинович Г. С. 44
Рабинович О. А. 236
Рабинович С. 86
Равдин Б. А. 9
Равич 369
Радлов С. Э. 47, 51, 56, 97, 110, 115, 118, 232, 246
Радлова А. Д. 110, 115, 117, 128, 135, 169, 218, 220, 232, 246, 319, 426
Радловы А. Д. и С. Э. 118
Разумова 451
Раков Л. Л. 257
Рамбулье де, маркиза 72
Раппопорт 344
Расин Ж. 243, 289
Раскольников Ф. Ф. 131, 258, 259
Раскольникова *см.* Рейснер Л. М.
Распутин Г. Е. 366
Ратнер Гр. 305
Ратов 139
Рашковская А. Н. 257
Редько А. Ф. 62
Рейзини Н. Г. 324
Рейсер С. А. 376
Рейснер Е. А. 221
Рейснер Л. М. 117, 121, 128, 129, 171, 221, 292
Рейснер М. А. 133
Рем Дм. 292
Рембо А. 407
Рембрандт ван Рейн, Х. 444
Ремизов А. М. 69, 128, 137, 213, 401
Ремизова С. П. 171
Ренодель П. 157
Ренье А. 169
Репин И. Е. 80
Рильке Р. М. 121
Римский-Корсаков А. Н. 79
Римский-Корсаков Н. А. 382
Рихтер Г. 274
Робакидзе Г. 159
Рогинская Н. А. 9
Рогинский Я. Я. 419–421
Рогозовская Т. А. 9
Роден (Родэн) О. 163
Рождественский В. А. 115, 142, 146, 165, 168, 173–175, 179, 182, 207, 218, 237, 292, 293, 297–300, 303, 304, 366, 375
Рождественский С. В. 91
Рожицын В. С. 191, 192, 200
Рожицына Е. Г. 324
Розанов В. В. 193, 195
Розанов И. Н. 180, 199, 206, 223, 236
Розанова О. В. 90
Розен 39
Розенталь Л. В. 378
Розенталь С. 386
Розенцвейг Б. С. 236
Рок Рюрик 161, 180
Романов А. И. 126
Романов П. С. 300
Романовский Н. В. 460

Ромен (Ромэн) Ж. 139, 222, 252, 253, 256, 258, 259, 267, 270,
Роменкова 452
Ромм А. И. 229, 233, 294, 315, 324, 325
Ронсар П. де 470
Россовский М. А. 363
Ростовцев М. И. 74
Рощина-Инсарова Е. Н. 84
Рубанович С. Я. 39
Рудаков С. Б. 8, 15, 32, 349, 391, 410, 415–437,448, 452
Рудаковы 349
Рудерман М. И. 309, 363, 368, 370, 378
Рудзутак Я. Э. 347
Рудникова Н. П. 56
Рудницкий Л. В. 60
Рукавишников И. С. 75, 137
Руссо Ж.-Ж. 363
Руставели Ш. 461
Рыбаков И. И. 278, 287
Рыбаковы 278
Рыжей Петр (Тур Петр Львович) 204
Рыжкина М. Н. 168
Рыжманов Г. Н. 460
Рындин М. М. 51
Рысс Ц. 357
Рыссы 400
Ряховский В. Д. 324

С. И. 53
Савинков Б. В. 28
Садовской (Садовский) Б. А. 57, 65, 76, 77, 81
Садофьев И. И. 277, 302
Салтыков-Щедрин М. Е. 430
Сальери А. 121, 229
Сальман М. Г. 16, 21, 26, 29, 31, 32, 39, 40, 46, 49, 51, 55, 59, 60, 62, 66, 79, 87, 88, 95, 111–113, 190
Сандомирский Г. Б. 323
Санников Г. А. 15, 382–385, 392, 400, 421, 422
Санников Д. Г. 15
Саргиджан Амир 365, 369, 413
Сарнов Б. М. 178
Сафо (Сапфо) 74
Сахаров С. И. 133, 134
Саянов В. М. 324, 327, 335, 344, 375
Свентицкий А. 240
Сверчкова А. С. 263
Свирин Н Г. 399
Свирская Т. А. 235
Свирский А. И. 217, 222, 235
Свистунов 329
Свифт Дж. 367
Святловский 253
Святополк-Мирский Д. П. 186, 209, 243, 272, 276, 281, 286, 335, 346, 370, 397, 451
Себастьян Г. 447
Северянин И. 60, 61, 65, 68, 69, 75, 86, 128
Сегалов Т. Е. 101, 102
Сегалова М. Р. 101, 102, 104
Сезанн П. 367, 384
Селивановский А. П. 336, 371, 409
Сельвинский И. Л. 215, 301, 308, 324, 326, 362, 363, 419
Семенов С. А. 327
Семенов Тянь-Шанский П. П. 386
Семеновы 257
Сергеев В. И. 108
Сергеев-Ценский С. Н. 363
Сергеевский С. 310
Сергей Иваныч *см.* Белявский С. И.
Серебрякова З. Е. 37
Сережа *см.* Каннегисер С. И.
Сережа *см.* Эфрон С. Я.
Серж В. *см.* Кибальчич В. Л.
Сибиряк 228
Сид Кампеадор 462
Сидоренко Н. Н. 334
Симпсон Т. П. 392
Синани Б. Б. 25
Синани Б. Н. 263
Синелобов 305
Синклер Э. 225
Синьяк П. 367
Скалдин А. Д. 47, 56, 59, 65, 67, 68, 71, 118, 253, 257
Скалдина Е. К. 71
Скоморовский (Скомаровский) Р. С. 149, 204
Скотт В. 306, 309, 310, 314, 315
Скрябин А. Н. 36, 88, 95, 117
Слезкин Ю. Л. 86, 160, 436

Слободник В. 358, 414, 421
Слоним М. Л. 324
Слонимский М. Л. 170, 257, 327, 344, 399
Случевский К. К. 292
Смирнов 397
Смирнов А. А. 64, 71, 72, 77, 138, 139, 211, 292
Смирновы 397
Соболев А. Л. 9
Соболев Ю. В. 235
Совсун В. Г. 320
Соколов В. А. 103
Соколов Н. Д. 184
Соколовский А. Л. 426
Соколовский А. С. 150, 296
Соловьев Б. И. 375
Соловьев В. М. 362
Соловьев Вл. Н. 71, 72, 103
Соловьев С. В. 150, 191, 204
Соловьева И. 248
Сологуб Ф. К. 54, 56, 57, 61, 72, 75, 84, 86–88, 96, 97, 103, 123, 124, 127, 128, 169, 175, 179, 222, 243, 265, 270, 291, 300, 303, 318
Соммер Я. И. 152, 160
Соня *см.* Парнок С. Я.
Сорин С. А. 259
Сорокин Г. Э. 398
Сорокин П. А. 213
Сосинский В. Б. 284, 324, 336
Спасский С. Д. 348, 383
Спивак М. Л. 16, 383, 391, 393
Срезневская В. С. 123
Срезневские 123
Срезневский В. В. 123
Ставский В. П. 433, 437, 448, 450, 451, 456, 459, 462, 464, 466
Сталин И. В. 16, 243, 347, 351, 361, 399, 405, 406, 413, 420, 437, 452, 471
Станевич В. О. 292
Старцев А. И. 415
Старцев И. И. 138
Старчаков А. О. 310, 314, 333, 339
Стахова В. С. 87
Стенич В. И. 141, 253, 398, 455, 458, 460, 463, 468
Стенич-Большинцова Л. Д. 455
Степа 357
Степанов Е. Е. 16, 17, 48, 79, 81, 95, 96, 127, 182
Степанов Н. Л. 307, 403, 416
Стефен А. И. 409, 436, 437, 448
Стецкий А. И. 411
Стешенко И. Н. 432
Стивенсон Р. Л. 249, 257
Стойчев (Стоичев) С. А. 414
Сторицын П. И. 168
Стравинская В. А. *см.* Судейкина В. А.
Стравинский И. Ф. 169
Струве Г. П. 146, 170, 223, 228, 289, 319, 322, 447
Струве М. А. 76, 87, 95, 97, 115, 118, 119
Струве Н. А. 418
Струве П. Б. 29, 30, 154
Субботин С. И. 9, 136, 353, 393
Сувчинский П. П. 281, 283, 294
Судейкин С. Ю. 51, 121
Судейкина (де Боссе, Стравинская) В. А. 121
Судейкина *см.* Глебова-Судейкина О. А.
Султанов Ю. Н. 299
Сумароков А. П. 226, 415, 433
Суперфин Г. Г. 9, 47, 399
Сурков А. А. 452, 457
Сырцов С. И. 347
Сэнт-Оган Л. 260

Табидзе Т. 156, 159, 184, 188, 231, 435
Таганцев В. Н. 193
Тагер Е. М. 11, 99, 105, 106, 116, 117, 377, 397, 398, 456
Таиров А. Я. 103, 180, 181
Талов М. В. 9, 17, 212, 352, 353, 366, 367, 374, 388, 409
Талова М. А. 17
Талова Т. М. 17
Талова Э. С. 353
Талтани 282
Тамамшев А. А. 147
Таня 76
Таня *см.* Григорьева Т. Г.
Тарасенков А. К. 321, 372, 412
Тараховская Е. Я. *см.* Парнох Е. Я.
Тарковский А. А. 309, 354
Тарловский М. А. 221, 425

Тарсис В. Я. 346
Тассо Т. 378, 383
Тата, Татька *см.* Мандельштам Н. Е.
Татлин В. Е. 89, 90, 257
Теодорович И. А. 237
Тер-Габриэлян С. М. 331
Терапиано Ю. К. 145, 146
Терехов А. Г. 14
Тибулл А. 95, 157
Тименчик Р. Д. 9, 11–13, 16–18, 31, 38, 40, 45, 46, 49, 65, 71, 76, 77, 78, 84, 97, 102, 119, 123, 126, 135, 168, 187, 189, 220, 293, 376, 385, 389, 402, 415, 428
Тинатина *см.* Джорджадзе Т. И.
Тиняков А. И. 60
Типот (Гинзбург) В. Я. 254
Тирсо де Молина 71
Тихомирнов В. А. 131
Тихон, патриарх 123
Тихонов Н. С. 211, 221, 246, 256, 275, 279, 280, 282, 293, 302, 314, 318, 327, 349, 350, 364, 365, 399, 402, 439, 443, 445, 446
Тоддес Е. А. 15, 17, 96, 246, 294, 296, 371
Толлер Э. 207, 208, 210, 215, 223, 230, 266
Толстая С. А. 401
Толстой Ал. Н. 36, 92, 214, 369, 397, 398, 401, 405, 409, 413, 462
Толстой И. И. 59
Толстой Л. Н. 264
Толстые (Толстой А. Н. и Дымшиц С. И.) 37
Томашевские И. Н. и Б. В. 382
Томашевский Б. В. 71, 100, 296, 465
Томский М. П. 368
Торбин М. А. 300
Травниковы 460
Тредиаковский В. К. 433
Тринклер Н. П. 191
Тронин В. А. 342
Тронский И. М. 376
Троцкий Л. Д. 127, 204, 214, 222, 258, 298, 300
Трубецкой Ю. П. 146, 204, 319
Трупчинская А. Я. 106
Трухачев Б. С. 103
Тулли Дж. 274
Тумповская М. М. 95, 115, 116, 120
Турчинский Л. М.
Тынянов Ю. Н. 246, 248, 270, 293, 296, 297, 320, 327, 375, 392, 396, 416, 443, 450, 454
Тырса Н. А. 89, 90
Тышлер А. Г. 380
Тэффи Н. А. 103, 104, 127
Тютчев Ф. И. 40, 79, 114, 350, 366, 460, 461

Удальцова Н. А. 90
Уколова В. И. 364
Укше С. А. 221
Урицкий М. С. 263, 348
Усиевич Е. Ф. 323, 368, 402
Усов Д. С. 9, 17, 192, 221, 269, 287, 292, 293, 295, 298–300, 310, 316, 318, 358, 365, 366, 369, 370, 379
Устинов А. Б. 9, 200, 244, 414
Уткин И. П. 310, 363, 457
Ушаков Н. Н. 140, 204, 302, 307
Уэллс Г. 176

Фаворский В. А. 368, 444
Фадеев А. А. 324, 326, 461, 462, 464, 465
Фатов Н. Н. 300, 306, 315
Федин К. А. 164, 265, 277, 278, 307, 324, 342, 396
Федоров А. В. 297, 337
Федорченко С. З. 250, 286
Федотов Г. П. 257
Федотов П. 393
Фейнберг И. Л. 449, 450, 462
Фельдман 368
Фельдман Д. М. 255, 311
Фельдштейн Е. А. 100
Фельдштейн М. С. 100, 109
Фет А. А. 77, 114
Фигнер В. Н. 29, 419
Фигурновы М. В. и О. С. 10, 146
Фидлер Ф. Ф. 36, 37
Филимонов В. С. 61
Филиппов Б. А. 170, 289, 447
Филиппов Г. В. 384
Филиппова Е. 291
Филиппович П. 97
Филонов П. Н. 67, 381
Философов Д. В. 86, 187

Финкельштейн П. С. 418, 425, 434
Фирдоуси А. 397
Фительберг Гж. 113
Фиш Г. С. 269
Флейшман Л. С. 97, 200
Флитнер Н. Н. 103
Флора *см.* Мандельштам Ф. О.
Фондаминская А. О. 29
Фор П. 77
Фофанов К. М. 69
Франс А. 269
Франциск Ассизский 188
Фрезинский Б. Я. 15, 17, 140, 141, 173, 179, 185, 195, 211, 247, 275, 294, 370
Фрейдин Ю. Л. 10, 14, 17, 22, 237, 378, 380
Фриновский М. П. 467
Фриче В. М. 196
Фролов 388
Фроман М. А. 257, 327, 366
Фурманов-младший 441

Хазин 470
Хазин Е. Я. 182, 231, 237, 312, 314, 323, 344, 350, 354, 404–406, 426, 433–436, 438, 439, 445, 446, 448, 449, 457
Хазин С. Я. 470
Хазин Я. А. 201, 274, 341
Хазина А. Я. 241, 467
Хазина В. Я. 199, 201, 275, 380, 402, 447
Хазина Е. *см.* Гурвич Э. С.
Хазина Н. Я. *см.* Мандельштам Н. Я.
Хазины 147, 178
Халатов А. Б. 298, 357, 359, 364, 431
Хамп П. *см.* Амп П.
Ханцин И. Д. 146, 190, 348
Харджиев Н. И. 203, 371, 374, 381, 382, 392, 450
Харламов И. П. 151, 152
Хармс Д. И. 381, 382
Хацревин З. Л. 375
Хачатрянц Я. С. 345
Хинт 470
Хлебников В. В. 50, 56, 64, 66, 67, 73, 103, 125, 202, 203, 207, 213, 224, 246, 371, 420, 432, 437, 465, 466
Ховин В. Р. 66, 171
Ходасевич А. И. 100, 107, 108, 110, 171, 206
Ходасевич В. Ф. 17, 100, 107, 108, 110, 111, 163, 166, 171, 174, 175, 177–179, 182, 191, 198, 199, 205, 206, 208, 218, 219, 232, 237, 242, 272, 281, 288, 289, 320, 364, 454
Ходотов Н. Н. 159
Христофорыч *см.* Шиваров Н. Х.
Хрулева Р. П. 9, 11, 30
Худавердян А. 345

Цветаев М. А. 447
Цветаева А. И. 92–94, 106, 112, 121, 122, 149, 211
Цветаева М. И. 14, 17, 18, 46, 92–94, 97–99, 101–103, 105–108, 110, 111, 115, 119, 121, 122, 129, 141, 148, 149, 179, 192, 195, 199, 204, 205, 207, 220, 224, 228, 232–234, 244, 248, 261, 268, 270, 276, 280, 281, 283, 284, 292, 293, 300, 320, 327, 354, 355, 410
Цветаевы 196
Цветкова О. Н. 9
Цейтлин М. А. 368
Цензор Д. М. 56, 128, 170, 171, 397
Цетлин М. О. 112
Цетлина М. С. 110
Цивьян Ю. Г. 296
Цимеринов Б. М. 224, 255
Цыбульский Н. К. 84
Цыгальский А. В. 149, 152

Чаадаев П. Я. 72, 84, 90, 95, 243, 272, 310, 365
Чаговец В. А. 319
Чагуа *см.* Чигуа
Чапаев В. И. 418
Чаплин Ч. 341, 437
Чапский Ю. 187
Чапыгин А. П. 71
Чаренц Е. 356
Чеботаревская Ал. Н. 54, 57, 72
Чеботаревская Ан. Н. 54, 68, 69, 72, 96
Чекан В. В. 96, 127
Челпанов А. Г. 369

Черевков 392
Черейский И. 437
Черкесов Д. А. 95, 99, 102
Чернова А. В. 284
Чернова И. 14
Чернова О. Е. 284
Черных В. А. 247
Чернявский В. С. 44, 87
Черняк Я. З. 157
Черубина де Габриак *см.* Дмитриева Е. И.
Чехов А. П. 413
Чечановский М. О. 361, 379
Чигуа 156
Чудаков А. П. 11
Чудакова М. О. 73, 244, 248
Чудовские 72
Чудовский В. А. 36, 38, 41, 43–45, 47, 52, 72, 74, 103, 110, 169
Чуковские Н. К. и М. Н. 174, 210
Чуковский К. И. 12, 18, 63, 77, 80, 162, 163, 170, 171, 174, 176, 177, 210, 245, 247, 254, 257, 270, 277, 282, 285, 300, 304, 344, 360, 368, 392, 396, 410, 427, 428, 438, 439, 444–446, 459, 468
Чуковский Н. К. 209, 257
Чулков Г. И. 37, 38, 40, 43, 60, 73, 74, 133, 137, 206, 236, 395
Чулкова А. Д. 17
Чулкова Н. Г. 38, 40, 236
Чулковы 402
Чурилин Т. В. 18, 101, 103–105, 224, 240

Шагал М. З. 167
Шагинян М. С. 166, 214, 247, 260, 271, 277, 378, 380, 410
Шаляпин Ф. И. 161
Шамурин Е. И. 268
Шапир М. И. 214, 220, 233
Шапиро Л. Г. 134
Шапирштейн (Лерс, Эльсберг) Я. Е. 214
Шапорина Л. В. 389
Шаров А. И. 368
Шатуновский 140
Шаховской Д. А. 261, 276, 281
Шацкин Л. А. 347
Шваб К. К. 426, 428
Шварц Е. Л. 257
Швейцер В. А. 15, 146, 190, 205
Шевченко Т. Г. 139, 426, 465
Шейнина Р. М. 312, 314, 316, 318
Шекспир У. 426
Шенгели Г. А. 126, 138, 139, 141, 149, 150, 199, 210, 211, 215, 216, 218, 220, 229, 234, 259, 357, 363, 391, 392
Шендерович М. О. 357
Шенфельд Т. Г. 79
Шенье А. 85, 204, 225
Шепеленко Д. М. 198, 220
Шервинский С. В. 191, 293, 316, 318, 391, 420
Шереметев П. С. 106
Шерешевская И. 267
Шершеневич В. Г. 64, 133, 137, 180, 181
Шиваров Н. Х. 402, 404
Шикеле Р. 291
Шилейко В. К. 49, 66, 72, 80, 84, 95, 103, 106, 115, 117, 247, 248, 251, 270, 278, 279, 304, 384
Шилина О. Ю. 384
Шиль С. Н. 122
Ширяевец А. В. 242
Шифрин Н. А. 18, 252
Шишков В. Я. 128, 291, 298
Шишмарев В. Ф. 95
Шишмарева М. А. 299
Шкапская М. М. 173, 194, 257
Шкирятов М. Ф. 311, 347
Шкловская-Корди В. Г. 166, 198
Шкловские 463
Шкловский Викт. Б. 11, 67, 72, 74, 111, 114, 166, 170, 203, 223, 256, 264, 265, 277, 278, 296, 366–368, 384, 389, 393, 394, 415, 420, 426, 428, 434, 438, 441, 454, 458, 461, 468, 469
Шкловский Вл. Б. 51
Шманкевичи В. и Б. 103, 105
Шнейдерман Э. 459
Шницлер А. 289, 291
Шойхет А. М. 306, 329, 331
Шопен Ф. 81, 462
Шостакович Д. Д. 349
Шоу Т. 157

Шпет Г. Г. 216, 402
Штейн В. 279
Штейн С. В. 308
Штейнберг А. А.
Штейнберг А. З. 33
Штейнберг Н. Н. 382
Штейнман З. Я. 327
Штемпель Н. Е. 407, 419, 437, 438, 443, 448, 449, 453, 454, 462
Штернберг А. Я. 267
Штраус Р. 28
Шуберт Ф. П. 124, 125, 426
Шумихин С. В. 12, 259, 321, 359
Шумяцкий Б. З. 279
Шура *см.* Мандельштам А. Э.
Шурик *см.* Новинский А. А.
Шюзевиль Ж. 271

Щеголев П. Е. 67, 277
Щедрин *см.* Салтыков-Щедрин М. Е.
Щербаков А. С. 428, 429, 435
Щербина Ф. А. 64, 415

Эйгес И. Р. 295
Эйхенбаум Б. М. 9, 73, 86, 96, 112–114, 176, 186, 187, 258, 271, 282, 294, 296, 324, 327, 371, 374, 375, 378, 427
Эйхенбаум О. Б. 9
Эйшискина Н. М. 279
Энгельс 157
Энгельс Ф. 399
Эрберг К. 72
Эрдман Н. Р.
Эренбург И. Г. 14, 15, 17, 46, 54, 129, 130, 139, 140, 143, 148, 149, 153, 157, 159, 160, 161, 173, 178, 185, 186, 194, 195, 205, 211, 226, 232, 236, 239, 269, 275, 279, 292, 293, 294, 302, 370, 406, 409, 461, 470, 471
Эренбург (Козинцева) Л. М. 153, 160, 161, 178, 179
Эрлих В. И. 257, 327
Эрман А. 271, 299
Эсхил 74
Эфрон А. С. 196
Эфрон *см.* Трупчинская А. Я.
Эфрон В. Я. 100, 109
Эфрон Е. Я. 103, 105, 106
Эфрон Н. Г. 423
Эфрон С. Я. 99, 100, 103, 106, 108, 109, 122, 148, 152
Эфрон (сестры) 100
Эфрос А. М. 120, 121, 191, 205, 235, 246, 248, 323, 327, 388, 393
Эфрос Н. Д. 120
Эфросы 120

Юдин П. Ф. 411, 412
Юдина М. В. 411
Юзовский И. И. 370
Юнгер В. А. 77, 104, 141
Юр. 237
Юр. *см.* Юркун Ю.
Юра *см.* Каменев Ю. Л.
Юренева В. Л. 140
Юрий Николаевич *см.* Тынянов Ю.Н.
Юркевич П. И. 110
Юркун Ю. И. 88, 169, 172, 173, 245, 246, 270

Яворский К. А. 466
Ягода Г. Г. 406, 413
Ядвига *см.* Соммер Я. И.
Языков Н. М. 365–357, 392
Якобсон Л. 339
Якобсон Р. О. 229, 233
Яков Александрович 162
Яковлев 331
Яковлева Н. 19
Яковлева-Ямпольская М. Н. 221
Якубинский Л. П. 113
Якубович-Мельшин П. Ф. 34
Якубский Б. В. 270, 316
Якулов Г. Б. 201
Яловая Н. 338, 339
Ямпольская (Яковлева-Ямпольская) М. Н. 221
Ямпольский И. Г. 376
Ярославский Е. М. 259
Ярхо Б. И. 316, 323, 331
Ярцева М. В. 447
Ясинская З. И. 345
Яхонтов В. Н. 9, 282, 297, 351, 358, 361, 392, 413, 415–417, 451, 453, 456
Яшвили П. 159, 184

Anrep *см.* Анреп Б. В. фон
Astico 258
Berelowitch A. 385
Brown Cl. 33
Cohen R. *см.* Когэн Р.
Coudenys W. 18
Faolain *см.* О'Фаолейн Ш.
Galis A. *см.* Галис А.
Hellman B. 34
Jaworski K. *см.* Яворский К.
Kułakowski S. *см.* Кулаковский С. Ю.
Litotes 74, 76, 96, 100, 103
Łobodowski J. *см.* Лободовский Ю.
Lunel A. 292
Machard A. 292
Małaniuk Evg. *см.* Маланюк Е.
Parnicki T. *см.* Парницкий Т.
Pary J. 345
Pergaud L. *см.* Перго Л.
Pesonen P. 374
Pollak S. *см.* Поллак С.
Saint-Ogan L. *см.* Сэнт-Оган Л.
Serge V. *см.* Кибальчич В. Л.
Słobodnik W. *см.* Слободник В.
Strobl K. H. 255
Thiess F. 293
Vigens 83
Wardęski. H. *см.* Варденский Г.
Zawodziński K. W. *см.* Заводзинский К. В.

Содержание

От составителей 7
Список сокращений 10

ЛЕТОПИСЬ
жизни и творчества О. Э. Мандельштама

1891 21
1892 21
1894 21
1897 21
1898 22
1899 22
1900 22
1901 22
1902 22
1903 23
1904 23
1905 23
1906 25
1907 25
1908 28
1909 29
1910 33
1911 36
1912 44
1913 53
1914 72
1915 85
1916 98
1917 118
1918 124
1919 137
1920 150
1921 173
1922 189
1923 222
1924 241
1925 257

1926 276
1927 292
1928 301
1929 317
1930 340
1931 349
1932 362
1933 374
1934 390
1935 412
1936 428
1937 440
1938 462

Указатель произведений О. Мандельштама 472
Указатель имен 484

Научное издание

ЛЕТОПИСЬ
жизни и творчества
О. Э. Мандельштама

Составитель ***Г. Мец***
при участии *С. В. Василенко, Л. М. Видгофа*
Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой, П. Мицнера

Издание второе, исправленное и дополненное

Издательство TSQ,
University of Toronto

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Подписано в печать 24.10.2016. Формат 6" x 9". Усл. печ. л. 35,55.

Отпечатано в типографии lulu.com

THE DEPARTMENT OF SLAVIC
LANGUAGES AND LITERATURES
AT UNIVERSITY OF TORONTO

ISBN 978-1-365-42279-9
90000
9 781365 422799